
3 1761 04493 6094

UNIVERSITY OF TORONTO
VELUT ARBOR ÆVO

САНЪ-СТЕФАНО

ЗАПИСКИ

графа Н. П. ИГНАТЬЕВА

СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ

А. А. БАШМАКОВА и К. А. ГУБАСТОВА

ПЕТРОГРАДЪ
1916

Петроградъ, дозволено военной цензурой 20 іюня 1915 г.

 Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время". Эртелевъ, 13

ПРЕДИСЛОВІЕ[1].

Дипломатическая исторія освободительной войны 1877—1878 годовъ еще не освѣщена въ достаточной мѣрѣ. Она вся заключается пока въ отдѣльныхъ эпизодахъ, въ матеріалахъ безъ общей сводки и въ фактахъ, ждущихъ еще подведенія идейныхъ итоговъ съ точки зрѣнія историка и принципіальнаго построенія задачъ нашей политики.

Значительный вкладъ въ разработку этой эпохи даетъ намъ теперь появленіе той части записокъ покойнаго графа Н. П. Игнатьева, которая относится къ подготовкѣ и осуществленію главнаго и наиболѣе свѣтлаго творенія этого замѣчательнаго дѣятеля—Санъ-Стефанскаго мирнаго между Россіею и Турціею договора отъ 19-го февраля 1878 года.

Значеніе этого государственнаго акта, которому не по винѣ Игнатьева придали нѣсколько односторонній характеръ, не вполнѣ охватывающій всю совокупность интересовъ освобожденныхъ Россіею южныхъ славянъ, тѣмъ не менѣе огромное. Завершая собою многолѣтнюю блестящую дѣятельность нашего посла въ Константинополѣ, этотъ договоръ въ возможно большей полнотѣ совмѣщаетъ въ себѣ все, что ему удалось отвоевать въ пользу нашихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ при помощи небывалой до него освѣдомленности и благодаря постоянному соприкосновенію

---

[1]) Настоящія записки снабжены примѣчаніями: самого автора графа Н. П. Игнатьева (авт.), А. А. Башмакова (А. Б.) и К. А. Губастова (К. Г.). Съ такими сокращенными подписями примѣчанія будутъ печататься въ теченіе всего 1915 года. Записки эти являются непосредственнымъ продолженіемъ той части записокъ графа, которая была напечатана въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за прошлый годъ (№№ 1—7).

Игнатьева съ народными взглядами пробивавшихся къ самостоятельности христіанскихъ народностей. Въ этомъ отношеніи Санъ-Стефанскій мирный договоръ въ удивительной степени соотвѣтствовалъ реальному распредѣленію народностей на Балканскомъ полуостровѣ, насколько состояніе этнографическихъ свѣдѣній того момента могло освѣтить этотъ темный вопросъ; съ рѣдкимъ государственнымъ тактомъ и чувствомъ мѣры и реальныхъ величинъ растущаго новаго міра племенныхъ соотношеній Игнатьевъ сумѣлъ изобразить и провести равновѣсіе между вполнѣ опредѣлившимися группами интересовъ, необходимость удовлетворенія коихъ настоятельно выступала на сцену исторіи, какъ слѣдствіе русскихъ побѣдъ.

Съ другой стороны, не менѣе важно значеніе этого крупнѣйшаго изъ Игнатьевскихъ твореній, если мы въ немъ не будемъ искать одно только наслѣдіе прошлаго, но зададимся цѣлью прослѣдить его связь съ послѣдующими за нимъ событіями.

По винѣ такихъ непреодолимыхъ силъ, крѣпко свившихъ свои гнѣзда въ высшихъ сферахъ русской государственности того времени, въ особенности въ дипломатіи,—такихъ силъ, которыя всегда относились враждебно къ Игнатьеву и которымъ удалось устранить его отъ государственной дѣятельности за послѣднія тридцать лѣтъ его жизни, Санъ-Стефанскому договору было придано совершенно неподобающее значеніе одного лишь «предварительнаго мира», какъ бы предисловія къ Берлинскому договору, въ коемъ восторжествовало враждебное намъ всесильное (въ то время) вліяніе германизма. Всѣ попытки Игнатьева въ закулисной работѣ дипломатіи къ тому, чтобы избавить Россію отъ горечи той чаши, которую намъ поднесли въ Берлинѣ, были систематически отбиваемы въ самой столицѣ Русскаго государства такими вліяніями, которыя были сильнѣе творца Санъ-Стефанскаго мира. При такихъ условіяхъ позоръ Россіи предстоялъ неизбѣжный. Онъ выраженъ былъ необыкновенно выпукло въ пламенной рѣчи И. С. Аксакова немедленно по полученіи въ Москвѣ роковыхъ вѣстей о томъ, что дѣлалось въ Берлинѣ, на зловѣщемъ конгрессѣ, гдѣ побѣдительница-Россія оказалась на скамьѣ подсудимыхъ. За эту незабвенную рѣчь Аксаковъ былъ удаленъ въ ссылку изъ Москвы, а «славянскій комитетъ» закрытъ былъ по соображеніямъ «высшей политики»... Но сѣмена, посѣянныя Игнатьевымъ и Аксаковымъ во

дни русскаго приниженія передъ наглымъ германизмомъ, дали урожай. Они прежде всего запали въ душу наслѣдника престола, который, ставъ русскимъ императоромъ, подъ именемъ Александра III, создалъ наиболѣе цѣльный образецъ вполнѣ «русскаго царствованія», какое только знала до того времени наша исторія. Кто знаетъ, не будь того щемящаго оскорбленія, нанесеннаго русской душѣ на Берлинскомъ конгрессѣ, вылилось ли бы царствованіе Александра III въ такую вдохновенную, народную и стильную дѣятельность, которую поэтъ А. Н. Майковъ изобразилъ въ своемъ стихотвореніи: «Къ портрету Александра III» столь вдохновеннымъ возгласомъ:

Въ томъ царская его заслуга предъ Россіей,
Что царь—онъ вѣрилъ самъ въ устои вѣковые,
На коихъ зиждется Россійская земля!..
. . . .

Современники Игнатьева далеко не единодушно почувствовали значеніе его творчества и тяжесть нанесеннаго Россіи оскорбленія; государственный идеализмъ созрѣвалъ въ русскихъ умахъ медленно и неравномѣрно; на пользу той гангрены, которая завелась, какъ ржавчина на желѣзѣ, именно въ наиболѣе вліятельныхъ верхахъ, у источниковъ власти, сознаніе этого внутренняго заѣдающаго насъ рака «великосвѣтскаго германизма» долго колебалось и отставало въ представленіяхъ нашей интеллигенціи. Тѣмъ не менѣе, какъ нерѣдко бываетъ въ историческихъ судьбахъ великихъ и жизнеспособныхъ народовъ, безсознательное пониманіе реально-необходимаго беретъ верхъ надъ невѣрными теченіями сознательныхъ ученій, навѣянныхъ книжнымъ путемъ и ведущихъ иногда къ обезличенію и обезсиленію народа въ пользу его же враговъ, внушающихъ ему это безсиліе.

Съ этой точки зрѣнія, нельзя не усмотрѣть внутренней связи и преемства между тѣми событіями, которыя столь мѣтко отразились въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ, и нынѣшними событіями 1914 года. Въ безконечно разнообразной народной эпопеѣ, происходящей сейчасъ на нашихъ глазахъ, вырисовывается одно могучее, всеохватывающее, медленно созрѣвавшее, но богатырское хотѣніе народа-исполина. Оно выражается безконечно-могучимъ гудѣніемъ: «Довольно! Подъ нѣмцемъ дольше жить мы не хотимъ!»

А развѣ не та самая мысль народа выражена была тридцать шесть лѣтъ раньше на скрижаляхъ Санъ-Стефанскаго договора? Развѣ не этотъ основной мотивъ проходитъ красною нитью черезъ многогранный разладъ графа Н. П. Игнатьева съ тѣми кругами горчаковской дипломатіи, которые хронически предавали Россію, быть можетъ, не вѣдая, что творятъ, но въ силу крѣпко установившихся противонародныхъ традицій.

Читатели «Историческаго Вѣстника» 1915 года тѣмъ легче и полнѣе провѣрятъ эти вопросы въ своемъ сознаніи, что окружающая насъ дѣйствительность и послѣднія грозныя событія даютъ намъ постоянную провѣрку вѣрности основныхъ мыслей, вдохновлявшихъ графа Игнатьева въ теченіе всей его жизни.

А. Башмаковъ.

I.

Наши мирные переговоры съ Турціею были усложнены предварительными дипломатическими промахами:

1) Стѣснительными, даже въ отношеніи военныхъ дѣйствій, переговорами съ англійскимъ правительствомъ, возлагавшимъ на насъ обязанности не затрагивать англійскихъ интересовъ, не входить въ Константинополь и не занимать Галлиполи, безъ равносильнаго предоставленія Россіи какихъ-либо выгодъ или даже обезпеченій въ будущемъ отъ англійскаго вмѣшательства въ наше мирное соглашеніе съ Турціею.

2) Заключеніемъ съ Австріею договора, неудачно, неясно редактированнаго, насъ связывавшаго, въ особенности въ отношеніи къ Сербіи и Черногоріи, стѣснительнаго для насъ какъ во время войны, такъ и въ особенности при заключеніи мира и дозволившаго Австріи извлечь для себя матеріальныя и нравственныя выгоды, несравненно большія, нежели Россія, безъ усилій и затратъ. Мы связали себя, по обычной нашей честности и изысканной добросовѣстности въ отношеніи иностранныхъ государствъ, по рукамъ и ногамъ честнымъ словомъ государя, а Австріи предоставили возможность свободно, съ свойственными ей коварствомъ и безцеремонностью, пользоваться выгодами нашихъ побѣдъ, во вредъ Россіи и для угнетенія славянъ. Замѣчательно, что содержаніе договора, заключеннаго въ январѣ 1877 года между графомъ Андраши и Новиковымъ, было, по просьбѣ графа Андраши, скрыто княземъ Горчаковымъ (въ чемъ сей послѣдній сознался мнѣ въ присутствіи государя) отъ русскаго посла въ Константинополѣ до минуты отъѣзда его въ дѣйствующую армію въ 1878 году; злосчастный договоръ этотъ, поразившій меня самымъ неожиданнымъ образомъ, былъ показанъ мнѣ лишь по повелѣнію государя, послѣ жалобы, принесенной мною лично его величеству, послѣ того, какъ я получилъ отъ генерала-адъютанта Обручева копію карты Балканскаго полуострова, которая должна была быть приложена къ договору русско-австрійскому.

Сверхъ того, мирные переговоры были затруднены, равно какъ и наши военныя операціи въ княжествахъ, неудовлетворительностью нашей конвенціи съ Румыніею, заключенной предъ войною, и непонятнымъ бездѣйствіемъ относительно румынскаго правительства князя Горчакова, проживавшаго, съ своимъ ближайшимъ совѣтникомъ и помощникомъ барономъ Жомини, шесть мѣсяцевъ въ Бухарестѣ и не позаботившагося уладить прочнымъ образомъ вопросъ о возвращеніи намъ Бессарабіи, пользуясь тѣмъ временемъ, пока румыны въ насъ еще нуждались и были въ нашихъ рукахъ, а вліянія намъ враждебныя и воздѣйствія иностранныхъ кабинетовъ могли быть нами стѣснены.

Въ совѣтѣ, созванномъ государемъ въ Порадимѣ, передъ своимъ отъѣздомъ изъ дѣйствующей арміи, было рѣшено, по моему предложенію, чтобы:

1. Главнокомандующій, снабженный полномочіемъ на заключеніе лишь перемирія, отнюдь не пріостанавливалъ военныхъ дѣйствій до принятія предварительныхъ основаній будущаго мирнаго договора, редакція которыхъ была сдѣлана, по повелѣнію его величества, въ его присутствіи, въ домѣ, имъ занятомъ, и на его собственной бумагѣ генераломъ-адъютантомъ Игнатьевымъ — примѣнительно къ тому положенію, въ которомъ находились наши войска. Этимъ и объясняется, почему было поставлено въ обязанность главнокомандующему требовать предварительной сдачи всѣхъ дунайскихъ крѣпостей: Рущука, Виддина и Силистріи, а не было оговорено о сдачѣ Шумлы и Варны. Само собою разумѣлось, что если успѣхи нашихъ войскъ дозволяли дойти до Адріанополя, то главнокомандующій сдачею дунайскихъ крѣпостей не удовольствуется, а потребуетъ сдачи и Варны, и въ особенности Шумлы, находящейся въ тылу, на нашихъ сообщеніяхъ и которая, при продолженіи военныхъ дѣйствій, неминуемо должна была бы сдаться войскамъ цесаревича, угрожавшимъ этому укрѣпленному лагерю. Вообще само собою разумѣлось, что въ условія перемирія будутъ включены всѣ тѣ требованія, которыя необходимы были для полнѣйшаго обезпеченія стратегическаго положенія арміи на Балканскомъ полуостровѣ. Безъ этого обезпеченія немыслимою казалась пріостановка побѣдоноснаго шествія нашихъ войскъ къ Царьграду.

2. Пригласить уполномоченныхъ для заключенія мира собраться въ Одессѣ, куда долженъ былъ отправиться генералъ-адъютантъ Игнатьевъ въ качествѣ второго уполномоченнаго и куда предполагалось прибыть самому князю Горчакову въ качествѣ перваго уполномоченнаго [1]. Вмѣстѣ съ тѣмъ предполага-

---

[1] Первоначально государь хотѣлъ поручить мирные переговоры исключительно гр. Игнатьеву въ Константинополѣ, но онъ доложилъ его величеству, что при питаемой къ нему ревности канцлера и желаніи его утвердить своею подписью будущій договоръ было бы практичнѣе и цѣлесообразнѣе предпочесть Одессу Константино-

лось, согласно предложенію Игнатьева, въ случаѣ желанія европейскихъ державъ вмѣшаться въ наши переговоры съ Турціей, предложить кабинетамъ возобновить въ Одессѣ или въ Константинополѣ конференцію, созванную по почину Англіи прошлою осенью, для разрѣшенія восточнаго вопроса. Тогдашняя константинопольская конференція была бы такимъ образомъ продолжена или возобновлена, начавъ свои занятія на основаніи выгодныхъ для Россіи предложеній, сдѣланныхъ европейскими правительствами Портѣ и ею отвергнутыхъ. Такой ходъ дѣла представлялъ бы намъ несравненно большія выгоды, нежели созывъ конгресса, и не позволилъ бы Австріи, а въ особенности Англіи, принять то враждебное нашимъ видамъ положеніе, которое такъ неблагопріятно повліяло на окончательный результатъ войны.

Полученныя въ первыхъ числахъ января въ Петроградъ извѣстія о блистательныхъ побѣдахъ нашихъ войскъ и о взятіи Адріанополя и свѣдѣнія, доставленныя изъ Лондона графомъ Шуваловымъ, заставлявшія опасаться вмѣшательства Англіи, измѣнили, къ сожалѣнію, воззрѣнія государя императора. Наступленіе нашихъ войскъ къ Константинополю, вопреки первоначальнымъ видамъ императорскаго правительства, казалось возможнымъ, и, по предложенію князя Горчакова, желавшаго по установленіи непосредственными переговорами съ Турціею основаній мирнаго договора достигнуть, въ согласіи съ Европою, мирнаго разрѣшенія восточнаго вопроса, рѣшено было, въ совѣщаніи между государемъ, военнымъ министромъ и канцлеромъ, отправить меня не въ Константинополь, какъ я настаивалъ, и не въ Одессу, а въ главную квартиру, черезъ Бухарестъ. Но при этомъ, вслѣдствіе моихъ замѣчаній на этомъ совѣщаніи, не было и рѣчи объ остановкѣ нашихъ войскъ на пути къ Царьграду. Мысль государя выражена въ его телеграммѣ, отправленной къ великому князю Николаю Николаевичу 12-го января, въ восемь часовъ утра:

«Изложенныя въ трехъ твоихъ шифрованныхъ телеграммахъ 10-го января соображенія относительно дальнѣйшаго наступленія на Константинополь я одобряю. Движеніе войскъ отнюдь не должно быть останавливаемо до офиціальнаго соглашенія объ основаніяхъ мира и условіяхъ перемирія. При этомъ объяви турецкимъ уполномоченнымъ, что если въ теченіе трехъ дней со времени отправленія ими запросной телеграммы въ Константинополь не послѣдуетъ безусловнаго согласія Порты на заявленныя нами условія, то мы уже не признаемъ ихъ для себя обязательными. Въ случаѣ, если условія наши не приняты, вопросъ долженъ рѣшиться подъ стѣ-

---

ною и представляетъ возможность князю Горчакову [illegible] ній договора. Государь согласился, [illegible] при этомъ [illegible]
«Однакоже не слишкомъ добавляйтеся [illegible] Горчаковъ [illegible]

нами Константинополя. Въ разрѣшеніи поставленныхъ тобою на тотъ случай четырехъ вопросовъ, предлагаю тебѣ руководствоваться слѣдующими указаніями:

По первому. Въ случаѣ вступленія иностранныхъ флотовъ въ Босфоръ, войти въ дружественныя соглашенія [1]) съ начальниками эскадръ относительно водворенія общими силами порядка въ городѣ.

По второму. Въ случаѣ иностраннаго дессанта въ Константинополѣ избѣгать всячески столкновенія съ ними, оставивъ наши войска подъ стѣнами города [2]).

По третьему. Если сами жители Константинополя и представители другихъ державъ будутъ просить о водвореніи въ городѣ порядка и охраненіи спокойствія, констатировать этотъ фактъ и ввести наши войска [3]).

Наконецъ, по четвертому. Ни въ какомъ случаѣ не отступать отъ сдѣланнаго нами Англіи заявленія, что мы не намѣрены дѣйствовать на Галлиполи [4]). Англія, съ своей стороны, обѣщала намъ [5]) ничего не предпринимать для занятія Галлипольскаго полу-

---

[1]) Главная квартира, занимаясь политикою, всего болѣе боялась иностранцевъ и новой войны, а Петербургъ, т.-е. министерство иностранныхъ дѣлъ, вѣрилъ въ свое дѣтище la grande Europe и мечталъ объ излюбленномъ европейскомъ «концертѣ», всегда намъ вредившемъ. Странно, что теряли изъ виду враждебность англійской эскадры и предполагали, что если явятся въ Босфоръ европейскія суда, то не одни англійскія, а совмѣстно и суда другихъ державъ и что можно будетъ безъ ссоры занять Константинополь одновременно отрядами разныхъ государствъ, взаимно соперничающихъ на Балканскомъ полуостровѣ. Авт.

[2]) Я настаивалъ на томъ, чтобы было повелѣно поставить непремѣнно наши войска на высотахъ, командующихъ Босфоромъ и Константинополемъ, и занять Бѣлградскій лѣсъ и водопроводы, а ограничились указаніемъ, чтобы войска остались подъ стѣнами Константинополя. Авт.

[3]) На совѣщаніи 9-го января въ Зимнемъ дворцѣ я настаивалъ на занятіи высотъ, господствующихъ надъ Константинополемъ и Босфоромъ, указывая на вѣроятіе возникновенія безпорядковъ, столкновеній между мусульманами и христіанами и угрозъ мусульманъ по адресу европейцевъ и ихъ представителей. Я вызывался, если мнѣ дозволятъ, направиться прямо въ Константинополь моремъ и доставить случай войскамъ нашимъ войти въ столицу по просьбѣ иностранцевъ и безъ нарушенія даннаго Англіи обѣщанія. Авт.

[4]) Графъ Шуваловъ далъ это обѣщаніе лорду Дерби, не заручившись письменно ненарушимостью слова англійскаго министра, что англійская эскадра не войдетъ въ Мраморное море. Когда князь Горчаковъ, въ присутствіи государя, настаивалъ на необходимости соблюденія нами тяжелаго, по военнымъ соображеніямъ, обязательства, принятаго нашимъ посломъ въ Лондонѣ, графъ Игнатьевъ предсказалъ, что англичане насъ проведутъ, пожертвовавъ лордомъ Дерби, который выйдетъ въ отставку, заявивъ Шувалову, что онъ обязался только лично, но что кабинетъ не соглашается поддерживать его. Авт.

[5]) Не Англія и даже не письменно, а лично лордъ Дерби. Графъ же Шуваловъ, не вникнувъ въ характеръ и образъ дѣйствія англійскаго правительства, повѣрилъ на слово англійскому министерству иностранныхъ дѣлъ и представилъ свои объясненія съ Дерби, какъ важный результатъ, обязательный для Англіи. Авт.

острова [1]), а потому и мы не должны давать ей предлога къ вмѣшательству. Даже если бы какой-нибудь турецкій отрядъ находился на полуостровѣ, достаточно выдвинуть наблюдательный отрядъ на перешеекъ [2]), отнюдь не подходя къ самому городу Галлиполи [3]).

«Въ виду приближенія твоего къ Царьграду, я призналъ нужнымъ отмѣнить прежнее распоряженіе о съѣздѣ уполномоченныхъ въ Одессѣ и вмѣсто того приказалъ генералу-адъютанту графу Игнатьеву немедленно отправиться въ Адріанополь для веденія совмѣстно съ Нелидовымъ предварительныхъ переговоровъ о мирѣ при главной квартирѣ».

Александръ».

Послѣдствія доказали, что если бы движеніе отряда генерала Гурко на Галлиполи не было остановлено вслѣдствіе мнимаго обѣщанія Англіи и настояніи графа Шувалова, поддержаннаго канцлеромъ, эскадра англійская никогда не рѣшилась бы вступить въ Мраморное море, опасаясь заложенія подводныхъ минъ въ проливѣ русскими. Тогда посолъ Англіи Лаярдъ не пріобрѣлъ бы преобладающаго и столь вреднаго для насъ вліянія на Порту и самого султана и всѣ требованія наши были бы беспрекословно исполнены испуганными турками.

Выманивъ у государя одобреніе обѣщанію, данному Англіи, не занимать ни Галлиполи, ни булаирскихъ укрѣпленій, графъ Шуваловъ далъ возможность англійской эскадрѣ проникнуть до Принцевыхъ островов и фактически господствовать въ Босфорѣ.

II.

Когда, въ первый разъ, государь объявилъ мнѣ по вызовѣ меня въ Петербургъ изъ Кіева, что я долженъ ѣхать въ дѣйствующую армію, то я испрашивалъ разрѣшеніе сѣсть на пароходъ и отправиться въ Бургасъ или даже прямо въ Буюкъ-дере, смотря по положенію, занимаемому нашими войсками, чтобы оттуда войти въ связь съ главною квартирою. Когда это признано было

---

[1]) Англіи незачѣмъ было и нечѣмъ было занимать [illegible]. Но ей необходимо было увѣриться, что мы не займемъ ни Галлиполи, ни [illegible] свою эскадру въ Мраморное море безъ опасенія, что она [illegible] въ Дарданельскомъ проливѣ. Авт.

[2]) Я настаивалъ, чтобы булаирскія линіи были [illegible] нашими войсками [illegible] Горчаковъ [illegible] согласившися [illegible] нашаго отряда. Авт.

[3]) [illegible]

слишкомъ рискованнымъ, то я предложилъ проѣхать черезъ Измаилъ и расположеніе нашихъ войскъ, минуя Бухарестъ, доказывая, что если съ румынами канцлеръ не условился относительно Бессарабіи въ теченіе шести мѣсяцевъ своего пребыванія въ Бухарестѣ, то теперь едва ли скоро можно съ ними сговориться, тѣмъ болѣе, что они, можетъ быть, уже натравлены на насъ Англіею и Австріею для созданія намъ затрудненій, и въ такомъ случаѣ переговоры въ Бухарестѣ затянутся и меня задержатъ.

Первоначально канцлеръ предлагалъ поручить мнѣ ограничиться подписаніемъ съ турецкимъ уполномоченнымъ лишь протокола, заключающаго основанія будущаго договора и уступки намъ, на которыя вынуждена будетъ Порта. Но на это я возразилъ, что посылать для сего особаго уполномоченнаго въ дѣйствующую армію не стоитъ и что протоколъ войны и расходовъ нашихъ не прекратитъ, ибо послѣ протоколовъ константинопольскихъ, подписанныхъ всѣми представителями европейскихъ государствъ, новый протоколъ русско-турецкій будетъ служить лишь въ видѣ дополненія, связывающаго лишь развѣ дѣйствія русскихъ и турецкихъ уполномоченныхъ при будущихъ переговорахъ, безъ вліянія на окончательный результатъ конгресса, о которомъ все мечталъ князь Горчаковъ, хотя конгрессъ представлялъ много неудобствъ безъ сокращенія расходовъ, доставленія выгодъ окончательнаго умиротворенія между Россіею и Турціею и ручательства облегченія положенія Черногоріи, Сербіи и Болгаріи, которыя мы пришли освобождать. По моему мнѣнію, уже если ограничиваться заключеніемъ одного протокола, то лучше предложить просто возобновленіе константинопольской конференціи, взявъ исходнымъ пунктомъ первыя требованія, заявленныя отъ имени всей Европы Портѣ, съ добавленіемъ того, что уже добыто оружіемъ русской арміею и ея союзниками черногорцами и сербами.

Конференція, начавшись въ Константинополѣ, могла бы быть перенесена въ Одессу, воспользовавшись замѣчаніемъ кого-либо изъ европейскихъ уполномоченныхъ о неудобствѣ трактовать подъ пушками, такъ сказать, русской арміи. Въ предвидѣніи мирныхъ переговоровъ внѣ главной квартиры я предлагалъ назначить вторымъ уполномоченнымъ вмѣсто Нелидова, который долженъ былъ находиться безотлучно при главнокомандующемъ, въ качествѣ начальника его походной дипломатической канцеляріи, Влангали [1], бывшаго въ шестидесятыхъ годахъ генеральнымъ консуломъ въ Сербіи и знакомаго съ восточнымъ вопросомъ. 10-го января было рѣшено между государемъ, канцлеромъ и военнымъ мини-

[1] Влангали, Александръ Егоровичъ, родился въ Константинополѣ въ 1817 году, умеръ 1-го апрѣля 1908 года. Товарищъ министра (при Н. К. Гирсѣ), посолъ въ Римѣ и членъ Государственнаго Совѣта. К. Г.

стромъ, что съ турками будетъ заключенъ предварительный (прелиминарный миръ), который весьма легко, по мнѣнію князя Горчакова, увѣрявшаго, что онъ вполнѣ можетъ разсчитывать на содѣйствіе не только князя Бисмарка, но и графа Андраши, будетъ закрѣпленъ европейскимъ согласіемъ въ конференціи первыхъ министровъ, созванной въ Баденъ-Баденѣ или даже въ Петербургѣ. Для заключенія этого договора, вопреки моему мнѣнію и моимъ представленіямъ, рѣшено было командировать меня въ главную квартиру, направивъ кружнымъ путемъ на Бухарестъ. Всѣ замѣчанія мои противъ остановки въ румынской столицѣ (я предпочиталъ проѣхать чрезъ Измаилъ, не заѣзжая въ Бухарестъ, чтобы снабдить консула нашего указаніями, какъ воздѣйствовать на населеніе (русское и болгарское преимущественно) для вынужденія согласія румынскаго правительства на добровольное возсоединеніе съ Россіею отошедшей по Парижскому договору части Бессарабіи) были отвергнуты княземъ Горчаковымъ, который замѣтилъ, что передача мною собственноручнаго письма государя о присоединеніи Бессарабіи est une affaire de pure courtoisie - формальность, обязательная относительно союзника передъ началомъ мирныхъ переговоровъ съ Турціею. Эти переговоры съ румынскими министрами не могутъ задержать посланнаго въ пути къ Адріанополю болѣе, чѣмъ дня на два, ибо министры уже подготовлены имъ, княземъ Горчаковымъ, къ уступкѣ намъ Бессарабіи и знаютъ, что она неизбѣжна, и потому достаточно будетъ, если я обмѣняюсь съ ними мыслями о территоріальномъ вознагражденіи, слѣдуемомъ румынамъ за эту территоріальную уступку Россіи, съ тѣмъ, чтобы уже en connaissance de cause выговорить надлежащее условіе въ договорѣ, имѣющемъ быть заключеннымъ съ турками.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, 10-го поздно вечеромъ я получилъ приказаніе представить государю проектъ будущаго договора. 11-го января утромъ я получилъ собственноручную записку канцлера, съ приказаніемъ представить этотъ проектъ на разсмотрѣніе совѣта, подъ предсѣдательствомъ государя. «L'Empereur ordonne,—писалъ князь Горчаковъ,—que vous vous trouviez demain jeudi à 11 1/2 au palais d'hiver. C'est la conférence. Apporter y votre mémoire».

Мнѣ сообщены были копіи телеграммъ, которыми государь и султанъ обмѣнялись въ первыхъ числахъ января.

Телеграмма султана, отправленная въ воскресенье 1-го января, въ 3 часа 45 минутъ по полудни, гласила слѣдующее:

«A Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies. En déplorant profondément les circonstances malheureuses qui ont amené cette guerre désolante entre les deux Empires, appelés à vivre toujours en bonne harmonie, et désirant ardemment voir cesser au [illegible] plus tôt une effusion de sang inutile, qui répugne également au coeur compatissant et aux sentiments généreux d'humanité bien connus

de Votre Majesté Impériale, je viens de nommer, conformément à l'entente établie entre mon Gouvernement et Son Altesse Impériale le Grand Duc Nicolas, Server Pacha, mon Ministre des Affaires Etrangères, et Namik Pacha, Grand Dignitaire de l'Empire, en qualité de plénipotentiaires, chargés d'arrêter avec Son Altesse Impériale le Grand Duc les bases de la paix et les principes de l'armistice Les plénipotentiaires partiront après demain, mardi 3 (15) Janvier, pour Kazanlik. J'espère que Votre Majesté Impériale voudra bien, en attendant la conclusion de ces négociations, donner des ordres nécessaires pour la cessation des hostilités sur tout le théâtre de la guerre. Abdul Hamid».

(Его величеству императору всероссійскому. Глубоко скорбя о несчастныхъ обстоятельствахъ, которыя вызвали эту прискорбную войну между двумя имперіями, призванными жить всегда въ добромъ согласіи, и горячо желая, чтобы хотя минутой раньше прекратилось безполезное кровопролитіе, несовмѣстимое съ сострадательнымъ сердцемъ и хорошо извѣстными благородными и гуманными чувствами вашего императорскаго величества, я, по состоявшемуся соглашенію между моимъ правительствомъ и его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ, назначилъ моего министра иностранныхъ дѣлъ Серверъ-пашу и великаго сановника имперіи Намикъ-пашу уполномоченными, которымъ поручено установить вмѣстѣ съ его императорскимъ высочествомъ основанія для заключенія мира и условія перемирія. Уполномоченные выѣдутъ въ Казанлыкъ послѣзавтра, во вторникъ 3-го (15-го) января. Я надѣюсь, что вашему императорскому величеству благоугодно будетъ, въ ожиданіи окончанія переговоровъ, сдѣлать необходимыя распоряженія о прекращеніи враждебныхъ дѣйствій на всемъ театрѣ войны. Абдулъ-Гамидъ).

Телеграмма эта была получена 2-го января, въ 7 часовъ 35 минутъ пополудни. Его величество собственноручно надписалъ на этой телеграммѣ, посылая ее канцлеру: «Voilà une surprise qui prouve que les Turcs doivent être aux abois. Dans tous les cas il faudra bien combiner le réponse à faire». (Вотъ неожиданность, которая доказываетъ, что турки, должно быть, дошли до крайности. Во всякомъ случаѣ надо хорошенько составить отвѣтъ), а въ концѣ телеграммы государь добавилъ: «Il faut absolument nous en tenir à ce qui était dans les instructions, envoyées à mes frères». (Нужно непремѣнно настаивать на томъ, что было сказано въ инструкціяхъ, посланныхъ моимъ братьямъ), т. е. его величество повелѣвалъ не отступать отъ того образа дѣйствій, который былъ установленъ въ Порадимѣ и затѣмъ въ Петербургѣ, по моему представленію, поддержанному военнымъ министромъ: итти впередъ и не останавливать наступательнаго дѣйствія войскъ, пока всѣ требованія наши не будутъ безусловно приняты Портою.

Государь отвѣтилъ султану на телеграмму на другой день слѣдующее:

«Ayant reçu hier soir le télégramme de Votre Majesté daté de dimanche, je puis l'assurer que personne plus que moi ne désire la cessation de l'effusion de sang et le rétablissement d'une paix solide et durable entre nos deux Empires. Votre Majesté a ainsi parfaitement pressenti mes dispositions personnelles et je me félicite de la voir entrer dans la seule voie qui puisse amener un résultat satisfaisant. Mes frères, les Commandants en Chef de mes armées en Europe et en Asie, sont munis de pleins-pouvoirs et d'instructions suffisantes pour arrêter promptement les conditions de l'armistice avec les plénipotentiaires ottomans, si ces derniers se rendent exactement compte de la véritable situation et des sacrifices que la Russe a dû s'imposer. Votre Majesté comprendra qu'avant de savoir si les bases nécessaires seront irrévocablement acceptées par le Gouvernement Ottoman, il m'est impossible de priver mon armée des conséquences de ses dernières opérations en la paralysant prématurément et cela au moment même, où les cuirassés Ottomans commettent des dégâts en Crimée, en bombardant des villes ouvertes comme Eupatorie, Théodosie et Anapa. Croyez, Sire, que j'appelle de tous mes voeux la possibilité de concilier mes devoirs de souverain avec les aspirations de mon coeur, en faisant cesser patout les hostilités et en concluant la paix. Il dépend de Vos plénipotentiaires d'en hâter le moment».

(Получивъ вчера вечеромъ телеграмму вашего величества, посланную въ воскресенье, я могу васъ увѣрить, что никто болѣе не желаетъ прекращенія кровопролитія и возстановленія прочнаго и продолжительнаго мира между нашими двумя имперіями, какъ я. Ваше величество, такимъ образомъ, совершенно вѣрно предугадали мои личныя желанія, и я поздравляю себя съ тѣмъ, что вы вступили на единственный путь, который можетъ привести къ удовлетворительному результату. Мои братья, главнокомандующіе въ Европѣ и въ Азіи, имѣютъ полномочія и инструкціи, достаточныя, чтобы быстро установить условія перемирія вмѣстѣ съ оттоманскими уполномоченными, если они отдаютъ себѣ точный отчетъ въ истинномъ положеніи дѣлъ и въ тѣхъ жертвахъ, которыя должна была принести Россія. Ваше величество извольте понять, что прежде, чѣмъ станетъ извѣстно, приметъ ли безспорно оттоманское правительство необходимыя для переговоровъ основанія, я не имѣю возможности лишить мою армію результатовъ послѣднихъ операцій, преждевременно парализовавъ ее въ то самое время, когда оттоманскіе броненосцы совершаютъ опустошенія въ Крыму, бомбардируя неукрѣпленные города въ родѣ Евпаторіи, Ѳеодосіи и Анапы. Будьте увѣрены, государь, что я всѣми силами призываю возможность примирить [illegible]

Государя съ желаніями моего сердца, остановивъ повсюду враждебныя дѣйствія и заключивъ миръ. Отъ вашихъ уполномоченныхъ зависитъ ускорить наступленіе этого момента).

10-го января, прежде, нежели составить окончательно проектъ договора, я подалъ записку князю Горчакову на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: Questions à résoudre, чтобы установить главнѣйшія основанія для предстоящихъ дипломатическихъ дѣйствій.

1) Ne pourrait on pas demander aux Turcs la remise préalable de Schoumla, comme garantie matérielle de leurs dispositions politiques?

2) Le Monténégro devra conclure avec les Turcs une convention (militaire) d'armistice et établir une ligne de démarcation, en entrant ainsi en pourparlers séparés avec la Porte. Nous pourrons traiter pour la Serbie et la Roumanie jusqu'au moment de leur reconnaissance comme Etats indépendants: depuis ce moment ils voudront participer directement aux négociations.

3) Est-ce un traité ou simplement des préliminaires de paix qu'il faudra conclure? Comme il nous est difficile de nous passer de l'assentiment des Puissances pour modifier les traités de 1856 et 1871, ne serait-il pas préférable de réserver uniquement à l'examen des Puissances les articles qui se rapportent explicitement et directement aux stipulations des traités de 1856 et 1871. On aurait pu rédiger simultanément avec la signature des traités avec la Porte, un protocole spécial réservant l'approbation des Puissances aux articles qui seraient énumérés et spécialement indiqués [1]).

4) Quelle garantie offrirons nous à la Roumanie pour assurer son avenir, si nous voulons nous mettre d'accord avec elle pour écarter sa neutralité, garantie par des Grandes Puissances [2]).

5) Les Ministres Roumains ayant signalé qu'ils se proposaient de demander des dédommagements pour les dégâts et les frais imposés à la Roumanie, que pourions nous leur offrir?

6) Devrons nous conclure avec les Roumains une convention d'alliance défensive [3]), en nous réservant le droit de passage le cas

---

[1]) Остается жалѣть, что князь Горчаковъ не принялъ мысли Игнатьева и не избѣгнулъ такимъ образомъ того, что русскій посолъ стремился предупредить: вмѣсто нѣсколькихъ только отдѣльныхъ статей, которыя подлежали европейскому разсмотрѣнію, мы представили на утвержденіе нашихъ противниковъ весь трактатъ, заключенный съ султаномъ лично и государемъ нашимъ ратификованный. Авт.

[2]) Впослѣдствіи оказывалось, что Игнатьевъ предвидѣлъ затрудненія съ Румыніей и то ложное положеніе, въ которое Россія и сама Румынія будутъ поставлены. Онъ желалъ предупредить затрудненія предварительнымъ заключеніемъ союза съ Румыніею. Авт.

[3]) Союзный договоръ съ Румыніею могъ быть только оборонительнымъ, чтобы не возбудить опасеній и протеста Австро-Венгріи, за которою мы тогда въ сущности ухаживали. Но Игнатьевъ предвидѣлъ, что Россія захочетъ отрѣзать отъ Сербіи

spécial où Sa Majesté l'Empereur serait obligé de prendre en main la défense de la cause chrétienne dans la presqu'île des Balkans? La cession du delta du Danube à la Roumanie sera-t-elle directe ou indirecte?

7) L'augmentation territoriale de la Serbie doit-elle être restreinte ou bien telle qu'elle avait été dans nos projets avant et pendant les négociations avec l'Autriche-Hongrie [1]).

8) En traçant la frontière septentrionale future du Monténégro devons-nous en conséquence de nos arrangements avec l'Autriche-Hongrie [2]) exclure Nevesinje et Stolatz berceaux de l'insurrection Herzégowinienne du territoire Monténégrin?

9) La surveillance des réformes en Bosnie et Herzégowine sera-t-elle dévolue à une Commission Européenne ou bien à un Commissaire Austro-Hongrois?

10) Comment devra être rédigé l'article 4 du projet que je prépare (Bosnie et Herzégowine) si l'Austro-Hongrie voulait procéder à l'occupation de ces provinces. Si l'Austro-Hongrie visait à s'annexer ces deux provinces, les annexions, que nous accordons au Monténégro et à la Serbie ne répondraient plus aux prévisions qui avaient en vue la dissolution éventuelle de l'Empire Ottoman. Il faudrait y aviser [3]).

11) Faut-il englober Salonique et Andrinople dans la Bulgarie?

12) La position de notre Commissaire en Bulgarie et ses pouvoirs devraient être déterminés d'une manière explicite, afin de prévenir des malentendus qui peuvent amener des complications immédiatement après la conclusion de la paix.

---

1) [illegible] увеличены угрожающимъ для Австро-Венгріи образомъ, князь Горчаковъ склонялся [illegible] тельности. Авт.

2) [illegible] черногорцевъ и изъ-за которой загорѣлась война. Авт.

3) [illegible]

[illegible]

13) La durée de l'occupation doit-elle être fixée, ainsi que cela est mentionné dans le projet des préliminaires? Faut-il se taire sur l'immixtion des Commissaires Européens jusqu'à ce que les Cabinets ne réclament leur coopérations[1]) ou bien dire qu'à l'expiration de la première année, après l'introduction du nouveau régime, les Commissaires Européens pourront participer avec le nôtre, si une entente à ce sujet s'établissait entre les Cabinets?

14) Devons nous réclamer le rasement des forteresses de Silistrie et de Widdin? Devons nous réclamer la même chose à l'égard de Varna et de Schoumla, ou bien passer ces forteresses sous silence?

15) Devons nous nous borner à demander l'amélioration de l'ancien règlement pour la Crète, ou son autonomie, ou bien l'annexion de l'île au Royaume Hellénique?

[1) Нельзя ли будетъ потребовать отъ турокъ предварительной передачи Шумлы, какъ матеріальной гарантіи ихъ политическихъ намѣреній?

2) Черногорія должна будетъ заключить съ турками (военную) конвенцію о перемиріи и провести демаркаціонную линію, войдя, такимъ образомъ, въ отдѣльные переговоры съ Портой. Мы можемъ договариваться за Сербію и Румынію до того момента, когда онѣ будутъ признаны, какъ независимыя государства. Съ того времени онѣ благоволятъ принять участіе въ переговорахъ непосредственно.

3) Нужно ли заключить трактатъ, или только предварительныя условія мира? Такъ какъ намъ трудно обойтись безъ согласія державъ при измѣненіи трактатовъ 1856 и 1871 годовъ, то не предпочтительнѣе ли предоставить разсмотрѣнію державъ лишь тѣ статьи, которыя явно и прямо относятся къ условіямъ трактатовъ 1856 и 1871 годовъ. Одновременно съ подписаніемъ договоровъ съ Портой можно было бы составить особый протоколъ, въ которомъ содержалось бы одобреніе державами статей, которыя будутъ перечислены и особо указаны.

4) Какія гарантіи предложимъ мы Румыніи, которыя обезпечивали бы ея будущность, если мы хотимъ столковаться съ нею на предметъ устраненія нейтралитета, гарантированнаго державами?

5) Что можемъ мы предложить румынскимъ министрамъ, если они заявятъ, что они намѣрены просить о вознагражденіи убытковъ за опустошенія и военныя издержки Румыніи?

6) Должны ли будемъ заключить съ румынами договоръ объ оборонительномъ союзѣ, оставивъ за собой право прохода въ томъ случаѣ, если государь императоръ будетъ вынужденъ взять въ свои

[1]) Игнатьевъ былъ этого мнѣнія, не желая дѣлать уступокъ европейцамъ прежде чѣмъ они сами заявятъ свои требованія. Авт.

руки защиту христіанъ на Балканскомъ полуостровѣ? Будетъ ли уступка устья Дуная Румыніи прямой или непрямой?

7) Должно ли быть сокращено территоріальное увеличеніе Сербіи, или оно должно быть такимъ, какимъ оно было въ нашихъ проектахъ до и во время переговоровъ съ Австро-Венгріей?

8) При обозначеніи будущей сѣверной границы Черногоріи должны ли мы, вслѣдствіе нашихъ соглашеній съ Австро-Венгріей, включить Невесинье и Столацъ, колыбель герцеговинскаго возстанія, въ территорію Черногоріи?

9) Будетъ ли поручено наблюденіе за реформами въ Босніи и Герцеговинѣ европейской комиссіи, или же австро-венгерскому комиссару?

10) Какъ должна быть редактирована ст. 4 изготовляемаго мною проекта (Боснія и Герцеговина), если бы Австрія-Венгрія пожелала приступить къ оккупаціи этихъ провинцій? Если Австро-Венгрія имѣетъ въ виду аннексировать эти обѣ провинціи, то не будутъ ли доли, даваемыя нами Черногоріи и Сербіи, болѣе соотвѣтствовать предположеніямъ, которыя имѣлись въ виду возможнаго распаденія Турецкой имперіи? Объ этомъ надо подумать.

11) Слѣдуетъ ли включить въ составъ Болгаріи Салоники и Адріанополь.

12) Положеніе и права нашего комиссара въ Болгаріи должны быть ясно опредѣлены, чтобы предотвратить недоразумѣнія, которыя могутъ вызвать осложненія сейчасъ же по заключеніи мира.

13) Слѣдуетъ ли опредѣлить продолжительность оккупаціи, какъ объ этомъ говорится въ проектѣ предварительныхъ переговоровъ? Слѣдуетъ ли молчать о привлеченіи къ дѣлу европейскихъ комиссаровъ до тѣхъ поръ, пока кабинеты не потребуютъ ихъ содѣйствія, или же сказать, что по истеченіи перваго года послѣ введенія новаго режима европейскіе комиссары могутъ участвовать вмѣстѣ съ нашимъ, если на этотъ счетъ установится соглашеніе между кабинетами?

14) Должны ли мы требовать срытія крѣпостей Силистріи и Виддина? Должны ли мы требовать того же относительно Варны и Шумлы, или обойти эти крѣпости молчаніемъ?

15) Должны ли мы ограничиться только требованіемъ улучшенія прежняго управленія Критомъ, или требовать его автономіи или же присоединенія этого острова къ Греческому королевству?].

Изъ этой записки видно, что я предвидѣлъ тѣ новыя затрудненія, которыя могутъ возникнуть при и послѣ заключенія договора съ Портою, и заботился не только объ интересахъ болгаръ, но желалъ обезпечить русскіе интересы въ Румыніи и на Балканскомъ полуостровѣ, доставивъ удовлетвореніе румынамъ и отчасти грекамъ (на островѣ Критѣ) и достаточное увеличеніе Черногоріи и Сербіи, чтобы затруднить Австро-Венгріи принятіе того положе-

нія, которое она захватила послѣ Берлинскаго конгресса. Канцлеръ ограничился четырьмя краткими отвѣтами и нѣкоторыми указаніями для составленія проекта договора съ Портою, не обративъ достаточнаго вниманія на возбужденные мною вопросы и отдѣлывался обѣщаніемъ, что надлежащія инструкціи будутъ даны имъ русскимъ уполномоченнымъ, сообразно обстоятельствамъ, когда начнутся мирные переговоры.

Излагая канцлеру свое мнѣніе о предстоящемъ порученіи, я выразилъ предположеніе, что главная квартира будетъ недовольна моимъ прибытіемъ и станетъ всячески интриговать, чтобы разстроить прежнія хорошія мои отношенія (товарищескія, какъ выражался великій князь) съ главнокомандующимъ и парализовать мое вліяніе на ходъ событій. Предвидя, что, какъ военный, я буду, несмотря на званіе уполномоченнаго, въ зависимости отъ главнокомандующаго и въ фальшивомъ положеніи, какъ дипломатъ, я старался достигнуть разрѣшенія перенести переговоры, если не въ самый Константинополь, то въ Одессу или Севастополь, и заявилъ слѣдующее мнѣніе о вѣроятномъ ходѣ дѣлъ, если переговоры будетъ ведены при главной квартирѣ: «Случится одно изъ двухъ: или турецкіе уполномоченные примутъ всѣ наши требованія, тогда успѣхъ обезпеченъ; или же они отвергнутъ наши предложенія, тогда намъ слѣдуетъ продолжать безостановочно итти впередъ самымъ рѣшительнымъ образомъ и подписать договоръ лишь на высотахъ, господствующихъ надъ Босфоромъ и Царьградомъ. Когда наши войска подойдутъ къ самому городу,—случится одно изъ двухъ: или турки искренно пожелаютъ мира и вступятъ въ переговоры, или же возникнутъ въ Стамбулѣ безпорядки, султанъ можетъ уѣхать въ Бруссу, но можетъ быть и низложенъ (по примѣру Абдулъ-Азиса). Если провозглашенъ будетъ новый султанъ, надо будетъ съ нимъ вступить въ сношенія и заключить миръ, тѣмъ болѣе, что и Мурадъ (племянникъ Абдулъ-Азиса, низвергнутый султанъ) и Изеддинъ (сынъ Абдулъ-Азиса)[1]) были и прежде со мною въ лич-

---

[1]) Мурадъ вступилъ въ тайныя сношенія со мною еще въ 1867 году, имѣлъ со мною свиданія въ разныхъ мѣстахъ и писалъ мнѣ письма (по-французски), которыя сохраняются у меня. Онъ даже собирался одно время тайно бѣжать въ Россію чрезъ Одессу и, открывшись въ этомъ мнѣ, просилъ узнать предварительно у государя, найдетъ ли ему вѣрный пріютъ: просьба его, по высочайшему повелѣнію, была отклонена. Англичане, равно какъ и молодая панисламистская партія, низвергнувшіе Абдулъ-Азиса въ 1876 году, жестоко ошиблись въ предположеніи, что удаленіемъ султана, хорошо расположеннаго къ русскому послу, они лишили меня вліянія на дворецъ и возможности быть въ прямыхъ сношеніяхъ съ повелителемъ оттомановъ. Что касается Изеддина, то, будучи съ малолѣтства лично знакомымъ со мною и зная, до какой степени отецъ его довѣрялъ русскому послу, а остальные европейскіе представители были враждебно расположены къ Абдулъ-Азису и къ притязаніямъ его сына на наслѣдство престола, отстраненный принцъ Изеддинъ постоянно старался поддерживать сношенія со мною и при самомъ началѣ войны присылалъ мнѣ черезъ знак-

ныхъ ходахъ и тайныхъ сношеніяхъ [1]) и искали покровительства Россіи. Казалось бы, что мы могли бы извлечь изъ сего пользу, если возникнутъ безпорядки въ столицѣ. Въ случаѣ волненій въ городѣ можетъ случиться даже, что сами европейцы, для обезпеченія своей личной и имущественной безопасности, будутъ просить насъ войти въ городъ. Мы не можемъ остаться внѣ того, если европейскія военныя суда, подъ предлогомъ охраненія своихъ подданныхъ, войдутъ въ Босфоръ.

При такихъ обстоятельствахъ заключеніе прелиминарнаго договора сдѣлается невозможнымъ или безполезнымъ. Понадобится европейская конференція и всего лучше образовать ее изъ мѣстныхъ европейскихъ пословъ, какъ продолженіе конференціи, созванной передъ войною. Надо предвидѣть всѣ эти случаи и быть готовыми извлечь изъ нихъ пользу. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя терять изъ виду, что англичане желѣли бы посадить хедива египетскаго на турецкій престолъ, вознаградивъ себя занятіемъ Египта и отдѣленіемъ калифата мусульманскаго (званія калифа) отъ положенія султана турецкаго, съ заднею мыслью провозгласить одного изъ арабскихъ потомковъ Магомета, который былъ бы въ рукахъ Англіи и сдѣлался бы послушнымъ орудіемъ ея для упроченія ея вліянія въ Индіи и вліянія во всемъ мусульманскомъ мірѣ».

Касательно денежнаго вознагражденія отъ Турціи я выразилъ мысль, что при безденежьи Порты трудно будетъ добыть отъ нея достаточную сумму, а лучше всего потребовать предоставленія Россіи таможенныхъ доходовъ гор. Смирны, Салоникъ и т. п. и заключить большой заемъ въ Европѣ для покрытія нашихъ военныхъ издержекъ, подъ условіемъ включенія въ договоръ, что на Турцію и Египетъ возлагается уплата процентовъ и погашенія, причемъ Египетъ участвуетъ въ пятой части всѣхъ расходовъ, а на Турцію возлагается четыре пятыхъ этихъ денежныхъ обязательствъ. Земельныя уступки въ Арменіи, для стратегическаго улучшенія закавказскихъ границъ нашихъ, будутъ потребованы въ вознагражденіе убытковъ, нанесенныхъ турецкимъ флотомъ въ Черномъ морѣ и на черноморскомъ берегу, а также нашей промышленности и торговлѣ. Мысли эти были отвергнуты канцлеромъ, который

[illegible] 12-го апрѣля 1877 года, въ которомъ [illegible] Россія [illegible] Иззедина [illegible] Россіи [illegible] его судьба. Посланный отъ Иззедина привезъ письмо отъ него государю, которое просилъ меня вручить его величеству. [illegible] влены мнѣ въ Санъ-Стефано. Авт.

[1]) Принцъ Юсуфъ-Иззединъ, [illegible] родился въ [illegible] Въ настоящее время онъ считается [illegible] К. Г.

согласенъ былъ требовать отъ турокъ капиталъ въ триста милліоновъ рублей, который считалъ достаточнымъ для покрытія издержекъ, сдѣланныхъ до февраля 1878 года.

12-го января, въ четвергъ, собрались въ первомъ кабинетѣ государя князь Горчаковъ, военный министръ, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ Гирсъ, баронъ Жомини, статсъ-секретарь Гамбургеръ и генералъ-адъютантъ графъ Игнатьевъ.

Послѣ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ его величествомъ для опредѣленія положенія дѣлъ и объявленія принятаго имъ рѣшенія командировать въ армію Игнатьева для веденія мирныхъ переговоровъ, послѣдовалъ обмѣнъ мыслей и былъ прочтенъ мною составленный въ теченіе сутокъ проектъ договора, первоначальный набросокъ котораго былъ уже сдѣланъ во время войны мною въ Порадимѣ и тогда же сообщенъ военному министру. Набросокъ этотъ былъ, для сохраненія тайны, переписанъ рукою жены графа Игнатьева и въ домѣ ея прочитанъ его величеству. Впослѣдствіи проектъ былъ нѣсколько измѣненъ, вслѣдствіе ограниченныхъ замѣчаній канцлера, который старался умалить наши требованія, сообразно желаніямъ графа Андраши.

По первоначальному проекту графа Игнатьева:

1. Граница Черногоріи отодвигалась до соединенія рѣки Пивы съ рѣкою Тарою и до рѣки Лима къ сторонѣ Сербіи и до рѣкъ Дрина и Бояны со стороны Албаніи. Никшичъ, Невесинье, Столацъ, Гацко, Спужъ, Подгорица и Жабльякъ признавались принадлежащими Черногоріи.

2. Съ признаніемъ независимости Сербіи Порта уступала ей мѣстность по теченію рѣки Дрина, до соединенія съ рѣкою Лимомъ и по этой рѣкѣ до Пріеполья, откуда граничная черта направлялась на рѣку Мораву, ниже Лѣсковаца, черезъ Митровицу. Ада-Кале долженъ быть очищенъ и срытъ турками [1]).

3. Румыніи Порта уступала нѣкоторые острова въ дунайскомъ устьѣ, съ городомъ и портомъ Сулинскимъ.

4. Въ Босніи и Герцеговинѣ должно было быть введено немедленно устройство, предложенное европейскими представителями въ первомъ засѣданіи константинопольской конференціи; недоимки сборовъ и повинностей, накопившіеся за прошлое время, прощались жителямъ этихъ двухъ областей, а доходы до 1-го марта 1880 года предназначались исключительно на мѣстныя нужды и удовлетвореніе нуждающихся семействъ бѣженцевъ. Европейской коммиссіи, намѣченной въ проектѣ конференціи, предоставлялось опредѣлить сумму ежегодной подати, которую обѣ области должны были послѣ 1880 года вносить въ Порту чрезъ Оттоманскій банкъ.

---

[1]) Игнатьевъ [illegible] предвидѣлъ, что [illegible] касается [illegible] Ада-Кале Австро-Венгріей. Авт.

5. Болгарія, въ предѣлахъ не менѣе опредѣленныхъ конференціею для двухъ областей, соединенныхъ нынѣ въ одну, преобразована въ княжество вассальное, съ народнымъ правительствомъ и земскимъ войскомъ. Подробности касательно устройства Болгаріи, выбора князя и дѣятельности русскаго комиссара были тѣ же, что и въ окончательномъ проектѣ. Окончательныя границы княжества Болгарскаго должны быть обозначены смѣшанною комиссіею прежде нежели русскія войска очистятъ южную Болгарію, причемъ карта, подписанная уполномоченными русскими и турецкими, заключавшими мирныя условія, должна служить руководствомъ при проведеніи граничной черты.

6. Права, предоставленныя европейской комиссіи константинопольскою конференціею представителей державъ, переходили на русскаго комиссара, въ распоряженіе котораго должны были находиться оставленныя въ краѣ русскія войска, въ числѣ не менѣе пятидесяти тысячъ, до образованія достаточно надежнаго и сильнаго войска болгарскаго. Черезъ годъ послѣ выбора князя и введенія новаго устройства края и если послѣдуетъ соглашеніе между Россіею и другими европейскими державами, эти послѣднія могутъ, если найдена будетъ надобность, присоединить къ русскому комиссару въ Болгаріи своихъ представителей и образовать такимъ образомъ европейскую комиссію.

7. Русскія войска (за исключеніемъ означенныхъ выше 50 тысячъ человѣкъ) очистятъ Европейскую и Азіатскую Турцію въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ ратификаціи этого договора, причемъ имѣютъ право садиться на суда, присланныя русскимъ правительствомъ, не только въ Варнѣ и Бургасѣ, но и въ Константинополѣ и въ Буюкъ-дере.

8. Въ Эпирѣ, Өессаліи и остающихся подъ непосредственною властію Порты частяхъ Македоніи и Өракіи вводятся уставы, выработанные константинопольскою конференціею для сѣверныхъ областей, примѣняясь, разумѣется, къ мѣстнымъ потребностямъ.

9. Органическій уставъ, опредѣленный для острова Крита въ 1867 году, будетъ возстановленъ съ тѣми измѣненіями, которыхъ домогалось въ послѣднее время христіанское населеніе.

10. Такъ какъ русскіе монахи, проживающіе на Аѳонѣ, въ трехъ монастыряхъ, имъ принадлежащихъ (св. Пантелеймона, Андреевскій и Ильинскій), были, вслѣдствіе мѣстныхъ интригъ, безпокоены и притѣсняемы въ теченіе войны, то Порта обязуется возвратить имъ все утраченное и возстановить ихъ въ прежнихъ правахъ и преимуществахъ, не дозволяя ихъ впредь притѣснять, и предоставить имъ тѣ же права и преимущества, какими пользуются духовныя учрежденія и монастыри другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій въ Турціи. Вообще русское духовенство и православное монашество въ Европейской и Азіатской Турціи бу[illegible]

съ тѣми же правами и преимуществами, какъ духовенство римско-католическое и протестантское. Покровительство русскихъ паломниковъ и русскихъ духовныхъ и благотворительныхъ учрежденій въ святыхъ мѣстахъ императорскимъ посольствомъ и подчиненными ему консулами и агентами признается Портою [1].

11. Порта обязуется принять дѣйствительныя мѣры для полюбовнаго рѣшенія многочисленныхъ не оконченныхъ тяжебныхъ дѣлъ русскихъ подданныхъ въ Турціи, тщетно домогающихся уже нѣсколько лѣтъ покрытія понесенныхъ убытковъ или исполненія приговоровъ, постановленныхъ въ ихъ пользу.

12. Желая отвратить недоразумѣнія и пререканія по поводу прохода судовъ по проливамъ, соединяющимъ Черное море съ Средиземнымъ, и принять въ соображеніе исключительное положеніе Россіи, какъ прибрежнаго къ Черному морю государства, Порта, сохраняя неприкосновеннымъ традиціонный принципъ закрытія проливовъ для военныхъ флотовъ, обязуется пропускать безпрепятственно и безостановочно, по первому требованію русскаго правительства, ежегодно до десяти его военныхъ судовъ, сверхъ мелкихъ его судовъ (стаціонеровъ), обычно находящихся въ Босфорѣ, въ распоряженіи императорскаго посольства въ Константинополѣ. Означенныя военныя суда должны проходить по одиночкѣ, не останавливаясь въ Босфорѣ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, болѣе трехъ сутокъ.

13. Вынужденный прибѣгнуть къ мечу для охраны собственнаго достоинства, равно какъ для поддержанія требованій Европы, заявленныхъ въ конференціи, и обезпеченія своихъ единовѣрцевъ, его величество императоръ всероссійскій не стремится къ пріобрѣтенію особыхъ преимуществъ, которыя онъ былъ бы въ правѣ, по ходу войны и вслѣдствіе понесенныхъ жертвъ, требовать, но изъявляетъ согласіе ограничиться уплатою Портою сдѣланныхъ Россіей военныхъ издержекъ и понесенныхъ ею потерь, вынужденныхъ упрямствомъ Порты и навязанныхъ Россіи вопреки личнаго мирнаго расположенія императора. Суммы, слѣдуемыя съ Порты, состоятъ:

а) изъ 900 милліоновъ рублей серебромъ за военные расходы,

б) 400 милліоновъ рублей для покрытія разоренія и потерь, нанесенныхъ южному побережью, внѣшней торговлѣ, промышленности и желѣзнымъ дорогамъ;

в) 100 милліоновъ за убытки, причиненные Закавказью попытками турокъ проникнуть въ наши владѣнія;

---

[1] Эта статья была предложена въ виду того, что патріархами греческими въ Палестинѣ и на Аѳонѣ русскіе были зачастую притѣсняемы; права заступничества за нихъ русскихъ представителей и агентовъ оспаривались, не будучи выговорены положительно ни въ одномъ изъ нашихъ прежнихъ договоровъ, тогда какъ западныя державы могли, на основаніи прежнихъ договоровъ, стоять на стражѣ своихъ пріобрѣтенныхъ договорныхъ правъ. Авт.

і) 10 милліоновъ за протори и убытки русскимъ подданнымъ и учрежденіямъ въ Турціи.

Всего 1410 милліоновъ рублей серебромъ.

Принявъ, однакоже, во вниманіе затруднительность финансоваго положенія Турціи и въ виду желанія, заявленнаго его величествомъ султаномъ, его величество соглашается замѣнить большую часть требуемыхъ суммъ земельными уступками и слѣдующимъ образомъ, а именно:

а) часть Бессарабіи, уступленной Россіею въ 1856 году до Килійскаго и Стамбульскаго рукавовъ, причемъ Россія имѣетъ въ виду вознаградить Румынію инымъ способомъ:

б) Ардагана, Батума, Карса, Кагызмана съ прилегающею къ русской границѣ частью Лазистана и Арменіи до Саганлука. Смѣшанная русско-турецкая коммиссія опредѣлитъ на мѣстѣ подробности разграниченія;

в) Порта, не имѣя надобности во всѣхъ своихъ блиндированныхъ судахъ и для облегченія непосильныхъ расходовъ на содержаніе флота, уступаетъ Россіи шесть броненосцевъ, по выбору великаго князя Алексѣя Александровича, который прибудетъ для принятія ихъ въ Константинополь съ морскими офицерами и соотвѣтствующимъ экипажемъ.

г) на покрытіе издержекъ Россіи Порта выдаетъ Россіи на сорокъ милліоновъ оттоманскихъ лиръ облигаціи [1]), платежъ по которымъ процентовъ и погашенія будетъ обезпеченъ доходами Турецкой имперіи и въ одной пятой части — Египта. Подробности этой финансовой операціи будутъ опредѣлены смѣшанною коммисіею изъ финансистовъ и представителей Оттоманскаго банка [2]).

Къ этому договору Игнатьевъ предполагалъ присоединить слѣдующую дополнительную и секретную статью:

Если европейскія государства будутъ настаивать на открытіи проливовъ, Черное море будетъ объявлено открытымъ въ мирное

---

[1]) По справкѣ, наведенной Игнатьевымъ у министра финансовъ М. Х. Рейтерна, [illegible] вѣчалъ запискою на французскомъ языкѣ, что, полагая 7% на [illegible] и 1% на погашеніе, Турціи и Египту пришлось бы выплачивать ежегодно три милліона [illegible] и 200 тысячъ лиръ въ теченіе 30 лѣтъ 8 мѣсяцевъ и 25 дней. Авт.

[2]) Въ Европѣ были такъ увѣрены, что потребуется вмѣшательство Оттоманскаго банка и западныхъ финансистовъ для немедленной ликвидаціи долга Турціи Россіи, что генералъ-адъютантъ Игнатьевъ получилъ въ Санъ-Стефано и въ Петербургѣ [illegible] часъ по заключеніи мира, нѣсколько очень выгодныхъ для Россіи предложеній, [illegible] были имъ представлены канцлеру, но отвергнуты имъ, по совѣту [illegible] финансовъ. Желая болѣе точнымъ образомъ опредѣлить источники [illegible] Порты, Игнатьевъ предлагалъ [illegible] финансовыхъ европейскихъ интересовъ, что [illegible] лиръ будутъ [illegible] Анатоліи [illegible] Гераклійскихъ [illegible] оставляя въ распоряженіи Россіи [illegible] политическую. Авт.

время и закрытымъ при возникновеніи войны между европейскими государствами для всѣхъ военныхъ судовъ государствъ, не имѣющихъ владѣній на берегахъ Чернаго моря. Россія, имѣющая совершенно тождественные интересы съ Турціею препятствовать открытію проливовъ, съ предоставленіемъ въ то же время всевозможныхъ облегченій для коммерческихъ судовъ и вообще для торговыхъ сношеній, желаетъ, равно какъ и Турція, оградиться отъ всякихъ случайностей въ этомъ отношеніи, а потому оба правительства обязуются вступить въ соглашеніе касательно припятія совмѣстно надлежащихъ мѣръ для обезпеченія защиты проливовъ противъ всякаго иностраннаго предпріятія.

Для этой цѣли оборонительный союзъ будетъ заключенъ между императоромъ всероссійскимъ и его величествомъ султаномъ, по которому Россія обязуется, въ случаѣ надобности, поддержать султана всѣми своими сухопутными и морскими силами въ защитѣ проливовъ противъ всякой попытки иностранцевъ проникнуть въ Дарданеллы или ими овладѣть.

Канцлеръ далъ слѣдующій письменный отвѣтъ (на французскомъ языкѣ) на различные вопросы, возбужденные Игнатьевымъ еще 4-го января.

1. Перемиріе, заключенное въ главной квартирѣ дѣйствующей арміи, должно касаться всѣхъ воюющихъ, но Черногорія можетъ непосредственно договориться съ турками относительно подробностей прекращенія военныхъ дѣйствій. Въ отношеніи даже Черногоріи слѣдуетъ избѣгнуть самостоятельности непосредственныхъ переговоровъ Черногоріи съ Портою, потому что послѣдняя могла бы воспользоваться прекращеніемъ военныхъ дѣйствій на другихъ театрахъ войны, чтобы, сосредоточивъ свои силы противъ Черногоріи, на нее напасть.

Что касается участія Сербіи и Румыніи въ будущихъ переговорахъ, то этотъ вопросъ не зависитъ отъ насъ однихъ. Признаніе ихъ независимости можетъ быть выговорено только въ окончательномъ мирномъ договорѣ. А потому княжества эти не могутъ участвовать въ переговорахъ въ качествѣ независимыхъ государствъ. Все, что мы можемъ поддерживать, это -предложеніе допустить присутствіе ихъ представителей для защиты ихъ интерссовъ.

2. То, что могло бы быть заключено въ Одессѣ или Севастополѣ, не можетъ быть иное, какъ предварительныя мирныя условія.

Чтобы избѣгнуть протестовъ кабинетовъ противъ заключенія непосредственнаго мира между Россіею и Портою, надо бы подчеркнуть этотъ характеръ нашихъ переговоровъ, ограничившись заключеніемъ простого протокола, въ которомъ изложены были бы договорныя условія обѣихъ воюющихъ сторонъ. Такимъ образомъ можно бы избѣгнуть необходимости трудной оговорки относительно тѣхъ условій договора, которыя нарушаютъ status quo, установлен-

нос актомъ 1856 и 1871 г.г., и которыя могли бы [illegible] кабинетовъ [1]).

3. Мы не допускаемъ нейтрализаціи Румыніи. Она была бы противна даже интересамъ Румыніи, такъ какъ положеніе Востока останется еще надолго непрочнымъ, Россія, во всякомъ случаѣ, не потерпитъ, чтобы было воздвигнуто между нею и [illegible] препятствіе въ видѣ нейтрализованнаго государства. Мы не обязаны доставлять Румыніи гарантіи. Лучшее для нея обезпеченіе — это наша дружба, основанная на традиціяхъ, на общности нашихъ интересовъ въ отношеніи христіанскаго населенія и независимости Румыніи.

Укрѣпленія этого положенія Румынія достигнетъ, не компрометтируясь ни предъ кѣмъ, добрыми отношеніями къ намъ [2]).

4. Румыны могутъ представить во время будущихъ переговоровъ притязанія своего правительства и частныхъ людей на вознагражденіе за понесенные убытки. Все, что мы можемъ сдѣлать — это поддержать ихъ, по мѣрѣ возможности и справедливости.

5. Оборонительный союзъ, съ правомъ прохода русскихъ войскъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, черезъ Румынію — несвоевременненъ и насъ компрометируетъ. Развѣ что независимость княжества будетъ признана. Румыны свободны заключать союзы, соотвѣтствующіе обстоятельствамъ [3]).

6. Уступка дельты дунайской Румыніи должна бы быть произведена непосредственно, развѣ что Порта предпочтетъ это сдѣлать черезъ наше посредство.

7. Увеличеніе Черногоріи (къ сторонѣ Герцеговины и Сербіи) не можетъ быть опредѣлено безъ соглашенія съ Австріею. Если радикальное рѣшеніе [4]), предположенное въ переговорахъ нашихъ съ Вѣною, не состоится, намъ трудно будетъ не согласиться съ уменьшеніемъ предназначаемой для Черногоріи прибавки территоріи, если вѣнскій кабинетъ будетъ на этомъ настаивать.

8. Лучше не упоминать о [illegible] и Спиццѣ, развѣ что эти пункты не входятъ въ проектъ, одобренный Австро-Венгріею.

9. Было бы болѣе соотвѣтственно съ нашими вѣнскими переговорами предоставить надзоръ за введеніемъ реформъ въ Босніи и

---

[1]) [illegible] въ Наполеон[illegible] въ 1866 г. [illegible] Вѣнскаго договора 1815 года [illegible] Германіи можетъ быть [illegible] Европою Россіи. Авт.

[2]) [illegible] Австро-Венгріи и Англіи [illegible] Авт.

[3]) Я возражалъ, что [illegible] Россіи и будетъ способствовать [illegible] Австро-Венгріи. Авт.

[4]) То есть распаденіе Турецкой имперіи. Авт.

Порученій австро-венгерскому комиссару, развѣ что державы будутъ настаивать на смѣшанной европейской комиссіи.

10. Наши нынѣшніе переговоры съ Вѣною выяснятъ обстоятельства, касающiяся Сербіи и Черногоріи. Но само собою разумѣется, что въ случаѣ захвата Австро-Венгріею Босніи и Герцеговины [1]) максимальное увеличеніе территоріи черногорской и сербской, условленное между нами, должно быть предоставлено симъ послѣднимъ.

11. Адріанополь не можетъ быть включенъ въ Болгарію. Державы сему воспротивятся, какъ вѣчной угрозѣ Константинополю. Что касается Салоникъ, то можно попытаться включить этотъ городъ въ Болгарію, основываясь на согласіи, заявленномъ лордомъ Салисбюри на константинопольской конференціи. Въ случаѣ же сопротивленія турокъ, необходимо уступить этотъ пунктъ.

Положеніе, которое надо предоставить нашему комиссару въ Болгаріи, и опредѣленіе его полномочій должны быть соображены на мѣстѣ.

13. Желательно назначить приблизительный срокъ для пребыванія въ Болгаріи русскихъ войскъ [2]), чтобы избѣгнуть возникновенія опасенія скрытаго присоединенія Болгаріи къ Россіи. Участіе европейской комиссіи, обусловленное предварительнымъ соглашеніемъ, можетъ быть упомянуто.

14. О Силистріи и Виддинѣ слѣдуетъ сказать, какъ предположено въ проектѣ. О Варнѣ и Шумлѣ лучше умолчать [3]). Составъ гарнизоновъ крѣпостей (турецкихъ) можетъ быть ограниченъ.

15. Лучше ограничиться для Крита улучшеніемъ существующаго устава, выразившись, какъ въ проектѣ, предположено.

Замѣчательно, что всѣ возраженія министра иностранныхъ дѣлъ противъ условій моего проекта клонились къ выгодѣ неблагодарной Австро-Венгріи и къ огражденію ея интересовъ, въ ущербъ Россіи и нашихъ союзниковъ славянъ. Князь Горчаковъ какъ будто забылъ, что когда, по внушенію русскаго посла, султанъ, чтобы умиротворить Черногорію, хотѣлъ добровольно уступить ей Сутторину и Зубчанскій округъ, графъ Андраши возсталъ противъ этого намѣренія и все время старался удовлетворить Черногорію на счетъ албанцевъ, а сербовъ на счетъ болгаръ, отнюдь не принимая въ расчетъ выгодъ и интересовъ Россіи.

Ознакомившись съ замѣчаніями канцлера и вынужденный съ ними сообразоваться, я измѣнилъ соотвѣтственный текстъ

---

[1]) [illegible] лишь въ случаѣ занятія нами Царьграда и распаденія Европейской Турціи. Авт.

[2]) Я [illegible] обусловить выходъ русскихъ войскъ изъ Болгаріи [illegible] и сформированіемъ [illegible] Авт.

[3]) [illegible] Авт.

своего проекта и въ засѣданіи 12-го января прочелъ послѣдній свой проектъ, названный имъ минимальнымъ по сравненію съ первоначальнымъ его проектомъ, который заключалъ полную независимость Великой Болгаріи, большее увеличеніе Черногоріи и Сербіи, присоединеніе острова Крита и части Эпира и Өессаліи къ Греціи и который былъ признанъ невозможнымъ вслѣдствіе того, что Европа не согласится признать эти условія.

По каждой статьѣ послѣдовало общее одобреніе присутствующихъ и утвержденіе государя къ руководству для переговоровъ послѣ объясненій, данныхъ мною по нѣкоторымъ изъ нихъ. Его величество, при этомъ, неоднократно прерывалъ чтеніе, входя въ разсмотрѣніе подробностей и спрашивая у присутствующихъ членовъ министерства иностранныхъ дѣлъ, не имѣютъ ли они предъявить какихъ-нибудь замѣчаній на предложенія Игнатьева. Одна только статья договора вызвала замѣчанія Н. К. Гирса—о плаваніи по Дунаю. Товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ обратилъ вниманіе на множество жалобъ и требованій вознагражденія, предъявленныхъ частными лицами, преимущественно австро-венграми, вслѣдствіе прекращенія плаванія судовъ и вообще торговыхъ сообщеній по Дунаю. Я тотчасъ же измѣнилъ предположенную редакцію, чтобы оградить Россію отъ какихъ-либо денежныхъ притязаній и возложить уплату проторей и убытковъ на Турцію. Въ такомъ видѣ проектъ былъ окончательно одобренъ. И канцлеръ, съ соизволенія государя, объявилъ мнѣ, что текстъ этого проекта долженъ служить инструкціею при переговорахъ съ турецкими уполномоченными.

Проектъ былъ переписанъ въ канцеляріи министра въ двухъ экземплярахъ: одинъ выданъ мнѣ, а другой остался въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. По окончаніи конференціи не только государь изъявилъ свое полное одобреніе, но канцлеръ и баронъ Жомини разсыпались въ любезностяхъ, объявляя: «que c'est un chef-d'oeuvre, un travail de bénédictin qui n'avait pu être rédigé que par un homme qui possédait entièrement dans son cerveau les archives orientales» и т. д. [1]). Князь Горчаковъ отозвался, что онъ находитъ требованія до того умѣренными, что не предвидитъ, чтобы встрѣтились затрудненія въ принятіи нашего договора европейскими державами въ этомъ видѣ. Я ему отвѣтилъ: «Вашими устами да медъ пить». Я снова попытался при окончаніи конференціи испросить разрѣшеніе государя отправиться въ Турцію не черезъ Бухарестъ и не черезъ главную квар-

---

[1]) Какъ [illegible] Англія и Австро-Венгрія [illegible] Санъ-Стефанскаго договора [illegible]

тиру, а сѣсть на одинъ изъ пароходовъ Русскаго общества пароходства и торговли, вооруженныхъ на время войны, и отправиться прямо въ Бургасъ или даже, смотря по обстоятельствамъ, въ Константинополь, гдѣ и войти въ сношеніе съ Портою и главною квартирою одновременно. Я выставлялъ при этомъ на видъ, что къ князю Карлу съ письмомъ отъ государя могло бы быть командировано другое лицо, напримѣръ, Влангали или кто-либо изъ свиты его величества, такъ какъ объѣздъ на Бухарестъ съ остановкою для переговоровъ и затѣмъ на Тырново и Казанлыкъ и Адріанополь можетъ до того продлить переѣздъ, что я потеряю много времени и запоздаю прибыть своевременно въ главную квартиру дѣйствующей арміи, а также, что, находясь въ Константинополѣ, я пріобрѣту большую свободу въ дѣйствіяхъ при переговорахъ, могу сообщаться съ представителями державъ и наблюдать ближе за ихъ интригами въ Портѣ, чтобы ихъ своевременно парализовать; наконецъ, сообщенія мои съ Петербургомъ и Европою были бы значительно облегчены противъ того, если я буду находиться въ Адріанополѣ. Но канцлеръ настоялъ на необходимости моего проѣзда черезъ Бухарестъ, утверждая, что я никакихъ затрудненій въ переговорахъ о Бессарабіи съ румынами не встрѣчу и никакой задержки не будетъ, что приличіе требуетъ, чтобы уполномоченный для мирныхъ переговоровъ съ Портою предварительно переговорилъ съ княземъ Карломъ и, наконецъ, что отправка особаго лица въ Бухарестъ представляетъ много неудобствъ и влечетъ напрасную трату денегъ. Государь склонился на мнѣніе канцлера и повелѣлъ мнѣ выѣхать черезъ сутки, направляясь на Бухарестъ, а на другой день явиться еще за полученіемъ послѣднихъ приказаній его величества, по прочтеніи инструкціи, которую я пожелалъ имѣть отъ канцлера, для собственнаго огражденія отъ навѣтовъ впослѣдствіи, по предмету порученія, даннаго мнѣ въ Румыніи. Государь приказалъ мнѣ заѣхать по пути изъ Бухареста въ Тырново въ Брестовацъ, гдѣ была главная квартира наслѣдника, чтобы доложить его высочеству проектъ договора и доставить свѣдѣнія о политическомъ положеніи дѣлъ. По словамъ его величества можно было судить, что онъ не сомнѣвается, что войска наши вслѣдствіе данныхъ великому князю Николаю Николаевичу повелѣній идутъ безостановочно на Константинополь и что я застану ихъ уже на высотахъ, окаймляющихъ оттоманскую столицу. Государь, предполагая, что переговоры съ княземъ Карломъ и Братіано займутъ лишь два дня, опасался, что я буду задержанъ на переправѣ Дуная, который, по послѣднимъ извѣстіямъ, былъ покрытъ льдомъ, и въ Балканахъ свирѣпствовавшими тогда снѣжными метелями. А потому разрѣшилъ мнѣ, въ случаѣ крайности, если я по полученнымъ на Дунаѣ извѣстіямъ

удостовѣрюсь, что наши войска достигли уже окрестностей Константинополя и что сухопутьемъ я не поспѣю на высоты Босфора, свернуть на морской путь и отправиться на Константинополь на пароходѣ. Письмо государя къ принцу Карлу было вручено мнѣ вмѣстѣ съ инструкціею, подписанною княземъ Горчаковымъ въ которой было сказано, что по высочайшему повелѣнію Игнатьевъ долженъ отправиться въ Бухарестъ, чтобы разъяснить (élucider) съ румынскимъ правительствомъ нѣкоторые щекотливые вопросы, имѣющіе связь (se rattachant) съ будущимъ миромъ съ Турціею. «Рѣчи не можетъ быть о формальныхъ переговорахъ. Они были бы преждевременны, такъ какъ основанія будущаго мира еще не установлены». Затѣмъ канцлеръ изложилъ въ инструкціи взгляды министерства иностранныхъ дѣлъ по всѣмъ вопросамъ, которые могутъ быть затронуты во время моего проѣзда черезъ Бухарестъ.

Mais le Gouvernement Roumain parait s'engager, dès à présent, en cherchant des appuis en Europe, dans une voie qui le mettrait en désaccord ouvert avec nous et fournirait des prétextes aux protestations que devons prévoir de la part de certains cabinets. C'est ce qu'il importe d'empêcher par des explications amicales, mais cathégoriques.

1) La première de ces questions est relative à la restitution de la partie de la Bessarabie cédée en 1856. Le Gouvernement Roumain sait que ce point forme une des conditions réelles.

Dans cet état de choses il serait superflu de s'adresser aux sentiments des ministres roumains et de leur rappeler que la Roumanie doit son existance à la Russie. L'essentiel est de leur fournir des arguments d'intérêts positifs qu'ils puissent opposer aux attaques de l'opposition. Ces arguments ne vous manqueront pas. Vous pourrez leur faire observer que les Roumains ne sont guère fondés à invoquer l'autorité du Traité de 1856, puisque l'existence même de la Roumanie est une infraction à ce Traité. Les Principautés étaient constituées en provinces vassales séparées à l'époque où il a été conclu, et c'est exclusivement à la Moldavie que les districts bessarabiens ont été cédés. Depuis lors ces provinces vassales et districts sont devenus successivement des Principautés-unies, puis un État Roumain sous un Prince étranger, aujourd'hui elles se proclament un État indépendant et souverain, demain elles voudront se constituer en un royaume de 12 millions d'habitants. La Russie aurait donc été depuis longtemps fondée à réclamer ou bien que le status quo du Traité de 1856 fut rétabli dans les Principautés, ou bien que la clause de ce Traité qui leur donne une frontière impossible fut révisée. Les principes du droit sont ainsi entièrement contraires à leurs prétentions actuelles.

Vous leur ferez comprendre que leurs intérêts ne s'accordent pas davantage avec ces prétentions.

La restitution de ce lambeau de territoire sans valeur, ni politique, ni matérielle, est une question de dignité pour la Russie. Le peuple russe la réclame, l'Empereur se fait un devoir d'effacer ce souvenir d'une époque néfaste. La Roumanie peut-elle trouver son avantage à se mettre en travers de ce voeu légitime au risque de s'aliéner à jamais les sympathies de la Russie à laquelle elle doit tant dans le passé et dans le présent, et, qui, par sa position géographique et par sa puissance, pèsera nécessairement toujours d'un grand poids dans la balance de ses destinées.

2) Cette question se rattache à une autre, qui forme également l'objet des rêves de la Roumanie, c'est à dire la neutralité, perpétuelle de son territoire, garantie par l'Europe à l'instar de celle de la Belgique. Cette idée chimérique est depuis longtemps poursuivie par les hommes d'Etat Roumain; il est probable qu'ils ont reçu des encouragements éventuels et que sans cet espoir ils n'oseraient pas risquer de s'aliéner les sentiments d'un puissant voisin. Vous pourrez leur faire observer d'abord qu'une semblable combinaison n'est possible et n'offre des garanties un peu sérieuses que si elle est le résultat d'un accord unanime des Grandes Puissances de l'Europe. Or le Cabinet Impérial est parfaitement résolu, pour sa part, à y refuser son assentiment et cela non par caprice ou mauvais vouloir envers la Roumanie, mais par des raisons très sérieuses et dans l'intérêt même de ce pays.

En effet, quelque décisives que soient aujourd'hui nos victoires, l'oeuvre que nous avons entreprise ne saurait être envisagée comme définitive. Elle exigera longtemps encore un contrôle vigilant, peut-être de nouveaux efforts. La Russie peut donc se trouver encore dans le cas de réclamer un concours que la Roumanie serait la première intéressée à lui offrir et qui serait incompatible avec la neutralité. Et si ce pays vaniteux se laissait entraîner à compromettre l'avenir en vue d'un avantage apparent du moment, la Russie ne saurait consentir à livrer aux chances du hazard son oeuvre séculaire en Orient en se laissant séparer par un état neutre du théâtre de sa mission historique et de ses intérêts vitaux.

En suite il ne vous sera pas difficile de démontrer aux Ministres Roumains combien est illusoire ce rêve de neutralité perpétuelle. Ce qui garantie l'existence de la Belgique ce ne sont pas les traités existants. De nos jours la valeur pratique de ces transactions est bien réduite. Le véritable gage de la nation belge c'est l'intérêt capital qu'a l'Angleterre à ne pas laisser le port d'Anvers tomber aux mains d'une Grande Puissance Européenne, et la possibilité qu'elle a de le défendre par la force. Or, cette même garantie, la Roumanie la possède dans l'intérêt qu'ont ces deux puissants voisins à empêcher qu'elle ne tombe au pouvoir de personne; et les ministres roumains sont assez intelligents pour comprendre que de ces deux voisins, c'est

encore la Russie qui doit leur assurer le plus de sécurité, non seulement en raison de ses traditions historiques, mais encore parce qu'elle est assez grande pour n'avoir pas besoin d'intrigues et assez puissante pour n'être pas dans le cas de revendiquer des compensations.

L'amitié et la protection de la Russie restent donc toujours la meilleure garantie de l'indépendance de la Roumanie sans qu'il soit nécessaire de l'insérer dans aucun Traité.

3) L'idée d'un Traité d'alliance défensive qui nous réserverait un droit de passage en cas de besoin, a également été abordée par les ministres du Prince Charles. Vous leur en démontrerez l'inopportunité. Nous ne croyons pas qu'ils y attachent eux-mêmes une valeur pratique. Ils prévoient les attaques de l'opposition qui leur reprochera de ne pas garantir l'existence du pays et ils voudraient pouvoir montrer un acte quelconque ayant cette destination. Mais à notre avis une pareille combinaison aurait plus d'inconvénients que d'avantages. Elle compromettrait gravement le Gouvernement Roumain vis-à-vis de l'Europe. Une fois son indépendance acquise et reconnue, la Roumanie aura la liberté de ses alliances et si les événements en Orient réclamaient de nouveau l'action de la Russie, l'intérêt du Gouvernement de la Roumanie serait de concourir à une oeuvre dont elle restera toujours solidaire pour sa propre sécurité.

4) Vous ne parlerez qu'avec une certaine circonspection des remaniements territoriaux que nous avons en vue et des compensations réservées à la Roumanie. Bien que toutes ces combinaisons soient déjà préssenties dans leurs traits généraux, tant qu'elles n'ont pas été formulées et acceptées comme bases de la paix, il ne nous convient pas de les préciser ni surtout de leur donner la valeur d'un engagement. Ce n'est qu'à titre d'éventualités possibles qu'elles peuvent être discutées mais nous devons nous réserver la liberté de nos décisions selon la tournure que prendront les négociations sur le terrain diplomatique. Votre tact vous indiquera la mesure à observer.

5) Parmi les revendications du Gouvernement Roumain figure également celle d'une indemnité pécunaire pour les dégâts et pertes causées par la guerre. Cette question peut donner lieu à de grandes difficultés vu que outre les dévastations matérielles, les pertes causées par l'interruption du commerce, les réquisitions, le blocus du Danube etc. peuvent facilement donner à l'avidité des Roumains des proportions illimitées. Vous vous bornerez à réserver aux Roumains la faculté de faire valoir les réclamations de l'État et celles des particuliers lors des négociations de paix en leur laissant entrevoir notre appui dans la mesure du possible.

6) Vous serez peut-être dans le cas de traiter la question du tarif des transports par les chemins de fer roumains. Vous vous en êtes déjà occupé. Je ne puis vous donner aucune instruction à ce sujet. Vous aviserez sur place à ce que vous jugerez possible d'obtenir.

buer à aplanir les difficultés et les conflits incessants auxquels elle donne lieu.

7) Les ministres roumains ont témoigné le voeu de pouvoir se faire représenter à la future conférence Européenne, qui serait appelée à régler les affaires Orientales. Ils semblent attacher un grand prix à cette satisfaction de vanité qui fratterait la nation. Vous leur ferez observer que cette question, de même que la reconnaissance de l'indépendance de la Roumanie ne relèvent pas de nous seuls. Vous leur laisserez seulement entrevoir que leurs demandes rencontreront de notre part l'appui le plus amical et notamment celui de pouvoir faire valoir leurs intérêts dans la conférence au moins par des délégués. Il semblerait difficile d'obtenir davantage, puisque l'indépendance de l'Etat Roumain ne peut devenir un fait reconnu et incontesté qu'à l'issue de la conférence.

En général, vous devrez apporter beaucoup de ménagement dans nos rapports avec les ministres roumains. Malgré son insignifiance ce pays peut facilement devenir un instrument entre les mains de nos adversaires au moment où se produit l'activité diplomatique Européenne. Son hostilité pourrait nous causer des embarras sérieux. Il nous importe, par conséquent, d'entretenir autant que possible chez les Roumains, sans cependant contracter des engagements onéreux, la confiance et le bon vouloir, qui ont amené leur coopération, dans la guerre actuelle. Il s'agit surtout de les empêcher de s'égarer dans des voies contraires en prêtant l'oreille aux suggestions de certains Cabinets, au moins avant que la guerre ne soit finie. Il faut donc leur témoigner une sympathie amicale sous laquelle se fasse sentir la fermeté nécessaire pour réprimer à temps leurs velléités hostiles.

C'est ce qui rend particulièrement délicate la mission que l'Empereur vous confie.

(Но румынское правительство, ища поддержки въ Европѣ, съ этого времени, повидимому, вступаетъ на путь, который привелъ бы его къ открытому несогласію съ нами и далъ бы разные предлоги для протеста, который мы должны предвидѣть со стороны нѣкоторыхъ кабинетовъ. А этому-то и нужно воспрепятствовать путемъ дружескихъ, но категорическихъ разъясненій.

1) Первый изъ этихъ вопросовъ относится къ возвращенію части Бессарабіи, уступленной въ 1856 году. Румынскому правительству извѣстно, что этотъ вопросъ составляетъ одно изъ реальныхъ условій.

При такомъ положеніи вещей было бы излишнимъ обращаться къ чувствамъ румынскихъ министровъ и напоминать имъ, что Румынія обязана своимъ существованіемъ Россіи. Самое главное дать имъ доказательства положительныхъ интересовъ, которые они могутъ противопоставить нападеніямъ противоположной сто-

роны. Въ такихъ доказательствахъ недостатка у насъ не будетъ. Вы можете поставить имъ на видъ, что румыны не могутъ ссылаться на силу трактата 1856 года, такъ какъ самое существованіе Румыніи является уже нарушеніемъ этого трактата. Въ то время, когда онъ былъ заключенъ, княжества существовали въ видѣ отдѣльныхъ вассальныхъ провинцій, и бессарабскіе округа были уступлены исключительно Молдавіи. Съ того времени вассальныя провинціи и округа сдѣлались послѣдовательно соединенными княжествами, потомъ румынскимъ государствомъ, подъ властью иностраннаго принца. Нынѣ они провозглашаютъ себя государствомъ независимымъ и суверенным, завтра они захотятъ образовать королевство съ двѣнадцатью милліонами жителей. Поэтому Россія давно могла бы потребовать, чтобы въ этихъ княжествахъ былъ возстановленъ status quo трактата 1856 года, или же была бы въ этомъ трактатѣ пересмотрѣна статья, которая устанавливаетъ для нихъ невозможную границу. Такимъ образомъ, принципы права совершенно расходятся съ ихъ теперешними притязаніями. Вы дадите имъ понять, что ихъ интересы уже не согласуются съ этими требованіями.

Возвращеніе этого куска земли, не имѣющаго никакой цѣнности, ни политической, ни матеріальной, для Россіи есть вопросъ ея достоинства. Народъ русскій требуетъ ее себѣ, и государь императоръ считаетъ своимъ долгомъ уничтожить это напоминаніе о несчастномъ времени. Неужели Румынія можетъ найти какую-нибудь выгоду для себя въ томъ, чтобы заставить его дѣйствовать вопреки этому священному обѣту, рискуя навсегда утратить симпатіи Россіи, которой она такъ много обязана какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ, и которая, по своему географическому положенію и могуществу, по необходимости всегда будетъ сильно давить на вѣсы ея судебъ.

2) Этотъ вопросъ связанъ съ другимъ, который также составляетъ предметъ мечтаній Румыніи, а именно съ вѣчнымъ нейтралитетомъ ея территоріи, гарантированнымъ Европой, наподобіе бельгійскаго. Государственные люди Румыніи уже давно преслѣдуютъ эту химерическую идею. Очень можетъ быть, что они получили уже какое-нибудь поощреніе и что безъ этого они не осмѣлились бы рисковать утратить дружественныя къ себѣ чувства могущественнаго сосѣда. Вы можете поставить имъ на видъ прежде всего, что подобная комбинація невозможна и дастъ такія же мало серьезныя гарантіи, какъ если бы она была результатомъ единодушнаго согласія великихъ европейскихъ державъ. Кромѣ того, императорскій кабинетъ твердо рѣшилъ, съ своей стороны, отказать въ этомъ случаѣ въ своемъ согласіи и не по капризу или недоброжелательству къ Румыніи, но по очень серьезнымъ причинамъ, въ интересахъ самой этой страны.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни рѣшительны въ настоящее время наши побѣды, нельзя считать законченнымъ дѣло, за которое мы взялись. Оно еще долго будетъ требовать бдительнаго контроля и можетъ быть новыхъ усилій. Россія можетъ найти, что оно находится еще въ такомъ положеніи, что потребуется помощь Румыніи, которая будетъ болѣе всего заинтересована въ томъ, чтобы эту помощь оказать, а это было бы уже несовмѣстимо съ нейтралитетомъ. И если бы эта тщеславная страна рѣшилась скомпрометировать свою будущность ради наглядной выгоды настоящаго, Россія не могла бы согласиться на то, чтобы предоставить волѣ случая свое вѣковое дѣло на Востокѣ, позволивъ отдѣлить себя нейтральнымъ государствомъ отъ театра ея историческихъ миссіи и жизненныхъ интересовъ.

Итакъ, для васъ не представитъ затрудненія доказать румынскимъ министрамъ, какъ призрачна эта мечта о вѣчномъ нейтралитетѣ. Существованіе Бельгіи гарантируется вовсе не существующими трактатами. Въ наше время практическое значеніе такихъ актовъ не такъ велико.

Дѣйствительный залогъ существованія бельгійской націи въ томъ, что Англія не можетъ допустить, чтобы антверпенскій портъ попалъ въ руки какой-либо великой европейской державы, и что она въ состояніи не допустить это силою. Румынія обладаетъ такого же рода гарантіей въ томъ, что обѣ сосѣднія державы заинтересованы въ томъ, чтобы она не досталась кому-либо изъ нихъ. Румынскіе министры достаточно умны и могутъ понять, что изъ двухъ сосѣдей болѣе всего имъ можетъ внушать довѣрія Россія не только въ силу своихъ историческихъ традицій, но и потому еще, что она достаточно велика, такъ что не имѣетъ надобности въ присоединеніи другихъ странъ, и достаточно могущественна, такъ что ей не придется просить компенсаціи.

Итакъ, дружба и покровительство Россіи всегда остаются лучшей гарантіей независимости Румыніи, и нѣтъ необходимости заносить это въ какой-либо трактатъ.

3) Министры князя Карла равнымъ образомъ затронули мысль заключить договоръ объ оборонительномъ союзѣ, который сохранялъ бы за нами право прохода черезъ Румынію, въ случаѣ надобности. Вы докажете имъ неудобство этого. Мы не думаемъ, что они сами придаютъ этому какое-либо практическое значеніе. Они предвидятъ нападки оппозиціи, которая будетъ упрекать ихъ въ томъ, что они не обезпечили существованія страны. Имъ хотѣлось бы имѣть возможность показать какой-нибудь актъ, имѣющій эту цѣль. Но, по нашему мнѣнію, такая комбинація имѣла бы больше неудобствъ, чѣмъ выгодъ. Она зря скомпрометировала бы передъ Европой румынское правительство. Послѣ того, какъ ея независимость ею получена и признана, Румынія будетъ имѣть

полную свободу заключать союзы, и если бы событія на Востокѣ снова потребовали вмѣшательства Россіи, въ интересахъ Румыніи будетъ помочь дѣлу, въ которомъ она будетъ всегда съ нею солидарна, ради своей собственной безопасности.

4) О распредѣленіи территоріи, которое мы имѣемъ въ виду, и о компенсаціяхъ, предназначенныхъ для Румыніи, вы должны говорить съ нѣкоторою осторожностью. Хотя всѣ эти комбинаціи уже извѣстны въ ихъ общихъ чертахъ, однако, пока онѣ еще не формулированы и не положены въ основаніе мирныхъ переговоровъ, намъ не слѣдуетъ опредѣлять ихъ точнѣе, а въ особенности придавать имъ значеніе обязательства. О нихъ можно говорить только, какъ о возможностяхъ.

Но мы должны сохранить за собою свободу рѣшеній, смотря по тому, какой оборотъ переговоры примутъ на дипломатической почвѣ. Чувство мѣры будетъ опредѣляться вашимъ тактомъ.

5) Въ числѣ требованій румынскаго правительства есть также требованіе о денежномъ возмѣщеніи убытковъ и потерь, вызванныхъ войною. Этотъ вопросъ можетъ вызвать большія затрудненія, такъ какъ, кромѣ матеріальныхъ опустошеній, потери, причиненныя прекращеніемъ торговли, реквизиціи, прекращеніе судоходства по Дунаю и т. д.—все это легко можетъ возбудить жадность румынъ въ безграничныхъ размѣрахъ. Вы ограничитесь тѣмъ, что предоставите румынамъ возможность предъявить требованія государства и частныхъ лицъ, какъ только откроются мирные переговоры, оказывая имъ, по мѣрѣ возможности, нашу поддержку.

6) Можетъ быть, вамъ представится возможность затронуть щекотливый вопросъ о перевозкахъ по румынскимъ желѣзнымъ дорогамъ. Вы уже заняты этимъ вопросомъ. Я не могу дать вамъ на этотъ счетъ никакихъ указаній. Вамъ виднѣе будетъ на мѣстѣ, что можно сдѣлать, чтобы сгладить затрудненія и постоянные конфликты, которые этотъ вопросъ вызываетъ.

7) Румынскіе министры высказали желаніе, чтобы имъ была дана возможность присутствовать на будущей европейской конференціи, которая будетъ созвана для регламентаціи восточныхъ дѣлъ. Они, повидимому, придаютъ большое значеніе этой уступкѣ ихъ тщеславію, которая польститъ ихъ націи. Вы имъ поставите на видъ, что этотъ вопросъ, какъ равно и признаніе независимости Румыніи, зависитъ не отъ насъ однихъ. Вы имъ дадите только понять, что ихъ желанія встрѣтятъ съ нашей стороны дружескую поддержку именно въ томъ направленіи, чтобы дать имъ возможность поддерживать на конференціи ихъ интересы, хотя бы черезъ уполномоченныхъ. Очень трудно добиться чего-нибудь большаго, такъ какъ независимость румынскаго государства можетъ стать признаннымъ и безспорнымъ фактомъ только по окончаніи конференціи.

Вообще вы должны проявить въ вашихъ сношеніяхъ съ румынскими министрами большую осторожность.

Несмотря на свою незначительность, эта страна легко можетъ стать орудіемъ въ рукахъ нашихъ противниковъ въ тотъ моментъ, когда будетъ дѣйствовать европейская дипломатія. Ея враждебность могла бы создать и для насъ серьезныя затрудненія. Для насъ важно, слѣдовательно, поддерживать въ румынахъ, не принимая, однако, за свой счетъ никакихъ обязательствъ, довѣріе и благорасположеніе, которое образовалось благодаря совмѣстнымъ дѣйствіямъ въ настоящую войну. Дѣло идетъ въ особенности о томъ, чтобы не дать имъ пойти по противоположному пути, прислушиваясь къ внушеніямъ нѣкоторыхъ кабинетовъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не кончится война. Нужно, стало быть, показывать къ нимъ дружеское сочувствіе, подъ которымъ должна чувствоваться твердость, необходимая для того, чтобы во-время подавлять ихъ враждебныя стремленія.

Вотъ что дѣлаетъ особенно тонкой миссію, которую на васъ возлагаетъ государь императоръ).

Читая эту инструкцію, приходишь въ недоумѣніе: почему всѣ эти вопросы не были разъяснены и улажены съ румынами на досугѣ, во время полугодового пребыванія князя Горчакова и барона Жомини, и понадобилось поручить переговорить о всѣхъ этихъ вопросахъ, «щекотливыхъ», какъ выражался самъ канцлеръ, и затрагивающихъ за живое не только интересы Румыніи, но и Россіи, генералу, посланному въ дѣйствующую армію и пребываніе котораго въ Бухарестѣ могло быть посвящено не болѣе двухъ или трехъ дней, какъ я заявилъ самъ канцлеру въ присутствіи государя и какъ было повторено мнѣ его величествомъ при прощаніи.

Тринадцатаго вечеромъ (въ пятницу) я выѣхалъ изъ Петербурга [1].

Заносы задерживали поѣзда, которые вездѣ запаздывали противъ расписанія, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ послѣдующій поѣздъ уходилъ, не дождавшись предыдущаго, и мнѣ приходилось сидѣть по нѣскольку часовъ на мѣстѣ, а въ Яссахъ даже почти сутки. 15-го января, поздно вечеромъ прибылъ я въ Кіевъ, а 19-го только въ Бухарестъ. Тамъ я потерялъ двое съ половиною сутокъ и лишь 22-го января рано утромъ успѣлъ выѣхать изъ столицы румынской. По Румыніи поѣзда еще болѣе опаздывали, и хаосъ на желѣзныхъ дорогахъ былъ страшный. Станціи были загромождены воинскими поѣздами преимущественно съ полушубками и даже понтонами для нашей

[1] Какъ я сказалъ въ первыхъ запискахъ («Истор. Вѣстн.» 1914 г.) [illegible] въ настоящемъ [illegible] продолженіе [illegible] въ третьемъ [illegible] въ первомъ. [illegible]

арміи, тогда какъ она такъ нуждалась въ зимней одеждѣ при переходѣ Балканъ, уже преодолѣнныхъ нашими доблестными и выносливыми войсками, вступившими въ болѣе теплую часть страны прежде, нежели полушубки могли до нихъ достигнуть.

Въ Бухарестѣ я узналъ, что дальнѣйшій путь будетъ крайне затруднителенъ и замедленъ большими препятствіями: экипажъ, лошадей и обозъ нельзя было переправить черезъ Дунай противъ Брестоваца, по случаю ледохода. Предстояло переплыть Дунай въ военной шлюпкѣ, а затѣмъ ѣхать до главной квартиры посредствомъ военной почты, рискуя нигдѣ не найти сноснаго экипажа. Но, убѣдившись собственнымъ опытомъ въ невозможности скораго переѣзда по желѣзнымъ дорогамъ, загроможденнымъ разбросанными по станціямъ поѣздами, отказался отъ мысли вернуться въ Одессу и сѣсть на пароходъ, тѣмъ болѣе, что я рѣшился во всякомъ случаѣ добраться до Брестоваца, чтобы поставить наслѣдника въ извѣстность о предполагаемыхъ мирныхъ условіяхъ съ Портою. Узнавъ же, что главнокомандующій остановился въ Адріанополѣ и ведетъ переговоры съ турецкими уполномоченными, рѣшилъ рискнуть переѣздомъ черезъ Балканы, чтобы скорѣе добраться до главной квартиры.

Первою моею заботою по прибытіи въ Бухарестъ было собрать свѣдѣнія не только отъ нашего дипломатическаго агента въ Румыніи, барона Стюарта, но и отъ другихъ чиновниковъ, отъ генералъ-адъютанта Дрентельна, завѣдующаго тыловою частью арміи и, наконецъ, изъ разныхъ другихъ источниковъ (въ Бухарестѣ находились тогда нѣсколько лично знакомыхъ Игнатьеву по Константинополю людей) о положеніи дѣлъ въ Румыніи, о расположеніи къ намъ лицъ правительственныхъ и туземнаго населенія, а равно и о преобладающемъ мѣстномъ воззрѣніи на жгучій вопросъ о возсоединеніи съ Россіею Бессарабіи. Русскій уполномоченный былъ пораженъ дурными отношеніями, существующими между русскою арміею и румынскимъ правительствомъ. Отношенія начальствующихъ съ обѣихъ сторонъ были очень натянуты. Происходили постоянныя недоразумѣнія и взаимныя препирательства. Князь Карлъ, его министры и военные румыны громко жаловались на мнимыя обиды, ими понесенныя, на дурное съ ними обращеніе главной квартиры и начальниковъ нашихъ войскъ, оскорблявшихъ разными мелочами болѣзненное самолюбіе и честолюбіе румынскихъ министровъ, офицеровъ и чиновниковъ. Въ особенности же жаловались на нашу военную администрацію въ княжествахъ, безпорядочность интендантства и своеволіе комендантовъ желѣзнодорожныхъ станцій. Ни министерство Братіано, ни общественное мнѣніе въ Румыніи не допускали мысли, что Россія, послѣ мнимыхъ услугъ (румыны хвастливо приписывали себѣ взятіе Плевны и даже спасеніе русской арміи въ первыя по-

ріодъ кампаніи), оказанныхъ ей румынами, настойчиво будетъ преслѣдовать возвращеніе себѣ Бессарабіи, присоединенной къ Румыніи по Парижскому договору 1856 года.

Во время путешествія по румынскимъ дорогамъ и въ самомъ Бухарестѣ русскому уполномоченному Игнатьеву было оказано самое утонченное и почтительное вниманіе, но тѣмъ не менѣе онъ могъ лично удостовѣриться изъ доставленныхъ свѣдѣній о раздраженіи румынъ противъ своихъ союзниковъ, распоряжавшихся въ княжествахъ не совсѣмъ удачно. Съ другой стороны, вся наша военная администрація, съ генераломъ Дрентельномъ во главѣ, обвиняла румынъ въ недобросовѣстности, подкупности, алчности, корыстолюбіи и крайнемъ безпорядкѣ, въ особенности на желѣзныхъ дорогахъ. Обвиняли управленіе румынскихъ желѣзныхъ дорогъ даже въ преднамѣренномъ затрудненіи всякаго движенія военныхъ транспортовъ и подозрѣвали, что чрезъ банкира Блейхредера, имѣвшаго первенствующее значеніе въ обществѣ румынскихъ желѣзныхъ дорогъ, агенты его были подкуплены нашими противниками для созданія препятствій на единственномъ пути сообщенія нашей арміи съ Россіею. Однимъ словомъ, взаимныя ежедневныя обвиненія и препирательства постоянно поддерживали обоюдное раздраженіе, и Игнатьевъ пришелъ къ заключенію, что худшей и менѣе благопріятной минуты для переговоровъ съ румынскимъ правительствомъ, въ особенности объ уступкѣ Бессарабіи, нельзя было избрать. Очевидно было, что хотя Братіано и былъ предупрежденъ мною еще во время его поѣздки въ Крымъ съ княземъ Карломъ о неизбѣжности и неминуемости возвращенія Россіи Бессарабіи, какъ только войско русское тамъ появится,—но слѣдовало министерству иностранныхъ дѣлъ воспользоваться минутою расцвѣта нашего союза съ Румыніею и перваго ихъ увлеченія послѣ разрыва съ Турціею, когда всѣ надежды населенія княжества возлагались на присутствіе русскихъ войскъ, ограждавшихъ страну отъ ожидавшагося вторженія турокъ, и когда правительство румынское было компрометировано въ глазахъ европейской дипломатіи и въ особенности Англіи своимъ поведеніемъ при открытіи кампаніи, а принцъ Карлъ находился подъ непосредственнымъ, личнымъ вліяніемъ государя императора, чтобы выяснить вполнѣ вопросъ о возсоединеніи Бессарабіи съ Россіею. Находясь въ теченіе шести мѣсяцевъ въ Бухарестѣ, князь Горчаковъ имѣлъ полную возможность, въ безпрестанныхъ личныхъ сношеніяхъ съ министрами и членами парламента, подготовить румынское правительство и общественное мнѣніе къ мысли о необходимости доставить Россіи добровольно требуемое ею удовлетвореніе поруганной въ 1856 году народной гордости и убѣдить въ незначительности для Румыніи этой жертвы.

Какъ бы то ни было, но мнѣ пришлось безотлагательно приступить къ исполненію тягостнаго порученія, на меня возложеннаго, имѣя въ виду, что терять мнѣ время въ продолжительныхъ и методическихъ переговорахъ было невозможно и надо было торопиться попасть за Балканы. Обстоятельства сложились такъ, что мнѣ пришлось съ перваго свиданія съ румынскими министрами тотчасъ же послѣ пріѣзда своего въ гостиницу объясниться съ ними по существу, безъ утайки и прикрасъ. Не ожидая моего визита, первый министръ Братіано и министръ иностранныхъ дѣлъ Когальничано [1]) посѣтили меня немедленно. Они были предупреждены по телеграфу румынскимъ представителемъ въ Петербургѣ княземъ Гика, какъ о порученіи, данномъ генералъ-адъютанту Игнатьеву въ Бухарестѣ, такъ и о содержаніи бурнаго разговора, происшедшаго между нимъ и канцлеромъ на другой день послѣ выѣзда русскаго уполномоченнаго изъ Петербурга. Князь Гика, узнавъ объ отъѣздѣ Игнатьева въ Бухарестъ, пожелалъ узнать отъ самого князя Горчакова, какого рода переговоры съ румынскимъ правительствомъ поручены бывшему русскому послу въ Константинополѣ, и канцлеръ, считая его преданнымъ Россіи человѣкомъ,—какимъ онъ и былъ въ дѣйствительности во время нахожденія своего въ Константинополѣ и близости съ русскимъ посольствомъ,—не принялъ во вниманіе, что онъ въ то же время горячій румынскій патріотъ, и, безъ всякихъ обиняковъ, объявилъ ему, что государь рѣшилъ присоединить Бессарабію къ Россіи и возстановить границу, бывшую до 1856 года, за исключеніемъ острововъ Дельты, которые будутъ отданы, вмѣстѣ съ Сулинскимъ портомъ, Румыніи...

Подготовленные такимъ образомъ министры сами тотчасъ же заговорили съ Игнатьевымъ о невозможности уступить Бессарабію, вопреки общественному мнѣнію, которое никогда не свыкнется съ мыслію, что въ награду за пролитіе крови подъ стѣнами Плевны и союзъ съ Россіею Румынія, вмѣсто ожидаемаго территоріальнаго увеличенія, должна лишиться частицы «родной земли», которою яко бы Румынія очень дорожитъ. Оба министра разразились жалобами на притѣсненія нашихъ военныхъ властей, на нарушеніе румынской конституціи, и когда я потребовалъ отъ нихъ письменнаго доказательства основательности взводимыхъ

[1]) Когальничано, Михаилъ (1818—1891 гг.). Получилъ образованіе въ Берлинѣ. Принималъ участіе въ румынскихъ государственныхъ дѣлахъ еще при [illegible] Стурдзѣ и Гикѣ. Занимая должность магистра народнаго просвѣщенія [illegible] университетъ. Былъ съ 1863 до 1865 гг. министромъ-президентомъ [illegible] демократической программой аграрной, сельской и судебной реформъ. [illegible] 1870 гг. занималъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ; [illegible] 1878 [illegible] иностранныхъ дѣлъ и представителемъ Румыніи на Берлинскомъ [illegible] извѣстенъ также своими учеными трудами по румынской [illegible]

на русскихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ обвиненій. Г. Когальничеану представилъ мнѣ двѣ записки, приготовленныя заранѣе.

Въ одной изъ нихъ были изложены жалобы румынъ на способъ эксплоатаціи нами ихъ желѣзнодорожной сѣти, а также на произволъ нашихъ комендантовъ желѣзнодорожныхъ станцій, остановившихъ торговлю, подвозъ угля и затрудняющихъ даже подвозъ транспортовъ для румынскихъ войскъ. Въ другой запискѣ перечислены были случаи мнимаго нарушенія воинскими властями русско-румынской конвенціи 4-го апрѣля; жалобы были въ особенности направлены на коменданта Зимницы и на многихъ изъ русскихъ интендантовъ и отмѣчены случаи грубаго обхожденія съ населеніемъ и мѣстными властями офицеровъ и чиновниковъ нашихъ. Записки эти были переданы мною генералу Дрентельну для повѣрки, и на другой день я получилъ отъ начальника тыловой части арміи обстоятельную записку съ опроверженіемъ взведенныхъ на русскихъ «тенденціозныхъ обвиненій, заключающихъ большею частію «чистую ложь», по выраженію генерала Дрентельна, заявившаго, въ свою очередь, что желѣзныя дороги, принадлежащія румынскому правительству, находятся въ невообразимо жалкомъ состояніи и что, несмотря на значительный доходъ, доставляемый дорогамъ этимъ военнымъ движеніемъ и потребностями русской арміи, правительство не дѣлаетъ ровно ничего, чтобы, по крайней мѣрѣ, поддерживать дорогу и ея подвижной составъ въ удовлетворительномъ состояніи. Дороги ремонтируются чинами нашего желѣзнодорожнаго отряда, а паровозы чинятся на нашъ счетъ, безъ чего движеніе могло бы вовсе прекратиться». Что же касается частныхъ дорогъ Румыніи, то генералъ Дрентельнъ заявилъ, что хотя румынское правительство прежде всего заинтересовано въ исполненіи законныхъ требованій русскаго правительства, а между тѣмъ министерство румынское дѣлаетъ всякія затрудненія и новой дирекціи акціонерной румынской компаніи, препятствуя ей быть полезною потребностямъ арміи.

Игнатьевъ, основываясь на заявленіяхъ генералъ-адъютанта Дрентельна, сдѣлалъ внушеніе румынскимъ министрамъ о неосновательности и преувеличенности ихъ жалобъ и посовѣтовалъ прекратить это препирательство, чтобы общими силами и при непосредственномъ соглашеніи съ генераломъ Дрентельномъ устранить тѣ затрудненія относительно сообщеній по желѣзнымъ дорогамъ, въ которыхъ онъ воочію убѣдился во время своего проѣзда изъ Унгенъ въ Бухарестъ. Что касается вопроса о Бессарабіи, то онъ напомнилъ Братіано свой разговоръ съ нимъ въ Крыму о необходимости возвращенія намъ отторгнутой въ 1856 г. части нашихъ прежнихъ владѣній, о признаніи имъ самимъ неизбѣжности и необходимости соединиться съ Россіею тѣсными узами для обез-

нечения будущности румынъ, выразивъ ему удивленіе касательно замѣченной въ немъ значительной перемѣны въ воззрѣніяхъ. Когда министры румынскіе сослались на возбужденное общественное мнѣніе и на непрочность своего положенія, если они имъ пренебрегутъ, то я замѣтилъ имъ, что, сознавъ необходимость жертвы, въ сущности ничтожной для достиженія большихъ выгодъ, они имѣли достаточно времени и обладаютъ подобающимъ вліяніемъ, опытностію и ловкостью въ общественныхъ дѣлахъ, чтобы надлежащимъ образомъ подготовить мнѣніе страны. Это тѣмъ болѣе для нихъ легко, что большинство жителей требуемаго нами участка Бессарабіи, вопреки продѣлкамъ румынскихъ агентовъ, пламенно этого желаютъ и постоянно намъ жаловались на существующій способъ управленія. Я напомнилъ румынскимъ министрамъ, что эта часть Бессарабіи только искуственно, по политическимъ, враждебнымъ Россіи соображеніямъ, присоединена къ Молдавіи, такъ какъ заключаетъ и русское и болгарское, т.-е. славянское населеніе; оторгнута она отъ Турціи силою русскаго оружія, послѣ вѣкового ряда войнъ и цѣною потоковъ крови не румынской, а русской. До того времени, т.-е. когда еще край этотъ принадлежалъ Портѣ, онъ входилъ въ составъ санджака Татарскаго, былъ почти пустынною степью, въ которой кочевали татары, а турецкіе гарнизоны занимали лишь укрѣпленные пункты. Наши выходцы изъ Россіи, а затѣмъ выходцы изъ Болгаріи, убѣгавшіе, вслѣдъ за нашими войсками, отъ преслѣдованій турокъ, начали заселять край осѣдло. Всѣ энергическія, безпощадныя и настойчивыя усилія румынскихъ агентовъ румынизировать этотъ край съ 1856 года, обезличить славянское населеніе и привлечь на свою сторону выдающихся лицъ онаго остались тщетными, причемъ особенною стойкостью отличались наши староверы [1].

Неужели — спросилъ я Братіано — вы забыли, что я вамъ говорилъ въ Крыму, а именно что присоединеніе части Бессарабіи къ Румыніи въ 1856 году, учиненное Парижскимъ конгрессомъ, было сдѣлано Австріею и Англіею единственно съ цѣлью унизить Россію въ глазахъ Востока и что сносить вѣчно такое униженіе могущественная Россія не будетъ; первый русскій солдатъ, перешедшій навязанную намъ конгрессомъ 1856 года граничную черту, вынудитъ возвращеніе Россіи отторгнутаго участка. Я и

[1] Часть Бессарабіи, отнятая у насъ по Парижскому трактату 18-го (30-го) марта 1856 г. (ст. XX), доходила до границы, проведенной по [illegible] отъ Болграда по рѣкѣ Ялпуху къ верховьямъ р. Прута. [illegible] Бессарабіей, доступа къ берегамъ Прута и Дуная, [illegible] 1812 году по Бухарестскому договору. Но, кромѣ того, Парижскій трактатъ отнялъ у насъ [illegible] и дунайскія гирла [illegible] 1829 году по Адріанопольскому миру. Берлинскій [illegible] 1878 [illegible] намъ южную часть Бессарабіи, но безъ [illegible]. А. Н.

[illegible] постоянно говорили въ 1868 году и румыны предупреждали, [illegible] въ 1856 году [illegible] должны быть [illegible] кровью [1]).

Министры, какъ будто, стали соглашаться съ неизбѣжностью факта [illegible] и заявили, съ своей стороны, слѣдующія требованія:

1. Занятіе румынскою арміею, до заключенія окончательнаго мира, турецкихъ крѣпостей: Никополя, Рахова, Ломъ-Паланки и Видина и всего дунайскаго прибрежья между этими пунктами.

2. Признаніе Портою полной независимости Румыніи. До заключенія специальныхъ договоровъ румынскіе подданные должны пользоваться въ Турціи всѣми преимуществами, принадлежащими подданнымъ другихъ европейскихъ государствъ (по капитуляціямъ).

3. Срытіе всѣхъ турецкихъ крѣпостей по Дунаю, начиная отъ Али-Бека.

4. Присоединеніе къ Румыніи устья Дуная, до рукава Св. Георгія включительно, соотвѣтственно прежнимъ правамъ собственности.

5. Уплата Портою Румыніи 100 милліоновъ франковъ военнаго вознагражденія. Занятіе праваго берега Дуная, означенное въ 1-мъ пунктѣ предложенія, до полной уплаты этой суммы.

Я взялъ отъ румынскихъ министровъ письменное изложеніе этихъ требованій, отозвавшись, что постараюсь принять въ соображеніе желанія румынскаго правительства при переговорахъ съ турецкими уполномоченными; но что касается занятія праваго берега Дуная румынскими войсками, то вопросъ этотъ подлежитъ всецѣло рѣшенію главнокомандующаго, великаго князя Николая Николаевича, по его военнымъ соображеніямъ.

Въ тотъ же день, то есть 19-го, генералъ-адъютантъ графъ Игнатьевъ, вслѣдъ за первымъ разговоромъ его съ министрами румынскими, былъ принятъ принцемъ Карломъ, которому онъ и вручилъ письмо государя императора. Аудіенція продолжалась довольно долго и, несмотря на все старапіе Игнатьева придать исполненію порученія, ему даннаго, самыя мягкія формы, завязавшійся между княземъ и нимъ разговоръ былъ самаго тяжелаго свойства. Князь настаивалъ на томъ, что требованіе уступки Бессарабіи для него совершенно неожиданно, и высказывалъ подозрѣніе, что Игнатьеву

---

[1]) [illegible] о бессарабскомъ вопросѣ [illegible] Игнатьева [illegible]

лично принадлежать эта пагубная и обидная для Румыніи мысль, такъ какъ ни государь, ни великій князь главнокомандующій, съ которымъ онъ безпрестанно видѣлся и имѣлъ довѣрчивые разговоры, никогда о возвратѣ Бессарабіи ему не упоминали и даже князь Горчаковъ, съ нимъ бесѣдовавшій неоднократно, не заикнулся объ этомъ важномъ обстоятельствѣ ни слова.

Посланными на другой день телеграммами я вкратцѣ далъ слѣдующій отчетъ канцлеру о своихъ свиданіяхъ съ принцемъ и съ министрами:

Я нашелъ здѣсь положеніе мѣстныхъ дѣлъ неудовлетворительнымъ, отношенія натянутыя, увеличивающееся взаимное раздраженіе, горькія жалобы на нашу администрацію касательно своевольнаго пользованія желѣзными дорогами. Вручилъ вчера письмо князю Карлу. Имѣлъ продолжительные и непріятные разговоры какъ съ нимъ, такъ въ особенности съ Братіано и Когальничано. Князь утверждаетъ, что государь никогда не говорилъ ему о поразившемъ его требованіи возврата участка Бессарабіи, и сказалъ, что надѣялся, переходомъ румынскихъ войскъ черезъ Дунай въ союзѣ съ русскими и совмѣстнымъ пролитіемъ крови подъ Плевною, оградить себя и Румынію отъ подобнаго требованія. Ссылаясь на конституціонныя обязанности и условія нашей конвенціи [1], гарантирующей неприкосновенность румынской территоріи, просилъ, чтобы государь подарилъ этотъ участокъ румынскому народу, или же допустилъ общій пересмотръ и исправленіе всей нашей пограничной линіи съ Румыніей [2]. Я энергически опровергалъ эти заявленія и отвергъ предложеніе исправленія всей пограничной линіи [3]. Князь собирается отвѣтить письменно государю и изло-

---

[1] Договоренной Нелидовымъ въ Бухарестѣ съ Братіано [illegible] подписанной 5-го апрѣля. [illegible]

[2] Постановка вопроса въ томъ видѣ, какъ ее представили [illegible] была совершенно недопустима, съ точки зрѣнія теоріи самаго вопроса. Онъ становился, правда, на этнографическую точку зрѣнія [illegible] «Россія желаетъ у насъ отнять южную (придунайскую) часть Бессарабіи, въ которой значительная часть населенія состоитъ изъ не-румынъ. [illegible] (между Прутомъ и Днѣстромъ) такіе уѣзды, гдѣ румыны [illegible]. Коренная ошибка такой аргументаціи состоитъ въ томъ, что этнографическій элементъ сюда не долженъ претендовать на [illegible] значеніе, [illegible] его связи съ исторіею и практическими [illegible]. Бессарабія [illegible] спасена въ 1812 году отъ турецкаго ига, при [illegible] событію всего христіанскаго населенія. Тѣмъ и [illegible] Россіи, установленныхъ по Бухарестскому договору. А. Б.

[3] Передѣлкою границы нашей принцъ Карлъ желалъ [illegible] ственному самолюбію и сохранить въ глазахъ румынскаго народа [illegible]. Уступку участка Бессарабіи онъ надѣялся прикрыть пріобрѣтеніемъ отъ насъ пограничныхъ клочковъ Бессарабской области, населенныхъ молдаванами. [illegible] заявилъ принцу Карлу, что не имѣетъ права объ этомъ [illegible] помочь, а что иначе не можетъ допустить мысли [illegible] территоріи кому бы то ни было. А. [illegible]

[illegible] своего личнаго положенія въ виду нашихъ требованій, завѣряя, что мои сообщенія и объясненія его глубоко опечалили. Я отсовѣтовалъ ему эту попытку, выставляя безполезность оной и быстроту, съ которою развивающіяся обстоятельства могутъ привести къ подписанію мирнаго договора прежде, нежели непосредственная переписка съ государемъ достигнетъ цѣли. Братіано утверждаетъ, что его камнями закидаютъ соотечественники, которые стали очень раздражительны по поводу уступки намъ Бессарабіи, усматривая въ этомъ весьма опасный прецедентъ для слабаго государства въ отношеніяхъ съ сильнымъ сосѣдомъ. Предвидитъ полное разочарованіе и румынскаго населенія въ отношеніи къ намъ и измѣненіе существующаго расположенія. Будущность отношеній Румыніи къ Россіи представляется ему въ самомъ мрачномъ видѣ. Ужасаясь послѣдствіи своей политики, хочетъ подать въ отставку. Когальничано, менѣе идеалистъ и болѣе шаткій въ своихъ убѣжденіяхъ, исчерпавъ всѣ свои доводы противъ уступки намъ Бессарабіи, принялся торговаться со мною за вознагражденіе Румыніи предоставленіемъ ей Добруджи, стараясь распространить оную до Мангаліи и Силистріи; спрашиваетъ, не можетъ ли мы согласиться на присоединеніе еще нѣсколькихъ участковъ, населенныхъ румынами, близъ Виддина (на правомъ берегу Дуная) [1], не забывая при томъ собственныхъ личныхъ интересовъ въ отошедшей къ Румыніи части Бессарабіи [2]. Я оспаривалъ означенныя притязанія территоріальнаго увеличенія, доказывая ихъ неосновательность. Стараясь казаться сговорчивымъ, не уступаю ни на шагъ по существу. Оба министра увѣряютъ, что, будучи не въ состояніи уступить Бессарабію непосредственнымъ договоромъ съ нами, они предпочитаютъ, чтобы мы выговорили возвращеніе Россіи Измаила въ договорѣ съ Портою. Вообще бесѣды съ румынами заставляютъ предвидѣть большія затрудненія съ ними въ будущемъ и измѣненіе этихъ отношеній къ Россіи по окончаніи войны. Необходимо это имѣть въ виду для принятія соотвѣтствующихъ мѣръ. Вызвалъ Романенка (нашъ консулъ въ Измаилѣ) и далъ ему надлежащія

---

1) Румынское населеніе на правомъ берегу Дуная встрѣчается въ слѣдующихъ мѣстностяхъ:

а) въ предѣлахъ Сербіи — въ довольно значительномъ пространствѣ сѣверо-восточнаго угла между Дунаемъ и Тимокомъ, отъ Петровача и Майдана до Кладова и Неготина;

б) въ предѣлахъ Болгаріи — около Виддина, Рахова, Самовита, Систова, Рущука, Орѣхова, Тутракана и Силистріи — (см. этнографическую карту проф. Т. Д. Флоринскаго). А. Б.

2) У Когальничано было тамъ имѣніе, и онъ желалъ, чтобы русское правительство купило оное у него по очень возвышенной цѣнѣ. Когальничано былъ человѣкъ корыстолюбивый. Желаніе его было сообщено Игнатьевымъ канцлеру, съ совѣтомъ симъ воспользоваться для пріобрѣтенія содѣйствія румынскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Авт.

инструкцій, чтобы противодѣйствовать румынскимъ интригамъ и мѣропріятіямъ въ Измаильскомъ участкѣ».

Игнатьевъ былъ приглашенъ къ обѣду принцемъ Карломъ 20-го января. Такъ какъ разговоръ былъ щекотливый, то князь, чтобы отнять всякій характеръ офиціальности и придать дружескій оттѣнокъ бесѣдѣ съ русскимъ уполномоченнымъ, никого не пригласилъ къ столу, кромѣ его. Сѣли за столъ втроемъ: князь, княгиня и Игнатьевъ, котораго осыпали любезностями и знаками вниманія. Въ политическомъ отношеніи князь мало измѣнилъ свое мнѣніе, но и я не поддавался на расточаемыя ласки. На другой день, 21-го, я телеграфировалъ канцлеру: «Ясность моихъ сообщеній и доводы, употребленные въ нѣсколькихъ бесѣдахъ съ княземъ и министрами, произвели нѣкоторое впечатлѣніе. Министры, продолжая выставлять трудности конституціонныя, неблагопріятное расположеніе населенія и выражая сожалѣніе, что съ ними не вступили въ переговоры о Бессарабіи еще прошлою осенью, чтобы дать имъ время подготовить почву къ тяжкому для Румыніи рѣшенію, кажется, начинаютъ свыкаться съ мыслью и переговариваться о томъ съ членами ихъ партій. Когальничано отказывается отъ притязаній своихъ въ сторонѣ Виддина, но какъ онъ, такъ и Братіано и даже самъ принцъ Карлъ настаиваютъ на уступкѣ Добруджи, съ распространеніемъ ея территоріи до Силистріи и Мангаліи. Допускаютъ, что всѣ территоріальныя уступки будутъ сдѣланы Портою Россіи съ тѣмъ, что мы переуступимъ Румыніи ту часть за Дунаемъ, которая предназначается княжествамъ, заключивъ съ нею впослѣдствіи соглашеніе [1], въ которомъ будутъ оговорены всѣ мѣстныя подробности производимаго земельнаго обмѣна [2]. Предпочитаютъ, чтобы денежное вознагражденіе Румыніи не было уплачено турками не-

---

[1] Это мѣсто изъ записокъ графа Игнатьева заслуживаетъ особаго вниманія, такъ какъ изъ него видно, что Игнатьевъ еще до возникновенія свободнаго княжества Болгарскаго ясно сознавалъ, что жизненнымъ интересомъ для Россіи представляется необходимость обезпечить наше постоянное, не зависящее отъ другихъ сосѣдей территоріальное сообщеніе съ созданною нами Болгаріею. Мысль Игнатьева состояла въ томъ, что Россія, побѣдившая Турцію, получаетъ отъ нея (по праву аннексіи) Добруджу и затѣмъ уступаетъ эту территорію Румыніи, въ видѣ повышеннаго эквивалента за вновь присоединяемую къ намъ южную Бессарабію. При этомъ мы, не ограничивая верховенства Румыніи, должны были выговорить себѣ нѣчто въ родѣ «государственнаго сервитута», право прохода черезъ Добруджу, безъ испрошенія, на каждый разъ, особаго разрѣшенія. Словомъ сказать, это было нѣчто въ родѣ пресловутаго «accès commercial», который Австрія обѣщала Сербіи, въ отношеніи Адріатики, на Лондонской конференціи 1913 года. Мысль Игнатьева осталась втунѣ. По статьѣ 46 Берлинскаго трактата, Буджакъ отданъ былъ Румыніи безъ всякой оговорки. А. Б.

[2] Это было впослѣдствіи совершенно упущено изъ вниманія министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, и Добруджа передана безусловно румынамъ по Берлинскому договору, хотя само румынское правительство, въ переговорахъ съ Игнатьевымъ, признавало право Россіи выговорить въ свою пользу нѣкоторыя условія для обезпеченія свободнаго сообщенія съ Болгаріею. А. Б.

непосредственно княжеству, а чтобы сумма эта была включена въ то военное вознагражденіе, которое Россія вытребуетъ отъ Порты. Отвѣчая мнѣ, отказался отъ дѣлаемыхъ попытокъ воздѣйствія на насъ чрезъ другіе европейскіе кабинеты. Князь Карлъ далъ мнѣ понять, что напишетъ государю единственно съ цѣлью отвѣчать на высочайшій рескриптъ и выгородить свое личное положеніе въ странѣ своимъ обращеніемъ къ государю, сдѣланнымъ для видимости.

Необходимо повліять на консерваторовъ румынскаго собранія, чтобы ослабить ихъ нападки на министровъ, которыхъ они уже обвиняютъ въ продажѣ намъ Бессарабіи, и способствовать принятію собраніемъ благопріятнаго рѣшенія. Поручилъ барону Стюарту продолжать начатыя мною усилія для умиротворенія и успокоенія страны. Выяснивъ порученные мнѣ вопросы, отправляюсь завтра въ Тырново и Адріанополь. Не могъ уладить пререканій относительно желѣзныхъ дорогъ, на что потребовалось бы мнѣ остаться здѣсь продолжительное время, чтобы изслѣдовать затрудненія и изыскать удовлетворительное разрѣшеніе».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду настояній румынскихъ министровъ, я спросилъ по телеграфу канцлера: «Слѣдуетъ ли въ переговорахъ съ турками включить Силистрію и Мангалію въ мѣстность, предназначенную румынамъ, или не измѣнять одобреннаго въ Петербургѣ проекта».

Получивъ въ Бухарестѣ свѣдѣнія, что греки готовы поднять возстаніе въ Эпирѣ, Θессаліи и Македоніи [1], я обратилъ на это обстоятельство, телеграммою отъ 21-го января, вниманіе канцлера слѣдующимъ образомъ: «Вступленіе грековъ въ Эпиръ, Θессалію и Македонію усложняетъ положеніе и склоняетъ къ радикальному рѣшенію восточнаго вопроса [2]. Не признаете ли нужнымъ снабдить меня новыми инструкціями?»

IV.

Наканунѣ моего выѣзда изъ Бухареста, вечеромъ, Братіано сообщилъ мнѣ, что главнокомандующій великій князь заключилъ перемиріе съ турками въ Адріанополѣ. Я, зная, что

---

[1] Если бы они это предприняли, какъ совѣтовалъ имъ Игнатьевъ въ проѣздъ свой чрезъ Аѳины въ январѣ 1877 года, въ ту минуту, когда наши войска стали переходить Балканы, то результаты были бы благопріятные и для Греціи, и для насъ. Движеніе это отвлекло бы часть турецкихъ войскъ и послужило бы намъ диверсіею. Сабуровъ, равно какъ и министерство иностранныхъ дѣлъ пренебрегли этимъ средствомъ и, [illegible] лишили насъ содѣйствія грековъ и возможности присоединить острова и часть Эпира и Θессаліи къ Греціи, какъ предполагалъ Игнатьевъ, имѣвшій въ виду удовлетвореніемъ грековъ облегчить созданіе Великой Болгаріи. Авт.

[2]) То есть не ограничиться условіями проекта договора, вывезеннаго изъ Петербурга, а довести дѣло до окончательнаго изгнанія турокъ на европейской территоріи [illegible] Греціи и разрѣшеніемъ вопроса о Константинополѣ и проливахъ. Авт.

его величество выразилъ главнокомандующему желаніе, чтобы дождаться пріѣзда генералъ-адъютанта Игнатьева для переговоровъ съ турками и что всѣ выгоды продолженія военныхъ дѣйствій теперь были на нашей сторонѣ, не повѣрилъ слуху, но тотчасъ же телеграфировалъ Нелидову: «Доложите великому князю, что встрѣтилъ здѣсь большія затрудненія по вопросу о Бессарабіи, задержавшія меня два дня. Сообщите мнѣ въ Тырново о положеніи [illegible] переговорахъ съ турками, для моего соображенія. Ѣду завтра. До скораго свиданія».

Канцлеру я телеграфировалъ:

«По разсказу Когальничано, онъ, спрошенный княземъ Карломъ о мнѣніи его касательно положенія дѣлъ, отвѣтилъ, что [illegible] остается ничего другого, какъ уступить Россіи Бессарабію. Онъ взваливаетъ всю отвѣтственность за этотъ исходъ на Братіано. Князь и министры очень встревожены извѣстіемъ о заключенномъ якобы перемиріи, такъ какъ они желали имѣть время взять Виддинъ, или вытребовать занятія этой крѣпости румынскими войсками. Они просили меня сообщить вамъ объ этомъ, замѣтивъ, что они, во всякомъ случаѣ, добиваются, чтобы вооруженіе и имущество крѣпости было имъ отдано. Изъ словъ самого князя и признаній Братіано можно вывести заключеніе, что князь Карлъ желалъ бы быть избраннымъ княземъ Болгаріи. Я отвѣчалъ, что государь императоръ не назначаетъ кандидата и что избраніе будетъ произведено болгарами совершенно свободно. Можетъ быть полезнымъ не разочаровывать совершенно и преждевременно князя Карла до окончанія разрѣшенія вопроса о Бессарабіи».

Писать подробныя донесенія изъ Бухареста канцлеру не было никакой возможности, ибо цѣлый день приходилось Игнатьеву принимать различнаго рода людей, имѣть свиданія съ министрами и отдавать визиты, а бесѣды съ Братіано и Когальничано продолжались часами. Только въ Адріанополѣ удалось мнѣ составить подробное донесеніе (на французскомъ языкѣ) о происходившихъ переговорахъ въ Бухарестѣ и отправить съ военнымъ курьеромъ, посылавшимся изъ главной квартиры арміи. Вотъ содержаніе донесенія канцлеру:

Согласно высочайшему повелѣнію [1]) и инструкціи, вами мнѣ данной при отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга, я остановился въ Бухарестѣ для разъясненія нѣкоторыхъ вопросовъ, прикасающихся къ будущему миру съ Турціею. Какъ ваше сіятельство [illegible] указать, дѣло шло не о формальныхъ [2]) переговорахъ, которые были

---

[1]) Всѣ донесенія Игнатьева канцлеру писаны по-французски. [illegible] въ русскомъ переводѣ.

[2]) Выраженіе [illegible]

Въ это время еще, [illegible] условій [illegible] не были установлены, и чтобы договориться съ румынами, потребовалось несравненно болѣе времени, нежели то, которымъ я могъ располагать для остановки моей на пути въ главную квартиру арміи. Я обязанъ былъ ограничиться собраніемъ свѣдѣній о дѣйствительномъ расположеніи и намѣреніяхъ румынъ, попытаться сговориться съ министрами, объясниться съ вліятельными лицами различныхъ партій, вызвать подготовить такимъ образомъ почву для желательныхъ соглашеній [1]). Военныя событія, принудившія наши войска быстро къ Царьграду, не позволяли мнѣ посвятить въ Бухарестѣ болѣе двухъ сутокъ съ половиною. Но я полагаю, что и въ этотъ краткій срокъ я сдѣлалъ все, что отъ меня зависѣло, чтобы пріостановить румынское правительство въ его опасныхъ стремленіяхъ, ведущихъ его къ разрыву съ нами.

При ускоренномъ движеніи по желѣзнымъ дорогамъ я успѣлъ прибыть въ Бухарестъ ранѣе 19-го въ полдень и долженъ былъ выѣхать 22-го въ восемь часовъ утра.

Все это время я употребилъ исключительно непрерывнымъ разговорамъ и продолжительнымъ бесѣдамъ моимъ съ княземъ Карломъ, министрами и вліятельными лицами страны. Въ виду медленности почтовыхъ сообщеній и необходимости принять своевременно мѣры для противодѣйствія враждебнымъ намъ замысламъ и интригамъ, я счелъ обязанностью извѣстить васъ по телеграфу обо всемъ вкратцѣ, но съ возможною точностью.

Согласно моему телеграфическому донесенію и, вѣроятно, свѣдѣніямъ, полученнымъ вашимъ сіятельствомъ отъ барона Стюарта, политическое положеніе въ Бухарестѣ было, въ минуту моего прибытія, весьма натянутое. Умы были чрезвычайно раздражены противъ насъ; министры, подвергаясь постояннымъ нападкамъ и укорамъ собственной своей партіи, невольно поддавались общему теченію; князь былъ перепуганъ и подпалъ подъ вліяніе лицъ, его окружающихъ. Чтобы ваша свѣтлость могли себѣ составить понятіе о родѣ обвиненій, взводимыхъ румынами на наши военныя власти, считаю долгомъ представить вамъ двѣ записки, врученныя мнѣ Княземъ лично при первомъ свиданіи. Просмотрѣвъ

[illegible] не соотвѣтствуетъ установившемуся въ русской [illegible] формѣ [illegible]. Французское выраженіе [illegible] Игнатьева [illegible] А. Б.

[1]) [illegible] Игнатьевъ сдѣлалъ въ Бухарестѣ въ два [illegible] столицѣ. Авт.

ихъ, я тотчасъ отвѣтилъ ему, что я не имѣю права судить [illegible] сеніяхъ нашей администраціи, но, убѣжденный въ [illegible] и [illegible] фактовъ, взводимыхъ на нее румынскою властью обвиненій, я могу только, отнюдь не вмѣшиваясь въ разбирательство спорныхъ вопросовъ, передать [illegible] конфиденціально генералъ-адъютанту Дрентельну, который [illegible] и будетъ [illegible] принять это во вниманіе. Вслѣдствіе [illegible] содержаніемъ этихъ записокъ, генералъ Дрентельнъ доставилъ мнѣ записку, при семъ прилагаемую, для опроверженія [illegible] выставленныхъ румынами фактовъ.

При свиданіи со мною генералъ Дрентельнъ предупредилъ меня, что комендантъ Зимницы, на котораго такъ рѣзко нападаетъ записка Когальничано, [illegible] ко [illegible] отличіе, чтобы показать, что онъ [illegible] образъ дѣйствій. Я старался смягчить обоюдное раздраженіе, но не могу ожидать видимаго результата моихъ умиротворительныхъ усилій, для достиженія котораго пришлось бы остаться въ Румыніи неопредѣленное время; для уничтоженія зла, пустившаго уже глубокіе корни, требуются энергичныя мѣры и постоянныя усилія. Впрочемъ, князь Оболенскій[1], уѣхавшій въ Петербургъ, вѣроятно доставитъ подробныя свѣдѣнія императорскому правительству о мѣстныхъ вопросахъ и въ особенности о расположеніи умовъ въ Румыніи.

Во время моего пребыванія въ Румыніи румынскія власти и даже населеніе были [illegible] учтивы, привѣтливы и предупредительны ко мнѣ. Въ Бухарестѣ, тотчасъ послѣ моего прибытія, явились ко мнѣ Братіано и Когальничано. Въ бесѣдѣ, продолжавшейся нѣсколько часовъ, и въ [illegible] съ ними (вечеромъ и на другой день) [illegible] объяснить имъ взгляды императорскаго правительства, стараясь [illegible] внушенія въ смыслѣ данныхъ инструкцій и исчерпывая всѣ доводы, которые могли бы привести ихъ на нашу точку зрѣнія. Братіано и Когальничано [illegible] пораженными [illegible] для нихъ требованіемъ возврата уступленной намъ въ 1856 году части Бессарабіи. Они утверждали, что, застигнутые мною врасплохъ, они не имѣютъ даже права вести переговоры объ этомъ предметѣ. Оба ссылались на конституціонную невозможность для министровъ трактовать объ уступкѣ малѣйшаго клочка румынской территоріи. [illegible] конституція будетъ нарушена [illegible] Карлъ [illegible] онъ, быть вынужденнымъ [illegible] и страна будетъ ввержена въ анархію; [illegible]

[1] [illegible]

сдѣлаютъ, вѣроятно, въ государственной измѣнѣ; во всякомъ случаѣ они рискуютъ потерять всякое значеніе среди соотечественниковъ, и собственная ихъ партія отъ нихъ отвернется. Братіано добавилъ, что для того, чтобы собраніе одобрило и приняло конвенцію съ Россіею (5-го апрѣля), онъ вынужденъ былъ провозгласить, что это было единственнымъ средствомъ *сохранить неприкосновенность нынѣшней территоріи*, упомянутой и гарантированной въ конвенціи [1]) и что по мысли всѣхъ румынъ эта гарантія относится прежде всего къ уступленной Россіею части Бессарабіи. Когда я напомнилъ Братіано, а равно и Когальничано, что со времени посѣщенія принцемъ Карломъ и Братіано Ливадіи въ 1875 году имъ было извѣстно наше намѣреніе возвратить утраченную часть Бессарабіи и что я лично всякій разъ, когда имѣлъ случай съ ними бесѣдовать, упоминалъ о нашихъ неоспоримыхъ правахъ на эту часть Бессарабіи и о предстоящемъ возвратѣ оной Россіи, — они мнѣ отвѣчали, что всегда предполагали, что это было лишь личное [2]) мое мнѣніе, основываясь на томъ, что его величество ни разу не заговорилъ о томъ съ княземъ Карломъ и что ваша свѣтлость въ продолженіе всего пребыванія вашего въ Бухарестѣ не затронули этого вопроса въ бесѣдахъ съ министрами. По ихъ мнѣнію, если были намѣрены, чтобы Румынія добровольно согласилась возвратить намъ участокъ Бессарабіи, необходимо было озаботиться подготовленіемъ къ сему страны, воспользовавшись довѣрительными и добрыми отношеніями нашими съ министрами. Когальнича-

[1]) [illegible] князя Горчакова и Нелидова, посланнаго въ Бухарестъ для переговоровъ съ Братіано, [illegible] Петербургъ [illegible] А. Н.

[2]) [illegible] 1865 [illegible] Александръ II [illegible] А. Н.

но въ особенности горячился и запальчиво утверждалъ, что, если бы его предупредили, онъ сумѣлъ бы систематически подготовить умы своихъ соотечественниковъ, но что въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ онъ поставленъ въ невозможность быть намъ полезнымъ».

Истощивъ безуспѣшно всѣ доводы въ доказательство матеріальной необходимости установить лучшую границу между нашею Бессарабіею и Румыніею, нежели та, которая искусственно была проведена въ 1856 году, соображенія политическія, ссылки на историческіе факты и данныя этнографическія, доказывающія основательность требованія Россіи, Игнатьевъ принужденъ былъ, какъ онъ выражался во второмъ своемъ донесеніи: «охладить пылъ Когальничано твердымъ и категорическимъ заявленіемъ о безповоротности рѣшенія государя возвратить отторгнутый у Россіи участокъ Бессарабіи». «Я далъ понять,—пишетъ Игнатьевъ,—Когальничано, какъ и Братіано, что если они станутъ сопротивляться, то найдутся другіе министры, которые, взглянувъ на этотъ вопросъ съ высшей точки зрѣнія, какъ подобаетъ истиннымъ государственнымъ людямъ, сумѣютъ уладить это дѣло; что такъ какъ Румынія обязана тѣмъ или другимъ образомъ подчиниться волѣ государя императора, то они поступили бы разумно и честно, не создавая намъ напрасныхъ затрудненій, а постарались бы, напротивъ, объяснить странѣ, что, поставленные предъ совершенною необходимостью уступки и исторической неизбѣжностью [1], они сумѣли извлечь наибольшую пользу изъ опаснаго положенія, заключивъ съ Россіею въ согласіи съ ними выгодный для Румыніи земельный обмѣнъ».

Чтобы заставить замолчать Когальничано и унять его заносчивость, мнѣ пришлось сказать ему, какъ упомянуто въ донесеніи, нѣсколько правдивыхъ, но горькихъ для него словъ объ его личныхъ поступкахъ и побужденіяхъ, чтобы показать ему, что мнѣ многое извѣстно до него лично касающееся изъ того, что можетъ

---

[1] Въ 1875 году, когда Братіано [illegible] царскій долгъ предъ Россіею, и не упуститъ, разумѣется, случая исполнить с[illegible] желаніе. Игнатьевъ объяснилъ Братіано, что если возгорится когда-либо вой[illegible] съ Турціею [illegible] Россіи [illegible] 1856 году [illegible] Россіи [illegible] нымъ.

поставить въ нашу нравственную зависимость [1]). Я указалъ обоимъ министрамъ съ негодованіемъ на недостойныя продѣлки и интриги въ Измаильскомъ уѣздѣ полковника Кандіяно, командированнаго въ званіи правительственнаго комиссара въ эту мѣстность исключительно для того, чтобы противодѣйствовать желанію той части населенію, которая уже давно стремилась вызвать присоединеніе къ Россіи. Естественно, что съ появленіемъ нашихъ войскъ сочувствіе къ Россіи оживилось и окрѣпло. Кандіяно, чтобы парализовать это настроеніе, сталъ обѣщать избавленіе на двадцать лѣтъ отъ податей и давать разныя другія заманчивыя обѣщанія, принуждая, въ то же время, черезъ мѣстныхъ властей обманнымъ образомъ сельчанъ подписывать протестъ [2]) противъ желаемаго населеніемъ присоединенія къ Россіи. Я замѣтилъ, что если румынское правительство унизится употребленіемъ подобныхъ средствъ, чтобы ввести въ заблужденіе жителей, мы вынуждены будемъ принять энергическія мѣры противъ такихъ интригъ; допуская даже, что молдаване въ этой мѣстности дѣйствительно не расположены къ присоединенію къ Россіи, не надо забывать, что они составляютъ ничтожное меньшинство, тогда какъ большинство населенія, состоящее изъ русскихъ и болгаръ, открыто и по собственному почину требуетъ возвращенія края Россіи, угрожая въ противномъ случаѣ покинуть его вмѣстѣ съ нашими войсками [3]). Я замѣтилъ, что предо-

---

[1]) Когальничано былъ человѣкъ корыстолюбивый и находился въ близкихъ денежныхъ отношеніяхъ съ Чорпаковымъ, строителемъ желѣзныхъ дорогъ, съ разными [illegible] Авт.

[2]) [illegible] заявляющая, что желаніе населенія отошедшаго отъ Россіи въ 1856 году участка Бессарабіи оставаться подъ владычествомъ Румыніи. Министръ Каминнано отправленъ былъ въ Берлинъ и Парижъ, а князь Гика въ Лондонъ ходатайствовать о [illegible] европейской гарантіи нейтралитета Румыніи, по образцу Бельгіи. Агентъ румынскій въ Вѣнѣ Балачіано хлопоталъ о томъ же. Вице-консулъ Романенко донесъ Игнатьеву, что Кандіяно, не довольствуясь подпольными интригами и глумленіями черезъ мѣстныхъ властей, сдѣлалъ открытое объявленіе по городу и уѣзду Измаильскому, въ которомъ заявилъ, что «говоръ о томъ, что румынская Бессарабія отойдетъ къ Россіи, долженъ прекратиться», и приказалъ арестовать начальству людей, смущающихъ населеніе подобными слухами, подвергнувъ ихъ законному строжайшему взысканію. По донесеніямъ Романенко, ни хитрости, ни угрозы Кандіяно не могли вынудить жителей города Измаила отказаться отъ пламеннаго желанія возсоединенія съ Россіею. Авт.

[3]) Адресы въ этомъ смыслѣ переданы были Игнатьеву нашимъ консуломъ въ Измаилѣ Романенкомъ, у котораго, тотчасъ послѣ своего выѣзда изъ Петербурга, Игнатьевъ запрашивалъ по телеграфу объ истинномъ расположеніи населенія, а равно о дѣйствіяхъ въ отошедшей части Бессарабіи румынскихъ властей, такъ какъ въ бытность посломъ въ Константинополѣ онъ всегда внимательно слѣдилъ за состояніемъ умовъ въ этомъ краѣ, гдѣ [illegible] румыны старались искоренить сочувствіе къ Россіи въ жителяхъ. Авт.

сторожности, принимаемыя нынѣ на мѣстѣ пр[illegible] ру-мынскимъ, въ виду ожидаемаго событія, служили лучшимъ доказательствомъ того, что въ силу обстоятельствъ оттор[illegible] Бессарабіи должна быть возвращена Россіи. Наконецъ, я заявилъ, что въ виду ненависти, которую румынскія власти заслужили въ населеніи, его величеству совершенно невозможно, при окончательномъ расчетѣ, который окончитъ нынѣшнюю войну, отказать въ своемъ покровительствѣ своимъ старымъ подданнымъ, [illegible] не румынскую страну, а бывшій Татарскій санджакъ, вошедшій въ составъ Бессарабіи и который въ мнѣніи не только всякаго рус-скаго, но и самихъ молдаванъ былъ только временно отторгнутъ отъ имперіи въ 1856 году.

Не оспаривая этой точки зрѣнія, министръ ограничился увѣреніемъ, что переходомъ черезъ Дунай и пролитіемъ крови вмѣстѣ съ нами на поляхъ Болгаріи румыны поставили насъ въ нравственную невозможность отобрать у нихъ участокъ Бессарабіи, что именно такой смыслъ придавали въ странѣ оказанному намъ вооруженному содѣйствію и что враги министерства поздравляли [illegible] печеніемъ Румыніи такого результата. Братіано продолжалъ говорить въ этомъ смыслѣ, выставляя все, что онъ якобы сдѣлалъ, чтобы быть полезнымъ Россіи, ссылаясь на общественное мнѣніе, противное всякой мысли о возвращеніи намъ бессарабскаго участка, на злобу, которую это посѣетъ въ краѣ и которая обратится въ открытую вражду послѣ войны. Братіано объявилъ, что, предвидя раздѣленіе [illegible] рѣнія намъ, сверхъ всѣхъ другихъ неудобствъ и затрудненій, создастъ еще опасный прецедентъ, которымъ Австро-Венгрія могла бы со временемъ воспользоваться, чтобы распространить свои владѣнія до Дуная. Первый министръ окончилъ жалобное свое изліяніе сознаніемъ опасности личнаго своего положенія [illegible] окажу содѣйствіе, моя собственная партія въ парламентѣ отъ меня отступится, страна проклянетъ, и я [illegible] соотечественниками». Когальничано, [illegible] моими предостереженіями личнаго свойства, доказалъ еще разъ гибкость своего ума, принявшись тутъ же торговаться со мною о [illegible], которое мы предложимъ Румыніи за отнятый у нея край. Чтобы быть справедливыми, слѣдовало бы, по [illegible] къ Добруджѣ еще Мангалію и Силистрію, [illegible] тѣмъ болѣе, что въ этомъ [illegible] значительное число румынъ. Въ [illegible] рилъ Когальничано, [illegible] ленныя времена принадлежали румынскимъ князьямъ. Онъ тре-

[illegible] сверхъ того, для Румыніи городъ Виддинъ съ окружающею мѣстностью вдобавокъ къ Добруджѣ. Я категорически отвергнулъ это послѣднее предложеніе, заявивъ, что такъ какъ и сербы [illegible] себѣ Виддинъ, то, чтобы избѣгнуть пререканій между двумя единовѣрными княжествами, мы рѣшили оставить Виддинъ болгарамъ, которые, въ сущности, одни имѣютъ на этотъ городъ неоспоримое право. Что касается Силистріи и Мангаліи, [illegible], что около этихъ пунктовъ нѣтъ никакой естественной границы, тогда какъ Трояновъ валъ можетъ служить весьма опредѣленною граничною чертою Добруджи. Увлеченный нашимъ споромъ, Братіано, незамѣтно для самого себя, вошелъ въ общее разсужденіе касательно вознагражденія Румыніи за Бессарабію. Онъ возразилъ, вмѣстѣ съ Когальничано, что граница по Траянову валу была бы слишкомъ приближена къ желѣзной дорогѣ изъ Черноводы въ Кюстенджи, такъ что эта линія не была бы обезпечена отъ попытки ею завладѣть извнѣ.

Замѣчанія румынскихъ министровъ и вдобавокъ настоянія князя Карла, которыя въ разговорѣ, который я имѣлъ съ нимъ вскорѣ послѣ моей бесѣды съ его министрами, съ своей стороны, требовалъ увеличенія Добруджи, вѣроятно, понудятъ насъ измѣнить нѣсколько проектъ статьи о Добруджѣ, помѣщенный въ проектѣ, разсмотрѣнномъ въ Петербургѣ. Въ виду этого я полагаю требовать отъ турокъ уступки намъ всего Тульчинскаго санджака, не упоминая о линіи Черноводы—Кюстенджи. Граница прошла бы тогда отъ моря близъ Мангаліи до Дуная, выше Рассова. Можно принять нѣсколько во вниманіе притязанія Румыніи, но Силистрію нельзя выдѣлить изъ Болгаріи. Враждебность и возрастающее недовѣріе къ намъ румынъ рѣшили меня ввести слѣдующее измѣненіе въ нашемъ проектѣ договора.

Вмѣсто того, чтобы, какъ первоначально предположено было, непосредственно предоставить Румыніи дунайскія гирла (Дельту), я намѣренъ требовать уступки всей Тульчинской области (включая всѣ острова) Россіи. Отъ насъ будетъ зависѣть предоставить впослѣдствіи часть румынамъ, взамѣнъ Бессарабіи, отчужденной въ 1856 году. Такимъ образомъ румыны будутъ лишены возможности, получивши острова Дунайскіе, протестовать противъ возврата намъ Бессарабіи. Такого рода измѣненіе утвержденнаго проекта договора [illegible] тѣмъ болѣе сообразнымъ, что сами министры румынскіе, удостовѣрившись, что они не въ состояніи отстоять своей точки зрѣнія на бессарабскій вопросъ, заявили мнѣ, что они предпочитаютъ нести послѣдствія договора, заключеннаго между Россіею и Турціею, нежели добровольно согласиться съ нами на [illegible] уступку.

[illegible] князь Карлъ сталъ говорить о [illegible] невозможности для него требованія Бессарабіи, [illegible]

глубокомъ впечатлѣніи, которое слухъ объ этомъ у [illegible] Румыніи, и о затрудненіяхъ, созданныхъ такимъ образомъ его правительству.

Я доложилъ князю самымъ почтительнымъ, но рѣшительнымъ [illegible] образомъ требованія нынѣшняго положенія и рѣшеніе, [illegible] государемъ.

Князь Карлъ выразилъ большое удивленіе по поводу [illegible] нія этого вопроса. «Я надѣялся, — сказалъ онъ, — что мое поведеніе во время войны оградило меня отъ такого большого униженія; подданные мои никогда не простятъ мнѣ, что я ихъ ввелъ въ войну для того, чтобы прійти къ такому горестному результату, нарушающему конституцію, которой я присягалъ, и конвенцію, заключенную съ Россіею». Онъ доказывалъ мнѣ, что положеніе его въ Румыніи сдѣлается невыносимымъ и т. п.

«Всѣ эти доводы были, очевидно, подсказаны ему министрами, говорившими уже мнѣ совершенно въ томъ же смыслѣ за часъ передъ тѣмъ. Но князь пошелъ еще дальше. По его мнѣнію, если его величество желаетъ нынѣ уничтожить послѣдніе слѣды несчастныхъ обстоятельствъ начала его царствованія, то, конечно, понятно, что, пользуясь нынѣшнимъ положеніемъ, государь заставитъ султана возвратить Россіи тотъ край, который былъ отъ нея отторгнутъ въ 1856 году; но разъ, что народная честь такимъ образомъ будетъ удовлетворена, императоръ могъ бы подарить этотъ клочокъ румынамъ, въ награду за содѣйствіе, оказанное его войскамъ въ преодолѣніи турокъ, или даже допустить общій пересмотръ и исправленіе русско-румынской граничной линіи, причемъ могли быть отданы Румыніи (взамѣнъ Измаила) нѣкоторая часть Бессарабіи [illegible] на лѣвомъ берегу Верхняго Прута. Я не допустилъ продолженія разговора на эту [illegible] тему и вернулъ князя на болѣе практическую почву дѣйствительности. Онъ долго распространялся относительно затрудненій и опасностей своего личнаго положенія въ краѣ и предупредилъ меня, что намѣренъ написать письмо государю, чтобы умолить его отказаться отъ проекта, который могъ быть приведенъ въ исполненіе только въ ущербъ «вѣрному боевому союзнику». Такъ какъ онъ постоянно возвращался къ «униженію», которому онъ подвергнется, я не могъ не замѣтить ему, что въ сдѣлкѣ, предлагаемой государемъ, нѣтъ никакого ровно униженія, а лишь земельный обмѣнъ.

«Европейская гарантія Румыніи, какъ составной части Турецкой имперіи, обезпеченная Парижскимъ договоромъ 1856 года, прекращена войною и объявленіемъ независимости княжествъ [1]).

---

[1]) Весьма замѣчательная мысль. Не [illegible] что гарантія Румыніи [illegible] ной части Турецкой имперіи, обезпеченная Парижскимъ договоромъ [illegible] щена войною и объявленіемъ независимости [illegible]

Весьма понятно, что княжеское правительство желало бы замѣнить прежнее свое международное положеніе признаніемъ нейтралитета Румыніи, наподобіе Бельгіи. Неудобства подобнаго результата не только для Россіи, но и вообще для славянскихъ земель Балканскаго полуострова очевидны: русскимъ войскамъ будетъ закрытъ доступъ къ послѣднимъ. Игнатьевъ въ бесѣдѣ съ Братіано указалъ на дѣйствительный способъ огражденія Румыніи въ будущемъ отъ Австро-Венгріи и Турціи заключеніемъ оборонительнаго союза съ Россіею, съ оговоркою права прохода русскихъ войскъ черезъ княжества, когда обстоятельства вынудятъ наше заступничество военное за единовѣрцевъ на Балканскомъ полуостровѣ. Такъ какъ Братіано соглашался съ этимъ мнѣніемъ, то Игнатьевъ предложилъ князю Горчакову заключить подобную искреннюю конвенцію съ Румыніей прежде заключенія окончательнаго мира съ Турціею, причемъ договоръ этотъ не имѣлъ бы быть направленнымъ противъ Австро-Венгріи, а лишь служилъ какъ бы огражденіемъ Румыніи отъ мщенія турокъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если благопріятная минута, чтобы связать княжества выгоднымъ для Россіи образомъ, будетъ пропущена и состоится вмѣшательство европейскихъ державъ въ условія замиренія Востока, то такая конвенція не можетъ быть заключена и кабинеты употребятъ всевозможныя старанія, чтобы оттолкнуть отъ насъ Румынію [1]).

«Неоднократно различные европейскіе кабинеты и сама Турція въ 1870 году подсказывали намъ, чтобы мы возвратили себѣ отчужденную часть Бессарабіи, но государь не желалъ пріобрѣсти оную не предупредивши румынъ и не доставивши имъ соотвѣтствующаго вознагражденія. [illegible]

слова «garantie collective de toutes les Puissances signataires» были употреблены въ статьѣ 25-ю Парижскаго договора лишь въ отношеніи тѣхъ основныхъ законовъ («l'organisation de ces provinces»), которые должны были быть выработаны мѣстнымъ народнымъ представительствомъ по соглашенію съ Портой, а затѣмъ уже и утверждаемы турецкимъ законодательнымъ актомъ («hatti-chérif»). Разумѣется, разъ Румынія провозгласила свою независимость и объявила войну Турціи, то всѣ эти положенія ранѣе тѣмъ самымъ отпадали. А. Б.

[1]) Прозорливость Игнатьева подсказывала ему, что никакое международное гарантированіе нейтральности Румыніи, наподобіе Бельгіи, не можетъ быть освящено согласіемъ Россіи, пока останется не разрѣшеннымъ вопросъ о территоріальномъ непосредственномъ общеніи между Россіею и славянскими государствами на Дунаѣ. Здѣсь мысль Игнатьева достигаетъ ясности и прозрачности настоящей доктрины. Какъ, впрочемъ, мы и раньше указывали, что есть въ его запискахъ такія мѣста, которыя составляютъ какъ бы дидактическое наставленіе для будущей школы дипломатовъ.

Въ связи съ тѣмъ, что Игнатьевъ категорически отвергъ всякое предположеніе о томъ, будто бы досихъ поръ существовала въ пользу Румыніи европейская коллективная гарантія статьи 25-й Парижскаго трактата, Игнатьевъ оставался вѣрнымъ разъ принятой имъ системѣ, когда онъ отвергалъ мысль о провозглашеніи нейтральности Румыніи наподобіе Бельгіи и, взамѣнъ этого, настойчиво подсказывалъ румынамъ, что имъ естественнѣе и интереснѣе было бы заключить съ нами особую конвенцію. А. Б.

рительно съ княземъ, какъ сноситься [illegible] предлагая ему вознагражденіе [illegible] несравненно [illegible], такъ какъ Добруджа съ [illegible] дельтою составляютъ земельную площадь вдвое большую [illegible] Измаильскій уѣздъ, и сверхъ того [illegible] которой доселѣ Румынія была лишена [1]).

Я горячо отсовѣтовалъ князю обращеніе къ государю, предупреждая, что оно будетъ непріятно его величеству и что оно не можетъ вызвать никакихъ благопріятныхъ послѣдствій, такъ какъ рѣшеніе императора окончательно и безповоротно. Князь Карлъ, тѣмъ не менѣе, настаивалъ на своемъ предположеніи написать государю, давъ мнѣ, однако, понять, при окончаніи нашихъ разговоровъ, что письмо его будетъ лишь отвѣтомъ на [illegible] рескриптъ и попыткою, для видимости, [illegible] свою личную отвѣтственность отъ всякаго упрека, доказавъ румынамъ, что онъ исчерпалъ всѣ имѣвшіяся у него средства, чтобы воспрепятствовать потерѣ края, присоединеннаго къ Молдавіи въ 1856 году.

По нѣкоторымъ выраженіямъ и намекамъ князя Карла, мнѣ показалось, что ему желательно быть избраннымъ въ Болгаріи [2]), когда эта страна будетъ преобразована въ самостоятельное княжество. Онъ мечтаетъ посвятить себя созданію Болгаріи и ея общественному устройству. Братіано подтвердилъ мое предположеніе, и я замѣтилъ, что онъ поощряетъ до нѣкоторой степени эти мечтанія. Въ признаніи Братіано [illegible] [illegible] насаясь личнаго значенія, пріобрѣтеннаго [illegible] щаго союзными войсками подъ Плевною, но, можетъ быть, они стремятся установить личную унію между Болгаріею и Румыніею, чтобы эксплоатировать первую въ свою пользу. Во всякомъ случаѣ, это стремленіе можетъ увѣриться и выразиться въ опредѣленной формѣ. Въ отвѣтъ на намеки и на запросы касательно будущаго князя болгарскаго я ограничился отзывомъ, что [illegible] нѣтъ еще кандидата для Болгаріи, что выборъ князя будетъ зависѣть отъ самого населенія и что если князь Карлъ желаетъ обра-

---

[1]) По Парижскому договору 1856 г. [illegible] 25-го декабря [illegible] врапить Россіи [illegible] Бессарабіи [illegible] дати 8035 квадратныхъ верстъ [illegible] Добруджа около 10,500 кв. верстъ [illegible] пространствъ, но [illegible] Румыніи территорію еще увеличили. Авт.

[2]) [illegible] береговъ Дуная, въ Болгаріи, имѣло связь съ этимъ проектомъ. Авт.

[illegible] до успѣха его предположенія о движеніи румынскихъ войскъ въ Болгарію, во-[illegible] за ихъ вмѣшательства въ дѣло на со-вершенные расходы. Мнѣ кажется, однакоже, что до устроенія бес-сарабскаго вопроса намъ надо избѣгать вызывать противодѣй-ствіе [illegible] въ Болгарію.

Румынскіе министры мнѣ сообщили конфиденціально инструк-ціи, данныя [illegible] Гикѣ, посланному въ Петербургъ (прежде моего выѣзда изъ столицы) съ порученіемъ добыть для Румыніи желаемое ею вознагражденіе и отвратить наше требованіе возвращенія бессарабскаго участка. Считаю долгомъ доставить при семъ копію съ этого документа на случай, если бы текстъ оный былъ неизвѣ-стенъ вашей свѣтлости.

Брэтіано и Когэльничано силятся представить «сущими безд-лицами» предъявленныя притязанія румынскаго правительства, увѣряя при этомъ, что они предпочитаютъ не пріобрѣтать ни-какой территоріи, лишь бы бессарабскій участокъ, отчужденный въ 1856 году, не былъ похищенъ у Румыніи. Я далъ имъ замѣтить, что, требуя уничтоженія дунайскихъ крѣпостей въ Болгаріи, мы не можемъ впасть въ противорѣчіе, допуская желаемое ими продол-жительное занятіе нѣкоторыхъ изъ нихъ румынскими войсками, что, впрочемъ, вопросъ этотъ подлежитъ исключительному вѣдѣнію главнокомандующаго всѣхъ войскъ, дѣйствующихъ противъ ту-рокъ за Дунаемъ [1].

Вашей свѣтлости извѣстно, вѣроятно, что нѣсколько дунай-скихъ крѣпостей уже заняты румынскими войсками и, вѣроятно, будетъ занятъ ими Виддинъ, который турки очистятъ при заклю-ченіи перемирія. Домогательство, чтобы войска эти могли оста-ваться въ этихъ крѣпостяхъ до заключенія окончательнаго мира между Портою и княжествами и до совершенной уплаты денеж-наго вознагражденія, могло бы создать впослѣдствіи большія затрудненія. Нельзя бы было приступить къ устройству Болгар-скаго княжества, пока крѣпости и города на правомъ берегу Дуная, съ обширнымъ райономъ мѣстности, необходимой для содержанія гарнизоновъ, оставались бы въ рукахъ румынъ.

«Со своей стороны, я жалѣю, что, въ виду заносчивости ру-мынъ, занятіе дунайскихъ крѣпостей не смѣшанное, а предо-ставлено румынскимъ гарнизонамъ и что не признано было воз-можнымъ отдѣлить изъ нашей арміи нѣсколько батальоновъ, ко-торые были бы введены въ занятыя турецкія крѣпости совмѣстно съ румынами.

---

[1] Надо замѣтить, такимъ образомъ, румынамъ, что ихъ войска, равно какъ и серб-скія, находятся подъ командою великаго князя Николая Николаевича, отъ котораго и [illegible] сообразное на-ченіе. Авт.

[illegible] параграфѣ шестомъ инструкціи князя Гика, должно быть вклю- [illegible] ственно, потому что Порта не имѣетъ денегъ и, вѣроятно, поже- [illegible] или финансовыми долгосрочными обязательствами. Чтобы избѣг- [illegible] между нашими требованіями и домогательствами румынъ, я счи- [illegible] что княжеству предоставляется право предъявить непосредственно свои требованія на денежное вознагражденіе за проторы и убытки и что размѣры этого вознагражденія будутъ опредѣлены по взаимному соглашенію между Румыніей и Портою; Россія же можетъ принять участіе въ рѣшеніи этого вопроса только въ качествѣ посредника или третейскаго судьи, если спорящіе не придутъ къ непосредственному соглашенію. Какъ только я прибылъ въ Адріанополь, командированный въ главную квартиру румынскій

---

[1] [illegible]

[2] [illegible] ливый Игнатьевъ видитъ дальше. Онъ понимаетъ, что предстоящая передача Добруджи, [illegible] нашей дипломатіи, имъ была отдана Добруджа безъ всякихъ сепаратныхъ со[illegible]

маіоръ Аріонъ представилъ мнѣ подробную записку въ подтвержденіе требованія румынскаго правительства денежнаго вознагражденія. Не вникая въ громадности и беззастѣнчивости румынскихъ притязаній, я ограничился указаніемъ г. Аріону того, что мы располагаемъ сдѣлать для княжества при заключеніи мира, и затѣмъ ограничился въ разговорѣ съ нимъ общими мѣстами.

Считающій себя оскорбленнымъ, вслѣдствіе заключенія главнокомандующимъ перемирія съ турками безъ его, какъ румынскаго представителя, участія, маіоръ Аріонъ заявилъ мнѣ, что оставляетъ главную квартиру и возвращается въ Бухарестъ.

Исчерпавъ въ бесѣдахъ своихъ съ румынскими министрами всѣ вопросы, означенные въ инструкціяхъ, которыми ваша свѣтлость меня снабдили, я затронулъ также и вопросы о нейтралитетѣ румынской территоріи и объ оборонительномъ союзѣ съ нами, къ которому, впрочемъ, Братіано, послѣ возбужденія бессарабскаго дѣла, не возвращался, и, наконецъ, объ участіи княжества въ той европейской конференціи, которая можетъ быть созвана для окончательнаго разсмотрѣнія восточныхъ дѣлъ.

Разъясненія мои сдѣланы въ точномъ смыслѣ вашихъ инструкцій. Имѣю поводъ предполагать, что оба министра передали князю Карлу въ точности слова, мною сообщенныя, и вообще мои разъясненія. Съ другой стороны, я узналъ, что Когальничано поручилъ нѣкоторымъ агентамъ собрать статистическія данныя, чтобы напечатать брошюру, доказывающую выгоды, получаемыя Румыніею при предполагаемомъ обмѣнѣ, съ цѣлью подготовленія своей партіи и собственнаго оправданія въ ея глазахъ.

Такъ какъ Братіано и Когальничано, въ разговорахъ со мною, настаивали въ особенности на препятствіи, которое они встрѣтятъ въ собраніи со стороны оппозиціи, то я вступилъ въ сношеніе съ главнѣйшими вожаками ихъ противниковъ-консерваторовъ. Я старался дать понять симъ послѣднимъ, что коль скоро они себя выставляютъ друзьями Россіи и всегда пользовались нашею поддержкою, то имъ представляется нынѣ случай доказать намъ свою искренность: предоставляя имъ, сколько имъ угодно, нападать на министерство Братіано по другимъ вопросамъ и даже его опрокинуть и замѣстить, мы требуемъ, чтобы въ бессарабскомъ дѣлѣ они доказали, что намъ не противорѣчили и шли съ нами заодно. Такой образъ дѣйствій обяжетъ насъ ихъ поддерживать и впредь, согласно нашимъ преданіямъ въ княжествахъ и нашему всегдашнему сочувствію къ людямъ порядка въ странѣ. Поддерживать въ этомъ случаѣ министерство, если оно выскажется благопріятно для насъ въ бессарабскомъ вопросѣ, убѣждаетъ ихъ не только политическій здравый смыслъ и правильно понятый патріотизмъ, но и выгоды ихъ партіи, сохраняющей полную возможность впослѣд-

ствія возобновить борьбу на иной почвѣ. Нѣкоторые изъ вліятельныхъ лицъ заявили мнѣ, что они сознаютъ правильность этого воззрѣнія, и обѣщали мнѣ свое содѣйствіе; но, зная румынъ, я не сохраняю никакихъ иллюзій насчетъ продолжительности и искренности этого расположенія, точно также и относительно добросовѣстности дѣйствій самихъ министровъ».

Честолюбивые замыслы румынъ, недобросовѣстное отношеніе къ намъ и заискиваніе предъ Европою противъ насъ, несмотря на союзъ съ Россіею и на братство по оружію, скрѣпленное пролитою кровью подъ Плевною, нежеланіе ихъ удовольствоваться одною Добруджею и гирлами дунайскими, предложенными имъ государемъ, внушили Игнатьеву мысль симъ воспользоваться и привести дѣло о вознагражденіи Румыніи за уступку Бессарабіи къ болѣе выгодному для Россіи и Бессарабіи исходу. Предлагая Добруджу, но въ тѣхъ границахъ, которыя были первоначально предположены, Игнатьевъ хотѣлъ вести къ тому, чтобы румынскіе министры, не желавшіе удовольствоваться такимъ обмѣномъ, отказались категорически отъ Добруджи, какъ отъ недостаточнаго и разорительнаго для Румыніи подарка, продолжая настаивать на предпочтеніи, уже ими заявленномъ, получить денежное вознагражденіе отъ турокъ, чрезъ наше посредство. Сдѣлавъ для исполненія инструкцій, ему данныхъ, и для соблюденія международнаго приличія предложеніе обмѣна земель, Игнатьевъ замышлялъ офиціально оформить отказъ румынскаго правительства удовольствоваться Добруджею, которая будетъ уступлена Портою не Румыніи, а Россіи, что доставитъ намъ полное право располагать этою областью по своему усмотрѣнію. А потому Игнатьевъ надѣялся получить высочайшее разрѣшеніе передать, за отказомъ Румыніи,—Болгаріи всю Добруджу, съ обязательствомъ выплачивать румынскому правительству соотвѣтствующее вознагражденіе въ формѣ или займа, сдѣланнаго въ Европѣ, съ платежомъ процентовъ и погашенія Болгаріею, или же ежегодно выплачиваемой сею послѣднею Румыніи суммы въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ, подъ гарантіею Россіи, что обезпечило бы намъ на долгое время роль посредника между Румыніею и Болгаріею и утвердило бы наше вліяніе на обѣ стороны.

Во время пребыванія Игнатьева въ Бухарестѣ принцесса Елизавета удостоила его принять въ частной аудіенціи и долго бесѣдовала съ нимъ съ глазу на глазъ. Она, между прочимъ, повѣдала съ горячностью и нѣкоторымъ смущеніемъ личныя затрудненія князя Карла ввести добросовѣстное и порядочное управленіе въ краѣ и пріучить къ дисциплинѣ, къ чувству долга и чести такихъ распущенныхъ людей, какъ румыны», и высказала, что рѣшеніе, принятое въ Петербургѣ касательно Бессарабіи, создастъ мужу ея новыя затрудненія, можетъ быть, непреодолимыя. Прин

п... красноречиво и, по-видимому, съ искреннимъ увлеченіемъ говорила Игнатьеву о преданности своей и принца Карла государю и всей царской семьѣ, о природномъ расположеніи и пріобрѣтенномъ умѣніи князя Карла и ея самой управлять и вводить порядокъ въ восточныхъ странахъ», выражая въ то же время, какъ бы мимоходомъ, что болгаръ еще легче пріучить къ дисциплинѣ военной, къ экономіи въ расходахъ и къ порядку въ администраціи, нежели румынъ, которые, какъ принадлежащіе къ латинской расѣ, отличаются словоохотливостью, доходящею до пустой болтовни, и распущенностью нравовъ». Желая удостовѣриться, до какой степени простираются виды владѣтельной румынской четы на Болгарію, Игнатьевъ, послѣ обѣда 20-го января, при общемъ разговорѣ, происходившемъ втроемъ, безъ постороннихъ лицъ, умышленно заговорилъ о созданіи и устройствѣ будущаго Болгарскаго княжества, о вѣроятныхъ границахъ онаго и о природномъ расположеніи жителей къ дисциплинѣ, порядку въ хозяйствѣ и расчетливости, что, по его мнѣнію, облегчило бы значительно введеніе благоустройства въ краѣ, лишь бы умѣли за это взяться какъ слѣдуетъ. «Въ Болгаріи,—сказалъ Игнатьевъ,—эта задача можетъ быть достигнута легче, нежели во всякой другой странѣ Востока, какъ справедливо изволила замѣтить наканунѣ принцесса Елисавета». Отвѣтныя разсужденія и намеки принца Карла и его супруги подтвердили вполнѣ предположеніе Игнатьева, что оба они желали бы быть призванными болгарами на княженіе въ Софію.

Не успѣлъ Игнатьевъ выѣхать изъ Россіи, какъ князь Горчаковъ, подъ вліяніемъ получаемыхъ имъ свѣдѣній отъ нашихъ представителей за границею (въ особенности отъ графа Шувалова и Новикова), сталъ измѣнять свои воззрѣнія и посылать вдогонку Игнатьеву телеграммы и бумаги, измѣняющія тотъ образъ дѣйствій, который ему былъ предписанъ государемъ при отъѣздѣ изъ Петербурга и который предъ тѣмъ обсуждался у его величества съ участіемъ канцлера.

Въ Бухарестѣ Игнатьеву были переданы слѣдующія телеграммы канцлера:

«Отъ 1[illegible]-го января. Намъ сообщаютъ изъ Берлина, что по донесенію князя Рейса, германскаго посла въ Константинополѣ [1]), турки рѣшили принять наши условія и подписать перемиріе».

«Отъ 17-го января. Извѣстіе о заключеніи перемирія еще не подтверждено главною квартирою. Государь и я энергически за-

---

[1]) [illegible] XII [illegible] род. 1825 г., умеръ въ 190[illegible] г. германскій посолъ [illegible] К. Г.

[illegible]

[illegible] приплялъ. Бюловъ его осадилъ. Онъ отправился въ Парижъ».

[illegible] 3), перешлите въ главную квартиру, въ Адріанополь. Ан[illegible] [illegible] дать въ отставку 4), если мы не согласимся на европейскую кон[illegible]

[illegible] Румыніи въ Константинополѣ, а во время войны состоялъ при главной квартир[illegible]

[illegible] [illegible]дыдущая, доказала Игнатьеву, что въ Петербургѣ [illegible]

иначе, какъ съ принятіемъ Портою нашихъ предварительныхъ основныхъ мирныхъ условій, мы не возражаемъ противъ европейскаго соглашенія, что переговоры, вамъ порученные, только прелиминарные и что отъ Австріи зависитъ предложить великимъ державамъ или конференцію министровъ иностранныхъ дѣлъ, или же всякій другой способъ европейскаго соглашенія. Въ вашихъ прелиминарныхъ условіяхъ договора промолчите (т.-е. исключите) вопросъ о проливахъ, какъ дѣло исключительно и очевидно европейское [1])».

V.

Уѣзжая изъ Бухареста, Игнатьевъ очень сожалѣлъ, что князь Горчаковъ не захотѣлъ послѣдовать его совѣту (данному, когда зашла въ Петербургѣ рѣчь объ отправленіи Игнатьева чрезъ Бухарестъ въ главную квартиру) отправить въ Румынію особаго посланника, envoyé extraordinaire, снабженнаго достаточными полномочіями, для нахожденія тамъ нѣкоторое время, способнаго уладить возникшія дѣла и недоразумѣнія между нами и румынами, воздѣйствовать на партіи, повліять на ихъ образъ дѣйствій и отношенія къ вопросамъ, насъ затрагивающимъ, и направить общественное мнѣніе въ такую важную для будущихъ нашихъ отношеній къ княжествамъ и для положенія нашего на Балканскомъ полуостровѣ историческую минуту. Игнатьевъ даже указалъ на личность, вполнѣ пригодную для этого назначенія, Влангали (бывшаго генеральнаго консула въ Бѣлградѣ и затѣмъ посланника въ Китаѣ), который, какъ онъ доложилъ государю, могъ бы или отправиться въ Бухарестъ по подписаніи, вмѣстѣ съ Игнатьевымъ, договора съ турками, или же, если не желали его назначить уполномоченнымъ для веденія вмѣстѣ съ Игнатьевымъ переговоровъ съ Портою, тотчасъ явиться прямо въ Бухарестъ съ письмомъ отъ государя. При всѣхъ личныхъ качествáхъ нашего дипломатическаго агента въ Румыніи, барона Стюарта, котораго Игнатьевъ цѣнилъ и которому отдавалъ полную справедливость, онъ не могъ, въ особенности послѣ продолжительнаго пребыванія самого канцлера, занять то положеніе, на которое слѣдовало поставить русскаго политическаго представителя для противодѣйствія сосредоточеннымъ иностраннымъ интригамъ, подстрекавшимъ шаткіе и легкомысленные умы румынскихъ политическихъ дѣяте-

[1]) Такимъ образомъ, прежде, нежели успѣлъ доѣхать Игнатьевъ и начались переговоры, проектъ, который онъ везъ изъ Петербурга, былъ уже измѣненъ и того условія, которое, по мнѣнію Игнатьева, имѣло первостепенное значеніе для Россіи въ морскомъ, торговомъ, экономическомъ и политическомъ отношеніи, было запрещено касаться въ переговорахъ съ турками. Авт.

лей противъ Россіи [1]). Послѣдствія оправдали опасенія Игнатье[illegible] 22-го января Игнатьевъ выѣхалъ изъ Бухареста по желѣзной [illegible] [illegible] Алексѣя Александровича, завѣдывавшаго нашими военными судами на Дунаѣ [illegible] гребномъ суднѣ чрезъ Дунай, по которому плавали льдины, затруднявшія переправу. На противоположномъ берегу [illegible] коляску, высланную по приказанію государя наслѣдника, и въ ней благополучно и скоро доѣхалъ до главной квартиры его императорскаго высочества, начальствовавшаго войсками восточнаго [illegible] арміи, расположенными между Рущукомъ, Шумлою [illegible] Янтрою.

Наслѣдникъ принялъ весьма милостиво уполномоченнаго, доѣхавшаго до Брестовца [illegible] всѣхъ его спутниковъ приглашеніемъ къ своему столу. Игнатьевъ обратился къ начальнику штаба его высочества, генералу Ванновскому, съ просьбою облегчить ему переѣздъ въ Адріанополь по военной почтѣ для того, чтобы какъ можно скорѣе доѣхать до главной квартиры, ибо другого средства скораго переѣзда по Болгаріи быть не могло. Генералъ Ванновскій [illegible] Игнатьева, сдѣлавъ распоряженіе о заготовленіи ему и его спутникамъ лошадей на разставленныхъ до Казанлыка станціяхъ. Адъю[illegible] послѣдняго, графъ С. Д. Шереметевъ, оказалъ большую услугу Игнатьеву, предложивъ ему собственную коляску, которою онъ и воспользовался до Тырнова, гдѣ ему удалось купить старую коляску у одного изъ интендантовъ. Послѣ обѣда государь наслѣдникъ удалился въ свой кабинетъ вмѣстѣ съ Игнатьевымъ и [illegible] [illegible] рахъ, веденныхъ въ Бухарестѣ, а также ознакомился съ содержаніемъ проектированнаго прелиминарнаго договора, съ приложенною къ нему картою, на которой были наложены предполагаемыя для Болгаріи, Сербіи и Черногоріи новыя границы. Его высочество выразилъ полное свое одобреніе требованіямъ, которыя мы были намѣрены предъявить туркамъ, и условіямъ будущаго договора, [illegible] несенныхъ Россіею громадныхъ жертвъ и возбужденныхъ въ нашихъ единовѣрцахъ преувеличенныхъ надеждъ, могли требовать *меньше*, нежели предположено, отъ турокъ. Извѣстіе о заключенномъ уже перемиріи въ Адріанополѣ было столько же неожиданно для наслѣдника, сколько и для генералъ-адъютанта Игнатьева.

---

[1]) [illegible]

Когда же я лично доложилъ его высочеству, что получилъ это извѣстіе передъ самымъ отъѣздомъ своимъ изъ Бухареста отъ Братіано, какъ исходившій отъ князя Карла слухъ, онъ все еще надѣялся, что онъ не подтвердится, въ особенности потому, что обстоятельства намъ благопріятствовали такъ, что мы могли бы дойти безъ большихъ усилій до высотъ Босфора, что вся выгода, сознаваемая государемъ, состояла въ быстромъ преслѣдованіи нашихъ послѣднихъ успѣховъ и что мнѣ извѣстно было, «что его величеству благоугодно было, чтобы для заключенія предварительныхъ основныхъ условій мира дождались моего прибытія въ главную квартиру».

Игнатьевъ высказалъ его высочеству опасеніе, что забудутъ включить въ основныя требованія наше необходимое добавленіе — передачу намъ, въ видѣ гарантіи, при перемиріи Шумлы и Варны и что, наконецъ, дѣло можетъ быть такъ испорчено въ первоначальныхъ переговорахъ съ турецкими уполномоченными, что его нельзя уже будетъ исправить и достигнуть желаемаго результата, а потому онъ начинаетъ колебаться, нужно ли ему еще ѣхать въ главную квартиру и не лучше ли повернуть назадъ и отправиться прямо въ Константинополь моремъ, какъ было прежде предположено. Его высочество сознался, что неожиданное перемиріе его ограничило своею преждевременностью, тѣмъ болѣе, что войска его уже взяли Базарджикъ, заняли окрестности Эски-Джумы и Разграда и по донесенію командира 13-го корпуса князя Дондукова-Корсакова должны были почти безъ боя занять Шумлу, а перемиріе, оставившее въ рукахъ турокъ эту крѣпость, вынудило его не только отказаться отъ этого вѣрнаго результата и остановить свои войска, но даже отъ него потребовали изъ главной квартиры, чтобы онъ ихъ отвелъ назадъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ верстъ на 30, на другія позиціи и возвратилъ туркамъ уже занятыя нашими войсками болгарскія селенія, принявшія русскихъ, какъ своихъ избавителей. Демаркаціонная линія между русскими и турецкими войсками была проведена въ главной квартирѣ безъ вѣдома и предварительнаго сношенія съ его высочествомъ, причемъ не было принято во вниманіе расположеніе подчиненныхъ ему войскъ въ минуту пріостановки военныхъ дѣйствій со стороны Адріанополя.

Пріостановка желаемаго государемъ, равно какъ и всѣми заботящимися о благѣ Россіи, о выгодности и прочности будущаго мира наступательнаго движенія къ Царьграду нашихъ войскъ, проведеніе демаркаціонной линіи и подписаніе предварительныхъ условій измѣняли совершенно то положеніе дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, при которомъ состоялась командировка Игнатьева въ главную квартиру. Незнаніе причинъ, повліявшихъ на такое рѣшеніе главнокомандующаго, сознаніе, что приведеніе въ исполненіе замышлявшагося Игнатьевымъ перенесенія переговоровъ съ турками въ Константинополь, съ возобновленіемъ въ случаѣ на-

[illegible] бывающихъ тамъ пословъ, становится невыполнимымъ и, наконецъ, опасеніе, что, остановясь въ нашемъ наступленіи, мы доставляемъ предвидѣнную Игнатьевымъ возможность [illegible] Игнатьевъ счелъ, однакоже, долгомъ откровенно высказать впечатлѣнія наслѣднику цесаревичу и сознаться въ тѣхъ мысляхъ, которыя ему приходили тогда въ голову. Его вы[illegible] его намѣренія вернуться въ Бухарестъ. «Рѣшеніе это было бы, мо-[illegible] чество:—но я полагаю, напротивъ, чт[illegible] скорѣе добраться до главной квартиры, чтобы постараться попра-[illegible] Россіи [illegible] нить возложенное на него порученіе наилучшимъ образомъ, наслѣдникъ высказалъ, что смотритъ съ опасеніемъ на послѣдствія перв[illegible] ложнаго шага, сдѣланнаго въ переговорахъ съ турками, но не теряетъ надежды, что Игнатьевъ «сумѣетъ достигнуть чего-нибудь лучшаго».

Пожертвовавъ всѣми личными соображеніями, Игнатьевъ тотчасъ же рѣшился свято исполнить волю наслѣдника и, несмотря на мрачное предчувствіе личныхъ непріятностей въ главной квартирѣ [illegible] утрату прежнихъ надеждъ на славное окончаніе войны, выѣхалъ [illegible] вихрь, вырывавшійся изъ ущелій. Артил-[illegible] проѣзд[illegible]. Вниманіе окружающихъ наслѣдника къ русскому уполномоченному было простерто до того, что въ коляску графа С. Д. Шереметева была положена буфетчикомъ его высочества провизія, которою съ благодарностію воспользовались путешественники [illegible] найти что-либо поѣсть было трудно. Впрочемъ, до-

[illegible]
тить въ [illegible].

Болгарское населеніе, узнавъ о проѣздѣ Игнатьева, тотчасъ [illegible] мочениому блестящую овацію, представило ему благодарствен-[illegible] рывали Игнатьева остаться на ночлегъ въ Тырновѣ, пр[illegible] невозможность проѣхать горами ночью, при наступившей темнотѣ [illegible] ніи. Снѣгу столько выпало, что занесло путь, и ямщикъ никакъ [illegible] сбивался, останавливался и двигался зачастую шагомъ. Перебиваясь такимъ образомъ, Игнатьевъ достигъ Габрова лишь между двумя-тремя часами утра и вынужденъ былъ, чтобы ото-[illegible] ковъ-колонистовъ не берется. Чиновники дипломатическіе, Базили, Щербачевъ и Вурцель, ѣхавшіе съ нимъ въ другомъ экипажѣ, отстали, заблудились и лишь къ разсвѣту успѣли догнать своего начальника, поджидавшаго ихъ съ безпокойствомъ. Выѣхавъ [illegible] св. Николая лишь около двухъ часовъ пополудни и тутъ спас[illegible][1] [illegible] части) и парковъ, проходившихъ въ это время черезъ Шипкинскій перевалъ. Дѣло въ томъ, что, несмотря на предостереженія и просьбы [illegible] на Шипку въ коляскѣ, тогда какъ другіе предпочли итти большую [illegible] то-есть ближе къ горѣ, и экипажу Игнатьева приходилось съ трудомъ пробираться большею частью по окраинѣ дороги, у самаго обрыва. Шагахъ въ тридцати или сорока до вершины горы, то-есть до того мѣста, съ котораго начинается спускъ къ Шипкѣ, коляска, [illegible]

[illegible]

[illegible] ь правымъ колесомъ за какой-то фургонъ. Отцѣ- [illegible] гнуть вторичнаго приключенія, взялъ слишкомъ вл[illegible] [illegible] лотну дороги и оборвалась въ обрывъ, увлекая своею тяжестью лошадей. Къ счастью, твердый и густой кустъ пріостановилъ [illegible] нѣсколько секундъ быстрое паденіе экипажа. Игнатьевъ, не потерявъ присутствія духа, сбросилъ съ себя шубу, выскочилъ въ [illegible] кустъ; ему удалось такимъ образомъ удержаться отъ паденія въ обрывъ, но руки стали костенѣть, и онъ чувствовалъ, что долго [illegible] онъ не въ состояніи и что силы ему скоро измѣнятъ. Когда ко[illegible] генерала-то свалили въ обрывъ». Солдатики моментально достали въ обозѣ какую-то веревку, и Волынскаго полка унтеръ-офицеръ, самоотверженно обвязавъ вокругъ себя одинъ изъ концовъ ея, [illegible] Игнатьевъ, начинавшій ослабѣвать. Другой конецъ веревки былъ въ рукахъ десятка полтора нижнихъ чиновъ. Игнатьевъ ухватился одною рукой за веревку, за которую держался его спаситель, а другую взялъ волынецъ; группа солдатъ на шоссе стала дружно вытягивать обоихъ и помогла Игнатьеву выкарабкаться [illegible] Горячо поблагодарилъ всѣхъ ихъ Игнатьевъ, онъ от[illegible] лошади были убиты при паденіи въ обрывъ, а коляска какимъ-то чудомъ почти уцѣлѣла, только рессоры согнулись и крылья обломались, и потребовалась небольшая починка, чтобы [illegible] къ дер. Шипкѣ. Но нѣкоторыя вещи повыпали, между прочимъ ящикъ съ полномочіемъ и брильянтовая звѣзда св. Александра [illegible] [1].

---

[1] [illegible] ская.

[illegible] 21-го января [illegible] Адріанополя:

[illegible] моихъ вещи, [illegible] оставшихся [illegible] дер. Шипки, былъ командированъ великимъ княземъ л.-гв. ка- [illegible] потребецъ, многое помято и поломано, нѣсколько золотыхъ про- [illegible] рялись, брильянтовая звѣзда Александра [illegible] [illegible] вавшимъ мои вещи въ балканскихъ трущобахъ. Фургонъ [illegible] стантинополя... Конечно, несравненно лучше было бы не заклю- [illegible] нашего чрезъ Балканы. Но мы теперь предупредили турокъ, [illegible] въ случаѣ прихода англійской эскадры въ Босфоръ принуждены будемъ занять высоты надъ самымъ Константинополемъ—comme [illegible].

[illegible] *[illegible] и попра- вить* другими сотворенное легкомысленно. Задача мнѣ предстоитъ [illegible] Войска растаяли такъ, что желательно было бы вернуть ихъ [illegible] жествомъ труповъ и проч...

[illegible] сохранилъ меня чудомъ въ балканской пропасти, куда [illegible]

[illegible] до Казанлыка, Игнатьевъ сталъ спускаться съ горы къ деревнѣ Шипкѣ, скользя и падая безпрестанно. Солдаты и тутъ не оставили его. Одинъ изъ нихъ прикрѣпилъ къ палкѣ штыкъ и предложилъ Игнатьеву упираться на эту трость новаго изобрѣтенія. Съ этимъ посохомъ въ одной рукѣ и поддерживаемый солдатами съ другой, Игнатьевъ благополучно спустился съ горы и попалъ въ бараки артиллерійскихъ офицеровъ, тутъ расположенныхъ съ

[illegible]

[illegible] Петербурга и Бухареста главная квартира была извѣщена о предстоящемъ [illegible] [illegible] телеграммою Нелидова изъ Бухареста доставить ему въ [illegible] [illegible] несмотря на телеграфическое извѣщеніе, посланное главно- [illegible] направленію къ Хермаплы войскъ гренадерскаго корпу[illegible] [illegible] скаго начальника. Игнатьевъ отправился въ Эски-Загру чрезъ [illegible] [illegible] развалины послѣ разгрома, произведеннаго въ немъ Сулейманомъ-пашою въ іюлѣ; по отступленіи отряда Гурко всѣ [illegible] [illegible]лыка до Хермаилы были ограблены и разорены [illegible] нѣкоторыя изъ нихъ догорали во время его проѣзда. Голодные жители-болгары изъ числа тѣхъ, которые успѣли попрятаться и уцѣлѣли, уже стали возвращаться на свои пепелища, прося ми[illegible]тыню и стараясь пріютиться въ развалинахъ. Дорога была [illegible] часъ повозки безчисленныхъ обозовъ, тянущихся по непролазной [illegible]

[illegible]

ошибаются тѣ, которые утверждаютъ, что несчастія, постигаю-щія страну послѣ военныхъ дѣйствій, еще ощутительнѣе и из-вѣстнѣе, нежели ужасы поля сраженія. Картины, мнѣ представляв-шіяся на пути, служили наилучшимъ внушеніемъ для уполномоченнаго, которому поручены переговоры для заключе-нія мира самымъ миролюбивымъ государемъ, употребившимъ столько усилій, чтобы избѣгнуть войны. Все, что я видѣлъ на пути изъ Казанлыка, подтверждало и доказывало, съ другой сто-роны, совершенную необходимость избавить разъ навсегда этотъ богатый край отъ непосредственнаго владычества турокъ и ввес-ти новый порядокъ, могущій обезпечить благоденствіе населенія и водворить прочное мирное существованіе, согласно великодушнымъ намѣреніямъ государя императора».

На пути изъ Эски-Загры въ Херманлы Игнатьеву пришлось переночевать въ чистомъ полѣ между бивуаками гренадеръ, чтобы покормить уставшихъ своихъ лошадей и переждать темноту, изъ опасенія заблудиться въ незнакомой мѣстности даже для возницы [1]). Наконецъ добрался онъ съ трудомъ 26-го, около полудня, до Херманлы. Ему пришлось напрасно просидѣть около двѣнадцати часовъ на станціи Тырново-Семенлы въ ожиданіи локомотива, который вытребовали изъ Адріанополя, по неимѣнію никакого локомотива на станціи для снаряженія поѣзда. Тутъ видѣлся онъ съ принцемъ Александромъ Баттенбергскимъ (впослѣдствіи княземъ болгарскимъ), который прибылъ на поѣздѣ изъ Адріанополя въ сопровожденіи нѣсколькихъ австрійскихъ и прусскихъ офице-ровъ и ѣхалъ съ ними въ Филиппополь. Князь Баттенбергъ въ на-смѣшливомъ тонѣ сообщилъ Игнатьеву самыя печальныя свѣдѣ-

---

[1]) Письмо Базили, перваго секретаря константинопольскаго посольства, сопут-[illegible] пять сутокъ, «въ 115 часовъ». Скорость необычайная и непостижимая...

[illegible] щихъ командъ. Холодъ все усиливается. Въ два часа достигли св. Николая. Дорога [illegible] ска катится внизъ, но Николай Павловичъ, сбросивъ шубу, выскочилъ и ухва-[illegible]

нія о нравственномъ состояніи главной квартиры, въ которой по словамъ князя, всѣ устали отъ войны, рады вырваться изъ Турціи и ждутъ съ нетерпѣніемъ возможности вернуться поскорѣе въ Петербургъ, забывъ восточный вопросъ, сказалъ принцъ, который всѣмъ имъ надоѣлъ. Князь не постѣснился добавить, что не онъ одинъ, но всѣ иностранные офицеры, тутъ присутствующіе, могутъ подтвердить, что всѣ тѣ, которые служили въ германской и австрійской арміяхъ, даже англичане-корреспонденты, поражены упадкомъ военнаго духа въ главной квартирѣ. Всѣ тамъ надѣются, что все кончено, что объявили утомительную войну конченною и миръ уже заключеннымъ, почему и отслужили торжественный благодарственный молебенъ. Всѣ жаждутъ отдыха, желаютъ наслаждаться добытыми лаврами, и послѣ напряженія послѣднихъ недѣль кампаніи все распустилось. Какъ о самой обыкновенной вещи, князь разсказалъ Игнатьеву, въ присутствіи иностранныхъ офицеровъ, подтвердившихъ всѣ его изреченія, что ожидается на

[illegible]

[illegible] въ Мраморномъ морѣ, [illegible] и что турец-
кіе уполномоченные, окончивъ переговоры съ главнокомандую-
щимъ и Нелидовымъ, уѣхали уже восвояси. Онъ окончилъ вопро-
сомъ: «Какая причина вашего пріѣзда, что вы будете дѣлать въ
Адріанополѣ? дѣла вѣдь уже тамъ окончены до вашего прибы-
тія». [illegible]
въ главной квартирѣ. Игнатьевъ скорбѣлъ и приходилъ въ негодо-
ваніе [illegible] Баттенберга и
[illegible] иностранныхъ, совершенно расположенныхъ
[illegible] преданныхъ, которые вѣрно изображали грустную
картину состоянія умовъ въ главной квартирѣ. Въ сущности, въ
ту минуту, когда главныя дѣйствующія лица арміи, въ особен-
ности непосредственно окружающія главнокомандующаго, вообра-
жали, что уже все окончено благополучно въ Турціи и что пора
домой», прямая обязанность военнаго начальства не была выпол-
нена, а въ политическомъ отношеніи ничего окончено не было и
не могло быть; была лишь совершена крупная ошибка, умалившая,
парализовавшая блистательные успѣхи нашего оружія и пере-
давшая всѣ козыри, которые благое Провидѣніе и выносливая
храбрость русскаго солдата доставили Россіи въ декабрѣ и январѣ,
въ руки завистливыхъ англичанъ; эти послѣдніе поспѣшили вос-
пользоваться нашими промахами, перегнали насъ подъ Царьгра-
домъ и сдѣлались, ради нашего благодушія, безпечности, прекло-
ненія предъ Европою и усталости главной квартиры, хозяевами по-
ложенія, съ цѣлью однимъ ударомъ лишить насъ результатовъ,
пріобрѣтенныхъ долговременною дипломатическою подготовкою и
въ особенности кровью русскаго чуднаго солдата.

Очевидно было, что Игнатьеву, прибывшему слишкомъ поздно,
уже почти нечего было дѣлать, ибо поправить дѣло, дурно начатое,
онъ уже былъ не въ состояніи; его ожидали одни затрудненія, не-
пріятности и разочарованія въ главной квартирѣ дѣйствующей
арміи. Съ подобными мыслями и въ такомъ расположеніи духа
прибылъ онъ 27-го, въ пять часовъ утра, въ Адріанополь и явился
къ главнокомандующему, какъ только великій князь всталъ. Не-
смотря на затрудненія и задержки, встрѣченныя въ пути, быстрота
переѣзда Игнатьева изъ Бухареста была для главной квартиры
неожиданностью и удивила главнокомандующаго. Но, къ сожа-
лѣнію, обстоятельства еще быстрѣе измѣнились за промежутокъ
времени отъ выѣзда Игнатьева изъ Петербурга и до прибытія въ
Адріанополь. Сдѣлалось очевиднымъ, что переговоры должны бу-
дутъ считаться съ большими затрудненіями, нежели предполага-
лось, и что паника, вызванная нашими побѣдами и быстрымъ насту-
пленіемъ русскихъ войскъ, улеглась и исчезла вслѣдствіе пере-
мирія, доставивъ туркамъ возможность оправиться и пріити въ
себя.

Произошла тяжелая сцена между великимъ княземъ Н[illegible] [illegible] сить главнокомандующаго, почему онъ остановился и поспѣшилъ [illegible] войскъ на высотахъ Царьграда и Босфора [1]. Игнатьевъ добави[illegible] [illegible] сколько мнѣ извѣстно, телеграфировалъ 11-го или 12-го январ[illegible] Великій князь сталъ увѣрять Игнатьева, что его торопили изъ Петербурга князь Горчаковъ и изъ Лондона графъ Шувал[illegible] [illegible] граммы, на которую ссылался постоянно Игнатьевъ, разрѣш[illegible] ш[illegible] ему идти безостановочно до высотъ Константинополя и пре-[illegible] ную квартиру уполномоченный. Игнатьевъ не могъ удержать [illegible]

[illegible]

[illegible] семь дней по полевому телеграфу, что если такъ въ дѣйствительности, то надо удивляться безпечности главной квартиры и тотчасъ же принять мѣры для возстановленія правильныхъ и непосредственныхъ сообщеній съ Петербургомъ, крайне необходимыхъ въ особенности при теперешнихъ обстоятельствахъ и начинающихся мирныхъ переговорахъ, тѣмъ болѣе, что военныя дѣйствія еще могутъ возобновиться при упорствѣ турокъ, поддерживаемыхъ интригами англичанъ и австрійцевъ, и вмѣшательствѣ Англіи въ наши переговоры съ Портою. Великій князь при этихъ словахъ чуть не вскрикнулъ: «Избави Богъ... Смотри, ты намъ навяжешь еще войну съ Англіей. Пора кончить военныя дѣйствія и идти домой». Игнатьевъ въ заключеніе сказалъ, что если бы даже главнокомандующій и не получилъ разрѣшенія государя идти впередъ, то, въ виду положенія воюющихъ сторонъ, состоянія турецкой арміи и грозящаго вмѣшательства Англіи, лучшее средство предупредить усложненія было имѣть въ виду только стратегическія соображенія, а вовсе не обращать вниманіе на предупрежденія и пожеланія, идущія изъ Лондона или даже изъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ. Съ этой минуты главная квартира не могла скрыть своего неудовольствія касательно появленія среди ея «воинствующаго дипломата», какъ говорили ему полушутя великій князь и генералъ Непокойчицкій, а, вѣроятно, повторяли другіе. Одинъ, который обрадовался дѣйствительно его пріѣзду, это князь Черкасскій, который и поспѣшилъ зайти къ Игнатьеву, несмотря на свое болѣзненное

Игнатьевъ понималъ, что тексты переговоровъ, конвенцій, трактатовъ получаютъ то или другое направленіе, то или другое содержаніе въ зависимости отъ наличности совершившихся фактовъ (fait-accompli). Поэтому въ его представленіи немыслимо было допускать приостановку наступленія нашихъ войскъ ради начатыхъ переговоровъ о будущемъ мирѣ. Дарованіе туркамъ перемирія было уже само по себѣ чѣмъ-то слишкомъ [illegible], чтобы [illegible] медлить до опредѣленія твердыхъ предначертаній будущаго мира (préliminaires du traité de la paix). Занятіе нами угрожающаго положенія на высотахъ Босфора было въ глазахъ Игнатьева необходимое условіе, которое онъ считалъ нужнымъ создать раньше всего, а потому онъ сильно волновался, когда ему пришлось осуществить задачу «Санъ-Стефанскаго договора», при недостаточномъ осуществленіи этого условія.

[illegible] періодъ болѣе близкимъ къ настоящему времени, мы знаемъ [illegible] политическія конъюнктуры, при которыхъ принципы эти неоднократно забывались, [illegible] Игнатьевской [illegible] дипломатіи [illegible] значенія. Когда, въ декабрѣ 1912 года, мы настаивали («изъ чувства человѣколюбія») на подписаніи перемирія между балканскимъ союзомъ и Турціею, то филантропическія добрыя намѣренія, очевидно, одержали верхъ въ нашихъ сферахъ надъ ясно поставленными началами Игнатьевской традиціи, которыя гласили: «не благодѣтельствовать [illegible]».

Филантропическія [illegible] Чаталджи [illegible] Адріанополь. А. Б.

уже состояніе и, не заставъ дома, написалъ ему слѣдующую записку (отъ 27-го января) на французскомъ языкѣ: «Дорогой графъ, я жажду васъ видѣть и васъ послушать. Къ несчастью, я васъ не засталъ сегодня утромъ [1]), когда явился, чтобы засвидѣтельствовать вамъ почтеніе».

Игнатьевъ отвѣтилъ, что какъ только кончитъ свои объясненія съ великимъ княземъ, такъ самъ зайдетъ. Ему прежде всего хотѣлось выяснить дѣйствительное положеніе дѣлъ и добиться или приближенія къ Константинополю арміи, или, по крайней мѣрѣ, немедленнаго возвращенія въ Адріанополь турецкихъ уполномоченныхъ, такъ какъ его постоянно преслѣдовало опасеніе, что благопріятная минута будетъ окончательно упущена, что англичане появятся съ эскадрою у Царьграда вслѣдствіе того, что мы отказались отъ занятія Галлиполи и прибрежья Дарданеллъ, по настоянію графа Шувалова, и что европейская конференція, затѣянная графомъ Андраши, на которую, къ сожалѣнію, слишкомъ поспѣшилъ князь Горчаковъ согласиться, соберется прежде, нежели подробности нашего мира съ Турціею будутъ установлены въ желаемомъ нами смыслѣ.

Для достиженія своей цѣли, при общей апатіи, которую онъ нашелъ въ главной квартирѣ, онъ остался въ домѣ, гдѣ она помѣщалась вмѣстѣ съ главнокомандующимъ, нѣсколько часовъ сряду. Общее впечатлѣніе, вынесенное изъ разговоровъ съ разными лицами и самимъ великимъ княземъ и его начальникомъ штаба, было самое безотрадное и почти подтвердило слова князя Баттенберга, показавшіяся Игнатьеву въ Семенлы крайне преувеличенными. Игнатьеву пришлось слышать почти отъ всѣхъ главныхъ чиновъ штаба одно: Поскорѣе заключайте миръ и отпустите насъ домой. Богъ съ ними, съ этими болгарами, изъ-за которыхъ мы полѣзли въ такую даль. Гурко и Скобелевъ составляли едва исключеніе изъ общаго настроенія. Они и были ближе къ войску, одушевленному желаніемъ итти впередъ и бить турокъ. Игнатьеву хотѣлось, во что бы то ни стало, выяснить темный вопросъ о не полученной якобы телеграммѣ государя, посланной послѣ совѣщанія 9-го января. Запрошенный Игнатьевымъ князь [illegible], котораго онъ зналъ съ малолѣтства и который завѣдывалъ полевымъ телеграфомъ, сознался, что шифрованная телеграмма государя къ главнокомандующему была имъ подана великому князю 19-го числа утромъ, то-есть въ день подписанія перемирія. Тогда Игнатьевъ вернулся къ великому князю и [illegible] ему, что онъ [illegible], что упомянутая телеграмма, приглашающая его продолжать наступленіе до высотъ Царьграда, была имъ дѣйствительно получена, хотя и съ большимъ запозданіемъ, но за нѣсколько часовъ

[1]) Игнатьевъ былъ [illegible]

ю подписанія и ретирады. Смущенный великій князь съ неудовольствомъ отвѣтилъ Игнатьеву: «Такъ и было, телеграмма пришла слишкомъ поздно. Непокойчицкій уже условился съ турецкими уполномоченными, а я далъ свое слово и не могъ уже его измѣнить. Слѣдовательно, пришлось утвердить перемиріе и разрѣшить Непокойчицкому его подписаніе. Чего ты отъ насъ добиваешься, приставая ко мнѣ?» Въ необдуманномъ порывѣ негодованія у Игнатьева сорвалось [illegible] съ языка: «Я хотѣлъ удостовѣриться, что разрѣшеніе государя итти впередъ до Константинополя до васъ дошло, но позвольте доложить вамъ, что если бы вы не были великимъ княземъ, а простымъ главнокомандующимъ, то подверглись бы большой отвѣтственности. Не только при полученіи такого разрѣшенія царя, [illegible] даже если бы его совсѣмъ не было получено, обязанность военачальника была бы не давать себя останавливать переговорами съ турками, ищущими въ перемиріи своего спасенія, а неудержимо итти впередъ, гоня разбитыхъ турокъ до береговъ Босфора, пока они еще не опомнились отъ разгрома и англичане не мѣшались». Великій князь отвѣтилъ, что его пламенное желаніе было [illegible] дойти до Константинополя, но тутъ ничего нельзя было подѣлать, такъ какъ я уже слово далъ Намику и Серверу пашамъ и не желалъ новыхъ компликацій. Притомъ надо было дать отдохнуть войскамъ, а артиллеріи подтянуться и догнать свои части». Игнатьевъ замѣтилъ, въ заключеніе, великому князю, что, по его мнѣнію, обѣщаніе, данное необдуманно туркамъ, могло бы быть легко нарушено объявленіемъ, что «обстоятельства измѣнились, что ваше обѣщаніе должно быть нарушено, такъ какъ вы—только исполнитель царской воли, а государь приказалъ итти впередъ въ виду англійскихъ интригъ. Такимъ образомъ, вы были бы вполнѣ правы предъ турецкими уполномоченными, которые, какъ люди опытные, понимаютъ, что можете дѣйствовать самостоятельно только сообразно получаемымъ отъ государя инструкціямъ, и при томъ вы свалили бы всю вину разрыва переговоровъ на англичанъ, что подорвало бы ихъ вліяніе въ Портѣ. Наша цѣль была бы лучше достигнута, чѣмъ перемиріемъ и демаркаціонною линіею, связывающею насъ по рукамъ и ногамъ, тогда какъ туркамъ дана возможность оправиться, а англичанамъ предоставлена неосновательными соглашеніями графа Шувалова съ Дерби свобода дѣйствій противъ насъ».

Весьма естественно, что послѣ такого разговора взаимныя довѣрія и прежнія личныя отношенія между великимъ княземъ и Игнатьевымъ были, къ сожалѣнію, невозвратно нарушены, чѣмъ и воспользовались различныя личности, окружавшія главнокомандующаго и имѣвшія на него преимущественное вліяніе, чтобы еще болѣе отдалить великаго князя и возбудить его противъ того,

котораго онъ предъ всѣми называлъ прежде товарищемъ своего дѣтства и краснымъ солнышкомъ [1]).

Разговоръ Игнатьева съ княземъ Черкасскимъ, разразившимся, при всей своей сдержанности, тяжкими жалобами на главную квартиру, преимущественно на генерала Непокойчицкаго и его ближайшихъ помощниковъ, на безхарактерность великаго князя, на отсутствіе всякой предусмотрительности и послѣдовательности въ ихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ, на общую безпечность и апатію, на постоянную безтактность и предубѣжденіе въ отношеніи болгаръ, что князь Черкасскій приписывалъ польскимъ вліяніямъ на различныхъ чиновъ штаба, еще болѣе заставилъ Игнатьева призадуматься надъ будущностью начатаго имъ

[1]) Все, что графъ Игнатьевъ говоритъ объ ошибкахъ главной квартиры и о разногласіяхъ его съ главнокомандующимъ, великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ (Старшимъ), оставлено безъ перемѣнъ и [illegible] безъ [illegible] пропусковъ.

Это вызывается не только научной правдивостью, но и тѣмъ, что записки Игнатьева имѣютъ большую цѣнность, какъ историческій документъ; [illegible] и справедливо въ томъ отношеніи, что записки не имѣютъ [illegible] памфлета и отнюдь не направлены противъ памяти несомнѣнно свѣтлаго человѣка, какимъ былъ его высочество Николай Николаевичъ Старшій, имя котораго до сихъ поръ окружено яркимъ и заслуженнымъ ореоломъ въ народной памяти у [illegible]. Онъ и къ Игнатьеву съ самой ранней юности относился дружественно и называлъ онъ его «краснымъ солнышкомъ». Слѣды этихъ старыхъ и хорошихъ душевныхъ связей не могъ не смягчить во многомъ тѣхъ противоположностей, которыя выяснились передъ довершеніемъ дѣла въ Санъ-Стефано. Мало того, именно благодаря упомянутой мягкости въ личныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ людей [illegible] общественной высоты, оказалось возможнымъ [illegible], доходившей даже до рѣзкости, о которой [illegible] «Записки» Игнатьева.

Для безпристрастнаго читателя, обозрѣвающаго [illegible], становится яснымъ, что [illegible], хотя и [illegible] властью, не въ состояніи была реализировать [illegible] мѣръ [illegible] духовные недуги [illegible] плоти», интригующая камарилья главной квартиры. Издали сохраняется за [illegible] великой войны по освобожденію южныхъ славянъ [illegible]. Но подъ микроскопомъ очевидца открываются [illegible], которыя по ихъ природѣ были свойственны [illegible] высшимъ кругамъ. Къ нашему стыду, лучше всего [illegible] за кулисами власти, именно [illegible] «знатные иноземцы» [illegible] были прежде «свои»—въ хвостѣ принца Александра Баттенбергскаго, и они же (эти пруссаки и австрійцы) подняли насъ на смѣхъ... Тѣмъ болѣе цѣнна [illegible] Игнатьевскихъ записокъ, которая раскрываетъ передъ нами эту картину, очевидно, минувшихъ нравовъ. Мы говоримъ «минувшихъ», какіе бы ни были [illegible] въ позднѣйшее время, а именно потому, что теперь,—во-первыхъ, «иноземцамъ» уже въ значительной степени поставленъ предѣлъ [illegible] общественнаго мнѣнія; во-вторыхъ, командующая власть не набирается [illegible] узкаго круга, получившаго [illegible] характеръ; въ настоящее время [illegible] гораздо шире открываютъ доступъ къ [illegible] въ разнообразныхъ кругахъ населенія. Въ этомъ заключается [illegible] расширеннаго значенія въ исторіи.

А. Б.

[illegible]
кассекомъ, выражали радость по случаю его пріѣзда и перебывали у [illegible] князя Церетелева, бывшаго секретаря посоль- [illegible]
канцеляріи уполномоченнаго.

VI.

[illegible]

Опасенія и предсказанія Игнатьева, что положиться на Румы- [illegible]

[illegible]

мому съ румынами по долговременному пребыванію своему въ княжествахъ, Николая Карловича Гирса[1]): «Изъ вашихъ телеграммъ можно заключить, съ какими затрудненіями вамъ приходится бороться, чтобы уладить порученное вамъ дѣло въ Румыніи. Воображаю себѣ, что васъ ожидаетъ за Дунаемъ, когда придется переговариваться съ Турками. Но я увѣренъ, что все, что возможно, будетъ вами достигнуто. Примите искреннѣйшія мои пожеланія выйти со славою изъ этихъ затрудненій. Судя по послѣдней вашей телеграммѣ, правительство румынское какъ будто помирилось съ мыслью уступить намъ участокъ Бессарабіи за вознагражденіе, но я все еще боюсь, что палата надѣлаетъ намъ много хлопотъ, а между тѣмъ, право, имъ не на что жаловаться, потому что пріобрѣтеніе Дельты и Добруджи ихъ вдвое вознаградитъ за уступку ничтожнаго клочка земли. Сегодня пишу я вамъ офиціально по двумъ довольно важнымъ вопросамъ: 1) о вознагражденіи Персіи за доброе поведеніе ея во время войны и 2) о признаніи эчміадзинскаго католикоса главою всѣхъ грегоріанскихъ армянъ въ Турціи. По сему, второму вопросу поступила къ намъ записка изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, изъ которой вы усмотрите, до какой степени это дѣло для насъ важно. Что же касается пріобрѣтенія Котура для персіянъ, то я долженъ вамъ сознаться, что эта мысль принадлежитъ мнѣ. Мнѣ кажется, что при проведеніи новой нашей малоазіатской границы можно выговорить лишній кусокъ съ тѣмъ, чтобы вымѣнять его на Котуръ. Впрочемъ, вы лучшій судья въ этомъ дѣлѣ и, можетъ быть, придумаете болѣе удобный способъ. Во всякомъ случаѣ, намъ непремѣнно надо воспользоваться настоящими обстоятельствами, чтобы исполнить данное персіянамъ отъ имени государя императора обѣщаніе.

Вамъ придется, вѣроятно, лично переговаривать съ турками на счетъ азіатской границы и на случай, если бы встрѣтились какія-нибудь техническія затрудненія въ этомъ, недурно было бы, по моему мнѣнію, имѣть вамъ подъ рукою офицера генеральнаго штаба кавказской арміи, спеціально знакомаго съ топографіею того края; если вы раздѣляете это мнѣніе, то вы можете немедленно вытребовать къ себѣ чрезъ военнаго министра такого офицера. Страшно подумать, сколько вамъ предстоитъ заботъ и тревоги. Да поможетъ вамъ Богъ въ этихъ трудныхъ и столь важныхъ для Россіи обстоятельствахъ.

Вѣрьте искренности чувствъ душевно васъ уважающаго и неизмѣнно преданнаго «Н. Гирса».

На второй день своего прибытія въ Адріанополь Игнатьевъ получилъ слѣдующую телеграмму отъ барона Стюарта, отъ 29-го ян-

[1]) Впослѣдствіи министръ иностранныхъ дѣлъ (1882—1895 гг.).

варя: «Вчера въ секретномъ засѣданіи соединенныхъ палатъ Когальничано сообщилъ всѣ документы относительно сношеній нашихъ съ Руминіею со времени депутаціи въ Ливадію. Сегодня продолженіе. Сенаторъ Константинъ Градишка потребовалъ отправленія въ Бессарабію войскъ. Братіано доказывалъ невозможность сопротивленія волѣ государя. Никакого рѣшенія не послѣдовало. Возбужденіе большое. Надѣются сильно на заступничество Австріи» [1]).

Игнатьевъ, по прибытіи своемъ въ Адріанополь, телеграфировалъ канцлеру (27-го числа, днемъ) чрезъ Авлону: «Прибылъ ночью въ Адріанополь. Къ сожалѣнію, не засталъ уже здѣсь турецкихъ уполномоченныхъ, отпущенныхъ въ Константинополь. По просьбѣ моей, прибытіе мое сюда для переговоровъ о мирномъ договорѣ заявляется Нелидовымъ Серверъ-пашѣ [2]) въ Константинополѣ, съ приглашеніемъ отъ имени главнокомандующаго ускорить начало переговоровъ».

Жену и мать свою Игнатьевъ извѣстилъ по телеграфу же, что здоровъ и прибылъ благополучно послѣ труднаго и тяжелаго странствованія въ Балканахъ и въ долинѣ рѣки Марицы, причемъ вынужденъ былъ доѣхать налегкѣ, безъ вещей, оставленныхъ сзади.

Отъ князя Горчакова Игнатьевъ получилъ въ Адріанополѣ слѣдующія дополнительныя инструкціи, показывающія, до какой степени онъ вначалѣ былъ готовъ на всевозможныя уступки Австріи и Англіи, въ виду ожидаемой легкости европейскаго соглашенія и въ надеждѣ на свое мирное торжество въ конференціи, и какъ постепенно проявились опасенія и разочарованія, заставившія канцлера измѣнить нѣсколько свои воззрѣнія и напирать преимущественно на то, чтобы Игнатьевъ какъ можно скорѣе заключилъ договоръ съ Портою.

Телеграмма канцлера отъ 28-го января:

«По высочайшему повелѣнію, полковникъ Боголюбовъ [3]) уѣзжаетъ завтра. Доставитъ вамъ дополнительныя и объяснительныя инструкціи».

---

[1]) Результатъ австро-венгерскихъ интригъ въ то время, когда князь Горчаковъ думалъ опираться на графа Андраши. Авт.

[2]) Съ которымъ Нелидовъ велъ переговоры о перемиріи и принятіи предварительныхъ условій. Серверъ-паша былъ прежде въ частыхъ и хорошихъ сношеніяхъ съ графомъ Игнатьевымъ, въ особенности когда состоялъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Поддавшись подъ вліяніе европейцевъ, онъ разочаровался подъ конецъ войны, увидѣвъ тщету обѣщаній Англіи и надеждъ, возлагавшихся на нее Портою, а потому, въ бытность свою въ главной квартирѣ, весьма рѣзко и правдиво выражалъ свое негодованіе на коварство Англіи, чего ему не простилъ Лайярдъ, посолъ Англіи. Авт.

[3]) Отправленный слишкомъ поздно изъ Петербурга съ новыми данными, какъ выразился въ своемъ сообщеніи генералъ-адъютантъ Милютинъ, въ главную квартиру о нашихъ границахъ въ Азіи, предложенныхъ кавказскимъ намѣстникомъ, и о границахъ Черногоріи. Авт.

Еще прежде этихъ инструкцій, ожиданіе которыхъ могло только затруднить и смутить Игнатьева, заставить его колебаться, вынудить выказать туркамъ нерѣшительность и во всякомъ случаѣ замедлить ходъ переговоровъ на двѣ или три недѣли, канцлеръ отправилъ съ обыденнымъ курьеромъ слѣдующую инструкцію Игнатьеву (на французскомъ языкѣ): После отъѣзда вашего превосходительства политическое положеніе измѣнилось въ такомъ смыслѣ, что, несомнѣнно, должно повліять на наши дѣйствія въ мирныхъ переговорахъ. По пріѣздѣ въ Адріанополь вы найдете всѣ подробности этого новаго положенія въ дипломатическихъ документахъ, отправленныхъ отсюда великому князю главнокомандующему. Достаточно, если я вамъ укажу на существенное:

Во-первыхъ, самый фактъ этихъ отдѣльныхъ предварительныхъ переговоровъ вызвалъ оговорки и формальныя замѣчанія [1]. Англія первая ихъ намъ заявила. Австрія къ ней присоединилась, сначала въ общихъ выраженіяхъ, въ своемъ отвѣтѣ на просьбу Порты о посредничествѣ, но теперь уже формально, въ опредѣленныхъ выраженіяхъ, заключающихся въ сообщеніяхъ, намъ непосредственно адресованныхъ. Ихъ заключеніе состоитъ въ томъ, что вѣнскій кабинетъ признаетъ лишь только тотъ миръ, условія котораго не будутъ противны интересамъ Австро-Венгріи [2]) и получатъ одобреніе Европы въ тѣхъ вопросахъ, которые затрагиваютъ европейскіе интересы.

Вѣнскій кабинетъ настаиваетъ на своемъ правѣ принять такое положеніе на основаніи того, что Австро-Венгрія государство пограничное съ Турціею и держава, гарантировавшая трактатъ 1856 года. Великобританскій кабинетъ становится также на почву британскихъ интересовъ и договоровъ. Такимъ образомъ, оба государства сблизились на общей почвѣ, и этотъ фактъ такого важнаго свойства, значеніе котораго отъ васъ не ускользнетъ. Это сближеніе ободрило Англію, которая надѣется выйти такимъ образомъ

Боголюбовъ, Андрей Андреевичъ, впослѣдствіи флигель-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ и начальникъ Закаспійской области. К. Г.

[1]) Не говоря уже о сдѣланныхъ переговорахъ и договорахъ, заключенныхъ княземъ Бисмаркомъ съ австрійцами въ Никольсбургѣ и съ французами въ Парижѣ и Франкфуртѣ, нарушившихъ труды Вѣнскаго конгресса и нѣсколько европейскихъ договоровъ и самое европейское равновѣсіе, съ такимъ трудомъ [illegible] ное, по миръ, заключенный Франціею съ Австріею [illegible] въ Виллафранкѣ, и множество другихъ примѣровъ [illegible] что мы совершенно напрасно преклонялись предъ оговорками и [illegible] участіемъ другихъ державъ для заключенія мира съ турками. Авт.

[2]) Очень [illegible] значеніе можно придать такой оговоркѣ, доказывающей, что Австро-Венгрія хотѣла чужими руками жаръ загребать и безъ всякаго риска пріобрѣсти выгоды себѣ, пользуясь жертвами и побѣдами Россіи. А князь Горчаковъ всегда заступался за Андраши, называя его рыцаремъ и своимъ другомъ. Авт.

изъ своего одиночества. Принятое ею рѣзкое положеніе, въ свою очередь, повліяло на австро-венгерское правительство, и Порта получила въ этомъ обстоятельствѣ надежду пріобрѣсти на дипломатической европейской почвѣ поддержку для уменьшенія при переговорахъ о мирѣ нашихъ требованій, къ принятію которыхъ наши побѣды ее вынуждали.

«Сверхъ этого принципіальнаго вопроса, вы увидите, что вѣнскій кабинетъ возражаетъ противъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ мирныхъ условій [1]). Онъ отвергаетъ созданіе Великой Болгаріи [2]) и продолжительное пребываніе въ ней нашихъ войскъ. Что касается до измѣненія [3]) границъ Бессарабіи, онъ не будетъ оному противиться, если мы получимъ на то согласіе Порты и Румыніи. Но ему извѣстно, что послѣдняя заблаговременно протестуетъ предъ кабинетами противъ возвращенія Россіи участка Бессарабіи.

«Въ этомъ положеніи дѣлъ намъ, кажется, трудно выдержать безъ измѣненія программу, которая вами была начертана [4]) для предварительнаго (préliminaire) мира.

«Во-первыхъ, что касается до этого мира и до самаго договора, который вами будетъ заключенъ, мы формально и повторительно завѣрили кабинеты, что вопросы, касающіеся европейскихъ интересовъ, будутъ отложены (réservés) до разсмотрѣнія и рѣшенія всѣхъ державъ по общему согласію. Самое слово «конференція», будучи произнесено вѣнскимъ кабинетомъ, мы объявили, что если онъ хочетъ таковую предложить, или посовѣтоваться насчетъ этого съ другими государствами, то мы нисколько не будемъ возражать. Но съ самаго начала возникаетъ затрудненіе опредѣлить, какіе именно вопросы, вызванные войною, долженствуютъ подлежать непосредственному соглашенію между вою-

---

[1]) Т.-е. канцлеръ какъ будто допускалъ, что Австро-Венгрія можетъ отвергать тѣ предварительныя основанія мира, съ принятіемъ которыхъ турками зависѣло согласіе главнокомандующаго на перемиріе и пріостановку наступательнаго движенія арміи и которыя были уже подписаны въ Адріанополѣ турецкими уполномоченными 19-го января. Авт.

[2]) Австро-Венгрія участвовала въ константинопольской конференціи и требовала вмѣстѣ съ нами, въ лицѣ своихъ двухъ уполномоченныхъ, созданія такой же Великой Болгаріи, только раздѣленной на двѣ области — западную и восточную. Канцлеръ не потрудился обличить графа Андраши въ этой непослѣдовательности. Авт.

[3]) Еще Бейстъ предлагалъ намъ отъ имени Австро-Венгріи, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, взять обратно отошедшій отъ Россіи въ 1856 году участокъ Бессарабіи, хорошо зная законность нашего желанія возврата старой границы. Андраши принималъ обидную личину великодушія въ отношеніи къ Россіи, зная, что интриги Англіи и Австріи въ Румыніи удались и что мы встрѣтили противодѣйствіе, имъ же подготовленное. Авт.

[4]) Впослѣдствіи многіе и въ томъ числѣ графъ Шуваловъ отрицали, что Игнатьевъ дѣйствовалъ въ Санъ-Стефано согласно инструкціи, данной изъ Петербурга, и утверждали, что чрезмѣрныя его требованія были произвольны, а не выражали мысль правительства. Ложность этого толкованія очевидна. Авт.

ющими и какіе находятся въ зависимости отъ европейскаго соглашенія.

«Въ этомъ отношеніи мы считаемъ, что все, что касается перемирія и демаркаціонной линіи, исключительно зависитъ отъ воюющихъ сторонъ и мы не можемъ допустить никакого вмѣшательства [1]. Впрочемъ, вопросъ о демаркаціонной линіи въ зависимости отъ рѣшенія великаго князя главнокомандующаго и вамъ нечего о томъ заботиться [2]).

«Военное вознагражденіе убытковъ и расходовъ также входитъ въ права воюющихъ, и мы должны будемъ это отстоять.

«Что же касается вопросовъ политическихъ, весьма вѣроятно, что каждое развитіе, которое мы придадимъ нашимъ основнымъ условіямъ мира, будетъ тотчасъ доведено турками до свѣдѣнія кабинетовъ и если наше толкованіе этихъ основаній встрѣтитъ ихъ противодѣйствіе, то или турки будутъ на оное опираться, чтобы отвергнуть наши требованія, или же они ихъ примутъ лишь подъ условіемъ ихъ утвержденія Европою [3]), что отняло бы у того, что условлено будетъ между нами, всякое практическое значеніе. Необходимо, слѣдовательно, дѣйствовать съ крайнею осторожностью. Прежде всего по причинѣ вышесказаннаго еще болѣе становится предпочтительнымъ документу, содержащему прелиминарныя мира, не придавать характера договора формальнаго и окончательнаго, а лишь просто прелиминарнаго протокола [4]). Сверхъ того было бы, можетъ быть, приличнѣе не входить въ слишкомъ опредѣлительныя подробности [5]). Опредѣленіе границъ Болгаріи и государствъ, ста-

---

[1]) Еще бы этого не доставало. Тѣмъ болѣе что вопросы [illegible] мы дѣйствуемъ по соглашенію съ турецкими уполномоченными. [illegible] Адріанополь. 19-го января. А[illegible].

[2]) Государь наслѣдникъ цесаревичъ [illegible] Бреславль [illegible] отъ непріятельской стороны Шумлы демаркаціонную линію [illegible] въ этотъ вопросъ и [illegible] о желаніи его высочества главнокомандующему и начальнику штаба [illegible] штабомъ. А[illegible].

[3]) [illegible] часть нашихъ первоначальныхъ требованій [illegible] считать договоръ [illegible] извѣстно [illegible] Европѣ [illegible] прелиминарныхъ [illegible] разсмотрѣнію [illegible]. А[illegible].

[4]) Министерство иностранныхъ дѣлъ [illegible] уже было извѣстно при перемиріи [illegible] въ отправленіи генералъ-адъютанта графа Игнатьева [illegible] и въ заключеніи прелиминарнаго протокола [illegible] протокола въ Санъ-Стефано, Россія [illegible] конференцію [illegible] были бы умалены до нельзя. А[illegible].

[5]) Спрашивается, чтобы тогда [illegible] Игнатьева [illegible]

ставшихся независимыми и увеличивающихся территоріею. Войдетъ, вѣроятно, въ категорію вопросовъ политическихъ, подлежащихъ пересмотру и рѣшеніе которыхъ можетъ быть теперь только временнымъ и случайнымъ[1]). Вы оцѣните на мѣстѣ, предпочтительно ли вести о нихъ переговоры въ этой формѣ условной, или же лучше о нихъ совсѣмъ умолчать[2]), ограничиваясь лишь постановкою принциповъ общаго свойства, на которые согласіе Порты будетъ заявлено въ протоколѣ.

Что касается устройства, которое предполагается дать Болгаріи, принципъ ея полной автономіи, съ вассальными отношеніями къ Портѣ и платою дани, съ христіанскимъ губернаторомъ (gouverneur), народнымъ управленіемъ и туземною милиціею надо ясно выговорить, равно какъ и удаленіе турецкихъ войскъ за исключеніемъ нѣсколькихъ пунктовъ, о которыхъ должно условиться[3]). Вы разсудите, цѣлесообразно ли упомянуть о подробностяхъ организаціи, оговоривъ послѣдующее утвержденіе оной (sous bénéfice de ratification), но съ совершившимся фактомъ согласія Порты относительно пребыванія нашихъ войскъ въ теченіе двухъ лѣтъ въ Болгаріи; оно такъ необходимо, что мы надѣемся отстранить то противодѣйствіе, которое мѣра эта можетъ встрѣтить. Что же касается вопроса о проливахъ, такъ какъ мы признали европейскій характеръ онаго и невѣроятнымъ представляется, чтобы мы добились въ конференціи права прохода даже одинокихъ военныхъ судовъ для однихъ прилегающихъ къ Черному морю государствъ[4]), то для насъ принципъ закрытія проливовъ представляется выгоднѣйшимъ и мы его будемъ отстаивать. Поэтому частное соглашеніе, упомянутое въ нашихъ основаніяхъ[5]) между государемъ и султаномъ, можетъ

миться [illegible] на всю Европу, допустивъ, что безъ ея позволенія мы ни о чемъ договориться съ турками не смѣли послѣ побѣдоносной войны. Авт.

[1]) Безполезны были бы переговоры, если бы слѣдовать этимъ указаніямъ, и унизительны для Россіи. Не стоило вовсе заключать договора, а между тѣмъ министерство иностранныхъ дѣлъ торопило нашихъ уполномоченныхъ поскорѣе подписать его. Авт.

[2]) То есть о границахъ Черногоріи, Сербіи и Болгаріи. Авт.

[3]) Странно подумать, что это предписывалось Игнатьеву послѣ константинопольской конференціи, на которой онъ добился и подписи уполномоченныхъ великихъ державъ на созданіе автономіи Болгаріи, послѣ манифеста, изданнаго при началѣ войны, объявляющаго болгаръ свободными, и послѣ побѣдоносной войны, разметавшей турецкія полчища и доведшей русскія войска до окрестностей Царьграда. Можно себѣ представить положеніе Игнатьева при полученіи инструкціи, находившейся въ совершенномъ противорѣчіи съ тѣми, съ которыми онъ былъ отправленъ, съ его личными убѣжденіями и съ выговоренными имъ уже у турокъ договорными условіями. Авт.

[4]) Россіи и Турціи, какъ предполагалъ Игнатьевъ, считавшій это наилучшимъ [illegible] рѣшеніемъ. Авт.

[5]) Редактированныхъ Игнатьевымъ въ Петербургѣ, изложенныхъ въ инструкціи главнокомандующему и принятыхъ уже турками въ Адріанополѣ, при заключеніи перемирія. Авт.

ограничиться подтвержденіемъ особымъ договоромъ общихъ гарантій, которыя будутъ впослѣдствіи условлены въ конференціи касательно совершеннаго закрытія этихъ морскихъ проходовъ для всѣхъ иностранныхъ военныхъ судовъ.

«Одинъ изъ самыхъ щекотливыхъ вопросовъ—это все, что касается исправленія границъ [1]) Бессарабіи. Въ виду противодѣйствія, которое оно, кажется, встрѣтитъ, полагаемъ лучше объ этомъ не упоминать въ прелиминарномъ протоколѣ, который будетъ заключенъ съ Турціею [2]). Но такъ какъ эта мѣра находится въ связи съ обмѣномъ съ Румыніею земельнаго участка Бессарабіи на Дельту (Дунайскую) и Добруджу, вы могли бы оговорить въ общихъ выраженіяхъ за нами право располагать этою территоріею на случай вознагражденія, предназначеннаго Румыніи, давъ обязательство, что Россія *ни въ какомъ случаѣ не оставитъ* эту территорію (Дельту и Добруджу) *въ своемъ* владѣніи.

Среди неопредѣленности нынѣшнихъ обстоятельствъ я ограничиваюсь вышеизложенными указаніями. До того времени, когда вы вступите въ переговоры, положеніе политическое и военное обрисуется болѣе яснымъ образомъ [3]). Я вамъ достаточно высказалъ, чтобы васъ предостеречь отъ подводныхъ камней нынѣшняго положенія. Ваша разумная сообразительность (tact intelligent) дополнитъ то, что недостаетъ для опредѣлительности настоящихъ инструкцій».

Горчаковъ.

(С.-Петербургъ, 20-го января 1878 года).

Крупною ошибкою, связавшею насъ въ отношеніи къ Австро-Венгріи и давшею графу Андраши поводъ затормозить всѣ наши военныя и политическія дѣйствія, было, кромѣ заключенія вѣнскаго договора 3-го января 1877 года, сообщеніе императору Францу-Іосифу заблаговременно нашихъ мирныхъ предположеній, сдѣ-

---

[1]) Министерство иностранныхъ дѣлъ уже не смѣло требовать просто возвращенія Россіи выхваченнаго у нея въ 1856 году участка Бессарабіи, а придало рѣшеніе русскаго царя за выраженіемъ «исправленіе границъ». Кого этимъ хотѣли надуть, но для Россіи это было унизительно. Авт.

[2]) Министерство иностранныхъ дѣлъ потеряло изъ виду, страха ради Австріи, что Румынія, по международному договору 1856 года, входила вмѣстѣ съ отчужденнымъ у Россіи участкомъ Бессарабіи въ составъ Турецкой имперіи и, чтобы возвратить этотъ участокъ, необходимо было получить согласіе Порты еще болѣе, нежели Румыніи, а также, что сами румыны предпочитали, какъ заявилъ Братіано Игнатьеву, чтобы Порту обязали договоромъ вернуть Россіи участокъ Бессарабіи, чѣмъ сдѣлать уступку намъ отъ имени Румыніи, съ добровольнымъ нарушеніемъ трактата 1856 года. Авт.

[3]) Инструкція эта показала полную растерянность князя Горчакова и была плохимъ подспорьемъ Игнатьеву въ его трудномъ положеніи. Вмѣсто указанія требованій русскаго правительства, она могла только сбивать съ толку уполномоченнаго. Авт.

[illegible] перечня. Черезъ [illegible] условій для заключенія перемирія, установленныхъ въ инструкціяхъ главнокомандующаго. Эти сообщенія, неизвѣстныя Игнатьеву до командировки его для заключенія мира, какъ бы вызывали Австро-Венгрію на выраженіе своего мнѣнія касательно даже условій, на которыхъ мы предпочитали согласиться прекратить военныя дѣйствія. Графъ Андраши не замедлилъ воспользоваться, съ свойственнымъ вѣнскому кабинету коварствомъ, нашими промахами. Три недѣли оставили русское довѣрительное сообщеніе въ Вѣнѣ [illegible] отзыва и хранили глубокое молчаніе. Успокоенные [illegible][1] [illegible] подъ Плевною, отсутствіи теплой одежды въ нашей арміи и общемъ [illegible] на театрѣ военныхъ дѣйствій, австрійцы прониклись убѣжденіемъ, что русскія войска до весны не двинутся за Балканы, прохожденіе которыхъ зимою считалось не только въ Вѣнѣ, но и въ Берлинѣ и Лондонѣ невозможнымъ. Европейскіе стратеги полагали, что военачальника, который бы предпринялъ такой рискованный походъ, можно будетъ считать сумасшедшимъ. Графъ Андраши, [illegible], какъ и другіе кабинеты, не ожидалъ такой быстрой развязки и былъ застигнутъ врасплохъ событіями въ Южной Болгаріи. Онъ, какъ и всѣ кабинеты, замышлявшіе связать Россію по рукамъ и ногамъ, пользуясь нашимъ традиціоннымъ благодушіемъ, старческимъ предрасположеніемъ [illegible] Горчакова къ конференціямъ и слабостью [illegible] къ европейскимъ соглашеніямъ, опоздали, благодаря подвигамъ русскихъ войскъ. Порта, удостовѣрившись въ неминуемости гибели и въ томъ, что Англія эгоистически довольствовалась лишь [illegible] Турціи для продолженія войны, рѣшилась 30-го ноября просить Австрію о посредничествѣ ея для заключенія мира съ Россіею. Но графъ Андраши отклонилъ эту просьбу, выставивъ свой поступокъ предъ русскимъ правительствомъ, какъ доказательство своей солидарности съ нами и «честности» сохраненія [illegible] обязательствъ предъ нами. Но истинною побудительною причиною его поступка была вовсе не честность относительно Россіи, а желаніе продолженія войны для того, чтобы извлечь [illegible] Австро-Венгріею [illegible] обязательствъ договора 3-го января; графъ Андраши [illegible] сохраненія обезсиленной Турціи, [illegible] руками, чтобы [illegible] Боснію и Герцеговину [illegible] въ сербскихъ земляхъ и вообще на Балканскомъ полуостровѣ.

[1] [illegible]

пользуясь географическимъ положеніемъ Австро-Венгріи. Какъ только сербы, вопреки желанію вѣнскаго кабинета и [illegible] настоятельству князя Горчакова, приняли участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, такъ тотчасъ же,—опасаясь возникновенія большой Сербіи, которую графъ Андраши считалъ гибельною для Венгріи, заявилъ, что Австро-Венгрія созданія на своихъ границахъ значительнаго славянскаго государства, въ особенности же Сербіи или Черногоріи, допустить не можетъ и готова «пожертвовать своимъ послѣднимъ солдатомъ для предотвращенія такой опасности». Австро-Венгрія стала дѣлать приготовленія и вооружаться для завладѣнія Босніею и Герцеговиною. Вмѣстѣ съ тѣмъ австро-венгерскому послу въ Петербургѣ Лангенау было поручено 18-го января заявить, что всѣ постановленія, измѣняющія существующіе договоры, будутъ считаться недѣйствительными, пока не подвергнутся пересмотру всѣхъ державъ, подписавшихъ Парижскій договоръ [1]. Эта дерзкая выходка, проявившая притязанія графа Андраши, идущія въ разрѣзъ съ обязательствами, принятыми имъ передъ нами (3-го января) прежде всего, не оправдала надежды князя Горчакова относительно вѣры въ прямодушіе и искренность графа Андраши и согласіе его съ нашими видами, ему извѣстными не только въ главныхъ чертахъ, но даже въ такихъ подробностяхъ, которыя не слѣдовало бы доводить до предварительнаго свѣдѣнія иностраннаго кабинета. Надо было бы, съ русской точки зрѣнія, держаться одного изъ двухъ: или привлечь Австрію вполнѣ на свою сторону, связавъ ее болѣе прочными обязательствами, компром-

---

[1]) Изъ сближенія двухъ датъ: 18 и 20 января 1878 года, [illegible] инструкція князя Горчакова графу Игнатьеву [illegible] нашего канцлера [illegible] графа Андраши. [illegible] важно въ томъ отношеніи, что [illegible] момента, когда [illegible] кабинетъ [illegible] вавшее всякое значеніе Санъ-Стефанскаго договора [illegible] Россіи [illegible] шеніе было [illegible] государствъ, которыя не знали примѣра [illegible] грессѣ нейтральныхъ [illegible] державъ. [illegible] только въ случаѣ вассальной зависимости. Такимъ образомъ, ясно обрисовывается, что Санъ-Стефанскій договоръ возникъ не только изъ [illegible] Игнатьева, который предложилъ, согласно прежнимъ [illegible] дѣйствовать въ направленіи, отражающемъ достоинство, честь и [illegible] Россіи, но, кромѣ того, [illegible] чиновникъ [illegible] къ великому [illegible] князя Горчакова [illegible] 1878 [illegible] явилось уже [illegible] Россіи [illegible] бы славной страницы Санъ-Стефанскаго договора, который (хотя онъ [illegible] ненъ на Берлинскомъ конгрессѣ [illegible] ливости Игнатьева и какъ [illegible] схема [illegible] время умиротворенія Балканскаго полуострова. [illegible]

тирующими ее предъ Европою, въ случаѣ оглашенія ихъ, или же отвѣтить на нахальство графа Андраши угрозою дѣйствительною, предъ которою Австро-Венгрія, для избѣжанія войны, при существовавшемъ тогда подъемѣ духа и расположеніи всѣхъ славянскихъ населеній къ освободительной политикѣ Россіи, по всей вѣроятности, спасовала бы и предпочла бы соглашеніе съ нами. Канцлеръ нашъ не сдѣлалъ ни того, ни другого, чѣмъ укрѣпилъ графа Андраши въ мнѣніи, что путь, на который онъ вступилъ, не опасенъ и что на сговорчивость и умѣренность Россіи можетъ онъ всегда разсчитывать.

Искра, не будучи потушенною своевременно, разразилась пламенемъ и привела къ Берлинскому договору. На первое же время она вызвала преувеличенныя опасенія князя Горчакова, колебанія въ его рѣшеніяхъ и нерѣшительную измѣнчивость въ его дѣйствіяхъ и инструкціяхъ.

VII.

До чего опасался нашъ канцлеръ Англіи и возбужденія Игнатьевымъ самаго важнаго для Россіи вопроса — объ открытіи проливовъ для нашихъ военныхъ судовъ, свидѣтельствуетъ то, что, не довольствуясь вышеприведенною инструкціею и отрицательными телеграммами, отправленными вдогонку нашему уполномоченному, онъ адресовалъ на другой день, т.-е. 21-го января, повторительную инструкцію объ этомъ вопросѣ Игнатьеву слѣдующаго содержанія:

«Вопросъ проливовъ такъ щекотливъ и возбуждаетъ столько предубѣжденій, что необходимо касаться его съ крайнею осторожностью.

Въ переговорахъ, которые вы будете вести, ограничивайтесь упоминаніемъ о немъ лишь въ выраженіяхъ столь же неопредѣленныхъ[1], какъ тѣ, которыя были употреблены въ редакціи нашихъ предварительныхъ основаній (при перемиріи), и добавьте оговорку, что вопросъ о проливахъ предоставленъ европейскому

---

[1]) Канцлеръ не обратилъ вниманія на то, что, редактируя основанія мирныхъ условій перемирія, Игнатьевъ умышленно выразился о проливахъ неопредѣленно, лишь намѣтилъ этотъ вопросъ, чтобы, связавъ турокъ, не дать повода Англіи всполошиться преждевременно, а вмѣстѣ съ тѣмъ доставить русскому уполномоченному возможность, при окончательныхъ переговорахъ о мирѣ, придать сему вопросу то развитіе и тотъ смыслъ, который наиболѣе соотвѣтствовалъ существеннымъ интересамъ Россіи, обладающей берегами Чернаго и Азовскаго морей; повторять же въ условіяхъ мира то же, что было оговорено въ перемиріи, не доставляло бы никакихъ опредѣленныхъ и точныхъ правъ Россіи и потому не имѣло бы смысла. Впослѣдствіи могли бы обвинить [illegible] ныхъ въ небрежности и забвеніи истинныхъ русскихъ интересовъ.

соглашенію. Чтобы вы имѣли подъ рукою свѣдѣнія о нынѣшнемъ положеніи этого вопроса, я приказалъ сдѣлать выписку изъ договорныхъ постановленій, относящихся къ оному съ 1833 года до 1871 года, и при семъ прилагаю копію».

Горчаковъ.

Выписка, очевидно, была сдѣлана въ ограничительномъ смыслѣ изъ опасенія, что русскій уполномоченный какъ-нибудь проговорится въ переговорахъ съ турками противно европейскимъ, или, лучше сказать,—англійскимъ воззрѣніямъ на закрытіе проливовъ для нашего военнаго флота.

28-го января канцлеръ еще разъ измѣнилъ свои наставленія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, почелъ нужнымъ дать предостереженіе нашимъ уполномоченнымъ касательно проливовъ: до того еще боязнь Англіи, раздутая графомъ Шуваловымъ, который въ своихъ донесеніяхъ все убѣждалъ государя, князя Горчакова и великаго князя Николая Николаевича, что надо опасаться военнаго вмѣшательства Англіи и раздраженія европейскаго общественнаго мнѣнія, мѣшала ему относиться съ заботливостью къ огражденію исключительно русскихъ интересовъ въ переговорахъ съ Портою. Князь Горчаковъ отправилъ въ этотъ день слѣдующую телеграмму Игнатьеву:

«Затруднительность пути можетъ задержать прибытіе Боголюбова. Не ожидая его, торопите переговоры, вамъ порученные съ турецкими уполномоченными [1]. Вопросъ о проходѣ чрезъ Босфоръ и Дарданеллы предоставляется конференціи».

Тяготясь своимъ вынужденнымъ бездѣйствіемъ, безпомощнымъ и вынужденнымъ нахожденіемъ въ Адріанополѣ и сознавая всю важность минуты, какъ равно опасность и невыгоду для Россіи такой потери времени, Игнатьевъ рѣшился возобновить попытку вывести главнокомандующаго изъ безплодной его стоянки въ Адріанополѣ, чтобы имѣть возможность приблизиться къ Портѣ и хотя достигнуть такого пункта, откуда сношенія съ Константинополемъ были бы возможны [2].

---

[1] Которые какъ разъ въ это время не находились въ Адріанополѣ, будучи отпущены главнокомандующимъ въ Константинополь послѣ заключенія перемирія. Игнатьева отдѣляло отъ Порты разстояніе между Адріанополемъ и Стамбуломъ, и онъ не имѣлъ никакой возможности не только ускорить переговоры, но даже войти въ непосредственныя сношенія съ турками иначе, какъ чрезъ главнокомандующаго. Наканунѣ онъ только что донесъ князю Горчакову, что уже не засталъ въ Адріанополѣ турецкихъ уполномоченныхъ. Авт.

[2] Игнатьевъ [illegible] сказалъ [illegible], что ему [illegible] на первоначальномъ своемъ проектѣ и отправиться прямо на Босфоръ [illegible] тѣмъ болѣе, что перемиріе устраняло главнѣйшее возраженіе [illegible] этого предложенія. [illegible]

И онъ скоро убѣдился, что изъ главной квартиры, съ которыми ему пришлось объ этомъ говорить, никто не хотѣлъ слышать о предлагаемомъ имъ передвиженіи нашихъ войскъ къ Босфору, необходимомъ для того, чтобы главнокомандующій могъ сдѣлаться снова хозяиномъ положенія, испорченнаго преждевременнымъ заключеніемъ перемирія и остановкою наступленія войскъ. Затрудненіе къ желаемому Игнатьевымъ передвиженію нашихъ войскъ ближе къ Константинополю заключалось именно въ прохожденіи демаркаціонной линіи, для измѣненія которой надо было нарушить перемиріе, а главная квартира опасалась, что войну придется начать вновь. Хотя никто не сомнѣвался, что если и возобновятся военныя дѣйствія, то это будетъ дѣломъ нѣсколькихъ дней только, но главная квартира не могла на это рѣшиться. Когда Игнатьевъ заговорилъ о томъ съ главнокомандующимъ, выставивъ на видъ затруднительность и невыгоду положенія, созданнаго преждевременнымъ перемиріемъ, препятствующимъ даже веденію желаемыхъ его высочествомъ мирныхъ переговоровъ, великій князь Николай Николаевичъ объяснилъ ему самымъ положительнымъ образомъ, что опасается ссоры съ Англіею и возникновенія новой войны, что войска устали, безъ обуви, износились до лохмотьевъ, артиллерія еще не пополнена, а тѣ батареи, которыя при войскахъ, находятся въ слабомъ орудійномъ составѣ и не снабжены достаточнымъ количествомъ снарядовъ, пѣхота разстрѣляла свои патроны, а парки вообще такъ отстали, что прежде трехъ недѣль нельзя двинуть армію впередъ, не обновивъ запасы и не пополнивъ комплектъ зарядовъ и патроновъ. Онъ добавилъ, что, впрочемъ, дороги стали до того непроходимы отъ грязи, что даже, чтобы дойти до демаркаціонной линіи, еще нужно не мало времени, ибо части войскъ идутъ на назначенныя имъ позиціи самыми малыми переходами по невозможности двигаться быстрѣе. Возвращаясь къ упреку Игнатьева, что наши войска не заняли, какъ слѣдовало и какъ желалъ государь, высотъ Босфора и Константинополя, великій князь ссылался въ свое оправданіе на лондонскія телеграммы графа Шувалова, которыя его смутили предсказаніями немедленной войны съ Англіею, если только наши войска появятся въ Галлиполи или даже Булаирѣ и если перемиріе не будетъ немедленно заключено, а мы будемъ продолжать подвигаться къ Босфору. Его высочество добавилъ, что если Игнатьевъ ссылается на какую-то телеграмму государя, разрѣшающую наступленіе къ Босфору, то великій князь можетъ сослаться на множество противорѣчивыхъ телеграммъ, имъ полученныхъ въ половинѣ января изъ Петербурга, и на телеграфическія приглашенія поспѣшить заключеніемъ перемирія. При этомъ князь Горчаковъ якобы ему сообщалъ, что быстрое наступленіе нашихъ войскъ по направленію къ Константинополю возбуждаетъ большія подозрѣнія въ Европѣ,

и какъ будто ставилъ ему въ упрекъ, что онъ протянулъ переговоры на разстояніи отъ Казанлыка, гдѣ они начались съ турками, до Адріанополя. Изъ Петербурга не только не осуждали его за перемиріе, но его поздравляли съ успѣхомъ, и государь выразилъ ему свое удовольствіе.

Игнатьевъ продолжалъ оставаться при мнѣніи, что наступательное движеніе на Константинополь слѣдовало продолжать нѣсколько дней, и если главнокомандующій считалъ необходимымъ заключить перемиріе, то могъ еще продолжить переговоры дня три или четыре, захвативъ войсками своими въ это время, съ одной стороны, подступы къ Константинополю и даже высоты Босфора, а съ другой—Булаирскія линіи, которыя, даже если великій князь желалъ не занимать Галлиполи, согласно требованію графа Шувалова, нельзя было оставить въ рукахъ турокъ и ихъ союзниковъ на флангѣ, такъ сказать, нашей операціонной линіи. Игнатьевъ заявилъ великому князю, что не предвидитъ никакой пользы изъ мирныхъ переговоровъ въ Адріанополѣ, потому что Порта останется подъ враждебнымъ намъ вліяніемъ, а высланные уполномоченные будутъ имѣть всегда возможность оттягивать безконечно ходъ совѣщаній, ссылаясь на недостатокъ своихъ инструкцій и т. п. Миръ, заключенный при нынѣшней обстановкѣ,—говорилъ Игнатьевъ,—не внушаетъ мнѣ никакой увѣренности, и я предпочелъ бы вести переговоры изъ Буюкъ-дере, расположившись въ домѣ посольства и находясь въ постоянномъ общеніи съ Портою и дипломатическимъ корпусомъ».

Нерасположеніе вести переговоры въ Адріанополѣ у Игнатьева, вслѣдствіе сознанія неудовлетворительности положенія, простиралось до того, что онъ намѣревался даже совсѣмъ отказаться отъ мысли ожидать тутъ прибытія турецкихъ уполномоченныхъ. Его удерживала отъ такого рѣшенія лишь необходимость подчиниться волѣ главнокомандующаго, который отказывался нарушить военную конвенцію и демаркаціонную линію и ссылался на мнѣніе своего штаба и нѣкоторыхъ начальниковъ частей (между прочимъ, графа Павла Шувалова, начальника гвардейскаго корпуса), что войска нуждаются въ отдохновеніи и въ подвозѣ артиллеріи и патроновъ и что нельзя рискнуть на неудачу подъ стѣнами Константинополя. Хотя Игнатьевъ возражалъ, что гораздо хуже дать время туркамъ усилить укрѣпленія линіи Кучукъ Чекмедже и предъ самымъ Константинополемъ и собрать войска, а также дать себя опередить англичанамъ въ Царьградѣ, но ему пришлось покориться главнокомандующему.

Изъ разговоровъ съ великимъ княземъ и его директоромъ дипломатической канцеляріи Нелидовымъ о положеніи дѣлъ Игнатьевъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что оба полагали, что успѣли расположить къ Россіи Порту и заручиться симпатіею посред-

немъ своихъ бесѣдъ съ отжившимъ старикомъ Намыкъ-пашою [1]) и безхарактернымъ Серверъ-пашою, который никогда не игралъ видной роли въ Портѣ, даже когда былъ временно министромъ иностранныхъ дѣлъ, хотя всегда находился въ отличныхъ отношеніяхъ съ русскимъ посольствомъ. Игнатьевъ не могъ раздѣлять этого легковѣрнаго увлеченія главной квартиры, полагавшей, что все дѣло въ Турціи сдѣлано и кончено и что остаются лишь второстепенные вопросы, не имѣющіе никакого значенія.

Вслѣдствіе этого воззрѣнія чинамъ главной квартиры казалось непонятною и преувеличенною озабоченность прибывшаго изъ Петербурга уполномоченнаго и заявленіе его, что миръ еще вовсе не состоялся и что мы еще можемъ быть поставлены въ необходимость возобновить военныя дѣйствія. Общее мнѣніе чиновъ главной квартиры было, что сдѣланы ею чудеса, что все, что Россія могла желать,—было уже достигнуто и остаются лишь второстепенные вопросы, такъ что предсказанія и патріотическія чувства Игнатьева объяснили личнымъ разочарованіемъ, что дѣло обошлось безъ его непосредственнаго участія. Но вотъ какъ характеризовалъ Игнатьевъ въ своихъ донесеніяхъ князю Горчакову, отъ 3-го февраля, то положеніе дѣлъ, которое онъ засталъ на Балканскомъ полуостровѣ:

«Несмотря на то, что я въ пять сутокъ преодолѣлъ всѣ препятствія пути, чтобы прибыть въ Адріанополь изъ Бухареста, я нашелъ, что обстоятельства еще быстрѣе измѣнились къ худшему для переговоровъ съ турками. Чтобы дать вашему сіятельству [2]) вѣрный очеркъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ въ настоящее время, я вынужденъ упомянуть о нѣкоторыхъ затрудненіяхъ, вытекающихъ изъ перемирія, заключеннаго 19-го января. Впрочемъ, понятно, что военная конвенція не могла обнять всѣхъ политическихъ послѣдствій, вызываемыхъ оною [3]). Вотъ главнѣйшія затрудненія, съ самаго начала меня поразившія и которыя я стараюсь по возможности отстранить:

«1) Демаркаціонная линія, положившая предѣлъ побѣдоносному наступленію нашихъ войскъ, была проведена такимъ образомъ, что оставляла туркамъ Шумлу и Варну и даже вынудила

---

[1]) Съ которымъ Игнатьевъ познакомился еще въ 1862 году, когда онъ былъ сераскиромъ, т.-е. военнымъ министромъ, и съ которымъ онъ сохранилъ добрыя отношенія, не придавая ему, впрочемъ, никакого политическаго значенія, котораго онъ и не имѣлъ по своей дряхлости и удаленію отъ дѣлъ. Авт.

[2]) Переводъ конфиденціальной депеши № 7, писанной по-французски. Авт.

[3]) Игнатьевъ въ донесеніяхъ своихъ ослаблялъ до крайности обвиненія, которыя могли быть направлены на дѣйствія и рѣшенія главнокомандующаго и на созданныя главною квартирою затрудненія и ошибки. Врагъ интригъ и чуждый личныхъ соображеній въ дѣлахъ, касающихся высшихъ интересовъ отечества, Игнатьевъ избѣгалъ всего того, что могло подать основаніе нападкамъ Горчакова и интригамъ Петра Шувалова, и потому многаго не досказывалъ. Авт.

наслѣдника отвести свои побѣдоносныя войска отъ Эски-Джумы, Разграда и Базарджика, а равно оставила туркамъ всю юго-западную часть Болгаріи, а именно: Салоники, Битоли, Охриду, Драму, Сересъ, Кавалу и даже Неврокопъ, Мельникъ и Велесъ, т.-е. такую часть страны, автономію которой мы, несомнѣнно, должны были вытребовать отъ турокъ. Выключеніе этой части Болгаріи, наиболѣе подверженной этнографическому соперничеству, тѣмъ болѣе прискорбно, что турки получали возможность во время перемирія усилить тамъ свои силы и укрѣпиться. Въ то же время греки, поддержанные на этотъ разъ турками, употребятъ всевозможныя усилія и средства, чтобы отбросить болгаръ къ сѣверу, пользуясь устрашеніемъ славянскаго населенія, вызвавшимъ массовыя переселенія жителей въ мѣста болѣе безопасныя. Если, поддавшись запугиванію и покинувъ мѣстность, оставленную внѣ демаркаціонной линіи, т.-е. въ рукахъ турокъ, болгары массами перейдутъ подъ защиту нашихъ войскъ, то это крайне затруднитъ намъ вынудить признаніе правъ славянъ на ту часть страны, гдѣ зародилось ихъ древнее христіанское просвѣщеніе. Турки и европейцы выставятъ тогда на видъ численное меньшинство болгарскаго элемента, чтобы отвергнуть его притязанія и даже, можетъ быть, уклониться отъ исполненія принятыхъ Турціею «основаній мира», въ которыхъ упомянуто, однакоже, что очертаніе Болгаріи ни въ какомъ случаѣ не должно быть меньше опредѣленнаго константинопольскою конференціею (передъ войною) [1]. Что же касается насъ, то мы, очевидно, обязаны не только настоять на упомянутыхъ границахъ, но даже стараться распространить Болгарію какъ можно дальше на югъ, для благополучнаго разрѣшенія церковнаго вопроса и водворенія мира въ православной церкви [2], а также, чтобы дать выходъ въ Эгейское море, безъ чего торговая Болгарія никогда развиться не можетъ.

---

[1] Предвидѣніе это вполнѣ оправдалось послѣ подписанія Санъ-Стефанскаго договора, его ратификаціи и отъѣзда Игнатьева изъ Санъ-Стефано въ Россію, въ особенности же въ Берлинѣ, во время конгресса. Авт.

[2] Графъ Игнатьевъ предполагалъ необходимымъ распространить территорію будущей Болгаріи на югъ такъ, чтобы по возможности все болгарское [illegible] было изъято изъ-подъ греческаго церковнаго гнета. Онъ хорошо [illegible] о болгарскомъ экзархатѣ и о такъ называемой болгарской схизмѣ [illegible] совершенно искусственный, раздутый ради [illegible] изъ-за корысти, нетерпимости и [illegible]. [illegible] въ одномъ городѣ два епископа, [illegible] греческаго духовенства славянскимъ населеніемъ [illegible]. Вынесши изъ своей долголѣтней [illegible] широкія, чисто-государственныя [illegible] церковное дѣло, графъ Игнатьевъ [illegible] мира въ православной церкви на Балканахъ [illegible] Санъ-Стефано.

«2) Послѣ блестящихъ побѣдъ наши войска были остановлены преждевременно и не допущены до высотъ, господствующихъ надъ Константинополемъ. Чтобы избѣгнуть этого рѣшающаго событія, турецкіе уполномоченные поспѣшили сдѣлать всѣ требовавшіяся отъ нихъ уступки. Они понимали отлично значеніе, которое мирные переговоры могли бы имѣть, когда русскія пушки господствовали бы надъ столицею и главная квартира находилась бы у входа въ Стамбулъ. Дѣйствительно, не только мусульманское населеніе, но даже, можетъ быть, сами европейскія посольства стали бы настаивать предъ Портою на исполненіи безпрекословномъ всѣхъ нашихъ требованій съ цѣлью удалить насъ съ этого пункта, представляющаго Европѣ политическое значеніе, передъ которымъ всѣ другіе интересы кажутся второстепенными. Я разсчитывалъ на такую именно обстановку переговоровъ при отправленіи моемъ изъ Петербурга, зная, что только въ такомъ случаѣ могу быть увѣреннымъ въ сговорчивости турецкаго правительства.

«3) Пользуясь передышкою, доставленною ей перемиріемъ, Порта вернула себѣ самообладаніе и будетъ несравненно менѣе сговорчивою и искреннею при заключеніи мира, нежели при принятіи въ Адріанополѣ его основаній. Всякій день, всякій часъ потерянные переставляютъ вѣсы на сторону Турціи, доставляя ей время одуматься, прекратить панику, охватившую въ первую минуту всѣхъ мусульманъ, сговориться съ европейскими державами, усилить средства обороны Константинополя, сосредоточить разбросанные остатки арміи, прибывающіе ежедневно изъ Варны, Салоникъ и Трапезунда [1]). Отдавая себя отчетъ въ этомъ обстоятельствѣ, великій князь главнокомандующій основательно телеграфировалъ государю императору, что завладѣть Константинополемъ труднѣе сегодня, нежели двѣ недѣли тому назадъ, и будетъ еще труднѣе черезъ пятнадцать дней [2]).

минаетъ личныя бесѣды, въ которыхъ незабвенный Николай Павловичъ выражалъ убѣжденіе въ томъ, что во время составленія Санъ-Стефанскаго договора, благодаря близости русскихъ штыковъ, вопросъ объ урегулированіи «схизмы» былъ очень близокъ къ своему разрѣшенію. Мы видимъ теперь изъ его же посмертныхъ записокъ, что онъ, при составленіи предварительныхъ набросковъ договора, никогда не терялъ этого вопроса изъ виду. Почему, однако, не удалось осуществленіе правильной мысли Игнатьева, и отчего было это задвинуто еще лѣтъ на сорокъ? На этотъ вопросъ пусть со временемъ отвѣтятъ церковные историки. А. Б.

[1]) Обезпеченность сообщенія моремъ и отсутствіе достаточной русской эскадры на Черномъ морѣ доставили Турціи огромное преимущество въ теченіе войны, въ особенности же въ послѣдній періодъ, когда мы подошли къ Константинополю.

Авт.

[2]) Несмотря на предупрежденія Игнатьева, высказанныя какъ главнокомандующему, такъ и князю Горчакову, ничего не было предпринято до самаго конца, чтобы предотвратить дурныя послѣдствія и исправить ошибки, созданныя по легкомыслію, безпечности и незнанію. Авт.

4) Отъѣздъ Намыка и Серверъ-паши въ Константинополь послѣ подписанія перемирія, поставилъ меня въ необходимость ускорить начало и ходъ переговоровъ» [1]).

Не имѣя права до предъявленія полномочій и начала мирныхъ переговоровъ войти въ непосредственное сношеніе съ Портою, генералъ-адъютантъ Игнатьевъ убѣдилъ главнокомандующаго извѣстить по телеграфу верховнаго визиря о пріѣздѣ уполномоченнаго Россіи, потребовать назначенія уполномоченныхъ и присылки ихъ въ Адріанополь. Затѣмъ великій князь еще разъ телеграфировалъ въ Порту, по настоянію Игнатьева, чтобы ускорить пріѣздъ уполномоченныхъ, тѣмъ болѣе, что получено было въ Адріанополѣ извѣстіе о попыткѣ вступленія англійской броненосной эскадры въ Дарданеллы. Предсказаніе Игнатьева о томъ, что вслѣдствіе остановки нашей въ Адріанополѣ англичане насъ предупредятъ подъ стѣнами Стамбула, сбывалось. Положеніе значительно измѣнилось и ухудшилось. Воспользовавшись тѣмъ, что великій князь Николай Николаевичъ получилъ телеграмму съ повелѣніемъ государя сдѣлать внушеніе турецкимъ уполномоченнымъ [2]) касательно положенія дѣлъ на греческой границѣ, и признаніемъ, наконецъ, главнокомандующимъ необходимости сдѣлать измѣненіе въ демаркаціонной линіи, чтобы не отводить назадъ войска рущукскаго отряда (расположеніе которыхъ было не извѣстно въ главной квартирѣ въ минуту подписанія перемирія), Игнатьевъ предложилъ отправить въ Константинополь перваго драгомана посольства Ону, прибывшаго съ нимъ. Доводы, приводимые Игнатьевымъ для этой командировки, тѣмъ скорѣе убѣдили главнокомандующаго, что сверхъ вышеизложеннаго необходимо было условиться съ Портою по разнымъ другимъ вопросамъ, не затронутымъ въ Адріанополѣ при переговорахъ о перемиріи, какъ-то: о снятіи блокады съ нашихъ черноморскихъ портовъ, о возстановленіи почтовыхъ и телеграфныхъ сношеній между Константинополемъ и Одессою и пр. Возстановленіе кратчайшаго пути для правильныхъ сношеній съ Россіею тѣмъ болѣе интересовало нашего уполномоченнаго, что сухопутныя почтовыя сообщенія чрезъ Болгарію и Румынію были почти невозможны, а на полевомъ телеграфѣ депеши замедлялись до чрезвычайности и получались въ искаженномъ видѣ, такъ что шифрованныя были почти неразборчивы.

---

[1]) Непростительно было со стороны главной квартиры допустить отъѣздъ турецкихъ уполномоченныхъ въ Константинополь, когда уже главнокомандующій былъ извѣщенъ о скоромъ прибытіи императорскаго уполномоченнаго изъ Петербурга. Послы уѣхали за день до его прибытія въ Адріанополь. Авт.

[2]) Въ Петербургѣ, очевидно, не ожидали отъѣзда турецкихъ уполномоченныхъ изъ Адріанополя и разсчитывали, что ихъ задержатъ до начала мирныхъ переговоровъ съ Игнатьевымъ. Авт.

Получивъ согласіе великаго князя Николая Николаевича на отправленіе Ону[1]) въ Константинополь, Игнатьевъ поручилъ ему ускорить отъѣздъ турецкихъ уполномоченныхъ, если бы они, паче чаянія, еще не выѣхали изъ Стамбула, войти въ довѣрительное сношеніе съ верховнымъ визиремъ и прочими сановниками, постараться расширить полномочія и инструкціи турецкихъ уполномоченныхъ, собрать вѣрнѣйшія свѣдѣнія о положеніи, преобладающемъ въ Константинополѣ, возобновить мирныя сношенія съ лицами, бывшими въ хорошихъ отношеніяхъ съ посольствомъ, и разузнать о дѣйствительномъ расположеніи султана и Порты, а также о дѣятельности европейскихъ посольствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ону обязанъ былъ, согласно повелѣнію, данному главнокомандующему государемъ императоромъ, дать понять туркамъ, что если англійская эскадра вступитъ въ Босфоръ, мы вынуждены будемъ занять высоты, окружающія Царьградъ, и что въ такомъ случаѣ Портѣ несравненно выгоднѣе насъ туда пустить добровольно, въ качествѣ друзей, нежели быть вынужденною послушаться побѣдителей. Ону было поручено разъяснить туркамъ, что наша единственная цѣль «воспретить иностраннымъ флотамъ входить въ проливъ, служащій входною дверью въ нашъ домъ[2]), что мы предпочитаемъ, по возможности, дѣйствовать въ этомъ отношеніи въ согласіи съ Портою, тѣмъ болѣе, что султанъ, имѣя свою столицу на самомъ берегу этого пролива, одинаково заинтересованъ въ удаленіи от-

---

[1]) Михаилъ Константиновичъ Ону, родился въ 1835 году, † 1901 г. Впослѣдствіи посланникъ въ Аѳинахъ. К. Г.

[2]) *«Входъ въ проливы [illegible] входною дверью въ нашъ домъ»*. Такова формула, [illegible] поставленная Игнатьевымъ и которая впослѣдствіи неоднократно затемнялась какъ въ литературѣ, [illegible], такъ и въ государственной практикѣ, смѣшиваясь [illegible] *[illegible]*. [illegible] нашимъ общественнымъ [illegible] Какъ извѣстно, дѣло [illegible] сообщеніямъ, появившимся въ 1909 году въ печати, что тогдашній нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ А. П. Извольскій, во время переговоровъ объ аннексіи Босно-Герцеговины, происходившихъ въ Бухлау, *[illegible] графа Эренталя* [illegible] нашему сановнику [illegible] открытія проливовъ для Россіи. [illegible] мы, конечно, ничего не получили [illegible] намъ [illegible]. Совершенно такъ же, какъ въ 1913 году, Австрія [illegible] отобрала у Сербіи Дураццо, посуливъ ей взамѣнъ [illegible] «débouché commercial» — торговый доступъ къ Адріатикѣ [illegible] Сербію и насъ, какъ было раньше въ Бухлау.

Возвращаясь къ вопросу о проливахъ, мы считаемъ важнымъ замѣтить, что гр. Игнатьевъ [illegible] себя провести во время [illegible] *[illegible]*

[illegible]

[illegible] дипломатія не держала [illegible] *[illegible]*, она бы не [illegible] формулировки *[illegible]*, которые [illegible] съ турецкими проливами: *«Входъ въ проливы [illegible] входною дверью въ нашъ домъ»*.

туда иностранныхъ военныхъ судовъ, угрожающихъ его безопасности и самостоятельности».

Въ виду того, что въ Петербургѣ рѣшено было вопросъ о проливахъ перенести на конференцію, Игнатьевъ былъ лишенъ возможности разрѣшить, согласно его предположенію, вопросъ, затрагивавшій самый существенный русскій интересъ и въ которомъ необходимо было сговориться съ турками прежде, чѣмъ подвергать его обсужденію державъ, отрицательное рѣшеніе которыхъ можно было предвидѣть на конференціи ¹).

Имѣя въ нашихъ рукахъ хотя бы *одинъ только Босфоръ* (предполагая даже нахожденіе Дарданеллъ подъ чужою державою), мы уже достигли бы нашей главной цѣли:

а) запретить входъ въ Черное море военнымъ судамъ всѣхъ націй, кромѣ прибрежныхъ къ этому морю государствъ, смотря по обстоятельствамъ и уваженію къ нашимъ интересамъ;

б) устранить всякое предположеніе устроенія на берегахъ Чернаго моря какой-либо стоянки или порта, передаваемой иной державѣ. «Mare clausum» вотъ цѣль.

Разумѣется, такимъ положеніемъ облегчилась бы и удешевилась бы оборона нашего юга; устранена была бы всякая возможность бомбардировки Одессы, Ялты, Феодосіи, Новороссійска и Батума, чему мы были, увы, свидѣтелями въ настоящую кампанію.

А затѣмъ, соединимо ли съ первымъ положеніемъ также и полное (сквозное) открытіе обоихъ проливовъ для нашихъ флотовъ: военнаго и торговаго? Это уже совершенно другой вопросъ. Строго говоря, въ этомъ *второмъ* вопросѣ нашъ главный интересъ чисто-экономическій, дабы наша хлѣбная торговля не подвергалась риску быть закупоренной въ Черномъ морѣ, что, конечно, разорительно для нашего юга. Но точно же и беспрепятственное прохожденіе нашего военнаго флота черезъ *оба* пролива представляется, хотя и цѣннымъ, но во всякомъ случаѣ не главнымъ интересомъ, такъ какъ задачи черноморскаго флота прежде всего оборонительныя.

Изъ такой системы понятій цѣликомъ изображенной въ Игнатьевской формулѣ) вытекаютъ слѣдующія directives, которыхъ напрасно наша дипломатія не сочла, въ свое время, за аксіомы:

1) Худшая изъ возможныхъ системъ была «свобода проливовъ», которую намъ предлагали въ Бухлау; такъ какъ она предполагала мало полезный выходъ нашихъ броненосцевъ въ Эгейское море цѣною совершенно свободнаго хожденія къ намъ въ гости германскихъ и австрійскихъ дредноутовъ, да къ тому же съ возможной перспективой сдачи имъ же Турціею въ аренду какого-нибудь Зунгулдака, Синопа или Трапезунда.

2) Искусственное соединеніе, въ вопросѣ о проливахъ, двухъ разныхъ цѣлей *задерживало на долгие годы* самое назрѣваніе вопроса, такъ какъ оно сливало въ одинъ блокъ щепетильность Англіи съ интересами державъ, заинтересованныхъ въ ослабленіи русской силы на Черномъ морѣ. Очевидно, Англіи совершенно безразлично, получаемъ ли мы право *запереть* Босфоръ для нашей безопасности, или нѣтъ; тогда какъ свобода *выхода* нашихъ броненосцевъ въ Средиземное море могъ бы, при меньшей политической близости между нами, показаться ей далеко не желательнымъ, ибо скоро она въ ростѣ нашего всемірно-свободнаго флота усмотрѣла бы ограниченіе ея монополіи «владычицы морей». Не является ли, при такихъ условіяхъ, верхомъ оскорбительнаго то, что *наша дипломатія не сумѣла во время разъединить эти двѣ цѣли?* А. Б.

¹) Приступая къ работамъ по заключенію Санъ-Стефанскаго договора, Игнатьевъ не допускалъ и мысли, чтобы можно было оставить въ немъ неприкосновеннымъ [illegible]

Ону исполнилъ съ большимъ тактомъ и осторожностью данное ему щекотливое порученіе и, пославъ пространное донесеніе, вернулся затѣмъ въ Адріанополь, чтобы дополнить словесными объясненіями. Чрезъ нѣсколько часовъ Игнатьевъ его снова вернулъ въ Константинополь для [illegible] на мѣстѣ и чтобы пристально слѣдить какъ за Портою, такъ и за иностранными представителями. Ону писалъ Игнатьеву [illegible]: «Полагаютъ, судя по отзывамъ тѣхъ лицъ, съ которыми былъ въ сношеніи, что русскія войска будутъ приняты въ Константинополѣ если не съ удовольствіемъ, то хладнокровно и съ покорностью судьбѣ даже со стороны мусульманскаго населенія Стамбула. Мѣстныя турецкія власти разсуждаютъ объ этой случайности, какъ о самомъ естественномъ [illegible] предшествовавшихъ событій. Обсуждаютъ даже какія казармы могутъ быть намъ предоставлены, и указываютъ на большія казармы Даудъ-паши и Рамизъ-Чефтликъ. Вслѣдствіе этого донесенія и вообще свѣдѣнія, доставленныя Ону о настроеніи властей и населенія, съ нимъ вмѣстѣ былъ отправленъ въ Константинополь офицеръ генеральнаго штаба князь Кантакузенъ [1]), которому, по настоянію Игнатьева, приказано было осмотрѣть тѣ казармы, которыя турки намъ предложили бы, а главнокомандующій поручилъ ему распорядиться ихъ чисткою и ассенизаціею, опасаясь заразныхъ болѣзней для тѣхъ частей нашихъ войскъ, которыя должны были быть введены въ Царьградъ [2]).

Ону во время своего пребыванія въ Перѣ могъ удостовѣриться во враждебной намъ лихорадочной дѣятельности Лайярда и всего англійскаго посольства. Но его крайне изумила открытая враждебность и проявляемая къ Россіи ненависть австро-венгерскаго посла, тѣмъ болѣе, что ему были извѣстны недавнія личныя дружественныя отношенія между Игнатьевымъ и графомъ Зичи, а также [illegible] обоихъ посольствъ, вслѣдствіе соглашенія князя Горчакова и графа Андраши. По словамъ Ону, графъ Зичи дошелъ до того, что требовалъ у Порты пропуска чрезъ Дарданеллы двухъ австро-венгерскихъ броненосцевъ, которые должны были присо-

[illegible] смотрѣвшая съ [illegible] самые существенные русскіе интересы. [illegible] княземъ Горчаковымъ [illegible] Санктъ-Петербургомъ [illegible] Берлин[illegible] противъ того status quo, который [illegible]щенъ былъ въ Парижскомъ трактатѣ 1856 года. А. Б.

[1]) Князь Михаилъ Алексѣевичъ Кантакузенъ, р. 1840 г., ум. 1894 г., бывшій впослѣдствіи военнымъ министромъ въ Болгаріи, начальникомъ жандармскаго [illegible] [illegible]. А. Б.

[2]) [illegible] можно [illegible], что Игнатьевъ [illegible] предположеніе о немедленной оккупаціи Царьграда. Какъ извѣстно, этотъ вопросъ до [illegible] въ общественномъ мнѣніи [illegible] въ литературѣ [illegible] Константинополь [illegible] Н. П. Игнатьева. А. Б.

[illegible] въ англійской эскадрѣ. Высокій [illegible] сообщалъ Ону, [illegible] средствами турокъ не вступать съ нами [illegible] ственныя соглашенія и не принимать нашихъ условій [1]. [illegible] турки, по словамъ Ахметъ-Вефика-паши (верховный визирь), [illegible] чаютъ ихъ представителямъ: «Мы уже не въ состояніи [illegible] войну; если вы имѣете счеты съ Россіею, сведите ихъ съ нею непосредственно, а отъ насъ отвяжитесь». Но очевидно было, какъ [illegible] мыслилъ въ своемъ донесеніи Игнатьевъ, ссылаясь и на мнѣніе Ону, что англо-австрійскія интриги произведутъ, въ концѣ концовъ, впечатлѣніе на турокъ, которые, въ сущности, еще не потеряли надежды на образованіе европейской коалиціи противъ Россіи, разсчитывая, что европейское давленіе заставитъ насъ быть [illegible] болѣе уступчивыми относительно Турціи [2].

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Адріанополь Игнатьевъ возобновилъ сношеніе съ лицами прежде ему знакомыми, въ особенности съ тѣми негоціантами, большею частью греками, которые, проживая въ Константинополѣ и на Босфорѣ, прибыли въ Адріанополь для коммерческихъ цѣлей, чтобы заключить подряды съ нашимъ интендантствомъ и т. п. Чрезъ этихъ лицъ упомянутый получилъ возможность пріобрѣсти самыя свѣжія и вѣрныя свѣдѣнія о всемъ происходящемъ въ Перѣ и Стамбулѣ, такъ что, добавляя такимъ путемъ частныя донесенія Ону, онъ получилъ возможность слѣдить за происходившимъ въ Царьградѣ, несмотря на разстояніе, [illegible] русскую главную квартиру отъ столицы [3].

---

[1] [illegible]
мыслію, агентомъ Бисмарка. [illegible]

[2] [illegible]

[3] [illegible]
А. Б.

[4] [illegible] австро-венгерскаго императорскаго посла въ Константинополѣ, [illegible]

Только 29-го января было получено увѣдомленіе верховнаго визиря, что Савфетъ-паша назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и первымъ уполномоченнымъ, а вторымъ уполномоченнымъ — Садыкъ-паша [1]. На другой день получено было извѣщеніе, что за отказомъ Садыкъ-паши ѣхать въ Адріанополь его замѣститъ въ качествѣ второго уполномоченнаго Садуллахъ-бей, вызванный изъ Берлина, гдѣ онъ находился въ качествѣ посла. Такъ какъ его пріѣздъ чрезъ Вѣну и Тріестъ могъ потребовать еще нѣсколько дней, то, вслѣдствіе настояній Игнатьева, Порта увѣдомила главнокомандующаго, что открытіе мирныхъ переговоровъ и ходъ ихъ не должны быть задержаны вслѣдствіе временнаго отсутствія второго уполномоченнаго. Отдавая объ этомъ отчетъ канцлеру, Игнатьевъ добавилъ въ своемъ донесеніи слѣдующее замѣчаніе: «Я слишкомъ близко знаю нерѣшительный характеръ нашего стараго пріятеля Савфета, чтобы надѣяться, что онъ рѣшится взять на свою отвѣтственность согласіе на тѣ жертвы, которыя Порта должна будетъ принести, принимая наши требованія».

Предъ прибытіемъ въ Адріанополь турецкихъ уполномоченныхъ Игнатьевъ пожелалъ войти въ соглашеніе съ представителями нашихъ союзниковъ, т. е. Сербіи, Черногоріи и Румыніи. Представитель первой полковникъ Катарджи [2] заявилъ требованіе прирѣзки къ Сербскому княжеству всего Коссовскаго вилайета, Ниша, Пирота и Акъ-Паланки съ санджакомъ Виддинскимъ. Черногорецъ Радовичъ пожелалъ присоединить къ княжеству всю западную часть Герцеговины до рѣки Нарентьі, мѣстность по направленію къ Сербіи до рѣки Лима съ Бихорскимъ участкомъ, а къ Старой Сербіи и Албаніи пространства до рѣки Дрина, съ городомъ Скутари, напирая въ особенности на послѣднее. Игнатьевъ замѣтилъ Катарджи, что, къ сожалѣнію, Миланъ не послушался своевременно его совѣта, началъ наступленіе слишкомъ поздно и дѣйствовалъ вяло, вмѣсто того, чтобы подвигаться быстро впередъ и забирать вправо, онъ все жался за нашими отрядами влѣво и занялъ лишь самую незначительную часть Старой Сербіи, тогда

кій упрекъ нашему послу въ томъ, будто онъ «русскимъ рублемъ» подкупаетъ подданныхъ султана. Игнатьевъ живо и гордо отвѣтилъ:

«Въ особенности, [illegible] ... Россію. [illegible]!» А. Б.

[1] Бывшій министръ финансовъ, [illegible] ... Онъ отказался ѣхать въ Адріанополь, опасаясь встрѣтиться съ Игнатьевымъ, [illegible] въ бытность свою въ Константинополѣ, [illegible] А. Б.

[2] [illegible] присланный съ письмомъ къ Игнатьеву отъ сербскаго князя. А. Б.

какъ, пользуясь отступленіемъ турецкой арміи, нашими успѣхами и слабостью противопоставленныхъ сербамъ отрядовъ, онъ могъ бы захватить Новый Базаръ, всю Старую Сербію и часть Босніи, что значительно облегчило бы намъ мирные переговоры и доставило бы намъ возможность уступки Сербіи всей занятой ею территоріи подъ предлогомъ beati possidentes [1] и нравственной невозможности для русскаго уполномоченнаго требовать отъ Сербіи вывода обратно сербскихъ войскъ изъ древней сербской земли. Нынѣ же, предупредилъ Игнатьевъ Катарджи, при теперешнемъ расположеніи сербскихъ войскъ и особенномъ отвращеніи турокъ уступить хотя клочокъ земли сербамъ, будетъ чрезвычайно трудно достигнуть желаемаго нами, тѣмъ болѣе, что мусульманское и албанское населеніе проявитъ, несомнѣнно, энергическое и упорное сопротивленіе. Что же касается Виддина, то Игнатьевъ объяснилъ Катарджи, что румынское правительство, съ своей стороны, заявило притязанія на этотъ городъ, крѣпость и окрестности, ссылаясь на существованіе нѣсколькихъ румынскихъ селеній. Въ виду противорѣчивыхъ притязаній мы рѣшили присоединить Виддинъ къ Болгаріи по несомнѣнному большинству болгарскаго населенія и какъ самое естественное послѣдствіе прекращенія турецкаго управленія. «Присоединеніе Ниша [2] къ Сербіи,—писалъ Игнатьевъ канцлеру,—признаю вполнѣ справедливымъ по близости этого города къ сербскимъ границамъ и вслѣдствіе взятія этого города сербскими войсками». На этомъ основаніи Игнатьевъ рѣшился измѣнить предположенную сербскую границу, включивъ въ прирѣзываемый къ сторонѣ рѣки Лимы участокъ еще Нишъ и всю ближайшую мѣстность въ предѣлы Сербскаго княжества, проведя черту граничную вдоль рѣки Моравы (по лѣвому берегу) до селенія Топаницы, потомъ сухопутно, прямою линіею до рѣки Кутины и по этой рѣкѣ до рѣки Нишавы, а затѣмъ по этой послѣдней до сѣверо-восточнаго угла старой сербской

---

[1] Австро-Венгрія [illegible] настаивала, чтобы сербскія войска отнюдь не касались Босніи и Новаго Базара, [illegible] такъ Игнатьевъ [illegible] Пиротъ, а [illegible] Старой Сербіи [illegible] было вѣрнѣйшее средство [illegible] интригъ Австро-Венгріи, [illegible] къ тому, чтобы поссорить болгаръ съ сербами и создать недоразумѣнія между ними. А. [illegible]

[2] [illegible] Игнатьевъ рѣшился принять на свою отвѣтственность передачу Ниша сербамъ, какъ [illegible] Нишъ [illegible] А. [illegible]

[illegible] требованіямъ черногорцевъ, тѣмъ болѣе, что онъ съ самаго начала герцеговинскаго возстанія находилъ [illegible] присоединеніе къ Черногоріи одноплеменной Герцеговины, по крайней мѣрѣ до рѣки Наренты, Игнатьевъ, руководствуясь инструкціями князя Горчакова, принужденъ былъ [illegible] Радоничу, что въ силу настоятельнаго требованія Австро-Венгріи [1]), всегда противившейся всѣми силами увеличенію Черногоріи, въ особенности въ сторону Герцеговины, онъ находится въ невозможности распространить, согласно собственному желанію, вла[illegible] княжества въ достаточномъ размѣрѣ въ Герцеговинѣ (какъ [illegible] было бы логично, естественно и справедливо). Относительно [illegible]шняго распространенія въ албанскую сторону и въ особенности присоединенія города Скутари къ Черногоріи Игнатьевъ выставилъ Радоничу невыгоду и опасность возбужденія вѣчной борьбы съ албанцами, которые будутъ поддержаны католическими государствами, въ особенности Италіею и Австро-Венгріею. Противъ же присоединенія Скутари эти послѣднія будутъ протестовать самымъ настойчивымъ образомъ, ссылаясь на сопротивленіе туземцевъ и въ особенности мирдитовъ. Донося канцлеру о своемъ разговорѣ съ Радоничемъ, Игнатьевъ увѣдомилъ министерство, что сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ предположенномъ по проекту очертаніи границъ, включивъ Бихоръ и Рожай въ Черногорію и распространивъ княжество до [illegible] на рѣкѣ Лимъ и къ Сухой Планинѣ, то есть перейдя на правый берегъ этой рѣки.

Въ то время, какъ представители славянскихъ княжествъ въ [illegible] предоставляли Россіи устроить ихъ судьбу, питая вѣру, что возможныя уступки будутъ вытребованы въ ихъ пользу, румынскій агентъ Аріонъ настаивалъ на предъявленіи требованій, о которыхъ упоминалъ Когальничано въ Бухарестѣ Игнатьеву, и добивался права вести самостоятельно переговоры съ турками о вознагражденіи. Вслѣдствіе этихъ настояній Игнатьевъ вынужденъ былъ измѣнить предположенную редакцію статей относительно Румыніи и замѣнить ихъ выраженіемъ «признанія Портою независимости княжества и права румынъ на полученіе военнаго вознагражденія, размѣръ котораго долженъ быть опредѣленъ по непосредственному соглашенію между Румыніею и Турціею».

[1]) Въ этомъ случаѣ въ особенности Игнатьеву пришлось, вслѣдствіе соглашенія [illegible] съ Австро-Венгріею и [illegible] князя Горчакова [illegible] графу [illegible] на конференціи [illegible] въ разрѣзъ со всегда высказываемымъ мнѣніемъ своимъ, что въ Герцеговину не слѣдовало [illegible] Австро-Венгрію и отдать [illegible] Черногоріи. Герцеговинцы [illegible] черногорцами [illegible] 1875 и 1876 [illegible] Восточный вопросъ [illegible] Австро-Венгріи [illegible] Авт.

[illegible] ницею и третейскимъ судьею въ случаѣ споровъ. Созн[illegible] [illegible] Игнатьевъ, изъ осторожности, предварительно показалъ р[illegible] [illegible] она удовлетворяла тщеславному желанію Румыніи выказать свою самостоятельность, то румынскій представитель выразилъ св[illegible] ное одобреніе и удовольствіе, пренебрегая, такимъ образомъ, су[illegible] союзныхъ княжествъ, Игнатьевъ вывелъ слѣдующее заключеніе (3-го февраля, № [illegible]

Какія бы ни были уступки, которыя намъ удастся выторговать [illegible].

Къ Игнатьеву явилось также нѣсколько грековъ (банкировъ, [illegible], финансистовъ и простыхъ поставщиковъ). Они выразили отъ имени константинопольскихъ грековъ радость, которую испы[illegible] нальностей, по случаю блестящихъ побѣдъ русскихъ войскъ и на[illegible] [illegible]ннымъ шествіемъ къ Константинополю. Они горько оплакиваютъ нынѣ размолвку свою съ славянами и увѣряютъ, что поняли [illegible] перь,—о чемъ Игнатьевъ ихъ своевременно предупреждалъ,—что не слѣдовало грекамъ слушаться иновѣрцевъ и, ссорясь съ болгарами, становиться во враждебныя отношенія къ Россіи, которая [illegible] населенія. Они ропщутъ на греческое правительство, упустив[illegible] [illegible]

[illegible] тязаній, всегда до тѣхъ поръ предъявлявшихся Портою, сравнивать ихъ съ своими [illegible]

[illegible]. Одинъ изъ архіереевъ обратился письменно къ Игнатьеву съ выраженіемъ надеждъ грековъ вплоть до возстановленія святого креста на куполѣ святой Софіи и изгнанія турокъ въ Азію и т. п. Въ томъ же духѣ получилъ Игнатьевъ нѣсколько писемъ отъ духовныхъ и свѣтскихъ грековъ. Но, за исключеніемъ несбыточныхъ мечтаній, можно было вывести заключеніе, что большинство греческаго населенія желало бы получить частную автономію для острововъ Архипелага, Эпира, Ѳессаліи и части Македоніи, съ очевидной заднею мыслію подготовить присоединеніе впослѣдствіи этихъ областей къ греческому королевству. Игнатьевъ объявилъ грекамъ, что, несмотря на ихъ непріязненные поступки, Россія ихъ не забыла и что намѣрена требовать отъ турокъ введенія [illegible] Критѣ, на островахъ, въ Эпирѣ, Ѳессаліи точно такъ же, какъ и въ Македоніи, управленія и реформъ, выработанныхъ Константинопольскою конференціею для Босніи и Герцеговины и что, слѣдовательно, все христіанское населеніе Балканскаго полуострова одинаково воспользуется побѣдами русскаго оружія [1]. «Гораздо труднѣе,—доносилъ Игнатьевъ,—образумить армянъ, которые тоже осаждаютъ меня своими просьбами и ставятъ меня нерѣдко въ затрудненіе. Не только армянскій патріархъ Константинопольскій рѣшился прислать, чрезъ своего викарія адріанопольской епархіи, открытое поздравительное письмо главнокомандующему, которое было вручено торжественно его высочеству; но многіе чиновники оттоманскіе армянскаго происхожденія прибыли сюда изъ Константинополя, чтобы открыто просить покровительства Россіи. Такъ, напримѣръ, Нуріанъ-эфенди, членъ государственнаго совѣта, и Степанъ-паша, главный докторъ военнаго министерства, объявившіе вице-предсѣдателями знаменитаго [illegible] армянскаго общества, явились въ Адріанополь подъ предлогомъ дѣлъ Краснаго Полумѣсяца (Croissant Rouge, то есть нашъ Красный Крестъ), но въ дѣйствительности чтобы достигнуть автономіи Арменіи».

Разсказавъ подробно о бѣдствіяхъ армянъ въ Малой Азіи и Анатоліи, оба турецкіе чиновника предупредили Игнатьева, что григоріанское духовенство собирается отправить на Высочайшее имя просьбу о дарованіи автономіи областямъ Сиваса, Вана, Муша и Эрзерума, съ занятіемъ ихъ, въ теченіе нѣкотораго времени, русскими войсками. [illegible] Нуріану и Степану-пашѣ, что они

---

[1] [illegible] Россія [illegible] Ѳессаліи [illegible]. А. О.

были еще недавно самыми дѣятельными орудіями западно-европейской интриги среди армянъ и дѣйствовали враждебно Россіи. Игнатьевъ выразилъ удивленіе такому полному и крутому ихъ обращенію. Убѣдившись, что Игнатьеву близко знакомы всѣ ихъ происки, которымъ онъ постоянно старался противодѣйствовать, собесѣдники его и не пытались противорѣчить, а объяснили, что, по ихъ убѣжденію, армяне, чтобы извлекать себѣ выгоды и имѣть значеніе въ Турціи, должны были оставаться преданными Портѣ, пока можно было надѣяться на сохраненіе Турецкой имперіи и возрожденіе оной посредствомъ задуманныхъ Европою преобразованій; но такъ какъ теперь существованіе Турціи, какъ великой державы, становится невозможнымъ, то армянамъ несравненно выгоднѣе добиваться возрожденія Арменіи подъ покровительствомъ Россіи. Игнатьевъ воспользовался своими бесѣдами съ вліятельными армянами, чтобы внушить имъ необходимость признанія полнаго верховенства эчміадзинскаго патріарха надъ всѣмъ армянскимъ духовенствомъ и населеніемъ. Вслѣдъ за симъ прибыла въ Адріанополь новая депутація съ прошеніемъ на имя государя и письмомъ отъ патріарха Нерсеса. Прошеніе было подписано симъ послѣднимъ и десятью архіереями отъ имени всего армянскаго населенія и заключало просьбу государю принять его подъ свое покровительство и вытребовать для армянъ Анатоліи такое же автономное самоуправленіе, которое дано будетъ областямъ Европейской Турціи. Прошеніе это, равно какъ и другія письменныя заявленія депутацій христіанскихъ населеній Турціи, были препровождены Игнатьевымъ канцлеру для представленія государю.

Такъ какъ вопросъ о введеніи мнимой конституціи въ Турціи былъ плодомъ одной изъ тѣхъ подготовленныхъ Англіею интригъ, которыми мнимые защитники мусульманъ хотѣли ввести въ заблужденіе общественное мнѣніе въ Западной Европѣ и противодѣйствовать русской политикѣ, а равно парализовать постоянное ходатайство наше за христіанское населеніе Балканскаго полуострова, то Игнатьевъ, тотчасъ по пріѣздѣ въ Адріанополь, собралъ свѣдѣнія о положеніи этой англо-турецкой затѣи и донесъ канцлеру (отъ 8-го февраля, № 11):

«Оттоманской конституціи не суждено пережить войну, которую она отчасти и причинила, толкнувъ Порту безповоротно на вредный для нея путь враждебности къ намъ. Просуществовавъ въ тѣни въ продолженіе военныхъ дѣйствій, она теперь потеряла и перваго предсѣдателя оттоманскаго парламента—Ахметъ-Вефика-паши, возвышеннаго на постъ верховнаго визиря, въ качествѣ перваго конституціоннаго министра имперіи.

Засѣданія парламента прерваны; это неудивительно въ нынѣшнихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ. Но за этимъ мѣропріятіемъ послѣдовала другая мѣра, немного менѣе конституціонная

[illegible]. Какъ ваша свѣтлость изволите усмотрѣть изъ прилагаемой при семъ выписки Константинопольской Газеты, министръ полиціи [illegible] самыхъ дѣятельныхъ, краснорѣчивыхъ и значительныхъ депутатовъ и передалъ имъ повелѣніе верховнаго визиря выѣхать изъ Константинополя немедленно и вернуться въ свои прежнія мѣста жительства въ самые кратчайшіе сроки. Одинъ изъ этихъ депутатовъ, Расимъ-бей, представитель Адріанополя, былъ тутъ же арестованъ и отправленъ подъ конвоемъ въ Бруссу, гдѣ онъ будетъ посаженъ подъ арестъ безъ суда и безъ объявленія ему, въ чемъ именно онъ обвиненъ.

Эти своевольныя распоряженія не произвели никакого волненія въ Стамбулѣ и прошли незамѣченными населеніемъ, что служитъ лучшимъ доказательствомъ, что парламентская комедія служила лишь противъ насъ временнымъ оружіемъ, которое, какъ только обстоятельства доказали его неудовлетворительность, было брошено какъ безполезное, и что конституціонныя пожеланія не имѣютъ твердой почвы подъ собою и не пустили дѣйствительнаго корня въ странѣ».

VIII.

Наконецъ Савфетъ-паша прибылъ въ Адріанополь 31-го января, въ 4 часа вечера. Такъ какъ онъ давно былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ русскимъ посломъ, то, принявъ во вниманіе взаимныя положенія бывшаго неоднократно министромъ иностранныхъ дѣлъ Турціи и русскаго посла, нынѣ уполномоченнаго государя-побѣдителя, Игнатьевъ, желая оказать вниманіе униженному сановнику въ память прежнихъ добрыхъ отношеній, не захотѣлъ строго держаться требованій этикета и предупредилъ его визитъ, поспѣшивъ на слѣдующее же утро посѣтить его, чтобы вывести старика изъ угнетеннаго состоянія духа. Переговоривъ съ пашою дружески, Игнатьевъ повезъ его въ тотъ же день въ великому князю главнокомандующему для офиціальнаго представленія, послѣ чего Савфетъ сдѣлалъ офиціальный визитъ и русскому уполномоченному. Переговоривъ съ турками, Игнатьевъ обратилъ вниманіе князя Горчакова, въ донесеніяхъ своихъ, на два обстоятельства, усложнявшія предстоявшіе переговоры, выразившись слѣдующимъ образомъ:

«1. Появленіе англійскаго флота въ Дарданеллахъ и затѣмъ входъ броненосной эскадры въ Мраморное море, совпавшіе съ прибытіемъ турецкаго уполномоченнаго въ Адріанополь, естественно, вліяютъ неблагопріятнымъ для насъ образомъ на сановниковъ турецкихъ и на партію между ними, расположенную сойтись съ Россіею, поддерживая въ то же время сопротивленіе враждебной намъ партіи, мечтающей извлечь пользу изъ иностраннаго вмѣшательства въ нашу распрю. Англійское посольство и даже австро-венгерское пользуются этимъ расположеніемъ турокъ, что-

[illegible]

2. [illegible]
[illegible] интересы, далеко не облегчитъ заключеніе и исполненіе прелими- [illegible] и Турціею, потому что турки невольно себя спрашиваютъ, ка[illegible] непосредственно или косвенно не заинтересована, разсматривая ихъ, какъ средство повредить Россіи или ей противодѣйст[illegible] для соглашенія противоположныхъ интересовъ, тогда какъ наши [illegible]

«Что касается спеціально Порты, — присовокупилъ [illegible]

[illegible]

[illegible] циту Турціи на явной, принципіальной безплодности переговоровъ, при- [illegible] лованія высшей инстанціи». А. Б.

[illegible]

мнѣнія, что ими не исчерпаются жертвы, которыя Турція вынуждена будетъ принести, но, что, напротивъ того,—и самъ Савфетъ-паша того мнѣнія — приходится опасаться, что чѣмъ болѣе будетъ уступлено теперь, тѣмъ болѣе возбудится ревность кабинетовъ, и Турція позднѣе будетъ расплачиваться со всѣми за свою нынѣшнюю сговорчивость. Каждая держава на будущей конференціи захочетъ получить соотвѣтствующую выгоду и заявитъ новыя требованія, такъ что Турція тогда очутится въ невозможности всѣхъ удовлетворить и попадетъ въ самое затруднительное и опасное положеніе [1]. Въ то же время верховный визирь и министръ иностранныхъ дѣлъ, становясь на другую точку зрѣнія, стараются внушить мнѣ разными путями убѣжденіе въ необходимости не только быть сговорчивымъ и умѣреннымъ, но даже уступить по нѣкоторымъ пунктамъ уже подписанныхъ основныхъ мирныхъ условій, потому что, по ихъ мнѣнію, если намъ удастся установить полное согласіе между нами, конференція будетъ вынуждена ограничиться принятіемъ лишь къ свѣдѣнію заключеннаго между нами договора. Если же наши требованія будутъ чрезмѣрны, то Порта можетъ быть вынужденною прервать мирные переговоры [2] и предоставить свою участь на благоусмотрѣніе западныхъ державъ, которыя тогда возьмутся защищать Турцію на будущей европейской конференціи.

Вотъ при какихъ неблагопріятныхъ условіяхъ начинаются наши адріанопольскіе переговоры. Я упоминаю о затрудненіяхъ моего настоящаго положенія лишь для того, чтобы вы, съ свойственною вамъ опытностью, могли судить о результатахъ, которые мною будутъ добыты во исполненіе инструкцій, данныхъ мнѣ при отправленіи изъ Петербурга».

Въ бесѣдѣ съ Игнатьевымъ Савфетъ-паша выразилъ мысль, что его судьба странная: боровшись съ соединенною Европою на константинопольской конференціи и не поддавшись единогласнымъ требованіямъ представителей всѣхъ державъ, онъ вынужденъ нынѣ явиться въ главную квартиру русской арміи, чтобы выпросить

---

[1] Такого рода соображенія были несравненно болѣе присущи и болѣе доступны дальновидному уму турокъ, нежели приписанныя имъ впослѣдствіи нѣкоторыми [illegible] Санъ-Стефанскаго договора, старавшимися увѣрить публику, что [illegible] требованія Игнатьева съ цѣлью [illegible] Англіи и [illegible] другихъ державъ. Если бы [illegible] былъ расчетъ добродушнаго Савфетъ-паши, то онъ не такъ мучился бы во время переговоровъ, не отстаивалъ бы съ такимъ трогательнымъ упорствомъ [illegible] согласился бы на самыя тяжкія и [illegible] требованія, которыя [illegible] Авт.

[2] Такого рода заявленіе обозначало разницу между обстановкою нашею при [illegible] Авт.

миръ: именно онъ, искреннiй другъ Россiи, осужденъ перенести всю тяготу требованiй, которыя будутъ предъявлены побѣдителемъ побѣжденному».

«Какъ бы для доставленія только удовлетворенія вамъ, будущій мирный договоръ будетъ скрѣпленъ тою же подписью, что и документъ, отвергнувшій единогласныя предложенія Европы на константинопольской конференціи. За то, что мы отказались тогда исполнить ваши желанія относительно Болгаріи и уступки Черногоріи нѣсколькихъ голыхъ утесовъ, мы теперь обречены потерять навсегда обширныя и богатыя области и создать у воротъ Константинополя новое государство изъ земель, отнятыхъ у Турціи»[1].

Такъ какъ Савфетъ горько жаловался на участь свою въ виду необходимости подписать унизительный для Турціи договоръ, то Игнатьевъ старался его утѣшить, выставляя на видъ, что принятіемъ безъ колебанія и промедленія нашихъ предложеній онъ докажетъ только свой государственный разумъ и истинный патріотизмъ, потому что предохранитъ свое отечество отъ несравненно большаго несчастія и потери болѣе значительныхъ, нежели доселѣ понесенныя; что имѣющій быть подписаннымъ мирный договоръ есть неизбѣжное послѣдствіе ошибокъ, сдѣланныхъ Портою болѣе года тому назадъ (въ 1876 и 1877 гг.), и что онъ обезпечитъ Турціи спокойствіе и возможность существованія.

«Подписаніемъ будущаго договора вы,—сказалъ Игнатьевъ,—смоете съ себя вину и ошибку подписанія упомянутаго вами отказа умѣреннымъ требованіямъ конференціи и участія, вами принятаго, какъ министра иностранныхъ дѣлъ, въ объявленіи войны Россіи. Разъ что миръ будетъ подписанъ и всѣ вопросы, раздѣлявшіе насъ, улажены, мы могли бы сдѣлаться добрыми друзьями и хорошими сосѣдями, совершенно такъ, какъ это отчасти существовало въ царствованіе покойнаго Абдулъ-Азиса. Желаніе ваше ускорить подписаніе договора и сговориться непосредственно съ Турціею, безъ посторонняго вмѣшательства, должно бы служить вамъ залогомъ нашего добраго расположенія къ Турціи».

Для подтвержденія этой мысли Игнатьевъ привелъ нѣсколько примѣровъ изъ прежнихъ своихъ сношеній съ Портою и указалъ

---

[1] Дѣйствительно, удовлетвореніе [illegible] Россіи [illegible] и урокъ, [illegible] Турціею [illegible] Сафветъ паша, русскій представитель могъ извлечь всю ту пользу, которую [illegible] желалъ Игнатьевъ [illegible] Австро-Венгріи [illegible] друзья Бисмаркъ и Андраши [illegible] побѣды [illegible] Санъ-Стефано.

на разницу между нашими прежними условіями относительно Турціи и нынѣшними [illegible]. [illegible] Савфетъ возразилъ только, что онъ, при полномъ сознаніи, что обстоятельства вынуждаютъ Порту заключить договоръ, угодный Россіи, понимаетъ, однакоже, что это—смертный приговоръ Турціи; [illegible] если бы она еще существовала. Обстоятельства непреодолимы,—прибавилъ грустно Савфетъ,—будутъ [illegible], [illegible] меня же обвинять въ слабости, въ сумасшествіи».

Онъ закончилъ тѣмъ, что, какъ добрый мусульманинъ, высказалъ покорность судьбѣ и завѣрилъ въ желаніи своемъ честно сговориться съ русскимъ уполномоченнымъ, какъ можно скорѣе утвердить миръ на прочныхъ основаніяхъ, чтобы предотвратить повтореніе въ будущемъ подобныхъ ссоръ и столкновеній между нашими двумя государствами.

Такъ какъ Савфетъ сознался, что Садуллахъ-бей можетъ прибыть только развѣ черезъ пятнадцать дней, то Игнатьевъ уговорилъ перваго уполномоченнаго начать формальные переговоры на другой же день послѣ его прибытія въ Адріанополь, не ожидая второго уполномоченнаго. Канцлеру Игнатьевъ сообщилъ сущность округленныхъ владѣній Сербіи и Черногоріи, указывая на необходимость удовлетворить послѣднюю присоединеніемъ Гацко, Билеча, Невесинья, Столаца и прочей мѣстности, гдѣ происходило восстаніе герцеговинцевъ въ 1875 и 1876 гг., а также и на то, что европейскія державы, посовѣтовавъ Черногоріи въ 1876 году помириться непосредственно съ Портою, не въ правѣ влiять ограничительнымъ образомъ на тѣ условія, согласіе на которыя мы добудемъ отъ турокъ въ пользу Черногоріи и Сербіи, и просилъ телеграфическихъ указаній, обративъ вниманіе, что вслѣдствіе громадности разстоянія, плохого состоянія дорогъ и медленности сообщеній переписка становится невозможною при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, требующихъ немедленнаго рѣшенія.

Князь Горчаковъ отвѣтилъ по телеграфу 2-го февраля: «Держитесь отвѣта, вами уже даннаго, то-есть сдѣлайте для Черногоріи, что окажется возможнымъ. Ради Австро-Венгріи необходимо избѣгнуть распространенія Черногоріи въ сторону Герцеговины»[1].

Свои переговоры съ Савфетомъ Игнатьевъ началъ сообщеніемъ турецкому уполномоченному въ общихъ чертахъ всей нашей про-

---

[1] Австро-Венгрія, [illegible], что поддерживаетъ сербовъ для ослабленія Болгаріи, [illegible] не допускала ни увеличенія Черногоріи Герцеговиною, ни образованія значительнаго Сербскаго княжества и [illegible] самыя настойчивыя представленія русскому правительству въ этомъ смыслѣ. Авт.

граммы будущаго устройства славянскихъ областей на Балканскомъ полуостровѣ, но не нашелъ въ немъ готовности принять наши условія, которыя казались пашѣ чудовищными. Какъ бы то ни было, условились съ Савфетомъ, что конференціи будутъ происходить, для ускоренія дѣла, два раза въ день на квартирѣ Игнатьева, куда пріѣзжали Нелидовъ и турецкій уполномоченный. Отдавая отчетъ канцлеру въ переговорахъ своихъ съ симъ послѣднимъ, Игнатьевъ въ донесеніи своемъ отъ 4-го февраля (№ [illegible]) пишетъ: «Несмотря на свои добрыя намѣренія и личное расположеніе Савфета, которое можно считать искреннимъ, онъ не измѣнилъ своихъ старыхъ, привычныхъ замашекъ. Онъ колеблется, не рѣшается, боится отвѣтственности; принявъ условіе, нами предлагаемое, онъ безпрестанно пытается отъ него отказаться; ничего не предлагая яснаго и положительнаго съ своей стороны, онъ старается выторговать что-нибудь понемногу отъ насъ и измѣнить договорную редакцію. Слабый здоровьемъ, хилый, онъ не въ состояніи выдерживать продолжительнаго труда: слишкомъ большая усталость или нравственное потрясеніе повергаютъ его въ болѣзнь [1]). Старый министръ, онъ не можетъ свыкнуться съ новымъ положеніемъ Турціи, созданнымъ послѣдними ея пораженіями. Онъ находитъ наши требованія чрезвычайными. Автономія Болгарскаго княжества кажется ему чѣмъ-то неестественнымъ и невозможнымъ. Существованіе княжества Болгарскаго несовмѣстимо, по его мнѣнію, съ дальнѣйшимъ существованіемъ Оттоманской имперіи. Онъ долго настаивалъ на томъ, что осуществленіе реформъ, предложенныхъ константинопольскою конференціею, вполнѣ достаточно для счастія Болгаріи, и пытался добиться, чтобы органическій уставъ для ея управленія былъ разработанъ въ Константинополѣ коммиссіею подъ предсѣдательствомъ Порты. Турецкіе уполномоченные говорили, что султану слѣдуетъ прибѣгнуть къ великодушію государя императора. Порта, увѣряетъ онъ, совершенно измѣнитъ свою политику, отвернется вполнѣ отъ Запада и обратится въ послушное орудіе Россіи. «Мы никогда не забудемъ,—восклицаетъ Савфетъ,—урока, намъ теперь преподаннаго. Но будьте справедливы и великодушны!»

Ваша свѣтлость удостовѣритесь изъ чтенія протоколовъ нашихъ совѣщаній, которые я вмѣстѣ съ Нелидовымъ вамъ представлю, что смиренныя рѣчи паши меня не тронули и что я продолжаю настаивать на нашихъ требованіяхъ. Я началъ съ того, что развилъ ему подписанные 19-го января пять пунктовъ осн[illegible]

---

[1]) Необходимость беречь дряхлаго пашу, стараго пріятеля русскаго посоль[illegible] и соразмѣрять ходъ совѣщаній съ его слабыми силами и здоровьемъ [illegible] постоянно [illegible] требованіи ускорить [illegible] очень [illegible] уполномоченныхъ и крайне затрудняла переговоры.

нихъ условій мира, въ смыслѣ редакціи проекта, утвержденнаго предъ отъѣздомъ моимъ изъ Петербурга. Чтобы не слишкомъ сразу напугать уполномоченнаго, я коснулся лишь въ общихъ чертахъ вопроса о нашемъ военномъ вознагражденіи. По мѣрѣ того, что установлено будетъ согласіе по каждому пункту, я требую, чтобы редакція онаго утверждалась подписями уполномоченныхъ обѣихъ сторонъ. Когда всѣ вопросы, о которыхъ мы должны договориться, будутъ исчерпаны, я предполагаю придать нашему труду форму прелиминарнаго договора съ обязательною ратификаціею по образцу подписаннаго въ Никольсбургѣ [1]) въ 1866 г. [2]). Я полагаю, что мы должны стараться связать Порту самымъ формальнымъ [3]) образомъ, чтобы лишить ея возможности отречься отъ своихъ обязательствъ на будущей европейской конференціи, подобно тому, какъ она пытается теперь отдѣлаться отъ мирныхъ основаній, принятыхъ ею и подписанныхъ уполномоченными султана 19-го января. Если наши усилія увѣнчаются нынѣ успѣхомъ, будущая конференція должна быть поставлена предъ совершившимися фактами, съ которыми должны считаться тѣ кабинеты, которые питаютъ дурное расположеніе къ Россіи.

Между официальными конференціями я бесѣдую дружественнымъ образомъ съ Савфетомъ-пашею, стараясь поддерживать его въ добромъ расположеніи и направить его мысли на желаемый нами путь, выставляя ему опасность и ложность надеждъ тѣхъ его соотечественниковъ, которые имѣютъ слабоуміе разсчитывать на матеріальную поддержку европейскихъ государствъ.

---

[1]) Прелиминарный договоръ въ Никольсбургѣ былъ заключенъ 26-го іюля 1866 года, какъ результатъ побѣды Пруссіи надъ Австріею въ 1866 году. Затѣмъ 23-го августа 1866 года былъ заключенъ между тѣми же державами окончательный «Пражскій мирный трактатъ», въ коемъ сказано, что «прелиминарный договоръ *прекращается* вмѣстѣ съ тѣмъ въ окончательный трактатъ». Никакая другая держава въ Пражскомъ мирѣ не участвовала, а потому прецедентъ никоимъ образомъ не могъ служить основаніемъ для нашей дипломатіи къ тому, чтобы Россія была подвергнута на Берлинскомъ конгрессѣ, незаслуженному нравственному уничиженію, съ полной передѣлкой Санъ-Стефанскаго договора. (Ср. *P. Albin* «Les Grands Traités, Politiques», стр. 311.—«Traité de Prague»). А. Б.

[2]) Игнатьевъ тогда былъ увѣренъ, что князь Горчаковъ и наши представители на конгрессѣ или конференціи, точно также, какъ и всѣ послы наши при великихъ державахъ, почтутъ долгомъ своимъ употребить всѣ усилія, чтобы отстоять все договоренное между нами и Портою, развить и дополнить все, Россіею пріобрѣтенное въ Санъ-Стефано, и охранить отъ посягательства нашихъ противниковъ. Его собственный образъ мыслей и убѣжденія не дозволяли предположить печальную дѣятельность, раскрывшуюся впослѣдствіи: что личныя соображенія преобладали надъ патріотическимъ долгомъ и допустили, что русскіе дипломаты отреклись отъ Санъ-Стефанскаго договора, отдали его на съѣденіе европейскимъ завистникамъ Россіи и помогли враждебнымъ кабинетамъ разрушить добытое кровью русскаго солдата и трудами русскихъ людей. Авт.

[3]) Выраженіе: самымъ *формальнымъ* образомъ употреблено здѣсь въ смыслѣ — «самымъ *положительнымъ* образомъ». А. Б.

Игнатьевъ телеграфировалъ князю Горчакову 1-го февраля: «Савфетъ объявляетъ, что созданіе княжества Болгарскаго несовмѣстно съ существованіемъ Оттоманской имперіи, и силится достигнуть измѣненій въ нашихъ требованіяхъ, прибѣгая къ великодушію императора. Австро-Венгрія и Англія распространяютъ въ Константинополѣ неблагопріятныя для Россіи свѣдѣнія по поводу предстоящей конференціи въ Вѣнѣ, на которую мы якобы согласились. Очень обяжете, сообщивъ мнѣ по телеграфу истинное значеніе этихъ слуховъ».

Депеша 2-го февраля: «Два раза въ день происходятъ у меня конференціи съ Савфетомъ, который не можетъ еще освоиться съ мыслію объ уменьшенномъ значеніи Турціи, но увѣряетъ, что Порта измѣнитъ совершенно свою политику, отвернется отъ Запада и примкнетъ къ Россіи. Созданіе княжества Болгарскаго кажется въ особенности опаснымъ Савфету. Онъ долго настаивалъ на томъ, что реформы, предложенныя конференціею, достаточны для Болгаріи и что органическій ея уставъ долженъ быть выработанъ комиссіею въ Константинополѣ, подъ предсѣдательствомъ Порты, въ согласіи съ нами. Онъ противится всякому участію въ опредѣленіи мирныхъ условій съ нами другихъ европейскихъ державъ. Я поддерживаю наши требованія, не измѣняя условленнаго проекта. Настаиваю на очищеніи и срытіи всѣхъ крѣпостей, не исключая Шумлы и Варны».

Депеша 3-го февраля: «Порта, убѣдившись, что непосредственная опасность, грозившая Константинополю и султану, миновала, вернулась къ своимъ старымъ пріемамъ. Савфетъ имѣлъ дерзость предложить намъ ограничить княжество Болгарское Балканами [1].

«Онъ предлагаетъ дать румынамъ въ вознагражденіе Виддинъ. Соглашаясь на очистку и срытіе крѣпостцы Ада-Кале, предлагаетъ передать этотъ островъ Австро-Венгріи [2]. Если она на это согласится, то лучше намъ непосредственно сговориться съ вѣнскимъ правительствомъ».

Вторая телеграмма отъ 3-го февраля: «Вчера, въ теченіе двухъ совѣщаній, мы сообщили Савфету полное разъясненіе развитія пяти пунктовъ мирныхъ основаній. Ссылаясь на незнаніе географическое и озадаченный нашими настояніями, Савфетъ отправилъ въ Константинополь состоявшаго при немъ генерала Османъ-пашу съ опи-

---

[1] Очевидно, тутъ сказалось вліяніе Лайярда и Австро-Венгріи, стремившихся уже тогда раздѣлить то, что было постановлено константинопольскою конференціею относительно Болгаріи предъ войною, съ цѣлью умалить значеніе нашихъ побѣдъ и подорвать вліяніе и престижъ Россіи на Балканскомъ полуостровѣ. Авт.

[2] Интриги и тайные отъ насъ переговоры Австро-Венгріи съ Портою обнаруживались этимъ предложеніемъ, и постоянное подозрѣніе Игнатьева относительно двуличности образа дѣйствій графа Андраши, заключившаго съ нами конвенцію о дѣлежѣ Турціи и въ то же время противодѣйствовавшаго намъ въ Константинополѣ, подтвердилось фактически. Но канцлеръ [illegible] графа Андраши [illegible] никомъ, [illegible] Авт.

сани земель предположеннаго для Болгаріи, Сербіи и Черногоріи разграниченія. Сегодня разсматривали и порѣшили во второмъ совѣщаніи, продолжавшемся шесть часовъ сряду, подробности касательно будущности Болгаріи. Общее стремленіе турокъ клонится къ уменьшенію, по возможности, земель, отходящихъ отъ Турціи, и сохраненію вліянія Порты на окончательное устройство управленія Болгаріи, Босніи и Герцеговины, а также непосредственнаго вліянія на мусульманское населеніе въ этихъ странахъ».

Въ отвѣтъ на донесенія Игнатьева, князь Горчаковъ телеграфировалъ ему отъ 3-го (телеграмма дошла лишь 5-го вечеромъ): «Такъ какъ въ наше непосредственное соглашеніе съ Портою входятъ вопросы европейскаго значенія, мы не могли отвергнуть принципъ конференціи [1]. Мы имѣли право разсчитывать на большую справедливость [2]) со стороны нѣкоторыхъ европейскихъ державъ, чѣмъ то, на что мы можемъ надѣяться, судя по нынѣшнимъ признакамъ. Вотъ почему я вамъ разрѣшаю не держаться строго тѣхъ ограниченій, которыя вамъ везетъ Боголюбовъ [3]). Торопите окончаніе вашихъ переговоровъ затѣмъ, чтобы, когда соберется конференція, она вынуждена была считаться съ наибольшимъ числомъ совершившихся фактовъ. Въ особенности стойко держитесь всего того, что касается Болгаріи [4]).

А 5-го февраля, увѣдомляя о полученіи телеграммы Игнатьева о первыхъ совѣщаніяхъ съ Савфетомъ, князь телеграфировалъ ему: «Настаивайте твердо на всемъ томъ, что было принято Портою, какъ условія заключенія перемирія».

Эти телеграммы князя Горчакова показывали, что въ Петербургѣ происходили колебанія между желаніемъ угодить Австріи и

---

[1]) Опредѣляя предѣлъ Игнатьевымъ такимъ образомъ, канцлеръ потерялъ изъ виду указанный прецедентъ Никольсбурга, гдѣ тоже были затронуты вопросы европейскаго значенія, но гдѣ никто не рѣшился потребовать отъ Германіи созыва конференціи для пересмотра условленнаго между побѣдителями и побѣжденными. Даже допуская конференцію, необходимо было ограничить ея компетентность для огражденія своихъ интересовъ. Авт.

[2]) Плохое основаніе для политическихъ соображеній. Разсчитывать на справедливость Англіи и Австро-Венгріи весьма наивно, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда эти кабинеты усматриваютъ, что затронуты ихъ прямые интересы и что можно извлечь себѣ пользу. Авт.

[3]) То есть, иными словами, вернуться къ первоначальному проекту договора, а не ограничиваться протоколомъ и общими указаніями, безъ опредѣленныхъ обязательствъ Турціи, какъ было замыслилъ князь Горчаковъ, въ надеждѣ на свой успѣхъ на конференціи. Авт.

[4]) Могъ ли Игнатьевъ, послѣ такихъ инструкцій, самовольно и вопреки утвержденнаго государемъ, въ Петербургѣ, проекта, урѣзать Болгарію въ угоду сосѣднихъ государствъ, безъ всякаго основанія и противно собственнымъ убѣжденіямъ. А между тѣмъ его же впослѣдствіи обвиняли нѣкоторые дипломаты (во главѣ гр. П. Шувалова, графъ Капнистъ, Тертій Ивановичъ Филипповъ и говоруны петербургскихъ гостиныхъ) въ самовольномъ созданіи слишкомъ великой Болгаріи. Авт.

сознаніемъ необходимости доставить Россіи тѣ результаты, которыхъ она была въ правѣ ожидать послѣ всѣхъ тѣхъ жертвъ, которыя были принесены, и того разгрома, которому повергли Турцію блистательныя побѣды русскихъ войскъ на европейскомъ и азіатскомъ театрѣ войны. Но, къ сожалѣнію, самъ князь Горчаковъ подготовилъ неблагопріятное вмѣшательство въ наши переговоры съ Портою и въ развязку нашей войны мнимаго своего союзника графа Андраши. При возвращеніи въ Вѣну нашего посла Новикова изъ Петербурга, въ первой половинѣ января, канцлеръ уполномочилъ его сообщить довѣрительно графу Андраши содержаніе инструкціи, данной великому князю Николаю Николаевичу относительно мирныхъ основаній и условій перемирія [1]. Этимъ сообщеніемъ воспользовался графъ Андраши, чтобы поднять преждевременно тревогу; сообщеніе это вызвало, такъ сказать, неблагопріятное вмѣшательство Австро-Венгріи и сближеніе вѣнскаго кабинета съ англійскимъ на почвѣ враждебности и противодѣйствія Россіи. Самоувѣренность графа Андраши и вѣра въ личную снисходительность къ нему князя Горчакова простиралась до того, что онъ имѣлъ нахальство заявить въ Петербургѣ, что онъ не можетъ согласиться [2], чтобы мы сговорились съ Турціею безъ его участія и контроля, и угрожалъ подать въ отставку, если мы не допустимъ созванія европейской конференціи для опредѣленія мирныхъ условій. При этомъ графъ Андраши въ ослѣпленіи своемъ потерялъ изъ виду, что для Россіи самое выгодное было бы удаленіе венгерца отъ управленія вѣнскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и что мы, во всякомъ случаѣ, ничего отъ этого исхода проиграть не могли. Тѣмъ не менѣе, князь Горчаковъ нашелъ основательнымъ положеніе, принятое графомъ Андраши въ этомъ вопросѣ, и угроза его такъ испугала нашего канцлера, что онъ поспѣшилъ дать завѣреніе, что онъ не противится европейскому соглашенію касательно нашихъ мирныхъ условій съ Портою и, увлекаясь своимъ пристрастіемъ къ конференціямъ, предложилъ съѣздъ министровъ иностранныхъ

---

[1] [illegible] А. Б.

[2] [illegible]

дѣлъ державъ въ Баденѣ, пять дней послѣ отъѣзда изъ Петербурга графа Игнатьева, отправленнаго на театръ войны для заключенія договора съ Портою непосредственно. Разъ принципъ европейскаго обсужденія былъ допущенъ, дѣло Англіи и Австро-Венгріи, а слѣдовательно и Германіи, было испортить, по возможности, результатъ нашихъ переговоровъ съ Портою и, если не помѣшать ихъ заключенію до созванія конференціи, то, по крайней мѣрѣ, воспрепятствовать приведенію въ исполненіе договореннаго, поселить недовѣріе въ сановникахъ Порты и въ султанѣ и разстроить тѣ благопріятныя отношенія, которыя могли установиться между Россіею и Турціею при возстановленіи мирныхъ сношеній. Съ свойственною западной дипломатіи послѣдовательностію и энергичностью агенты западныхъ державъ и дѣйствовали въ этомъ смыслѣ. А мысль о съѣздѣ министровъ иностранныхъ дѣлъ державъ въ Баденѣ преобразилась сначала въ конференцію въ Вѣнѣ, подъ предсѣдательствомъ графа Андраши, а потомъ въ конгрессъ Берлинскій, подъ предсѣдательствомъ князя Бисмарка.

Двукратное упоминаніе канцлеромъ въ телеграммахъ своихъ о дополнительныхъ инструкціяхъ, которыя везъ Боголюбовъ, ставило Игнатьева въ большое затрудненіе: каковы эти инструкціи, въ какомъ духѣ составлены, въ чемъ заключаются дополненія и ограниченія, упоминаютъ ли они о грекахъ и разрѣшаютъ ли русскому уполномоченному воспользоваться тѣмъ, что между греками началось возстаніе послѣ отъѣзда Игнатьева изъ Петербурга и затѣвалось, хотя и запоздавшее, присоединеніе къ общему подъему христіанскаго населенія на Балканскомъ полуостровѣ, чтобы удовлетворить и Грецію, согласно первоначальнымъ предположеніямъ Игнатьева. Это тѣмъ болѣе казалось вѣроятнымъ, что, судя по телеграммѣ государя къ главнокомандующему, о которой упоминалось выше, въ Петербургѣ обращено было вниманіе на волненіе грековъ на границѣ и предписывалось сдѣлать объ этомъ предостереженіе Портѣ. А между тѣмъ положеніе, принятое Англіею и Австро-Венгріею, подкрѣпленное движеніями англійской броненосной эскадры, доказывало необходимость энергически спѣшить къ развязкѣ переговоровъ съ турками, а потому Игнатьевъ рѣшился съ самаго начала дѣйствовать неуклонно на основаніи проекта, вывезеннаго изъ Петербурга, стараясь отыскать предлогъ придвинуть главную квартиру къ Царьграду, чтобы выйти изъ крайне стѣснительнаго положенія въ Адріанополѣ. Послѣ пятнадцати дней неосновательныхъ надеждъ на болѣе честное отношеніе къ Россіи со стороны Австро-Венгріи и Англіи, которыхъ Игнатьевъ ни на минуту не раздѣлялъ, разочарованный канцлеръ наконецъ одобрилъ воззрѣнія Игнатьева и сталъ лишь требовать отъ уполномоченныхъ ускоренія заключенія того проекта, который былъ имъ увезенъ изъ Петербурга. Странно было заблужденіе такого опытнаго дипло-

мата, какъ канцлеръ, относительно [illegible] вѣнскаго кабинета, противъ котораго Игнатьевъ [illegible] теченіе трехъ лѣтъ предупреждалъ министерство иностранныхъ дѣлъ, доставляя неоднократно фактическія доказательства двуличности и враждебности графа Андраши и ложности его завѣреній, расточаемыхъ Новикову, Жомини и князю Горчакову лично и [illegible] австрійскихъ дипломатовъ.

Если бы канцлеръ внялъ своевременно предостереженіямъ и [illegible] довѣрился графу Андраши и его покровителю и пособнику, князю Бисмарку, то намъ не пришлось бы испытать униженія Берлинскаго договора и остановиться на полумѣрахъ подъ стѣнами Константинополя, предоставивъ туркамъ даже не исполнять того, на что Порта вынуждена была согласиться въ переговорахъ съ Игнатьевымъ и подъ давленіемъ нашей побѣдоносной арміи.

Съ другой стороны, желаніе главной квартиры какъ можно скорѣе прекратить тревоги и нужды военнаго времени и отдохнуть на турецкихъ лаврахъ въ предѣлахъ отечества, [illegible] въ Константинополѣ, чрезвычайно препятствовали [illegible] Игнатьевымъ цѣли, тѣмъ болѣе, что окруженіе великаго князя Николая Николаевича и онъ самъ [illegible] требованія наши отъ турокъ чрезмѣрными и совѣтовали Игнатьеву ихъ измѣнить. Впослѣдствіи нѣкоторые [illegible] желали, что европейскія затрудненія и противодѣйствіе кабинетовъ вызваны были условіями договора, заключеннаго съ турками Игнатьевымъ, но телеграмма князя Горчакова отъ 3-го февраля доказываетъ, что дурное расположеніе кабинетовъ и необходимость нашего союза съ Австро-Венгріею обнаружились не только ранѣе заключенія договора съ Портою, но и ранѣе начала переговоровъ между Игнатьевымъ и Савфетомъ, тотчасъ послѣ отправленія перваго изъ Петербурга (сообщеніе Лангенау и пр.).

IX.

Четвертаго февраля Игнатьевъ извѣстилъ канцлера, что предписанное изъ Петербурга предостереженіе чрезъ Савфетъ-пашу Портѣ касательно присутствія баши-бузуковъ близъ греческихъ границъ сдѣлано [1] и что турецкіе уполномоченные согласились на срытіе укрѣпленій Шумлы и Варны, оговоривъ лишь право Порты вывезти вооруженіе и крѣпостную движимость, принадлежащую

[1] Греки [illegible] ное для Греціи время. Авт.

Турціи. Когда Игнатьевъ уѣзжалъ изъ Петербурга, то послѣдніе успѣхи нашего оружія еще не выяснились, только что было получено извѣстіе, что передовой отрядъ нашъ занялъ Адріанополь, а потому ни князь Горчаковъ, ни военный министръ не считали возможнымъ требовать срытія всѣхъ турецкихъ крѣпостей, и потому Игнатьевъ былъ уполномоченъ оставить въ Шумлѣ и Варнѣ турецкіе гарнизоны. Но, прибывъ въ Адріанополь и ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ, Игнатьевъ упрекалъ главную квартиру, что она не потребовала очистки Шумлы и Варны при заключеніи перемирія и, со своей стороны, измѣнилъ проектъ договора въ томъ смыслѣ, что онъ не только потребовалъ передачи Болгаріи всѣхъ крѣпостей, но и уничтоженія укрѣпленій Шумлы и Варны. Повидимому, государь не ожидалъ такого результата и потому, по повелѣнію его величества, князь Горчаковъ телеграфировалъ Игнатьеву 6-го февраля: «Императоръ очень доволенъ тѣмъ, что Шумла и Варна будутъ срыты. Настаивайте на уступкѣ Батума». Но Игнатьевъ не нуждался въ этомъ понужденіи, ибо въ первомъ же разговорѣ своемъ онъ предупредилъ Савфета, что безъ уступки Россіи Батума мира между Турціею и Россіею быть не можетъ, а также, что и Карсъ, подъ стѣнами котораго въ теченіе столькихъ лѣтъ пролито такъ много русской крови и который нѣсколько разъ уже былъ нами взятъ, долженъ быть намъ принадлежащимъ навѣки.

6-го февраля канцлеръ извѣстилъ (телеграмма отъ 5-го) Игнатьева, что въ Петербургѣ получено свѣдѣніе, что великобританское правительство ведетъ въ Лондонѣ съ турецкимъ посломъ переговоры о покупкѣ лучшей части турецкаго флота, избирая преимущественно броненосцы, построенные въ Англіи. Лайярдъ доноситъ своему правительству, что надѣется уладить это дѣло [1]). А на другой день (телеграмма отъ 6-го февраля) сообщилъ Игнатьеву, что за два дня передъ тѣмъ лордъ Дерби, тотъ самый, которому такъ довѣрялъ графъ Шуваловъ и который ему обѣщалъ, что англійская эскадра не вступитъ въ Дарданеллы, если мы не займемъ Галлиполи [2]), телеграфировалъ Лайярду, что онъ надѣется, что турецкіе военачальники сумѣютъ защитить Галлиполи, если этотъ пунктъ подвергнется нападенію русскихъ, и поручилъ послу внушить султану, что если русскіе одолѣютъ турокъ въ Галлиполи, то форты на азіатскомъ берегу должны быть тотчасъ заняты добровольно англича-

---

[1]) Англія всегда послѣдовательно старалась уничтожить флоты другихъ державъ или завладѣть всѣми зарождающимися морскими силами. Втравивъ Турцію въ войну съ нами, она хотѣла воспользоваться ея разгромомъ, чтобы завладѣть броненосцами и захватить какой-нибудь островъ. Авт.

[2]) На основаніи легкомысленнаго настоянія графа Шувалова, великій князь Николай Николаевичъ остановилъ отрядъ генерала Гурко, уже двинутый на Булаирь и Галлиполи, чѣмъ англичане и воспользовались, нарушивъ слово, данное Шувалову, [illegible] свою эскадру въ Мраморное море. Авт.

нами [1]). Лордъ Дерби надѣется, что на этотъ разъ Порта догадается не протестовать противъ англійскаго захвата фортовъ, которые будутъ возвращены Турціи послѣ заключенія мира [2]).

Одновременно Игнатьевъ получилъ, наконецъ, благопріятныя извѣстія изъ Константинополя отъ Ону, которыя онъ и поспѣшилъ передать вкратцѣ канцлеру (телеграмма 5-го): «Ону доноситъ, что турки положительно въ изнеможеніи отъ войны, не желаютъ ея продолженія и потому примутъ наши войска даже въ столицѣ, хотя и неохотно, но безъ сопротивленія. Мѣстныя газеты говорятъ открыто о скоромъ миролюбивомъ вступленіи нашихъ войскъ. Министры обсуждаютъ съ Ону о тѣхъ казармахъ, которыя могутъ быть уступлены въ городѣ нашимъ войскамъ, упоминая, однакоже, о страхѣ, который распространился между мусульманами, и о личныхъ опасностяхъ, угрожающихъ султану вслѣдствіе негодованія горячихъ головъ на униженіе Турціи. Предполагаютъ прислать сюда Намикъ-пашу, чтобы уговорить великаго князя отказаться отъ вступленія въ столицу».

Порта приписываетъ лишь личному вліянію, которое якобы Намикъ успѣлъ пріобрѣсти на великаго князя, неожиданную пріостановку въ Адріанополѣ наступительнаго движенія русскихъ войскъ на Царьградъ и потому хотѣла снова попытаться употребить это вліяніе въ свою пользу. Но изъ словъ Ону, никогда не отличавшагося предпріимчивостью и всегда склоннаго къ умѣренности, ясно было, что если уже министры ведутъ съ нимъ переговоры о казармахъ для нашихъ войскъ, когда мы еще только ограничились пока предупрежденіемъ, что Россіи нельзя будетъ допустить присутствіе англійской эскадры въ Босфорѣ безъ занятія города, то достаточно было категорическаго нашего требованія и смѣлаго движенія нашихъ колоннъ къ стѣнамъ Стамбула и высотамъ Босфора, чтобы вступленіе нашихъ войскъ въ городъ и занятіе турецкихъ казармъ совершилось безпрепятственно. Опасеніе главнокомандующаго и нежеланіе его воспользоваться психическимъ моментомъ, несмотря на убѣжденія Игнатьева, не объяснимы иначе, какъ внушеннымъ нашимъ лондонскимъ посломъ

---

[1]) Судя по себѣ, англичане никакъ не ожидали, повидимому, что имъ заявленія нашего представителя въ Лондонѣ, графа Шувалова, достаточно было, чтобы помѣшать намъ не только атаковать Букарескія укрѣпленія и Галлиполи, но и занять ихъ безъ боя, что мы могли весьма легко сдѣлать прежде возникновенія безпокойства лорда Дерби и, во всякомъ случаѣ, въ промежутокъ времени между 19 января и 1-го февраля, т. е. до прямого вмѣшательства англійской эскадры, не имѣвшей достаточно сильнаго десанта, чтобы привести немедленно свою угрозу въ исполненіе. Авт.

[2]) Никто не могъ воспрепятствовать русской арміи [illegible] Англіи [illegible] же основаніи, форты на Босфорѣ и Букарескія укрѣпленія. Слѣдовательно [illegible] враждебной выходки англичанъ [illegible] и Европа [illegible] отвѣтственность [illegible].

опасеніемъ, что [illegible] довести къ столкновенію съ Англіею и что война можетъ затянуться.

Въ то же время Ону сообщилъ собранныя имъ свѣдѣнія о дѣятельности дипломатическаго корпуса, съ многими изъ членовъ котораго—старыми нашими знакомыми—онъ успѣлъ повидаться. Свѣдѣнія эти Игнатьевъ поспѣшилъ передать вкратцѣ канцлеру (телеграмма 5-го февраля):

Англичане и австрійцы дѣятельно интригуютъ противъ Россіи, стараясь помѣшать всячески заключенію мирнаго нашего договора до созыва конференціи. Они указывали на согласіе Россіи на конференцію, какъ на доказательство безполезности и опасности преждевременныхъ уступокъ Порты, и выказываютъ при каждомъ случаѣ явную враждебность [1]). Графъ Зичи (бывшій пріятелемъ и личнымъ союзникомъ Игнатьева въ 1875 и 1876 годахъ) утверждаетъ, что Россія обманула Вѣну, и поручилъ Ону мнѣ передать, что личная его пріязнь ко мнѣ не помѣшаетъ ему выполнить свои обязанности по чувству долга [2]).

Князь Рейсъ (германскій посолъ, принявшій на себя защиту русскихъ подданныхъ во время войны, бывшій довольно долго представителемъ Пруссіи въ Петербургѣ) ведетъ себя безукоризненно и подтверждаетъ австро-венгерскія враждебныя интриги. Графъ Корти [3]) ведетъ себя прилично. Съ разныхъ сторонъ меня увѣряютъ, что Австро-Венгрія, разсчитывая, что мы истощены войною съ Турціею, секретно производитъ приготовленія къ войнѣ съ нами.

Передавъ эти данныя канцлеру, Игнатьевъ предупредилъ князя Горчакова, что онъ обратился по телеграфу непосредственно къ Новикову для разъясненія обстоятельствъ, съ просьбою сообщить въ Адріанополь по телеграфу о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ, чтобы знать, на что мы можемъ разсчитывать при настоящемъ положеніи дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ. Онъ тотчасъ телеграфировалъ Новикову (5-го февраля):

Австро-Венгрія выказываетъ въ Константинополѣ раздраженіе противъ Россіи и даже враждебность. Зная, что Зичи строго придер-

---

[1]) О союзѣ трехъ императоровъ, который такъ выставляли графъ Андраши и австро-венгерскіе агенты, когда насъ нужно было имъ ввести въ заблужденіе и [illegible] въ Константинополѣ и на Балканскомъ полуостровѣ передъ войною, уже не было и рѣчи. Комедія была сыграна и занавѣсъ опустили. А [illegible] на сцену всегдашняя австро-венгерская политика, въ союзѣ съ постоянною [illegible] на Востокѣ — Англіею. Еще Германія, поддерживая [illegible] Австро-Венгрію и дружа съ Портою, [illegible] изъ приличія сохранить [illegible] къ намъ, не нарушая нейтралитета. Авт.

[2]) Не [illegible] въ измѣненіи политики Австро-Венгріи и объяснить [illegible] между нимъ и Игнатьевымъ. Авт.

[3]) Итальянскій [illegible] Игнатьевымъ былъ также въ близкихъ дружественныхъ отношеніяхъ. Авт.

живается инструкціи вѣнскихъ. прошу поставить меня въ извѣстность относительно дѣйствительнаго расположенія въ отношеніи къ намъ. Можемъ ли мы положиться на сохраненіе дружбы и взаимнаго довѣрія, или должны ожидать враждебныхъ дѣйствій. Частныя свѣдѣнія изъ Вѣны указываютъ на секретныя военныя приготовленія противъ насъ. Возможно ли это?»

Зная, до какой степени Новиковъ былъ увлеченъ графомъ Андраши и вѣрилъ въ возможность прочнаго соглашенія нашего съ Австро-Венгріею, Игнатьевъ смягчилъ дошедшія до него свѣдѣнія о коварствѣ австро-венгерскаго правительства и передалъ ихъ своему коллегѣ въ самой мягкой формѣ, чтобы не оскорбить его высказаннымъ подозрѣніемъ касательно вѣнскаго кабинета, которому Игнатьевъ, съ своей стороны, никогда не довѣрялъ, выводя свои заключенія по тѣмъ дѣйствіямъ австро-венгерскихъ агентовъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ въ Турціи до войны.

Отвѣтъ отъ Новикова Игнатьевъ получилъ уже въ Санъ-Стефано, лишь 15-го февраля, то есть черезъ десять дней. Очевидно, телеграмма его была задержана австрійцами, которые никогда не стѣснялись затруднять телеграфическія и почтовыя сообщенія для политическихъ цѣлей [1]).

Нашъ посолъ въ Вѣнѣ телеграфировалъ 12-го февраля:

«Ваша телеграмма дошла до меня только вчера (11-го) вечеромъ. Положеніе, принятое Австріею, сомнительно. Не вѣрю еще во враждебныя намѣренія, но опасаюсь упорнаго дипломатическаго сопротивленія и замѣчаю неудовольствіе на наши непосредственныя соглашенія съ Портою, въ которыхъ видятъ желаніе навязать Европѣ совершившіеся факты» [2]).

6-го и 7-го февраля канцлеръ, въ отвѣтъ на сообщенія Игнатьева, телеграфировалъ ему, что:

«Еще ничего не рѣшено касательно времени и мѣста созыва конференціи, но, какъ кажется, не предполагается составить оную

---

[1]) Графъ Н. П. Игнатьевъ, уже въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, обратилъ должное вниманіе на фатальное значеніе двухъ факторовъ, которыми и впослѣдствіи сильно задерживалось, и притомъ на долгое время, развитіе солидарности и государственнаго сближенія между славянскими государствами и Россіею. Эти факты заключаются въ томъ, что: а) нѣтъ территоріальной между ними смежности и б) всѣ почтовыя и телеграфныя между ними сношенія были всецѣло въ рукахъ Австро-Венгріи и подъ ея вліяніемъ. Отсюда вытекали, въ разнообразномъ видѣ, самыя невыгодныя для насъ послѣдствія, которыя трудно изобразить здѣсь въ одномъ лишь сокращенномъ изложеніи. А. Б.

[2]) Этотъ отвѣтъ нашего посла выказывалъ всю неосновательность надеждъ, возлагавшихся имъ и княземъ Горчаковымъ на графа Андраши, возмечтавшаго распоряжаться нашими дѣйствіями по своему усмотрѣнію, безъ вниманія къ чести и достоинству Россіи, даже послѣ того, какъ императорское правительство согласилось обезпечить интересы Австро-Венгріи конвенціею, заключенною въ Вѣнѣ 3-го января, на случай распаденія Турецкой имперіи. А. Б.

лю министровъ иностранныхъ дѣлъ, что исключаетъ мое непосредственное участіе. Торопите окончаніе порученнаго вамъ дѣла».

И затѣмъ 6-го февраля:

«Держитесь инструкцій, вами съ собою увезенныхъ отсюда [1]. Измѣненія, внесенныя въ инструкціи, отправленныя съ Боголюбовымъ, были внесены лишь въ предположеніи, что мы не встрѣтимъ въ конференціи такого сопротивленія, которое теперь должны предвидѣть [2]. Во всякомъ случаѣ, торопите заключеніе вашего соглашенія съ турками, чтобы конференція, избѣгнуть которой не было возможности, нашла, хотя по нѣкоторымъ вопросамъ, совершившіеся факты. Настаивайте постоянно на томъ фактѣ, что перемиріе было дано Портѣ лишь послѣ принятія оною основныхъ условій мира. Если уклонятся отъ этихъ основаній, должны будутъ ожидать нести соотвѣтствующія послѣдствія».

Телеграммы эти уполномочивали Игнатьева не отступать отъ первоначальнаго проекта и дѣйствовать болѣе энергично, нежели желала главная квартира. Въ Петербургѣ, повидимому, стали раздѣлять мнѣніе Игнатьева, что лучше возобновить наступленіе, объявивъ прекращеніе перемирія, для достиженія лучшаго результата, нежели терять время въ Адріанополѣ и ослабить наши требованія.

Въ виду полученныхъ свѣдѣній о намѣреніяхъ англичанъ касательно турецкихъ броненосцевъ, Игнатьевъ поспѣшилъ заговорить съ Савфетомъ, не ожидая, какъ первоначально предполагалъ, предварительнаго установленія соглашенія касательно Болгаріи, Черногоріи и Сербіи, о военномъ вознагражденіи, которое Турціи надо будетъ выплатить Россіи, и, когда паша сталъ распространяться о бѣдности Турціи, разореніи края и невозможности выплачивать деньгами, то Игнатьевъ далъ понять, что въ счетъ уплаты могутъ, по желанію султана, войти и территоріальныя уступки. Но, во всякомъ случаѣ, — добавилъ Игнатьевъ,—Портѣ придется уступить въ счетъ контрибуціи нѣсколько броненосцевъ [3], такъ какъ Россія предпочитаетъ оградить ихъ своимъ флагомъ, чѣмъ предоставить англичанамъ захватить турецкія броненосныя суда, подобно тому, какъ она поступила съ Даніею въ началѣ нынѣшняго столѣ-

---

[1]) Телеграмма эта опровергаетъ заявленія графа Шувалова, нашего посла въ Лондонѣ, и распространенное послѣ Берлинскаго договора мнѣніе, что Санъ-Стефанскій договоръ своевольно заключенъ Игнатьевымъ, дѣйствовавшимъ не по инструкціямъ императорскаго правительства и вопреки желаніямъ князя Горчакова. Авт.

[2]) Такое сознаніе канцлера въ ошибочности своего прежняго взгляда на отношенія къ Россіи кабинетовъ по восточному вопросу доказывало, что онъ былъ введенъ въ заблужденіе льстецами и собственнымъ тщеславіемъ и напрасно не внялъ предостереженіямъ Игнатьева, который вѣрно оцѣнилъ значеніе союза трехъ императоровъ, замысла графа Андраши и двуличіе Бисмарка. Авт.

[3]) Игнатьевъ потребовалъ шест лучшихъ брононосцевъ турецкаго флота. Авт.

гія, и при извѣстной алчности Великобританіи, пользуясь ослабленнымъ положеніемъ другихъ странъ для пріобрѣтенія себѣ выгодъ и увеличенія своихъ морскихъ средствъ.

Савфетъ пришелъ въ ужасъ отъ совокупности русскихъ требованій, когда они были развиты послѣдовательно въ ежедневныхъ двукратныхъ конференціяхъ, а въ особенности, когда ознакомился съ размѣрами военнаго вознагражденія и съ перспективою потери броненосцевъ, такъ что Игнатьевъ телеграфировалъ канцлеру 5-го февраля:

«Савфетъ въ отчаяніи отъ нашихъ требованій вознагражденія, увѣряетъ, что Порта никогда ихъ принять не можетъ и сообщилъ въ Константинополь, требуя инструкцій».

Сверхъ личныхъ телеграммъ и донесеній Игнатьева, уполномоченные, отдавая канцлеру отчетъ о ходѣ переговоровъ, составляли донесенія, подписываемыя ими обоими, то есть Игнатьевымъ и Нелидовымъ. Переговоры эти, происходившіе, какъ выше сказано было, два раза въ день, подвигались крайне медленно, и видимо было, что, пока они ведутся въ Адріанополѣ, результата никакого достигнуть нельзя, а между тѣмъ обстоятельства требовали ихъ ускоренія, и Игнатьевъ приложилъ безуспѣшно къ тому всю свою энергію и настойчивость. Съ первой же конференціи на другой день послѣ прибытія Савфета въ Адріанополь нами было сообщено письменно развитіе принятыхъ турками пяти основаній мира. Съ самаго начала турецкій уполномоченный проявилъ легкомысленное стремленіе Порты вернуться къ положенію вопроса объ улучшеніи положенія христіанскаго населенія на Балканскомъ полуостровѣ передъ войною, принявъ за основаніе лондонскій протоколъ, принятый всѣми великими державами и отвергнутый султаномъ, что и привело къ разрыву и вызвало окончательно войну.

Странное было ослѣпленіе турецкихъ сановниковъ ожидать, что Россія предастъ забвенію всѣ событія, совершенно измѣнившія съ апрѣля 1877 года историческое значеніе занимавшаго насъ вопроса, потоки русской крови, пролитой въ Болгаріи, Арменіи и Анатоліи, жертвы, понесенныя Россіею и ея единовѣрцами, и согласится, подъ стѣнами Константинополя, въ ту минуту, когда отъ нея зависѣла судьба Царьграда и продолженіе пребыванія султана на европейскомъ берегу Босфора, ограничиться тѣми фиктивными уступками, цѣною которыхъ Россія предусмотрительно и великодушно предлагала Турціи избѣгнуть войны и тяжелой отвѣтственности.

Уже въ Казанлыкѣ Серверъ-паша пытался стать на почву прежнихъ европейскихъ переговоровъ съ Турціею и хотя и тогда ему была доказана тщета его неосновательныхъ усилій, тѣмъ не менѣе турки не унимались, и созданная завистливою Западною Европою надежда на безнаказанность Турціи въ отношеніи къ Россіи го-

ожидала Порту, при каждомъ возможномъ случаѣ, постоянно возвращаться къ прежнимъ попыткамъ—ничего существеннаго Россіи не уступить, разсчитывая на поддержку Европы и на нашу испытанную, благодушную сговорчивость.

Порта, повидимому, отдавала себѣ отчетъ, что, съ созданіемъ Болгаріи, могущество султана и значеніе его въ Европѣ будетъ подорвано и даже можетъ легко быть уничтожено. А потому весьма естественно паши должны были употребить всѣ усилія не только для уменьшенія размѣровъ Болгаріи [1], но стараться ее отодвинуть какъ можно далѣе отъ своей столицы и отъ морского прибрежья, не допускать большого увеличенія Черногоріи, въ особенности же Сербіи къ сторонѣ Албаніи и Старой Сербіи, но и желали сохранить обаяніе падишаха и вліяніе Порты на все мусуль-

---

[1] Какъ во время Константинопольской конференціи 1876 года, такъ и въ періодъ выработки Санъ-Стефанскаго договора и Берлинскаго трактата 1878 г.—вся энергія враждебныхъ намъ западно-европейскихъ державъ была направлена къ возможно большему сокращенію территоріи и жизненныхъ силъ воскресавшей Болгаріи. Въ основаніи этой старой формы руссофобской политики являлось предположеніе, что славянскій народъ, вышедшій изъ пятисотлѣтняго рабства благодаря единокровной съ нимъ и единовѣрной Россіи, не можетъ не оказаться солидарнымъ съ нею въ дальнѣйшемъ своемъ ростѣ и развитіи. Однако уже съ самаго начала восьмидесятыхъ годовъ Австро-Венгрія открыла секретъ совершенно иного способа разрушенія славянской солидарности. Съ тѣхъ поръ сдѣлалось общимъ мѣстомъ, въ пріемахъ антирусской дипломатической интриги, что вліяніе Россіи въ Болгаріи (а иногда и въ другихъ балканскихъ государствахъ) слѣдуетъ разрушать, содѣйствуя развитію мѣстнаго шовинизма и разжигая мегаломанію крошечныхъ государствъ. Виртуозное умѣніе итти по этому пути показала именно Австрія, тогда какъ Англія уже отстала отъ нея въ этомъ дѣлѣ. Это объясняется слѣдующимъ. Представляя во многомъ большое сходство въ соціальномъ строеніи, въ уровнѣ умовъ и нравовъ, наконецъ, въ народныхъ особенностяхъ съ ихъ ближайшими родичами, вкусившими отъ «плода древа познанія добра и зла», въ качествѣ подданныхъ двуединой монархіи, православныя балканскія государства представляли собою благопріятнѣйшую почву для развитія такихъ духовныхъ язвъ, которыя шли изъ Австро-Венгріи, какъ изъ чумнаго очага, давая пышный расцвѣтъ въ маленькихъ самостоятельныхъ царствахъ на Балканахъ и по обѣимъ сторонамъ Дуная. Этотъ видъ политической болѣзни («Милановщина», «Стамбуловщина», «Кобурговщина», румынскій и греческій шовинизмъ и т. п.) представляетъ для діагноза слѣдующіе гнилостные симптомы:

а) замѣчается въ особомъ духовномъ складѣ нѣкоторой части южно-славянской интеллигенціи, выросшей изъ рядовъ скороспѣлой буржуазіи бюрократическаго типа, благосостояніе и культура которой весьма недавняго происхожденія и среди которой казнокрадство, профессіональный парламентаризмъ и лодырничество вошли въ обычай;

б) народная масса въ своихъ традиціонныхъ инстинктахъ хотя и противорѣчитъ политической оріентировкѣ упомянутаго слоя интеллигентныхъ оппортунистовъ, подчиняющихся ближайшей экономической силѣ Австро-Венгріи, однако эта масса лишена организующей силы, разъ она поражена въ своей способности выдѣлять изъ себя болѣе достойный правящій классъ; ее же легко принудить мѣрами организованнаго государственнаго гнета, покрываемаго болтливыми формулами либеральнаго колорита;

в) при традиціонной неспособности нашей дипломатіи, врагамъ Россіи болѣе или менѣе постоянно удавалось проводить на отдѣльные престолы и престольчики Бал-

манское населеніе, даже въ тѣхъ областяхъ, которыя они вынуждены были уступить по договору съ Россіею, такъ какъ мусульмане никогда не простили бы преемнику калифовъ, если бы онъ согласился добровольно отдать ихъ на произволъ христіанскихъ правителей и бывшихъ презрѣнныхъ райевъ.

Замѣчательно, что привыкшіе считаться съ вѣковою военною доблестью черногорцевъ (которыхъ турки еще недавно величали, по примѣру западныхъ европейцевъ и австрійцевъ, разбойниками) и убѣжденные долгимъ опытомъ въ неразрывности связи Черногоріи съ Россіею, турки несравненно благодушнѣе относились къ увеличенію Черногоріи и охотнѣе, нежели Австро-Венгрія, согласились бы на распространеніе княжества на большую часть Герце-

---

[illegible]

г) всѣ означенныя государства страдаютъ худшей формой демократіи, именно такъ называемой охлократіею. [illegible] Королевская власть — чисто декоративная. [illegible] попадала въ руки тѣхъ же нѣмецкихъ [illegible];

д) наконецъ, [illegible] маскаго порабощенія, [illegible] и всегда черезъ торгово-промышленныя связи [illegible] ные займы и посредствомъ австро-венгер[illegible] единеніемъ [illegible] тарифныхъ [illegible] аппаратъ [illegible] постепенное засасываніе самостоятельныхъ народовъ въ германско-венгерскую трясину; эту гибель оставалось только прикрывать лоскомъ звонкихъ «національно-самостоятельныхъ» программъ [illegible] противъ русскаго [illegible] и [illegible] по ихъ легкомыслію. [illegible]

Вся набросанная здѣсь схема, характеризующая политическую атмосферу Балканскаго полуострова [illegible] щей объединенной формулѣ. [illegible] государственнаго строенія [illegible] происходило при постоянной [illegible] бытности.

Когда Игнатьевъ создавалъ Санъ-Стефанскій договоръ, [illegible] явленіе было только въ періодѣ его зарожденія. [illegible] позднѣйшіе годы. Россія [illegible] и православнаго народа [illegible] и развитіе его историческаго [illegible] Австрія и отчасти Франція [illegible] христіанъ, т. е. Турцію [illegible] Настроеніе же этихъ народовъ [illegible] нашей политикѣ. Санъ-Стефанскій договоръ [illegible] стремленіе нашей политики. [illegible]

[illegible]

говины, нежели поддавались на уступку малѣйшей части оттоманской территоріи въ пользу Сербіи.

Увеличеніе Сербіи встрѣчало упорное сопротивленіе турокъ въ теченіе всѣхъ переговоровъ и не разъ грозило полнымъ разрывомъ ихъ. Очевидно, что тутъ вліяло на турокъ столько же раздраженіе уязвленнаго оттоманскаго высокомѣрія за вмѣшательство вассальной Сербіи въ герцеговинское возстаніе, поддержанное сначала одними черногорцами, сколько и подстрекательство венгерцевъ и убѣжденіе, что Австро-Венгрія обязана поддержать отказъ турокъ увеличить территорію Сербскаго княжества.

Относительно денежныхъ вознагражденій за расходы и убытки, понесенные Россіею, русскіе уполномоченные встрѣтили сразу почти непреодолимыя затрудненія. Полное истощеніе турецкой казны съ одной стороны и опасенія султанскихъ министровъ принять на себя заемныя обязательства, превышающія средства казны и страны и грозящія будущими осложненіями европейскаго значенія [1], въ случаѣ невозможности срочныхъ уплатъ, составляли камень преткновенія, о который разбивались всѣ предположенія.

---

[1] Около второй половины XIX столѣтія обрисовалось глубокое различіе между отношеніями Россіи и западныхъ державъ къ тому, чтобы вмѣшиваться въ политическіе кризисы на Ближнемъ Востокѣ. Россія имѣла тамъ, главнымъ образомъ, интересы религіозные и племенные; западныя же державы преслѣдовали, прежде всего, финансовыя и торгово-промышленныя цѣли. Россія дѣлала громадныя затраты, какъ кровью своихъ сыновъ, такъ и расходами на военныя кампаніи, а равно на административные опыты, съ цѣлью освободить, организовать и призвать къ жизни православные народы Ближняго Востока. Западныя же страны, въ силу нарастанія у нихъ огромныхъ промышленныхъ капиталовъ, искавшихъ помѣщенія, приняли съ начала пятидесятыхъ годовъ значительное участіе въ снабженіи Турціи денежными средствами, по случаю объявленной ею эры преобразованій; на дѣлѣ, конечно, большая часть турецкихъ займовъ пошла не на военные, административные и организаціонные расходы для общественной пользы, а на безумныя траты султанскаго двора, гаремовъ и пашей. Задолжаніе Турціи началось не ранѣе Крымской кампаніи. Въ 1854 году былъ выпущенъ первый турецкій государственный заемъ при содѣйствіи Англіи на сумму трехъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Затѣмъ, въ послѣдующія двадцать лѣтъ выпущено было до двѣнадцати заграничныхъ займовъ, на сумму около 183 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, не считая внутреннихъ займовъ на сорокъ милліоновъ фунтовъ. Такимъ образомъ, передъ началомъ герцеговинскаго возстанія сумма турецкаго государственнаго долга достигала приблизительно двухъ съ четвертью милліардовъ рублей. При такихъ условіяхъ не мудрено, что турецкое правительство попало подъ опеку финансирующихъ ее державъ. Кредиторы Турціи получили, подъ давленіемъ европейскихъ государствъ, строго опредѣленную систему обезпеченія ихъ претензій; при этомъ осуществленъ такой видъ захвата государственныхъ доходовъ въ розницу, который едва ли гдѣ-либо въ мірѣ практиковался въ такой уродливой и беззастѣнчивой формѣ. Начинается дѣло съ заклада египетской дани, затѣмъ сирійскихъ таможенныхъ доходовъ (1855 г.), константинопольскихъ портовыхъ сборовъ (1858 г.), акцизныхъ налоговъ на табакъ и соль, гербоваго сбора, торговыхъ сборовъ (1862 г.), десятины и общихъ таможенныхъ доходовъ (1863 г.), налога на овецъ и на рудники (1865 г.); наконецъ, заложены были доходы отдѣльныхъ провинцій. (Ср. Jorga: «Geschichte des Osmanischen Reiches», т. V, стр. 543). А. Б.

Замѣна части денежнаго вознагражденія территоріальными уступками Россія и передачею нѣсколькихъ броненосцевъ, по выбору нашихъ моряковъ, затрагивали гордость турецкую самымъ чувствительнымъ образомъ, тѣмъ болѣе, что, опасаясь издавна за свои европейскія владѣнія, султаны смотрѣли на азіатскія свои области какъ на основу и на источникъ своего могущества.

«Нѣкоторые признаки,—какъ доносили русскіе уполномоченные канцлеру,—заставляютъ предполагать, что Порта желала бы затянуть переговоры, чтобы дождаться осуществленія практическаго соглашенія между Австро-Венгріею и Великобританіею[1]) и даже, можетъ быть, конференціи, до окончательныхъ уступокъ Россіи». Турки понимали, что согласныя между собою дѣйствія Австро-Венгріи и Англіи могутъ принести существенную пользу Портѣ, только если они проявятся прежде, нежели выговоренныя нами у нея условія будутъ осуществлены на дѣлѣ, и ранѣе передачи намъ всѣхъ турецкихъ крѣпостей и Батума съ прикасающимися къ Закавказью турецкими областями. Убѣжденные долгимъ опытомъ въ враждебности и зависти къ Россіи европейскихъ кабинетовъ, а также въ различіи ихъ взаимныхъ интересовъ, турки большею частью вѣровали, что всякая конференція, на которой столкнутся разнорѣчивыя мнѣнія державъ, будетъ выгоднѣе для Порты, нежели непосредственное соглашеніе съ Россіею, въ виду того, что долгая практика научила турецкихъ сановниковъ пользоваться раздорами европейцевъ и искусно лавировать между различными теченіями.

Свѣдѣнія, получаемыя изъ Константинополя, доказывали, однакоже, что Порта совершенно истощила свои военныя средства и не въ состояніи выдержать продолженіе войны, а также, что существуетъ сильная партія (подобно тому, какъ во время нахожденія верховнымъ визиремъ пріятеля Игнатьева Махмудъ-Недимъ-паши), искренно предпочитающая войти въ непосредственное прямое соглашеніе съ Россіею, чтобы, сговорившись съ нами, противостать потомъ коварнымъ замысламъ Великобританіи, которой эта благомыслящая партія основательно приписывала всѣ несчастія Турціи, разразившіяся надъ нею съ 1852 года.

«Но въ то же время тѣ же люди лукаво старались намъ внушить,—писалъ Игнатьевъ канцлеру:—что необходимо Россіи отказаться, если не отъ всѣхъ требованій военнаго вознагражденія, то значительно уменьшить размѣры какъ денежной контрибуціи, такъ и территоріальныхъ уступокъ, чтобы не ослабить слишкомъ средства и силы султана, сохранивъ возможность воспол-

[1]) Агенты и представители которыхъ въ Турціи, подстрекая турокъ къ сопротивленію, все толковали о согласіи между Вѣною и Лондономъ, а Порта надѣялась, что эти державы отъ словъ перейдутъ скоро къ дѣйствію.

зоваться имъ, какъ союзникомъ, представляющимъ еще какое-либо значеніе въ Европѣ».

Игнатьевъ не поддался никакимъ изъ расточаемыхъ турками доводовъ, ни обѣщанію обращенія султана въ наши союзники, такъ какъ въ данную минуту подобное соображеніе не имѣло, по его мнѣнію, практическаго значенія и онъ зналъ, что на голословныя обѣщанія турокъ полагаться невозможно. Главная же квартира полагала, что на этомъ шаткомъ основаніи можетъ быть построена наша будущая политика въ отношеніи Турціи и что поэтому мы должны стараться снисхожденіемъ снискать расположеніе султана, поступаясь сколь возможно болѣе нашими политическими требованіями въ пользу нашихъ единовѣрцевъ.

Съ первыхъ свиданій съ Савфетъ-пашою можно было замѣтить, что онъ не уполномоченъ разрѣшать существенные вопросы, какъ, напримѣръ, территоріальныя уступки и проч. Вотъ почему, послѣ первыхъ же двухъ конференцій онъ отправилъ Османъ-пашу съ предъявленными русскими уполномоченными картами предположенныхъ границъ Болгаріи, Сербіи и Черногоріи [1]). Савфетъ запросилъ мнѣніе Порты по этому вопросу и требовалъ положительныхъ инструкцій. Чтобы не потерять напрасно времени, русскіе уполномоченные настояли, несмотря на оговорки Савфета и его видимое желаніе оттянуть переговоры до полученія категорическаго приказанія Порты, чтобы было безостановочно приступлено къ обсужденію всѣхъ статей проекта, не ожидая установленія точныхъ граничныхъ линій. Такимъ образомъ, были разсмотрѣны вопросы, касающіеся устройства Болгаріи, организаціи ея управленія, оккупаціи страны нашими войсками въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ ухода арміи, разрѣшенія въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ смѣшанными комиссіями вопросовъ недвижимой собственности мусульманъ, бѣжавшихъ изъ Болгаріи, порядка очищенія турецкой территоріи нашею арміею и передачи Портѣ занятыхъ нами мѣстностей и т. д. Уполномоченные настояли на принятіи всѣхъ статей проекта, несмотря на упорное желаніе паши исказить характеръ болгарской автономіи, причемъ Савфетъ не соглашался назвать Болгарію княжествомъ, а лишь областью, исключалъ изъ выбора въ князья всѣхъ членовъ царствующихъ въ Европѣ династій, пытался провести выборнаго губернатора вмѣсто князя и разработку органическаго устава для Болгаріи впослѣдствіи русско-турецкою комиссіею въ Константинополѣ и т. д. Когда Савфетъ опирался въ отказѣ своемъ признать возможность образованія обширнаго Болгарскаго княжества на присутствіе въ нѣ-

---

[1]) Для избѣжанія недоразумѣній и облегченія Сафвету-пашѣ уразумѣнія сдѣланныхъ Игнатьевымъ предложеній онъ заготовилъ карты предполагаемыхъ границъ и вручилъ ихъ пашѣ, при первомъ же объясненіи съ нимъ убѣдившись въ его неудовлетворительномъ знаніи мѣстности. Авт.

которыхъ частяхъ Болгаріи многочисленнаго мусульманскаго населенія, составляющаго, по его мнѣнію, мѣстами даже преобладающее большинство жителей [1]), —то русскіе уполномоченные указали ему на радикальную перемѣну, происшедшую въ теченіе войны въ составѣ населенія Болгаріи. Произошла безповоротная перетасовка между христіанскими и мусульманскими жителями, такъ какъ послѣдніе бѣжали въ большомъ числѣ къ Адріанополю и Константинополю при первомъ появленіи русскихъ войскъ и даже и тѣ изъ нихъ, которые остались подъ охраною сихъ послѣднихъ, едва ли рѣшатся остаться среди болгаръ, опасаясь ихъ мести за совершенныя звѣрства и насилія передъ войною и послѣ отступленія отряда Гурко за Балканы въ іюлѣ. Но, принявъ во вниманіе справедливыя стремленія Савфета оградить должнымъ образомъ отъ произвола будущихъ болгарскихъ властей оставляемое въ княжествѣ мусульманское населеніе, а равно и поземельную турецкую частную собственность, Игнатьевъ согласился ввести въ свой проектъ договора нѣсколько дополнительныхъ статей, предоставляющихъ упорядоченіе будущихъ отношеній между жителями различныхъ національностей и вѣроисповѣданіи смѣшаннымъ турецко-болгарскимъ коммиссіямъ, подъ надзоромъ русскихъ властей или комиссаровъ.

Эти постановленія, принятыя вслѣдствіе соглашенія съ турками, будучи выгодными для Болгаріи, въ сущности несравненно болѣе ограждали частные интересы меньшинства населенія и были справедливѣе къ мусульманамъ, нежели впослѣдствіи рѣшенія Берлинскаго договора и международной коммиссіи.

Савфетъ-паша добивался установить условія возвращенія въ Болгарію мусульманъ-эмигрантовъ, вышедшихъ оттуда вслѣдъ за турецкими войсками, но русскіе уполномоченные уклонились отъ разрѣшенія этого вопроса, выставивъ на видъ всю трудность и многосложность практическаго опредѣленія всѣхъ могущихъ представиться случайностей и мѣстныхъ условій. Отрицательное отношеніе къ предложеніямъ турецкимъ касательно водворенія въ княжествѣ мусульманскихъ эмигрантовъ вызывалось надеждою, что эти послѣдніе, размѣстившись въ областяхъ и городахъ Турціи, сами не захотятъ впослѣдствіи вернуться на свои пепелища, чтобы жить въ чужой и непріятной имъ обстановкѣ, въ условіяхъ

---

[1]) Каждый разъ, когда Турція терпѣла пораженія и теряла христіанскія области, въ которыхъ приходилось потомъ организовать общественную жизнь на справедливыхъ началахъ христіанской государственности, извѣстная часть мусульманскаго населенія выселялась вглубь Турціи, преимущественно въ Азію, по неспособности переносить условія равноправности съ христіанскимъ, освобожденнымъ населеніемъ. Такіе выселенцы носятъ названіе «мухаджировъ». Разумѣется, удержаніе столь фанатически настроенныхъ элементовъ въ странѣ отнюдь не могло входить въ интересы правительствъ нововозникавшихъ христіанскихъ государствъ. А. Б.

существованія совершенно иныхъ, нежели прежде, когда они были господствующимъ элементомъ. Съ трудомъ достигли русскіе уполномоченные соглашенія съ Савфетомъ по всѣмъ спорнымъ пунктамъ и только 6-го февраля (т.-е. на девятой конференціи) скрѣпили своими подписями редакцію статей, касающихся образованія Болгаріи, оставивъ вопросъ объ окончательномъ опредѣленіи границъ открытымъ до полученія инструкцій Порты. Затѣмъ перешли къ обсужденію предложеній, касающихся Черногоріи, которыя были съ самаго начала сообщены Савфету. Игнатьевъ, чтобы вынудить согласіе паши, выставлялъ ему ничтожность экономическаго значенія для Порты уступаемой Черногоріи мѣстности, слабость турецкихъ властей, существующихъ между воинственными племенами, и необходимость для Порты, испытывающей постоянныя тревоги съ этой стороны, сопряженныя съ расходами и европейскими затрудненіями, создать обезпеченный миръ и возможность дружественныхъ отношеній съ удовлетворенною въ своихъ насущныхъ потребностяхъ Черногоріею.

Такъ какъ Савфетъ ссылался постоянно на свое полное невѣдѣніе топографіи спорной мѣстности, а Игнатьевъ торопился закрѣпить за княземъ Николаемъ желаемое увеличеніе княжества до враждебнаго ему вмѣшательства Австро-Венгріи, то русскимъ уполномоченнымъ пришлось согласиться на предоставленіе европейской разграничительной комиссіи большаго простора, нежели предполагалъ Игнатьевъ, для измѣненія первоначальнаго очертанія пограничной линіи, оговоривъ, однакоже, что эти измѣненія могутъ совершаться лишь въ видахъ водворенія спокойствія на границѣ и въ интересахъ обоихъ государствъ [1].

Въ предвидѣніи домогательствъ Австро-Венгріи подвергнуть измѣненію опредѣленную граничную черту при проведеніи оной на мѣстѣ постановлено было, по требованію русскаго уполномоченнаго, что, при урѣзываніи территоріи, должны быть присуждаемы Черногоріи комиссіею равномѣрные участки, т.-е. можетъ происходить лишь замѣна одного участка другимъ, отнюдь не уменьшая общаго увеличенія черногорской территоріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Савфетъ старался достигнуть опредѣленія характера будущихъ отношеній Черногоріи и ея жителей съ Портою и турецкими пограничными властями. Но русскіе уполномоченные, оберегая самолюбіе и достоинство князя Николая и не имѣя возможности узнать своевременно его виды въ этомъ отношеніи, уклонились отъ опредѣленія этихъ отношеній статьею договора, предоставивъ разрѣшеніе поднятаго турками вопроса,—очевидно, съ заднею цѣлью сохранить, по возможности, прежніе порядки,—дальнѣйшему со-

---

[1]) Игнатьевъ хотѣлъ отвратить или стѣснить предъявленіе притязаній спеціально австрійскихъ, не касающихся интересовъ Турціи. Авт.

глашенію между княжествомъ, русскимъ и оттоманскими правительствами.

7-го февраля статьи, касающіяся Черногоріи, были подписаны русскими и турецкими уполномоченными. Эти условія были несравненно выгоднѣе, нежели тѣ, которыя попали въ Берлинскій договоръ, при заключеніи котораго Австро-Венгрія умѣла провести свои взгляды и, отнявъ у Черногоріи Спицу и присужденную ей мѣстность къ Герцеговинѣ и къ сторонѣ Сербскаго княжества, стѣснить Черногорію во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы поставить ее въ зависимость отъ себя [1]). Такое рѣшеніе конгресса было въ высшей степени несправедливо. Черногорія начала первая борьбу, вела оную блистательно, одержала громкія побѣды надъ турками, а ее лишили безжалостно плодовъ ихъ, предоставивъ всѣ выгоды результата войны Австро-Венгріи. Игнатьевъ, памятуя, что Черногорія была всегда вѣрнымъ союзникомъ Россіи, смотрѣлъ на удовлетвореніе желанія князя Николая и расширеніе его владѣній, какъ на вопросъ чести для насъ, и никакъ не соглашался поддаться на всѣ требованія Австро-Венгріи, клонившіяся ко вреду Черной горы. Зная по опыту измѣнчивость взглядовъ князя Горчакова и отсутствіе его выдержки предъ европейскими настояніями, Игнатьевъ въ донесеніи своемъ старался подсказать ему доводы противъ вмѣшательства кабинетовъ и выразился слѣдующимъ образомъ: «Общіе европейскіе интересы не противорѣчатъ образованію и нѣкоторому расширенію славянскихъ княжествъ на Балканскомъ полуостровѣ. Мы, однакожe, приняли, сколько возможно, въ соображеніе возраженія Австро-Венгріи. Впрочемъ, великія державы сами какъ бы отстранились отъ опредѣленія ихъ будущей участи, предоставивъ въ прошломъ мартѣ мѣсяцѣ (т.-е. предъ нашею войною) не только Черногоріи, но и Сербіи непосредственно согласиться съ Турціею. Что же касается Болгаріи, то ея участь слишкомъ много озабочивала весь христіанскій міръ, чтобы допустить мысль, чтобы европейскіе кабинеты вздумали расшатывать зданіе, устраиваемое нами на потокахъ крови» [2]).

---

[1]) Самое значительное различіе между предполагавшимися пріобрѣтеніями Черногоріи по Санъ-Стефанскому договору (ст. 1) и весьма суженными границами этихъ пріобрѣтеній по Берлинскому трактату (ст. 28) состояло въ томъ, что сѣверо-восточная граница по первому изъ этихъ договоровъ проводилась вверхъ по рѣкѣ Лиму, отъ ея впаденія въ Дрину до Пріеполя и оставляла за Черногоріей значительную часть Санджака и Руговскій край; затѣмъ граница шла по главному хребту Проклятыхъ горъ и достигала Скутарійскаго озера въ серединѣ его залива Личени-Кастрати. Такимъ образомъ, къ Черногоріи отходили всѣ албанскія племена вдоль по рѣкѣ Цѣвнѣ до Личени-Кастрати. По Берлинскому же договору отпала вся область праваго берега Тары (т. е. часть Санджака); отошелъ Руговскій край; наконецъ долина Цѣвны и сѣверо-западныя племена албанскихъ горцевъ остались за Турціею. А. Б.

[2]) Неустойчивость нашей восточной политики побудила Игнатьева попытаться подсказать министерству иностранныхъ дѣлъ то, что можно было и слѣдовало за-

Игнатьевъ надѣялся, что канцлеръ не согласится представить Россію на конференцію въ роли подсудимаго и не дозволитъ уничтожить результаты нашихъ трудовъ представителямъ державъ, ничего не сдѣлавшихъ для улучшенія будущности восточныхъ христіанъ. Онъ не могъ ожидать, что въ Берлинѣ, на конгрессѣ, предоставятъ Австро-Венгріи измѣнить выговоренное Россіею у Порты въ пользу своихъ единокровныхъ и единовѣрныхъ союзниковъ для удовлетворенія заднихъ мыслей и корыстныхъ видовъ Австро-Венгріи и для облегченія венгерцамъ подавленія самостоятельнаго развитія сербскихъ княжествъ. Нельзя было ожидать, что для удовлетворенія графа Андраши вынудятъ князя Николая разорительно оставаться на военномъ положеніи еще почти два года послѣ окончанія войны, въ ожиданіи рѣшеній Австро-Венгріи и для того, чтобы получить лишь малую часть, и то не самую лучшую, того земельнаго пространства, которое было выговорено въ Адріанополѣ русскими уполномоченными у Турціи.

Игнатьевъ былъ вполнѣ счастливъ, что имѣлъ возможность телеграфировать канцлеру 7-го февраля:

Мы только что подписали съ Савфетомъ статьи, касающіяся Черногоріи. Граничная линія проведена согласно моему проекту, одобренному въ Петербургѣ, отъ Добростицы до Прилеполья на р. Лимъ. Оттуда, оставляя Бихоръ и Рожай Черногоріи, граница направляется на Сухо-Планину, захватывая для Черногоріи Ругово, Плаву и Гусинье, затѣмъ чрезъ Проклятую гору и по горному хребту до Скутарійскаго озера и по р. Боянѣ до моря. Никшичъ, Гацко, Спужъ, Подгорица, Жаблякъ и Антивари отходятъ къ Черногоріи. Подробности разграниченія на мѣстѣ будутъ опредѣлены европейскою комиссіею. Отношенія Черногоріи и подданныхъ князя Николая будутъ опредѣлены особымъ соглашеніемъ между Россіею, Портою и Черногоріею. Спеціальная конвенція установитъ порядокъ пограничныхъ сношеній и рѣшитъ вопросъ о пограничныхъ укрѣпленіяхъ. Въ случаѣ разномыслія по этому предмету и пограничныхъ столкновеній въ будущемъ, посредниками будутъ Россія и Австро-Венгрія [1].

явить на конференціи европейскимъ представителямъ въ защиту нашего договора. Ему въ голову не входило, что наши уполномоченные на Берлинскомъ конгрессѣ дозволятъ тѣмъ кабинетамъ, которые пальцемъ не шевельнули для дѣйствительнаго улучшенія положенія восточныхъ христіанъ, урѣзать договорныя условія, добытыя имъ Россіею. Авт.

[1] По невозможности совершенно устранить сопредѣльную Австро-Венгрію отъ черногорскихъ вопросовъ, вслѣдствіе настоятельныхъ притязаній графа Андраши на исключительное вліяніе въ Цетиньѣ, Игнатьевъ въ видѣ удовлетворенія доставилъ нѣкоторую роль Австро-Венгріи, такъ что, по его мнѣнію, вѣнскій кабинетъ не могъ жаловаться, что Россія въ переговорахъ своихъ съ Портою забыла объ интересахъ Австро-Венгріи. Авт.

Наканунѣ еще Игнатьевъ не былъ увѣренъ, что Савфетъ согласится на предложенное разграниченіе и что онъ не откажется провести границу до полученія дополнительныхъ инструкцій Порты, по разсмотрѣніи верховнымъ визиремъ посланныхъ ему съ Османъ-пашою картъ. А потому въ телеграммѣ, отправленной 6-го, Игнатьевъ выразился канцлеру слѣдующимъ образомъ:

«Боголюбовъ еще не прибылъ, и ваши инструкціи мнѣ еще неизвѣстны. Разграниченіе Болгаріи, Черногоріи и Сербіи и статья о военномъ вознагражденіи представляютъ величайшія затрудненія. Савфетъ-паша сказывается больнымъ и ежедневно проситъ у Порты дополнительныхъ инструкцій. Европейскія интриги въ Константинополѣ и предстоящая конференція ужасно препятствуютъ успѣшному ходу настоящихъ переговоровъ. Турки безпрестанно повторяютъ намъ: зачѣмъ уступать вамъ теперь, когда ничто не можетъ быть окончательнымъ и все можетъ быть измѣнено въ конференціи европейской? Созваніе конференціи для насъ вредно, невозможно и опасно прежде заключенія договора съ турками».

X.

Въ то время, когда русскіе уполномоченные старались не терять ни минуты времени, чтобы исполнить то, что отъ нихъ требовалъ князь Горчаковъ, т.-е. уговорить турокъ дать свое согласіе на наибольшее, по возможности, число совершившихся дипломатическихъ фактовъ прежде, нежели Европа успѣетъ вмѣшаться открыто въ наши переговоры, возникли новыя обстоятельства, усложнившія наше положеніе въ Адріанополѣ, но которыми Игнатьевъ воспользовался, чтобы придать болѣе рѣшительный характеръ переговорамъ и ускорить конечный результатъ.

На ходъ нашихъ сношеній съ Портою вліяли два первостепенныхъ событія: одно—вмѣшательство Англіи, выразившееся не только подстрекательными совѣтами Лаярда, но и болѣе вѣскимъ вступленіемъ англійской эскадры изъ пяти броненосцевъ въ Мраморное море, бросившей якорь 3-го февраля въ виду самой султанской столицы у Принцевыхъ острововъ, между о. Принкипо и Халки; другое—близость созыва европейской конференціи, являвшаяся въ видѣ пугала для уполномоченныхъ, затруднявшаго ходъ переговоровъ, тѣмъ болѣе, что никто еще не могъ себѣ составить понятіе о характерѣ европейскаго судьбища и его практическихъ послѣдствіяхъ. Англійская эскадра, по свѣдѣніямъ, полученнымъ въ главной квартирѣ, самовольно прошла въ Дарданеллы 2-го февраля, но съ 30-го января уже происходилъ по этому случаю обмѣнъ непосредственныхъ телеграммъ между государемъ и султаномъ. Великій князь получилъ копіи, но очень запоздавшія. Телеграммы эти проходили по черноморскому англійскому кабелю и подвер-

лялись, очевидно, преднамѣренной задержкѣ и часто искаженію, подобно всѣмъ телеграммамъ, которыми обмѣнивались по этому направленію князь Горчаковъ и Игнатьевъ. Распоряженіе кабелемъ было въ рукахъ англичанъ, служащіе передавали копіи всѣхъ телеграммъ великобританскому посольству и задерживали ихъ или умышленно искажали передачу, когда созданіе затрудненій соотвѣтствовало видамъ англійской политики. Великій князь не желалъ брать на свою отвѣтственность рискованныхъ, по его мнѣнію, рѣшительныхъ дѣйствій. Игнатьеву казалось, изъ совокупности получаемыхъ свѣдѣній, что, при полученіи въ Петербургѣ извѣстія о движеніи англійской эскадры къ Константинополю, государь изъявилъ желаніе занять нашими войсками не только высоты Босфора, какъ предполагалось при отправленіи Игнатьева изъ Петербурга, но самый городъ Константинополь. Но великій князь постоянно отрицалъ полученіе высочайшаго разрѣшенія предпринять это наступленіе. Изъ свѣдѣній, собранныхъ отъ турокъ около 5-го февраля, Игнатьевъ узналъ, что султанъ получилъ 30-го января телеграмму отъ государя, извѣстившаго Гамида, что такъ какъ вслѣдствіе донесенія британскаго посла объ опасностяхъ (мнимыхъ), угрожающихъ европейцамъ и христіанамъ, находящимся въ Константинополѣ, эскадра англійская призвана туда Лайярдомъ подъ предлогомъ защиты англійскихъ подданныхъ, то государь, съ своей стороны, находитъ необходимымъ ввести временно часть своихъ войскъ въ турецкую столицу съ тою же цѣлью. Когда Игнатьевъ доложилъ главнокомандующему о доставленныхъ ему свѣдѣніяхъ, то великій князь подтвердилъ ихъ. Оказалось, что его величество, сообщая телеграмму свою султану великому князю, повелѣлъ главнокомандующему сговориться объ исполненіи сего съ турецкими уполномоченными, добавивъ, что «было бы желательно, чтобы это вступленіе оказалось возможнымъ совершить миролюбиво. Но, если уполномоченные этому воспротивятся, мы должны быть готовы занять Константинополь открытою силою».

По мнѣнію, высказанному Игнатьевымъ главнокомандующему, въ этой телеграммѣ заключалось не только разрѣшеніе, но высочайшее повелѣніе тотчасъ двинуть наши войска къ Константинополю и вступить въ него съ согласія турокъ или насильственно. Но великій князь былъ противнаго мнѣнія.

Телеграмма его величества отъ 29-го января [1]) была слѣдующая:

---

[1]) Настоящее мѣсто изъ записокъ Н. П. Игнатьева представляетъ необыкновенный интересъ, такъ какъ телеграмма императора Александра II отъ 29-го января 1878 года нынѣ впервые сдѣлалась достояніемъ печати. Этотъ документъ проливаетъ совершенно новый свѣтъ на вопросъ о томъ, по какой причинѣ наши побѣдоносныя войска не пошли дальше Санъ-Стефано и не заняли Константинополя. А. Б.

Изъ Лондона получено официальное извѣстіе, что Англія, на основаніи свѣдѣній, отправленныхъ Лаярдомъ, объ опасномъ будто бы положеніи христіанъ въ Константинополѣ, дала приказаніе части своего флота итти въ Царьградъ для защиты своихъ подданныхъ. Нахожу необходимымъ войти въ соглашеніе съ турецкими уполномоченными *о вступленіи* и нашихъ войскъ въ Константинополь, съ тою же цѣлью. Весьма желательно, чтобы вступленіе могло исполниться дружественнымъ образомъ. Если же уполномоченные воспротивятся, то намъ надобно быть готовымъ *занять* Царьградъ даже *силою*. Александръ . Во французской редакціи, сообщенной Савфетъ-пашою Игнатьеву, послѣдняя часть телеграммы была изложена слѣдующимъ образомъ: Il se fait très désirable que cette entrée puisse s'effectuer à l'amiable, mais si les Plénipotentiaires s'opposaient, nous devons être prêts à occuper Constantinople même de vive forte .

Султанъ отвѣтилъ 3-го февраля государю, что «онъ смотритъ на появленіе англійскихъ военныхъ судовъ, какъ на временное, что онъ тотчасъ же телеграфировалъ королевѣ Викторіи, прося объ отмѣнѣ мѣропріятія, могущаго повлечь неисчислимыя бѣдствія для человѣчества , но отвѣта онъ еще не получилъ на свое непосредственное обращеніе. Султанъ далъ обѣщаніе, по полученіи королевскаго отзыва, вступить въ соглашеніе съ государемъ относительно принятія тѣхъ мѣръ, которыя окажутся тогда необходимыми. Въ то же время султанъ сообщалъ, что англійская эскадра снялась съ якоря, чтобы удалиться отъ Принцевыхъ островъ на другую стоянку, болѣе удаленную отъ Босфора. Въ заключеніе султанъ изъявлялъ государю надежду, что «вступленіе русскихъ войскъ будетъ отложено , и обѣщалъ извѣщать государя о томъ, что произойдетъ, равно о ходѣ переговоровъ, чтобы предотвратить недоразумѣнія, могущія повлечь послѣдствія, пагубныя для интересовъ человѣчества и Оттоманской имперіи».

Государь отвѣтилъ на телеграмму султану, что онъ всегда готовъ содѣйствовать предупрежденію несчастіи человѣчества и что онъ будетъ ожидать результата обращенія султана къ королевѣ.

Въ дѣйствительности, англійская эскадра, простоявъ четыре дня у Принцевыхъ островомъ, вслѣдствіе же просьбы султана, сдѣлала видъ, что удаляется 7-го февраля, и отошла лишь къ Муданіи и Гемлеку (въ Мраморномъ моря и въ Немидскіи заливѣ) и вскорѣ снова вернулась на прежнюю якорную стоянку у Принцевыхъ острововъ.

Въ Константинополѣ враждебные намъ иностранные агенты распустили слухъ въ Портѣ и въ населеніи, какъ свидѣтельствуетъ донесеніе Ону (телеграмма отъ 1-го февраля изъ Перы), что за англійскою эскадрою послѣдуютъ вскорѣ два австро-венгерскихъ броненосца.

2-го февраля Ону извѣстилъ Игнатьева, что совѣтъ министровъ засѣдаетъ непрерывно въ султанскомъ дворцѣ, что поэтому онъ

никакъ не можетъ видѣться съ министрами, чтобы исполнить порученія, ему данныя, что такъ какъ англійская эскадра прошла Дарданеллы, то рѣшено послать Намикъ-пашу въ нашу главную квартиру, чтобы упросить главнокомандующаго не вступать въ Константинополь. Игнатьевъ былъ того мнѣнія, что мы должны воспользоваться нарушеніемъ англійскою эскадрою закрытія проливовъ для военныхъ флотовъ иностранныхъ государствъ, чтобы немедленно избавиться отъ стѣсненій, происходящихъ отъ безвременнаго проведенія демаркаціонной линіи и заключенія перемирія, и возстановить равновѣсіе между нами и Англіею въ глазахъ турокъ быстрымъ занятіемъ высотъ Босфора и вступленіемъ въ Константинополь части нашихъ войскъ. Великій князь отказывался это предпринять по собственной инициативѣ и ожидалъ болѣе положительнаго высочайшаго повелѣнія, чтобы снять съ себя отвѣтственность за послѣдствія. Во всякомъ случаѣ онъ считалъ необходимымъ дождаться результата телеграфической переписки между государемъ, султаномъ и королевою Викторіею. Главная квартира была того мнѣнія, что нужно будетъ употребить нѣсколько дней для сосредоточенія войскъ нашихъ въ Чаталджѣ и Чорлу, такъ какъ части были разбросаны послѣ перемирія, что наступленіе нашихъ войскъ до высотъ Босфора было сопряжено съ несравненно большими трудностями и болѣе рискованно, нежели предполагаютъ въ Петербургѣ и какъ это кажется Игнатьеву, такъ какъ турки уже успѣли съ 19-го января вооружить прекрасною артиллеріею большого калибра тѣ укрѣпленія по пути, которыя были заблаговременно возведены, и добавить новыя; что, вслѣдствіе сего, придется брать штурмомъ цѣлый рядъ укрѣпленныхъ позицій, начиная съ Кучукъ-Чекмедже, и турки будутъ имѣть возможность сразиться съ нами при самыхъ выгодныхъ для себя условіяхъ, тогда какъ мы противопоставимъ имъ лишь малочисленную и слабѣйшую артиллерію, а войска недостаточно снабжены зарядами и патронами для продолжительнаго боя.

Сверхъ того начальникъ штаба предвидѣлъ значительныя затрудненія для продовольствія арміи, какъ только войска наши покинутъ берега Мраморнаго моря и удалятся отъ желѣзной дороги, подвозящей припасы. Великій князь опасался, при наступленіи къ Босфору, быть вынужденнымъ неожиданными обстоятельствами ввести войска въ Стамбулъ, гдѣ сосредоточена масса озлобленныхъ мусульманскихъ эмигрантовъ и гдѣ, вѣроятно, много больныхъ тифомъ. При томъ, такъ какъ отрядъ Гурко, при движеніи своемъ къ Дарданелламъ, былъ остановленъ, то турки симъ воспользовались, чтобы перевести въ Булаиръ остатки арміи Сулеймана и снова занять укрѣпленія, покинутыя турками во время паническаго страха, наведеннаго на нихъ быстрымъ наступленіемъ русскихъ войскъ въ первой половинѣ января. Замѣчательно и достойно сожалѣнія, что

въ главной квартирѣ ничего не знали о происходившемъ въ Дарданеллахъ и не имѣли свѣдѣній, подтверждающихъ слухъ о вступленіи англійской эскадры въ Мраморное море. Игнатьевъ поручилъ Ону удостовѣриться въ этомъ чрезъ турокъ и нашихъ единовѣрцевъ въ Константинополѣ и, съ согласія великаго князя, отправилъ преданнаго намъ грека въ Родосто съ этою же цѣлью. 5-го февраля, поздно вечеромъ, русскіе уполномоченные получили подтвержденіе факта присутствія броненосной англійской эскадры у Принцевыхъ острововъ единовременно отъ Ону и отъ агента, вернувшагося изъ Родосто съ завѣреніемъ, что онъ видѣлъ эскадру, бросившую якорь у Принцевыхъ острововъ 3-го вечеромъ. Спрошенный Игнатьевымъ, Савфетъ-паша, по свойственной сановникамъ Порты привычкѣ, началъ съ того, что отрицалъ фактъ подхода къ Константинополю англійскихъ броненосцевъ; затѣмъ при настойчивомъ утвержденіи русскаго уполномоченнаго сталъ робко выражать сомнѣніе и предположеніе, что Ону былъ введенъ въ заблужденіе слухами, распускаемыми недоброжелательными людьми». Наконецъ онъ сознался въ присутствіи англійской эскадры лишь тогда, когда удостовѣрился, что Игнатьевъ получилъ достовѣрныя свѣдѣнія, и когда до него дошла телеграмма верховнаго визиря, предписывающая ему умолять великаго князя не вводить русскихъ войскъ въ Константинополь.

Въ это самое время великій князь получилъ высочайшую телеграмму, предписывающую ему войти въ соглашеніе съ турецкими уполномоченными относительно добровольнаго пропуска въ оттоманскую столицу войскъ и, въ случаѣ несогласія турокъ на это предложеніе, главнокомандующему разрѣшалось занять даже силою Константинополь, въ особенности если броненосцы англійскіе проникнутъ въ Босфоръ, и при этомъ выставляя на видъ тотъ же предлогъ, какъ и англичане, а именно покровительство русскихъ подданныхъ, европейцевъ и всего христіанскаго населенія. Игнатьеву казалось, что настала минута, когда главная квартира встрепенется и выйдетъ изъ пагубнаго бездѣйствія, а для русскаго уполномоченнаго наступитъ благопріятная минута для рѣшительныхъ переговоровъ съ Портою. Въ виду постоянныхъ затрудненій при веденіи переговоровъ въ Адріанополѣ и безполезной траты времени, унизительной, по его мнѣнію, для достоинства Россіи, Игнатьевъ предложилъ великому князю, полагавшему свои силы недостаточными для завладѣнія Босфоромъ и нежелавшему нарушать условія перемирія, воспользоваться тѣмъ, что со стороны азіатскаго берега Босфора не была проведена демаркаціонная линія, и перебросить, на пароходахъ черноморскаго общества, корпусъ нашихъ войскъ изъ Одессы и Севастополя на южное прибрежье Босфора. Высадивъ дессантъ въ Ривѣ, можно было занять гигантскую гору, командующую турецкими укрѣпленіями, и имѣніе Абрахама-паши, по которому проложена шоссейная дорога отъ Ривы, выходящее на Бос-

форъ и давшее, такимъ образомъ, возможность обойти укрѣпленія, защищающія входъ въ Босфоръ изъ Чернаго моря, и такимъ образомъ сразу стать твердою ногою на азіатскомъ берегу пролива. Начальникъ штаба, генералъ Непокойчицкій, обозвалъ это предложеніе «поэтическою фантазіею», нашелъ исполненіе не только крайне труднымъ, требующимъ продолжительныхъ приготовленій, но и слишкомъ рискованнымъ.

Великій князь не желалъ обратить вниманіе на предложеніе Игнатьева. Въ виду, однакоже, высочайшаго повелѣнія о занятіи Константинополя, его высочество чувствовалъ необходимость что-нибудь предпринять и призвалъ, для совѣщанія у себя, начальника штаба, Игнатьева и Нелидова, чтобы обсудить способъ исполненія высочайшаго повелѣнія. Какъ главнокомандующій, такъ и начальникъ штаба повторили все вышеупомянутое касательно затруднительности и рискованности занятія высотъ Босфора и вступленія въ столицу, заявили, что даже для подготовленія наступленія достаточныхъ силъ къ Константинополю нужно употребить отъ пяти до шести дней для ихъ сосредоточенія и что, впрочемъ, никогда не было въ виду, въ продолженіе войны, довести наступленіе до самаго Константинополя, такъ какъ эта столица никогда не считалась предметомъ военныхъ дѣйствій и что потому ничто не было соображено и приготовлено для такой сложной операціи. Если предполагали возможность занятія Константинополя, надо было, сказалъ Непокойчицкій, предупредить штабъ заранѣе и совершенно иначе приготовиться и распорядиться. Игнатьевъ симъ воспользовался, чтобы замѣтить, что никто не предвидѣлъ въ началѣ еще декабря рѣзкаго перехода къ быстрому наступленію къ Константинополю, но что въ войнѣ надо быть готовыми на всѣ случайности; онъ напоминалъ, до какой степени былъ глубоко пораженъ преждевременною, неожиданною для него остановкою нашихъ войскъ въ ту минуту, когда главныя и почти единственныя препоны были уже преодолѣны, и заключеніемъ перемирія, передавшаго англичанамъ всѣ выгоды положенія, дотолѣ столь благопріятнаго для насъ. Игнатьевъ заявилъ, что нравственно Россіи невозможно допустить, чтобы англійскія военныя суда вошли въ Босфоръ безъ того, чтобы наши войска одновременно не заняли высоты, господствующія надъ проливомъ и Константинополемъ. По его мнѣнію, если мы не примемъ въ настоящую минуту энергическихъ мѣръ, мы потеряемъ безвозвратно плоды нашихъ побѣдъ и громадныхъ жертвъ, принесенныхъ Россіею [1].

---

[1]) Совѣты, преподанные главной квартирѣ Н. П. Игнатьевымъ, вытекали изъ ясно сознанныхъ имъ цѣлей истинно-реальной политики. Онъ требовалъ движенія впередъ нашихъ войскъ до заключенія мира, сознавая, что содержаніе договора будетъ существенно различно въ зависимости отъ того, гдѣ будетъ окончательно подписанъ

«Знакомый давно съ турками и попытавшись, вопреки собственному намѣренію, вести переговоры здѣсь, въ Адріанополѣ, съ Сафветомъ,—сказалъ Игнатьевъ:—я болѣе, нежели когда-либо, убѣдился въ безполезной потерѣ времени на мирныя совѣщанія вдали отъ столицы, находящейся, вдобавокъ, подъ пушками не русскими, а англійскихъ броненосцевъ. Я предпочиталъ бы вернуться къ первоначальному моему предположенію перенести переговоры изъ Адріанополя въ Буюкъ-дере, тѣмъ болѣе, что для меня ясно, что Порта насъ надуваетъ и, находясь подъ вліяніемъ англичанъ, которымъ помогаютъ австро-венгры, старается лишь выиграть время и дождаться дипломатическаго вмѣшательства Европы въ наши переговоры, или даже образованія противъ насъ коалиціи державъ».

Въ заключеніе Игнатьевъ объявилъ, что, по его мнѣнію, невозможно намъ продолжать оставаться въ нынѣшнемъ невыносимомъ и унизительномъ положеніи. Такъ какъ внушенія, сдѣланныя чрезъ посредство Оску Портѣ, а самимъ великимъ княземъ Сафвету касательно пользы приближенія къ Константинополю главной квартиры, не повели ни къ чему и Порта отмалчивается, необходимо, по мнѣнію уполномоченнаго, объявить туркамъ ультиматумъ и затѣмъ привести въ исполненіе перенесеніе главной квартиры къ Константинополю. Игнатьевъ, желая быть увѣреннымъ, что это заявленіе будетъ сдѣлано съ достаточною настойчивостью, чтобы воздѣйствовать на турецкое правительство, предложилъ великому князю лично отправиться къ Сафвету для сообщенія ему рѣшеній главнокомандующаго. Собственно правильнаго совѣщанія не было, потому что великій князь не давалъ времени высказаться послѣдовательно уполномоченнымъ, а безпрестанно прерывалъ ихъ, зачастую подтверждая слова Игнатьева, а вслѣдъ за тѣмъ возвращаясь къ сказанному генераломъ Непокойчицкимъ о военныхъ затрудненіяхъ касательно приведенія въ исполненіе движенія къ Константинополю, хотя и сознавалъ, что оставаться въ Адріанополѣ въ бездѣйствіи -

---

мирный договоръ. Его послушались на половину. Вмѣсто того, чтобы заключить переговоры въ Адріанополѣ, они завершились въ Санъ-Стефано. Но Игнатьевъ хотѣлъ большаго, а это ему дано не было: мы не заняли ни Царьграда, ни береговъ Босфора. Для оцѣнки значенія мысли Игнатьева, интересно поставить себѣ два вопроса:

1) Каково было бы содержаніе нашего мирнаго договора съ Турціею, если бы главная квартира вовсе не послушалась совѣтовъ Игнатьева и если бы договоръ состоялся, не выходя изъ Адріанополя?

2) Чѣмъ могъ бы быть этотъ договоръ, если бы его заключили въ Царьградѣ, или хотя бы послѣ занятія Босфора?

Въ первомъ случаѣ мы бы, несомнѣнно, не преодолѣли бы [illegible] турецкихъ уполномоченныхъ и не могли бы [illegible], которая такъ выгодно отличаетъ Санъ-Стефанскій договоръ отъ Берлинскаго. Во второмъ же предположеніи, можно съ большою увѣренностью сказать, что если бы договоръ подписанъ послѣ занятія Царьграда и Босфора, не было бы и самого Берлинскаго конгресса. А. Б.

безплодно, выказывая постоянно нерѣшительность и неопредѣленность въ заключеніи. Всего больше великій князь опасался, что съ нарушеніемъ перемирія и демаркаціонной линіи возникнутъ политическія осложненія, которыя могутъ вызвать столкновеніе съ Англіею и продолжить войну. Главнокомандующій передалъ уполномоченному, что Савфетъ наканунѣ сообщилъ ему двѣ телеграммы верховнаго визиря, содержавшія сущность выраженнаго въ телеграммахъ, которыми обмѣнивались въ послѣдніе дни между Петербургомъ, Константинополемъ и Лондономъ, съ повелѣніемъ султана Савфету упросить великаго князя дождаться отвѣта государя на послѣднюю телеграмму къ нему султана. Послѣдняя телеграмма верховнаго визиря, которую Савфетъ передалъ главнокомандующему предъ совѣщаніемъ, была слѣдующаго содержанія:

Его величество императоръ Александръ обѣщалъ по телеграфу султану обождать результата переговоровъ съ лондонскимъ кабинетомъ объ удаленіи англійскаго флота. Вамъ извѣстно нынѣшнее состояніе столицы вслѣдствіе громаднаго наплыва эмигрантовъ, и вы должны быть, подобно мнѣ, убѣждены въ большихъ опасностяхъ, которыя, несомнѣнно, произойдутъ при вступленіи въ Константинополь даже незначительной части русскихъ войскъ[1]). Это положеніе, ухудшающееся съ каждымъ днемъ, обязываетъ насъ употребить всѣ наши усилія для предупрежденія тѣхъ несчастій, которыя мы должны предвидѣть. Съ этою именно цѣлью я прошу васъ убѣдить великаго князя Николая Николаевича въ затрудненіяхъ и опасностяхъ ввода русскихъ войскъ въ Константинополь. Ону, который могъ все лично видѣть и обсудить на мѣстѣ, можетъ подтвердить и дополнить эти свѣдѣнія».

Вернувшійся утромъ изъ Константинополя Ону былъ допрошенъ и Игнатьевымъ и самимъ великимъ княземъ относительно дѣйствительнаго положенія дѣлъ въ Константинополѣ. Изъ объясненій его ясно было, что верховный визирь и турецкіе министры, обласкавъ его и выказавъ ему вниманіе, старались настроить его въ благопріятномъ для Турціи смыслѣ. Тѣмъ не менѣе Ону высказалъ убѣжденіе, основанное на своихъ личныхъ наблюденіяхъ, что турки не вступятъ въ борьбу съ нашими войсками при движеніи ихъ къ Константинополю[2]), что не мѣшаетъ, однакоже, турецкимъ министрамъ противиться, на словахъ, самымъ убѣдительнымъ образомъ вступленію нашихъ войскъ въ столицу.

---

[1]) Очевидно было, что чѣмъ болѣе Порта опасалась фанатизма мусульманъ, тѣмъ менѣе можно было ожидать, что введенъ будетъ лишь незначительный отрядъ нашихъ войскъ, и логичнѣе было предположить, что такое положеніе вынудитъ ввести сильный корпусъ русскихъ войскъ. Авт.

[2]) Что вполнѣ подтверждало мнѣніе Игнатьева, неоднократно высказанное имъ великому князю, нѣкоторымъ начальникамъ частей и чинамъ главной квартиры. Авт.

Они утверждаютъ, говорилъ Ону, что «все мусульманское населеніе побросается отъ ужаса въ Босфоръ, какъ только увидитъ русскихъ у Стамбульскихъ воротъ». Наши ожидаютъ большихъ уличныхъ безпорядковъ, какъ только покажутся наши войска, избіенія христіанъ, совершенія преступленій обезумѣвшею толпою, смерти султана или его бѣгства въ Азію, перемѣны султана, т.-е. появленія или Мурада, или Иззедина и т. д. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, министры поддавались обсужденію поднятаго Ону вопроса, какія именно казармы въ городѣ и его окрестностяхъ могли бы быть предоставлены русскимъ войскамъ, причемъ, однакоже, наши не преминули дать замѣтить, что «тифъ свирѣпствовалъ въ оныхъ». Ону былъ просто пораженъ враждебностью положенія, принятаго англійскимъ посольствомъ и, въ особенности, неприязненною дѣятельностью прежняго друга русскаго посольства, австро-венгерскаго посла графа Зичи. Отвѣчая на привѣтъ, посланный Игнатьевымъ ему черезъ Ону, онъ сказалъ нашему драгоману, что «Россія безбожно надула Вѣну», и, посылая дружескій поклонъ Игнатьеву, добавилъ, что, «исполняя свой долгъ, онъ будетъ дѣйствовать противъ его политики, несмотря на личныя дружественныя отношенія». Германскій консулъ былъ очень полезенъ какъ для нашихъ подданныхъ, оставшихся въ Турціи во время войны, такъ и въ особенности Ону при его присылкѣ изъ главной квартиры въ столицу, при довольно щекотливой обстановкѣ. Посолъ германскій, князь Рейсъ, подтвердилъ Ону враждебность и происки Лайярда и графа Зичи и полагалъ, что раздраженіе противъ Россіи въ Вѣнѣ и Пештѣ достигло крайнихъ размѣровъ, до того, что война съ нами почти сдѣлалась неизбѣжною. Съ разныхъ сторонъ увѣряли Ону, что Австро-Венгрія дѣлаетъ секретно военныя приготовленія, считая, что мы истощены войною съ Турціею и сдадимся на угрозы Англіи и Австро-Венгріи. Нашего драгомана принимали вездѣ внимательно, а турки и туземные христiане—съ распростертыми объятіями; многія лица, изъ прежнихъ знакомыхъ посольства, его посѣтили. Ему доставили возможность видѣться съ плѣнными русскими офицерами. Достойно вниманія, что многіе турки, греки и армяне поручили Ону кланяться бывшему послу, напомнить ему о каждомъ изъ нихъ и увѣрить въ своей личной преданности.

Ознакомившись, такимъ образомъ, съ обстоятельствами и съ взглядомъ уполномоченнаго, великій князь, не желая тѣмъ не менѣе давать крутой оборотъ дѣлу, рѣшился, однакоже, сдѣлать распоряженіе о сосредоточеніи своей арміи къ Чаталджѣ и потребовать категорически отъ турецкаго правительства добровольнаго пропуска главной квартиры съ десятитысячнымъ конвойнымъ отрядомъ въ Санъ-Стефано, съ цѣлью приблизиться къ столицѣ на такое же разстояніе, какъ и англійская броненосная эскадра, занявшая якорную стоянку у Принцевыхъ острововъ, въ противность всѣмъ

международнымъ трактатамъ. Игнатьевъ, обрадовавшись, что глав-нокомандующій согласился сдѣлать хотя этотъ первый шагъ отступленія отъ демаркаціонной линіи и попытку для возстановленія от-[illegible]та равновѣсія между Англіею и Россіею, отправился къ Савфету, чтобы сообщить ему рѣшеніе главнокомандующаго и предложить ему перенести одновременно переговоры поближе къ Константинополю, пока въ Буюкъ-дере или Санъ-Стефано. Выставивъ громадную [illegible] для турокъ предложенія главнокомандующаго и выра-[illegible] чтобы оно было приведено въ исполненіе дру-жески. Игнатьевъ для большаго убѣжденія паши далъ ему понять, что въ противномъ случаѣ русскія войска могутъ вполнѣ обойтись безъ согласія Порты, но что въ такомъ случаѣ вся отвѣтственность за послѣдствія энергическаго исполненія рѣшенія главнокомандующаго должна безусловно пасть на неожиданное и незаконное появленіе англійской эскадры и на слабость, трусость и коварство Порты, которая допустила событіе, вынудившее насъ измѣнить способъ дѣйствія. Савфетъ обѣщался тотчасъ все передать верховному визирю и призналъ основательность нашего неудовольствія. Ону былъ тотчасъ отправленъ обратно въ Константинополь съ новыми инструкціями и согласно желанію самого Савфета, который высказалъ, что представленія Ону подкрѣпятъ значительно предъ Портою его собственныя представленія и что личными настояніями Ону ускорится полученіе инструкцій верховнаго визиря. Драгоману нашему поручено было условиться съ министрами относительно всѣхъ подробностей, а въ помощь ему, для военныхъ объясненій, отправился генеральнаго штаба князь Кантакузенъ. Савфетъ-паша былъ очень взволнованъ и разстроенъ крупными объясненіями съ Игнатьевымъ, тѣмъ болѣе, что по рѣшительному заявленію, сдѣланному ему хладнокровнымъ тономъ, онъ убѣдился, что на этотъ разъ перемѣны въ рѣшеніи нашемъ дойти до стѣнъ Константинополя не будетъ и что, въ случаѣ сопротивленія, мы ни передъ чѣмъ не остановимся. Онъ въ этомъ смыслѣ и написалъ свое донесеніе въ Порту, отправленное вмѣстѣ съ Ону, котораго сопровождалъ турецкій чиновникъ.

Какъ только Савфетъ успокоился, Игнатьевъ потребовалъ продленія переговоровъ, но, предъ конференціею, извѣстилъ канцелярію телеграммою слѣдующаго содержанія: «По приказанію великаго князя, предложилъ Савфету перенести наши переговоры въ Санъ-Стефано, съ переводомъ туда главной квартиры, въ сопровожденіи шестидесятитысячнаго отряда. Ону послалъ въ Константинополь, чтобы сговориться по сему предмету съ министрами и ускорить присылку Савфету инструкцій, разрѣшающихъ ему сдѣлать [illegible] уступки».

До какой степени эти инструкціи были необходимы, лучшимъ доказательствомъ служитъ случившееся съ русскимъ уполномочен-

нымъ [illegible] Черногоріи: на другой [illegible] статьи, содержаніе которой было сообщено канцлеру по телеграфу, Савфетъ заявилъ русскимъ уполномоченнымъ, что «онъ спохватился, что не имѣлъ права сдѣлать тѣ территоріальныя уступки, которыя его заставили впопыхахъ сдѣлать, и что, перечитавъ свои инструкціи [1], онъ удостовѣрился въ своей ошибкѣ и что, между прочимъ, онъ не имѣлъ никакого права уступить Антивари».

Паша просилъ убѣдительно дать ему исправить и измѣнить редакцію статьи, вычеркнувъ Антивари. Русскіе уполномоченные съ негодованіемъ отвергли это предложеніе и объявили Савфету, что такъ какъ содержаніе подписанной статьи и подписи его уже извѣстны въ Петербургѣ, то измѣнить что-нибудь они уже не имѣютъ права. Савфетъ былъ въ отчаяніи и долго еще продолжалъ просить объ убавкѣ территоріи, присужденной Черногоріи.

7-го февраля уполномоченный телеграфировалъ канцлеру: «Сегодня въ конференціи, подписали съ Савфетомъ редакцію всего того, что касается Болгарскаго княжества, положенія русскаго комиссара, занятія края шестью пѣхотными и двумя кавалерійскими русскими дивизіями въ теченіе двухъ лѣтъ, срытія всѣхъ укрѣпленій и очищенія нашею арміею Европейской Турціи въ три мѣсяца, а Азіатской въ шесть, съ правомъ посадки на суда во всѣхъ морскихъ портахъ [2]. Мы отложили опредѣленіе границъ Болгаріи, потому что Савфетъ еще ожидаетъ инструкцій по этому предмету. Савфетъ предлагаетъ много измѣненій въ нашихъ предложеніяхъ, касающихся Сербіи, Румыніи, Босніи и Герцеговины».

Не получая въ теченіе сутокъ ни извѣстій изъ Константинополя, ни отвѣта на сдѣланныя чрезъ Савфета и Ону предложенія Портѣ о передвиженіи главной квартиры, Игнатьевъ телеграфировалъ Ону 7-го февраля вечеромъ: «Великій князь теряетъ терпѣніе. [illegible] и отправку Савфету инструкцій по пограничнымъ и территоріальнымъ вопросамъ. Савфетъ утверждаетъ, что онъ не получаетъ никакихъ отвѣтовъ на свои телеграммы и потому ничего не можетъ намъ сказать». Игнатьевъ прибавилъ, что [illegible] опасности. То же сказали уполномоченные и Савфету, который былъ совершенно растерянъ, сознавая опасность положенія.

---

[1] [illegible] Австро-Венгріи [illegible]

[2] [illegible]

[illegible] Болгарскаго княжества—статьи 6—11;

[illegible]

[illegible]

[illegible] срытіи укрѣпленій, стр. 12. А. Б.

Извѣстія, полученныя наконецъ отъ Ону, были неблагопріятнаго свойства. Прибывъ ночью съ 6-го на 7-е февраля въ Константинополь, нашъ первый драгоманъ отправился съ ранняго утра къ министру иностранныхъ дѣлъ Серверу-пашѣ, который тотчасъ ему объявилъ, что не имѣетъ уже права съ нимъ бесѣдовать оффиціально, такъ какъ онъ вынужденъ былъ наканунѣ подать въ отставку. Вліяніе Англіи въ Константинополѣ, подорванное значительно послѣдними событіями въ Турціи, начало возстановляться съ появленіемъ британской эскадры, и Лаярдъ воспользовался симъ, чтобы возвысить голосъ и дѣйствовать враждебно противъ вліянія Россіи съ удвоенною энергіею. По словамъ Сервера, онъ потребовалъ у него опроверженія тѣхъ обвиненій на двусмысленную политику Великобританіи, произведшую войну между Турціею, которую она поощряла, обѣщая свою матеріальную поддержку, и Россіею, которыя были высказаны Серверомъ въ Адріанополѣ корреспонденту газеты Daily News Mac Gahan'у. Серверъ-паша былъ дѣйствительно возмущенъ пагубными результатами того, что Порта слушалась Англіи и пренебрегла своими дружественными отношеніями къ Россіи въ 1876 году, и потому громко, какъ многіе турки, обвинялъ въ несчастіяхъ, постигшихъ Турцію, европейцевъ и преимущественно англичанъ. Онъ былъ патріотъ, хотя и не даровитый, и всегда находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ русскими представителями. Бурное объясненіе послѣдовало между англійскимъ посломъ и Серверомъ и окончилось полнымъ разрывомъ. Лаярдъ потребовалъ также отъ султана наказанія или отставки юрисконсульта Порты, француза Tarin, который, присутствуя при свиданіи Сервера съ англійскимъ корреспондентомъ, осмѣлился увѣрять послѣдняго, что онъ также имѣлъ въ рукахъ письменныя доказательства коварства и двуличія англійскаго посланника. Развязкою этихъ сценъ было увольненіе Сервера-паши и отстраненіе на время Тарена отъ дѣлъ Порты. Весьма естественно, что послѣ такой дипломатической побѣды Лаярдъ сдѣлался всемогущимъ въ Портѣ, тѣмъ болѣе, что верховный визирь Ахметъ-Вефикъ былъ всегда пріятелемъ англичанъ, находился въ близкихъ сношеніяхъ со многими англійскими представителями и, между прочимъ, другомъ лично съ Лаярдомъ въ теченіе уже 30 лѣтъ. Это не мѣшало хитрому Ахметъ-Вефику принимать самымъ радушнымъ образомъ Ону и расточать увѣренія въ самыхъ лучшихъ своихъ намѣреніяхъ относительно Россіи. Въ донесеніи своемъ отъ 7-го февраля, давая отчетъ о разговорахъ своихъ съ верховнымъ визиремъ и другими министрами, Ону сообщилъ Игнатьеву, что предложенія, сдѣланныя нами Савфету, найдены были въ Портѣ до такой степени жестокими и тяжелыми, что ни министры, ни султанъ ни за что не согласятся принять ихъ и дозволить турецкимъ уполномоченнымъ ихъ подписать, даже если бы мы заняли Стамбулъ. Они предпочтутъ покинуть Константинополь и бѣжать въ Азію.

Ону телеграфировалъ изъ Константинополя отъ 7-го февраля, что Серверъ-паша смѣненъ, на его мѣсто назначается Савфетъ и султанъ намѣренъ отправить въ Петербургъ Намика-пашу, чтобы уменьшить наши требованія и избѣгнуть переговоровъ въ главной квартирѣ арміи. Ясно было, что, продолжая переговоры въ Адріанополѣ, мы не могли бы никогда достигнуть желаемаго результата, потому что на такомъ разстояніи Порта могла свободно исчерпать весь свой арсеналъ отговорокъ, недоразумѣній въ корреспонденціи, неполноты инструкцій, задержекъ всякаго рода, затрудненій и неисправностей телеграфическихъ сообщеній и проч., чтобы избѣгнуть положительныхъ, ясныхъ и рѣшительныхъ отвѣтовъ, протянуть время и такимъ образомъ разстроить всѣ наши расчеты и соображенія. Предсказанія Игнатьева касательно преобладанія воскресшаго англійскаго вліянія, послѣ остановки нашихъ войскъ, сбывались, чему помогала давнишняя англоманія верховнаго визиря.

Добившись смѣны Сервера-паши, Лайярдъ успѣлъ замѣстить своими приверженцами и давнишними поклонниками Англіи и нашими всегдашними противниками нѣсколько другихъ мѣстъ въ Портѣ и доставить имъ вліяніе на ходъ дѣлъ, что еще болѣе подняло и упрочило значеніе великобританскаго посла. Очевидно было, что если Россія предоставитъ Портѣ итти по этому пути, то мы очутимся вскорѣ въ самомъ затруднительномъ и даже опасномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что происшедшія въ Портѣ перемѣны и намѣреніе, пренебрегая близостью главной квартиры, перенести самовольно переговоры въ Петербургъ, водя за носъ уполномоченныхъ, почитались не только нашими единовѣрцами, но и турками за новый вызовъ, брошенный русской арміи, стоящей близъ самой столицы.

Мы не могли, —какъ доносилъ Игнатьевъ канцлеру,—допустить, чтобы роли до такой степени дерзко были измѣнены Портою и ея европейскими совѣтниками. Затрудненіе состояло въ томъ, что надобно, однакоже, избѣгнуть разрыва переговоровъ, чтобы не быть вынужденными при возобновленіи военныхъ дѣйствій неожиданнымъ образомъ, съ занятіемъ Константинополя, преждевременно уничтожить послѣдній признакъ султанской власти въ Европѣ. Съ этой точки зрѣнія, замышлявшаяся посылка Намика-паши въ Петербургъ, о которой было получено извѣстіе въ Адріанополѣ, одновременно съ назначеніемъ Савфета-паши на должность министра иностранныхъ дѣлъ, вмѣсто уволеннаго Сервера, могла лишить насъ всякой возможности благополучнаго окончанія переговоровъ. Сдѣлалось очевиднымъ, что, слѣдуя англо-австро-венгерскимъ внушеніямъ, Порта стремится выиграть время и, дѣлая видъ, что хочетъ перенести переговоры въ Петербургъ, не имѣетъ другой цѣли, какъ замедлить ходъ переговоровъ, начатыхъ въ Адріанополѣ.

ціей допустить созывъ европейской конференціи [1]), не будучи связанною съ Россіею такими обязательствами. Наконецъ, отсутствіе какого бы то ни было отвѣта въ теченіе трехъ сутокъ на миролюбивое предложеніе главнокомандующаго касательно перенесенія главной квартиры ближе къ Константинополю вынуждало къ принятію болѣе рѣшительныхъ мѣръ.

Между тѣмъ ежедневныя конференціи съ Савфетомъ продолжались, вслѣдствіе чего Игнатьевымъ были отправлены канцлеру 7-го и 8-го февраля слѣдующія телеграммы:

«Савфетъ подтверждаетъ, что Лайярдъ ведетъ переговоры съ Портою о продажѣ Англіи трехъ броненосцевъ, заказанныхъ султаномъ и построенныхъ за счетъ Турціи въ Англіи и досель не вполнѣ оплаченныхъ» [2]).

Вторая телеграмма 8-го февраля: «Савфетъ увѣдомилъ меня что султанъ посылаетъ въ Петербургъ чрезвычайнаго посла, имя котораго ему еще не извѣстно. Очевидно, что цѣль посольства— измѣненіе заключенныхъ нами предварительныхъ условій и уменьшеніе нашихъ нынѣшнихъ требованій. Я не преминулъ замѣтить, что чрезвычайное посольство должно бы имѣть мѣсто лишь послѣ заключенія договора, что оно теперь преждевременно и поведетъ лишь къ продолженію пагубнаго неопредѣленнаго положенія. Я выразилъ сомнѣніе, чтобы государь согласился на отправленіе посольства».

Третья телеграмма 8-го февраля: «Такъ какъ Боголюбовъ еще не прибылъ, то мнѣ неизвѣстна граничная линія, желаемая кавказскимъ начальствомъ. Но, по ходу переговоровъ, я вынужденъ былъ представить свой собственный проектъ разграниченія. Лично Савфетъ согласенъ на уступку намъ Батума и Карса, но еще не уполномоченъ Портою изъявить согласіе офиціально. Турки желали бы сохранить за собою Саганлукскій хребетъ, чтобы тамъ устроить первую оборонительную линію. Вопросъ объ уплатѣ денежнаго

---

[1]) Къ сожалѣнію, князь Горчаковъ нѣсколько разъ телеграфировалъ о переговорахъ съ кабинетами и о принятіи имъ конференціи черезъ Одессу по англійскому кабелю в Константинополь, такъ что телеграммы его были не только извѣстны Портѣ, но ходили по рукамъ въ Перѣ, въ посольствахъ, по недобросовѣстности англійскаго управленія кабелемъ. Авт.

[2]) Въ апрѣлѣ 1876 г. русскій посолъ въ Турціи, воспользовавшись безденежьемъ Порты, убѣдилъ агента строителей этихъ неоплаченныхъ броненосцевъ предложить Россіи переуступить суда эти за двѣ трети условленной турками стоимости. Игнатьевъ телеграфировалъ объ этомъ морскому министру и докладывалъ великому князю Константину Николаевичу, надѣясь, что морское вѣдомство ими воспользуется, чтобы доставить себѣ суда прежде, чѣмъ вниманіе англійскаго правительства будетъ возбуждено и наши отношенія къ Портѣ обострятся. Возникла переписка, было собрано совѣщаніе въ Петербургѣ, но желаемаго рѣшенія не послѣдовало и благопріятное время было упущено. Теперь Англія приводила въ исполненіе ту самую мысль, данную Игнатьевымъ два года тому назадъ. Авт.

возстановленія и передачѣ намъ, взамѣнъ части постройнаго броненосцевъ встрѣчаетъ почти непреодолимыя затрудненія. Въ Константинополѣ Порта играетъ двойную игру и оставляетъ Сафета безъ инструкцій и настоящихъ полномочій. Сегодня утромъ Сафетъ прислалъ мнѣ сказать, что онъ принужденъ уменьшить тѣ уступки, которыя имъ были подписаны вчера, что онъ удостовѣрился, что касательно Черногоріи онъ не имѣлъ права не только уступать Антивари, но переходить граничную черту, установленную на константинопольской конференціи 1876 и 1877 годовъ. Онъ меня предупредилъ, что отъ него Порта откажется и ему не дозволено будетъ подписать окончательный текстъ договора иначе, какъ если я соглашусь на облегченія, предоставивъ, напримѣръ, въ Черногоріи европейской комиссіи уменьшить уступаемую Турціей территорію [1]. Я выразилъ свое негодованіе.

Четвертая телеграмма отъ 8-го февраля: «Не соглашаясь принять на счетъ Порты возстановленіе работъ въ Сулинскомъ устьѣ и въ особенности вознагражденія частныхъ лицъ за понесенныя потери во время войны, Сафетъ предлагаетъ ограничиться ассигнованіемъ на этотъ предметъ 250 тысячъ франковъ, должныхъ Турціи дунайской комиссіею [2], внеся ихъ въ русское консульство въ Галацѣ, для распредѣленія по его усмотрѣнію. Должны ли мы согласиться на подобное предложеніе?»

По поводу переуступки Англіи броненосцевъ Игнатьевъ имѣлъ крутое объясненіе съ Сафетомъ, причемъ онъ выставилъ неблаговидность подобныхъ переговоровъ съ Лайярдомъ въ то самое время, когда Порта, обязанная Россіи заплатить военное вознагражденіе, отказывается передать въ счетъ должной намъ суммы часть броненосной своей эскадры. Сафетъ-паша нашелъ возможнымъ привести въ извиненіе Порты лишь то, что рѣчь между Лайярдомъ и Портою идетъ не о броненосцахъ, находящихся въ Босфорѣ, а о тѣхъ трехъ, которые были заказаны еще Абдулъ-Азисомъ, не приняты еще Турціею и не оплачены, тогда какъ Россія требуетъ выдачи тѣхъ, которые находятся въ Босфорѣ.

Различныя данныя, почерпнутыя не только изъ свѣдѣній, полученныхъ чрезъ посредство Ону [illegible] и другими путями, но непосредственно отъ разныхъ частныхъ лицъ въ Константинополѣ, находившихся издавна въ сношеніяхъ съ Игнатьевымъ, убѣдили въ томъ, что не-

---

[1] Подпольная враждебность Австро-Венгріи къ намъ и Черногоріи здѣсь сказалась. Очевидно, вѣнскій кабинетъ, обѣщая поддержку Турціи, требовалъ, чтобы взамѣнъ ему была предоставлена возможность сохранить на конференціи и въ комиссіяхъ ту уступку, которая [illegible] княжества. А. Ѳ.

[2] Международная комиссія, завѣдывавшая работами [illegible] по Сулинскому каналу. А. Ѳ.

смотря на офиціальный протестъ Порты, сдѣланный болѣе для видимости предъ Европою и въ особенности Россіею, противъ вступленія англійскаго флота въ Дарданельскій проливъ, появленіе англійской броненосной эскадры въ Мраморномъ морѣ не было неожиданностью для верховнаго визиря. Какъ кажется, объ этомъ было предварительно столковано между Лаярдомъ и Ахметъ-Вефикомъ, но послѣдній, опасаясь встрѣтить слишкомъ сильную оппозицію въ совѣтѣ министровъ и быть даже свергнутымъ за измѣну вѣковымъ традиціямъ Порты, объявилъ о томъ въ совѣтѣ, какъ объ уже совершившемся фактѣ, противъ котораго онъ безуспѣшно протестовалъ. По этому поводу одинъ изъ пашей, близкихъ къ Игнатьеву и одно время пользовавшійся особымъ личнымъ благоволеніемъ султана, громко, горячо, открыто обвинялъ верховнаго визиря въ томъ, что онъ предательски предоставилъ англичанамъ украсть у Турціи ея права на проливы. Многіе изъ единомышленныхъ пашей не стѣснялись теперь порицать послѣдствія веденной Мидхадомъ-пашою политики—союзъ съ Англіею и враждебность къ Россіи, приведшей Оттоманскую имперію къ погибели и разоренію, и высказывались за тѣсное сближеніе съ Россіею. Военные большею частью этому вторили.

XI.

Присутствіе англійской эскадры производило на стамбульскую публику различныя впечатлѣнія: одни, въ особенности чиновники Порты, вторили англичанамъ и западнымъ европейцамъ, считая, что появленіе англійскихъ судовъ оградило Константинополь отъ занятія столицы русскими войсками. Другіе, напротивъ, находили, что Англія посылкою своей эскадры хотѣла доказать участіе свое къ судьбѣ христіанскаго населенія и поддержать свое вліяніе на Порту, не вступая въ прямую ссору съ Россіею. Средній, въ особенности торговый классъ жителей смотрѣлъ на появленіе эскадры, какъ на запоздалую демонстрацію, которая могла только усложнить развязку и побудить русскихъ быть менѣе сговорчивыми. Султанъ подпалъ совершенно подъ исключительное вліяніе верховнаго визиря Ахметъ-Вефика, который опирался на англійскаго посла и имъ вдохновлялся. Съ своей стороны, Лаярдъ расточалъ всякаго рода обѣщанія туркамъ и дѣятельно старался придать имъ бодрость и твердость: между прочимъ, англійскій посолъ обѣщалъ облегчить Турціи заключеніе займа, предсказывалъ скорое военное вмѣшательство Австро-Венгріи и т. п. Несмотря на громад-

ность враждебнаго намъ вліянія англійскаго посла, между турками проявлялся совершенный переворотъ въ прежнихъ воззрѣніяхъ, благопріятный русской политикѣ. Они какъ будто сожалѣли о томъ, что времена визирства Махмудъ-Недима миновали, и недавно поносившіе его за сближеніе съ русскимъ посольствомъ и желаніе улучшить положеніе христіанъ въ угоду послѣднему сознавали теперь, что такого рода образъ дѣйствія избавилъ бы Турцію отъ разоренія и былъ единственнымъ возможнымъ и спасительнымъ. Помышляя объ оставленіи Константинополя, турецкіе министры, по словамъ Ону, были бы довольны возможностью оставить на нашемъ попеченіи тысячи эмигрантовъ-румеліотовъ [1]), умирающихъ съ голоду на улицахъ Стамбула.

9-го февраля, въ четвергъ, уполномоченные отправились къ великому князю, чтобы заявить его высочеству, что переговоры будутъ безплодны, если мы останемся въ томъ же положеніи, и что достоинство Россіи не дозволяетъ оставаться въ бездѣйствіи при непростительномъ поведеніи верховнаго визиря и его молчаніи. Тѣмъ временемъ главнокомандующій, какъ показалось Игнатьеву, получилъ отъ государя по телеграфу запросъ, почему главная квартира еще остается въ Адріанополѣ, и выраженіе удивленія, что еще ничего не предпринято къ сторонѣ Константинополя, въ исполненіе угрозы его величества [2]). Эта царская телеграмма подтверждала высказанное уполномоченными мнѣніе, а потому великій князь охотно разрѣшилъ Игнатьеву отправиться къ Савфету для рѣшительнаго выясненія обстоятельствъ. Прибывъ къ Савфету вдвоемъ съ Нелидовымъ, Игнатьевъ вступилъ съ турецкимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ горячее и категорическое объясненіе. Русскіе уполномоченные, какъ доносилъ Игнатьевъ канцлеру, отмѣтили всю неправильность и несообразность поведенія Порты въ отношеніи къ Россіи и предупредили Савфета-пашу о томъ, что мы очень хорошо понимаемъ скрытую игру верховнаго визиря. Но мы не намѣрены дозволить вводить себя въ обманъ и мы рѣшились употребить всѣ средства, которыми располагаемъ, чтобы измѣнить положеніе въ нашу пользу. Глубоко взволнованный нашими словами и тономъ, которымъ были высказаны наши упреки, Савфетъ призналъ, что наши жалобы были основательны и что Ахметъ-Вефикъ издавна зараженъ англоманіею. Савфетъ горько жалѣетъ о неосторожности Ахметъ-Вефика

---

[1]) Подъ наименованіемъ эмигрантовъ-румеліотовъ здѣсь разумѣются *мусульманскіе* бѣженцы изъ Румеліи, т.-е. изъ Европейской Турціи, ушедшіе въ паническомъ страхѣ передъ русскимъ нашествіемъ. А. Б.

[2]) Ясно было, что въ этомъ запросѣ заключался упрекъ въ томъ, что Константинополь и высоты Босфора еще не заняты, когда англійская эскадра находится у Принцевыхъ острововъ. А. Б.

и совершенной неопытности султана. Онъ даже не попытался опровѣдать посылку Намика-паши, котораго едва не отправили изъ Константинополя, не испросивъ даже соизволенія государя императора и вопреки предостереженіямъ, посланнымъ изъ Адріанополя, и предупрежденію уполномоченныхъ, что Намикъ-паша не будетъ принятъ до подписанія договора. Въ заключеніе Игнатьевъ объявилъ Савфету, что такъ какъ великій князь не получилъ никакого отзыва Порты на свое предложеніе перевести миролюбиво главную квартиру въ Санъ-Стефано, то главнокомандующій принялъ рѣшеніе привести самостоятельно въ исполненіе свое предположеніе. «Я выяснилъ,—писалъ Игнатьевъ канцлеру,—Савфету-пашѣ нашу точку зрѣнія при требованіи пропустить наши войска за демаркаціонную линію, опредѣленную при перемиріи. Великобританія, нарушая положительныя постановленія договоровъ 1840, 1856 и 1871 годовъ [1]), состоявшихся въ угоду домогательствъ самого лондонскаго кабинета, добивавшагося включенія въ европейское международное право старинныго основного принципа Порты закрытія доступа въ проливы иностраннымъ флотамъ, нарушила это основное правило и общее обязательство, выславъ свою броненосную эскадру въ Мраморное море подъ офиціальнымъ предлогомъ, выставленнымъ въ сообщеніи англійскаго министра, необходимости приблизить оную миролюбиво къ Константинополю, безъ враждебныхъ намѣреній относительно Порты или какой-либо другой державы. Это рѣшеніе было принято англійскимъ правительствомъ и исполнено его флотомъ, не оказывая малѣйшаго вниманія ни къ неоднократному протесту оттоманскаго правительства, ни даже къ непосредственному обращенію султана къ королевѣ. И, когда начальникъ дарданельскихъ фортовъ далъ знать англійской эскадрѣ, что онъ долженъ будетъ

---

[1]) Международное правовое положеніе въ отношеніи турецкихъ проливовъ покоилось до самаго послѣдняго времени на трехъ основныхъ конвенціяхъ, подтверждающихъ и подкрѣпляющихъ одно и то же правило: а) конвенція, заключенная въ Лондонѣ 3-го (15) іюля 1840 года, ст. IV; б) конвенція, заключенная въ Лондонѣ 1-го (13) іюля 1841 года, ст. 1; в) мирный трактатъ, заключенный въ Парижѣ 18-го (30) марта 1856 года, и дополнительная къ оному конвенція о Дарданеллахъ и Босфорѣ, ст. 1. [illegible] этихъ конвенціяхъ повторяется древнее правило о томъ, что султанъ [illegible] имѣетъ твердое намѣреніе и въ будущее время соблюдать начало, неизмѣнно установленное, *какъ древнее правило его имперіи*, въ силу коего всегда было воспрещено военнымъ судамъ иностранныхъ державъ входить въ проливы Дарданеллъ и Босфора, и пять европейскихъ державъ (Россія, Австрія, Франція, Великобританія и Пруссія) обязуются уважать это рѣшеніе султана и сообразоваться съ вышеизложеннымъ началомъ. (Сб. Договоры Россіи съ Востокомъ. *Юзефовичъ*. 1869 г. Стр. 96, 102 и 106).

Въ зависимости отъ этихъ конвенцій правовой режимъ Чернаго моря опредѣлялся [illegible] нейтрализаціи [illegible]. Такимъ образомъ, трактатъ нашелъ въ статьяхъ 11, 13 и 14 Парижскаго трактата, въ коихъ было сказано, что «Черное море объявляется нейтральнымъ и что открытыя въ торговлѣ воды его и порты [illegible] воспрещается [illegible]

стрѣлять по ней, если она попытается пройти въ Дарданеллы насильно, то начальникъ британской эскадры отвѣчалъ ему, что первый выстрѣлъ пушечный съ турецкихъ укрѣпленій будетъ [illegible] объявленіе войны Турціею Великобританіи. Несмотря на так[ое] пренебреженіе международнаго права и обычая, Порта не только допустила безпрепятственно это явное нарушеніе ея правъ [illegible] и достоинства, но даже приняла на себя трудъ объяснить циркулярно своимъ заграничнымъ представителямъ и [illegible], что этотъ поступокъ не былъ нарушеніемъ существующихъ договоровъ и что она удовольствовалась причинъ къ объясненію [illegible] англичанъ. Мы имѣемъ, —сказалъ Игнатьевъ, —несомнѣнное право воспользоваться тѣми же объяснительными доводами, выставляемыми Англіею, и которые признаны были удовлетворительными Портою. Мы точно также заявляемъ, что намѣрены миролюбиво приблизиться къ Константинополю, не нарушая перемирія и не прерывая начатыхъ мирныхъ переговоровъ. Тѣмъ [illegible] тѣмъ менѣе удивлять турокъ, что, будучи [illegible] Россія, до заключенія мира, не связана съ Турціею никакими обязательствами (подобно тому, какъ Англія, [illegible] нейтральною) и что даже перемиріе можетъ быть уничтожено по волѣ одной изъ сторонъ. Но мы не желаемъ пользоваться правомъ отказаться отъ перемирія, но, напротивъ, надѣемся, что начавшіеся переговоры приведутъ къ заключенію прочнаго мира. Но, —прибавилъ я по истощеніи всѣхъ вышеизложенныхъ аргументовъ, —вы не должны сомнѣваться, что первый выстрѣлъ, [illegible]

воспрещалось сооруженіе на его берегахъ какихъ-либо арсеналовъ. Дозволялось лишь содержаніе Россіею и Турціею въ Черномъ морѣ [illegible] судовъ [illegible] до прибрежной [illegible].

Когда же [illegible] въ Лондонѣ [illegible] Парижскій трактатъ, заключеніе договора 1-го (13) марта 1871 года [illegible] статьи 11, 13 и 14 Парижскаго трактата были отмѣнены [illegible]. «Начало закрытія проливовъ Дарданелльскаго и Босфорскаго [illegible] было установлено особымъ трактатомъ [illegible] марта 1856 года [illegible] съ предоставленіемъ султану [illegible] фрегатамъ дружественныхъ и союзныхъ державъ [illegible] исполненіе постановленій Парижскаго [illegible] 1856 г.» [illegible] *ряйнова* «Босфоръ и Дарданеллы». Стр. [illegible]

[illegible] вмѣстѣ съ тѣмъ присоединилась къ коллективному обязательству державъ, признавшихъ [illegible]

шіеся, чего, Боже, сохрани, съ турецкой стороны при приближеніи нашихъ войскъ къ нашимъ укрѣпленіямъ, послужитъ сигналомъ къ немедленному возобновленію военныхъ дѣйствій и вызоветъ вступленіе нашихъ войскъ въ качествѣ *завоевателей*, тогда какъ, если дѣло обойдется согласно желанію его высочества, мы только приблизимся къ Константинополю самымъ миролюбивымъ образомъ».

Окончивъ свою бесѣду съ Савфетомъ, уполномоченные пригласили пашу поѣхать немедленно къ главнокомандующему, желавшему еще лично сообщить ему свое рѣшеніе, для предупрежденія Порты. Савфетъ явился къ великому князю и выслушалъ тѣ же упреки и то же рѣшеніе въ болѣе сжатой формѣ и рѣшительное объявленіе, что ежели до субботы не будутъ сдѣланы соотвѣтствующія распоряженія Портою, то войска будутъ двинуты впередъ и главная квартира выйдетъ изъ Адріанополя по пути въ Санъ-Стефано.

Игнатьевъ отправилъ канцлеру 9-го февраля слѣдующія телеграфическія донесенія:

«Наши противники въ Константинополѣ, воспользовавшись перемиріемъ, остановкою наступленія нашихъ войскъ, близостью англійскаго флота и англо-австро-венгерскими подбадриваніями, взяли верхъ въ совѣтѣ султана. Лайярдъ потребовалъ и добился отставки Сервера и чрезъ пріятеля своего Ахметъ-Вефика располагаетъ Портою, заставляя назначать всюду приверженцевъ Англіи. Порта колеблется допустить насъ въ Санъ-Стефано и хочетъ обставить переѣздъ главной квартиры уменьшеніемъ сопровождающаго отряда и разными ограниченіями въ распредѣленіи частей войскъ. Хотятъ отправить Намика-пашу чрезъ Одессу въ Петербургъ, несмотря на возраженія, которыя поручено было Ону передать Портѣ. Турки предполагаютъ этимъ способомъ оттянуть переговоры и избавиться отъ нѣкоторыхъ предложеній нашихъ, въ особенности отъ военнаго вознагражденія, и измѣнить границы Болгаріи. Передавая эти извѣстія, Ону добавляетъ, что положеніе очень серьезное и что султанъ готовится выѣхать въ Азію вмѣстѣ съ своими министрами, при приближеніи нашихъ войскъ. Изъ разныхъ другихъ источниковъ мнѣ подтверждаютъ успѣхи англійской политики въ Константинополѣ, поддержанной Ахметъ-Вефикомъ и даже Рушди-пашою» [1]).

Вторая телеграмма: «Горячее объясненіе съ Савфетомъ относительно двусмысленнаго положенія, занятаго Портою въ отношеніи къ намъ, лукавой командировки Намика, смѣны Сервера за

---

[1]) Бывшимъ верховнымъ визиремъ при низложеніи Абдулъ-Азиса и прежнимъ другомъ Игнатьева и вообще русскаго посольства. Онъ всегда принадлежалъ къ партіи старыхъ турокъ. Авт.

правду, высказанную относительно Англіи, и молчанія на снисходительныя предложенія великаго князя. Савфетъ лично опасаюсь ослѣпленіе и вѣроломство Ахметъ-Вефика. Ставъ на точку зрѣнія, принятую Англіею касательно прохода чрезъ Дарданеллы, и выставляя тѣ же доводы, мы объявили Савфету, что если до субботы утромъ великій князь не будетъ приглашенъ султаномъ перенести свою главную квартиру въ Санъ-Стефано, то онъ займетъ своими войсками тѣ позиціи, которыя сочтетъ нужнымъ, надѣясь, что турки будутъ имѣть достаточно благоразумія, чтобы ему не противиться, и не откроютъ огня, такъ какъ въ противномъ случаѣ это будетъ сочтено за объявленіе ими прекращенія перемирія. Переговоры съ Савфетомъ фактически прерваны сегодня. Онъ намъ будетъ сопутствовать съ состоящими при немъ лицами».

Въ виду интригъ Австро-Венгріи и слуховъ о военныхъ приготовленіяхъ ея въ Венгріи и Трансильваніи Игнатьевъ телеграфировалъ нашему дипломатическому агенту въ Бухарестѣ: «Слѣдите внимательно за происками австрійцевъ, не подавая вида румынамъ [1], что мы подозрѣваемъ враждебность вѣнскаго кабинета, и сообщите мнѣ о настроеніи относительно бессарабскаго вопроса и успѣхахъ вашей дѣятельности».

Ону, продолжавшій быть въ постоянномъ сношеніи съ турками въ Константинополѣ и опасавшійся столкновенія, телеграфировалъ 9-го февраля: «Благоволите обождать мое письмо, посылаемое съ экстреннымъ поѣздомъ. Порученія, мнѣ данныя, исполняются успѣшно. Окончательныя инструкціи Савфету приготовляются спѣшно. Просятъ предоставить необходимый срокъ для изготовленія бумагъ. Кантакузенъ прибылъ. Турецкіе офицеры условятся съ нимъ о подробностяхъ исполненія, но сущность принята. Ассимъ-паша замѣщаетъ здѣсь временно Савфета (въ должности министра иностранныхъ дѣлъ). Наши дѣла принимаютъ хорошій оборотъ. Савфетъ подпишетъ все, за исключеніемъ болгарскаго морского берега, Салоникъ и передачи броненосцевъ. Султанъ отозвался: «Ни англичанамъ ихъ не отдамъ, ни русскимъ, а потоплю ихъ, если Россія будетъ настаивать». Добруджу отдаютъ намъ. Желали бы предоставить дальнѣйшему взаимному обсужденію способъ уплаты военнаго вознагражденія. Мнѣ поручено доставить увѣренія въ искренности и въ томъ, что переговоры будутъ закончены до созыва конференціи».

Вторая телеграмма 9-го февраля: «Порта уговариваетъ меня поскорѣе отправиться въ Адріанополь, чтобы объяснить положе-

---

[1] Если бы румыны имѣли основаніе бояться за [illegible] нашихъ и [illegible] ствительности враждебности Австро-Венгріи, то это усилило бы только ихъ противодѣйствіе возсоединенію бессарабскаго участка. Авт.

ше, а теперь они потеряли совершенную искренность. Надо бы дать туркамъ срокъ, чтобы выселить изъ Санъ-Стефано населеніе, которое отчасти состоитъ изъ иностранцевъ».

Странно было, что Ахметъ-Вефику до того удалось повліять на нашего перваго драгомана, что онъ потерялъ изъ вида, что рѣшеніе, заявленное главнокомандующимъ въ четвергъ о переходѣ главной квартиры въ субботу, было вынуждено всѣмъ поведеніемъ Порты и нашихъ противниковъ и составляло нашъ ультиматумъ, измѣнить который не соотвѣтствовало достоинству Россіи и чести армій, а потому объ увеличеніи срока и рѣчи быть не могло. Выселеніе же населенія изъ Санъ-Стефано было лишь неумѣстнымъ и даже неприличнымъ предлогомъ Порты. А потому Игнатьевъ телеграфировалъ 10-го, въ пятницу, Ону слѣдующее: «Телеграммá и письма ваши получены. Выступаемъ завтра, въ шесть часовъ утра. Савфетъ, повидимому, ничего еще не получилъ. Ахметъ-Вефикъ, очевидно, совѣтуется съ Лайярдомъ. Насъ надуваютъ и стараются лишь выиграть время. Савфетъ не получаетъ благопріятныхъ инструкцій, а ему сообщаютъ, что эти инструкціи составляются по соглашенію съ вами. Отнимите у Порты надежды и заблужденіе. Морское прибрежье Болгаріи будетъ истребовано нами и военное вознагражденіе должно быть опредѣлено въ договорѣ. Русскія войска двинутся впередъ завтра утромъ, чтобы приблизиться къ Санъ-Стефано. Необходимо туркамъ отступленіемъ своихъ войскъ предупредить столкновеніе, которое можетъ имѣть самыя пагубныя для Порты послѣдствія».

Ахметъ-Вефикъ, горячо возставшій, вѣроятно, по совѣту своего друга Лайярда, противъ вступленія нашихъ войскъ въ Санъ-Стефано, сталъ подъ конецъ обсуждать съ Ону ихъ расквартированіе и обѣщалъ уговорить султана предоставить намъ большую казарму Даудъ-паши, находившуюся на одной изъ высотъ, господствующихъ надъ Золотымъ Рогомъ, гораздо ближе къ Стамбулу, нежели селеніе Санъ-Стефано, но въ то же время старался и стѣснить насъ всякаго рода ограниченіями, которыя Игнатьевъ почелъ неосновательными и унизительными. Визирь наконецъ вручилъ Ону письменное заявленіе Порты слѣдующаго содержанія: «Оттоманское правительство соглашается, чтобы главная квартира его императорскаго высочества была временно переведена въ Санъ-Стефано. Оно очень желаетъ, чтобы численность конвоя, личнаго состава и служащихъ вообще не превышала тысячи пятисотъ человѣкъ. Остальное число до десяти тысячъ человѣкъ будутъ расквартированы въ Кучукъ-Чекмедже, Буюкъ-Чекмедже и въ сосѣднихъ населенныхъ мѣстностяхъ, которыя будутъ опредѣлены офицерами обѣихъ сторонъ, по взаимному соглашенію. На кругъ вновь пріобрѣтенныхъ окончностяхъ с. Макрикіои будутъ установлены линіи часовыхъ обѣихъ армій. Выражая надежду,

[illegible] императорское высочество не будетъ находиться въ не[illegible] въ казармѣ [illegible] распоряженіе, чтобы оную очистить и выбѣлить. Что касается казармы Рамизъ-Чифликъ, то она до такой степени пришла въ разрушеніе, а часть этого строенія до такой степени занята больными (до двухъ тысячъ человѣкъ), что матеріально невозможно воспользоваться этою казармою для русскихъ войскъ.

Предоставивъ техническому соглашенію полковника князя Кантакузена съ турецкими офицерами распредѣленіе русскаго отряда въ десять тысячъ человѣкъ, Порта полагаетъ, однакожъ, что демаркаціонная линія перемирія и нейтральная полоса между обѣими арміями останутся неизмѣнными и что въ нихъ допущено будетъ лишь то отступленіе къ сторонѣ Буюкъ-Чекмедже, [illegible] окажется совершенно необходимымъ».

Въ то же время Игнатьевъ получилъ изъ Константинополя отъ [illegible] Порты, ему преданнаго, письменное извѣщеніе, что «верховный визирь, вопреки всему тому, что вамъ могутъ сообщить противнаго, продолжаетъ дѣйствовать заодно съ Лайярдомъ. Морской министръ Саидъ и докторъ султана Мавроени (грекъ) [illegible] у султана. По внушенію Лайярда, визирь сообщилъ [illegible] черкесамъ, [illegible], что они могутъ предупредить своихъ земляковъ на Кавказѣ, что они скоро получатъ помощь для возстанія отъ англійскаго флота. Населеніе Константинополя, въ особенности мусульманское, [illegible] эскадру, хотя Лайярдъ распространяетъ противное [illegible]

[illegible] главнокомандующаго Савфету, [illegible] правительство рѣшилось уступить и назначило генерала Османа, говорящаго по-русски, чтобы войти въ соглашеніе съ [illegible] крѣпостяхъ.

[illegible] тинополя, указываютъ на улучшеніе положенія. Однакоже турки не хотятъ уступить болгарамъ морское прибрежье о[illegible]никъ, ни блиндированныхъ (броненосныхъ) судовъ, которыхъ я [illegible]ую. Уступаютъ Добруджу, но желаютъ опредѣлен[illegible] военнаго вознагражденія оставить для особаго соглашенія вно-

сдѣлали. Надѣюсь уладить миролюбиво переѣздъ главной квартиры въ Санъ-Стефано и приближеніе нашихъ войскъ къ Константинополю".

Главнокомандующій ожидалъ извѣщенія отъ Оду, что все улажено относительно перемѣщенія главной квартиры, и только по полученіи утвердительной телеграммы и одновременно извѣщенія Порты Савфету въ субботу утромъ поѣздъ, въ которомъ находился великій князь со своимъ штабомъ, русскіе и турецкіе уполномоченные съ казачьимъ конвоемъ главнокомандующаго и ротою пѣхоты, тронулся съ адріанопольской станціи. Передъ тѣмъ отряды нашихъ войскъ заняли назначенныя имъ заблаговременно позиціи и стали сближаться съ турецкими передовыми линіями. Пока турецкіе военачальники, точно такъ же, какъ и Порта, колебались въ нерѣшительности, пропустить ли добровольно наши войска черезъ укрѣпленія въ Кучукъ-Чекмедже, или воспротивиться дальнѣйшему движенію, русскіе отряды молча наступали и поставили турокъ предъ совершившимся фактомъ нарушенія демаркаціонной линіи безъ выстрѣла. Жалко было смотрѣть на престарѣлаго Савфета-пашу и состоявшихъ при немъ чиновниковъ, которые, сидя въ вагонѣ, окруженные русскими военными людьми, какъ бы безсознательно смотрѣли на все происходящее. Хотя поѣздъ главнокомандующаго вышелъ изъ Адріанополя лишь послѣ офиціальнаго извѣщенія Порты, что препятствія устранены и все въ Санъ-Стефано готово къ принятію нашему, но, тѣмъ не менѣе, произошло было небольшое замѣшательство, когда поѣздъ дошелъ до крайняго передового отряда у Чаталджи, при которомъ находился Скобелевъ, донесшій главнокомандующему, что командующій турецкими войсками Мухтаръ-паша, находившійся при турецкомъ арріергардѣ передъ Кучукъ-Чекмедже, и дивизіонный генералъ Фуадъ-паша [1]) не соглашаются пропускать ни отряда нашего, ни поѣзда съ главнокомандующимъ, ссылаясь на отсутствіе положительныхъ повелѣній султана и обвиняя военнаго министра Реуфа-пашу въ слабости и излишней податливости. Главнокомандующій вышелъ изъ вагона къ Владимірскому полку, стоявшему у станціи, и вошелъ съ Игнатьевымъ въ станціонныя комнаты, занятыя Скобелевымъ, который просилъ разрѣшенія наступать и сбить съ позиціи упрямыхъ пашей. Игнатьевъ, присутствовавшій при разговорѣ главнокомандующаго съ Скобелевымъ и Непокойчицкимъ, совѣтовавшимъ обождать разъясненія недоразумѣнія, былъ того мнѣнія, что не слѣдуетъ останавливаться, тѣмъ болѣе, что уже стало темнѣть, а смѣло итти впередъ, не открывая отнюдь огня. Зная турокъ, онъ былъ убѣжденъ, что наши не рѣшатся сопроти-

---

[1]) Мухтаръ, бывшій главнокомандующій турецкою арміею въ Анатоліи. Онъ и Фуадъ считаются лучшими генералами и горячими патріотами въ Турціи. Авт.

виться, но будутъ упорно держаться въ укрѣпленіяхъ, пока не убѣдятся что это безполезно и что русскіе, тѣмъ не менѣе, продолжаютъ пытаться въ Санъ-Стефано. Произошла продолжительная [illegible] и нравственно-томительная остановка въ ожиданіи возвращенія съ турецкихъ передовыхъ постовъ турецкаго офицера изъ свиты Савфета (англичанина по происхожденію), посланнаго на локомотивѣ, по совѣту Игнатьева, объявить Мухтару-пашѣ, что получено было формальное согласіе Порты на прохожденіе главной квартиры и сопровождающихъ оную войскъ къ Санъ-Стефано, что передъ выѣздомъ нашимъ изъ Адріанополя главнокомандующій и Савфетъ-паша получили положительное извѣщеніе, что все приготовлено турецкими властями для нашего помѣщенія тамъ, и что если паша не пропуститъ насъ добровольно чрезъ Кучукъ-Чекмедже, то будетъ тотчасъ атакованъ, а отвѣтственность за нарушеніе перемирія и возобновленіе военныхъ дѣйствій падетъ въ такомъ случаѣ исключительно на него. Уже поздно, около полуночи, вернулся турецкій офицеръ съ извѣщеніемъ, что сопротивленія не будетъ и что военный министръ Реуфъ-паша находится нынѣ въ Санъ-Стефано для встрѣчи главнокомандующаго и принимаетъ мѣры для предупрежденія столкновенія между арміями. Впрочемъ, безъ благоразумія и спокойнаго образа дѣйствій соединеннаго съ невозмутимою твердостью начальниковъ частей русскихъ войскъ, усилія Реуфа-паши едва ли увѣнчались бы желаемымъ успѣхомъ при такой щекотливой операціи, какъ проходъ русскаго отряда, да еще ночью, чрезъ турецкія укрѣпленія, занятыя еще оттоманскими войсками. Главнокомандующій рѣшился тогда снова сѣсть въ поѣздъ и приказалъ тронуться впередъ послѣ полуночи. Чрезъ полчаса поѣздъ уже тихо проходилъ черезъ первую турецкую укрѣпленную линію. Странное представлялось зрѣлище: довольно медленно двигающійся поѣздъ, на которомъ находился русскій главнокомандующій со своимъ штабомъ и конвоемъ, въ сопровожденіи уполномоченныхъ и турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ, безпрепятственно проходилъ мимо турецкихъ часовыхъ, заряженныхъ пушекъ, разставленныхъ на укрѣпленіяхъ, и турецкихъ лагерей. Реуфъ-паша выказалъ много здраваго смысла, сдержанности и такта въ этомъ случаѣ и оказалъ великую услугу султану, ибо малѣйшая неосторожность или безтактность могла повести къ кровопролитію, послѣ котораго другимъ исходомъ не было бы, какъ взятіе нами Константинополя, въ виду англійской эскадры.[1]

[1] Изъ личныхъ бесѣдъ съ покойнымъ графомъ Н. П. Игнатьевымъ [illegible] кое неизгладимое и все еще живучее впечатлѣніе [illegible] послѣ описываемой здѣсь драматической ночи, о тѣхъ препятствіяхъ [illegible] его настоянію и вопреки мнѣнію Непокойчицкаго и его штаба [illegible] вести великокняжескій поѣздъ черезъ турецкія позиціи [illegible]

Въ воскресенье, въ три часа утра, предъ разсвѣтомъ, поѣздъ прибылъ въ Санъ-Стефано и былъ встрѣченъ на станціи Реуфомъ-пашою съ приготовленными для главнокомандующаго и всей свиты экипажами и лошадьми и верховыми факельщиками для освѣщенія пути. Квартиры были также приготовлены какъ для главнокомандующаго и его штаба, такъ и для Игнатьева и дипломатической канцеляріи. Въѣздъ нашъ въ Санъ-Стефано былъ чѣмъ-то фантастическимъ и не походилъ на военный эпизодъ, а скорѣе на прибытіе къ султану торжественнаго русскаго посольства. Такимъ образомъ, въ воскресенье утромъ, 12-го февраля, главная квартира и уполномоченные мирно помѣщены были въ Санъ-Стефано, въ виду Константинополя и англійской эскадры.

Игнатьевъ телеграфировалъ канцлеру: «Мы помѣщены въ Санъ-Стефано. Все обошлось благополучно, несмотря на нѣкоторыя недоразумѣнія».

Не всѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ смотрѣли въ это время на переговоры, порученные Игнатьеву, такъ легкомысленно, какъ самъ канцлеръ. Слѣдующее письмо его товарища Н. К. Гирса, посланное изъ Петербурга 7-го февраля служитъ тому доказательствомъ:

«Многоуважаемый графъ Николай Павловичъ.

«Опять приходится вамъ бороться съ знакомыми турками и на этотъ разъ въ обстоятельствахъ, подобныя которымъ по важности едва ли найдемъ мы въ русской исторіи. Что всего досаднѣе, такъ это, что вамъ приходится вести дѣло съ возможною поспѣшностью, чтобы не дать англичанамъ и, пожалуй, австрійцамъ время сговориться съ турками и дѣйствовать съ ними заодно противъ

остро... чисто громадной отвѣтственности, ибо несомнѣнно, въ случаѣ вспышки турецкаго фанатизма или даже при простой случайности могла наступить общая гибель лицъ, находившихся въ этомъ поѣздѣ, съ великимъ княземъ во главѣ, при незначительномъ русскомъ отрядѣ. Тутъ же въ вагонѣ съ Н. П. Игнатьевымъ находился и Скобелевъ, который былъ ни жалкимъ, ни малодушнымъ отъ страха. И все же мѣткій глазъ Игнатьева, основанный на знаніи его опыта въ азіатскихъ дѣлахъ, угадалъ подъ этой рискованностью вѣрное и настоящее необходимое рѣшеніе. Робкая нерѣшительность въ самый разгаръ начатаго дѣйствія всегда увеличиваетъ, можно сказать—удесятеряетъ опасность, когда имѣешь дѣло съ турками и вообще съ людьми коварнаго Востока. Остановись поѣздъ великаго князя безъ смѣлаго прохожденія черезъ турецкія линіи, вѣроятный результатъ былъ бы: съ одной стороны — неблагополучный исходъ переговоровъ; съ другой стороны — увеличеніе личной опасности для великаго князя. Наоборотъ, смѣлое и твердое, выдержанное до конца и, главное, послѣдовательное движеніе съ нашей стороны не могло не импонировать и не поразить турокъ волѣ, проявленной въ большую аналогію воли и рѣшимости, при вѣрной оцѣнкѣ психологіи азіата, представляютъ два человѣка, въ общемъ весьма не похожіе другъ на друга: Н. П. Игнатьевъ и М. Г. Черняевъ. И оба были предметомъ ненависти со стороны всемогущихъ, хотя и недовольныхъ людей, состоявшихъ въ Петроградѣ высшій, придворно-бюрократическій классъ людей. Тамъ, на далекихъ окраинахъ, ихъ трудами завоевывались цѣлыя царства для Россіи. Здѣсь, на берегахъ Невы, ихъ засосало болото. А. Б.

васъ. Съ другой стороны сильно спѣшатъ собраніемъ конференціи, вѣроятно, въ Баденѣ [1]), чтобы не дать намъ времени двинуться далѣе. По мнѣнію моему, наше политическое положеніе весьма ухудшилось и врядъ ли ему много поможетъ вступленіе нашихъ войскъ въ Царьградъ, если, какъ это теперь выясняется, султанъ намъ измѣняетъ[2]). Мнѣ сдается, что при появленіи нашихъ войскъ онъ переѣдетъ не въ Азію, а на Принцевы острова и прямо потребуетъ покровительства Англіи. Этимъ создастъ онъ намъ много затрудненій.

Румыны все жалуются, что главнокомандующій не обращаетъ на нихъ никакого вниманія; не совѣтовался съ ними о перемиріи и не увѣдомляетъ ихъ даже о принятыхъ и прямо до нихъ касающихся рѣшеніяхъ. Они постоянно обращаются къ намъ съ запросами, а мы отправляемъ ихъ въ главную квартиру. Мнѣ кажется, что имъ слѣдовало бы имѣть не только при главнокомандующемъ, но и при васъ особаго делегата, для обсужденія ихъ интересовъ. Во всякомъ случаѣ, весьма было бы желательно, чтобы вы вашимъ вліяніемъ предупредили [3]) тѣ непріятныя столкновенія, которыя встрѣчаются постоянно между нами и румынами. На нихъ можно было бы не обращать большого вниманія, если бы за ними не стояла Европа.

Изъ препровождаемой къ вамъ сегодня всей нашей дипломатической переписки [4]) вы увидите, что и Германія начинаетъ относиться къ намъ нѣсколько холодно. Она не прочь бы намъ помогать только совѣтами — и прежде всего думаетъ о томъ, какъ бы поддержать Андраши [5]), паденіе котораго считаетъ весьма для себя невыгоднымъ. Бисмаркъ, который могъ бы и долженъ былъ бы намъ услужить въ настоящихъ обстоятельствахъ, даже отказывается

---

[1] [illegible] президентства Бисмарка [illegible] нымъ».

[2] [illegible]

[3] [illegible]

[4] [illegible] квартиры.

[5] [illegible]

присутствовать на конференціи [1]). Все это, по моему мнѣнію, должно бы заставить насъ быть крайне осторожными, но, съ другой стороны, возможно ли потерять плоды столь кровопролитной и славной кампаніи? Нельзя не сознаться, что страшная задача вамъ предстоитъ. Да поможетъ вамъ Богъ.

Зиновьевъ [2]) пишетъ, что шахъ сильно разсчитываетъ на то, что мы воспользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы добиться разрѣшенія въ его пользу пограничныхъ вопросовъ.

Примите увѣреніе въ чувствахъ искренняго уваженія душевнопреданнаго вамъ Н. Гирса».

При выѣздѣ изъ Адріанополя Игнатьевъ получилъ донесенія о ходѣ своихъ переговоровъ съ Портою и о положеніи дѣлъ въ Константинополѣ. Хотя нашъ первый драгоманъ и извѣстилъ Игнатьева, что всѣ препятствія устранены, приготовленія для пріема въ Санъ-Стефано сдѣланы турками и ими приняты соотвѣтственныя мѣры для перестановки турецкихъ войскъ, но изъ письменныхъ донесеній оказалось, что Порту и въ особенности султана довольно трудно было привести къ такому благоразумному рѣшенію. Султанъ чрезъ Реуфа-пашу умолялъ великаго князя ни подъ какимъ видомъ не дозволять войскамъ переходить Санъ-Стефано, то есть, такъ сказать, оставаться съ главною квартирою на аванпостахъ предъ турецкими войсками, стоявшими предъ Стамбуломъ. Очевидно было, что переданное въ такой формѣ желаніе султана не могло связывать главнокомандующаго и отъ него зависѣло согласиться на просьбу султана, или же отдать преимущество военнымъ соображеніямъ, которыя убѣждали въ пользѣ, возможности и необходимости придвинуть русскія войска далѣе къ Пиргосу, въ Бѣлградскій лѣсъ и даже на высоты между Киліею и Буюкъ-дере, какъ то совѣтовалъ Игнатьевъ, тѣмъ болѣе, что турки обращали въ то время особенное вниманіе на нашъ правый флангъ, ближайшій къ Стамбулу, и не одинаково заботились о пунктахъ, болѣе отдаленныхъ отъ Константинополя. Русскія войска, при передвиженіи главной квартиры въ Санъ-Стефано, и безъ того безпрепятственно переступили не только за демаркаціонную линію, проведенную при адріанопольскомъ перемиріи, но и новую нейтральную полосу, предначертанную турками въ виду передвиженія нашего изъ Адріанополя. Къ сожалѣнію, главная квартира не сумѣла или не пожелала воспользоваться существовавшимъ тогда утомленіемъ турецкихъ

---

[1]) Сознавая различіе стремленій и интересовъ между Австріею и Россіею, князь Бисмаркъ разсчиталъ эту рознь, чтобы быть хозяиномъ положенія, но не желалъ быть поставленнымъ въ необходимость высказаться за ту или другую сторону въ конференціи и обнаружить предъ Россіею свою двойственную игру. Авт.

[2]) Иванъ Алексѣевичъ Зиновьевъ, посланникъ въ Тегеранѣ, впослѣдствіи посолъ въ Константинополѣ, членъ Государственнаго Совѣта. К. Г.

военачальниковъ, хранимымъ ими опасеніемъ возобновленія военныхъ дѣйствій и отвѣтственности за прекращеніе перемирія, чтобы направить колонны наши скорѣе влѣво отъ главнаго направленія, въ важную въ военномъ отношеніи и здоровую мѣстность, вмѣсто того, чтобы сосредоточивать войска безполезно у морского берега, близъ Санъ-Стефано, гдѣ всегда легко весною заражаются лихорадками и тифомъ. Если бы не личныя, мелочныя, а стратегическія соображенія преобладали тогда въ главной квартирѣ, положеніе совершенно было бы иное и обстоятельства сложились бы вполнѣ въ нашу пользу, обезсиливъ интриги англо-австрійскія и вынудивъ Порту предаться безповоротно намъ въ руки. Положеніе было въ эту минуту таково, что турки не посмѣли бы противиться силою нашимъ военнымъ передвиженіямъ, предпринятымъ подъ благовиднымъ предлогомъ лучшаго и болѣе здороваго размѣщенія нашихъ войскъ. Порта даже не противилась, какъ выше было упомянуто, тому, чтобы войска наши заняли нѣкоторыя городскія казармы, которыя и позаботилась выбѣлить, по указанію полковника князя Кантакузена. Турки были въ такомъ положеніи, что хлопотали лишь чрезъ нашего драгомана объ отдаленіи нашихъ аванпостовъ хотя на нѣсколько сотъ саженъ отъ столицы и выдумывали разные предлоги, чтобы побудить насъ добровольно отказаться отъ тѣхъ казармъ, на которыя они уже дали свое согласіе. Такимъ образомъ, въ отвѣтъ на заявленіе наше, что русскій авангардъ долженъ былъ миролюбиво занять Макри-кей (передъ Санъ-Стефано), Порта убѣждала Ону, что деревня эта слишкомъ уже близка къ Стамбулу и въ особенности къ пороховому заводу, что представляетъ якобы опасность на случай взрыва и т. п., и просила поставить авангардъ бивуакомъ между Макри-кеемъ и Санъ-Стефано, на полпути между ними. Порта предупреждала насъ чрезъ Ону, что казарма Разимъ-паши, надъ Эюбскимъ кварталомъ, которую мы требовали, сдѣлалась, по ветхости и запущенности, почти необитаемою и что казарма Дауда-паши заражена тифомъ [1]. Ону доносилъ, что въ совѣтѣ образовалась партія, усиливавшаяся уговорить султана переправиться въ Азію вмѣстѣ съ своимъ правительствомъ скорѣе, нежели согласиться на наши требованія, почитаемыя слишкомъ жестокими, и оставить на наше попеченіе все многочисленное населеніе бѣженцевъ изъ Болгаріи и Румеліи, состоящее преимущественно изъ женщинъ и дѣтей; изъ нихъ, по

---

[1] Къ сожалѣнію, въ главной квартирѣ испугались коварныхъ внушеній Порты и остереглись приближаться къ Стамбулу, но въ то же время размѣстили войска въ самой нездоровой изъ окрестностей Константинополя, не согласились передвинуть ихъ къ Бѣлградскому лѣсу подъ предлогомъ, что при такомъ расположеніи отрядовъ трудно будетъ предупредить столкновенія съ турецкими войсками, баши-бузуками и даже съ мѣстными жителями деревень. Авт.

словамъ Ону, было до 8,000 человѣкъ въ одной мечети св. Софіи, размѣщенныхъ внутри самой мечети, на галлереяхъ и во всѣхъ углахъ, гдѣ только можно лечь или даже стоять». Съ султаномъ, по окончаніи продолжительнаго засѣданія совѣта въ Ильдызъ-Кіоскѣ, на которомъ принято было рѣшеніе согласиться на мирный переходъ нашъ въ Санъ-Стефано, случился обморокъ, до такой степени онъ былъ взволнованъ и считалъ себя униженнымъ. «Благоразуміе и покорность судьбѣ начинаютъ брать верхъ, —писалъ Ону Игнатьеву:—и я надѣюсь, что вы успѣете наконецъ вынудить Савфета подписать желанный договоръ... Ахметъ-Вефикъ съ искреннимъ волненіемъ сказалъ мнѣ, что послано будетъ приказаніе Савфету подписать мирныя предлагаемыя условія, такъ какъ мы приставили имъ ножъ къ горлу, а имъ уже немыслимо защищаться. Турецкое правительство положится на великодушное сердце великаго князя Николая Николаевича, съ надеждою, что онъ[1]) смягчитъ нѣкоторыя требованія, въ особенности сдачу броненосныхъ судовъ. Султанъ рѣшился скорѣе ихъ потопить въ Босфорѣ, передъ своимъ дворцомъ, чѣмъ обезчеститься въ глазахъ своего народа передачею ихъ русскимъ. Мы надѣемся, говорилъ паша Ону, что вы не доведете до послѣдняго отчаянія этого несчастнаго государя, теряющаго уже свою имперію. Ахметъ-Вефикъ-паша протестовалъ противъ обвиненія въ намѣреніи Порты тянуть переговоры, чтобы дотянуть до созыва конференціи или конгресса. Турція не можетъ ожидать ничего благопріятнаго отъ конгресса и потому приняла искреннее рѣшеніе заключить непосредственный съ Россіею прочный миръ».

Ону пробылъ въ Портѣ почти весь день, выжидая окончанія совѣщанія и переговоровъ съ различными сановниками. «Уже было совсѣмъ темно, —писалъ онъ Игнатьеву: —когда я вышелъ изъ Порты. Меня провели, съ жалкими фонарями, среди людей, одѣтыхъ въ рубища. Всѣ смотрѣли тоскливо, но съ выраженіемъ спокойной покорности судьбѣ. Всѣ знакомые мнѣ жали руку съ дружескою, но нервною улыбкою, спрашивали: кончено ли наконецъ битли-ми? Мнѣ казалось, что я участвую въ погребальной церемоніи[2]), и я не могъ равнодушно относиться къ совершающемуся на глазахъ моихъ распаденію Оттоманской имперіи. Мнѣ припомнилась въ эту минуту блестящая эпоха Абдулъ-Азиса, великолѣпная

[1]) Вслѣдствіе переговоровъ, происходившихъ между великимъ княземъ и Нелидовымъ съ одной стороны и Намикомъ и Серверомъ-пашою съ другой—въ Адріанополѣ, въ Портѣ сложилось убѣжденіе, что усиленіе требованій нужно приписать лишь личности графа Игнатьева, а что великій князь готовъ сдѣлать уступки и что съ нимъ легче поладить и дѣло провести. Авт.

[2]) Ону, какъ добрый и мягкій человѣкъ и притомъ пріятель турокъ, былъ глубоко пораженъ положеніемъ, въ которомъ находилась тогда Турція, и дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы растрогать Игнатьева и смягчить наши требованія. Авт.

обстановка этого несчастнаго государя, аудіенціи, на которыхъ я съ вами участвовалъ... и мнѣ казалось, что я все это вижу какъ во снѣ». Ону предупреждалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, Игнатьева, что Порта приписываетъ англичанамъ намѣреніе тотчасъ войти въ Босфоръ, если мы вступимъ въ Константинополь, и что турки перетолковываютъ въ благопріятномъ для себя смыслѣ недавнюю рѣчь князя Бисмарка.

Ону писалъ, отъ 10-го февраля вечеромъ, что полковникъ Кантакузенъ съ турецкими офицерами отправился уже на демаркаціонную линію для принятія нужныхъ мѣръ къ предупрежденію столкновенія между войсками турецкими и нашими, но добавлялъ, что необходимо дать туркамъ достаточный срокъ для очистки укрѣпленной позиціи въ Кучукъ-Чекмедже и передъ Санъ-Стефано, гдѣ находилась главная квартира командующаго передовыми войсками, въ свитѣ котораго было много иностранцевъ, послѣ чего я надѣюсь васъ тамъ увидѣть дня черезъ три или четыре»[1]. Ону повѣствовалъ въ своемъ донесеніи о впечатлѣніи, какое произвели на Порту послѣднія объясненія уполномоченныхъ и самого великаго князя съ Савфетомъ-пашою: «Только что уѣхалъ Кантакузенъ, Ахметъ-Вефикъ прислалъ за мною, прося прибыть къ нему немедленно. Онъ сообщилъ мнѣ нѣсколько телеграммъ, полученныхъ отъ Савфета, съ изложеніемъ происходившихъ переговоровъ съ вами и съ великимъ княземъ, передъ выѣздомъ изъ Адріанополя». Ону описывалъ глубокій упадокъ и волненіе чувствъ, охватившихъ великаго визиря при чтеніи отчета своего уполномоченнаго: «Обычная надменность совершенно исчезла съ его лица; онъ пересталъ улыбаться по прежнему обыкновенію и умолялъ Ону лично отправиться въ Адріанополь, чтобы удостовѣрить великаго князя, что Санъ-Стефано отдано въ его распоряженіе, но что Порта проситъ лишь объ одномъ: предоставить турецкимъ войскамъ матеріально необходимый срокъ, чтобы не только отвести передовыя части войскъ, но и снять и отвезти артиллерію, которою вооружены укрѣпленія на пути къ Санъ-Стефано. Ахметъ-Вефикъ горячо опровергалъ мнѣніе о приписываемой ему англоманіи, а равно подозрѣнія наши касательно его правдивости и искренности желанія возстановить прочныя, дружественныя сношенія съ Россіею. «Я слишкомъ хорошо понимаю, — говорилъ верховный визирь Ону, — отчаянное положеніе, въ которомъ находится Турція, чтобы на что-либо благопріятное надѣяться отъ содѣйствія другихъ кабинетовъ», и, ссылаясь на личную свою долголѣтнюю дружбу съ Ону, просилъ его опровергнуть ту клевету, которую о немъ распространяютъ между

---

[1] То есть 14-го или 15-го февраля. Но такимъ образомъ мы напрасно потеряли бы нѣсколько дней въ то время, когда каждая минута была дорога, въ виду европейскаго вмѣшательства. [illegible]

русскомъ. Представляя Игнатьеву вышеупомянутое письменное изложеніе турецкаго толкованія перехода главной квартиры въ Санъ-Стефано и условія, выставленныя Ахметъ-Вефикомъ, Ону добавилъ, что онъ взялъ эту бумагу, зная, что не имѣетъ права соглашаться на малѣйшее измѣненіе того, что содержитъ данная ему Игнатьевымъ записка, предназначенная служить ему инструкціею. Но тѣмъ не менѣе Ону не могъ воздержаться въ письмѣ своемъ отъ того, чтобы высказать, что, измѣняя сообразно военнымъ потребностямъ нашимъ турецкія предложенія, онъ полагаетъ необходимымъ избѣгать объявленія уничтоженія прежней демаркаціонной линіи, такъ какъ это поселитъ безпокойство въ умахъ и англичане могли бы симъ воспользоваться, чтобы вступить въ Босфоръ».

Игнатьевъ поспѣшилъ объявить Савфетъ-пашѣ, какъ только получилъ еще въ Адріанополѣ свѣдѣніе о содержаніи рѣшенія Порты, что мы не намѣрены обратить ни малѣйшаго вниманія на измышляемыя Портою стѣсненія и условія нашего движенія къ Константинополю и что ни уполномоченные, ни въ особенности главнокомандующій не допустятъ, чтобы рѣшенія ихъ были связаны какими-либо обязательствами, на которыя они не изъявили предварительнаго согласія, по собственнымъ соображеніямъ. Главнокомандующій сохраняетъ полную свободу размѣстить войска, какъ ему заблагоразсудится, и сообщать свои рѣшенія непосредственно военному министру Реуфъ-пашѣ и другимъ турецкимъ военачальникамъ, съ которыми войска наши могутъ войти въ соприкосновеніе [1]).

Ону донесъ Игнатьеву, что, исполнивъ данное ему порученіе заявить верховному визирю, что если англичане попытаются оставить нынѣшнюю свою якорную стоянку (у Принцевыхъ острововъ), чтобы войти въ Босфоръ, то мы будемъ вынуждены принять энергическія мѣры для возстановленія равновѣсія и огражденія русскихъ интересовъ независимо отъ турецкихъ воззрѣній и удобствъ, онъ замѣтилъ, что Ахметъ-Вефикъ былъ ужасно пораженъ этимъ сообщеніемъ, проявляя безпокойство при мысли, что англичане могутъ вслѣдствіе прихода главной квартиры русской арміи въ Санъ-Стефано передвинуть свою эскадру еще ближе къ Стамбулу и такимъ образомъ усложнить до крайности положеніе дѣлъ. Въ собственноручной запискѣ верховнаго визиря, написанной имъ во дворцѣ (10-го февраля) и врученной Ону для передачи Игнатьеву, Ахметъ-Вефикъ заявилъ, что султанъ полагается вполнѣ на великаго

---

[1]) Вполнѣ реальное значеніе имѣла настойчивость Игнатьева, требовавшаго непремѣннаго сохраненія за нашей главной квартирой полной свободы размѣщенія нашихъ войскъ по ея усмотрѣнію. Такимъ образомъ, несмотря на препятствія, чинимыя турками, Игнатьевъ выдержалъ характеръ до самаго конца переговоровъ, что, очевидно, и явилось причиною успѣха при довершеніи дѣла составленія и подписанія Санъ-Стефанскаго договора. А. Б.

князя Горчакова [illegible] бу-
дутъ приняты мѣры къ охраненію [illegible]. Онъ вы-
ражалъ опасеніе, чтобы злонамѣренные люди не воспользовались ка-
кимъ-либо замѣшательствомъ или уличною дракою, чтобы возбу-
дить опасенія въ христіанскомъ населеніи и такимъ способомъ
вызвать вступленіе русской арміи въ столицу. Визирь надѣется,
что русскія войска своею [illegible]
разстроить подобные замыслы, но если бы безопасности столицы
угрожала дѣйствительная опасность, султанъ самъ обратится къ
содѣйствію русской арміи. Поэтому султанъ разсчитываетъ, что Его
Высочество не будетъ настаивать на дѣйствительномъ занятіи рус-
скимъ войскомъ большой казармы Дауд-паши, приспособленной ко
вступленію русскихъ войскъ по требованію [illegible] и распоряженію
полковника [illegible], при содѣйствіи командированнаго съ
нимъ Османа-паши.

Переговоривъ объ этомъ съ Лайярдомъ, визирь нѣсколько успо-
коился, получивъ, вѣроятно, отъ англійскаго посла увѣреніе,
что англійская эскадра останется неподвижною.

XII.

Въ воскресенье, послѣ обѣдни, происходившей въ греческой церк-
ви въ Санъ-Стефано, Игнатьевъ рѣшилъ, что, несмотря на тяжелое по-
ложеніе, въ которомъ находился Савфетъ-паша вслѣдствіе утомитель-
наго ночного путешествія, усталости и постояннаго волненія, не-
обходимо тотчасъ же возобновить переговоры и помѣшать турецкому
уполномоченному исполнить намѣреніе его поѣхать отдыхать
въ Стамбулъ. Отправившись къ Савфету, русскій уполномоченный
выставилъ ему на видъ, что такъ какъ миръ еще не заключенъ, то
простое недоразумѣніе можетъ ежеминутно вызвать стычку на аван-
постахъ и столкновеніе между войсками, находящимися въ виду
другъ друга, что неизбѣжно приведетъ русскихъ въ Константинополь
вопреки даже намѣреніямъ главнокомандующаго. Порта и лично
Савфетъ-паша, сказалъ Игнатьевъ, гораздо болѣе насъ заинте-
ресованы, не теряя ни минуты, предупредить возможность такого
событія, которое мы не желаемъ вызвать, но обязаны предусматри-
вать; мы заранѣе возлагаемъ отвѣтственность за подобное событіе
и его неизбѣжныя послѣдствія на нерѣшительность, неискренность
и двуличіе Порты и ея закулисныхъ совѣтниковъ, по винѣ кото-
рыхъ переговоры наши не будутъ приведены [illegible]
къ желаемому окончанію. Игнатьевъ настойчиво посовѣтовалъ ту-
рецкому уполномоченному оставить [illegible]
мысли переѣхать на жительство въ Стамбулъ, гдѣ ему, конечно,
сравнительно было бы удобнѣе и покойнѣе, и остаться въ Санъ-Стефано
для пользы своего отечества, вмѣстѣ съ главною квартирою и рус-

скими уполномоченными. Игнатьевъ заявилъ Савфету-пашѣ, что это единственное средство, по возможности, взаимными усиліями избѣгнуть дальнѣйшихъ недоразумѣній, столкновеній и оттяжки въ ходѣ переговоровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предупредилъ турецкихъ уполномоченныхъ, что онъ твердо рѣшился ни подъ какимъ предлогомъ въ виду близости Порты и возможности получать быстро султанскія разрѣшенія и сообщаться съ верховнымъ визиремъ хоть нѣсколько разъ въ день, не допускать впредь излюбленныхъ турками проволочекъ. Игнатьевъ предупредилъ турецкаго уполномоченнаго, что если бы онъ, паче чаянія, встрѣтилъ въ своихъ требованіяхъ непреодолимыя затрудненія со стороны турецкаго правительства, или же удостовѣрился въ недобросовѣстности или дурныхъ замыслахъ Порты, то, отнюдь не увлекаясь желаніемъ подписать договоръ во что бы то ни стало, разъ что условія не будутъ вполнѣ отвѣчать желаніямъ государя императора и ожиданіямъ Россіи, — онъ предпочтетъ просто прервать неудовлетворительные мирные переговоры, передавъ дальнѣйшій ходъ дѣла въ руки главнокомандующаго, имѣющаго совершенную возможность довести оное до желаемаго нами конца, устранивъ всѣ воздвигаемыя препоны. Савфетъ-паша согласился съ основательностью приведенныхъ ему доводовъ для ускоренія хода переговоровъ и съ неудобствами, сопряженными съ его пребываніемъ въ Стамбулѣ, и отправился лишь на день въ Константинополь, чтобы представиться султану въ качествѣ вновь назначеннаго министра иностранныхъ дѣлъ и испросить его указанія, а также переговорить въ Портѣ съ верховнымъ визиремъ и министрами. Онъ далъ слово русскимъ уполномоченнымъ остаться съ ними въ Санъ-Стефано и съ слѣдующаго же дня, въ понедѣльникъ 13-го, возобновилъ дѣятельные переговоры. Ежедневно уполномоченные обѣихъ сторонъ проводили не менѣе шести часовъ въ конференціи, собираясь два раза въ день утромъ и вечеромъ, преимущественно въ домѣ, занятомъ Игнатьевымъ. Сверхъ того ежедневно приходилось русскимъ уполномоченнымъ посѣщать своихъ турецкихъ коллегъ между конференціями или поздно вечеромъ, въ домѣ, занятомъ послѣдними, — для дополнительныхъ объясненій и разговоровъ.

Въ понедѣльникъ 13-го, тотчасъ по возвращеніи Савфета изъ Стамбула, уполномоченные имѣли съ нимъ продолжительное и искреннее объясненіе, причемъ разсмотрѣли въ подробности всѣ вопросы еще нерѣшенные и по которымъ Игнатьевъ откладывалъ до того времени высказаться, чтобы не испугать черезчуръ турокъ и не быть вынужденнымъ прервать переговоры, пока еще главная квартира находилась въ Адріанополѣ и наши войска не перешли демаркаціонную линію. Въ теченіе этого откровеннаго объясненія между уполномоченными выяснилось, что, несмотря на увѣренія Ахмета-Вефика-паши, которыми были наполнены донесенія Ону,

[illegible] крѣпостей отдѣльными [illegible], отговорками и [illegible] лишь хоть [illegible].

Сафветъ-паша — доносилъ Игнатьевъ (№ 13) отъ 17-го февраля канцлеру, — чистосердечно сознался мнѣ, что урегулированіе Сербіи, границы Болгаріи и военное вознагражденіе, въ особенности уступка намъ блокированныхъ броненосныхъ судовъ, представляютъ очень большія затрудненія и что инструкціи его недостаточны для разрѣшенія ихъ. Онъ предложилъ мнѣ поручить опредѣленіе границъ Болгаріи смѣшанной спеціальной комиссіи, на обязанности которой было бы установить границы будущаго княжества въ опредѣленный срокъ послѣ подписанія мирнаго договора, на основаніи большинства населенія, согласно первой статьѣ мирныхъ основаній, принятыхъ Портою въ Адріанополѣ. Это предложеніе турецкаго уполномоченнаго доказываетъ, что послѣ Константинопольской конференціи, гдѣ впервые были опредѣлены Европою границы мѣстности, обитаемой болгарами, и Адріанопольскаго протокола, подписаннаго турецкимъ уполномоченнымъ, просившимъ объ остановкѣ наступленія русскихъ войскъ, Порта усвоила себѣ мысль и считала совершенно рѣшеннымъ, что въ составъ Болгарскаго княжества войдутъ всѣ мѣстности, обитаемыя населеніемъ, въ которомъ большинство считаетъ себя болгарами. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы комиссія, которую предлагалъ Сафветъ-паша, была организована и дѣйствовала бы съ полнымъ безпристрастіемъ, то границы Санъ-Стефанской Болгаріи не подверглись бы такому произвольному изуродованію, какъ случилось потомъ на Берлинскомъ конгрессѣ. Игнатьевъ не могъ предвидѣть, что наши уполномоченные, вопреки рѣшеніямъ европейскихъ уполномоченныхъ на Константинопольской конференціи, манифесту Государя въ Плоешти, объявившему всѣхъ болгаръ свободными, условіямъ прекращенія военныхъ дѣйствій, подписаннымъ въ Адріанополѣ, и требованіямъ нашихъ уполномоченныхъ въ Санъ-Стефано, основаннымъ на проектѣ мирнаго договора, утвержденномъ Государемъ, легко согласятся расчленить Болгарію и, отдѣливъ отъ княжества Южную Болгарію (Румелію), вырѣжутъ изъ княжества часть Ѳракіи и всю Македонію. Игнатьевъ не могъ предвидѣть такого радикальнаго измѣненія въ воззрѣніяхъ министерства иностранныхъ дѣлъ и рисковалъ принять учрежденіе смѣшанной комиссіи, которая неминуемо оставила бы надолго [illegible] время границы Болгаріи въ неопредѣленномъ положеніи [illegible] въ такой мѣстности, гдѣ населеніе было взволновано военными событіями и гдѣ [illegible] въ огромномъ размѣрѣ. Рисковали предоставленіемъ рѣшенія [illegible] въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго срока смѣшанной комиссіи, въ виду желанія Австро-Венгріи вмѣшаться [illegible] ство будущей участи славянскихъ земель на Балканскомъ полу-

острогѣ. Игнатьевъ могъ тѣмъ менѣе что еще въ Адріанополѣ онъ получилъ неоднократно телеграфическое подтвержденіе князя Горчакова въ особенности ничего не уступать касательно границъ Болгаріи и высочайшее повелѣніе создать какъ можно болѣе совершившихся фактовъ до созыва конференціи, которой добивался графъ Андраши.

На этомъ основаніи Игнатьевъ категорически отвергнулъ предложеніе турецкаго уполномоченнаго, «такъ какъ,—писалъ онъ канцлеру,—принятіе онаго имѣло бы слѣдствіемъ продолжить неопредѣленность положенія и породить неожиданныя, новыя затрудненія въ будущемъ. Чтобы покончить съ этою неопредѣленностью, выйти изъ страннаго положенія, въ которомъ мы находимся нынѣ и доказать туркамъ, что не намѣрены предоставлять будущимъ рѣшеніямъ щекотливые вопросы, которые настоятельно необходимо разъяснить вполнѣ и разрѣшить опредѣленнымъ образомъ, я отправилъ въ Петербургъ за совмѣстною подписью моею и Нелидова прилагаемую въ копіи инструкцію Ону. Ему поручено предупредить турецкихъ министровъ, что, несмотря на желаніе наше избѣгнуть разрыва мирныхъ переговоровъ, мы не можемъ сдѣлать ничего другого, въ случаѣ дальнѣйшихъ проволочекъ, какъ назначить послѣдній и окончательный срокъ для того, чтобы наши предложенія были приняты или явно отвергнуты. До полученія извѣстія о результатѣ этого офиціальнаго предваренія о предстоящей подачѣ нашего ультиматума мы занимаемся съ Савфетомъ обсужденіемъ и редактированіемъ статей, имѣющихъ лишь второстепенное для насъ политическое значеніе, а именно все, относящееся до торговли, до мореплаванія, покровительства духовныхъ православныхъ учрежденій, аѳонскихъ русскихъ монастырей, нашихъ паломниковъ и т. п.[1]). Завтра будемъ совѣщаться о статьяхъ, касающихся Босніи, Герцеговины, Кандіи и остальныхъ областей Европейской Турціи съ христіанскимъ населеніемъ» [2]).

Въ самый первый день пребыванія своего въ Санъ-Стефано Игнатьевъ телеграфировалъ канцлеру (12-го февраля):

«Удостовѣрившись, что Порта не допускала еще опредѣленія границъ Болгарскаго княжества и не соглашалась ни на одно изъ нашихъ требованій, не упомянутыхъ точнымъ образомъ въ мирныхъ основаніяхъ, подписанныхъ при перемиріи [3]), мы дали понять вер-

---

[1]) Сюда относятся статьи 22—24 Санъ-Стефанскаго договора. А. Б.

[2]) Здѣсь рѣчь идетъ о статьяхъ 14—16 Санъ-Стефанскаго договора. А. Б.

[3]) Въ минуту крайней опасности для столицы и вообще для Турецкой имперіи, при сильномъ страхѣ, наведенномъ на султана появленіемъ русскихъ войскъ у стѣнъ Стамбула, турецкіе сановники такъ упорствовали, что очевидно было, что еще хуже будетъ, когда султанъ привыкнетъ къ присутствію русской арміи у своей столицы и убѣдится въ ея мирномъ благодушіи. Поведеніе дивана доказывало, до какой степени былъ правъ Игнатьевъ, настаивая въ продолженіе всей войны и въ особенности въ Порадимѣ,

ховному визирю, что будемъ скоро вынуждены обратиться къ [illegible]ренному правительству съ ультиматумомъ. Требованіе [illegible] броненосцевъ въ счетъ военной контрибуціи обидѣло въ особенности Порту и султана, считающаго это условіе за личное униженіе и утверждающаго, что потопитъ свои суда въ Босфорѣ. Слѣдуетъ ли мнѣ продолжать настаивать? Жду вашего отзыва касательно принятія 250.000 франковъ, предложенныхъ Савфетомъ для вознагражденія сулинскихъ искусственныхъ сооруженій и [illegible] частныхъ людей».

А на другой день, въ дополненіе посланныхъ письменныхъ инструкцій, Игнатьевъ телеграфировалъ Ону (13-го февраля) въ отвѣтъ на его успокоительную телеграмму:

«Получилъ вашу телеграмму, но переговоры не могутъ подвигаться, пока турецкіе уполномоченные объявляютъ, что они все еще ожидаютъ замѣчаній Порты, чтобы высказаться окончательно».

Такъ какъ Ону извѣстилъ, что верховный визирь самолично хочетъ явиться въ Санъ-Стефано, чтобы убѣдить насъ въ своей искренности и разъяснить недоразумѣнія, то Игнатьевъ 13-го вечеромъ телеграфировалъ первому драгоману посольства:

«Желательно, чтобы завтра до полудня турецкіе уполномоченные получили приказаніе подписать опредѣленныя для княжествъ Болгарскаго и Сербіи границы, а также статьи о военноплѣнныхъ и военномъ вознагражденіи, которыя мы не могли порѣшить потому, что вопреки увѣреніямъ, намъ даннымъ Портою, турецкіе уполномоченные вовсе не снабжены инструкціями по этимъ вопросамъ. Посѣщеніе Ахмета-Вефика преждевременно. Тѣмъ не менѣе будетъ прилично принять, если пріѣдетъ».

Въ этотъ же день, 13-го, Игнатьевъ получилъ слѣдующій отвѣтъ канцлера на первыя свои телеграфическія донесенія изъ Санъ-Стефано, отправленныя въ Петербургъ:

«Получилъ телеграмму вашу 12-го. Прибѣгайте къ ультиматуму только въ самой крайней необходимости [1]. Откажитесь отъ требо-

---

при отъѣздѣ государя, на совершенной необходимости [illegible] всѣ существенныя требованія [illegible], предсказывая, что [illegible] переговоры [illegible] приведутъ къ благопріятному результату. [illegible]

[1] Канцлеръ опасался рѣшимости русскихъ уполномоченныхъ [illegible] ультиматуму, а въ то же время торопилъ ихъ создать какъ можно болѣе совершившихся фактовъ до конференціи. Съ первыхъ [illegible] сопротивленія султана передать добровольно броненосцы русскимъ, канцлеръ отказался отъ этого требованія и воспрепятствовалъ настоящему преслѣдованію его уполномоченными. При такомъ настроеніи министра иностранныхъ дѣлъ уполномоченнымъ приходилось дѣйствовать на собственный страхъ, [illegible] постановки мирныхъ условій. [illegible]

ванія выдачи турецкихъ броненосцевъ. Что касается возобновленія проходовъ судовъ чрезъ Сулинскій рукавъ и вознагражденія частныхъ лицъ, дѣло разсматривается. Выставьте основанія рѣшенія, не опредѣляя цифры расходовъ» [1]).

Въ то же время по армянскому вопросу, возбужденному армянскою депутаціею, явившеюся въ главную квартиру въ Адріанополь, канцлеръ телеграфировалъ:

«Вамъ, вѣроятно, извѣстно [2]) предположеніе великаго князя Михаила Николаевича касательно проведенія новой границы въ Арменіи, одобреннаго государемъ. Предположеніе это не согласуется съ надеждами и желаніями патріарха [3]). Когда васъ затрудняетъ какой-либо вопросъ, касающійся будущаго договора, ограничивайтесь заявленіемъ, что онъ не предвидѣнъ въ вашихъ инструкціяхъ [4]), и войдите съ представленіями въ Петербургъ обыкновеннымъ (т. е. почтовымъ) путемъ».

До какой степени канцлеръ опасался слишкомъ рѣшительныхъ дѣйствій нашихъ уполномоченныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не желалъ высказать явно своей мысли, или принимать на свою отвѣтственность какое-либо рѣшеніе, видно изъ телеграммы, отправленной имъ изъ Петербурга въ день перехода главной квартиры въ Санъ-Стефано, 12-го февраля:

«Не можемъ судить съ полнымъ знаніемъ дѣла о ходѣ вашихъ переговоровъ по отдѣльнымъ вашимъ телеграммамъ. Ожидаемъ подробныхъ донесеній. Во всякомъ случаѣ не переступайте инструкціи, вами отсюда увезенныхъ».

---

[1]) Принципъ единственный: расходы по возобновленію и удовлетворенію потери должны пасть на турецкое правительство. Съ самаго начала эта мысль была проведена Игнатьевымъ, но ему необходимо было знать, считаютъ ли сумму въ 250 тысячъ франковъ достаточною и удовлетворятся ли этимъ. Для сужденія объ этомъ у него данныхъ не было, а отъ опредѣленнаго отвѣта министерство иностранныхъ дѣлъ уклонилось. Авт.

[2]) Прямого сообщенія съ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ у Игнатьева не было. Какимъ же образомъ могло предположеніе великаго князя, не сообщенное въ Адріанополь уполномоченнымъ, быть имъ извѣстнымъ? Телеграмма эта указывала лишь, что принять подъ свое покровительство армянское населеніе Турціи и доставить ему тѣ же преимущества, какъ и христіанскимъ областямъ Балканскаго полуострова, императорское правительство не намѣрено. Авт.

[3]) Просьба патріарха заключалась въ дарованіи армянскому населенію самоуправленія по образцу того, что предполагалось сдѣлать въ Босніи, Герцеговинѣ и Критѣ. Авт.

[4]) При той поспѣшности, которая была поставлена въ обязанность уполномоченнымъ для быстраго окончанія переговоровъ и подписанія договора, ожиданіе подробныхъ донесеній для составленія дополнительныхъ инструкцій, при тогдашней медленности почтовыхъ сообщеній между главной квартирой и Петербургомъ, было болѣе чѣмъ странно и заключало явное противорѣчіе. Авт.

Денежный вопросъ о сулинскихъ вознагражденіяхъ, на который канцлеръ не давалъ положительныхъ инструкцій [1], было довольно затруднительно рѣшить въ Санъ-Стефано, потому что хотя русскіе уполномоченные и потребовали отъ турокъ, согласно первоначальному проекту Игнатьева, чтобы всѣ расходы по возобновленію сооруженій, уничтоженныхъ въ Сулинѣ во время войны, равно какъ и по вознагражденію убытковъ частныхъ лицъ пали исключительно на турецкое правительство, но данныхъ для опредѣленія размѣровъ потребныхъ суммъ ни у русскихъ уполномоченныхъ, ни у Порты не было, а эта неопредѣленность и неизвѣстность пугали турокъ тѣмъ болѣе, что большая часть потерпѣвшихъ были австро-венгерскіе подданные. Ссылаясь на продолжительное прекращеніе коммерческой навигаціи и на убытки и поломки судовъ, застигнутыхъ въ Дунаѣ военными дѣйствіями и принадлежавшихъ австро-венгерскимъ подданнымъ, вѣнское правительство настаивало на уплатѣ имъ понесенныхъ ими убытковъ. Савфетъ-паша, напуганный возможностью неограниченныхъ требованій иностранцевъ и ихъ правительствъ, отказывался самымъ упорнымъ образомъ возложить на Порту отвѣтственность въ неизвѣстной ему суммѣ уплаты и послѣ долгихъ переговоровъ рѣшился предложить установить опредѣленную сумму въ двѣсти пятьдесятъ тысячъ франковъ, взявъ оную изъ суммы, должной Портѣ европейскою международною комиссіею (собиравшею доходы съ проходившихъ по Дунаю судовъ), и съ тѣмъ, чтобы сумма эта была внесена въ русское консульство въ Галацѣ, которое бы и распредѣлило вознагражденія по своему усмотрѣнію. Турецкое правительство готово было возвысить сумму до пятисотъ тысячъ франковъ, лишь для того, чтобы покончить разомъ съ требованіями вознагражденій и не быть вынужденнымъ расплачиваться впослѣдствіи въ теченіе неопредѣленнаго времени и при неизвѣстности общаго итога расхода. Савфетъ, отстаивая свое предложеніе, замѣтилъ, что расплата въ вознагражденіе пострадавшимъ потребуетъ несравненно меньшихъ расходовъ, если оную будетъ производить русскій агентъ, чѣмъ оттоманская казна, которая всегда плохо защищена отъ иностранныхъ притязаній, поддержанныхъ консулами и посольствами заинтересованныхъ лицъ. Вмѣсто того, чтобы указать, принимается ли предложеніе турецкаго уполномоченнаго и на какой суммѣ можно удовольствоваться, ми-

---

[1] Слѣдовательно канцлеръ смотрѣлъ на проектъ договора, увезенный Игнатьевымъ изъ Петербурга, какъ на обязательную для уполномоченныхъ, связывающую ихъ инструкцію, о чемъ онъ неоднократно и упоминаетъ въ своихъ телеграммахъ. Какимъ же образомъ, послѣ ратификаціи Санъ-Стефанскаго договора, наши дипломаты при европейскихъ дворахъ, и въ особенности графъ Шуваловъ, могли отрекаться отъ постановленій договора и добровольно весьма легко соглашаться на ихъ измѣненіе подъ предлогомъ, что они лишь плодъ самовольныхъ фантазій генералъ-адъютанта Игнатьева.

Авт.

[illegible] оказывалось очевиднымъ, что вопросъ о мѣрѣ вознагражденія изучается, и тѣмъ ставило уполномоченныхъ въ большое затрудненіе.

Уполномоченные вышли изъ этого положенія, убѣдивъ Савфета принять на отвѣтственность Порты расходы по вознагражденію съ тѣмъ, что если окажется сумма въ [illegible] пятьдесятъ тысячъ франковъ, нынѣ предложенная, недостаточною, то она будетъ соотвѣтственно пополнена.

Что касается кавказскаго разграниченія, упомянутаго въ телеграммѣ канцлера, то и въ этомъ вопросѣ русскіе уполномоченные были поставлены въ немалое затрудненіе въ переговорахъ своихъ съ турками неполнотою и неясностью указаній министерства иностранныхъ дѣлъ. Предъ отправленіемъ изъ Петербурга Игнатьевъ составилъ проектъ новой границы, но такъ какъ тутъ должны были преобладать стратегическія соображенія, то онъ просилъ провѣрить сношеніемъ съ кавказскимъ намѣстникомъ вѣрность своего взгляда на лучшую нашу азіатскую границу съ Турціею, съ тѣмъ, чтобы знать, находитъ ли кавказское начальство проектированную [illegible] границу удовлетворительною, и избѣгнуть недоразумѣній впослѣдствіи. При составленіи своего проекта Игнатьевъ принялъ главнѣйше въ соображеніе потребности легчайшей обороны нашей закавказской границы и новыхъ пріобрѣтеній (Карской, Батумской и Баязетской областей)[1]. Онъ имѣлъ въ виду не только затруднить наступательныя противъ насъ дѣйствія и доставить полное обезпеченіе нашимъ пограничнымъ владѣніямъ, но удешевить наши военные расходы, отдавъ во владѣніе Россіи всѣ проходы чрезъ Саганлукскій хребетъ и облегчивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, на будущее время наши наступательныя дѣйствія противъ Эрзерума[2]. Въ Адріанополѣ Игнатьевъ выжидалъ, чтобы канцлеръ сообщилъ ему по телеграфу, одобрено ли кавказскимъ начальствомъ проектированное очертаніе новой азіатской границы, или же оная должна быть измѣнена. Безъ какого-либо положительнаго указанія, канцлеръ телеграфировалъ ему лишь, что Боголюбовъ везетъ къ нему проектъ намѣстника кавказскаго. Но дни проходили, время наступило, когда нельзя уже было откладывать высказаться подробно касательно новой границы для опредѣленія размѣровъ территоріальныхъ уступокъ, требуемыхъ отъ Порты въ счетъ военной контрибу-

[1]) См. 2-ю часть статьи 19, п. «в.» Санъ-Стефанскаго договора. А. Б.

[2]) Изъ сличенія пункта «в» 2-й части статьи 19-й Санъ-Стефанскаго договора со статьями 58-ю и 60-й Берлинскаго договора выясняется, въ какой мѣрѣ окончательный мирный договоръ и основанная на немъ настоящая граница наша со стороны Азіатской Турціи представляютъ урѣзку противъ предположенія Игнатьева.

По Санъ-Стефанскому договору нами пріобрѣтались не только территоріи Карса и Батума, но и область Баязета, съ Алашкертскою долиною. По Берлинскому же договору долина Алашкерта и территорія Баязета отходили обратно къ Турціи. А. Б.

[illegible]
[illegible]
[illegible]
стяхъ, или оставить въ общихъ чертахъ согласно пр[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
принять на свою отвѣтственность предъявленіе Портѣ состав[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
мѣстныхъ потребностей, или нѣтъ. Къ счастью, оказалось, что пр[illegible]
[illegible]
начальства. Положеніе, занятое Австро-Венгріею въ эту эпоху, [не]обычайно заботило Игнатьева. Въ отвѣтъ на запросъ его нашему дипломатическому агенту въ Бухарестѣ о происках австрійц[евъ] Игнатьевъ получилъ телеграмму барона Стюарта, отправленную 12-го февраля [illegible] Румыны сближаются съ австрійцами. Говорятъ о заключеніи ка[кой]-то конвенціи при посредствѣ Іона Гики [1], возвратившаго[ся] изъ Лондона [illegible] [2], пріѣхавшихъ теперь въ Бухарестъ.

Свѣдѣнія, получаемыя изъ Константинополя, указываю[тъ] [на] [не]удобную намъ дѣятельность австро-венгерскихъ агентовъ. Зная [графа] Зичи за честнаго, лично расположеннаго къ Россіи, [illegible] [св]ѣстнаго, прямолинейнаго человѣка, вовсе не подготовленнаго къ политической службѣ, но усерднаго и точнаго исполнителя по[лу]чаемыхъ изъ Вѣны инструкцій. Игнатьевъ усматривалъ въ [illegible]
[illegible]
союзникомъ. Игнатьевъ не сомнѣвался въ то же время, что австро-венгерскій посолъ, при своей неопытности, разъ что ему предписано сблизиться съ Лайярдомъ, можетъ быть уже увлеченъ симъ [illegible]
[illegible]
[illegible]
[до]вѣрчивыхъ отношеній со стороны вѣнскаго правительства, которы[я] [illegible] министерство иностранныхъ дѣлъ, равно какъ и [illegible]

---

[1] [illegible]
[2] [illegible] графа Андраши [illegible]

князю Горчакову на двусмысленную политику и коварство Австро-Венгріи. Было въ высшей степени важно для русскихъ уполномоченныхъ знать въ точности намѣренія Австро-Венгріи, такъ какъ въ проектѣ договора, составленномъ въ Петербургѣ, было уменьшено территоріальное увеличеніе Черногоріи и Сербіи, чтобы сообразоваться съ требованіями Австро-Венгріи, на основаніи пресловутаго соглашенія въ Рейхштадтѣ и подписаннаго договора въ январѣ 1877 года графомъ Андраши и Новиковымъ. Въ послѣднемъ Австро-Венгрія согласилась на созданіе большого княжества Болгарскаго и на довольно значительное увеличеніе Черногоріи и Сербіи. Русскимъ уполномоченнымъ, очевидно, необходимо было знать своевременно, существуетъ ли дѣйствительное согласіе Австро-Венгріи съ нами, для поддержанія котораго мы приносили въ жертву и интересы Черногоріи и Сербіи и наши собственные, или это не болѣе, какъ обманъ и временное фантастическое сооруженіе для отвода глазъ отъ дѣйствительности, какъ то подозрѣвалъ Игнатьевъ и какъ, къ сожалѣнію, оказалось послѣ заключенія Санъ-Стефанскаго договора, когда уже было слишкомъ поздно, чтобы предупредить дурныя послѣдствія вѣроломства графа Андраши и нашего самообмана. Убѣжденный по прежнимъ примѣрамъ, что канцлеръ въ эгоистическомъ расчетѣ не будетъ заботиться объ огражденіи уполномоченныхъ отъ ошибокъ, которыя они могли невольно сдѣлать вслѣдствіе недостатка сообщаемыхъ свѣдѣній и указаній министерства иностранныхъ дѣлъ, Игнатьевъ надѣялся получить непосредственныя свѣдѣнія изъ Вѣны и Бухареста и потому обратился къ нашему послу въ Вѣнѣ и къ дипломатическому агенту въ Бухарестѣ, прося разъяснить замыслы австро-венгерскаго правительства. Но послѣдній могъ сообщить уполномоченнымъ только слухи, распространенные въ Румыніи, а первый извѣстилъ лишь Игнатьева, что положеніе, принятое Австро-Венгріею, двусмысленно и хотя еще нельзя ожидать прямо враждебныхъ дѣйствій, но будетъ упорное дипломатическое противодѣйствіе и проявляемое негодованіе на наши непосредственные переговоры съ Портою. Вотъ результатъ, котораго мы достигли въ Вѣнѣ постоянною нашею уступчивостью, сговорчивостью и пожертвованіемъ нашего отличнаго положенія въ Константинополѣ ради союза трехъ императорскихъ дворовъ, въ который насъ ввели князь Бисмаркъ и графъ Андраши, чтобы поссорить насъ съ Портою и предоставить Австро-Венгріи возможность сдѣлаться хозяйкою на Балканскомъ полуостровѣ, среди нашихъ единовѣрцевъ. При первой попыткѣ нашей достигнуть существеннаго результата цѣною жертвъ Россіи и русской крови пресловутая вѣнская дружба и провозглашенное согласіе, скрѣпленное особою конвенціею, предвидѣвшею даже распаденіе Турціи, исчезаютъ и оказываются уже не соотвѣтствующими тѣмъ обстоятельствамъ, въ предвидѣніи которыхъ спе-

ціально и были выработаны взаимныя обязательства. Мы постоянно, начиная съ пресловутой консульской комиссіи въ Герцеговинѣ и безполезной и скорѣе вредной андрашевской ноты о реформахъ въ Босніи и Герцеговинѣ, принимали, къ сожалѣнію и вопреки мнѣнію нашего посла въ Константинополѣ, всѣ тѣ мѣры, которыя намъ были предлагаемы графомъ Андраши, подъ видомъ сочувствія русской политикѣ на Востокѣ; а когда пришло дѣло къ развязкѣ, нашъ посолъ въ Вѣнѣ, наиболѣе увѣровавшій въ искренность доброжелательства австро-венгерскаго правительства, спрошенный о положеніи, занятомъ послѣднимъ, былъ вынужденъ признать его двусмысленнымъ, ненадежнымъ. Но въ томъ-то и заключалась ошибка нашей политики, что наше министерство иностранныхъ дѣлъ не распознало своевременно, что дѣятельность Австро-Венгріи всегда была относительно Россіи и южныхъ славянъ двуличною, неискреннею и коварною. По мнѣнію графа Андраши, Россія имѣла право проливать свою кровь за своихъ покоренныхъ братьевъ, жертвовать сотнями тысячъ людей и сотнями милліоновъ денегъ для осуществленія программы, установленной между Петербургомъ и Вѣною, для того, чтобы сломить упорство турокъ, противящихся осуществленію плановъ графа Андраши; но русскій императоръ не имѣлъ права прекратить военныя дѣйствія на тѣхъ условіяхъ, которыя считалъ наиболѣе соотвѣтствующими достоинству, чести и интересамъ Россіи, заключить непосредственно мирный договоръ съ турками, ни требовать отъ нихъ какихъ-либо уступокъ для своихъ единовѣрныхъ союзниковъ, безъ предварительнаго одобренія и разрѣшенія Австро-Венгріи.

Чтобы замаскировать свои своекорыстныя вожделѣнія и недобросовѣстность относительно Россіи, съ которою Австро-Венгрія была связана конвенціею 3-го января 1877 года, графъ Андраши давалъ себѣ видъ защитника европейскихъ интересовъ, выражая Новикову опасеніе, что Россія хочетъ поставить Европу предъ совершившимся фактомъ, а факты эти были предвидѣны большею частью въ упомянутой конвенціи, которая и заключена была именно на этотъ случай, въ угоду Австро-Венгріи [1]. Впрочемъ, въ Вѣнѣ, въ Лондонѣ, равно какъ и въ Берлинѣ, знали и давно обаяніе, которымъ слово «Европа», европейскій концертъ, «La grande Europe», какъ выражался князь Горчаковъ, пользуются въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, и ту слабость, которую наши дипломаты обычно выказываютъ, когда имъ предъявляютъ это европейское пугало. Всякій разъ, когда западные кабинеты желаютъ достигнуть своихъ своекорыстныхъ цѣлей при такихъ, которые

[1] Здѣсь разумѣется Пештская конвенція 15 января 1877 года, текстъ которой уже опубликованъ на страницахъ «Историч. Вѣстника» ... 452, 456, 520 и 580 за 1914 годъ и на стр. 47 за 1915 годъ. А. Б.

[illegible] преждевременно [illegible]
[illegible] мнѣніемъ, когда они стремятся вести [illegible] прямой дороги. Насъ обманываютъ [illegible] существенныхъ русскихъ интересовъ, которые дипломаты наши должны бы исключительно охранять. Кабинеты эти выдвигаютъ на первый планъ «общіе европейскіе интересы мнѣніе Европы и т. д.». Подъ шумокъ этихъ громкихъ выраженій, предъ которыми министерство иностранныхъ дѣлъ привыкло преклоняться, Англія и Австро-Венгрія обычно обдѣлываютъ свои дѣла, связывая насъ по рукамъ и ногамъ рѣшеніемъ «европейскаго концерта». Если, съ одной стороны, было для Игнатьева ясно, что [illegible] на престолъ [illegible] дружественное согласіе трехъ императоровъ [illegible] и что даже специальная конвенція, заключенная въ 1877 г. прежде самой войны, не обезпечиваетъ насъ со стороны Австро-Венгріи, то положеніе наше въ отношеніи къ Великобританіи было еще хуже. Лайярдъ, издавна враждебный Россіи, доносилъ своему правительству всѣ мѣстные слухи и толки, могущіе возбудить англійское общественное мнѣніе противъ насъ, и въ донесеніяхъ своихъ о событіяхъ, происходящихъ на обоихъ театрахъ военныхъ дѣйствій и въ Константинополѣ, преслѣдовалъ упорно одну цѣль — привести англійскій флотъ въ Константинополь раньше заключенія мира, одновременно съ нашими войсками и довести дѣло до вмѣшательства Англіи въ распрю нашу съ Турціею. Сколько можно было судить по телеграфическимъ и литографированнымъ сообщеніямъ канцлера въ главную квартиру, нашъ лондонскій посолъ служилъ услужливымъ отголоскомъ упрековъ, предостереженій и замѣчаній лондонскаго кабинета и между прочимъ указывалъ на то, что будто бы мы въ Адріанополѣ требовали отъ Порты высылки изъ Болгаріи всего мусульманскаго населенія», и предупреждалъ канцлера, что если только часть русскихъ войскъ войдетъ въ Константинополь безъ дозволенія султана, то англійское правительство будетъ вынуждено отозвать своего посла изъ Петербурга».

Канцлеръ отвѣтилъ 10-го февраля графу Шувалову, что ему еще не извѣстны точныя условія [1], договоренныя въ Адріанополѣ, такъ какъ перерывъ телеграфной линіи, происшедшій 8-го февраля, затруднилъ сообщенія съ главною квартирою. Но князь Горчаковъ поспѣшилъ, однакоже, объявить, что утвержденіе Лайярда каса-

---

[1] Очевидно, что князь Горчаковъ этою оговоркою хотѣлъ выиграть время и избѣгнуть неудобныхъ объясненій съ англійскимъ правительствомъ по существу, но такой уклончивый отвѣтъ далъ поводъ въ Западной Европѣ зародившемуся предположенію, подкрѣпленному легкомысленнымъ отношеніемъ графа Шувалова къ переговорамъ, происходившимъ въ главной квартирѣ, что содержаніе Санъ-Стефанскаго договора не было извѣстно императорскому правительству, такъ какъ графъ Игнатьевъ поступилъ самовольно и потому договоръ, имъ сочиненный, можетъ быть дезавуированъ въ Петербургѣ по полученіи текста. Авт.

[illegible] о выводѣ изъ Болгаріи турецкихъ чиновниковъ и войскъ. Что же касается угрозы прервать дипломатическія сношенія, упоминающейся въ телеграммѣ графа Шувалова, то нашъ [illegible] гиль на эту выходку съ большимъ достоинствомъ, согласно [illegible] государя императора и въ смыслѣ заявленія, сдѣланнаго [illegible] Портѣ:

Если британская эскадра прошла чрезъ Дарданеллы вопреки турецкому протесту. Если съ тою же цѣлью охраненія христіанскаго населенія часть нашихъ войскъ вступитъ въ Константинополь безъ предварительнаго согласія султана, великобританское правительство увѣряетъ, что вынуждено будетъ отозвать своего посла изъ Петербурга. Пусть оно поступаетъ, какъ ему заблагоразсудится. Исторія и даже, можетъ быть, современники произнесутъ свое сужденіе относительно совершеннаго отсутствія логики и пренебреженія къ сохраненію общаго мира».

Судя по телеграммѣ 12-го февраля канцлеру, графъ Шуваловъ, передавши словесно это сообщеніе англійскому министру иностранныхъ дѣлъ, нашелся вынужденнымъ облечь оное въ форму памятной записки (меморандума). Лордъ Дерби, спохватившись, просилъ нашего посла, чтобы этотъ отвѣтъ нашего правительства оставался секретнымъ между обоими кабинетами, сознавая, вѣроятно, что обмѣнъ этихъ заявленій дастъ пищу парламентской оппозиціи и не послужитъ къ чести министерства задорнаго лорда Биконсфильда. Но желаніе это, переданное графомъ Шуваловымъ, не могло быть выполнено, такъ какъ, въ виду серьезности обстоятельствъ, происшедшій обмѣнъ телеграммъ былъ сообщенъ княземъ Горчаковымъ нашимъ представителямъ при великихъ державахъ. Такимъ образомъ выяснилось, что, разсчитывая на нашу податливость и убѣдившись въ практической несостоятельности нашего соглашенія съ Вѣною и даже Берлиномъ, Англія рискнула предъявить намъ угрозу прервать дипломатическія сношенія съ Россіею, если бы наши войска были вынуждены не остановиться предъ Константинополемъ и вступить въ этотъ городъ иначе, какъ съ согласія султана, а въ то же время сама, въ лицѣ своего посла, всячески подзадаривала турокъ и всѣми средствами старалась воспрепятствовать частному соглашенію Россіи съ султаномъ, котораго, при отсутствіи европейскихъ интригъ и англійскаго вмѣшательства, весьма возможно было достигнуть.

При такомъ положеніи дѣлъ главнокомандующій, съ своей стороны, отнюдь не желалъ военныхъ дѣйствій и, утомленный зимнею компаніею, всего болѣе опасался возникновенія европейскихъ осложненій, которыя вынудили бы его оставаться еще продолжительное время на Балканскомъ полуостровѣ и рисковать, можетъ быть, [illegible]

поляхъ и въ горахъ Болгаріи. Желая вернуться какъ можно скорѣе въ Россію, его высочество настоятельно требовалъ отъ уполномоченныхъ лишь одного: чтобы какой-либо мирный договоръ былъ подписанъ не позже 19-го февраля, заявляя желаніе свое достойнымъ образомъ отпраздновать день восшествія на престолъ императора Александра Николаевича объявленіемъ на парадѣ войскъ прекращенія войны и достигнутаго результата и телеграфическимъ извѣщеніемъ о томъ же государя. Оплакивая затруднительное положеніе, въ которое обстоятельства его поставили, Игнатьеву не оставалось ничего болѣе, какъ отказаться отъ своихъ первоначальныхъ предположеній и стараться извлечь наивозможнѣйшую пользу для Россіи изъ существовавшихъ данныхъ, измѣнить которыя не было въ его власти.

XIII.

Для переговоровъ въ Санъ-Стефано явился на засѣданіе и второй турецкій уполномоченный Саадуллахъ-бей. Онъ не скрывалъ своего крайняго неудовольствія быть вынужденнымъ на такую непріятность и горько сѣтовалъ на свою судьбу. Личность его давно была извѣстна русскому посольству въ Константинополѣ съ неблагопріятной стороны. Несимпатична была роль, которую онъ игралъ не только въ Константинополѣ и въ Берлинѣ въ послѣдніе два года, но и въ Болгаріи, гдѣ онъ дѣйствовалъ въ качествѣ предсѣдателя знаменитой слѣдственной коммиссіи, посланной на мѣста произведенныхъ мусульманами звѣрствъ и выбивавшейся изъ силъ, чтобы обѣлить своихъ единовѣрцевъ и очернить болгаръ предъ Европою. Членъ «Молодой Турціи» и единомышленникъ Митхада-паши, онъ въ продолженіе своей службы въ Портѣ всегда былъ болѣе склоненъ къ Англіи, нежели къ Россіи, и лишь честолюбіе заставило его не увлекаться вполнѣ конституціонными бреднями передовыхъ турокъ, желавшихъ подъ симпатичнымъ Англіи и либеральной Европѣ флагомъ искоренить національныя стремленія христіанскихъ народностей Турціи и удовлетворить вожделѣнія панисламизма униженіемъ Россіи на Востокѣ. Направленіе его мыслей не предвѣщало русскимъ уполномоченнымъ ничего благопріятнаго: ни облегченія въ ходѣ переговоровъ, ни благоразумной уступчивости предъ заявленными нами требованіями, въ особенности относительно Болгаріи, ни искренности въ желаніи установить прочное согласіе съ Россіею.

Въ послѣдней инструкціи, данной ему, которую онъ уполномоченъ былъ показать, въ случаѣ надобности, турецкимъ министрамъ, заключалось, между прочимъ, слѣдующее: «Оттоманское правительство, повидимому, потеряло изъ виду важность и опасность нынѣшней минуты и взаимное наше положеніе, а равно

совершенную неотложную необходимость придти безотлагательно къ ясному и окончательному рѣшенію. Неопредѣленность, которой мы подверглись, не можетъ продолжаться. Продлить это состояніе неосновательными предложеніями поведетъ лишь къ умноженію жертвъ, весьма чувствительныхъ для обѣихъ странъ. Казалось бы, что Порта болѣе всѣхъ заинтересована замѣнить нынѣшнее временное, военное по существу, положеніе дѣйствительнымъ миромъ, откровеннымъ, прочнымъ и разсчитаннымъ на продолжительность, которая обезпечила бы существованіе и безопасность Турецкой имперіи, принявъ въ основательное соображеніе происшедшія событія и совершившіеся факты, измѣнить которые уже невозможно. Постарайтесь сговориться съ турецкими государственными людьми, выяснивъ имъ хорошенько вышеуказанную точку зрѣнія и обративъ ихъ вниманіе въ особенности на неминуемую опасность, которой подвергнется Турція, если вмѣсто быстраго и яснаго рѣшенія намъ будутъ представлены не достаточныя и ложныя уступки, не отвѣчающія ни требованіямъ минуты, ни правильно понятымъ интересамъ обоихъ государствъ, призванныхъ отнынѣ жить въ дружбѣ, не подвергаясь недоразумѣніямъ, могущимъ нарушить ихъ добрыя отношенія и взаимное спокойствіе.

Мы предпочитаемъ дружелюбное соглашеніе необходимости, въ которую мы будемъ поставлены, вопреки нашимъ желаніямъ, въ случаѣ, если бы переговоры затянулись; или принять, по волѣ турецкихъ уполномоченныхъ или Порты, такое направленіе, которому мы не имѣемъ права послѣдовать, или же прибѣгнуть къ средствамъ, которыя мы желали бы впредь исключить совершенно изъ отношеній нашихъ съ Портою. Но мы, однакоже, поставлены въ невозможность поступить иначе, какъ назначить послѣдній и неизмѣнный срокъ для принятія или категорическаго отклоненія нашихъ предложеній, какъ только убѣдимся въ намѣреніи затягивать безконечно переговоры и отложить рѣшеніе существенныхъ вопросовъ, требующихъ прежде всего яснаго и точнаго опредѣленія, до будущихъ соглашеній».

Нѣтъ сомнѣнія, что такое сообщеніе Портѣ не заключало еще ультиматума, не желаемаго княземъ Горчаковымъ, но оно было весьма серьезнымъ и знаменательнымъ предостереженіемъ, значеніе котораго не ускользнуло отъ вниманія турецкаго правительства, которое, по долголѣтнему опыту, знало, что шутить съ бывшимъ русскимъ посломъ нельзя.

Такое рѣшительное предостереженіе тѣмъ болѣе должно было произвести на Порту впечатлѣніе, что оно было заявлено русскимъ уполномоченнымъ до истеченія двадцати четырехъ часовъ послѣ приближенія главной квартиры и значительнаго русскаго отряда къ стѣнамъ Стамбула.

Хотя Ону сообщилъ самыя успокоительныя свѣдѣнія послѣ

[illegible] турецкими министрами, но, когда во время конференціи пришлось назначить окончательныя границы княжества Болгаріи и Сербіи, Савфетъ-паша опять оказался безъ инструкцій и сталъ просить отсрочки на двадцать четыре часа, такъ что въ теченіе 13-го февраля уполномоченные успѣли скрѣпить своими подписями лишь статьи о Румыніи и торговлѣ. При этомъ случаѣ русскіе уполномоченные успѣли убѣдиться, что, какъ предвидѣлъ Игнатьевъ, участіе въ конференціяхъ Садуллахъ-бея не будетъ способствовать облегченію и ускоренію хода переговоровъ. Вотъ почему уполномоченные опять вынуждены потребовать, чтобы дополнительныя инструкціи Порты были доставлены Савфету до полудня 14-го, и выказать холодность верховному визирю, въ отвѣтъ на желаніе его явиться въ Санъ-Стефано, давъ ему понять, что его считаютъ за приверженца Англіи и личнаго друга Лайярда.

Въ тотъ же вечеръ, послѣ двухъ продолжавшихся нѣсколько часовъ утомительныхъ конференцій, убѣдившись еще разъ, что дѣло не двигается, Игнатьевъ былъ вынужденъ снова телеграфировать: «Порта не прислала письменнаго разрѣшенія, необходимаго турецкимъ уполномоченнымъ для того, чтобы подписать предложенныя имъ нами условія. Ахметъ-Вефикъ, очевидно, насъ обманываетъ. Шесть часовъ спорили, не разрѣшивъ граничнаго болгарскаго вопроса, ни сербскаго, ни военнаго вознагражденія». Шифрованная телеграмма эта кончалась выраженіемъ не шифрованнымъ, для того, чтобы визирь могъ прочесть: «Положеніе становится невыносимымъ».

Такъ какъ Игнатьеву было тяжело разстаться съ мыслью взять у турокъ нѣсколько броненосцевъ съ тѣмъ, чтобы положить начало созданію нашего черноморскаго броненоснаго флота, то уполномоченные послали канцлеру слѣдующую телеграмму въ отвѣтъ на его приказаніе не настаивать на сдачѣ намъ броненосцевъ: «Просимъ сохранить это рѣшеніе въ совершенной тайнѣ, такъ какъ мы намѣрены воспользоваться имъ лишь въ самую послѣднюю минуту», т.-е. тогда, когда получится полное удостовѣреніе въ совершенной невозможности убѣдить турокъ согласиться на миролюбивую уступку намъ броненосцевъ.

Вечеромъ 14-го уполномоченные послали слѣдующую телеграмму канцлеру: «Уладили съ турецкими уполномоченными вопросъ Босніи и Герцеговины, острова Крита и остальныхъ христіанскихъ областей Балканскаго полуострова, аѳонскихъ монастырей, духовенства и русскихъ паломниковъ, торговыхъ сношеній и взаимнаго размѣна военноплѣнныхъ [1]). Остались только на

[1]) Въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ о Босно-Герцеговинѣ относится статья 14; о Критѣ говорится въ 15-ой; Аѳонъ и права монаховъ и паломниковъ — ст. 22; о торговлѣ — ст. 24; о военно-плѣнныхъ — ст. 28. А. Б.

[illegible]
[illegible]
странныхъ интригъ, считаемъ необходимымъ достигнуть Высочай-
[illegible]
отсутствіе султанскаго утвержденія можетъ оставить спорнымъ то,
[illegible]
[illegible]
[illegible]
сти. Мы могли бы внушить мысль объ отправленіи чрезвычайна[illegible]
турецкаго посла, который бы отправился въ Петербургъ одно-
временно со [illegible]

Уполномоченные отправили вторую телеграмму канцлер[illegible]
вечеромъ:

Мы никакъ не могли сговориться съ турецкими уполномоч[illegible]
ными касательно границъ Сербіи. Турки не хотятъ никакъ допу-
стить, чтобы Черногорія сдѣлалась пограничною съ Сербіе[illegible]

Далѣе уполномоченные телеграфировали 15-го вечеромъ:

[illegible]
особенности предложеннаго распространенія границъ Сербіи къ
р. Лиму. Очевидно, что хотятъ оттягивать переговоры. Предупре-
дите турокъ, что это кончится для нихъ весьма плачевно».

Въ этотъ день верховный визирь явился съ визитомъ въ Санъ-
Стефано [illegible]
и увѣреніяхъ въ искренности своей и въ желаніи [illegible]
[illegible]
[illegible]
Визирь употребилъ все свое вкрадчивое краснорѣчіе, чтобы [illegible]
[illegible]ѣлить въ глазахъ его высочества и увѣрить великаго князя,
что султанъ жаждетъ съ нимъ лично познакомиться, свидѣться и
сблизиться. При этомъ, сознавая, что могутъ возникнуть боль-
шія затрудненія въ способѣ отданія султаномъ главнокомандую-
щему визита, хитрый визирь старался подготовить почву и устра-
[illegible]
[illegible]аспространяясь о мнимомъ страхѣ султана выходить изъ огр[illegible]
своего дворца, о личныхъ опасностяхъ, ему угрожающихъ [illegible]
фанатичныхъ мусульманъ, приписывающихъ ему всѣ бѣдств[illegible]
[illegible]
дей за разъ, утверждая, что онъ стѣсняется говорить иначе, какъ
[illegible]

[illegible]
разговорѣ главнокомандующаго съ верховнымъ визиремъ, понян[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
прервалъ визиря и прекратилъ его разспросы о способѣ свидан[illegible]

султана съ великимъ княземъ замѣчаніемъ, что преждевременно толковать объ обмѣнѣ визитами и о церемоніалѣ, который будетъ установленъ, когда мирный договоръ еще не заключенъ и не подписанъ: мирныя отношенія еще не установлены между Россіею и Турціею, заключилъ Игнатьевъ, и, слѣдовательно, верховный визирь напрасно возбуждаетъ праздные вопросы тѣмъ болѣе, что касательно обмѣна визитовъ между султаномъ и нашими великими князьями уже существуютъ примѣры, отъ которыхъ нѣтъ причины уклоняться. Игнатьевъ напомнилъ верховному визирю, что во время его посольства Константинополь посѣщали нѣсколько разъ русскіе великіе князья и самъ Николай Николаевичъ и что при этомъ султанъ Абдулъ-Азисъ каждый разъ отдавалъ имъ визиты на русской почвѣ, т.-е. въ посольскихъ домахъ въ Перѣ и Буюкъ-дере и даже на частномъ пароходѣ русскаго общества пароходства и торговли, на которомъ плавалъ великій князь Алексѣй Александровичъ. Ахметъ-Вефикъ понялъ данный ему урокъ и тотчасъ перемѣнилъ разговоръ, утверждая, что договоръ будетъ скоро подписанъ, и умоляя уменьшить жестокія требованія наши.

Послѣ посѣщенія великаго князя визирь посѣтилъ Игнатьева въ занимаемомъ имъ домѣ, въ которомъ нашелъ еще собранными всѣхъ уполномоченныхъ, такъ какъ Игнатьевъ вышелъ изъ конференціи только для того, чтобы быть свидѣтелемъ разговора Ахметъ-Вефика съ главнокомандующимъ. Игнатьевъ воспользовался прибытіемъ визиря, чтобы сдѣлать очную ставку между нимъ и Савфетомъ, сказавъ послѣднему, въ присутствіи Ахметъ-Вефика, что онъ послѣдній далъ удостовѣреніе, что полное полномочіе дано представителямъ Порты на конференціи и что, слѣдовательно, затрудненія нынѣ должны быть немедленно устранены принятіемъ нашихъ требованій. Несмотря на свое благодушіе и обычную у турокъ податливость передъ верховнымъ визиремъ, въ особенности такимъ самовластнымъ, какъ Вефикъ, Савфетъ не могъ скрыть, даже въ присутствіи русскихъ уполномоченныхъ, своего раздраженія противъ Порты, въ виду расточаемыхъ намъ визиремъ увѣреній въ ея сговорчивости, тогда какъ медлили снабдить его положительнымъ разрѣшеніемъ подписать наши условія, принятыя имъ ad referendum, съ оговоркою, что они будутъ представлены на предварительное одобреніе Порты. Савфетъ усматривалъ въ этомъ двуличномъ поведеніи Вефика желаніе свалить лично на него исключительную отвѣтственность предъ мусульманскимъ міромъ за принятіе тягостныхъ для Турціи условій.

Дѣйствительно, поставленный лицомъ къ лицу съ Савфетомъ, Ахметъ-Вефикъ уклонялся отъ положительнаго утвердительнаго отвѣта на задаваемые вопросы и распространялся лишь въ жалобахъ на «жестокость» нашихъ настояній, на невозможность для Турціи платить требуемую контрибуцію и соглашаться на границы, кото-

рыя мы желаемъ дать Болгаріи и Сербіи. Въ заключеніе завязавшагося разговора визирь, наконецъ, формально обѣщалъ, что всѣ затрудненія будутъ устранены и что договоръ будетъ подписанъ чрезъ нѣсколько дней. Тутъ русскіе уполномоченные впервые заявили пашамъ, что самый послѣдній срокъ для подписанія мира истечетъ, несомнѣнно, 19-го февраля — въ день восшествія на престолъ государя. Игнатьеву показалось, по впечатлѣнію, произведенному на пашей этимъ заявленіемъ, и ихъ отзывамъ, что оно не было для нихъ неожиданностью и что они ожидали, что днемъ подписанія мирнаго договора будетъ назначено 19-е февраля. Это должно приписать болтливости чиновъ главной квартиры или ближайшей свиты великаго князя, знавшихъ, что его высочество не скрывалъ своего желанія, чтобы миръ былъ объявленъ на парадѣ, который предполагалъ сдѣлать 19-го февраля. Замѣчательно, что самыя большія затрудненія встрѣчены были русскими уполномоченными при опредѣленіи границъ не только Болгаріи, но и Черногоріи и въ особенности Сербіи, противъ которой турки были преимущественно озлоблены, считая, что бѣдствія, постигшія Турцію, произошли отъ вступленія въ борьбу Сербіи и вмѣшательства ея въ возстаніе герцеговинцевъ. Въ сопротивленіи своемъ увеличенію Черногоріи и Сербіи Порта была поддерживаема внушеніями Австро-Венгріи, заявлявшей не только Россіи, но и Турціи, что она не можетъ потерпѣть образованія въ своемъ сосѣдствѣ опаснаго для внутренняго спокойствія Венгріи сильнаго Сербскаго княжества. Такимъ образомъ, когда рѣчь шла о Черногоріи, турецкіе уполномоченные, согласно секретному внушенію и требованію Австро-Венгріи, ни за что не хотѣли допустить присоединенія къ Черногоріи морского побережья, чтобы не доставить княжеству выхода къ морю и порта.

Сверхъ того они долго не соглашались на уступку Подгорицы, для сохраненія обаянія Турціи между албанцами. Для Босніи и Герцеговины турецкіе уполномоченные пытались ограничить требуемую нами автономію введеніемъ реформъ, предложенныхъ Портою на константинопольской конференціи и затѣмъ упомянутыхъ въ лондонскомъ протоколѣ. Болгаріи турецкіе уполномоченные никакъ не хотѣли уступить Салоникъ и вообще дать выходъ княжеству на морское побережье. Относительно Сербіи сопротивленіе Порты было самое упорное и повело было къ полному разрыву переговоровъ. Въ особенности противились турецкіе уполномоченные территоріальному увеличенію Сербіи и вообще выказывали самое дурное расположеніе къ удовлетворенію Сербіи. Нельзя не замѣтить при этомъ, что тогда какъ требованія наши въ пользу Сербіи встрѣтили непреодолимое сопротивленіе Порты и не могли бы быть проведены безъ новаго разрыва съ турками и возобновленія военныхъ дѣйствій, добытое русскими упол-

[illegible] ... Австро-Венгріи, поддерживавшихъ упор[illegible] турокъ [illegible] между Россіею, Сербіею и Болгаріею, и не видя встрѣченнаго русскими уполномоченными сопротивленія въ Санъ-Стефано, предполагали, что Россія желаетъ[1] доставить Сербіи не меньшее приращеніе, чѣмъ Болгаріи, поэтому они обвиняли впослѣдствіи [illegible] главнымъ образомъ Игнатьева въ равнодушіи къ интересамъ нашихъ союзниковъ-сербовъ и въ предпочтеніи, оказанномъ якобы болгарамъ, тогда какъ изъ-за Сербіи Игнатьевъ едва было не прекратилъ совершенно переговоровъ съ турками, отказавшись отъ добытыхъ уже результатовъ. Сербы забывали, что конференція константинопольская была созвана по почину Англіи, не для сербскихъ дѣлъ, а именно для устройства Болгаріи, что русскому послу въ Константинополѣ съ величайшимъ трудомъ удалось ввести на конференціи въ обсужденіе дѣла черногорскихъ и сербскихъ, что Австро-Венгрія ревниво ограждала свои интересы въ сербскихъ земляхъ въ ущербъ Черногоріи и Сербіи, что манифестомъ государя, передъ переходомъ черезъ Дунай, было объявлено освобожденіе болгаръ отъ турецкаго ига, а не сербовъ, которые тогда и не участвовали въ военныхъ дѣйствіяхъ, и, наконецъ, что [illegible] военныя дѣйствія Милана, [illegible] свои войска не туда, куда слѣдовало, и не занявшаго Старой Сербіи, лишали русскихъ уполномоченныхъ возможности опереться, въ переговорахъ съ турками, на совершившіеся факты въ пользу Сербіи. Главное затрудненіе, встрѣченное русскими уполномоченными при переговорахъ о Сербіи, произошло оттого, что при заключеніи перемирія въ Адріанополѣ въ протоколѣ основаній мира было [illegible] неудовлетворительное и не соотвѣтствующее дѣйствительнымъ намѣреніямъ императорскаго правительства выраженіе: «исправленіе границъ Сербіи». Это выраженіе было употреблено въ первоначальномъ проектѣ, составленномъ въ Порадимѣ, прежде перехода нашего черезъ Балканы и выступленія сербскихъ войскъ за границы Сербскаго княжества. Очевидно, что съ открытіемъ военныхъ [illegible] послѣ взятія ими Ниша и [illegible] турецкой территоріи, а равно и побѣдоноснаго движенія

---

[1] [illegible] съ Австро-Венгріею [illegible] графа Андраши [illegible] Австро-Венгріи [illegible] сербскаго княжества, могущаго вліять на австрійскихъ сербовъ, такъ велика, что [illegible]

[illegible] армію до Адріанополя [illegible] были [illegible] нашихъ союзниковъ [illegible] главная квартира въ Санъ-Стефано, потеряла [illegible] несомнѣнно, [illegible] крупную и непоправимую ошибку, [illegible] рѣчь не увеличеніи Сербіи, а лишь исправленіи границъ. Турки не преминули симъ воспользоваться и, опираясь на тайную поддержку Австро-Венгріи и извѣстное Портѣ рѣшеніе [illegible] образованія Великой Сербіи, [illegible] съ Россіею, упорно противились увеличенію Сербскаго княжества. Разъ, что непосредственная опасность, вызывавшая уступку [illegible] и что союзныя войска, распространявшіяся [illegible] владѣніямъ въ видѣ неудержимаго и всесокрушающаго потока, были остановлены въ своемъ [illegible] наступленіи, турки уже не сознавали надобности уступать болѣе, нежели они были вынуждены согласиться въ минуту чрезвычайной опасности, казавшейся неотвратимою. Турецкіе уполномоченные постоянно ссылались на выраженіе адріанопольскаго протокола, чтобы отклонить предложенія о распространеніи владѣній княжества по Старой Сербіи.

Вотъ что доносилъ Игнатьевъ канцлеру (№ 15). „Въ теченіе нѣсколькихъ дней мы спорили съ Савфетомъ и Саадуллахъ-беемъ по поводу толкованія, нами придаваемаго неудачной статьѣ адріанопольскаго протокола о Сербіи. Турецкіе уполномоченные горячо отказываютъ въ территоріальномъ увеличеніи княжества, утверждая, что рѣчь можетъ быть лишь о незначительномъ исправленіи существующихъ границъ. Не стану утруждать Ваше Сіятельство изложеніемъ препирательствъ горячихъ и рѣзкихъ обвиненій, взводимыхъ уполномоченными султана на вассальное княжество, поступившее съ Турціею по мнѣнію ихъ нечестно и измѣнически. Такъ какъ я требовалъ уступки сербамъ Новаго Базара, то они объявили мнѣ, что нельзя принудить турецкія войска очистить Новый Базаръ и нѣсколько другихъ укрѣпленныхъ пунктовъ, которые не были заняты сербскими войсками, что они согласились передать побѣдоноснымъ русскимъ войскамъ нѣсколько важныхъ крѣпостей, но что народная гордость не дозволяетъ имъ отступить передъ сербами, которые были *спасены* въ 1876 году отъ справедливаго наказанія, ими вполнѣ заслуженнаго, единственно русскимъ ультиматумомъ, *спасшимъ* Сербію отъ гибели. Я заставилъ турецкихъ уполномоченныхъ оставить воспоминанія о прошломъ и вернуться на почву практическаго разрѣшенія настоящаго. Уполномоченные заявили мнѣ тогда самымъ категорическимъ образомъ, что они находятся въ совершенной невозможности принять представленный мною проектъ разграниченія, такъ какъ владѣнія черногорскія и сербскія до того сблизятся между собою, что Боснія и Герцеговина будутъ совершенно отдѣ-

лены отъ остальной Оттоманской имперіи. Чтобы устранить это затрудненіе, я былъ вынужденъ предложить туркамъ сохранить военную дорогу черезъ мѣстность, уступаемую Сербіи, для безпрепятственнаго сообщенія Константинополя съ Босніею и Герцеговиною. Но турки отвергли и это предложеніе, заявивъ при томъ, что имъ невозможно уступить, согласно нашему требованію, Сербіи Митровицу — головной пунктъ желѣзной дороги, ведущей въ Салоники и Новый-Базаръ — стратегическій ключъ всей Босніи.

Очевидно было, что упорство турокъ основано было преимущественно на внушеніяхъ Австро-Венгріи, давно мѣтившей на захватъ ключа къ Босніи и желѣзнаго пути на Салоники и убѣдившей турокъ, что они, противясь уступкѣ этихъ пунктовъ Сербіи, могутъ смѣло разсчитывать на поддержку вѣнскаго кабинета. Въ то же время турецкіе уполномоченные настаивали на включеніи въ договоръ обезпеченія для мусульманскаго населенія, обитающаго въ мѣстности, присоединяемой къ княжеству, желая сохранить такимъ образомъ возможность продолженія вліянія Порты на внутреннія дѣла княжества и явить доказательство предъ мусульманскимъ міромъ заботливости султана о своихъ единовѣрцахъ.

Исчерпавъ всѣ усилія, чтобы убѣдить турецкихъ уполномоченныхъ принять нашъ первоначальный проектъ, и убѣдившись въ совершенной невозможности пріобрѣсти для Сербіи то увеличеніе территоріи, которое было Игнатьевымъ предположено, русскіе уполномоченные, воспользовавшись прибытіемъ Боголюбова, провели ночь въ составленіи новаго проекта разграниченія, по которому прирѣзка Сербіи была значительно уменьшена и во владѣніи Турціи оставлена между будущими границами Черногоріи и Сербіи полоса земли, шириною отъ пятнадцати до двадцати пяти верстъ, по направленію отъ Митровицы къ Сараеву, для обезпеченія военнаго сообщенія между Босніею и столицею. Правда, что полоса эта окружена во многихъ пунктахъ командующими высотами, предназначаемыми частью Черногоріи и частью Сербіи, такъ что сербскія княжества господствовали бы надъ турецкимъ путемъ сообщенія и имѣли бы полную возможность со временемъ подготовить отпаденіе Босніи и Герцеговины отъ Оттоманской имперіи. Одно препятствіе могло помѣшать осуществленію завѣтныхъ сербскихъ надеждъ, это вмѣшательство Австро-Венгріи, давно не спускающей глазъ съ этихъ областей, которыя она считаетъ тыломъ (Hinterländer) Далмаціи. То, что пришлось отнять къ сторонѣ Сѣнницы и Новаго-Базара, было возмѣщено русскими уполномоченными въ новомъ проектѣ мѣстностью въ долинѣ рѣки Моравы и участкомъ, предназначавшимся первоначально Болгаріи, но въ которыхъ обитаетъ смѣшанное населеніе, состоящее изъ болгаръ, сербовъ и отчасти албанцевъ.

Когда на другой день русскіе уполномоченные предъявили новое свое предположеніе турецкимъ уполномоченнымъ, то, по настоянію сихъ послѣднихъ, пришлось опять сдѣлать нѣсколько измѣненій, но затѣмъ Игнатьевъ заявилъ, что больше никакой уступки не сдѣлаетъ и что это послѣднее его слово.

Турки льстили еще себя надеждою сохранить въ своемъ непосредственномъ владѣніи Боснію и Герцеговину, не предвидя, что старый ихъ союзникъ Австро-Венгрія, ободрявшая ихъ въ противодѣйствіи Россіи, не участвовавшая въ войнѣ и не имѣвшая никакого *законнаго* основанія для завладѣнія турецко-сербскими областями, захочетъ ихъ захватить предательскимъ образомъ.

Главная причина, рѣшившая Игнатьева измѣнить очертаніе предположенныхъ къ сторонѣ р. Лима и въ Старой Сербіи границъ Черногоріи и Сербіи и образовать между ними промежуточную турецкую полосу, было намѣреніе употребить всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы воспрепятствовать захвату Босніи и Герцеговины Австро-Венгріею. Такъ какъ въ соглашеніи, существовавшемъ между Петербургомъ и Вѣною, формально обусловленномъ въ договорѣ 3-го января 1877 года, предвидѣлись только два случая занятія австрійцами означенныхъ двухъ сербско-турецкихъ областей: 1) взятіе русскими Константинополя и 2) если Сербія сдѣлается пограничною съ Черногоріею и султанская власть, такимъ образомъ, фактически, по выраженію графа Андраши, исчезнетъ въ Босніи и Герцеговинѣ, отдѣленныхъ сербскими владѣніями отъ Оттоманской имперіи, то, сохраняя турецкую полосу владѣнія, отдѣляющую Черногорію отъ Сербіи, мы лишали Австро-Венгрію выставленнаго ею повода къ занятію Босніи и Герцеговины [1]. Графъ Андраши возненавидѣлъ Игнатьева и вознегодовалъ на него именно потому, что русскій уполномоченный провелъ въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ какъ разъ то, что единственно и не было предположено и предвидѣно въ вѣнскомъ договорѣ, въ которомъ графъ Андраши озаботился, какъ ему казалось, предусмотрѣть всѣ случайности результатовъ предстоявшей войны между Россіею и Турціею, не исключая даже полнаго распаденія Оттоманской имперіи и взятія Россіею Константинополя. Обличенный въ недостаточной предусмотрительности, графъ Андраши не могъ, на основаніи Санъ-Стефанскаго договора, требовать для Австро-Венгріи права вступить въ Боснію и Герцеговину, ибо связь между ними и Константинополемъ не нарушалась и сообщеніе сухопутное было сохранено, а потому онъ озлился до чрезвычайности на этот

[1]) Странное притязаніе [illegible]

[illegible] договора [illegible] въ противорѣчіи къ за-[illegible] правамъ и интересамъ Австро-Венгріи[1].

[illegible] посланный княземъ Миланомъ въ главную квартиру командующій моравскимъ корпусомъ полковникъ Лешанинъ съ письмами сербскаго князя къ главнокомандующему и Игнатьеву, для представительства сербскихъ интересовъ при переговорахъ съ турками, опоздалъ прибытіемъ своимъ въ Адріанополь. Онъ туда прибылъ далеко послѣ главной квартиры и когда проектъ договорныхъ условій, касающихся Сербіи, вмѣстѣ съ очеркомъ предположенной границы уже былъ переданъ турецкимъ уполномоченнымъ. Въ письмѣ своемъ князь Миланъ горячо настаивалъ на необходимости присоединить къ Сербіи весь Коссовскій вилайетъ, включая Призрѣнъ, Приштину и проч., и протестовалъ противъ присоединенія къ Болгаріи гор. Ниша и ближайшей къ нему мѣстности. Оказалось изъ объясненій Лешанина, что сербы стремились присоединить къ княжеству всѣ пограничные болгарскіе участки къ сторонѣ Виддина, Софіи, Враньи и Куманова. Князь Миланъ писалъ Игнатьеву, что, по убѣжденію сербовъ, все, что ими было занято къ сторонѣ Болгаріи, въ тылу нашихъ войскъ, должно остаться за княжествомъ, «которое не намѣрено служить болгарскимъ интересамъ». Полковникъ Лешанинъ развивалъ пространно ту же мысль, въ которой отражались соперничество и зависть, всегда существовавшія, къ сожалѣнію, между сербами и болгарами; враждебное чувство это между соплеменниками не исчезло ни среди несчастій, совмѣстно претерпѣнныхъ, ни среди торжества побѣдъ, обезпечивающихъ будущее существованіе Сербіи и Болгаріи, которыя должны бы жить въ мирѣ и искренней дружбѣ, чтобы имѣть возможность противостать иноплеменнымъ врагамъ, ихъ окружающимъ.

Игнатьевъ писалъ 14-го февраля (№ 12) канцлеру: «Я объяснилъ посланному князя Милана ходъ переговоровъ, дѣйствительное положеніе дѣлъ и развитіе, приданное мною по возможности выраженію: «исправленіе границъ Сербіи», которое, въ дѣйствительности, имѣло весьма ограничительное значеніе, но должно было обязательно служить единственнымъ основаніемъ для нашихъ требованій. Я старался ему растолковать, что мы въ настоящее время уже не въ состояніи осуществить всѣ вожделѣнія сербовъ, ни поддержать требованій присоединенія къ княжеству всего обширнаго Коссовскаго вилайета, который и не занятъ ни сербскими, ни нашими войсками. Такъ какъ теперь нѣтъ рѣчи о распаденіи Оттоманской имперіи, то можно добиваться лишь территоріальнаго вознагражденія за жертвы, понесенныя Сербіей лишь въ войнѣ нынѣшняго года, и признанія Портою ея совершенной не-

[1] Ср. [illegible]

зависимости, т.-е. выключенія Сербіи изъ состава Оттоманской имперіи и изъ числа вассальныхъ владѣній. Такимъ образомъ сдѣланъ будетъ первый и значительный шагъ для созданія въ будущемъ «Великой Сербіи», осуществленіе которой я, съ своей стороны, желалъ бы видѣть впослѣдствіи. Но надо дать время княжеству сплотиться съ тѣми землями, которыя теперь къ нему присоединяются, и подготовиться систематически, обдуманно къ дальнѣйшему распространенію границъ Сербіи воздѣйствіемъ на албанское населеніе, захватившее всю южную часть Старой Сербіи и подвинувшееся на сѣверъ, даже къ предѣламъ княжества».

Въ этомъ отношеніи сербы были крайне непредусмотрительны и пренебрегли совѣтами, которые давалъ Игнатьевъ, въ томъ же смыслѣ, еще князю Михаилу. Русскій посолъ не разъ напоминалъ сербскимъ агентамъ въ Константинополѣ о необходимости привязать къ Сербіи мусульманъ Босніи, Герцеговины и албанцевъ Старой Сербіи, стараясь прекратить раздоры религіозные и взаимную вражду мѣстныхъ партій. Игнатьевъ, конечно, не ожидалъ, что на Берлинскомъ конгрессѣ будутъ преслѣдовать совершенно иную цѣль, чѣмъ полная независимость Сербіи, возложивъ на княжество обязательства финансовыя, торговыя и судебныя, чтобы облегчить Австро-Венгріи достиженіе всегдашней цѣли ея политики: поставить Сербію въ матеріальную и политическую отъ себя зависимость. Императорское правительство,—говорилъ Игнатьевъ Лешанину (донесеніе № 12),—всегда неизмѣнно отечески покровительствовало княжеству и никогда не предастъ забвенію дѣйствительные интересы сербскаго населенія [1]). Что же касается мѣстностей, оспариваемыхъ сербами у болгаръ, то окончательная развязка этого спорнаго вопроса можетъ быть сдѣлана только впослѣдствіи, миролюбивымъ соглашеніемъ между обѣими сторонами, подъ руководствомъ Россіи. Это распря семейная, въ которую не слѣдовало мѣшать ни турокъ, ни европейцевъ. Трудно было присоединить къ Сербіи эти пограничные участки въ нашемъ до-

[1]) Въ 1879 году сербы (Ристичъ, Бѣло-Марковичъ и друг.), ссылаясь на эти искреннія завѣренія Игнатьева, съ горечью передавали ему, что, основываясь на этихъ вѣковыхъ преданіяхъ, явились они къ нашимъ уполномоченнымъ въ Берлинѣ, при началѣ конгресса, отдавая себя въ ихъ распоряженіе, прося указаній и увеличенія Сербіи или къ сторонѣ Старой Сербіи, или пограничными участками Болгаріи. Принятые съ холодною надменностью, они получили отвѣтъ, что наши уполномоченные не имѣютъ ничего сообщить и ни указать имъ. А графъ Шуваловъ добавилъ къ сему совѣтъ отправиться къ графу Андраши, такъ какъ отнынѣ будущность маленькой Сербіи зависитъ вполнѣ отъ Австро-Венгріи, и потому онъ даетъ Ристичу дружескій совѣтъ сговориться съ графомъ Андраши и удовлетворить его, чтобы заручиться его поддержкою. Это было отрицаніе всѣхъ нашихъ политическихъ преданій и отказъ отъ историческихъ завѣтовъ Россіи. Передавая это, Ристичъ замѣтилъ, что если русскіе уполномоченные и были не въ состояніи что-нибудь для Сербіи сдѣлать, то не слѣдовало имъ открыто бросать Сербію на произволъ Австро-Венгріи. Авт.

говоръ съ турками потому, что мы, такимъ образомъ, должны бы значительно уклониться, въ ущербъ княжества Болгарскому, отъ границъ, предначертанныхъ константинопольскою конференціею болгарскому племени [1]), что создало бы опасный прецедентъ для всевозможныхъ требованій. Мы, впрочемъ, уже предъявили туркамъ очертаніе новой граничной линіи для Сербіи, и намъ было бы затруднительно заявлять еще большія требованія въ ту минуту, когда заявленныя нами уже уступки Сербіи считаются турками громадными, несоразмѣрными и противными ихъ военной чести».

Чего сербы не хотѣли понять и чего не могли понять тѣ, которые впослѣдствіи критиковали постановленія Санъ-Стефанскаго договора относительно границъ Болгаріи, это то, что при заключеніи договора съ турками русскимъ уполномоченнымъ надо было имѣть въ виду, а именно: Порта скорѣе могла согласиться на уступку территоріи вассальному княжеству, не выходящему изъ состава имперіи, чѣмъ независимой Сербіи, на которую была обращена вся злоба турокъ, какъ на виновницу всѣхъ золъ, обрушившихся на османлисовъ. «Если бы Сербія не взбунтовалась,—говорили турки,—въ 1876 году и не начала войны, то и разрыва съ Россіею не послѣдовало бы».

Чтобы успокоить и убѣдить полковника Лешанина, писалъ канцлеру Игнатьевъ,—я ему сообщилъ всѣ статистическія и этнографическія данныя, у насъ имѣющіяся о спорныхъ мѣстностяхъ, чтобы доказать ему, что въ тѣхъ земельныхъ участкахъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ письмѣ князя Милана, большинство населенія признаетъ себя болгарами и входило въ составъ экзархата болгарскаго и потому заявленіе князя Милана, что оные исторически и этнографически совершенно принадлежали Сербіи, могло бы быть оспариваемо».

Игнатьевъ оканчивалъ свое письмо канцлеру слѣдующимъ образомъ: «Вполнѣ даю себѣ отчетъ въ тѣхъ затрудненіяхъ, которыя испытаемъ мы и оба славянскихъ княжества при разрѣшеніи этого щекотливаго вопроса, который будетъ еще долго служить яблокомъ раздора между нашими единоплеменниками».

---

[1]) Внѣшнее очертаніе Болгаріи, раздѣленной на двѣ области подобно тому, какъ сдѣлано было съ Румыніей въ 1856 году, было тщательно проведено на картѣ и обозначено въ текстѣ требованій, предъявленныхъ Портѣ представителями великихъ державъ. Нельзя было отрицать, что русское правительство, опираясь въ своихъ предложеніяхъ на этомъ фактѣ, дозволило уменьшить Болгарію послѣ кровопролитной войны и Адріанопольскаго протокола, въ которомъ было оговорено, что Болгарія не будетъ меньше той, которая предполагалась конференціею. Наше дипломатическое положеніе передъ Европою на конгрессѣ было бы ослаблено и мы потеряли бы твердую почву въ созданіи Болгаріи, если бы произвольно, съ глазу на глазъ съ турками, расчленили бы Болгарію, которую намъ было такъ трудно провести на Константинопольской конференціи, въ согласіи со всею Европою. Авт.

Русскій уполномоченный имѣлъ въ виду, что, при создавшихся обстоятельствахъ, всего важнѣе было заставить Порту уступить создаваемой Болгаріи какъ можно большее пространство, обитаемое христіанскимъ населеніемъ, чтобы избавить его отъ турецкаго ига, согласно обѣщанію царскаго манифеста, предоставляя будущимъ заботамъ нашимъ произвести основательное и этнографически справедливое для всѣхъ единовѣрныхъ съ нами народностей разграниченіе не только между болгарами и сербами, но и съ греками, обитающими въ нѣкоторыхъ приморскихъ частяхъ Македоніи. Это разграниченіе можетъ быть произведено только исподволь на мѣстѣ и потребуетъ безпристрастнаго и глубокаго изученія лишь смѣшанною комиссіею, состоящею изъ делегатовъ всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ, подъ предсѣдательствомъ и высшимъ руководствомъ русскаго комиссара, который одинъ можетъ, и то съ трудомъ, примирить народныя страсти.

Сейчасъ послѣ войны и при возбужденныхъ чрезмѣрныхъ надеждахъ всѣхъ народностей на Балканскомъ полуостровѣ, невозможно, по мнѣнію русскаго уполномоченнаго, изыскать такое разрѣшеніе племенныхъ соискательствъ, которое удовлетворило бы всѣ противоположныя домогательства двухъ славянскихъ племенъ и соперничествующихъ грековъ и покончило бы миролюбиво ихъ споры объ обладаніи тою или другою мѣстностью, въ особенности въ Македоніи.

«Наше будущее вліяніе на оба славянскія государства должно быть направлено къ тому, чтобы сгладить шероховатости и облегчить сближеніе противоположныхъ интересовъ», писалъ Игнатьевъ канцлеру. Дѣйствительно, вліяніе Россіи, примѣненное въ этомъ направленіи, могло бы быть благотворно, и наши единовѣрцы сознали бы необходимость и пользу онаго. Утвердивши прочно свое нравственное значеніе среди христіанскаго населенія Балканскаго полуострова, Россія, по мысли Игнатьева, могла постепенно подготовить созданіе оборонительнаго Восточнаго союза, подъ своимъ руководствомъ и главенствомъ, въ противовѣсъ нѣмецко-мадьярскому стремленію къ захвату и уничтоженію самобытной самостоятельности нашихъ единоплеменниковъ. Осуществленіе этой мысли составляло конечную цѣль политическихъ дѣйствій Игнатьева въ Константинополѣ. Интересы какъ Черногоріи, Сербіи, Болгаріи, Румыніи и Греціи, такъ и Россіи были бы обезпечены оборонительнымъ союзомъ, который охранялъ бы взаимную ихъ безопасность отъ наступательныхъ поползновеній враждебной намъ европейской политики [1].

---

[1] При соглашеніи съ Франціею, о которомъ всегда заботился Игнатьевъ, миръ въ Европѣ былъ бы надолго обезпеченъ и Россія пріобрѣла бы безспорное первенствующее значеніе при рѣшеніи міровыхъ задачъ, а положеніе наше на Черноморскомъ

Оттоманскіе уполномоченные съ самаго начала переговоровъ и до конца до того были предубѣждены и озлоблены противъ сербовъ, что, теряя изъ виду странность и неумѣстность, съ ихъ стороны, упрека сербамъ, что они запоздали открытіемъ военныхъ дѣйствій въ 1877 году, всячески старались уменьшить рвеніе русскихъ уполномоченныхъ къ защитѣ интересовъ княжества и выставляли для сего мнимое «коварство» Сербіи, которая, несмотря на то, что была облагодѣтельствована Россіею, колебалась вступить въ борьбу въ первый періодъ кампаніи, когда положеніе русскихъ войскъ было затруднительное, и рѣшилась предпринять военныя дѣйствія и перейти границу только тогда, когда сдѣлалась очевидною невозможность для Турціи сопротивляться нашему наступленію. «Мы простили бы,—говорили турки,—Сербіи патріотическое увлеченіе, безразсудный порывъ отваги, но отказываемся вознаградить ее за вѣроломное нашествіе, хладнокровно разсчитанное на безопасность».

Такъ какъ турецкіе уполномоченные упорно стояли на своемъ, напирая въ своихъ отвѣтахъ на предложенія русскихъ уполномоченныхъ, главнѣйше на невозможность уступить Сербіи укрѣпленные города, какъ Новый-Базаръ, Сѣницу и Митровицу, и отдать часть существующаго желѣзнаго пути между Митровицами и Салониками, приписывая всеи этои мѣстности громадное стратегическое значеніе, то явно было, что ихъ поддерживали въ ихъ противодѣйствіи внушенія Австро-Венгріи. Такъ какъ Игнатьева озабочивало преимущественно опасеніе создать благопріятную почву на Балканскомъ полуостровѣ для традиціонной враждебной намъ политики Австро-Венгріи, которая могла бы легко привлечь не только Турцію, но и Англію къ союзу для охраны общаго ихъ интереса противъ нашего намѣренія выдѣлить Боснію и Герцеговину изъ Турецкой имперіи, предоставивъ участь этихъ областей въ будущемъ на произволъ Сербіи и Черногоріи, то это опасеніе побудило русскаго уполномоченнаго отказаться отъ первоначальныхъ своихъ предложеній, смягчить ихъ и предложить новое очертаніе границъ, дозволяющее туркамъ сохранить непосредственное, хотя и стѣсненное сухопутное сообщеніе между Константинополемъ и Босніею. Если это отчасти удовлетворяло Порту, то оно было неблагопріятно для Австро-Венгріи, заставивъ графа Андраши раскрыть свою заднюю

бассейнѣ, съ свободнымъ проходомъ флота въ Средиземное море, было бы вполнѣ умѣстно. Не могъ предвидѣть патріотически настроенный дѣятель, что послѣ кровопролитной и побѣдоносной войны, понесенныхъ долголѣтнихъ трудовъ и громадныхъ жертвъ, министерство иностранныхъ дѣлъ хладнокровно и беззаботно предастъ созданныя кровью русскихъ воиновъ единовѣрныя государства на Балканскомъ полуостровѣ въ руки Австро-Венгріи, поддержанной Германіею и Англіею, и предоставитъ этимъ державамъ водворить враждебную намъ политику и безжалостно экономически эксплоатировать населеніе, уродуя его нравственно. Авт.

мысль, прикрытую дотолѣ въ глазахъ равнодушной Европы и недогадливой Порты заботою о благосостоянiи населенiя пограничныхъ съ Далмацiею турецкихъ владѣнiй.

XIV.

Пребыванiе въ Санъ-Стефано облегчало русскимъ уполномоченнымъ сношенiя съ Портою и способы воздѣйствiя на ея сановниковъ, которыми пользоваться изъ Адрiанополя не было возможности. Оживившiяся сношенiя съ Константинополемъ увеличили значительно труды Игнатьева; сверхъ ежедневныхъ двухъ конференцiй, продолжавшихся не менѣе шести часовъ, и частныхъ свиданiй съ турецкими уполномоченными и чиновниками, онъ былъ цѣлый день осаждаемъ посѣтителями, прiѣзжавшими во множествѣ изъ Константинополя. Знакомые туземцы всѣхъ народностей, кто только могъ что-либо ожидать для себя лично или надѣяться для своихъ земляковъ отъ хода переговоровъ, представители различныхъ народностей и вѣроисповѣданiи явились въ Санъ-Стефано, въ ожиданiи измѣненiя своего положенiя къ лучшему и для того, чтобы изложить свои притязанiя, надежды и жалобы и сдѣлать внушенiе послу для будущаго. Всѣ эти люди старались сблизиться съ представителемъ Россiи, въ наивной увѣренности, что онъ останется въ Константинополѣ послѣ войны и будетъ, уже неоспоримо, еще несравненно болѣе прежняго, влiять на Порту и на султана, который не забудетъ, что отъ Россiи зависѣло выгнать его въ Азiю, или сохранить его на оттоманскомъ престолѣ и на берегахъ Босфора [1]).

Корреспонденты европейскихъ газетъ, слѣдовавшiе за армiею и присланные спецiально въ Константинополь, агенты Порты и различныхъ посольствъ сновали постоянно около дома, въ которомъ жилъ Игнатьевъ и гдѣ происходили конференцiи. Русскiе уполномоченные ощущали большое неудобство отъ этого осаднаго положенiя, но Игнатьевъ не могъ уклониться вполнѣ отъ прiема различныхъ лицъ, могущихъ доставить ему свѣдѣнiя о положенiи дѣлъ въ Стамбулѣ, о настроенiи жителей и объ интригахъ посольствъ, а равно средство контролировать отчасти дѣйствiя турецкихъ властей и ихъ европейскихъ совѣтниковъ. Вотъ что писалъ Игнатьевъ объ этомъ канцлеру (14-го февраля), чтобы предостеречь его относи-

[1]) Никто изъ туземцевъ не ожидалъ, что тотчасъ по заключенiи мира Россiя добровольно, въ угоду своимъ противникамъ и вслѣдствiе личныхъ интригъ, откажется отъ выгоднаго положенiя, прiобрѣтеннаго ею, благодаря дѣятельности прежняго представителя на Босфорѣ, и согласится удалить его, да еще по иницiативѣ главнокомандующаго. Оказалось, что личное значенiе Игнатьева въ Константинополѣ стѣсняло главную квартиру и нѣкоторыхъ, желавшихъ извлечь выгоду личную, не обращая вниманiя на существенную пользу русской политики. Авт.

тельно фальшивыхъ извѣстій, сообщаемыхъ изъ Константинополя въ Европу кабинетамъ и въ особенности въ газеты:

Константинопольская публика, весьма естественно, старается всячески уловить свѣдѣнія о ходѣ переговоровъ, происходящихъ въ Санъ-Стефано. Совмѣстно съ Ахметъ-Вефикомъ посольства англійское и австро-венгерское пользуются общимъ любопытствомъ и напряженностью общественнаго вниманія, чтобы подъ рукою распространять по городу извѣстія о нашихъ требованіяхъ, предъявленныхъ Савфету и Портѣ двѣ недѣли тому назадъ, преувеличивая ихъ тягость и жестокость и стараясь придать имъ характеръ враждебныи разнороднымъ интересамъ, сталкивающимся на константинопольской почвѣ. Такимъ образомъ распространяютъ въ публикѣ перской [1]) и въ населеніи константинопольскомъ слухи, приближающіеся болѣе или менѣе къ правдѣ, но которые были всегда умышленно преувеличены. Печать мѣстная воспроизводитъ эти слухи, а корреспонденты иностранныхъ газетъ передаютъ ихъ по телеграфу, какъ извѣстія, полученныя изъ вѣрныхъ источниковъ. Не только оттоманская столица, но и Европа занимаются разборомъ животрепещущихъ вѣстей о происходящихъ переговорахъ, тогда какъ Савфетъ и я, мы взаимно обязались сохранить полнѣйшую тайну нашихъ работъ.

«На замѣчанія, сдѣланныя мною по этому случаю турецкимъ уполномоченнымъ, они отвѣтили, что еще болѣе меня негодуютъ на эти нескромности, тѣмъ болѣе, что оныя ставятъ ихъ въ столь же фальшивое положеніе въ отношеніи ко мнѣ, сколько и въ трудное въ Стамбулѣ, вслѣдствіе возбужденнаго со всѣхъ сторонъ противъ уполномоченныхъ неудовольствія. Савфетъ не отвергалъ, что распространенные слухи не могли имѣть другого источника, какъ тѣ донесенія, которыя онъ послалъ верховному визирю изъ Адріанополя, несмотря на убѣдительную просьбу, съ которою онъ обратился къ Ахметъ-Вефику, сохранять въ совершенной тайнѣ все, что касается нашихъ переговоровъ. Онъ обѣщался возобновить эту просьбу, но предупредилъ меня, что не надѣется на успѣхъ стараній нашихъ положить конецъ нескромностямъ и слухамъ, потому что въ большомъ совѣтѣ министровъ, въ которомъ разсматриваются такого рода вопросы, какъ тѣ, которые возбуждены нашими требованіями, засѣдаютъ до 42 сановниковъ, за сдержанность которыхъ ручаться нельзя. Я долженъ, къ сожалѣнію, замѣтить, что вновь назначенный французскій посолъ въ Константинополѣ Фурнье (бывшій совѣтникомъ французскаго посольства въ Петербургѣ) [2]), совсѣмъ

---

[1]) Т. е. среди европейской публики квартала «Пера» въ Константинополѣ.
А. Б.

[2]) Фурнье, человѣкъ образованный, любезный, сильно былъ обласканъ въ петербургскомъ обществѣ во время своего долгаго пребыванія въ Россіи. Игнатьевъ его

незнакомый съ мѣстными условіями, попалъ тотчасъ подъ вліяніе посольствъ англійскаго и австро-венгерскаго и потому поддается враждебнымъ намъ внушеніямъ, принимая на вѣру распространяемые ложные слухи. Хотя онъ гласно и утверждаетъ, что правительство его не намѣрено офиціально вмѣшиваться въ нынѣшнія усложненія, но не стѣсняется громко выражать, что требованія наши чрезмѣрны и несравненно тягостнѣе для Турціи въ особенности въ финансовомъ отношеніи — нежели требованія, предъявленныя Франціи побѣдоносною Германіею въ 1871 году [1])».

Игнатьевъ, привыкшій встрѣчать, въ особенности въ 1870 году, доброе расположеніе со стороны французскихъ пословъ и всегда поддерживавшій хорошія отношенія съ французскими агентами на Дальнемъ и Европейскомъ Востокѣ, приписывалъ это поведеніе Фурнье его неопытности въ восточной обстановкѣ, окружающей посольство въ Константинополѣ, совершенному невѣдѣнію свойствъ всегдашнихъ интригъ агентовъ англійскаго и австро-венгерскаго правительствъ въ Турціи и желанію расположить къ себѣ лично съ первой минуты начала своей дѣятельности на новомъ посту турецкихъ сановниковъ и перскую публику. А потому, желая тотчасъ же прекратить источникъ недоразумѣній въ будущемъ, могущихъ повліять на отношенія Россіи и Франціи, которыя онъ всегда старался улучшить, уничтоживъ безцѣльное и вредное для обѣихъ сторонъ соперничество, укоренившееся въ Турціи, счелъ долгомъ предупредить канцлера о странномъ поведеніи французскаго представителя въ вопросѣ, не затрагивающемъ никакого дѣйствительно французскаго интереса. Въ то же время Игнатьевъ телеграфировалъ князю Орлову, 15-го февраля, въ Парижъ, слѣдующее:

«Мнѣ извѣстно, что Фурнье волнуется противъ насъ и подзигаетъ турокъ и графа Зичи противъ мнимыхъ нашихъ требованій, обзываемыхъ имъ чрезвычайными, о которыхъ онъ не можетъ быть освѣдомленъ удовлетворительно. Нѣтъ ли возможности вывести его на правильный путь?»

Отвѣта отъ князя Орлова по телеграфу Игнатьевъ не получилъ, и ему было неизвѣстно, сдѣлало ли наше парижское по-

---

часто встрѣчался съ графомъ [illegible] въ началѣ [illegible] годовъ. Затѣмъ онъ былъ посланникомъ въ Швеціи. Игнатьевъ [illegible] поведеніе Фурнье въ Константинополѣ, что считалъ его [illegible] расположеннымъ къ Россіи.

Авт.

[1]) До чего невѣрно было сравненіе г. Фурнье, видно изъ того, что Франція [illegible] въ дѣйствительности пять милліардовъ франковъ, а турки [illegible] ничего не [illegible]тили единовременно, и уменьшенная Россіею до-нельзя сумма денежнаго вознагражденія выплачивается съ задержками [illegible]. Даже [illegible] и то съ [illegible].

Авт.

сольство попытку указать г. Фурнье болѣе соотвѣтствующій интересамъ обоихъ государствъ образъ дѣйствій въ Турціи.

Въ то же время Игнатьевъ объяснился дружескимъ образомъ съ французскимъ военнымъ агентомъ, состоявшимъ при главнокомандующемъ, симпатичнымъ, доброжелательнымъ и умнымъ полковникомъ Гальяромъ, по поводу поведенія г. Фурнье, замѣтивъ, что объясняетъ его лишь совершеннымъ незнаніемъ мѣстныхъ интригъ и обстоятельствъ, а равно новизною восточной обстановки для человѣка, проведшаго всю свою жизнь въ Европѣ.

Гальяръ съѣздилъ въ Перу къ французскому послу и передалъ ему поклонъ Игнатьева. Съ этого времени Фурнье сталъ сдержаннѣе.

Когда повѣренный въ дѣлахъ Греціи въ Петербургѣ заявилъ канцлеру, что король Георгъ послѣдовалъ совѣту державъ и, въ виду прекращенія нашихъ военныхъ дѣйствій, повелѣлъ греческимъ отрядамъ, перешедшимъ турецкую границу какъ разъ въ день заключенія въ Адріанополѣ перемирія, остановиться и вернуться въ Грецію, но что баши-бузуки и албанцы продолжаютъ грабить и умерщвлять христіанъ въ Эпирѣ и Өессаліи, то Игнатьевъ, не удовольствовавшись передачею Савфету предостереженій, присланныхъ изъ Петербурга по телеграфу, заявилъ туркамъ, что если турки нападутъ на грековъ, пользуясь нашимъ перемиріемъ, то военныя дѣйствія нашихъ войскъ къ сторонѣ Константинополя тотчасъ же возобновятся. Такая энергичная и благопріятная Греціи демонстрація не прекратила, однакоже, взаимныхъ обвиненій между турками и греками. Греческій посланникъ Кундоріотти не переставалъ жаловаться Игнатьеву, чрезъ посредство г. Ону, на разбои албанцевъ въ то время, какъ Ахметъ Вефикъ безпрестанно телеграфировалъ Савфету, упрекая грековъ въ томъ, что они, вступивъ на турецкую территорію безъ объявленія войны, распространили свои грабительскія шайки до Арты. Желая понудить насъ подѣйствовать на аѳинское правительство, Порта пыталась насъ увѣрить, что если бы Россія не остановила своимъ категорическимъ заявленіемъ турецкія войска, они могли бы жестоко наказать грековъ за ихъ попытки противъ Турціи. Ахметъ добавлялъ, что довѣренность, оказанная Портою сообщенію русскаго правительства о прекращеніи набѣговъ грековъ, возложила на Порту отвѣтственность въ непринятіи надлежащихъ мѣръ для безопасности мусульманскаго населенія на греческой границѣ. Съ трудомъ, наконецъ, успокоили обѣ стороны. Но греки продолжали жалѣть, что послушались внушеній и совѣтовъ агентовъ западныхъ державъ и стали въ оппозицію не только славянамъ вообще, но русской политикѣ передъ войною и затѣмъ не приняли своевременно участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Турціи. Тѣмъ не менѣе, мечтанія многихъ изъ констан-

тинопольскихъ грековъ простирались до надежды возстановленія Святого Креста на Св. Софіи и изгнанія турокъ на азіатскій берегъ Босфора. До какой степени мечты эти были несбыточны, лучше всего доказываетъ происшедшее объясненіе между русскими уполномоченными и Савфетомъ въ одно изъ засѣданій конференціи еще въ Адріанополѣ, когда отношенія временно обострились при неподатливости Порты, о каковомъ засѣданіи русскіе уполномоченные донесли князю Горчакову 14-го февраля (№ 1) изъ Санъ-Стефано. Чтобы выставить умѣренность нашихъ требованій сравнительно съ ожиданіями русскаго общественнаго мнѣнія и естественными послѣдствіями разгрома турецкой арміи, Игнатьевъ упомянулъ, что въ Россіи ожидали, въ числѣ результатовъ войны, по крайней мѣрѣ возстановленія креста на Св. Софіи, обращенной мусульманами въ мечеть, что до сихъ поръ огорчаетъ и волнуетъ всѣхъ православныхъ. Игнатьевъ при этомъ замѣтилъ, что султану слѣдовало бы, по собственной инициативѣ, отстранить эту вѣчную причину раздраженія христіанъ противъ мусульманъ передачею древняго храма Св. Софіи патріарху, съ разрѣшеніемъ водрузить на ея куполѣ Св. Крестъ. Обычно спокойный, вѣжливый и благоразумный, Савфетъ, въ отвѣтъ на это замѣчаніе, горячо возразилъ: «Гораздо лучше и проще, чтобы мы взорвали Св. Софію динамитомъ и такимъ образомъ прекратили существованіе такого жгучаго вопроса». Если объевропеившійся Савфетъ, бывшій посломъ въ Парижѣ, замѣчательный по своему такту, благодушію и хладнокровію, бывшій неоднократно министромъ иностранныхъ дѣлъ и въ постоянныхъ сношеніяхъ съ посольствами, такъ вышелъ изъ себя при осторожномъ намекѣ русскаго посла о возвратѣ православной церкви Св. Софіи, то можно себѣ представить взрывъ негодованія и послѣдствія онаго въ Стамбулѣ, среди нафанатизированной толпы муллъ, софтъ и бѣженцевъ изъ Румеліи, если бы вопросъ о возстановленіи креста на Св. Софіи былъ круто поставленъ русскимъ уполномоченнымъ, безъ твердаго рѣшенія императорскаго правительства энергично поддержать силою такое требованіе.

Греческое посольство въ Перѣ приняло Ону съ распростертыми объятіями, упрашивая его убѣдить Игнатьева принять къ сердцу участь грековъ, предавъ забвенію ихъ прежнюю неблагодарность, оскорбительныя клеветы и непріятности, которыя они ему причиняли изъ-за церковнаго вопроса и болгаръ, и припомнивъ лишь ту общую симпатію и преданность, которую греческое населеніе повсемѣстно выказывало ему лично во время критскаго возстанія. Нѣсколько архіереевъ обратились къ Игнатьеву письменно въ этомъ же смыслѣ. Въ бесѣдахъ съ греками Игнатьевъ постоянно имъ напоминалъ, что всегда совѣтовалъ имъ не ссориться съ болгарами, не отталкивать ихъ отъ патріархіи, а удовлетворить

ихъ справедливыя требованія и жить съ ними по-братски въ смѣшанныхъ епархіяхъ; онъ говорилъ, что не русскіе агенты виноваты, что произошелъ легкомысленный и вредный для православія разрывъ, который повредилъ грекамъ, и въ особенности Великой церкви, гораздо болѣе, нежели болгарскому населенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ Игнатьевъ напоминалъ грекамъ и греческому посольству, что послѣ выѣзда своего изъ Константинополя, въ началѣ 1877 года, онъ заѣзжалъ въ Аѳины и предупредилъ правительство и предводителей эллинскихъ партій — Комундуроса, Заимиса, Делигіорги, Трикупи и проч., собранныхъ у русскаго посланника Сабурова, о вѣроятности войны, совѣтуя не отдѣляться отъ славянъ, не слушаться внушеній англійскихъ и совѣтовъ западныхъ державъ; онъ убѣждалъ ихъ, не компрометируя преждевременно положенія короля Георга, приготовиться захватить острова и ближайшія области, какъ только наши войска перейдутъ Балканы и турки потеряютъ голову.

Я сказалъ вашимъ вождямъ, — говорилъ имъ Игнатьевъ: — что вся та мѣстность, которая будетъ захвачена греками до прекращенія нами военныхъ дѣйствій, присоединится къ Греціи, потому что Россія, на требованіе Порты возвратить ей занятые русскими и ихъ союзниками пункты, можетъ отвѣтить, что ей нельзя выдать своихъ единовѣрцевъ изъ освобожденныхъ отъ мусульманскаго ига пунктовъ. Вмѣсто того, чтобы покрыть себя, въ союзѣ съ нами, дешевыми лаврами и легко сдѣлать территоріальныя пріобрѣтенія, вы предпочли послушаться совѣтовъ Англіи и Австро-Венгріи и должны пенять на самихъ себя, что пропустили благопріятный случай изъ недовѣрія къ Россіи. Да послужитъ вамъ это урокомъ въ будущемъ.

Хоть греки ничего не сдѣлали, чтобы заслужить великодушіе Россіи, которой они въ послѣдніе годы выказывали недовѣріе и даже вражду, но, тѣмъ не менѣе, они не могли жаловаться основательно на Санъ-Стефанскій договоръ, выговорившій у Порты не только значительное улучшеніе положенія населенія острова Крита, но и тѣ же льготы для пограничныхъ съ Греціею областей, что въ Босніи и Герцеговинѣ [1]).

Что касается армянъ, то, при совершенной невозможности удовлетворить ихъ мечтанія касательно автономныхъ правъ для армянскаго населенія въ Азіи, Игнатьевъ, стремившійся уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ привлечь ихъ къ Россіи, уменьшивъ западное на нихъ вліяніе, направленное противъ насъ, и заставить ихъ признать надъ собою авторитетъ власти эчміадзинскаго

---

[1]) Къ урегулированію интересовъ грековъ относится ст. 15 Санъ-Стефанскаго договора. А. Б.

патріарха-католикоса, предложилъ Савфету включить въ договоръ слѣдующую статью[1]):

«Чтобы предупредить повторенія тѣхъ же затрудненій, которыя проявились въ нѣкоторыхъ областяхъ Европейской Турціи, Блистательная Порта войдетъ въ соглашеніе съ русскимъ правительствомъ, чтобы преобразовать въ анатолійскихъ областяхъ, пограничныхъ Закавказью, законъ мѣстнаго управленія (такъ называемый законъ о вилайетахъ[2]), а именно въ Сивасѣ, Эрзерумѣ, Ванѣ и Мушѣ, гдѣ большинство христіанскаго населенія находится въ зависимости отъ верховнаго пастыря, начальника армяно-грегоріанской церкви, эчміадзинскаго католикоса[3]), и утвердить въ оныхъ общественную безопасность обезпеченіемъ достаточнаго административнаго самоуправленія».

Донося о томъ канцлеру, Игнатьевъ выразился слѣдующимъ образомъ: «Когда я заговорилъ съ Савфетомъ объ этой статьѣ, я встрѣтилъ самое горячее сопротивленіе съ его стороны, тогда какъ чиновники армянскаго происхожденія, которымъ я довѣрительно сообщилъ мои предположенія, отозвались, что я требую слишкомъ недостаточно для ихъ народности».

Посѣтившимъ Игнатьева депутатамъ армянъ, духовнымъ и свѣтскимъ, русскій уполномоченный сказалъ, въ общихъ выраженіяхъ, что государь оказываетъ свое покровительство всѣмъ христіанамъ въ Турціи безразлично и преисполненъ благорасположенія къ армянскому населенію, но что систематическое противодѣйствіе Европы его благимъ намѣреніямъ вынуждаетъ Россію, несмотря на ея побѣды и могущество, считаться съ непріязненностью европейскихъ державъ на Востокѣ, и потому армяне не должны домогаться отъ насъ большаго, нежели то, что мы можемъ нынѣ достигнуть въ дѣйствительности. Но, во всякомъ слу-

---

[1]) [illegible] 1877—78 гг. [illegible]

[2]) [illegible] можность въ дѣйствительности покровительствовать армянскому населенію въ Турціи [illegible]

[3]) Законъ о вилайетахъ [illegible] Administration générale des vilayets [illegible] — Les Réformes et la Protection des Chrétiens en Turquie [illegible]

сахъ, если намъ удастся достигнуть соглашенія съ Портою въ смыслѣ предложенной ей статьи договора, то право офиціальнаго покровительства Россіи будетъ имъ обезпечено и на пути улучшенія ихъ будущности будетъ сдѣланъ важный шагъ [1]).

Игнатьевъ употребилъ всѣ возможныя усилія, чтобы включить вопросъ объ армянахъ, о которомъ ничего не было упомянуто въ основаніяхъ мира, подписанныхъ турками въ Адріанополѣ, въ переговоры мирнаго договора. Происходили нескончаемые споры съ турецкими уполномоченными, которые отказывались съ особеннымъ упорствомъ принять предложенія, касавшіяся армянъ, говоря: «Вы насъ уже почти лишили европейскихъ областей, оставьте насъ въ покоѣ по крайней мѣрѣ въ Азіи». Подъ конецъ русскіе уполномоченные успѣли уговорить турецкихъ уполномоченныхъ подписать хотя не то условіе, которое было редактировано первыми, но удовлетворительное лишь въ томъ отношеніи, что впервые возлагалась обязанность на Порту безотлагательно улучшить положеніе армянъ, ввести тѣ реформы, которыя требуются мѣстными обстоятельствами, и обезпечить армянское населеніе отъ своевольства курдовъ и черкесовъ. Редакція этой статьи [2]) давала возможность Россіи придать ей растяжимое значеніе, смотря по обстоятельствамъ и, во всякомъ случаѣ, офиціально вмѣшиваться въ способъ выполненія обязательствъ Порты, ссылаясь на мѣстныя нужды. Торжественное признаніе въ международномъ договорѣ, что безопасности христіанскаго населенія угрожали курды и черкесы, заключало публичный приговоръ существующей турецкой администраціи, признанный съ согласія уполномоченныхъ султана. Вооруженный этою договорною статьею, русскій посолъ въ Константинополѣ получилъ полную возможность значительно вліять на улучшеніе положенія армянскаго населенія и, сообразуясь, разумѣется, съ интересами Россіи, придать соотвѣтствующее обстоятельствамъ развитіе армянскому вопросу въ Турціи. Для этого, конечно, нужно было дѣйствовать осмотрительно, настойчиво, съ совершеннымъ знаніемъ мѣстныхъ обстоятельствъ и не терять изъ виду конечныхъ цѣлей нашей политики. Для армянъ было весьма многозначительно, что въ первый разъ съ тѣхъ поръ,

---

[1]) На армянофильскихъ митингахъ въ Лондонѣ англійскіе либералы-филантропы гласно признали этотъ фактъ, сознавшись, что Великобританія, слѣдуя политикѣ Биконсфильда, помѣшала Россіи улучшить положеніе армянъ въ Азіатской Турціи подвергнувъ искалѣченію Санъ-Стефанскій договоръ. Авт.

[2]) **Къ армянскимъ дѣламъ относится ст. 16 Санъ-Стефанскаго договора, гласящая** слѣдующее: «Такъ какъ эвакуація русскими войсками занимаемыхъ ими территорій, съ возвращеніемъ таковыхъ Турціи, можетъ подать поводъ къ столкновеніямъ и къ осложненіямъ, способнымъ вредно отразиться на добрыхъ отношеніяхъ обѣихъ странъ, то Блистательная Порта обязуется осуществить безъ дальнѣйшаго замедленія улучшенія и реформы, необходимыя ради мѣстныхъ нуждъ областей, населяемыхъ армянами, и для обезпеченія ихъ безопасности отъ курдовъ и черкесовъ». А. Б.

какъ существуетъ Оттоманская имперія, упомянуто было въ международномъ договорѣ объ армянахъ, а Портою признано публично существованіе армянской народности въ Азіатской Турціи.

Я добивался,—писалъ Игнатьевъ канцлеру, помѣстить въ текстѣ статьи, послѣ слова: армяне, фразу: духовно зависящіе отъ верховнаго главы армянской церкви, эчміадзинскаго католикоса, въ смыслѣ того, что было сообщено мнѣ Н. К. Гирсомъ, съ приложеніемъ записки министерства внутреннихъ дѣлъ. Но Савфетъ-паша тотчасъ смекнулъ значеніе этой вставки и упорно воспротивился допустить оную, подъ предлогомъ, что формальное признаніе главенства католикоса могло поставить Порту въ затруднительное положеніе относительно турецкихъ армянъ, въ числѣ которыхъ многіе не признаютъ этого главенства. Безполезное обязательство Порты могло бы, по предположенію Савфета, вызвать между армянами-грегоріанами такіе же раздоры, смятенія и недоразумѣнія, какіе произвели въ армяно-католической общинѣ тѣ права, которыя присвоилъ себѣ патріархъ Хассунъ [1].

Удостовѣрившись, что дальнѣйшія настоянія, чтобы побороть упорство и опасенія турокъ, будутъ безплодны, Игнатьевъ отказался отъ первоначально предложеннаго упоминанія о духовной власти католикоса надъ всѣми армянами безъ различія государствъ, признавая, что съ исключительно русской точки зрѣнія это безразлично и что намъ выгоднѣе, чтобы турецкіе армяне разсчитывали болѣе на покровительство русскаго царя, чѣмъ на заступничество своего духовнаго вождя, политическое значеніе котораго намъ нѣтъ никакой надобности преувеличивать.

Извѣстія, которыя русскіе уполномоченные получили изъ Румыніи, были тревожны и противорѣчили тѣмъ дружественнымъ отношеніямъ, которыя желательно было бы сохранить съ сосѣдями единовѣрцами и союзниками, участвовавшими вмѣстѣ съ нами въ первоначальныхъ военныхъ дѣйствіяхъ, приведшихъ насъ впослѣдствіи къ стѣнамъ Константинополя. Наши противники и недоброжелатели въ Румыніи воспользовались сдѣланными ошибками, о которыхъ выше было упомянуто, и тѣмъ, что возникшія недоразумѣнія не были своевременно устранены, когда мы имѣли къ тому полную возможность. Теперь эти недоразумѣнія были раздуты австрійцами и англичанами, и страсти румынъ расходились и воспламенились противъ Россіи. Легкомысленное тщеславіе румынъ было задѣто за живое, и наши враги всѣми средствами ста-

---

1) Часть армянъ-католиковъ не признала главенства Хассуна, [illegible] Константинополь. Авт.

ралась увеличить разладъ, ими подмѣченный между Россіею и островкомъ латинскаго племени на Дунаѣ. 3-го февраля румынское правительство, не ожидая результата нашихъ переговоровъ и чтобы придать себѣ видъ самостоятельной державы, ведущей переговоры съ Турціею независимо отъ Россіи, обратилось къ Серверу-пашѣ, бывшему еще министромъ иностранныхъ дѣлъ, съ офиціальнымъ письменнымъ требованіемъ признанія султаномъ независимости Румыніи. Ослѣпленные тщеславнымъ самомнѣніемъ и интригами иностранными, румыны потеряли изъ виду не только, что ихъ интересы были бы гораздо тверже ограждены, если бы согласіе и взаимное довѣріе между Россіею и Румыніею не утратилось въ самую критическую минуту развязки войны, но что и на будущее время Румынія выиграла бы значительно, не допуская, чтобы между нею и нами были раздуты недоразумѣнія до взаимнаго охлажденія и искусственнаго созданія противоположности политическихъ стремленій.

Въ то время, какъ румыны обвиняли русскихъ уполномоченныхъ, что объ нихъ забыли въ Санъ-Стефано, Игнатьеву пришлось вести настойчивый споръ съ турецкими уполномоченными, чтобы заставить ихъ принять редакцію тѣхъ условій касательно Румыніи, которыя имъ были предложены Портѣ. Въ Бухарестѣ считали самымъ легкимъ и первымъ условіемъ замиренія получить руками русскихъ уполномоченныхъ отъ турокъ большое денежное вознагражденіе, а между тѣмъ вотъ что писали канцлеру Игнатьевъ и Нелидовъ въ своемъ коллективномъ донесеніи:

«Что всего болѣе затрудняло турецкихъ уполномоченныхъ,— это опасеніе требованія денежнаго вознагражденія со стороны Румыніи. Турки стояли на томъ, что Румынія не войну объявила, а взбунтовалась противъ султана и потому не имѣетъ никакого права требовать военнаго вознагражденія отъ своего верховнаго главы (Gouvernement Suzerain). Во всякомъ случаѣ, турки выставляли въ противовѣсъ праву на вознагражденіе убытковъ Румыніи, на которомъ настаивали русскіе уполномоченные, право Порты требовать отъ Румыніи вознагражденіе за захваченныя ею произвольно имѣнія, преклоненныя къ святымъ православнымъ мѣстамъ, находящимся въ предѣлахъ имперіи».

Савфетъ-паша, какъ бывшій давно министромъ иностранныхъ дѣлъ, отлично зналъ историческій ходъ вопроса о церковныхъ и монастырскихъ имѣніяхъ въ Румыніи, который такъ часто и долго, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, обсуждался между Портою, Россіею и Европою. Не безъ лукавства возбудилъ Савфетъ [illegible] сданный въ архивъ въ 1865 году вопросъ, щекотливый для Россіи, бывшей энергичною защитницею — какъ разъ въ лицѣ Игнатьева — въ Константинополѣ правъ греческихъ монастырей, очевидно, съ заднею мыслью поставить русскихъ уполномоченныхъ

въ противорѣчіе съ ихъ прежнею политикою, съ греческимъ духовенствомъ и румынами. Порта посредствомъ этого пріема, не принося никакой жертвы, льстила такимъ образомъ патріархамъ и грекамъ и мстила румынамъ, напомнивъ имъ, что они не должны слишкомъ отворачиваться отъ султана, въ покровительствѣ котораго принцъ Карлъ можетъ еще встрѣтить надобность при разрѣшеніи забытаго въ Бухарестѣ монастырскаго вопроса, могущаго надѣлать много хлопотъ и затрудненій Румыніи, если удастся его возбудить.

Русскимъ уполномоченнымъ стоило не мало труда, чтобы избѣгнуть упоминанія о заявленіи Савфета въ документѣ договора, тѣмъ болѣе, что они получили официальную ноту сего послѣдняго по этому предмету. Имъ пришлось отвѣтить официально же, предоставляя Портѣ вѣдаться непосредственно съ Румыніею по монастырскому вопросу, «не входившему въ программу переговоровъ». Принимая во вниманіе прежнія дѣйствія русскаго правительства въ монастырскомъ вопросѣ, русскіе уполномоченные сознавали необходимость не раздражать понапрасну греческое духовенство, которому могло показаться, что Порта желаетъ предоставить ему большія денежныя средства, а Россія этому какъ будто противится, хотя прежде сама добивалась того же. При такихъ обстоятельствахъ нельзя было изыскать лучшаго исхода изъ созданнаго Савфетомъ-пашою положенія, какъ предоставить Портѣ вѣдаться непосредственно съ Румыніею, не высказываясь противъ вознагражденія греческаго духовенства и напомнивъ лишь о всегдашнемъ мнѣніи по этому вопросу русскаго правительства. Обвиненія, взведенныя на нашихъ уполномоченныхъ румынами въ преднамѣренномъ возбужденіи вопроса, непріятнаго для нашихъ союзниковъ, лишены, такимъ образомъ, всякаго основанія. Обмѣнъ нотъ по этому предмету между уполномоченными оставлялъ лишь за Россіею право, при случаѣ, впослѣдствіи, по соглашенію съ Портою, изыскать миролюбивый и благоразумный способъ окончательнаго разрѣшенія спора между греческимъ духовенствомъ и Румыніею, выгодный для обѣихъ сторонъ.

XV.

Четырнадцатаго февраля Игнатьевъ получилъ телеграмму Іонина, посланную въ обходъ чрезъ Бухарестъ, изъ Цетинья, чтобы предупредить о возникшихъ для князя Николая, послѣ заключенія перемирія, затрудненіяхъ:

«Турки, освободивъ войска, двинули ихъ противъ миридитовъ, при концѣ войны приставшихъ къ черногорцамъ. Жгутъ и рѣжутъ. Мириндиты жалуются князю черногорскому. Коммисару для перемирія приказано требовать, чтобы ихъ оставили

въ покоѣ и выдали плѣнныхъ. Малиссоры [1]), тоже приставшіе къ черногорцамъ, прислали сюда главарей, требуютъ считаться на черногорской службѣ и не идутъ назадъ. Князь принялъ выжидательное положеніе, но объявляетъ туркамъ, что до заключенія мира они подъ его покровительствомъ».

Игнатьевъ тотчасъ поддержалъ князя черногорскаго передъ турками, потребовавъ отъ Савфета, чтобы оставили въ покоѣ союзниковъ нашихъ черногорцевъ. Происходившее между албанцами движеніе въ пользу распространенія власти князя Николая надъ ними доказываетъ, что если бы, какъ утверждалъ Игнатьевъ, австрійцы и отчасти итальянцы не подстрекали албанскія племена противъ черногорцевъ и турецкія власти не употребляли бы всевозможныхъ средствъ, чтобы сѣять раздоры и возстановлять албанцевъ противъ черногорцевъ,—эти двѣ воинственныя народности весьма легко ужились бы мирно между собою, подъ властью князя Николая.

Продолжая переговоры съ турецкими уполномоченными и для сего просиживая съ ними дважды въ день по нѣскольку часовъ, до того, что наши стали жаловаться на переутомленіе, Игнатьевъ чрезъ Ону, остававшагося все время въ Перѣ, постоянно напиралъ на Ахмета-Вефика и другихъ министровъ, чтобы достигнуть желаемаго результата. Но разграниченіе Болгаріи и Сербіи и воен-

---

[1]) Албанцы-католики, бывшіе всегда подъ покровительствомъ Франціи и Италіи, но которыхъ Игнатьевъ въ послѣдніе годы своего пребыванія въ Константинополѣ приблизилъ къ Черногоріи, взявъ подъ свое покровительство юнаго мирдитскаго князя, котораго турки вывезли изъ Албаніи и держали въ Константинополѣ въ видѣ аманата (заложника). Авт.

Подъ именемъ мирдитовъ, или «мердита», извѣстна та часть сѣверныхъ албанцевъ (геговъ), которая населяетъ горную страну между Чернымъ Дриномъ, Нижнимъ Дриномъ (протекающимъ отъ слиянія Бѣлаго Дрина съ Чернымъ до моря) и Адріатикой. Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ имя мирдитовъ присваивается тѣмъ племенамъ, которыя расположены къ югу отъ горнаго пути, ведущаго изъ Призрена черезъ Брути-Флеть, черезъ перевалъ Чафъ-Малитъ, на Пуку, Гемшицу и Вауденьсъ къ Скутари. Родовые союзы, расположенные къ сѣверу отъ этой линіи, носятъ названіе «дукаджинъ» и наполняютъ всю дугу, образуемую теченіемъ Нижняго Дрина. Это названіе имѣло, вѣроятно, въ древнее время болѣе значительное распространеніе, судя по тому, что устный сводъ обычаевъ, именуемый закономъ дукаджина («Лекъ-Дукаджинитъ»)—признается дѣйствующимъ правомъ у всѣхъ сѣверныхъ албанцевъ. Совокупность родовыхъ союзовъ дукаджинъ-мирдитскаго племени сознаетъ свое болѣе тѣсное, общее происхожденіе, что замѣтно на родовыхъ легендахъ и перечисленіи близкихъ другъ къ другу «фисовъ» (родовъ). Однако духовное единство племени распалось подъ вліяніемъ религіознаго раскола, такъ какъ часть фисовъ (большинство) принадлежитъ къ католичеству, а другая часть къ магометанству (въ особенности на плоскогорьѣ Пука). Тѣмъ не менѣе, племя мирдитовъ, въ общемъ, представляется внушительной христіанской силой среди албанцевъ и замѣчательно тѣмъ, что совокупность родовыхъ союзовъ признаетъ общую наслѣдственную власть въ роду Бибъ-Дода, княжеская столица коего находится въ мѣстечкѣ Орошн. Среди общей картины полной анархіи, царствующей въ Албаніи, родовая организація мирдитовъ отличается

ное возвращеніе [1]), встрѣчали затрудненія и хитрыя уловки, [illegible] вслѣдствіе внушеній Англіи и Австро-Венгріи и присутствія англійской эскадры, удалившейся къ Гемлеку и Муданіи лишь на нѣсколько миль, а потомъ снова бросившей якорь у Принцевыхъ островковъ. Имѣя, однако же, въ виду, что настойчивость наша можетъ преодолѣть эти препятствія и что подписаніе договора состоится, такъ какъ всѣ статьи были уже неоднократно пересмотрѣны уполномоченными, Игнатьевъ счелъ нужнымъ испросить по телеграфу дополнительныя инструкціи у канцлера для того, чтобы имѣть возможность закрѣпить за Россіею, въ виду ожидавшейся конференціи, болѣе прочнымъ образомъ пріобрѣтенныя уже

тѣмъ, что [illegible] эти попытки кончались плачевно для самихъ турокъ, и остатки экспедиціонныхъ отрядовъ [illegible] мирдитовъ. Вообще, [illegible] племенъ напоминаетъ бытъ Черногоріи [illegible] вѣковъ развитія. Въ историческомъ отношеніи [illegible] мирдитовъ, занимая [illegible] XV [illegible] Скандербегъ, со столицею въ [illegible] этого, нѣкогда славнаго, [illegible] христіанства передъ турецкимъ [illegible] толическое духовенство [illegible] вліянія, хотя на [illegible]

Въ запискахъ Н. П. Игнатьева [illegible] сорамъ». [illegible]

[illegible]

Въ Сѣверной Албаніи [illegible] Черногорію—въ страну дикихъ геговъ». Петр. 1912 г.). А. Б.

[1]) [illegible] договора. А. Б.

[illegible]

выгоды. Вотъ содержаніе этой телеграммы, отправленной 15-го февраля:

«Вслѣдствіе вашей телеграммы, указывающей на необходимость имѣть совершившіеся факты до созыва конференціи, предполагаемъ ввести въ наши переговоры съ турками заключеніе обязательства считать себя обоюдно связанными договорными условіями послѣ обмѣна ратификацій и поддерживать, по взаимному соглашенію, предъ великими державами тѣ изъ статей договора, которыя касаются общихъ европейскихъ интересовъ. Сверхъ того, мы задумали предложить туркамъ подписать секретный протоколъ, заключающій обязательство не допускать никакихъ измѣненій въ договорѣ, если бы таковыя были заключены безъ предварительнаго соглашенія между нами. Упомянувъ, что вопросъ о проливахъ предоставленъ соглашенію кабинетовъ, протоколъ заявитъ, что Россія совмѣстно съ Турціею намѣрены сохранить неприкосновеннымъ принципъ закрытія проливовъ для европейскихъ флотовъ, но, принявъ во вниманіе, что Россія прибрежное государство, султанъ предоставляетъ себѣ право предъ Европою и обязуется предъ государемъ пропускать наши отдѣльныя военныя суда какъ для службы при константинопольскомъ посольствѣ, такъ и при миссіи въ Аѳинахъ, а равно и для другихъ морскихъ надобностей. Сообщите мнѣ по телеграфу: разрѣшено ли мнѣ привести въ исполненіе эти предположенія».

Вотъ текстъ статьи, которую Игнатьевъ хотѣлъ добавить въ договорѣ, и секретной статьи, которую Игнатьевъ хотѣлъ заставить турокъ подписать одновременно съ договоромъ:

Статья договора: Какъ только послѣдуетъ обмѣнъ ратификаціи сего договора, высокія договаривающіяся стороны постараются достигнуть соглашенія между великими державами въ вопросахъ, касающихся общихъ европейскихъ интересовъ. Вслѣдствіе сего они объявляютъ себя связанными условіями настоящаго договора и обязуются ихъ сохранять неизмѣнными и ихъ отстаивать, поддерживая взаимно другъ друга, съ цѣлью оставить неизмѣнными условленныя постановленія».

Секретная и сепаратная статья: Статьею (предыдущею) договора, подписаннаго сегодня, опредѣлено, что обѣ договаривающіяся стороны взаимно связаны касательно условій сего договора, а потому договаривающіяся стороны торжественно обязуются считать подписанный ими актъ неизмѣннымъ какъ въ полномъ составѣ своемъ, такъ и по каждой отдѣльной статьѣ и условились отстаивать его цѣлость передъ другими государствами и не допускать никакихъ измѣненій безъ предварительнаго между собою соглашенія. Такъ какъ вопросы, касающіеся прохода военныхъ судовъ чрезъ проливы, хотя и упомянутые въ основаніяхъ мира, принятыхъ уже Портою, не были затронуты въ прелиминарныхъ перего-

ворахъ и будутъ подлежать обсужденію совмѣстно съ другими великими державами, то ихъ величества государь императоръ и султанъ обѣщаются сохранять и отстаивать вѣстаринный принципъ Оттоманской имперіи, состоящій въ закрытіи проливовъ Дарданельскаго и Босфора для иностранныхъ военныхъ судовъ. Принимая во вниманіе, однакоже, исключительное положеніе Россіи, какъ прибрежнаго на Черномъ морѣ государства, его величество султанъ обѣщается оставить предъ Европою за собою право и обязуется предъ его величествомъ императоромъ всероссійскимъ пропускать, безъ малѣйшей потери времени и по первому требованію императорскаго правительства, отдѣльныя русскія военныя суда, которыя императорское правительство признаетъ необходимымъ провести черезъ проливы, какъ для служебныхъ потребностей посольства въ Константинополѣ или миссіи въ Аѳинахъ, такъ и для другихъ морскихъ надобностей. Дополнительная сія статья будетъ отдѣльно ратификована и обмѣнъ ратификацій послѣдуетъ одновременно съ гласнымъ и главнымъ договоромъ».

Но, къ сожалѣнію, уполномоченные не были поддержаны изъ Петербурга въ своихъ намѣреніяхъ и патріотическихъ усиліяхъ. Полученныя въ теченіе 15-го и 16-го февраля телеграммы канцлера доказывали, что настроеніе въ Петербургѣ измѣнилось, и вынудили уполномоченныхъ умѣрить и даже измѣнить нѣсколько свои требованія.

Первая телеграмма князя Горчакова:

«Не можемъ судить основательно, съ полнымъ знаніемъ обстоятельствъ, о ходѣ вашихъ переговоровъ по отрывочнымъ телеграммамъ. Ждемъ подробныхъ донесеній [1]. Не переступайте за инструкціи, вами взятыя съ собою отсюда».

2-ая телеграмма. «Ратификація султаномъ необходима [2]. Не противимся тому, чтобы обмѣнъ ратификацій состоялся въ Петер-

---

[1] Это, очевидно, была простая отписка, чтобы избѣгнуть необходимости дать своевременно положительный отвѣтъ или запретительное указаніе на возбуждаемые уполномоченными вопросы, ибо письменныя донесенія не могли дойти такъ скоро до Петербурга, чтобы отвѣтъ канцлера получился въ Санъ-Стефано прежде окончанія переговоровъ въ Санъ-Стефано, тѣмъ болѣе, что князь Горчаковъ [illegible] торопилъ уполномоченныхъ, напоминая о необходимости покончить съ дѣломъ до созыва конференціи. Канцлеръ хотѣлъ сдѣлать отвѣтственнымъ исключительно Игнатьева; онъ не допускалъ, чтобы онъ, сообразно измѣнившимся обстоятельствамъ, что-либо прибавилъ къ проекту договора. Авт.

[2] Возбуждая по телеграфу вопросъ о ратификаціи султаномъ, Игнатьевъ имѣлъ въ виду получить удостовѣреніе въ томъ, что заключаемому съ Портою договору придается канцлеромъ характеръ дѣйствительнаго, окончательнаго мирнаго договора, или же лишь временнаго соглашенія съ Портою. Отвѣтъ канцлера долженъ былъ служить ему точнымъ указаніемъ, ибо ему никогда не могло придти [illegible], что Россія согласилась допустить, чтобы условія договора, ратифицированнаго государемъ императоромъ и султаномъ, могли быть оспариваемы не участвовавшими въ заключеніи [illegible]

бургѣ, куда вы вернетесь [1]) съ Оду. Бывши и чрезвычайнымъ оттоманскимъ посломъ, носителемъ договора, утвержденнаго султаномъ».

3-я телеграмма: «Получены обѣ ваши вчерашнія телеграммы. Избѣганіе усложненій до окончательнаго разсмотрѣнія [2]) предлагаемыхъ вами предосторожностей. Допускаемъ касающіяся предупрежденія измѣны Порты. Предпочитаемъ, чтобы вопросъ о проливахъ былъ совершенно предоставленъ рѣшенію европейской конференціи. Окончательное разграниченіе между Сербіей и Черногоріею слѣдовало бы предоставить мѣстной комиссіи [3]), какъ предполагалось первоначально. Это одинъ изъ щекотливыхъ вопросовъ между нами и Австріею».

Игнатьевъ, озабочиваясь поддержаніемъ въ глазахъ населенія Турецкой имперіи достоинства Россіи, предложилъ канцлеру внушить Портѣ мысль объ отправленіи въ Петербургъ, по окончаніи войны, чрезвычайнаго посла султана, съ тою цѣлью, чтобы принудить падишаха исполнить то, что Игнатьевъ предлагалъ туркамъ сдѣлать тотчасъ послѣ разрыва константинопольской конференціи, для предупрежденія войны и мирнаго улаженія возбужденныхъ тогда вопросовъ. Въ глазахъ восточныхъ людей и русскаго народа прибытіе турецкаго посла съ ратификованнымъ султаномъ договоромъ имѣло значеніе торжественнаго удовлетворенія и повинной, принесенной турками за все то, что предшествовало

держано, чтобы ратификаціи государей были обращены въ ничто, потерявъ всякое значеніе, а новый договоръ могъ быть передѣланъ посторонними дипломатами нейтральныхъ кабинетовъ. Игнатьевъ желалъ вывѣдать отъ канцлера его намѣренія и, сознавая ихъ неустойчивость, пытался вывести императорское правительство изъ неопредѣленныхъ воззрѣній и получить, наконецъ, категорическія приказанія. Авт.

[1]) При тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Константинополѣ было большою ошибкою, для простой формальности обмѣна ратификацій, вызывать Игнатьева въ Петербургъ. Его слѣдовало оставить въ Константинополѣ, чтобы наблюдать за исполненіемъ турками договора и интригами иностранныхъ представителей. Какъ Реуфъ-паша сказалъ государю при прощальной аудіенціи, Игнатьевъ одинъ могъ вынудить султана не уклоняться отъ исполненія обязательствъ и оградить его отъ англійскаго и австро-венгерскаго вліянія. Авт.

[2]) Съ одной стороны, князь Горчаковъ сознавалъ необходимость ограждаться отъ измѣнчивости Порты и добиться совершившихся фактовъ, а съ другой запрещалъ Игнатьеву предложенныя имъ мѣры предосторожности противъ возможнаго уклоненія турокъ отъ обязательствъ. Авт.

[3]) Постоянно опасаясь нарушить австро-венгерскіе интересы увеличеніемъ Черногоріи и Сербіи и договориться съ графомъ Андраши, оказывалось [illegible] министерства иностранныхъ дѣлъ въ ту печальную для [illegible] мало [illegible]. Для правильнаго дѣйствія смѣшанной комиссіи, въ которую Австро-Венгрія не замедлила бы помѣстить своего делегата, необходимо было [illegible] въ договорѣ [illegible], иначе спорамъ не было бы конца, и Австро-Венгрія [illegible] бы [illegible]. Авт.

войнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, исполненіе турками такого требованія нашего ограждало статьи договора до обмѣна ратификацій отъ тѣхъ противоположныхъ вліяній, которыя могли воздѣйствовать на султана до послѣдней минуты въ смыслѣ измѣненія обязательствъ, имъ принятыхъ.

Прибытіе въ Петербургъ чрезвычайнаго посла султана и довѣреннаго его сановника болѣе всего могло способствовать полному примиренію съ Россіею и возстановленію тѣхъ дружественныхъ сношеній, которыя существовали въ послѣдніе годы царствованія Абдулъ-Азиса. Устнаовленіе прочнаго мира и согласія между Россіею и Турціею, послѣдовательно преслѣдуемаго Игнатьевымъ, могло тѣмъ легче установиться послѣ принятія турками предъявленныхъ имъ въ Адріанополѣ и Санъ-Стефано условій и отправленія въ Петербургъ чрезвычайнаго посла, что всѣ причины взаимной непріязни и пререканій должны были исчезнуть послѣ установленія нашей новой границы въ Азіи и пріобрѣтенія Россіею Карса, Батума и Баязета, а также упроченія положенія христіанскихъ княжествъ на Балканскомъ полуостровѣ, созданія Болгаріи подъ вліяніемъ Россіи и удовлетворенія Черногоріи и отчасти Сербіи. Добиваясь установленія прочнаго мира на Востокѣ, Игнатьевъ сознавалъ, что такимъ образомъ могутъ быть установлены твердыя отношенія между Россіею и Турціею и что поводы къ войнѣ между нами будутъ устранены если не навсегда, то на очень продолжительный срокъ.

Самою трудною частью переговоровъ оказалось неожиданно для уполномоченныхъ проведеніе сербской границы. Споры по этому предмету доходили до того, что нѣсколько разъ грозили совершеннымъ разрывомъ. Припертые къ стѣнѣ настояніями русскихъ уполномоченныхъ Савфетъ-паша и Саддуллахъ нашли, что вопросъ слишкомъ важенъ и щекотливъ для Порты, въ особенности въ виду внушеній и угрозъ Австро-Венгріи, чтобы (какъ доносили уполномоченные 22-го февраля канцлеру) положиться на собственное знаніе и сужденіе, и призвали себѣ въ помощь изучившаго спорную мѣстность главнокомандующаго Мехмеда-Али [1]), котораго они попросили у насъ позволеніе ввести въ конференцію, съ спеціальною цѣлью высказать свое мнѣніе относительно предло-

---

[1]) Нѣмецъ родомъ, принявшій исламъ, и который былъ посланъ вторымъ уполномоченнымъ на Берлинскій конгрессъ. Онъ убитъ, впослѣдствіи, албанцами, которыхъ онъ такъ горячо и упорно защищалъ противъ сербовъ въ Санъ-Стефано, утверждая, что они такъ преданы султану и турецкимъ властямъ, что выдать ихъ сербамъ невозможно. Авт.

Мехметъ-Али родился въ Бранденбургѣ въ 1827 году; его настоящая фамилія была «Charles Détroit», такъ какъ его родъ былъ французскаго происхожденія. Пятнадцатилѣтнимъ юношей онъ поступилъ юнгой на коммерческій корабль, затѣмъ бѣжалъ въ Константинополь, перешелъ въ магометанство и поступилъ на ту[illegible]

ленныхъ нами границъ [1]). Мехмедъ-Али, какъ человѣкъ военный, естественно, сообразилъ стратегическое значеніе предложеннаго нами увеличенія Сербіи и уступокъ, уже сдѣланныхъ турецкими уполномоченными. Онъ настаивалъ, чтобы были сдѣланы значительныя измѣненія въ новой границѣ съ цѣлью лишить Сербію владѣнія полезными ей и нужными для турокъ путями сообщенія и вообще уменьшить территоріальное вознагражденіе княжества. Что касается болгарскихъ границъ, турецкіе уполномоченные, подкрѣпленные топографическими аргументами Мехмеда-Али, пытались снова вернуться къ границамъ, опредѣленнымъ европейскими уполномоченными на константинопольской конференціи, утверждая, что въ основаніяхъ мира (подписанныхъ въ Адріанополѣ) указывалось именно, что создаваемая Болгарія должна имѣть эту именно граничную линію въ будущемъ, развѣ что окажется нужнымъ исправить тѣ топографическія ошибки, которыя могли быть сдѣланы представителями европейскихъ державъ въ концѣ 1876 года. Въ особенности казалось туркамъ тягостнымъ уступить болгарамъ прибрежье Эгейскаго моря. «Вы у насъ взяли всѣ наши европейскіе порты на Черномъ морѣ, — говорили наши: — а еще хотите облагодѣтельствовать болгаръ на нашъ счетъ берегомъ Средиземнаго моря, тогда какъ на этомъ прибрежьѣ, очевидно, господствуетъ греческое племя» [2]). Мы тутъ должны были уступить гор. Салоники и обѣщать, что, при окончательномъ проведеніи границы, комиссія будетъ сообразоваться съ народностью большинства пограничнаго населенія [3]) для того, чтобы облегчить

службу. По протекціи Омеръ-паши онъ сдѣлалъ карьеру и достигъ въ 1867 году званія мушира (маршала).

(Ср. Дебидоуръ: Histoire Diplomatique de l'Europe de 1814 à 1878, т. II, стр. 523).

А. Б.

[1]) Всякій разъ, когда паши, ссылаясь на свое незнаніе мѣстныхъ обстоятельствъ и неимѣніе топографическихъ свѣдѣній, просили о допущеніи участія въ объясненіяхъ съ русскими уполномоченными людей спеціальныхъ — генераловъ или офицеровъ генеральнаго штаба, Игнатьевъ изъявлялъ свое согласіе и допускалъ этихъ постороннихъ лицъ, чтобы ускорить ходъ переговоровъ и отнять у турокъ предлогъ затягивать дѣло, а также утверждать впослѣдствіи, что русскіе вынудили ихъ согласіе, взявъ Савфета-пашу врасплохъ и злоупотребивъ ихъ невѣжествомъ. Турки воспользовались этою льготою неоднократно, что не помѣшало, однако, нѣкоторымъ иностраннымъ дипломатамъ и газетамъ внушить именно то, что русскіе уполномоченные думали устранить своею предупредительностью.

Авт.

[2]) Очевидно, что турки такъ отзывались о грекахъ лишь потому, что рѣчь шла о созданіи Болгаріи. Если бы, напротивъ, эллины стали требовать себѣ, при нашей помощи, прибрежье Эгейскаго моря, то турки непремѣнно заявили бы, что греки тамъ малочисленнѣе болгаръ и что эти послѣдніе имѣютъ больше правъ, нежели первые, на эту мѣстность.

Авт.

[3]) Этою редакціею Игнатьевъ старался дать возможность миролюбиво разграничить на мѣстѣ грековъ съ болгарами, удовлетворивъ первыхъ и доставивъ Болгаріи ... спорную, а ... и справедливую ... границу. Салоники были включены ... мѣсто, ... славянскими ... св.

достиженіе главной цѣли — доставить южный доступъ къ морю богатому княжеству, создаваемому въ серединѣ Турціи и предназначенному владѣть балканскими проходами, т.-е. держать ключъ Балканъ въ своихъ рукахъ.

На вечернемъ засѣданіи, продолжавшемся 16-го февраля очень долго, произошли весьма тяжелыя и горячія пренія, поведшія было къ рѣзкому разрыву переговоровъ. Мехметъ-Али-паша подробно развилъ всѣ возможные доводы противъ проведенія предложенныхъ русскими уполномоченными западныхъ границъ Болгаріи и въ особенности Сербіи. Онъ настаивалъ на существованіи многочисленнаго албанскаго населенія въ западной части отводимой для создаваемаго Болгарскаго княжества территоріи и въ присоединяемой къ Сербіи мѣстности. Въ своей горячности Мехмедъ-Али выразилъ мысль, что такъ какъ Россія озабочивается образовать отдѣльныя народности, доставляя имъ естественныя и этнографическія границы на развалинахъ Турецкой имперіи, которую она хочетъ уничтожить, то она не имѣетъ права не признавать существованія албанцевъ, принадлежащихъ къ племени, гордящемуся своимъ происхожденіемъ и болѣе воинственному, нежели болгары и сербы; албанцы имѣютъ такое же право на національное существованіе, какъ послѣдніе, или на то, чтобы оставаться подданными султана, если это имъ нравится; до сего времени они оставались вѣрными султану и ничего больше не желаютъ, какъ биться съ его врагами, а потому Порта не можетъ ими пожертвовать, такъ какъ тутъ рѣчь идетъ о будущности Турецкой имперіи и о чести самого султана.

Игнатьевъ убѣдился, наконецъ, въ безполезности продолжать подобные переговоры, тѣмъ болѣе, что, не обращая вниманія ни на какія опроверженія, доводы и замѣчанія русскихъ уполномоченныхъ, Мехметъ-Али продолжалъ настойчиво повторять безпрестанно все тѣ же аргументы и выводы. Разгорячившись, онъ позволилъ себѣ даже возвысить голосъ и говорить съ русскими уполномоченными такимъ тономъ, котораго бывшій русскій посолъ никогда не допускалъ при переговорахъ своихъ съ турками и теперь былъ еще менѣе, нежели когда-либо, склоненъ сносить. Вслѣдствіе сего и зная отлично характеръ турецкихъ сановниковъ, Игнатьевъ рѣшился рѣзко прервать переговоры, воспользовавшись неприличною выходкою турецкаго главнокомандующаго. Вставъ внезапно съ мѣста, Игнатьевъ самымъ хладнокровнымъ, учтивымъ, но твердымъ образомъ сказалъ Мехмеду, что онъ очень радъ былъ случаю съ нимъ ближе познакомиться послѣ при-

---

Кирилломъ и Меѳодіемъ. [illegible] оставить [illegible] туркамъ, [illegible] Адріан[illegible] [illegible] сіе Порты на [illegible] границу болгаръ. [illegible]

надцатилѣтняго своего пребыванія въ Константинополѣ [1]), тогда какъ онъ лишь встрѣчался съ нимъ доселѣ мимоходомъ; но не находитъ нужнымъ продолжать съ нимъ бесѣду о томъ разграниченіи, которое мы намѣрены установить, и которое до васъ, какъ командующаго войсками, а не уполномоченнаго, нисколько не касается. Паши, турецкіе уполномоченные, пожелали васъ разспросить о будущихъ границахъ Болгаріи и Сербіи, какъ знатока мѣстности, о которой мы переговариваемся съ ними. Это ихъ дѣло личное. Мнѣ никакого нѣтъ дѣла до вашего образа мыслей и вашего мнѣнія. Я не обязанъ обратить на нихъ какое-либо вниманіе, пока высказанное вами есть только личное ваше воззрѣніе и пока вы не облечены полномочіями его величества султана, чтобы вести со мною переговоры и подписать мирный договоръ. Ваши доводы никогда не измѣнятъ моего взгляда на вопросы, которые мною изучены и разсмотрѣны, естественно, совершенно съ иной точки зрѣнія, нежели ваша».

Эти слова, произнесенныя учтивымъ, но твердымъ образомъ, смутили самоувѣреннаго Мехмеда-Али, который сталъ разсыпаться въ извиненіяхъ и сознался, что онъ вовсе не уполномоченъ султаномъ принять участіе въ переговорахъ; не имѣя полномочій, онъ не считалъ себя въ правѣ настаивать на тѣхъ доводахъ, которые онъ, по знанію мѣстныхъ обстоятельствъ и въ сознаніи существенныхъ интересовъ султана и мѣстнаго населенія, изложилъ, и коварно прибавилъ, глядя на Савфета-пашу, что эта обязанность лежитъ всецѣло на присутствующихъ уполномоченныхъ султана. Что же касается его лично, то онъ высказался лишь въ качествѣ бывшаго командующаго войсками въ спорной мѣстности, которую онъ потому и изучилъ подробно и несравненно болѣе присутствующихъ; назначенный нынѣ главнокомандующимъ войсками, собранными вокругъ Константинополя, онъ полагалъ полезнымъ сообщить уполномоченнымъ, призваннымъ заключить договоръ, имѣющіяся у него топографическія и этнографическія данныя, со своими заключеніями.

Чтобы положить конецъ препирательствамъ и нежелательному вмѣшательству Мехмеда-Али, очевидно, старавшагося отличиться своимъ оттоманскимъ патріотизмомъ и повліять на рѣшенія упол-

---

[1]) Русскій посолъ во время своего пребыванія въ Константинополѣ не любилъ принимать у себя европейскихъ ренегатовъ и, за исключеніемъ Омеръ-паши (славянина) и нѣкоторыхъ пашей, имѣвшихъ политическое значеніе, не принималъ къ себѣ христіанъ, обратившихся въ магометанство. Мехмедъ-Али командовалъ на греческой границѣ и въ Албаніи сначала бригадою, а потомъ дивизіею; во время посольства Игнатьева онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ нѣкоторыми европейскими посольствами и всегда враждебно отзывался о Россіи. А потому русскій посолъ никогда не отличалъ его и отказывался принимать его частнымъ образомъ и приглашать въ посольство. Авт.

помоченныхъ, Игнатьевъ, возвысивъ голосъ, прервалъ рѣчь эту слѣдующими словами: «Если вы вмѣшались въ наши переговоры и желаете съ нами говорить въ качествѣ главнокомандующаго, въ такомъ случаѣ я рѣшительно не имѣю никакого дѣла съ вами, такъ какъ нахожусь здѣсь не въ качествѣ военнаго, а исключительно дипломата. Съ той минуты, когда главнокомандующіе войсками желаютъ вмѣшиваться, я могу только направить ихъ къ нашему главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу, который располагаетъ достаточными средствами, чтобы свести счеты съ этими господами гораздо проще, нежели я».

Отвернувшись рѣзко отъ Мехмеда-Али и обратившись къ растерявшимся турецкимъ уполномоченнымъ, пришедшимъ въ ужасъ отъ неожиданнаго для нихъ исхода переговоровъ и смотрѣвшихъ на Мехмеда-Али въ недоумѣніи и съ упрекомъ во взглядѣ, Игнатьевъ заявилъ имъ, что онъ убѣдился въ безполезности продолжать переговоры, «если вы не въ состояніи принять той граничной черты, которую мы вамъ предложили въ послѣдній разъ, въ видѣ крайней уступки».

При этомъ Игнатьевъ добавилъ: «Мы, насколько могли, приняли въ расчетъ всѣ основательныя замѣчанія ваши и измѣнили, сообразно съ ними, наши первоначальныя предложенія; считая себя не въ правѣ итти дальше по пути уступокъ вамъ, мы будемъ вынуждены прекратить всякіе мирные переговоры, если Порта воображаетъ, что можетъ насъ понудить основываться въ нашихъ рѣшеніяхъ на теоріяхъ вашихъ офицеровъ генеральнаго штаба, которыхъ она пытается ввести въ переговоры въ послѣднюю минуту, тогда какъ она имѣла достаточно времени изучить наши предложенія, при которыхъ были приложены карты съ обозначеніемъ граничныхъ линій, и представить своевременно свои замѣчанія. Я обязанъ тотчасъ поставить въ извѣстность главнокомандующаго объ этомъ неожиданномъ для меня происшествіи, о которомъ я искренно сожалѣю. Онъ обсудитъ и сумѣетъ отвѣтить вашему военачальнику другими аргументами, болѣе убѣдительнаго свойства, нежели мои слова, тѣмъ болѣе, что между нами ничего еще не заключено и о прекращеніи перемирія можетъ быть объявлено во всякое время» [1]). Съ этими словами Игнатьевъ, вмѣстѣ съ Нели-

---

[1]) Игнатьевъ впервые притворился раздраженнымъ до крайности и потерявшимъ всякое терпѣніе, чтобы или привести быстро къ желаемому окончанію переговоровъ о мирѣ, или же, въ противномъ случаѣ, доставить главнокомандующему, выражавшему нерѣдко въ Санъ-Стефано, предъ своимъ штабомъ, сожалѣніе, что онъ лишенъ возможности взять Константинополь, случай неожиданно для турокъ возобновить военныя дѣйствія, причемъ всѣ выгоды были бы на нашей сторонѣ, такъ какъ турецкая армія была бы застигнута врасплохъ, и къ тому же, доказавъ свое миролюбіе предъ Европою, мы получили бы возможность взвалить на турокъ отвѣтственность въ глазахъ Европы за подобный исходъ переговоровъ. Авт.

довымъ, вышли, несмотря на всѣ усилія совершенно растерявшагося Савфета, поблѣднѣвшаго и умолявшаго предать забвенію неосторожныя слова Мехмеда-Али и возобновить переговоры. Савфетъ, Садуллахъ-бей и Серкизъ-бей (армянинъ, секретарь Савфета и директоръ канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ) провожали до выхода изъ дома и употребили всѣ усилія, чтобы продолжать конференцію. Русскіе уполномоченные отправились прямо въ домъ, занимаемый главнокомандующимъ. Найдя его въ постели, Игнатьевъ вошелъ къ нему въ спальню (въ началѣ 11 часа), извинился, что, заставъ его въ кровати, рѣшился нарушить его покой, чтобы заявить, что переговоры прерваны, что отвѣтственность за разрывъ падаетъ исключительно на турокъ и что теперь вполнѣ отъ главнокомандующаго зависитъ объявить безотлагательно прекращеніе перемирія и завтра же, 17-го, двинуть войска на высоты Босфора и въ Константинополь. Игнатьевъ добавилъ, что радуется, что ему удалось всю вину за разрывъ свалить на турокъ. Мы показали свое долготерпѣніе и миролюбіе, и теперь сами англичане не могутъ насъ обвинить въ томъ, что мы умышленно не хотѣли заключить мира, чтобы занять Константинополь. Нынѣ сами турки своею безтактностью дали намъ случай возобновить военныя дѣйствія и исправить ошибку, которую мы сдѣлали, остановившись преждевременно и пропустивъ прежде себя англичанъ къ Константинополю. Полагаю, что въ эту же ночь перемиріе можетъ быть вами объявлено прекращеннымъ и войска двинуты впередъ».

Великій князь взволновался и сердито сказалъ Игнатьеву: Ты съ ума сошелъ; непремѣнно хочешь втравить насъ въ новую войну съ Англіею. Вотъ куда клонятся твои затѣи». Пріодѣваясь, великій князь кликнулъ начальника штаба, бывшаго въ одной изъ сосѣднихъ комнатъ, и сообщилъ ему съ негодованіемъ, что переговоры прекращены и что Игнатьевъ предлагаетъ безотлагательно возобновить военныя дѣйствія. Генералъ Непокойчицкій, несмотря на обычное свое невозмутимое хладнокровіе, также сталъ довольно горячо и съ явнымъ неудовольствіемъ на Игнатьева высказывать, что желательно возобновить переговоры и не прекращать перемирія. Возобновленіе военныхъ дѣйствій, по его мнѣнію, никакихъ выгодъ не представляетъ, а поставитъ насъ, по всей вѣроятности, въ опасное положеніе. Онъ настаивалъ въ особенности на затруднительности продовольствовать войска, утверждая, что кормленіе войскъ ничѣмъ обезпечено не будетъ, такъ какъ оно основано на подрядахъ, заключенныхъ съ разными греками и иностранными подданными, которые доставляютъ все необходимое для арміи Мраморнымъ моремъ и желѣзною дорогою изъ Адріанополя; что Черное море нельзя взять базисомъ для нашихъ войскъ, какъ предлагалъ Игнатьевъ; снабжать изъ Одессы и Севастополя войска

нашимъ продовольствіемъ уже потому нельзя, что стоило бы англій-ской эскадрѣ пройти чрезъ Босфоръ, чтобы захватить наше морское сообщеніе и поставить въ самое критическое положеніе нашу армію. Наконецъ, Непокойчицкій выставилъ на видъ, что, кромѣ фронтальнаго сопротивленія со стороны турокъ, которое будетъ значительнѣе, нежели полагалъ Игнатьевъ, правый флангъ нашей арміи и даже тылъ могутъ подвергаться опасности изъ Галлиполи и Булаирскихъ укрѣпленій, что тамъ собраны уже турецкія войска, подвезенныя съ разныхъ сторонъ, которыя могутъ быть подкрѣплены англійскимъ десантомъ. Въ заключеніе происшедшаго обмѣна мыслей Игнатьевъ удостовѣрился, что ни главнокомандующій, ни въ особенности начальникъ штаба отнюдь не желаютъ воспользоваться предоставленнымъ имъ уполномоченными случаемъ возобновить военныя дѣйствія и занять высоты Босфора, предпочитая остаться въ Санъ-Стефано. Оба стали уговаривать Игнатьева найти средства возобновить мирные переговоры. Игнатьевъ заявилъ имъ, что ему, послѣ происшедшаго разрыва, невозможно возобновить переговоры, развѣ что турки образумятся и сообщатъ ему добровольно, безъ напоминанія съ его стороны, до обычнаго часа конференціи, то есть до десяти часовъ утра, что они безусловно и безъ всякаго измѣненія принимаютъ предложенную граничную черту какъ для Болгаріи, такъ и для Сербіи. Не безъ горечи Игнатьевъ высказалъ при этомъ случаѣ, что лично, при существующихъ и развившихся въ Константинополѣ англійскихъ и австро-венгерскихъ интригахъ, направленныхъ противъ Россіи, при двуличности враждебной намъ партіи среди турецкихъ сановниковъ и въ виду европейской конференціи, принятой въ принципѣ княземъ Горчаковымъ и которая постарается, по всей вѣроятности, испортить, если не уничтожить, все, что мы теперь создадимъ съ такимъ большимъ трудомъ, ему крайне непріятно подписывать мирный договоръ, который, по его мнѣнію, будетъ лишь полумѣрою, а не надлежащимъ разрѣшеніемъ Восточнаго вопроса, какъ оный представляется ему, Игнатьеву, съ русской точки зрѣнія, а потому онъ очень колеблется подписывать не удовлетворяющія его мирныя условія, радуясь случаю прервать противные ему переговоры. Они принесли пользу лишь въ томъ отношеніи, что послужили доказательствомъ всему міру, что мы желали избѣгнуть вступленія въ Константинополь до послѣдней крайности. Уходя отъ великаго князя, Игнатьевъ сказалъ ему полушутя: Отъ вашего высочества зависитъ съ завтрашняго дня водрузить святой крестъ на Святой Софіи. Что касается меня, то я берусь обставить разрывъ съ турками такимъ образомъ, что въ глазахъ свѣта отвѣтственность за послѣдующія событія падетъ исключительно на Порту, уполномоченныхъ султана и въ особенности на Мехмеда-Али. Я твердо рѣшился во всякомъ случаѣ не допустить, горячно

послѣдняго присутствовать на конференціи и, если онъ осмѣлится еще разъ явиться, вытолкаю его изъ комнаты. Великій князь былъ очень недоволенъ заявленіями Игнатьева и тѣмъ оборотомъ, который получили дѣла, вынуждая его принять окончательное рѣшеніе.

Нельзя не признать, что Игнатьевъ былъ правъ, желая, чтобы главнокомандующій принялъ на этотъ разъ энергическое рѣшеніе, которое было облегчено тѣмъ, что уполномоченные взяли на себя подготовить благовидную возможность внезапнаго прекращенія перемирія. Ночь съ 16-го на 17-ое и утро послѣдняго предоставляли послѣдній благопріятный случай рѣшительному главнокомандующему встряхнуть турецкую армію и занять, если не самый Константинополь, то высоты Босфора и Бѣлградскій лѣсъ, предоставивъ уполномоченнымъ нести отвѣтственность за могущія воспослѣдовать политическія усложненія. Если великій князь не захотѣлъ имъ воспользоваться, а, напротивъ того, препятствовалъ уполномоченнымъ вступить на этотъ путь, то поведеніе его 17-го февраля служитъ лучшимъ доказательствомъ, что онъ никогда и не намѣревался итти до Босфора и завладѣть Константинополемъ, какъ это утверждали впослѣдствіи его окружающіе.

По уходѣ отъ главнокомандующаго Игнатьевъ былъ въ сильномъ раздумьѣ: съ одной стороны, онъ удостовѣрился въ невозможности прервать вполнѣ переговоры и объявить на другое утро прекращеніе перемирія, какъ онъ этого желалъ, несмотря на полученную имъ 16-го вечеромъ телеграмму изъ Одессы, что жена его отправилась на итальянскомъ пароходѣ съ сестрами милосердія Краснаго Креста для свиданія съ нимъ въ Константинополѣ [1]. Съ другой стороны, онъ считалъ невозможнымъ возобновить переговоры безъ того, чтобы турки повинились предъ нимъ и подчинились послѣднимъ требованіямъ нашимъ. Въ противномъ случаѣ онъ твердо рѣшился не поддаваться, не дѣлать болѣе никакихъ уступокъ и передать сношенія съ турками въ руки главнокомандующаго, объявивъ свою миссію конченною. По совѣщаніи съ Нелидовымъ рѣшено было составить на этотъ предметъ въ теченіе ночи письменный ультиматумъ, который отправить турецкимъ уполномоченнымъ, за общею подписью, утромъ 17-го. Вотъ содержаніе этой заготовленной ночью бумаги:

«Гг. уполномоченные [2]).

«Сдѣлавъ вчера всѣ тѣ уступки, которыя мы могли взять на свою отвѣтственность, въ вопросахъ относительно разграниченія Болгаріи и Сербіи, мы находимся нынѣ въ совершенной невозможности

---

[1]) Пароходъ могъ войти въ Босфоръ какъ разъ въ то время, когда наши войска стали бы выбивать турокъ съ высотъ, окаймляющихъ проливъ. Авт.

[2]) Бумага была адресована Савфету-пашѣ и Садуллаху-бею. Авт.

идти далѣе по этому пути и подвергнуть еще новому измѣненію граничное очертаніе этихъ двухъ княжествъ, а равно и текстъ, касающійся образованія и дѣятельности разграничительной комиссіи въ Болгаріи.

Такъ какъ значительныя уступки, сдѣланныя нами въ означенныхъ выше статьяхъ, вслѣдствіе желанія по возможности удовлетворить тѣмъ возраженіямъ, которыя намъ были представлены, недостаточно оцѣнены вами, и мы постоянно встрѣчаемъ новыя предложенія, намъ предъявляемыя, но которыя намъ невозможно принять, тогда какъ одинъ изъ существенныхъ пунктовъ спорныхъ основаній [1]) еще не былъ обсуждаемъ, мы считаемъ долгомъ васъ предупредить, что, находя переговоры о статьяхъ, касающихся Болгаріи и Сербіи, совершенно исчерпанными, отказываемся что-либо измѣнить въ послѣднихъ предположеніяхъ нашихъ, въ копіи при семъ прилагаемыхъ.

«Конечный срокъ, предоставленный намъ для переговоровъ о мирѣ, достигнутъ; а потому мы имѣемъ честь просить ваши превосходительства, если вы признаете возможнымъ принять наши предложенія, возвратить намъ приложенныя договорныя статьи за вашими подписями съ тѣмъ, чтобы мы могли тотчасъ же приступить къ обсужденію того послѣдняго условія, которое намъ еще надлежитъ установить. Если вы не пришлете такого рѣшенія, то благоволите насъ немедленно извѣстить, чтобы мы могли предупредить о томъ его высочество великаго князя главнокомандующаго и императорское правительство».

Ультиматумъ этотъ былъ переписанъ и изготовленъ къ отправленію. Но съ ранняго утра (17-го) турецкіе уполномоченные прислали предупредить Игнатьева, что они принимаютъ всѣ его требованія и вслѣдъ за симъ явятся на конференцію. Сафветъ-паша самымъ униженнымъ образомъ извинялся относительно происшедшаго наканунѣ вечеромъ и убѣдительно упрашивалъ русскихъ уполномоченныхъ принять Мехмеда-Али, который, возвращаясь въ Константинополь, желалъ бы лично представить свои извиненія въ вызванномъ имъ недоразумѣніи чрезъ забвеніе того положенія, въ которомъ онъ находился, дозволивъ себѣ необдуманно выйти изъ той сферы (военной), въ которой онъ обязанъ былъ оставаться».

Послѣ униженныхъ извиненій турецкихъ сановниковъ Игнатьевъ согласился принять Мехмеда-Али и простилъ его выходку, высказавъ на прощанье, что давно пора, чтобы вѣрные слуги султана поняли, наконецъ, что надо сдѣлать уступки, вынужденныя обстоятельствами, и затѣмъ вступить въ искреннее, чистосердечное соглашеніе съ Россіею, чтобы спасти Оттоманскую имперію и огра-

[1]) Военное вознагражденіе Россіи. № 1.

лишь себя отъ большихъ бѣдствій на будущее время». Турецкій главнокомандующій держалъ себя благопристойно, скромно и съ покорностью высказался въ томъ же смыслѣ, но просилъ уполномоченныхъ не отдавать бѣдныхъ албанцевъ въ рабство сербамъ и болгарамъ, которыхъ они искони привыкли презирать.

Послѣ рѣшенія вопросовъ о будущности славянскихъ княжествъ оставалось условиться съ турками касательно военнаго вознагражденія, территоріальнаго и денежнаго, о которомъ до сего времени происходилъ лишь обмѣнъ мнѣній безъ установленія опредѣленной редакціи. Касательно броненосцевъ Игнатьеву пришлось подчиниться отрицательному рѣшенію канцлера тѣмъ болѣе, что близость англійской эскадры увеличивала затруднительность исполненія нашего требованія выдачи лучшихъ турецкихъ судовъ: въ крайности, если бы даже султанъ поколебался исполнить свою угрозу потопить броненосцы въ Босфорѣ, чтобы не передавать ихъ русскимъ, турки могли отдать ихъ на сохраненіе англичанамъ, которые не замедлили бы взять ихъ подъ свое попеченіе и посадить на нихъ своихъ людей. При такомъ положеніи включеніе въ договоръ сдачи намъ броненосцевъ потеряло бы всякое значеніе и повело бы къ непосредственному столкновенію съ англичанами въ Босфорѣ. Фактически завладѣніе русскими командами турецкихъ броненосцевъ могло повести къ схваткѣ съ англійскими и турецкими матросами, даже если бы Порта и выразила свое согласіе, предоставляя намъ принять въ свое владѣніе избранныя нами суда. При двуличности турецкихъ министровъ тайное противодѣйствіе было возможно тѣмъ болѣе, что на этихъ судахъ находились машинисты и даже офицеры англійскіе. Но Игнатьевъ сохранилъ заявленіе согласія своего на исключеніе броненосцевъ изъ требованій Россіи до окончательнаго соглашенія съ турецкими уполномоченными о подробностяхъ военнаго вознагражденія, чтобы придать рѣшенію императорскаго правительства значеніе особеннаго снисхожденія къ личной просьбѣ султана. Канцлеру Игнатьевъ телеграфировалъ 17-го: «Чтобы одолѣть сопротивленіе турокъ, ускорить заключеніе мира и избѣгнуть затрудненій съ Австро-Венгріею[1]), вынужденъ былъ отказаться доставить Черногоріи смежную съ Сербіею граничную черту, какъ значилось въ первоначальномъ проектѣ и моихъ требованіяхъ, и предложилъ новое очертаніе границъ, которое, какъ мнѣ кажется, не должно бы возбудить серьезнаго противодѣйствія Вѣны[2]). Турки мнѣ предложили нейтрализацію Румыніи,

---

[1]) Употреблявшею всевозможныя усилія и средства, чтобы уменьшить выгоды и въ особенности территоріальное вознагражденіе Черногоріи и Сербіи. Авт.

[2]) Хотя Игнатьеву казалось, что онъ сдѣлалъ всевозможныя уступки австро-венгерскимъ воззрѣніямъ, но тѣмъ не менѣе и эта предупредительность не ослабила упорнаго противодѣйствія графа Андраши. Авт.

Сербіи и Черногоріи и устройство греческихъ церковныхъ имуществъ въ Румыніи. Я сослался на то, что не уполномоченъ разрѣшить эти вопросы, и передалъ ихъ на ваше заключеніе обычнымъ путемъ (почтою)».

Въ то же время уполномоченный телеграфировалъ канцлеру въ отвѣтъ на его телеграфическія инструкціи о ратификаціи султана и о пріѣздѣ Игнатьева въ Петербургъ слѣдующее:

«Благоволите указать намъ, въ виду того, что ратификація договора признана необходимою, какую окончательную форму слѣдуетъ дать тому акту, который нами будетъ подписанъ: конвенціи или трактата [1]). Такъ какъ Ону находится въ Константинополѣ для сношеній нашихъ съ Портою, то необходимо его тамъ оставить на все время пребыванія въ окрестностяхъ Константинополя великаго князя и нашихъ войскъ. А потому онъ не можетъ мнѣ сопутствовать въ Петербургъ».

Телеграмма эта заключала послѣднюю попытку Игнатьева указать князю Горчакову несообразность требовать ратификаціи султана для имѣющаго быть заключеннымъ договора и обмѣна ратификацій въ Петербургѣ и въ то же время называть его прелиминарнымъ и подвергать его пересмотру въ европейской конференціи. Очевидно, что Игнатьевъ не имѣлъ никакого права самовластно, вопреки волѣ государя и безъ разрѣшенія его величества, переданнаго ему канцлеромъ, придавать иную форму результату своихъ переговоровъ съ турками, нежели та, которая ему была указана изъ Петербурга. Но, предвидя европейское противодѣйствіе и интриги, Игнатьеву хотѣлось оградить договоръ съ Турціею отъ шатаній министерства иностранныхъ дѣлъ и послѣдствій податливости нашей предъ Европою.

Убѣдившись, что является возможность заключить съ турками не прелиминарный, а окончательный договоръ, ратификованный государемъ императоромъ и султаномъ и не подлежащій измѣненію, Игнатьевъ пытался достигнуть высочайшаго на то разрѣшенія, но князь Горчаковъ, вѣрившій безусловно въ искренность поддержки князя Бисмарка и графа Андраши на европейской конференціи и полагавшійся на свое личное вліяніе на европейскіе кабинеты, стоялъ твердо на приданіи нашему договору съ Турціею лишь предва-

[1]) Разница между трактатомъ и конвенціею указана въ курсѣ «Международнаго права» Мартенса, т. I, стр. 115. Обѣ формы международныхъ договоровъ требуютъ, для своей силы, ратификаціи ихъ верховною властью договаривающихся сторонъ. Но трактаты считаются болѣе торжественнымъ видомъ международныхъ договоровъ: они предназначаются къ тѣмъ случаямъ, когда, напримѣръ, двѣ державы оканчиваютъ войну и устанавливаютъ условія прочнаго мира. Что касается конвенцій, то по формѣ онѣ менѣе торжественны и болѣе всего относятся къ отдѣльнымъ вопросамъ изъ области торговли, экономическихъ взаимоотношеній, судебныхъ формъ или иныхъ культурныхъ и просвѣтительныхъ цѣлей. А. Б.

рительнаго характера съ тѣмъ, чтобы предоставить конференціи оформить договоръ окончательно. Непонятно было, что при этомъ онъ требовалъ ратификаціи султана и обмѣна ратификацій въ Петербургѣ[1]). Всего оригинальнѣе было то, что министерство иностранныхъ дѣлъ спѣшило, по телеграфу, умѣрить старанія своихъ уполномоченныхъ обставить результатъ порученныхъ имъ переговоровъ прочными гарантіями со стороны Турціи, признавая въ то же время «необходимость оградиться отъ измѣны Порты».

Очевидно, что, такъ какъ договоръ заключался съ сею послѣднею, уполномоченные вынуждены были изобрѣтать средства, чтобы связать оную какъ можно крѣпче, а имъ ставилось это какъ бы въ упрекъ княземъ Горчаковымъ.

Что касается вопроса о проливахъ, то цѣль Игнатьева была добиться включенія въ договоръ постановленія, возобновляющаго обязательства Порты, проистекавшія изъ знаменитаго Ункіаръ-Искелесскаго договора[2]), но безъ стѣснительныхъ для русской политики, какъ въ отношеніи своихъ единовѣрцевъ, такъ и Европы, условій защиты Турецкой имперіи. Находившись во время своего долголѣтняго пребыванія въ Константинополѣ часто въ необходимости доставлять русскимъ военнымъ судамъ пропускъ чрезъ проливы, Игнатьевъ вынесъ убѣжденіе, что облегченія, выговоренныя для стаціонеровъ посольствъ въ Константинополѣ и Аѳинахъ[3]), недостаточны для Россіи. Ежегодно приходилось проводить чрезъ проливы суда, на которыхъ плавали гардемарины, и были случаи, какъ во время критскаго возстанія, что надо было испрашивать у султана фирманы для нашихъ военныхъ судовъ, перевозившихъ греческія семейства съ острова въ Грецію. Наконецъ, могла встрѣтиться надобность въ переводѣ судовъ нашихъ изъ Архипелага въ Черное море и обратно. Открытіе проливовъ для всѣхъ военныхъ флотовъ Игнатьевъ считалъ опаснымъ и для Россіи

---

[1]) Мысль Н. П. Игнатьева была та, что разъ Санъ-Стефанскій договоръ не долженъ былъ имѣть другого значенія, кромѣ «предварительныхъ начертаній» («Préliminaires»), то для такой цѣли вполнѣ достаточно было однѣхъ подписей уполномоченныхъ; ратификація такого «черноваго» наброска авторитетомъ обоихъ монарховъ и въ особенности русскаго императора казалась Игнатьеву весьма неудобною и прямо неприличною, вслѣдъ за славной войною, покрывшей неувядаемой славой наши знамена. Напротивъ, коль скоро мы принципіально рѣшили идти на европейскій конгрессъ, подчиняясь заранѣе его милости или немилости, то болѣе согласнымъ съ достоинствомъ Россіи было внести на обсужденіе конгресса такой актъ, на которомъ стояли бы однѣ подписи уполномоченныхъ, а не самого государя императора. А. Б.

[2]) Здѣсь разумѣется трактатъ, заключенный Россіею и Турціею въ Ункіаръ-Искелесси 26-го іюня 1833 года, въ коемъ Порта обязалась «секретною статьею» закрывать Дарданеллы по требованію Россіи, не ограничивая при этомъ свободы русскаго флота въ его правѣ проходить черезъ проливы (Ср. Юзефовичъ, стр. 92). А. Б.

[3]) Согласно ст. 2 «Конвенціи о проливахъ», приложенной къ парижскому трактату 18 (30) марта 1856 года. А. Б.

положительно вреднымъ, въ особенности, пока у насъ нѣтъ достаточно сильнаго блиндированнаго [1]) флота, могущаго запереть выходъ изъ Босфора. Игнатьевъ постоянно, въ разговорахъ съ султаномъ и турками, называлъ проливы «входною дверью въ русскій домъ», при которой долженъ находиться «благонадежный привратникъ». Чтобы обезпечить этотъ входъ въ русскіе предѣлы отъ иностранныхъ флотовъ при открытіи свободнаго прохода чрезъ проливы, пришлось бы истратить для своей безопасности громадныя суммы. На этомъ основаніи Игнатьевъ никакъ не хотѣлъ допустить, чтобы иностранныя эскадры могли появляться въ Черномъ морѣ, когда имъ вздумается, оставаться въ его водахъ и тревожить русскія берега, но онъ желалъ добыть Россіи исключительныя преимущества болѣе свободнаго плаванія въ проливахъ подъ фирмою прибрежнаго государства [2]). Замѣчательно, что, воспретивъ касаться этого важнаго для Россіи вопроса въ Санъ-Стефано и предоставивъ его исключительно конференціи, канцлеръ не попытался, однакоже, затронуть его въ собраніи европейскихъ представителей, на содѣйствіе которыхъ онъ прежде разсчитывалъ.

Мысль о нейтрализаціи трехъ славянскихъ княжествъ, созданныхъ нами, и Румыніи была совершенно противна видамъ императорскаго правительства, которое всегда разсчитывало имѣть ихъ скорѣе союзниками, чѣмъ обречь ихъ на безучастіе въ событіяхъ, могущихъ послѣдовать въ будущемъ на Балканскомъ полуостровѣ. Игнатьевъ поспѣшилъ на этотъ разъ воспользоваться телеграфическою инструкціею канцлера, заявивъ, что такого рода вопросы международнаго свойства не были предвидѣны въ инструкціяхъ, данныхъ уполномоченнымъ, и потому онъ можетъ лишь представить турецкія предложенія на благоусмотрѣніе императорскаго правительства, но что это ни въ какомъ случаѣ не должно останавливать переговоровъ, на которые онъ уполномоченъ.

Разумѣется, что если бы можно было въ Санъ-Стефано предвидѣть, что православныя государства, созданныя русскими усиліями и кровью, будутъ, въ силу постановленій Берлинскаго конгресса, обречены на экономическую, военную и политическую зависимость отъ Австро-Венгріи, безъ существеннаго обезпеченія русскихъ интересовъ въ будущемъ, то Игнатьевъ предпочелъ бы, отказавшись отъ мысли видѣть въ нихъ союзниковъ Россіи, согласиться на ихъ нейтрализацію (за исключеніемъ, конечно, Черногоріи), поставивъ это соглашеніе подъ гарантію всей Европы, чтобы ослабить главенство Австро-Венгріи на Балканскомъ полуостровѣ.

---

[1]) Т. е. «броненоснаго» флота. А. Б.

[2]) Схема всѣхъ элементовъ этого вопроса была нами дана въ особомъ примѣчаніи «О проливахъ» въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» на стр. 44 и 45. А. Б.

Канцлеръ отвѣтилъ 17-го на послѣдніе запросы Игнатьева слѣдующею телеграммою: «Назовите мирный договоръ прелиминарнымъ. Это не исключаетъ утвержденія султаномъ, которое совершенно необходимо. Главная часть дѣла будетъ исполнена подписаніемъ прелиминарнаго договора».

Телеграмма эта, полученная въ Санъ-Стефано 18-го утромъ, указывала на большую важность, придаваемую канцлеромъ заключенію Санъ-Стефанскаго договора [1]. Князь Горчаковъ въ это время считалъ остальное, т. е. конференцію или конгрессъ, за неизбѣжную, но не опасную и даже не затруднительную формальность. Впослѣдствіи, вѣроятно, онъ измѣнилъ свое мнѣніе.

Въ виду повтореннаго приказанія канцлера, Игнатьеву не оставалось ничего другого, какъ покориться и усугубить усилія, чтобы покончить съ вопросомъ о военномъ вознагражденіи, къ обсужденію котораго съ турецкими уполномоченными онъ окончательно приступилъ наканунѣ, т. е. 17-го. Опредѣленіе денежнаго военнаго вознагражденія и территоріальныхъ уступокъ Игнатьевъ оставилъ подъ конецъ, такъ сказать, до послѣдняго дня конференціи, предпославъ имъ всѣ остальныя условія договора, по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) Чтобы доказать великодушіе и безкорыстіе императорскаго правительства, озабочивающагося участью своихъ единовѣрцевъ и предпочитающаго обезпечить ихъ будущность прежде, чѣмъ удовлетворить своимъ частныхъ интересамъ;

2) оградиться, по возможности, отъ болтливости нашей и противодѣйствія европейскаго, которыя бы, несомнѣнно, проявились, если бы наши требованія въ этомъ отношеніи были преждевременно извѣстны во всей подробности посламъ, пребывающимъ въ Перѣ. При заключеніи договора, чрезъ два или три дня послѣ того, какъ наши требованія вознагражденія были бы безповоротно и окончательно оформлены и значеніе ихъ ясно обозначилось, европейской дипломатіи труднѣе было бы воспрепятствовать принятію ихъ турками; у Англіи и Австро-Венгріи не хватило бы времени сговориться между собою и принять энергическія мѣры на случай необходимости, признанной главнокомандующимъ, прервать переговоры для возобновленія военныхъ дѣйствій, или же согласія императорскаго правительства и главнокомандующаго вернуться къ первоначальному проекту Игнатьева, съ цѣлью оградиться отъ послѣдствій европейскаго вмѣшательства, т. е. занять войсками нашими высоты надъ Босфоромъ и господствующія надъ Константинополемъ, разрѣшивъ Игнатьеву пригласить своихъ бывшихъ товарищей—европейскихъ

---

[1]) Игнатьевъ [illegible] стояли съ виду заключеніе договора, каждая статья котораго предварительно была сообщена въ Петербургъ и одобрена не только канцлеромъ, но и Государемъ. А. Г.

представителей въ Турціи — возобновить константинопольскую конференцію и ея обсужденіе восточнаго вопроса на томъ пунктѣ, на которомъ она разошлась. Для такого выхода изъ положенія, созданнаго перемиріемъ адріанопольскимъ, всего удобнѣе было бы объявить о прекращеніи непосредственныхъ мирныхъ переговоровъ исключительно по поводу вопроса о военномъ вознагражденіи. Такая развязка представляла бы ту выгоду, что въ конференцію вступили бы мы, вооруженные не только близостью нашихъ войскъ, командующихъ проливомъ и столицею, но и обязательнымъ согласіемъ Порты, уже заполученнымъ по всѣмъ вопросамъ, которые затрагивались безуспѣшно въ прежней конференціи, что все то, что было уступлено Портою Россіи въ пользу христіанскаго населенія Балканскаго полуострова цѣною жертвъ Россіи и русской крови, не могло быть взято турками обратно, а европейскіе представители вынуждены были бы на конференціи считаться съ новымъ положеніемъ, условленнымъ уже между двумя воевавшими и непосредственно заинтересованными сторонами. Событія, созданныя войною, не могли быть уничтожены конференціею, и потому рѣшенія ея, несомнѣнно, были бы болѣе соотвѣтствующими правамъ Россіи, пріобрѣтеннымъ ею дорогою цѣною, и нашимъ интересамъ. Право же Россіи на военное вознагражденіе, признанное турками при перемиріи, никто оспаривать не могъ.

Приступая къ составленію статей о территоріальномъ и денежномъ вознагражденіи Россіи, Игнатьевъ, скрѣпя сердце, долженъ былъ подчиниться рѣшеніямъ канцлера и принять въ соображеніе настроеніе главной квартиры, жаждавшей заключенія, во что бы ни стало, мира.

Стремясь получить согласіе турокъ на значительное территоріальное приращеніе русскихъ владѣній, какъ со стороны Дуная, такъ въ особенности Закавказья, Игнатьевъ настаивалъ на томъ, чтобы Порта обязалась, при подписаніи перемирія въ Адріанополѣ, возвратить сполна всю сумму сдѣланныхъ нами военныхъ расходовъ и понесенныхъ потерь, какъ на Кавказѣ и берегахъ Чернаго моря, такъ и въ торговомъ и вообще экономическомъ отношеніи всего государства. Турки пришли въ ужасъ отъ выведенной русскимъ уполномоченнымъ суммы расходовъ и потерь, сознавая, что они приняли на себя обязательство, не имѣя ни малѣйшаго понятія о размѣрахъ [1]. Умышленно Игнатьевъ оставлялъ вопросъ о сдачѣ броненосцевъ открытымъ до послѣдней минуты, чтобы отвлечь вниманіе Лаярда, адмирала Гобарта и вообще нашихъ противниковъ въ Перѣ отъ дѣйствительныхъ нашихъ требованій, такъ какъ ихъ

---

[1] Тѣмъ не менѣе, къ концу дня 18-го февраля всѣ четыре уполномоченные подписали протоколъ XIX статьи договора, которымъ Порта признала за собою обязанность выплатить Россіи миллiардъ четыреста десять милліоновъ рублей. Авт.

озабочивала въ особенности участь турецкаго флота. Къ тому же султанъ, преслѣдуемый призракомъ безчестія потери броненосцевъ, цѣною ихъ сохраненія легче могъ согласиться на денежное вознагражденіе и утрату земельныхъ участковъ. Поэтому-то Игнатьевъ никому не повѣрилъ тайны согласія своего на оставленіе султану броненосцевъ до той минуты, когда надо было покончить съ вопросомъ о вознагражденіи и получить согласіе турецкихъ уполномоченныхъ на наши послѣднія требованія, отъ которыхъ мы уже отступиться не могли.

Русскіе уполномоченные, въ подтвержденіе своихъ требованій о вознагражденіи, выставили на видъ, что турецкое правительство обязано возвратить русскому правительству слѣдующія издержки:

1) Всѣ расходы по мобилизаціи, вооруженію и сосредоточенію армій дунайской и кавказской. Содержаніе войскъ съ осени 1876 г. до возвращенія ихъ въ Россію, считая не менѣе 1.000 франковъ съ человѣка въ годъ.

2) Содержаніе и возвращеніе на родину турецкихъ плѣнныхъ.

3) Исправленіе, пополненіе и обновленіе матеріальной военной части на желѣзныхъ дорогахъ, вслѣдствіе усиленнаго движенія на нихъ.

Сверхъ того, уполномоченные потребовали уплаты убытковъ, понесенныхъ прибрежными жителями и черноморскими городами, которые турецкія суда обстрѣливали, и вознагражденія за морскіе призы. Такимъ образомъ, составилась общая сумма въ 1.400 милліоновъ рублей, на уплатѣ которыхъ Россіи Игнатьевъ настаивалъ, какъ на послѣдствіи изъявленнаго Портою при пріостановкѣ нашего наступленія къ Константинополю согласія уплатить Россіи понесенные ею расходы. Громадность суммы привела турокъ въ совершенное отчаяніе. Савфетъ сидѣлъ, понуря голову, въ полномъ оцѣпенѣніи, сознавая безпомощное финансовое состояніе Турціи и доказывая положительную невозможность когда-либо выплатить такой долгъ и даже принять добросовѣстно за него отвѣтственность. Мало-по-малу турецкіе уполномоченные были доведены до того, что сами предложили отъ имени султана замѣнить хотя часть требуемой суммы территоріальными владѣніями. Начали съ Добруджи, которую турки уступили Россіи безъ большого затрудненія въ счетъ вознагражденія. Когда рѣчь дошла до Анатоліи, то тутъ новую границу было довольно трудно установить. Турки отстаивали въ особенности Баязетъ, присоединенія котораго къ Закавказью русскіе уполномоченные требовали, основываясь на неоднократномъ завоеваніи нами этого укрѣпленнаго города и на послѣдней геройской защитѣ русскаго отряда, тамъ осажденнаго многочисленными турецкими войсками. Очевидно, Порта, подстрекаемая Англіею, упорно отстаивала Баязетъ, лежащій на пути сообщенія съ Персіею, и желала оставить за собою проторенный ком-

мерческій караванный путь въ сосѣднюю мусульманскую страну. Призванный изъ анатолійской арміи, хорошо знавшій спорную мѣстность Акифъ-паша былъ приданъ въ помощь турецкимъ уполномоченнымъ, старался доказать невозможность и невыгоду проведенія требуемой нами новой граничной линіи и предлагалъ съ своей стороны проектъ разграниченія, по которому граничная черта проходила близъ самаго города Карса, оставляя Ардаганъ въ рукахъ турокъ и связуя Баязетъ съ Закавказьемъ лишь узкою полосою. Русскіе уполномоченные категорически отказались подвергнуть разсмотрѣнію и обсужденію подобный проектъ, не имѣющій граничнаго значенія и, какъ выразился Игнатьевъ, дѣлавшій «призрачною уступку четырехъ крѣпостей, нами требуемыхъ, и умаляющій до чрезвычайности единственную положительную выгоду, которую Россія намѣрена извлечь изъ кровопролитной и дорого ей стоившей войны».

Убѣдившись, что уполномоченные твердо рѣшились ничего не уступать, турки вынуждены были наконецъ согласиться на принятіе предложенной имъ Игнатьевымъ пограничной черты, умоляя сдѣлать уступки въ денежномъ требованіи. Имѣя въ виду, что при отъѣздѣ Игнатьева изъ Петербурга на запросъ его министерству финансовъ о томъ денежномъ вознагражденіи, которое слѣдуетъ требовать для покрытія военныхъ расходовъ, бывшихъ до половины февраля, М. Х. Рейтернъ заявилъ ему, что считаетъ отъ 300 до 400 милліоновъ вполнѣ достаточнымъ вознагражденіемъ, русскіе уполномоченные приравняли территоріальныя уступки Добруджи, Батума, Карса, Ардагана, Кагызмана и Баязета 1.100 милліонамъ рублей и заявили, что наличными деньгами, въ видѣ особаго снисхожденія, турки обязаны уплатить лишь триста милліоновъ рублей [1], а отъ выдачи броненосцевъ они отказываются во вниманіе только къ личной просьбѣ султана, переданной верховнымъ визиремъ.

18-го февраля вечеромъ былъ наконецъ подписанъ всѣми четырьмя уполномоченными протоколъ, которымъ Турція признала, что обязана возвратить Россіи всѣ понесенныя ею издержки, въ слѣдующей редакціи:

«Должное Портою вознагражденіе состоитъ изъ слѣдующаго:

«1) 900 (девятьсотъ) милліоновъ рублей военные расходы (содержаніе войскъ, возобновленіе матеріальной части, военные заказы и проч.).

«2) 400 (четыреста) милліоновъ рублей въ вознагражденіе за убытки, понесенные жителями южнаго побережья имперіи и нанесенные вывозной торговлѣ и желѣзнымъ дорогамъ.

«3) 100 (сто) милліоновъ рублей за убытки, понесенные Закавказьемъ.

---

[1]) Ср. ст. 19 Санъ-Стефанскаго договора. А. Б.

«4) 10 (десять) миллионовъ рублей за протори и убытки, съ процентами, рускимъ учрежденіямъ [1]) и подданнымъ въ Турціи.

«Всего миллiардъ четыреста десять милліоновъ рублей. Принявъ во вниманіе финансовыя затрудненія Турціи и согласно желанію его величества султана, русскій императоръ соглашается замѣнить уплату большей части слѣдуемыхъ вышеисчисленныхъ суммъ уступкою слѣдующихъ территорій:

«а) Тульчинскій санджакъ [2]), т. е. казы (уѣзды) Килійскую, Сулинскую, Махмудіэ, Исакча, Тульчу, Мачинъ, Бабадагъ, Гирсово, Кюстендже и Меджидіэ, а равно и всѣ острова Дельты (Дунайской и Змѣиный). Не желая присоединять къ себѣ всю эту мѣстность, Россія предоставляетъ себѣ право обмѣнять оную на часть Бессарабіи, которая была отдѣлена въ 1856 году, поставивъ граничную южную черту послѣдней по руслу Килійскаго рукава и включивъ устье Старостамбульскаго рукава [3]). Вопросъ о раздѣлѣ пользованія водами и рыболовствомъ долженъ быть разрѣшенъ русско-румынскою комиссіею въ теченіе года послѣ ратификаціи договора. Права, обязательства, обязанности и преимущества международной комиссіи Нижняго Дуная остаются неизмѣнными [4]).

«б) Ардаганъ, Карсъ, Батумъ и Баязетъ съ территоріею до Саганлукскаго хребта. Въ общихъ чертахъ граница, покидая прибрежье Чернаго моря, будетъ слѣдовать по хребту горъ, отдѣляющему рѣку Хопу отъ рѣки Чорохъ и т. д. (Слѣдуетъ подробное описаніе новой граничной черты до персидской границы, къ югу отъ озера Казли-Голъ) Окончательное проведеніе граничной черты пространства, присоединяемаго къ Россіи, означенной на прилагаемой картѣ (подписанной четырьмя уполномоченными), будетъ произведено русско-турецкою комиссіею, которая приметъ въ расчетъ, при своихъ опредѣленіяхъ, какъ топографическія условія, такъ и административныя для обезпеченія спокойствія края [5]).

«в) Мѣстности, означенныя въ §§ а и б, уступлены Россіи взамѣнъ суммы въ миллiардъ сто милліоновъ рублей [6]). Что же касается остального денежнаго вознагражденія, за исключеніемъ десяти

---

[1]) Русская больница св. Николая, учрежденная графомъ Игнатьевымъ въ Константинополѣ. Авт.

[2]) Губернія. Авт.

[3]) Россія пріобрѣтала, такимъ образомъ, наилучшій рукавъ Дунайскій для сообщенія съ моремъ. Игнатьевъ руководствовался при этомъ указаніемъ рыбаковъ-старовѣровъ, обитателей с. Вильково, считавшихъ Старостамбульскій рукавъ наиболѣе глубокимъ изъ всѣхъ другихъ и лучшимъ, нежели Сулинскій. Авт.

[4]) Для успокоенія Австро-Венгріи, Германіи и Англіи. Авт.

[5]) Такая оговорка давала возможность русскимъ пограничнымъ комиссарамъ подъ разными предлогами улучшить еще граничную линію, по соображенію мѣстныхъ обстоятельствъ и интересовъ русскаго управленія. Авт.

[6]) Несмотря на предусмотрительность, съ которою русскіе уполномоченные поставили территоріальныя уступки Турціи въ соотвѣтствіе съ ея денежнымъ долгомъ

милліоновъ рублей, должныхъ русскимъ учрежденіямъ и подданнымъ въ Турціи, способы выплаты этой суммы и обезпеченія оной будутъ опредѣлены особымъ соглашеніемъ между императорскимъ правительствомъ и турецкимъ [1]).

«г) Десять милліоновъ рублей, требуемыхъ для вознагражденія русскихъ подданныхъ и потерпѣвшихъ русскихъ учрежденій въ Турціи, будутъ выплачиваемы по мѣрѣ разсмотрѣнія русскимъ посольствомъ жалобъ и сообщенія заключеній Портѣ [2]).

«Санъ-Стефано, 18-го февраля (2-го марта) 1878 года. Савфетъ. Графъ Н. Игнатьевъ. Садуллахъ. Нелидовъ».

Ведя безпрестанные переговоры въ Санъ-Стефано, уполномоченные, черезъ Ону, продолжавшаго находиться въ Константинополѣ, постоянно сносились непосредственно съ Портою, верховнымъ визиремъ и военнымъ министромъ Реуфомъ-пашою. Ону доносилъ ежедневно о своихъ бесѣдахъ съ турецкими сановниками.

«Я нашелъ,—писалъ онъ,— Ахмета-Вефика совершенно удрученнымъ извѣстіями, полученными имъ изъ Санъ-Стефано, указывающими, что мы продолжаемъ не вѣрить въ его искренность. Какъ онъ, такъ и Реуфъ-паша увѣряли меня самымъ положительнымъ образомъ, что сегодня вечеромъ посланъ офицеръ къ Савфету-пашѣ, чтобы передать ему отъ имени султана повелѣніе не испрашивать болѣе инструкцій, а ограничиться представленіемъ возраженій и замѣчаній Порты и затѣмъ подписать ваши условія, если вы не уступите. Относительно одного лишь требованія султанъ непоколебимъ—это выдачи намъ броненосцевъ. Султанъ и Порта разсчитываютъ, что великодушіе его императорскаго величества выведетъ ихъ изъ затрудненій. Реуфъ-паша, равно какъ и другіе министры подтвердили мнѣ, что турецкимъ уполномоченнымъ посланы категорическія инструкціи о необходимости подписать безотлагательно мирный договоръ. Реуфъ-паша, которому я такъ же прочелъ, какъ и верховному визирю, полученныя мною отъ васъ инструкціи, обѣщалъ доложить о нихъ вечеромъ султану непосредственно и увѣ-

---

Россіи, русскіе уполномоченные въ Берлинѣ потеряли изъ виду при даровой уступкѣ Баязета, ограниченіи правъ Россіи въ Батумѣ и уступкѣ Добруджи Румыніи. Авт.

[1]) Такъ какъ турецкая казна была совершенно истощена и кредитъ подорванъ, то нужно было придумать особую финансовую комбинацію для обезпеченія исправнаго платежа. Игнатьеву были сдѣланы предложенія французскими банкирами, но онъ не имѣлъ права брать на себя выборъ способа уплаты, а министерство финансовъ не давало никакихъ указаній. Пришлось предоставить правительству рѣшеніе вопроса. Авт.

[2]) Вмѣсто того, чтобы предоставить русскому посольству разсмотрѣніе требованій и опредѣленіе размѣра вознагражденія въ каждомъ случаѣ, впослѣдствіи согласились на передачу этой власти смѣшанной комиссіи, что породило много недоразумѣній, неудовольствій и даже злоупотребленій. Авт.

рять меня, что Ахметъ-Вефикъ более искрененъ въ отношеніи къ намъ, нежели мы думаемъ.

Князь Рейсъ (германскій посолъ), не любящій Ахмета-Вефика, повторилъ мнѣ, однакоже, тоже самое. Онъ жалѣетъ, въ виду скорѣйшаго заключенія мира, что наше отношеніе къ личности верховнаго визиря колеблетъ его положеніе въ Портѣ. Если онъ падетъ, то дѣло снова затянется, и Сафветъ или Серверъ-паша, назначенные на его мѣсто, будутъ имѣть еще менѣе инициативы и мужества. Нынѣшній верховный визирь хотя Россію и не очень любитъ, но убѣжденъ въ необходимости заключить съ нами миръ во что бы то ни стало. Германскій посолъ уполномочилъ меня сообщить нашимъ уполномоченнымъ,—писалъ Ону,—объ его мнѣніи касательно верховнаго визиря. Нужно торопиться, говорилъ князь Рейсъ, и намекалъ на необходимость нѣкоторыхъ уступокъ съ нашей стороны для окончанія дѣла. Положеніе дѣлъ въ Европѣ, по его мнѣнію, не совсѣмъ благопріятное для Россіи. Въ Австріи распространилась большая тревога и раздраженіе. Нѣмцы (не лично Рейсъ) меня увѣряютъ, что даже новый французскій посолъ сошелъ съ ума отъ нашихъ условій, по его личному мнѣнію невозможныхъ».

Вслѣдъ за тѣмъ Ону прислалъ (17-го) слѣдующее донесеніе:

Я остался въ Стамбулѣ, чтобы добиться немедленнаго созванія совѣта, который теперь засѣдаетъ, иначе рѣшеніе было бы отложено до завтра. Ахметъ-Вефикъ и Ассимъ [1]) меня увѣряли, что проектъ постановленія совѣта заготовленъ совершенно въ смыслѣ того, что требуетъ Сафветъ для подписанія договора, и что совѣтъ обдумываетъ въ настоящее время содержаніе требуемаго рѣшенія. Если оно не получится сегодня вечеромъ вслѣдствіе того, что надо собрать подписи всѣхъ членовъ совѣта, то, во всякомъ случаѣ, турецкіе уполномоченные получатъ свои окончательныя полномочія завтра утромъ, предъ началомъ вашего совѣщанія съ ними. Ахметъ-Вефикъ очень удрученъ и онъ отрицаетъ все, что ему приписываютъ Савфетъ и Садуллахъ-бей, ибо онъ ихъ всячески уговаривалъ подписать договоръ и, какъ только они потребовали новую окончательную мазбату (постановленіе совѣта), такъ онъ тотчасъ имъ обѣщалъ прислать офиціальное разрѣшеніе, которое должно положить конецъ ихъ нерѣшительности. Савфетъ теряетъ голову въ виду угрозы ультиматума, которую постоянно предъявляютъ уполномоченные, изъ страха подписать договоръ, влекущій за собою ужасныя послѣдствія для страны. Но ему собираются послать категорическое приказаніе подписать договоръ, представивъ передъ тѣмъ свои замѣчанія русскимъ уполномоченнымъ. Я передалъ туркамъ и повторю еще все, что вы мнѣ поручили сообщить имъ.

---

[1]) Исправлявшій должность министра иностранныхъ дѣлъ, за отсутствіемъ въ Санъ-Стефано Сафвета. Авт.

Нѣтъ сомнѣнія, что интригуютъ противъ насъ усердно, совѣтуя туркамъ лучше пустить насъ въ Константинополь, чѣмъ принять наши договорныя требованія. Члены дипломатическаго корпуса утверждаютъ, что мы ежедневно прибавляемъ что-нибудь къ проекту договора съ цѣлью сдѣлать всякое мирное соглашеніе невозможнымъ и создать предлогъ для вступленія въ Константинополь съ намѣреніемъ занять Стамбулъ и Перу. Такъ какъ русскіе во всякомъ случаѣ намѣрены вступить въ Константинополь, то лучше ли вамъ доставить имъ сверхъ того подписанный вами договоръ? говорятъ наши пріятели туркамъ. «Предоставьте имъ вступить въ городъ, не подписывая договора, и вы увидите, какъ европейскія государства на этотъ разъ взволнуются».

«Я не утверждаю, чтобы турецкое правительство было убѣждено въ достоинствѣ этого средства самозащиты, но оно слушаетъ внимательно подобныя внушенія и колеблется. Исполняя ваше приказаніе, я отправлюсь сегодня же вечеромъ во дворецъ, но желалъ бы получить для сего открытую отъ васъ телеграмму слѣдующаго содержанія: «Дѣйствуйте согласно содержанію моей письменной инструкціи». Я пойму, что мнѣ остается предпринять. Если бы я отправился тотчасъ же во дворецъ, султанъ потребовалъ бы туда немедленно Ахмета-Вефика, и тогда совѣтъ разошелся бы, и мазбата не была бы подписана сегодня, а отложена до завтра, что замедлило бы на сутки принятіе договора. Сверхъ того я долженъ представить вамъ слѣдующее соображеніе: вслѣдствіе моего непосредственнаго обращенія къ султану отъ вашего имени, его величество, знающій уже, что мы не расположены къ Ахмету-Вефику и ему не довѣряемъ, прибѣгнетъ, по всей вѣроятности, къ обычному способу выиграть время, уволивъ верховнаго визиря, или, какъ его теперь называютъ, перваго министра и замѣстить его Савфетомъ-пашою. Въ такомъ случаѣ вы, несомнѣнно, потеряете терпѣніе и намъ придется вмѣсто переговоровъ пройти разстояніе, отдѣляющее насъ еще отъ Стамбула!

17-го ночью Ону послалъ слѣдующее донесеніе:

«Я прождалъ напрасно телеграмму вашу, до меня не дошла. Я видѣлся съ Реуфомъ-пашою, по возвращеніи его поздно вечеромъ изъ дворца. Полагаю, что вы будете довольны результатомъ этого тяжелаго дня. Заготовленное опредѣленіе совѣта (мазбата) было принято послѣ бурныхъ преній. Всѣ прежніе верховные визири и шейхъ-уль-исламъ [1]) присутствовали. Рѣшеніе должно находиться теперь въ рукахъ Савфета. Этотъ документъ опредѣляетъ новую азіатскую границу согласно вашему требованію. До этой минуты Порта не смѣла даже коснуться такого щекотливаго для турокъ

---

[1]) Глава духовенства. Авт.

вопроса, и азіатскія требованія наши сохранялись въ секретѣ, чтобы не возбудить бури негодованія. Взамѣнъ уступки такого большого пространства въ Азіи и Добруджи на Балканскомъ полуостровѣ Порта и султанъ надѣются, что мы не потребуемъ невозможнаго денежнаго вознагражденія. Турція положительно не въ состояніи выплатить такой громадный долгъ. Если, паче чаянія, мы будемъ настаивать [1]), то уполномоченные будутъ вынуждены согласиться, но добросовѣстность вынуждаетъ Порту заявить, что исполнить свое обязательство она не можетъ.

«Въ дурныхъ совѣтахъ туркамъ недостатка нѣтъ; имъ безпрестанно внушаютъ мысль держаться пассивнаго образа дѣйствій въ отношеніи къ намъ, не давая своего согласія добровольно ни на что. Морской министръ Саидъ-паша осмѣлился заявить, что онъ раздѣляетъ это мнѣніе и что, во всякомъ случаѣ, не слѣдовало бы впускать безъ выстрѣла русскихъ въ Константинополь. Вмѣстѣ съ англичанами и австрійцами соболѣзнуетъ туркамъ Фурнье, который продолжаетъ находить наши требованія чрезвычайными, невозможными. По сравненію съ русскими, пруссаки въ 1870 году были, по его мнѣнію, очень умѣренны. Заявляя, что Франція не вмѣшается, онъ выражаетъ, однакоже, личное мнѣніе, основанное на полученныхъ имъ свѣдѣніяхъ о раздраженіи противъ Россіи англичанъ и австро-венгерцевъ, что общая европейская война становится неизбѣжною...

«Безпокоясь продолжительностью переговоровъ, князь Ренсъ зашелъ ко мнѣ, чтобы попросить извѣстить его безотлагательно о подписаніи мирнаго договора, горячо имъ желаемаго, потому что, по его словамъ, Портѣ даютъ со всѣхъ сторонъ дурные совѣты, которые онъ старается отстранить... Не вѣрьте слуху, что рѣчь идетъ о скоромъ созваніи снова турецкаго парламента. Правительство объ этомъ и не думаетъ. Настроеніе грековъ измѣнилось; они негодуютъ на насъ съ тѣхъ поръ, какъ границы Болгаріи стали извѣстны».

17-го числа, во второмъ часу пополудни, Ону написалъ Игнатьеву слѣдующее донесеніе:

Ахметъ-Вефикъ мнѣ сказалъ, что онъ ожидаетъ, что договоръ будетъ подписанъ до дня восшествія на престолъ государя. Онъ мнѣ заявилъ, что отправилъ къ Савфету послѣднія инструкціи. Старикъ Мехмедъ-Рушди-паша [2]), равно какъ и другіе министры мнѣ сіе подтвердили. Если дѣйствительно договоръ будетъ подписанъ до 19-го февраля (молю Бога, чтобы это совершилось), Порта намѣревается расцвѣтить флагами суда и отсалютовать девятнадцатью выстрѣлами. Но если, паче чаянія, миръ до того дня не бу-

---

[1]) Рѣчь еще шла тогда о 1.4[illegible] милл. руб.

[2]) Бывшій верховный визирь. Авт.

детъ заключенъ. Порта предвидитъ, что въ Константинополѣ распространится паническій страхъ въ томъ случаѣ, если въ Санъ-Стефано наши батареи начнутъ канонаду безъ того, чтобы турецкія суда первыя произвели салютъ. Вслѣдствіе сего васъ просятъ убѣдить его высочество главнокомандующаго принять во вниманіе, въ данномъ случаѣ, смятеніе, которое произойдетъ при пальбѣ, превратно истолкованной мѣстными проходимцами въ громадной толпѣ бѣженцевъ, скопившихся въ Стамбулѣ. Дѣло въ томъ, что султанъ лично ужасно труситъ. Я, разумѣется, обѣщалъ донести вамъ о желаніи, выраженномъ Портою, но шутя замѣтилъ, что высокоторжественный день не можетъ обойтись безъ артиллерійскаго салюта и что лучшимъ средствомъ избѣгнуть замѣшательства, предвидѣннаго Портою, было бы скорѣйшее подписаніе договора. Туркамъ не понравилась моя шутка. Благоволите написать мнѣ нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ послѣ свиданія съ его императорскимъ высочествомъ.

«Такъ какъ со вчерашняго числа, послѣ безпрестанныхъ телеграммъ и писемъ вашихъ въ предыдущіе дни, вы мнѣ ничего не написали и не телеграфировали, то я вывожу заключеніе, что переговоры идутъ благополучно. Съ своей стороны, я могу сегодня вамъ сообщить лишь благопріятныя впечатлѣнія. Я видѣлъ много народа и въ последніе два дня и въ томъ числѣ вліятельныхъ лицъ. Всѣ они, повидимому, понимаютъ грозность положенія и отсутствіе всякой возможности выйти изъ онаго иначе, какъ немедленнымъ подписаніемъ мирнаго договора. Несмотря на то, что я самъ во дворецъ не ѣздилъ, я нашелъ средство сообщить ваши мысли султану, который только о скорѣйшемъ заключеніи мира и мечтаетъ. Старика Мехмеда-Рушди, слова котораго имѣютъ теперь большой вѣсъ, видѣлъ я и до и послѣ вчерашняго совѣта. Присутствуя въ совѣтѣ, онъ всѣ бумаги читалъ и увѣряетъ меня, что въ настоящее время мы можемъ вѣрить сумасшедшему Вефику, который наконецъ понялъ необходимость заключенія мира и дѣйствуетъ искренно въ этомъ смыслѣ, несмотря на всѣ козни иностранцевъ. Старикъ клялся мнѣ, что всѣ согласны на подписаніе мирнаго договора, что Савфетъ давно снабженъ соотвѣтствующими полномочіями, но что страхъ отвѣтственности заставляетъ его колебаться и что онъ хочетъ въ глазахъ турокъ доказать, что онъ боролся до послѣдней возможности [1], чтобы достигнуть смягченія требованій. Старикъ ручается за искренность всѣхъ дѣйствующихъ сановниковъ и умоляетъ васъ принять мѣры для воспрепятствованія безпо-

[1] Черезъ нѣсколько времени послѣ заключенія мира [illegible] Россія встрѣтилася на конгрессѣ съ оппозиціею Англіи и Австро-Венгріи [illegible] напечаталъ отчетъ о ходѣ переговоровъ въ Санъ-Стефано [illegible] и вообще съ дѣйствительностью [illegible]

лезной демонстраціи въ такую минуту, когда можно быть увѣренными, что договоръ будетъ подписанъ. Рушди полагаетъ, однакоже, что намъ необходимо сдѣлать нѣкоторыя уступки: Порта отказалась отъ всѣхъ соображеній своихъ и притязаній политическаго и стратегическаго свойства касательно Болгаріи, но рѣчь теперь идетъ уже объ обезпеченіи продовольствованія Константинополя: безъ морского прибрежья съ одной стороны до Месемврии, а съ другой безъ Салоникъ съ достаточною округою приморскою и сухопутною, безъ нѣкотораго пространства около Адріанополя -существованіе турокъ въ Константинополѣ было бы невозможно. Что касается денежнаго вознагражденія въ теперешнихъ его размѣрахъ, то онъ считаетъ уплату таковаго неосуществимою».

Дѣйствительно, съ 17-го числа переговоры русскихъ уполномоченныхъ пошли болѣе успѣшно и, при почти безпрерывныхъ совѣщаніяхъ, стали быстро приближаться къ развязкѣ. 18-го Игнатьевъ телеграфировалъ, въ три часа пополудни, канцлеру: «Счастливъ, что могу вамъ донести, что турки, послѣ продолжительныхъ и тяжелыхъ преній, кончили согласіемъ на уступку намъ Батума, Ардагана, Карса и Баязета. Еще продолжаемъ спорить о подробностяхъ разграниченія». Чрезъ нѣсколько часовъ, къ вечеру, Игнатьевъ телеграфировалъ канцлеру: «Въ дополненіе моей сегодняшней телеграммы доношу, что Олты, Ардануч, Артвинъ, Алашкертъ, Кагызманъ и Хамуръ останутся за Россіею».

Что касается денежной контрибуціи, то Игнатьеву хотѣлось достигнуть дѣйствительной и немедленной уплаты посредствомъ слѣдующаго обезпеченія: Турція уступила бы Россіи въ собственность принадлежавшія султану Гераклійскія угольныя копи, а также серебряные и мѣдные рудники въ Азіи и таможенные доходы въ Салоникахъ и Смирнѣ на опредѣленный срокъ. Сверхъ того она предоставила бы Россіи получать подать съ Болгаріи.

Такимъ образомъ, Россія имѣла возможность реализировать триста милліоновъ золотомъ посредствомъ заграничнаго европейскаго займа, подъ обезпеченіе упомянутыхъ доходныхъ статей, предоставляемыхъ Турціею Россіи. Болгарскій налогъ оставался бы въ нашемъ распоряженіи, доставляя Россіи экономическое основаніе для установленія продолжительнаго вліянія на освобожденную нами страну. Банкиры, преимущественно французскіе, обращались къ Игнатьеву съ предложеніями принять на себя уплату должной Турціею суммы.

Затрудненіе представлялось международное, вслѣдствіе выданныхъ Турціею обязательствъ обезпеченія финансовымъ европейскимъ группамъ, которыя не легко бы разстались съ таможенными доходами и пр. А потому безъ участія англо-французской группы Оттоманскаго банка, выражавшей Игнатьеву, по собственной

иниціативѣ, готовность идти навстрѣчу подобной комбинаціи для выплаты турецкой контрибуціи, обойтись было трудно.

Нашъ министръ финансовъ, которому были сообщены предположенія Игнатьева и проектъ французскихъ банкировъ, нашелъ ихъ слишкомъ сложными и рискованными и предпочелъ предоставить будущему, непосредственному соглашенію съ Портою опредѣленіе способовъ погашенія долга, наложеннаго на Турцію Санъ-Стефанскимъ договоромъ. Русскіе уполномоченные, не получая по этому предмету опредѣленныхъ и точныхъ указаній изъ Петербурга, не могли принять на себя рѣшеніе спеціальныхъ вопросовъ, сопряженныхъ съ уплатою трехсотъ милліоновъ рублей, ни вступить въ соглашеніе съ европейскими представителями оттоманскихъ кредиторовъ, обращавшимися къ Игнатьеву съ предложеніями. Такимъ образомъ, вопросъ остался открытымъ, согласно желанію министра финансовъ, тѣмъ болѣе, что на личную просьбу о сбавкѣ контрибуціи Ахмета-Вефика, выраженную великому князю главнокомандующему, его высочество, отказавъ въ своемъ вмѣшательствѣ до подписанія договора, обѣщался ходатайствовать объ облегченіи платежа предъ государемъ, какъ заявилъ верховный визирь Ону.

Имѣя въ виду, что, по договору, войска наши должны были еще въ теченіе двухъ лѣтъ занимать Болгарію, казалось, что наилучшимъ обезпеченіемъ не только исполненія всѣхъ условій договора, но и въ особенности достиженія наилучшихъ условій исправнаго платежа контрибуціи послужитъ присутствіе въ теченіе этого срока значительнаго корпуса русскихъ войскъ между Балканами и Царьградомъ, опирающихся на Большую Болгарію, созданную Россіею и управляемую еще нашими агентами и которая тогда находилась всецѣло подъ вліяніемъ ея освободительницы. Конечно, для прочнаго огражденія нашихъ интересовъ надо было умѣло пользоваться благопріятнымъ временемъ и обстоятельствами и по горячимъ слѣдамъ установить подробности денежнаго вопроса, на который уполномоченные въ Санъ-Стефано не имѣли никакихъ указаній, кромѣ отрицательныхъ изъ министерства финансовъ.

Несомнѣнно, что рискованно было отлагать исполненіе условій выговоренныхъ въ Санъ-Стефано, и не озаботиться своевременно развитіемъ ихъ въ нашу пользу и такимъ образомъ дождаться кореннаго измѣненія въ ущербъ Россіи обстоятельствъ въ Болгаріи, вслѣдствіе лондонскихъ переговоровъ между графомъ Шуваловымъ, Биконсфильдомъ и Салисбюри и затѣмъ Берлинскаго договора.

Игнатьевъ до такой степени озабочивался, чтобы денежное вознагражденіе было дѣйствительно и своевременно выплачено Россіи Турціею посредствомъ займа въ Европѣ, что онъ выразилъ свое денежное требованіе первоначально въ фунтахъ стерлинговъ. Интриги Лаярда и европейскихъ банкировъ въ Перѣ сбили съ толку Порту и возбудили безконечные споры, окончившіеся тѣмъ, что русскіе

уполномоченные согласились выставить цифру триста милліоновъ рублей. Но и тутъ дала себя почувствовать англійская интрига, даже послѣ подписанія договора. 20-го февраля Савфетъ-паша, не дѣлавшій во время переговоровъ и заключенія договора никакихъ замѣчаній насчетъ курса русскаго рубля, посѣтилъ Игнатьева, чтобы заявить, что необходимо условиться относительно цѣнности нашего рубля, болѣе льготной для Турціи.

«Если считать, — говорилъ Савфетъ, — вашъ рубль золотымъ, т. е. въ четыре франка, тогда триста милліоновъ рублей составятъ сорокъ восемь милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, а не сорокъ милліоновъ, о которыхъ была прежде между нами рѣчь. Выйдетъ на повѣрку, что вы, вслѣдствіе нашихъ замѣчаній, еще усугубили для насъ тягость контрибуціи, и Порта никогда не проститъ мнѣ, что я на это согласился, тѣмъ болѣе, что намъ указываютъ, что рубль вашъ кредитный, а не золотой; между ними большая разница».

Русскіе уполномоченные отвѣтили турецкому министру иностранныхъ дѣлъ, что они не имѣютъ никакого права расцѣнивать рубль по соотвѣтствію къ курсу на золото, часто мѣняющемуся, что у насъ всѣ расчеты дѣлаются на рубль и, въ подтвержденіе того, что цѣнность рубля не можетъ быть умалена, Игнатьевъ показалъ нѣсколько кредитныхъ билетовъ, указавъ на надпись на нихъ, значащую, что они подлежатъ размѣну, по предъявленіи, на серебряную или золотую монету [1]), и напомнилъ, что еще недавно рубль ходилъ въ Константинополѣ не только въ полной цѣнности, но еще съ лажемъ, такъ что посолъ нашъ долженъ былъ обратить вниманіе нашего министерства финансовъ на производившіяся одесскими евреями операціи выгоднымъ сбытомъ въ Турцію кредитныхъ рублей. Чтобы оградить Савфета-пашу отъ нападеній другихъ министровъ, русскіе уполномоченные дали ему записку, безъ подписи, въ которой объяснили, что взамѣнъ выдачи броненосцевъ было положено шесть милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, которые и уступлены въ послѣдній день переговоровъ. Относительно же опредѣленія курса рубля уполномоченные, сославшись на неимѣніе инструкцій и на невозможность произвольно умалять въ договорѣ нашу платежную единицу, заявили, что отъ будущаго соглашенія между Портою и петербургскимъ кабинетомъ будетъ зависѣть сдѣлать измѣненія, но что для русскаго представителя за границею рубль **представляетъ всегда неизмѣнную цѣнность.**

18-го числа, послѣ полудня, оставался лишь вопросъ о способѣ ратификаціи договора. Желая оградить Россію отъ измѣны Порты или податливости ея враждебнымъ намъ внушеніямъ, уполномочен-

---

[1]) Игнатьеву не могло въ голову прійти, что чрезъ нѣсколько времени петербургское правительство согласится растянуть платежи на очень продолжительный срокъ, [illegible] цѣнность своего рубля въ глазахъ турокъ. Авт.

ные предложили, послѣ того, какъ всѣ статьи договора были уже окончательно редактированы и скрѣплены подписями всѣхъ четырехъ уполномоченныхъ, заключительную статью слѣдующаго содержанія:

Настоящая конвенція будетъ ратификована ихъ императорскими величествами императоромъ всероссійскимъ и султаномъ оттомановъ и обмѣнъ ратификаціи послѣдуетъ на пятнадцатый день или, если возможно, ранѣе, въ Петербургѣ, гдѣ обѣ договорившіяся стороны условятся касательно мѣста и времени для приданія статьямъ сего договора торжественной формы, общепринятой для мирныхъ трактатовъ. Но положительно условлено и постановлено, что обѣ договаривающіяся стороны считаютъ себя, съ минуты обмѣна ратификацій настоящаго договорнаго документа, безповоротно и формально связанными вышеперечисленными условіями, которыя находятся подъ ихъ взаимнымъ ручательствомъ. Вслѣдствіе сего они употребятъ усилія, чтобы достигнуть соглашенія съ великими державами въ вопросахъ, касающихся общихъ интересовъ Европы, и обязуются другъ друга поддерживать, чтобы сохранить договоренныя нынѣ мирныя условія неизмѣнными».

Вмѣстѣ съ тѣмъ русскіе уполномоченные предложили турецкимъ заключить, одновременно съ подписаніемъ публичнаго договора, особую секретную статью слѣдующаго содержанія «Статьею (предыдущею) прелиминарнаго мирнаго договора установлена солидарность договаривавшихся сторонъ относительно условленныхъ постановленій; поэтому Россія и Турція торжественно обязуются поддерживать другъ друга съ цѣлью сохранить неизмѣнными статьи подписаннаго ихъ уполномоченными договора и не допускать никакого въ нихъ измѣненія безъ предварительнаго соглашенія по сему предмету между собою». Турецкіе уполномоченные испугались не на шутку неожиданнаго для нихъ требованія русскихъ. Они усмотрѣли въ этомъ ловушку, чтобы поставить Порту въ совершенную зависимость отъ Россіи и поссориться съ Европою, на которую турецкіе сановники, несмотря на послѣднія разочарованія, привыкли издавна разсчитывать. Паши въ особенности ужасались заключенія какой-либо секретной статьи и горячо возражали противъ заблаговременнаго опредѣленія ихъ будущихъ отношеній къ великимъ державамъ. Савфетъ распинался въ увѣреніяхъ, что оттоманское правительство приняло самыя торжественныя обязательства въ отношеніи къ Россіи, свято ихъ исполнитъ и вовсе не нуждается въ подтвержденіи еще вторично; что Порта готова считать договоръ окончательнымъ и вовсе не желаетъ употреблять выраженіе «прелиминарный». Турецкіе уполномоченные до того настаивали на томъ, чтобы слово это было исключено, что экземпляры договора, приготовляемые къ подписи уполномоченныхъ, начали переписывать на-чисто съ исключеніемъ слова «прелиминарный». Игнатьевъ съ удо-

вольствіемъ и не согласился, предполагая объяснить отступленіе отъ своихъ инструкцій настойчивымъ требованіемъ турокъ, совпадавшимъ съ дѣйствительными интересами Россіи. Но 18-го вечеромъ была получена запоздавшая депеша канцлера, весьма сухо подтверждавшая прежнее высочайшее повелѣніе назвать договоръ прелиминарнымъ [1]. Съ болью въ сердцѣ пришлось подчиниться, и секретари принялись ночью уже переписывать первые листы двухъ изготовляемыхъ экземпляровъ договора. Можно себѣ представить, какъ это было досадно и тяжко не одному Игнатьеву, но и всѣмъ его сотрудникамъ.

XV.

Девятнадцатаго февраля утромъ Ону послалъ донесеніе Игнатьеву, въ которомъ отдалъ отчетъ о впечатлѣніи, произведенномъ на Порту послѣдними предложеніями русскихъ уполномоченныхъ: Ваше новое предложеніе Савфету, о которомъ сей послѣдній немедленно донесъ, произвело истинное смятеніе между министрами. Они тотчасъ собрались у стараго Мехмедъ-Рушди-паши и принялись обсуждать вами предложенныя двѣ статьи. По ихъ словамъ, вы имъ предлагаете почти наступательный и оборонительный союзъ противъ державъ для исполненія принятыхъ Портою нынѣ обязательствъ. Я понимаю, что именно заключается въ вашемъ предложеніи, но турки преувеличиваютъ значеніе онаго; оно ихъ напугало, и я сомнѣваюсь, чтобы они приняли предложенную статью. Хорошо, что договорныя статьи уже снабжены подписями уполномоченныхъ, а то опять произошла бы большая заминка въ ходѣ переговоровъ. Турки заявляютъ, что готовы добросовѣстно исполнить все, что ими намъ обѣщано, но они не въ состояніи идти дальше изъ боязни быть вовлеченными въ новую войну. Если бы мы еще могли дышать, говорятъ они, развѣ мы бы согласились на подавляющія условія нынѣшняго мирнаго договора. Умы возбуждены противъ этого предложенія, неопредѣленность редакціи котораго ихъ пугаетъ. Безпрестанные патрули ходятъ по улицамъ. Эти военно-полицейскія предосторожности просто смѣшны. Султанъ ужасно боится малѣйшаго уличнаго безпорядка, которымъ, по его мнѣнію, мы или англичане могли бы воспользоваться, чтобы занять городъ. Князь

---

[1] Изъ этого мѣста «Записокъ» видно, что тяжкая вина передъ Россіей за ея униженіе въ этомъ [illegible] всецѣло падаетъ на князя Горчакова, который не только [illegible] высочайшее повелѣніе — дѣйствіе безусловно вредное съ точки зрѣнія русскихъ національныхъ интересовъ, но довелъ свою изумительную [illegible] вредъ онъ нанесъ своей родинѣ, несмотря на возраженія турокъ! А. Б.

Рейсъ безпрестанно присылаетъ спрашивать меня, подписанъ ли договоръ, прося его тотчасъ извѣстить о совершившемся событіи.

Не желая возбуждать новыя подозрѣнія, уполномоченные рѣшились отказаться отъ заключенія предложенной секретной статьи и измѣнили редакцію статьи о ратификаціи. Оканчивая свое донесеніе (№ 3 отъ 22-го февраля) канцлеру, уполномоченные выразились слѣдующимъ образомъ: «Если Порта, какъ утверждаютъ министры и уполномоченные, намѣрена вѣрно сохранить свои обязательства, нѣтъ сомнѣнія, что даже въ принятой ею заключительной редакціи статьи она уже формально связана въ отношеніи къ намъ. Но если она будетъ искать опоры въ другихъ державахъ, чтобы избавиться отъ нынѣшнихъ обязанностей своихъ, то неудовлетворенныя вожделѣнія и стремленія грековъ, сербовъ и румынъ и пр. могли бы доставить намъ вполнѣ средства дать тотчасъ почувствовать оттоманскому правительству, что ему выгоднѣе быть съ нами въ мирѣ, нежели искать союзниковъ противъ насъ».

Съ утра 18-го февраля до поздняго вечера происходили переговоры между уполномоченными, и, когда всѣ статьи были окончательно редактированы и скрѣплены подписями уполномоченныхъ, послѣ тщательной провѣрки, секретари, бывшіе при графѣ Игнатьевѣ, стали переписывать окончательно приготовляемые для торжественнаго подписанія договора экземпляры. Вмѣстѣ съ тѣмъ карты Болгаріи, Сербіи, Черногоріи и новыхъ русскихъ границъ въ Азіи и въ Добруджѣ были изготовлены. Работа кипѣла въ домѣ, занимаемомъ Игнатьевымъ, всю ночь, и утромъ 17-го, около полудня, уполномоченные могли снова собраться. Но надо было еще свѣрить и тщательно прочесть статьи договора, сличить оба экземпляра и всѣ приложенія, причемъ уполномоченнымъ пришлось еще неоднократно отстранять мелкія недоразумѣнія, исправлять погрѣшности и въ особенности успокаивать и приободрять Савфета-пашу, который убивался мыслью, что долженъ подписать такой унизительный, по его мнѣнію, для турокъ договоръ. Игнатьевъ доказывалъ ему, что слѣдовало его сдѣлать еще болѣе тягостнымъ послѣ поведенія Порты въ 1876 и 1877 годахъ, но что только великодушію государя и снисходительности главнокомандующаго и сговорчивости уполномоченныхъ обязана Порта болѣе умѣренными условіями, нежели первоначальныя, справедливыя требованія Россіи. Великій князь главнокомандующій, не давая себѣ отчета въ трудности и кропотливости предстоящей канцелярской работы въ послѣдніе двадцать четыре часа, съ самаго ранняго утра 19-го числа началъ присылать адъютантовъ, требуя немедленнаго подписанія договора. Узнавъ, что уполномоченные собрались, съ своими помощниками и секретарями, въ домѣ Игнатьева, его высочество, не предупредивъ Игнатьева и не испросивъ его мнѣнія, собралъ послѣ полудня войска на равнинѣ предъ Санъ-Стефано, въ виду стам-

бульскихъ минаретовъ и купола Святой Софіи, для торжественнаго объявленія арміи о заключеніи мира и продолжалъ присылать лицъ своей свиты, чтобы торопить подписаніе договора, не принимая во вниманіе тѣхъ объясненій, которыя давались посланнымъ, чтобы убѣдить ихъ, что часъ совершенія окончательнаго подписанія дипломатическихъ документовъ не можетъ быть математически заранѣе опредѣленъ и что напрасно торопились собрать слишкомъ рано войска. Наконецъ договоръ могъ быть подписанъ, съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, лишь около шести часовъ пополудни. Какъ только все было надлежащимъ образомъ оформлено, Игнатьевъ вскочилъ въ коляску и помчался къ ожидавшему его, во главѣ своей блестящей свиты, верхомъ на конѣ главнокомандующему и доложилъ его высочеству, что мирный договоръ окончательно подписанъ. Великій князь тотчасъ отправилъ государю телеграмму, заранѣе заготовленную, и радостно поздравилъ утомленныя долгимъ ожиданіемъ войска съ блестящимъ окончаніемъ кровопролитной и тяжелой войны. Послѣ благодарственнаго молебна, пропѣтаго предъ войсками, главнокомандующій пропустилъ ихъ церемоніальнымъ маршемъ передъ собою почти уже въ полусумерки. Воинственный, бодрый, одушевленный видъ проходящаго войска произвелъ сильное впечатлѣніе на сбѣжавшееся населеніе.

Игнатьеву было очень тяжело подписать договоръ, именуемый прелиминарнымъ, въ сознаніи, что оный не соотвѣтствуетъ тому идеалу, на осуществленіе котораго онъ положилъ столько трудовъ въ теченіе четырнадцати лѣтъ своей жизни, и что, давая свою подпись, онъ вынужденъ предоставить другимъ докончить дѣло мало имъ знакомое и, можетъ быть, имъ несочувственное; отказаться отъ болѣе полнаго, блестящаго и прочнаго рѣшенія восточнаго вопроса, такъ долго его озабочивавшаго и имъ подготовлявшагося. Савфетъ съ замѣтнымъ волненіемъ и грустнымъ самоотреченіемъ подписалъ договоръ, выказывая и тутъ свою фаталистическую философію.

Въ то время, какъ уполномоченные были поглощены послѣдними переговорами, умиралъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣста конференціи князь Черкасскій, который, совершенно больной, былъ привезенъ въ Санъ-Стефано. Наступила минута, давно имъ ожидаемая, когда онъ могъ свободно посвятить свои силы организаціи Болгарскаго княжества, и онъ рвался, чтобы свидѣться съ Игнатьевымъ, но могъ уже обмѣняться только нѣсколькими словами, когда уполномоченный пришелъ его навѣстить послѣ того, какъ присланный княземъ Неклюдовъ передалъ ему привѣтъ отъ умирающаго.

Вечеромъ 19-го уполномоченные отправили слѣдующія телеграммы: 1) канцлеру: Имѣемъ удовольствіе донести, что прелиминарный договоръ только что подписанъ. Текстъ близко подхо-

дитъ къ первоначальному проекту [1], съ нѣкоторыми добавленіями. Требованіе уступки намъ броненосцевъ оставлено. Касательно денежнаго вознагражденія опредѣлено, что Порта намъ должна триста милліоновъ рублей, способъ уплаты которыхъ и обезпеченіе оной предоставлены дальнѣйшему соглашенію между двумя правительствами. Границы Болгаріи опредѣлены согласно первоначальному проекту, съ морскимъ побережьемъ близъ Кавалы. Только города Салоники и Адріанополь остаются у Турціи».

2) Гирсу [2]: «Для сообщенія военному министру. Считаю долгомъ обратить вниманіе ваше, что, по условію съ турками, войска кавказскія будутъ имѣть право садиться для возвращенія въ Россію въ Трапезундѣ, а дунайская армія можетъ возвращаться чрезъ Мраморное и Черное моря. Оккупаціонныя же войска [3]) въ Болгаріи могутъ устроить постоянныя сообщенія съ Россіею чрезъ Варну и Бургасъ и имѣть тамъ складочныя мѣста».

3) Тифлисъ. Великому князю намѣстнику. Имѣю честь донести вашему императорскому высочеству, что мирныя условія только что подписаны въ Санъ-Стефано. Карсъ, Батумъ, Баязетъ, Ардаганъ, Олты, Ардануча, Артвинъ, Алашкертъ, Кагызманъ, Хамуръ [4]) остаются за Россіею. Граница опредѣлена по первому проекту. Русско-турецкая комиссія должна начать немедленно разграниченіе на мѣстѣ. Кавказскія войска, по подписаніи окончательнаго мира, имѣютъ шесть мѣсяцевъ для очистки мѣстностей внѣ новой пограничной линіи и могутъ направляться въ Россію изъ Эрзерума на Трапезундъ».

Игнатьевъ поспѣшилъ условиться съ Портою и сообщить обоимъ главнокомандующимъ и военному министру результаты своихъ дополнительныхъ съ турками переговоровъ касательно постепенности, съ которою русскія войска должны были очищать занятыя ими турецкія мѣстности, и путей сообщенія, по которымъ могли возстановиться и поддерживаться безпрепятственно сообщенія съ Россіею, а также совершаться болѣе удобнымъ образомъ — преимущественно водою — возвращеніе войскъ въ отечество или на мѣста ихъ постояннаго расположенія. Игнатьевъ заботился, чтобы русской арміи была доставлена возможность скорѣе вернуться въ Россію послѣ утвержденія мира и чтобы безполезные расходы на содержаніе

---

1) Т. е. привезенному Игнатьевымъ изъ Петербурга. Авт.

2) Товарищу министра иностранныхъ дѣлъ и управляющему азіатскимъ департаментомъ. Авт.

3) Т. е. которыя должны были занимать Болгарію въ теченіе двухъ лѣтъ. Авт.

4) Изъ перечисленныхъ здѣсь городовъ отошли обратно къ Турціи: Баязетъ, Алашкертъ и Хамуръ, на основаніи статей 58 и 60 Берлинскаго трактата. А. Г.

арміи были по возможности сокращены [1]) вскорѣ по окончаніи войны. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ стремился доставить нашей арміи облегченіе обратнаго похода посадкою войскъ на суда въ Буюкъ-дере, Санъ-Стефано и Родосто, Бургасѣ и Варнѣ для дунайской арміи, съ правомъ устройства складочныхъ мѣстъ въ послѣднихъ двухъ пунктахъ, а для кавказской арміи въ Трапезундѣ, для сокращенія труднаго пути изъ Эрзерума на Александрополь. При этомъ была задняя мысль доставить возможность отряду нашихъ войскъ пройти по новому пути изъ Эрзерума въ Трапезундъ, устроить складъ для тяжестей въ послѣднемъ пунктѣ, хотя на время, пока производится нагрузка на суда, и усилить, въ видахъ будущаго, русское вліяніе среди населенія этой части Малой Азіи.

Великій князь Николай Николаевичъ послалъ 19-го, съ смотрового поля, слѣдующую телеграмму государю: «Имѣю счастье поздравить ваше величество съ подписаніемъ мира. Господь сподобилъ насъ, государь, окончить предпринятое вами великое святое дѣло. Въ день освобожденія крестьянъ вы освободили христіанъ изъ-подъ ига мусульманскаго».

Государь получилъ эту телеграмму въ началѣ девятаго часа вечера и отвѣтилъ великому князю въ 8 час. 40 мин. слѣдующимъ образомъ: «Благодарю Бога за заключеніе мира. Спасибо отъ души тебѣ и всѣмъ нашимъ молодцамъ за достигнутый результатъ. Лишь бы европейская конференція не испортила того, что мы достигли нашею кровью. Александръ».

Радостная вѣсть огласилась по Петербургу тѣмъ болѣе, что, несмотря на поздній часъ, произведенъ былъ, по высочайшему повелѣнію, салютъ изъ крѣпостныхъ орудій. Предсѣдатель комитета министровъ, отецъ Игнатьева, былъ въ это время боленъ, но почелъ долгомъ письменно поздравить государя съ заключеніемъ мира. Его величество еще въ тотъ же вечеръ возвратилъ графу Игнатьеву его поздравительное письмо съ слѣдующей собственноручною отмѣткою: «Благодарю искренно. Радуюсь, что сыну твоему выпала честь подписать столь славный для Россіи миръ. Теперь остается желать, чтобы европейскіе наши друзья не помѣшали привести его въ исполненіе ихъ вмѣшательствомъ. Дай Богъ тебѣ скорѣе поправиться».

Султанъ телеграфировалъ государю 19-го же привѣтъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Пользуюсь случаемъ, представляющимся мнѣ въ день празднованія восшествія вашего величества на престолъ,

---

[1]) Колебаніями нашей политики и благодаря Берлинскому договору безполезная стоянка нашихъ войскъ въ Турціи до того протянулась, что расходы послѣ Санъ-Стефанскаго договора, по словамъ покойнаго Михаила Христофоровича Рейтерна, едва ли не превыси ли расхода собственно во время военныхъ дѣйствій и легли тяжелымъ бременемъ на русскій народъ. Авт.

чтобы принести вамъ мои поздравленія и возобновить съ вами дружественныя сношенія».

Государь императоръ отвѣтилъ султану по телеграфу же: «Благодарю ваше императорское величество за пожеланія, вами выраженныя и дошедшія до меня одновременно съ извѣщеніемъ о подписаніи прелиминарнаго договора, между нами заключеннаго. Въ этомъ совпаденіи желаю предусматривать предвозвѣстіе добрыхъ, прочныхъ и продолжительныхъ сношеній».

Въ тотъ же день вечеромъ Игнатьевъ, въ виду своего скораго отъѣзда, убѣдившись, что нельзя разсчитывать на стойкую настойчивость главной квартиры касательно воздѣйствія на турецкое правительство для добросовѣстнаго исполненія условій подписаннаго договора и опасаясь развитія интригъ, намъ враждебныхъ, предупредилъ Савфета-пашу, что онъ до своего отъѣзда долженъ условиться съ нимъ о подробностяхъ исполненія для полнаго возстановленія мирныхъ сношеній съ Россіею, основанныхъ на подписанномъ договорѣ. Одновременно, зная, что въ Европѣ распространены всякаго рода слухи на выговоренныя нами уступки, причемъ наибольшія предубѣжденія и опасенія возбуждаютъ предполагавшаяся выдача намъ турецкихъ броненосцевъ и ущербъ, который денежная контрибуція Россіи нанесетъ доходности обладателей процентныхъ государственныхъ бумагъ, Игнатьевъ адресовалъ телеграммы слѣдующаго содержанія къ русскимъ посламъ:

Въ Лондонъ—графу Шувалову, Парижъ—князю Орлову, Берлинъ—Убри, Вѣну—Новикову и въ Римъ—барону Икскулю:

«Прелиминарный мирный договоръ только что подписанъ. Добруджа и Дунайская дельта намъ уступлены; имѣется въ виду промѣнять ихъ на Бессарабію съ Румыніею (?). Карсъ, Ардаганъ, Баязетъ, Батумъ присоединены къ Россіи. Всѣ эти территоріи замѣняютъ три четверти установленнаго денежнаго вознагражденія [1]).

«Уплата остальной (четвертой) части контрибуціи предоставлена будущему соглашенію. Эрзерумъ, Трапезундъ, Салоники и Адріанополь остаются туркамъ. Условія навигаціи по Дунаю остаются прежними. Черногорія и Сербія не соприкасаются границами. Вопросъ о проливахъ не затронутъ».

Ясный смыслъ этого телеграфнаго сообщенія имѣлъ цѣлью доставить нашимъ представителямъ при великихъ державахъ безотлагательно средство воздѣйствовать на кабинеты и возбужденное общественное мнѣніе успокоительнымъ образомъ по всѣмъ вопросамъ, могущимъ касаться общихъ европейскихъ интересовъ и въ особенности австрійскихъ.

---

[1]) Этотъ фактъ, весьма важный для Россіи и который долженъ быть рѣшающимъ всѣ территоріальные споры въ будущемъ нашъ посолъ въ Лондонѣ въ переговорахъ съ Салюсбери, а потомъ русскіе уполномоченные въ Берлинскомъ конгрессѣ забыли, замолчали или потеряли изъ виду. Авт.

Предупредивъ о томъ канцлера, Игнатьевъ телеграфировалъ въ Николаевъ адмиралу Аркасу, прося о высылкѣ военнаго парохода въ Константинополь, съ цѣлью отправиться на немъ вмѣстѣ съ чрезвычайнымъ турецкимъ посломъ въ Одессу.

На другой день Игнатьевъ получилъ письмо Н. К. Гирса (отъ 14-го), въ которомъ онъ извѣщалъ его, что канцлеръ боленъ уже четыре дня, лежитъ въ постели и съ большимъ трудомъ можетъ заниматься дѣлами.

«Вы можете себѣ представить,—писалъ Н. К. Гирсъ,—въ какое затрудненіе насъ ставитъ эта болѣзнь...

По мнѣнію моему, наше политическое положеніе все еще очень плохо, малѣйшая неосторожность можетъ вовлечь насъ въ войну съ Англіею и затѣмъ съ Австріею. Вамъ предстоитъ огромная задача это предупредить, сохранивъ за нами плоды нашихъ побѣдъ. Канцлеръ телеграфировалъ вамъ, какія уступки мы можемъ сдѣлать [1]; будемъ надѣяться, что онѣ ускорятъ [2] подписаніе мирныхъ условій съ турками, а тутъ каждый день дорогъ. Сегодня пишу я вамъ офиціально, за болѣзнью канцлера, по вопросамъ о возстановленіи работъ въ Сулинѣ и о вознагражденіи частныхъ лицъ, пострадавшихъ отъ прекращенія навигаціи по Дунаю. По первому вопросу мы рѣшительно не знаемъ, какую сумму надо требовать. Этого не могъ сказать и военный министръ. Быть можетъ, найдете вы по этому вопросу положительныя свѣдѣнія въ главной квартирѣ, а по второму я полагалъ бы справедливымъ прибѣгнуть къ тому способу, который подробно излагаю въ моей бумагѣ. И дѣйствительно, какъ намъ рѣшать по частнымъ претензіямъ, пока не разберетъ ихъ основательно комиссія?

«Неужели нельзя будетъ пріобрѣсти для шаха хотя Хотуръ? Это было бы очень хорошее дѣло, но при неуступчивости турокъ со времени появленія англійскаго флота мало, кажется, надежды на успѣхъ...

«Переговоры о конференціи что-то пріостановились. Мы, съ своей стороны, ожидаемъ результата вашей негоціаціи. Да поможетъ вамъ Богъ! Глубоко уважающій васъ и искренно преданный

Н. Гирсъ».

Отправивъ телеграммы нашимъ посламъ при великихъ державахъ, Игнатьевъ извѣстилъ краткими дружественными телеграммами своихъ старыхъ знакомыхъ и дипломатическихъ товарищей: князя Рейса, графа Зичи, графа Корти о заключеніи мирнаго до-

---

[1] Вопросъ о проливахъ и уступка намъ турецкихъ броненосцевъ. Авт.

[2] Главная забота и канцлера, и Гирса была ускорить подписаніе Санъ-Стефанскаго договора. Авт.

говора, предупреждая о скоромъ свиданіи въ Перѣ. Всѣ трое тотчасъ освѣтили самымъ любезнымъ образомъ.

Ренсъ: «Примите мои искреннія поздравленія, равно какъ и выраженіе удовольствія съ вами скоро свидѣться».

Зичи: «Выражая вамъ самую искреннюю признательность за ваше сообщеніе, искренно радуюсь скоро свидѣться съ вами снова».

Корти: «Тысячу благодарностей и поздравленіи вашего неизмѣннаго».

Во то же время германскій генеральный консулъ выразилъ по телеграфу почтительныя свои поздравленія. Такимъ образомъ, было подготовлено возобновленіе непосредственныхъ сношеній съ дипломатическимъ корпусомъ [1]).

На другой день послѣ подписанія договора, то есть 20-го. Игнатьевъ пригласилъ къ себѣ представителей Сербіи и Черногоріи при главной квартирѣ, чтобы сообщить имъ копіи договорныхъ статей, касающихся Сербіи и Черногоріи. До того времени, въ виду чрезмѣрныхъ и неосновательныхъ притязаній Катарджи, Лешанина и Станко Радонича, уполномоченные, чтобы избѣгнуть безполезныхъ и раздражающихъ объясненій, старались не посвящать ихъ въ подробности своихъ переговоровъ съ турками. Игнатьевъ ограничивался сообщеніемъ имъ свѣдѣніи о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя онъ встрѣчаетъ въ переговорахъ съ турецкими уполномоченными о нашихъ союзникахъ, предупреждая генерала Лешанина, что сербы должны отказаться отъ надежды исполненія всѣхъ своихъ пожеланій территоріальнаго расширенія, такъ какъ рѣчь не можетъ быть въ настоящихъ обстоятельствахъ о полномъ разрѣшеніи восточнаго вопроса. При свиданіи 20-го февраля Игнатьевъ передалъ Лешанину и Радоничу копіи съ договорныхъ условій, относящихся до каждаго изъ нихъ, съ картами новой граничной черты, и пригласилъ ихъ сообщить своимъ правительствамъ эти документы, съ предложеніемъ заблаговременно принять всѣ надлежащія мѣры для облегченія приведенія въ исполненіе договора, какъ только текстъ будетъ официально сообщенъ имъ императорскимъ правительствомъ послѣ обмѣна ратификацій.

«Радоничъ заявилъ, — доносилъ Игнатьевъ канцлеру (№ 18), — что вполнѣ доволенъ тѣми преимуществами, которыя обезпечены Черногоріи, въ особенности значительнымъ приращеніемъ территоріи княжества, но сознался мнѣ, что занятіе мѣстностей, уступлен-

[1] Игнатьевъ въ то время былъ убѣжденъ, что ему придется тотчасъ вернуться изъ Петербурга, чтобы наблюсти за исполненіемъ договора, не выпуская изъ рукъ Порту, и остаться нѣкоторое хотя время въ Константинополѣ, въ качествѣ посла.

Авт.

ныхъ Черногоріи, изъ которыхъ три четверти еще находятся во власти турокъ, внушаетъ ему большія опасенія. Предупрежденный по телеграфу о пріобрѣтенныхъ результатахъ, князь Николай горячо благодарилъ меня по телеграфу».

Іонинъ телеграфировалъ Игнатьеву изъ Цетинья: «Позвольте мнѣ васъ лично поздравить, что вы имѣли счастье подписать миръ, который заключаетъ для насъ прекрасную награду многолѣтнихъ усилій и трудовъ» [1].

«Мнѣ стоило не мало трудовъ, — доносилъ Игнатьевъ канцлеру 25-го февраля — вразумить посланцевъ князя Милана. Нужно было исчерпать всевозможные доводы, чтобы убѣдить ихъ въ невозможности пріобрѣсти для Сербіи, въ настоящую минуту, болѣе, нежели чего мы достигли въ нашемъ договорѣ. Удостовѣрившись наконецъ, что мы добились наибольшихъ уступокъ, возможныхъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, Катарджи и Лешаничъ не скрыли, однакоже, отъ меня, что Сербія не можетъ считать себя удовлетворенною иначе, какъ при условіи, что Боснія и Герцеговина не будутъ заняты австрійцами, но что если это занятіе послѣдуетъ, то княжество почтетъ себя въ правѣ домогаться своего распространенія въ Старой Сербіи» [2].

Нѣтъ сомнѣнія, что если бы Санъ-Стефанскій договоръ былъ выполненъ и Россія настояла бы на добросовѣстномъ введеніи автономной администраціи въ Босніи и Герцеговинѣ, на основаніяхъ, указанныхъ въ статьяхъ договора, и воспротивилась бы вступленію значительнаго числа австро-венгерскихъ войскъ, требуя, чтобы оныя были выведены изъ сербскихъ земель одновременно съ очищеніемъ Болгаріи русскими войсками, то присоединеніе Босніи къ Сербіи, а большей части Герцеговины къ Черногоріи совершилось бы само собою, чрезъ нѣсколько времени послѣ введенія народнаго самоуправленія въ этихъ областяхъ.

Такъ какъ румынскаго представителя не было въ главной квартирѣ, то все, что въ договорѣ касалось Румыніи, Игнатьевъ сооб-

---

[1] Этотъ же самый Іонинъ отрекался впослѣдствіи отъ политики, приведшей къ Санъ-Стефанскому договору, и критиковалъ его, поддерживая, вмѣстѣ съ нѣкоторыми дипломатами и редакторомъ «Гражданина», княземъ Мещерскимъ, антиславянскія воззрѣнія и преклоняясь предъ Германіей и даже Австро-Венгріею.

Авт.

[2] Въ этихъ идеяхъ, высказывавшихся уже тогда во вліятельныхъ кругахъ Сербіи, можно усмотрѣть зародышъ сербско-болгарской войны 1885 года. Названіе «Старой Сербіи», по терминологіи упомянутыхъ здѣсь сербскихъ круговъ, надо понимать не въ смыслѣ одной только территоріи, простирающейся отъ границъ Босніи до Шаръ-Платины, но въ болѣе широкомъ смыслѣ, охватывающемъ часть сѣверной Македоніи: верховья Вардара, Скопье, Прилѣпъ, частью Велесъ, гдѣ этнографическій составъ населенія служитъ уже предметомъ нескончаемыхъ споровъ между сербами и болгарами.

А. Б.

щилъ барону Стюарту, съ надлежащими объясненіями, чтобы доставить ему возможность исправлять и опровергать ложныя свѣдѣнія, распространяемыя въ Бухарестѣ иностранными агентами, дѣйствія которыхъ имѣли цѣлью: возстановленіе румынскаго общественнаго мнѣнія противъ Россіи и привлеченіе Румыніи къ Австро-Венгріи.

Представившись султану послѣ заключенія договора и пробывъ нѣсколько часовъ въ Стамбулѣ, Савфетъ вернулся въ Санъ-Стефано, чтобы окончить дополнительные переговоры съ Игнатьевымъ:

1) По исполненію статьи VII договора и установленію правилъ постепеннаго очищенія части турецкой территоріи и мѣстностей, входящихъ въ составъ Болгаріи, съ передачею и тѣхъ и другихъ тѣмъ мѣстнымъ властямъ, которыя будутъ учреждены.

2) Возстановленію пароходныхъ сообщеній на линіяхъ, по которымъ ходили суда русской компаніи пароходства и торговли, и въ особенности безотлагательному возобновленію рейсовъ пароходовъ между Одессою и Константинополемъ.

3) Ускоренію распоряженія Порты объ очищеніи и передачѣ намъ Батума.

4) Назначенію турецкихъ комиссаровъ для участія въ проведеніи граничной линіи въ Сербіи и Болгаріи. Въ донесеніи своемъ (отъ 22-го февраля) канцлеру Игнатьевъ выставлялъ, что «съ нашей точки зрѣнія желательно, чтобы разграниченіе Болгарскаго княжества началось какъ можно скорѣе, преимущественно въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя наиболѣе могутъ подать поводъ къ спорамъ и недоразумѣніямъ, съ одной стороны между Люле-Бургасомъ и Адріанополемъ, а съ другой близъ Каваллы и Салоникъ, гдѣ населеніе наиболѣе смѣшанное и гдѣ могутъ возникнуть пререканія между греками и болгарами. Доказательствомъ, что мои настоянія о безотлагательномъ исполненіи договора произвели уже нѣкоторое впечатлѣніе на Порту, служитъ то, что Савфетъ-паша самъ возбудилъ вопросъ о подробностяхъ, относящихся до очищенія турками Ада-Кале[1], и о пользѣ наблюденія за этою операціею русскаго комиссара для предупрежденія недоразумѣній, которыя могли бы возникнуть между турецкимъ гарнизономъ и сербами. Такъ какъ полковникъ Боголюбовъ предназначенъ участвовать въ серботурецкомъ разграниченіи, то, по моему предложенію, наблюденіе за выводомъ турокъ изъ Ада-Кале поручено тоже ему».

Савфетъ возбудилъ также вопросъ объ исполненіи статьи VIII договора о срытіи крѣпостей Шумлы и Варны, выставляя на видъ, что немедленное исполненіе этого условія турецкимъ правитель-

---

[1]) Ада-Кале былъ островъ съ турецкими укрѣпленіями противъ города Старой-Орсовы, важный въ томъ отношеніи, что этотъ островъ расположенъ у самаго выхода Дуная изъ Желѣзныхъ Воротъ. А. Б.

стному затруднительно, ибо потребуетъ слишкомъ много времени и расходовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался доказать, что нужно назначить такой срокъ сдачи этихъ крѣпостей русскимъ войскамъ, чтобы турки могли увезти орудія и всѣ военные матеріалы. Игнатьевъ ему отказалъ въ назначеніи срока сдачи, замѣтивъ, что, по международному праву, условія договора становятся обязательными и должны быть безотлагательно исполнены съ минуты обмѣна ратификаціи [1], а потому русскія войска должны вступить въ крѣпости тотчасъ послѣ этого обмѣна, такъ какъ въ договорѣ не оговоренъ никакой спеціальный срокъ для очистки крѣпостей. Разъ война кончена, русскія войска не обязаны стоять бивуакомъ предъ крѣпостями и имѣютъ право для болѣе удобнаго размѣщенія вступить въ нихъ въ качествѣ друзей и находиться въ крѣпостяхъ одновременно съ тѣми частями турецкихъ войскъ, которыя будутъ заняты разоруженіемъ верковъ и вывозомъ артиллеріи и проч. Одно другому не мѣшаетъ, и совмѣстное пребываніе въ теченіе мѣсяца русскихъ съ турками въ одной и той же крѣпости можетъ осуществиться безпрепятственно. Тогда Сафветъ попытался доказать, что 15-дневный срокъ, опредѣленный для обмѣна ратификацій, слишкомъ краткокъ и что надо его продолжить согласно желанію турецкихъ министровъ, по взаимному соглашенію.

Принимая во вниманіе,—доносилъ Игнатьевъ канцлеру, неопредѣленное положеніе дѣлъ въ самомъ Константинополѣ и вообще въ политическихъ обстоятельствахъ, весьма важно, чтобы эти вопросы были разрѣшены въ нашемъ смыслѣ безотлагательно, и потому я настоялъ, чтобы ратификація султана была ускорена и чтобы обмѣнъ ратификацій послѣдовалъ какъ можно скорѣе».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Игнатьевъ потребовалъ немедленнаго освобожденія и возвращенія въ Константинополь сосланныхъ и заключенныхъ, большею частью въ Малой Азіи, престарѣлаго экзарха болгарскаго Анѳима [2] и всѣхъ болгаръ, преслѣдованныхъ по политическимъ причинамъ передъ войною и во время войны. Списки

---

[1] Это основное правило было забыто нашими дипломатами, которые не настаивали на очищеніи крѣпостей, ссылаясь на то, что срока для сего не было означено въ договорѣ. Главная квартира потеряла также изъ виду право, которое она имѣла, ввести русскія войска въ Шумлу и Варну тотчасъ послѣ обмѣна ратификацій, то есть въ началѣ марта, на что указывалъ Игнатьевъ главнокомандующему, при отъѣздѣ своемъ изъ Санъ-Стефано. **Авт.**

[2] Анѳимъ—первый болгарскій экзархъ послѣ провозглашенія автокефальности болгарской церкви, на основаніи фирмана 27-го февраля 1870 года. Когда началась война между Россіею и Турціею, Анѳимъ имѣлъ мужество отказать турецкому правительству, которое требовало, чтобы онъ обратился къ болгарскому народу съ посланіемъ, направленнымъ противъ русскихъ, вслѣдствіе чего его сослали въ Ангору.

По окончаніи войны, будучи возвращенъ на родину, Анѳимъ предсѣдательствовалъ въ тырновскомъ учредительномъ собраніи 1879 года. Онъ умеръ въ 1888 году — 72 лѣтъ отъ роду. **А. Б.**

этихъ несчастныхъ были доставлены русскимъ уполномоченнымъ болгарами и копіи сообщены Савфету. Вопросы, касающіеся очищенія турецкими войсками мѣстностей, присоединенныхъ по договору къ Черногоріи, и проведенія новой демаркаціонной линіи въ Албаніи впредь до окончательнаго разграниченія были также разрѣшены въ принципѣ между русскими уполномоченными и Савфетомъ, дѣйствовавшимъ уже какъ министръ иностранныхъ дѣлъ.

Игнатьевъ отправилъ канцлеру слѣдующую телеграмму (20-го февраля) въ отвѣтъ на запросъ о способѣ уплаты контрибуціи, выказавшій озабоченность министерства иностранныхъ дѣлъ, чтобы мы не нарушили финансовыхъ интересовъ западныхъ державъ:

«Предвидя европейскія затрудненія въ случаѣ обезпеченія платежа контрибуціи спеціальными доходами Порты, ограничимся опредѣленіемъ въ статьѣ XIX договора, что Порта признаетъ себя должною намъ триста милліоновъ рублей, способъ уплаты которыхъ и надлежащаго обезпеченія исправности оной будутъ установлены впослѣдствіи, соглашеніемъ между двумя правительствами. Вслѣдствіе моего внушенія Порта офиціально оповѣстила великія державы о заключеніи съ нами мира. Но я уговорилъ не сообщать текста договора до размѣна ратификацій, который долженъ состояться чрезъ 15 дней въ Петербургѣ. Агентамъ сербскимъ и черногорскимъ сообщилъ лишь статьи и карты, ихъ непосредственно касающіяся, пригласивъ ихъ строго сообразоваться съ договорными постановленіями, сохраняя, однакоже, въ тайнѣ до времени текстъ статей».

Чтобы доказать своимъ присутствіемъ европейскимъ представителямъ и столичному населенію, что мирныя сношенія съ Портою возстановлены, Игнатьевъ отправился 21-го февраля въ Стамбулъ и Перу. Нѣкоторыя личности какъ между европейцами, такъ даже между окружавшими великаго князя задались мыслью убѣдить какъ главнокомандующаго и главную квартиру, такъ и самого бывшаго русскаго посла, что политическая дѣятельность его предъ войною и во время санъ-стефанскихъ переговоровъ поселила такое недовѣріе къ нему между европейцами и такую озлобленную враждебность въ мусульманахъ, что ему опасно показываться въ Стамбулѣ и что встрѣча съ нимъ будетъ отличаться, во всякомъ случаѣ, крайне непріязненнымъ характеромъ. Его высочество главнокомандующій сталъ отговаривать Игнатьева ѣхать безъ конвоя въ Стамбулъ отдавать визиты верховному визирю и министру иностранныхъ дѣлъ въ Портѣ, ссылаясь на то, что онъ подвергается опасности быть убитымъ фанатиками или же подвергнуться оскорбленію, которое можетъ имѣть дурныя послѣдствія. Зная турокъ, Игнатьевъ старался убѣдить его высочество, что эти опасенія не имѣютъ никакого основанія, и, желая доказать это фактически, отправился въ Порту одинъ и не въ штатскомъ платьѣ, [illegible]

формѣ, чтобы не было никакого сомнѣнія въ его личности на стамбульскихъ и перскихъ улицахъ, которыя онъ объѣхалъ въ извозчичьей коляскѣ. Вездѣ онъ былъ принятъ съ особеннымъ почтеніемъ и вниманіемъ. Туземцы даже явно проявляли свою радость снова видѣть русскаго посла, такъ давно имъ всѣмъ знакомаго. Игнатьевъ условился съ верховнымъ визиремъ, что ратификація договора султаномъ будетъ ускорена и что послѣдуетъ обмѣнъ визитовъ между нимъ и великимъ княземъ. Главнокомандующій долженъ былъ посѣтить султана въ Ильдизъ-Кіоскѣ, а султанъ, по предложенію Игнатьева, отдать ему на другой день визитъ въ Санъ-Стефано, куда отправится на пароходѣ и гдѣ будетъ принятъ съ военными почестями. Затѣмъ Игнатьевъ поѣхалъ въ Перу и посѣтилъ германскаго посла, котораго благодарилъ за покровительство, оказанное русскимъ подданнымъ во время войны, причемъ отозвался съ большою похвалою объ усердномъ исполненіи своихъ обязанностей германскимъ генеральнымъ консуломъ.

Отвѣчая съ полною искренностью на вопросы князя Рейса касательно содержанія нашего договора съ турками, Игнатьевъ объяснилъ ему подробно по картѣ будущія границы Болгаріи, Сербіи и Черногоріи, а равно и новую русско-турецкую граничную черту въ Азіи. Считая своею обязанностью посѣтить германскаго посла, охранявшаго интересы русскихъ подданныхъ въ Турціи и относившагося благосклонно къ командированному въ Константинополь до прекращенія войны драгоману посольства Ону, Игнатьевъ почелъ невозможнымъ не посѣтить своихъ старыхъ константинопольскихъ товарищей -пословъ Австро-Венгріи и итальянскаго, а равно и греческаго министра Кундуріотти, бывшихъ въ личныхъ близкихъ и дружественныхъ отношеніяхъ съ нимъ до войны. Англійскаго же посла и французскаго, какъ прибывшихъ въ Турцію послѣ разрыва и не бывшихъ съ русскимъ посломъ въ служебныхъ и общественныхъ сношеніяхъ, Игнатьевъ не считалъ себя обязаннымъ посѣтить, тѣмъ болѣе, что былъ въ военно-походной формѣ, а не въ штатскомъ платьѣ, и что Лайярдъ своимъ враждебнымъ отношеніемъ и интригами противъ Россіи не могъ претендовать на особенную любезность и предупредительность со стороны представителя Россіи. Если бы Игнатьевъ поступилъ иначе, то его появленіе въ англійскомъ посольствѣ было бы объяснено въ глазахъ турокъ подобострастіемъ и боязнью предъ могущественнымъ представителемъ Великобританіи. Въ перскомъ обществѣ и между турками была замѣчена эта разница въ обращеніи Игнатьева съ своими друзьями и съ тѣми представителями, съ которыми онъ прежде не былъ въ личныхъ сношеніяхъ и которые держали себя непріязненно во время переговоровъ нашихъ съ турками. Русскій подданный, образованный адвокатъ, проживавшій въ Перѣ, счелъ себя обязаннымъ предупредить о томъ

бывшаго русскаго посла письмомъ, выразивши при этомъ, что англичане недовольны выказанною холодностью къ бывшему ихъ представителю».

Вотъ какъ доносилъ Игнатьевъ канцлеру о своемъ посѣщенiи австро-венгерскаго посла (№ 17): «Во время моей бесѣды съ нимъ я старался вернуть его къ лучшему къ намъ расположенiю. Всевозможныя старанiя употребилъ я, чтобы доказать ему, что мы оберегли существенные австро-венгерскiе интересы столько же въ Черногорiи, Боснiи и Герцеговинѣ, сколько на Дунаѣ и въ Сербiи. Судя по сказанному мнѣ графомъ Зичи, вѣнскiй кабинетъ озабоченъ преимущественно продолжительностью занятiя русскими войсками Болгарiи [1]). Я ему далъ замѣтить, что всякое побѣдоносное государство считаетъ себя въ правѣ занимать всю или большую часть завоеванной страны до исполненiя побѣжденнымъ всѣхъ условiй, на которыхъ были прiостановлены военныя дѣйствiя и заключенъ миръ, и что, впрочемъ, при нынѣшнемъ состоянiи умовъ никто изъ мусульманскихъ жителей, бѣжавшихъ изъ Болгарiи, не рѣшится туда вернуться (какъ того желаетъ Порта и ея совѣтчики), если общественная безопасность не будетъ обезпечена присутствiемъ нашихъ войскъ. Австро-венгерскiй посолъ, при окончанiи нашей бесѣды, далъ мнѣ наилучшiя увѣренiя въ личномъ добромъ расположенiи, стараясь объяснить принятое имъ положенiе во время нашихъ переговоровъ отсутствiемъ новыхъ инструкцiй, тогда какъ прежнiя инструкцiи, полученныя имъ изъ Вѣны, были пропитаны недовѣрiемъ къ нашимъ непосредственнымъ переговорамъ съ турками, такъ какъ оные не представляли никакого обезпеченiя для интересовъ Австро-Венгрiи»[2]).

Графъ Зичи былъ такъ доволенъ посѣщенiемъ Игнатьева, что написалъ ему записку (21-го февраля), чтобы выразить ему, до какой степени онъ былъ тронутъ любезнымъ вниманiемъ его. «Я усмотрѣлъ,—писалъ онъ,—въ этомъ посѣщенiи доказательство продолженiя нашихъ прежнихъ дружескихъ отношенiй, которыя

---

[1]) Намѣтивъ своими жертвами славянскiя княжества на Балканскомъ полуостровѣ и стремясь водворить исключительное влiянiе свое, политическое и экономическое, въ Сербiи и Болгарiи, Австро-Венгрiя, очевидно, опасалась того противодѣйствiя и той помѣхи, которые она могла встрѣтить въ присутствiи русскихъ войскъ въ центрѣ полуострова, среди единовѣрныхъ братьевъ, и желала для достиженiя своихъ цѣлей скорѣйшаго ихъ удаленiя. Авт.

[2]) Такимъ образомъ подтверждалась основательность подозрѣнiя, которое Игнатьевъ питалъ къ политическимъ дѣйствiямъ графа Андраши: въ то время, когда князь Горчаковъ вѣрилъ въ его искренность и добросовѣстное исполненiе договора 3-го января 1877 года, коимъ обезпечивались, казалось, при всѣхъ случайностяхъ войны, дѣйствительные интересы Австро-Венгрiи дорогою цѣною, приносимою Россiею въ собственный ущербъ, графъ Андраши давалъ своимъ агентамъ инструкцiи, проникнутыя недовѣрiемъ и враждебностью къ прямымъ русскимъ интересамъ. Авт.

насъ всегда соединяли. Графъ Зичи просилъ вмѣстѣ съ тѣмъ Игнатьева предупредить его, когда онъ проѣдетъ черезъ Перу, чтобы сѣсть на пароходъ, такъ какъ онъ желалъ бы еще разъ съ нимъ видѣться и переговорить. Сохраняя лично дружественныя отношенія съ графомъ Зичи, Игнатьевъ желалъ избѣгнуть слишкомъ продолжительнаго и откровеннаго разговора съ представителемъ Австро-Венгріи, принявшей враждебное положеніе къ Россіи и относившейся съ недовѣріемъ ко всѣмъ ея дѣйствіямъ, а потому онъ уклонился отъ той продолжительной бесѣды, которой добивался графъ Зичи, и написалъ ему любезную записку наканунѣ своего отъѣзда, чтобы предупредить, что онъ не остановится въ Перѣ, а прямо сядетъ на пароходъ. Тогда (25-го февраля) графъ Зичи отвѣтилъ ему слѣдующею запискою:

«Дорогой другъ. Называя васъ такъ, адресуюсь не къ графу, ни къ генералу, а къ тому, бесѣда съ которымъ дорога моему сердцу. Я видѣлъ изъ моего окна пароходъ, на которомъ вы переѣдете по Черному морю, и я съ грустью узналъ изъ вашей любезной записки, что вы лишь проѣдете, не останавливаясь, черезъ Перу. Я очень желалъ съ вами свидѣться прежде вашего отъѣзда, а равно и съ графинею, тѣмъ болѣе, что свиданіе наше во вторникъ (21-го) было слишкомъ коротко, чтобы дать намъ возможность разговориться по душѣ. Если мнѣ не удастся пожать вашу руку, вѣрьте, что мои наилучшія пожеланія сопутствуютъ вашему путешествію.

То, что вы мнѣ сказали о вѣроятности будущаго удовлетворительнаго соглашенія, меня очень успокоило, и я вамъ очень благодаренъ».

Персидскій посланникъ пріѣхалъ въ Санъ-Стефано, чтобы посѣтить Игнатьева и спросить, были ли затронуты персидскіе интересы въ переговорахъ съ турками. Я не поколебался, доносилъ Игнатьевъ канцлеру,—сообщить ему довѣрительно статью, касающуюся Персіи [1]) и по которой Порта обязалась принять во вниманіе мнѣніе, высказанное комиссарами посредствующихъ державъ [2]) относительно права владѣнія Персіи городомъ Хотуромъ, и произвести окончательное разграниченіе между Турціею и Персіею. Мохсинъ-ханъ не совсѣмъ былъ доволенъ моимъ сообщеніемъ, такъ какъ онъ, кажется, себѣ вообразилъ, что мы потребуемъ присоединенія къ Персіи нѣсколькихъ областей [3]). Онъ меня, однакоже, поблагодарилъ, что его отечество не было забыто нами, и выразилъ надежду, что шахское правительство будетъ лишь имѣть случай радоваться тому спеціальному праву вмѣшательства въ

---

[1]) О передачѣ Персіи города Хотура говорится во второй части ст. 60 Берлинскаго трактата; по этому вопросу было сказано глухо и нѣсколько неопредѣленно въ ст. 18 Санъ-Стефанскаго договора. Авт.

[2]) Россіи и Англіи. Авт.

[3]) Даже Багдада. Авт.

турецко-персидское разграниченіе, которое утверждено за Россіею этою статьею. Пользуясь моими давнишними сношеніями съ Мохсиномъ-ханомъ, я не скрылъ отъ него, что мы имѣемъ основаніе изумляться и даже быть недовольными его поведеніемъ во время войны. Не стану повторять того, что мой бывшій коллега привелъ въ свое оправданіе: онъ утверждалъ, что истинный персіянинъ не можетъ быть другомъ Турціи, обвинялъ Мирзу-Гуссейнъ-хана, что онъ его оклеветалъ предъ нами съ цѣлью скрыть въ нашихъ глазахъ свои собственныя англо-турецкія симпатіи, и предложилъ мнѣ, чтобы въ этомъ удостовѣрить меня, показать Ону всю свою корреспонденцію съ садразамомъ [1]), съ цѣлью доказать, что онъ (Мохсинъ-ханъ) употребилъ всѣ свои усилія для удержанія Персіи на той опасной наклонной плоскости, на которую силились ее увлечь. На упреки мои относительно поведенія Мирзы-Акбара [2]), персидскаго консула въ Эрзерумѣ, онъ ограничился отзывомъ, что этотъ консулъ родственникъ Мирзы-Гуссейнъ-хана и что, съ своей стороны, онъ не ограничился выговоромъ ему, но предложилъ уже его отозвать».

Игнатьевъ счелъ необходимымъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ донести канцлеру (25-го февраля) объ образѣ дѣйствій французскаго и въ особенности англійскаго пословъ:

«Какъ кажется, Фурнье получилъ въ послѣднее время благодѣтельныя указанія изъ Парижа, ибо нѣсколько дней, какъ замѣтно, измѣнилъ свои изреченія. Онъ поручилъ нѣкоторымъ изъ дипломатовъ, прибывшихъ на свиданіе со мною въ Санъ-Стефано, а равно и полковнику Гальяру увѣрить меня, что онъ вовсе не принималъ враждебнаго намъ положенія, но совѣтовалъ туркамъ сговориться съ нами какъ можно скорѣе. Что касается великобританскаго посла, то до меня доходитъ, изъ достовѣрнаго источника, свѣдѣніе, что онъ разстроенъ подписаніемъ турками договора и продолжаетъ быть намъ очень враждебнымъ, считая войну между Англіею и Россіею вѣроятною, и надѣется, по крайней мѣрѣ, что будущій конгрессъ лишитъ насъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ Россіею цѣною своей крови, которыя закрѣплены нынѣ нашимъ мирнымъ договоромъ съ Турціею. Всегда, уже въ прежнее время враждебный грекамъ и не скрывавшій своей личной антипатіи къ нимъ во время войны, онъ нынѣ внезапно измѣнилъ свое обращеніе съ ними и старается привлечь ихъ къ себѣ. Онъ сказалъ нѣсколько дней тому назадъ греческому посланнику Кундуріотти, что греки составляютъ единственный эле-

[1]) Мирзою-Гуссейнъ-ханомъ, бывшимъ передъ этимъ посланникомъ въ Турціи. Авт.

[2]) Персидскій консулъ въ Эрзерумѣ, отличавшійся своимъ враждебнымъ отношеніемъ къ русскимъ войскамъ и оказавшій услуги турецкой арміи во время войны. Авт.

ментъ, который можетъ быть противопоставленъ Россіи на Востокѣ, и что, какъ только Англія убѣдится въ невозможности поддержать Турцію въ качествѣ противодѣйствующаго намъ государства, Великобританія не поколеблется оказать грекамъ полное свое содѣйствіе. Подготовляя, такимъ образомъ, въ будущемъ для Англіи союзъ съ христіанскимъ населеніемъ на Балканскомъ полуостровѣ, Лайярдъ не потерялъ еще, повидимому, надежды на возможность доставить опору и мусульманамъ. Онъ поддерживаетъ самыя довѣрительныя сношенія съ Портою, пользуясь личными отношеніями къ Ахметъ-Вефику-пашѣ и къ морскому министру Саиду-пашѣ, которые всегда были преданы Англіи. Великобританское посольство вызвало знаменательную выходку со стороны нашихъ кавказскихъ эмигрантовъ. Въ поданномъ Лайярду прошеніи эти послѣдніе, послѣ выраженій признательности и преданности къ Англіи, просятъ покровительства ея противъ Россіи и предстательства предъ Портою, чтобы требуемое нами выселеніе съ европейскаго материка [1]) не было приведено въ исполненіе. Основываясь на этомъ прошеніи, Лайярдъ уже ходатайствовалъ за кавказскихъ выходцевъ предъ турецкимъ министромъ. При свиданіи съ черкесскими вождями онъ увѣрялъ ихъ въ своемъ сочувствіи и расположеніи; вскорѣ послѣ того онъ поручилъ (драгоману) спросить ихъ: можетъ ли Англія, въ случаѣ войны съ Россіею, разсчитывать на ихъ содѣйствіе? Само собою разумѣется, что отвѣтъ былъ утвердительный: они обѣщали выставить 200,000 всадниковъ, если Англія снабдитъ ихъ деньгами и оружіемъ. Такимъ образомъ, Лайярдъ, увлеченный своею горячностью и враждебностью къ Россіи, подтачиваетъ власть султана, принимая подъ свое покровительство чисто мусульманское населеніе, чтобы вынудить оное служить корыстнымъ видамъ Англіи».

Озабочиваясь безпрепятственнымъ удаленіемъ турецкихъ властей изъ мѣстностей, отходящихъ къ Болгаріи и Черногоріи, и настаивая на немедленномъ проведеніи южной, юго-западной и юго-восточной болгарскихъ границъ, Игнатьевъ условился съ Савфетомъ-пашою, «чтобы новыя мѣстныя власти, на основаніи статей договора, были немедленно учреждаемы и чтобы по мѣрѣ того, какъ граничная линія будетъ захватывать уѣздъ (казу), русскій комиссаръ являлся въ эту мѣстность, чтобы принять оную въ свое вѣдѣніе отъ имени генеральнаго комиссара, для передачи впослѣдствіи болгарскимъ властямъ, а турецкая мѣстная гражданская власть и войска должны будутъ очистить округъ (санджакъ) въ теченіе двухъ сутокъ».

---

[1]) Ограниченіе Турціи въ правѣ пользованія черкесами въ своихъ европейскихъ гарнизонахъ выражено въ статьяхъ 10-й Санъ-Стефанскаго договора и 15-й Берлинскаго трактата. А. Б.

Въ должность генеральнаго комиссара по разграниченію и принятію отъ турецкихъ властей края, отходящаго къ болгарамъ, Игнатьевъ предложилъ главнокомандующему князя Имеретинскаго. Его высочество, соизволивъ на это, поручилъ Игнатьеву предупредить о томъ князя Имеретинскаго, если онъ встрѣтится съ нимъ въ Одессѣ. Гражданскимъ комиссаромъ въ Македонію былъ назначенъ Хитрово, бывшій нѣсколько лѣтъ консуломъ въ Монастырѣ (Битоліи) и весьма знакомый съ этимъ краемъ. Ему было поручено составить проектъ прокламаціи къ населенію, переведенный на болгарскій, греческій и турецкій языки, для объявленія о присоединеніи края къ княжеству Болгарскому и объясненія населенію новаго положенія и его обязанностей, съ призваніемъ къ мирному сожительству, водворенію порядка и общественной безопасности. Прокламація эта была представлена въ проектѣ Игнатьеву и имъ просмотрѣна и одобрена, а затѣмъ и утверждена главнокомандующимъ, приказавшимъ напечатать оную въ достаточномъ числѣ экземпляровъ. Въ видѣ конвоя отправляющемуся въ Македонію русскому комиссару предполагалось придать кавалерійскую бригаду, а затѣмъ долженъ былъ туда двинуться Скобелевъ со своею дивизіею и занять весь край. Если бы это было исполнено, то, конечно, на Берлинскомъ конгрессѣ представители Англіи и Австро-Венгріи были бы очень затруднены въ желаніи своемъ расчленить созданную Россіею Болгарію. Но, съ отъѣздомъ Игнатьева въ Петербургъ, настроеніе и взгляды главной квартиры и дипломатической канцеляріи главнокомандующаго измѣнились: дипломатическія интриги, стремившіяся подготовить почву къ Берлинскому договору, взяли верхъ надъ чисто-русскими воззрѣніями. Заботились болѣе о томъ, чтобы не итти въ разладъ съ германскимъ, австро-венгерскимъ и даже англійскимъ послами и сблизиться съ султаномъ. За нѣсколько дней до отъѣзда Игнатьева изъ Санъ-Стефано тамъ были уже собраны офицеры, которые предназначены были развозить изготовленную прокламацію по Македоніи и вводить мѣстное управленіе. Но послѣ отъѣзда Игнатьева все было отмѣнено, и явилось опасеніе удалить кавалерійскую бригаду и дивизію Скобелева, чтобы не ослабить себя предъ Константинополемъ.

Устройство горячо желаемаго главнокомандующимъ свиданія его съ султаномъ озабочивало Игнатьева потому, что онъ, вопреки мнѣнію самого великаго князя и его окружающихъ, желалъ обставить обмѣнъ визитовъ такъ, чтобы вполнѣ поддержать достоинство и значеніе побѣдительницы Россіи въ глазахъ константинопольскаго населенія. Зная турокъ, Игнатьевъ находилъ невозможнымъ допустить, чтобы посѣщеніе великимъ княземъ султана и въ особенности возвратный визитъ падишаха его высочеству главнокомандующему произошли скромнымъ образомъ и съ такими восточными пріемами, какъ сего добивались турецкіе ми-

нистры, желавшіе возвысить султана въ ущербъ побѣдоносному вождю русской арміи и брату государя. Ахметъ-Вефикъ хлопоталъ о томъ, чтобы главнокомандующій уменьшилъ свою свиту и конвой, когда поѣдетъ въ Ильдизъ-Кіоскъ къ султану, и чтобы онъ принялъ отвѣтный визитъ не въ Санъ-Стефано, какъ предполагалъ Игнатьевъ, въ виду русской арміи или, въ крайнемъ случаѣ, въ домѣ русскаго посольства въ Перѣ [1], гдѣ отдавалъ визиты русскимъ великимъ князьямъ при проѣздѣ ихъ, во время посольства Игнатьева, покойный султанъ Абдулъ-Азисъ. При первомъ проѣздѣ черезъ Босфоръ великаго князя Алексѣя Александровича на частномъ пароходѣ нашего черноморскаго общества посолъ настоялъ, чтобы султанъ впервые и вопреки предубѣжденіямъ своимъ и Порты отдалъ визитъ юному великому князю на этомъ пароходѣ. Тѣмъ болѣе не могъ Игнатьевъ допустить, чтобы августѣйшему главнокомандующему русской арміей былъ оказанъ меньшій почетъ въ этомъ случаѣ по сравненію съ тѣмъ, что дѣлалось при обстоятельствахъ менѣе знаменательныхъ. Убѣдившись въ непоколебимой настойчивости Игнатьева, турецкіе министры прибѣгли къ обычнымъ своимъ пріемамъ, чтобы достигнуть своей цѣли. Они стали утверждать, что султанъ не въ состояніи, по разстроенному здоровью, не только выѣхать на яхтѣ въ Санъ-Стефано, но даже пріѣхать въ Перу, что онъ пугливъ и боится многолюдства, что константинопольское населеніе перепугается многочисленнаго конвоя и т. п., и что обмѣнъ визитовъ долженъ происходить въ султанскихъ дворцахъ, изъ которыхъ одинъ будетъ на этотъ случай предоставленъ въ распоряженіе великаго князя Николая Николаевича. Тогда Игнатьевъ телеграфировалъ Ону (21-го) слѣдующее: «Такъ какъ совершенно необходимо, чтобы султанъ отдалъ тотчасъ визитъ великому князю отнюдь не въ султанскомъ дворцѣ, но въ мѣстопребываніи главной квартиры или въ посольскомъ домѣ въ Перѣ, то лучше отложить предположенное посѣщеніе султана главнокомандующимъ. Дайте понять верховному визирю и Савфету, что великій князь, узнавъ о нездоровьѣ султана, предпочитаетъ выждать его полнаго выздоровленія и не торопится, а дожидаетъ его приглашенія».

Первоначально было предположено, что главнокомандующій посѣтитъ султана въ Ильдизъ-Кіоскѣ 22-го февраля, но такъ какъ не было до этого дня представлено турками ручательства, что отвѣтный визитъ султана произойдетъ въ тотъ же день, при усло-

[1] Игнатьевъ настаивалъ на пріѣздѣ султана на своей яхтѣ въ Сань-Стефано и на высадкѣ его среди русскихъ войскъ для проѣзда до дома, занимаемаго великимъ княземъ; но въ крайности готовъ былъ согласиться на султанскій визитъ въ посольствѣ, имѣя въ виду поднять русскій гербъ и флагъ, спущенные при разрывѣ сношеній, въ минуту вступленія султана на дворъ дома русскаго посольства. Авт.

віяхъ и обстановкѣ, указанныхъ посломъ Портѣ, то поѣздка великаго князя, по настоянію Игнатьева, была отмѣнена при чемъ уполномоченный обратилъ вниманіе его высочества, нетерпѣливо желавшаго ускорить свое свиданіе съ султаномъ, что публичный обмѣнъ визитовъ необходимъ и полезенъ для Турціи, а для Россіи не представляетъ ни важности, ни выгоды и скорѣе будетъ истолкованъ предъ мусульманами въ унизительномъ смыслѣ для августѣйшаго главнокомандующаго, нежели будетъ способствовать возвеличенію нашего положенія въ Турціи. А потому, съ согласія великаго князя, Игнатьевъ телеграфировалъ (22-го) Ону: «Погода ненастная, и великій князь, чувствуя себѣ не совсѣмъ здоровымъ, предпочитаетъ отложить свое посѣщеніе до другого дня. Пароходъ «Владимиръ»[1]) долженъ прибыть завтра. Самое главное и существенное теперь—это получить какъ можно скорѣе ратификацію султана. Государь требуетъ меня въ Петербургъ. Мнѣ невозможно уѣхать безъ ратификаціи»[2]).

Турецкіе министры, естественно, торопили посѣщеніе великаго князя, стараясь, однакоже, обставить оное наиболѣе благопріятнымъ для султана образомъ, и уклонялись отъ обязательствъ касательно исполненія требованій Игнатьева при возвратномъ визитѣ падишаха. Они надѣялись, что уговорили великаго князя пріѣхать 23-го въ Ильдизъ-Кіоскъ, гдѣ жилъ султанъ. Но 22-го февраля вечеромъ Игнатьевъ телеграфировалъ непосредственно верховному визирю: «Спѣшу увѣдомить вашу свѣтлость, что его императорское высочество великій князь главнокомандующій, чувствуя себя слегка нездоровымъ, находитъ, что дурная погода препятствуетъ ему совершить дальнюю поѣздку, и потому визитъ его не можетъ состояться завтра. Мы условимся объ обмѣнѣ визитовъ впослѣдствіи. Ону поручено васъ о томъ предупредить».

Игнатьевъ находилъ совершенно безполезнымъ и скорѣе унизительнымъ для русскаго достоинства, чтобы султанъ принялъ визитъ августѣйшаго главнокомандующаго не на равной ногѣ, а какъ знакъ должнаго почтенія, и ограничился скрытою отъ глазъ большинства населенія поѣздкою изъ Ильдизъ-Кіоска въ одинъ изъ своихъ же дворцовъ, въ который бы привезли его высочество для церемоніи отвѣтнаго посѣщенія султана. Уполномоченный настаивалъ предъ его высочествомъ, чтобы не было сдѣлано въ угоду мусульманской гордости послабленія Портѣ, зная, что такая уступка, какъ она ни малозначительна въ европейскихъ глазахъ, имѣетъ большое

---

[1]) Высланный изъ Одессы по требованію Игнатьева для переѣзда его и турецкаго посла въ Россію. Авт.

[2]) Турки и ихъ европейскіе совѣтчики сознавали вполнѣ, что съ отъѣздомъ Игнатьева прекратятся настоятельныя требованія главной квартиры, и потому желали ускорить отъѣздъ уполномоченнаго. Пользуясь симъ, Игнатьевъ поставилъ отъѣздъ свой въ зависимость отъ ратификаціи султаномъ договора. Авт.

значеніе предъ турками и повліяетъ на ихъ образъ дѣйствій впослѣдствіи въ отношеніи къ Россіи. Такимъ образомъ, обмѣна визитовъ не состоялось между великимъ княземъ и султаномъ, пока Игнатьевъ находился въ Санъ-Стефано. Съ его отъѣздомъ все измѣнилось: турки воспользовались отсутствіемъ выдержки и настойчивости главной квартиры, и, благодаря сговорчивости Нелидова и Ону, султанъ видѣлся съ великимъ княземъ какъ разъ при такихъ условіяхъ, которыя отвергалъ Игнатьевъ.

23-го числа Игнатьевъ получилъ наконецъ извѣщеніе, что утвержденіе султаномъ договора послѣдуетъ на другой день и что военный министръ Реуфъ-паша предназначенъ доставить ратификацію въ Петербургъ въ званіи чрезвычайнаго посла. Игнатьевъ телеграфировалъ 23-го канцлеру:

«Я тороплю офиціальное утвержденіе договора султаномъ и начало приведенія въ исполненіе договорныхъ условій. Порта ходатайствуетъ о допущеніи въ Петербургъ Реуфа-паши въ званіи чрезвычайнаго посла, который назначенъ мнѣ сопутствовать и доставить ратификацію султана. Надѣюсь выѣхать въ воскресенье».

Не получая отвѣта канцлера и опасаясь задержки, Игнатьевъ телеграфировалъ 24-го вечеромъ:

1) Князю Горчакову: «Ожидаю вашего отвѣта на мою вчерашнюю телеграмму касательно назначенія Реуфа-паши. Желательно ускорить развязку».

2) Ону: «Постарайтесь удостовѣриться, что султанъ издалъ свое утвержденіе договора и что формальная ратификація изготовлена въ Портѣ».

25-го, утромъ, получено было формальное извѣщеніе, что государь соизволилъ на принятіе сераскира въ качествѣ чрезвычайнаго посла съ ратификаціею султана.

Наконецъ, 26-го Игнатьевъ получилъ возможность протелеграфировать канцлеру:

«Отправляюсь на «Владимирѣ» съ Реуфомъ-пашою. Утвержденіе султана послѣдовало. Реуфъ-паша везетъ ратификацію».

Одесскаго градоначальника графа Левашова Игнатьевъ въ отвѣтъ на запросъ его извѣстилъ по телеграфу:

«Отправляемся въ два часа пополудни. При Реуфѣ-пашѣ состоятъ три офицера, при мнѣ—три чиновника».

Отплытіе парохода могло состояться лишь позднѣе назначеннаго часа, потому что Реуфъ-паша былъ задержанъ въ султанскомъ дворцѣ болѣе продолжительно, нежели разсчитывалъ; а разныя лица, между прочимъ австрійскій и итальянскій послы, пріѣхали на пароходъ проститься съ Игнатьевымъ и его женою. Передъ тѣмъ на станцію въ Санъ-Стефано прибылъ самъ главнокомандующій, чтобы проводить отъѣзжающихъ; при прощаньи Игнатьевъ убѣждалъ великаго князя не откладывать команди-

ровки Скобелева и Хитрово въ Македонію для занятія русскими войсками всѣхъ мѣстностей, предназначенныхъ входить въ составъ Болгарскаго княжества, настойчиво требовать, чтобы султанъ возвратилъ ему визитъ въ Санъ-Стефано или, по меньшей мѣрѣ, въ домѣ русскаго посольства въ Перѣ, а не иначе, и наконецъ, чтобы русскія войска безотлагательно вступили съ «пѣсенниками», какъ выразился Игнатьевъ, въ Шумлу и Варну, не дожидаясь окончанія разоруженія этихъ крѣпостей и вывода турецкихъ гарнизоновъ. Великій князь тогда, повидимому, раздѣлялъ мнѣніе Игнатьева, но, опасаясь осложненій, поручилъ ему переговорить обо всемъ этомъ, для устраненія препятствій, съ военнымъ министромъ Реуфомъ-пашою и убѣдить его телеграфировать объ исполненіи нашихъ требованій сераскиріату (т.-е. военному министерству).

Вопросы эти занимали Игнатьева, и онъ на пароходѣ, пользуясь положеніемъ Реуфа, какъ всесильнаго тогда сановника, къ которому султанъ питалъ личное довѣріе, подробно обсудилъ съ нимъ эти вопросы и по прибытіи въ Одессу поспѣшилъ телеграфировать Нелидову для доклада великому князю: «Согласно приказанію великаго князя говорилъ съ Реуфомъ о церемоніалѣ обмѣна визитовъ съ султаномъ и о движеніи нашихъ войскъ къ Буюкъ-дере [1]). Онъ одобряетъ пріѣздъ султана въ Санъ-Стефано для отданія визита его высочеству, соединеннаго съ смотромъ русской арміи, которая будетъ разставлена по пути проѣзда. Онъ будетъ телеграфировать въ смыслѣ нашихъ внушеній Саиду-пашѣ [2]) и Портѣ, но проситъ, чтобы о его иниціативѣ не было упоминаемо нами [3]).

Замѣчательно, что передъ отъѣздомъ своимъ изъ Санъ-Стефано Игнатьевъ получилъ, черезъ русскаго подданнаго, довѣреннаго лица Юсуфа-Иззедина, сына покойнаго султана Абдулъ-Азиса, готовившагося въ 1875 году ему наслѣдовать въ ущербъ старшимъ въ родѣ, т.-е. съ измѣненіемъ обычнаго порядка наслѣдованія, слѣдующія предложенія, написанныя по-турецки и переведенныя по-французски:

---

[1]) Игнатьевъ, съ 12-го февраля постоянно старавшійся уговорить главнокомандующаго занять Бѣлградскій лѣсъ и высоты близъ Буюкъ-дере, хотѣлъ воспользоваться заключеніемъ мира и правомъ, выговореннымъ имъ, посадки нашихъ войскъ въ Санъ-Стефано и Буюкъ-дере на суда, чтобы заблаговременно подвезти гвардію къ Буюкъ-дере въ ожиданіи отправленія въ Россію. Турецкій военный министръ на это изъявилъ свое согласіе. Надо было главной квартирѣ приступить немедленно къ рѣшительному исполненію.

[2]) Приближенный и довѣренный султана сановникъ. Авт.

[3]) Реуфъ, заподозрѣнный англичанами въ сочувствіи Россіи, остерегался интригъ и опасался себя компрометировать, а предпочиталъ, чтобы согласіе Порты и султана не казалось вынужденнымъ его настояніями, подъ вліяніемъ русскихъ внушеній. Авт.

1) Отстранить нынѣшнее правительство и силою обстоятельствъ способствовать возведенію его на отцовскій престолъ.

2) Онъ обязуется заключить съ Россіею тотъ трактатъ, который Игнатьевъ потребуетъ. Тогда Россія, въ союзѣ съ Турціею, можетъ разбить Австро-Венгрію.

3) Иззединъ обязуется находиться въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Россіи, т.-е. не заключать ни съ какою другою державою договора, предварительно ею не одобреннаго;

4) Въ случаѣ надобности и опасности Иззединъ будетъ имѣть право разсчитывать на военную помощь Россіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Иззединъ прислалъ Игнатьеву два запечатанные конверта съ письмами, за собственноручною подписью, на имя уполномоченнаго и государя императора, въ которыхъ, завѣряя о своей безграничной преданности, проситъ покровительства Россіи.

Пользуясь продолжительнымъ плаваніемъ и давнишними дружественными отношеніями съ Реуфомъ-пашою, Игнатьевъ, въ разговорахъ съ нимъ на пароходѣ, получилъ отъ него свѣдѣнія, которыя и поспѣшилъ сообщить какъ канцлеру, такъ и великому князю Николаю Николаевичу. Вотъ содержаніе его письма отъ 27-го февраля на пароходѣ «Владиміръ»:

«Реуфъ-паша мнѣ довѣрилъ, что, по сдѣланному недавно подсчету въ сераскиріатѣ, Турція потеряла въ продолженіе войны, не считая плѣнныхъ, находящихся теперь въ Россіи, болѣе ста сорока тысячъ человѣкъ убитыми, ранеными и выбывшими изъ строя за неспособностью продолжать военную службу. Въ этомъ итогѣ значительная цифра падаетъ на офицеровъ и солдатъ замерзшихъ въ Балканахъ и Анатоліи въ послѣдній періодъ войны. Порта потеряла всю свою крупповскую артиллерію, за исключеніемъ оставшихся у нея 110—115 орудій, а также 250 тысячъ ружей системы Генри-Мартини, такъ что у нея остается лишь до 100 тысячъ ружей, заряжающихся съ казенной части, и то большею частью попорченныхъ и которыя трудно пустить въ дѣло.

«Оттоманское правительство намѣрено оставить на будущее время подъ ружьемъ лишь 100 тысячъ человѣкъ и до наступленія еще настоящей весны распустить собранные редифы, чтобы дать имъ возможность обсѣменить поля и поддержать семейства, впавшія нынѣ въ нищету. Часть низама [1]) будетъ также распущена по домамъ, равно какъ и всѣ военноплѣнные, по возвращеніи ихъ изъ Россіи въ Турцію. Одни фельдфебеля и унтеръ-офицеры будутъ оставлены въ строю и образуютъ надежные кадры для формированія новой арміи. Рекрутскій наборъ въ восемьдесятъ тысячъ

---

[1]) Дѣйствующихъ регулярныхъ войскъ. Авт.

человѣкъ объявленъ до заключенія перемирія, и изъ этого числа двадцать пять тысячъ уже прибыли въ Константинополь. Общее число находящихся въ Константинополѣ и окрестностяхъ войскъ простирается до семидесяти тысячъ человѣкъ; изъ нихъ отъ тридцати до тридцати пяти тысячъ человѣкъ находятся подъ начальствомъ Мухтара-паши въ укрѣпленіяхъ, обороняющихъ городъ, а болѣе тридцати тысячъ, считая въ томъ числѣ рекрутъ, остаются въ городѣ.

XVI.

Послѣ торжественнаго пріема въ Одессѣ 28-го февраля турецкаго посла Игнатьевъ, встрѣченный любезно одесскимъ градоначальникомъ, графомъ Левашевымъ, и его женою, обѣдалъ у нихъ. Встрѣтившись въ Одессѣ съ княземъ Дондуковымъ - Корсаковымъ [1]) и княземъ Имеретинскимъ [2]), изъ коихъ первый былъ вызванъ въ главную квартиру въ виду предназначенія быть императорскимъ комиссаромъ въ Болгаріи, а второй предназначался быть комиссаромъ по разграниченію между Турціею и Болгаріею и предсѣдателемъ разграничительныхъ комиссій, Игнатьевъ объяснилъ имъ содержаніе договора и опредѣленныя для Болгаріи границы. Тотчасъ по прибытіи своемъ въ Одессу Игнатьевъ телеграфировалъ Нелидову (№ 65, 27-го февраля) о результатѣ разговора съ Реуфомъ-пашою, происшедшаго во время плаванія, согласно желанію великаго князя, просившаго русскаго посла условиться съ турецкимъ военнымъ министромъ касательно наилучшаго способа обмѣна визитовъ нашего главнокомандующаго съ султаномъ. Игнатьевъ убѣдилъ Реуфа-пашу въ основательности своего мнѣнія, высказаннаго Портѣ и возбудившаго опасенія и сомнѣнія Ахмета-Вефика-паши. Вотъ содержа-

---

[1]) Князь Александръ Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ (1820—1893 гг.). По окончаніи юридическаго факультета петроградскаго университета поступилъ на военную службу и отличился во время Крымской кампаніи, при штурмѣ Карса. Во время турецкой кампаніи 1877—78 гг. командовалъ 13-мъ корпусомъ. Въ 1878 г., по кончинѣ кн. Черкасскаго, былъ назначенъ императорскимъ россійскимъ комиссаромъ въ Болгаріи, гдѣ приложилъ много трудовъ по организаціи гражданскаго управленія. Состоялъ затѣмъ съ 1882 по 1890 гг. главноначальствующимъ гражданскою частью и командующимъ войсками на Кавказѣ. **А. Б.**

[2]) Князь Александръ Константиновичъ Имеретинскій (1837 –1900 гг.), потомокъ царей Имеретіи. По окончаніи академіи генеральнаго штаба участвовалъ въ усмиреніи польскаго возстанія 1863 г. Отличился во время войны съ Турціею тѣмъ, что взялъ Ловчу 22-го августа 1877 г. При осадѣ Плевны былъ у Тотлебена начальникомъ штаба, а когда Тотлебенъ ушелъ, былъ назначенъ главнокомандующимъ его арміи. Съ 1881 по 1892 гг. былъ главнымъ военнымъ прокуроромъ и начальникомъ военно-суднаго управленія. Въ 1897 году князь Имеретинскій былъ назначенъ на постъ варшавскаго генералъ-губернатора. **А. Б.**

ніе шифрованной телеграммы, отправленной изъ Одессы по кабелю въ Санъ-Стефано:

«Согласно приказанію великаго князя, говорилъ съ Реуфомъ о необходимости уладить обмѣнъ визитовъ и движеніи нашихъ войскъ въ Буюкъ-дере для посадки ихъ тамъ на суда. Онъ одобряетъ возвращеніе султаномъ визита главнокомандующему въ Санъ-Стефано съ смотровою постановкою нашихъ войскъ по пути слѣдованія. Будетъ телеграфировать отсюда въ смыслѣ моихъ предложеній Сайду-пашѣ (министру двора) и Портѣ, но проситъ насъ не ссылаться на его согласіе».

Поздно вечеромъ экстренный поѣздъ увезъ Игнатьева вмѣстѣ съ Реуфомъ-пашою и ихъ свитою въ Петербургъ.

Передъ отъѣздомъ Игнатьевъ написалъ (28-го февраля) барону Стюарту, въ дополненіе телеграммы, посланной ему изъ Санъ-Стефано, о содержаніи статей, касающихся Румыніи, и послалъ копію съ французскаго текста договора для свѣдѣнія, добавивъ слѣдующее: «Вамъ вполнѣ извѣстны мои переговоры въ Бухарестѣ съ румынскимъ министромъ, а потому нѣтъ надобности объяснять вамъ причины, заставившія меня соблюдать большую сдержанность во время мирныхъ переговоровъ по вопросамъ, относящимся до Румыніи. Статьи о Сербіи и въ особенности о Черногоріи гораздо обстоятельнѣе изложены и опредѣленнѣе. Но такъ какъ князь Карлъ не отправилъ въ главную квартиру своего представителя, съ которымъ бы я могъ посовѣтоваться, а, съ другой стороны, мнѣ было извѣстно, что румынское правительство настоятельно желаетъ вести переговоры непосредственно и самостоятельно съ Портою, безъ участія Россіи, то я счелъ долгомъ ограничиться постановкою лишь общихъ основаній для будущаго соглашенія, могущаго ихъ развить. Тѣмъ не менѣе я успѣлъ, однакоже, достигнуть принятія Портою въ принципѣ почти всего того, что было упомянуто въ инструкціяхъ князю Гикѣ [1]), которыя мнѣ сообщилъ Братіано въ Бухарестѣ, а именно независимости Румыніи, права на денежное вознагражденіе, пріобрѣтенія для румынскихъ подданныхъ равноправности съ европейскими иностранными подданными, срытія дунайскихъ крѣпостей и проч. Что же касается Тульчинской области, то она цѣликомъ, вмѣстѣ съ Дунайскими островами, уступлена Россіи, которая оставила за собою право вымѣнять оную на Бессарабію, отдѣленную по договору 1856 года и граничащую на югѣ русломъ Килійскаго рукава. Такимъ образомъ, отъ румынскаго правительства зависитъ вступить въ соглашеніе по этому предмету съ императорскимъ правительствомъ.

---

[1]) Румынскій посланникъ въ Петербургѣ. Авт.

«Въ теченіе нашихъ переговоровъ турецкіе уполномоченные возбудили вопросъ о недвижимыхъ имуществахъ, преклоненныхъ къ церквамъ и монастырямъ, находящимся въ Турціи, и предложили проектъ статьи, выговаривающей право Порты при возбужденіи румынами вопроса о военномъ вознагражденіи предъявить встрѣчное денежное требованіе касательно этихъ имуществъ. Послѣ большихъ усилій мнѣ удалось отстранить включеніе въ договоръ такой статьи. Но послѣ подписанія договора турецкіе уполномоченные прислали мнѣ официальную ноту, содержащую оговорку для сохраненія за православными общинами въ Турціи правъ на преклоненныя къ святымъ мѣстамъ имущества. Права эти Порта намѣрена предъявить при разсмотрѣніи притязаній румынскаго правительства къ Турціи. Я считалъ долгомъ сообщить вамъ вышеизложенное до полученія вами тѣхъ инструкцій, которыя вамъ дастъ императорское министерство относительно положенія, долженствующаго быть вами принятымъ въ сношеніяхъ съ румынскимъ правительствомъ».

На станціи Казатинъ Игнатьевъ разстался съ женою, которая отправилась въ гор. Кіевъ къ семьѣ, тамъ зимовавшей. Во время переѣзда своего изъ Одессы въ Петербургъ Игнатьевъ составилъ объяснительную записку для министерства иностранныхъ дѣлъ, въ которой выяснилъ происхожденіе и значеніе каждой статьи договорной, для облегченія послѣдовательности дальнѣйшихъ дѣйствій министерства и русскихъ представителей за границею. Вотъ содержаніе этой записки, представленной канцлеру 3-го марта:

«Статья I. Черногорія. Новая граничная черта Черногорскаго княжества проведена на основаніи слѣдующихъ соображеній: 1) русскіе уполномоченные вынуждены были принять во вниманіе настойчивыя возраженія Австро-Венгріи противъ всякаго расширенія владѣній черногорскихъ въ сѣверо-западномъ направленіи, въ западной части Герцеговины и обязательство, принятое императорскимъ правительствомъ въ Вѣнѣ, не допускать черногорцевъ за линію Требинье—Билекъ—Гацко. А потому уполномоченные не были, къ сожалѣнію, въ состояніи исполнить желаніе князя Николая распространить его владѣнія до рѣки Наренты [1]), включивъ въ Черногорію Любинье, Требинье, Невесинье и Столацъ—главнѣйшіе очаги герцеговинскаго возстанія въ

---

[1]) Согласно первоначальному проекту и намѣреніямъ Игнатьева, отъ которыхъ ему трудно было отказаться, ибо въ 1875 году онъ стремился присоединить къ Черногоріи эту многострадальную часть Герцеговины. Населеніе этой мѣстности, первое взявшееся за оружіе и сроднившееся съ черногорцами, по справедливости, должно было быть присоединено къ княжеству, какъ хотѣлъ этого достигнуть Игнатьевъ еще на константинопольской конференціи. Онъ упорно оспаривалъ притязанія Австро-Венгріи, доказывая нашему министерству иностранныхъ дѣлъ ихъ неосновательность и наносимый Черногоріи и Россіи нравственный ущербъ. Авт.

1875 г. [1]). Надо надѣяться, что австро-венгерское правительство признаетъ наше доброе расположеніе, фактически доказанное, и подастся на соглашеніе съ нами по всѣмъ другимъ вопросамъ, касающимся Черногоріи и Сербіи [2]).

«2) Съ той минуты, когда Черногорія лишена владѣнія тою частью Герцеговины, на которую она разсчитывала, справедливость требовала, чтобы ей доставлено было соотвѣтствующее вознагражденіе въ направленіи къ рѣкамъ Дрину и Лиму, на сѣверовостокъ, хотя присоединеніе къ княжеству этой мѣстности, не занятой черногорцами при заключеніи перемирія, весьма естественно должно было встрѣтить горячее сопротивленіе со стороны Порты, и очищеніе оной отъ турецкихъ войскъ могло даже вызвать вооруженное столкновеніе. Австро-Венгрія не имѣетъ основанія возражать противъ увеличенія черногорской территоріи въ этомъ направленіи, такъ какъ граничная черта не переходитъ за условленную во время переговоровъ съ вѣнскимъ кабинетомъ линію, означенную на картѣ, врученной въ началѣ 1877 года Новиковымъ графу Андраши [3]).

«3) Новая граница княжества не захватила въ юго-восточномъ направленіи часть Старой Сербіи, предназначенной на упомянутой картѣ Черногоріи, главнѣйше по той причинѣ, что мы были въ невозможности доставить Сербіи соотвѣтствующее увеличеніе территоріи къ сторонѣ рѣки Лима и Старой Сербіи, вслѣдствіе слишкомъ ограниченнаго выраженія «исправленія границъ», употребленнаго при подписаніи 7 ст. адріанопольскихъ основаній мира [4]), и особеннаго упрямства, съ которымъ турки отказывали

[1]) Вызвавшаго вмѣшательство сначала трехъ державъ, а потомъ всей Европы въ пользу христіанъ, поднявшихъ оружіе противъ турецкаго владычества и которыхъ теперь отдавали подъ тягчайшее для православныхъ сербовъ иго австро-нѣмецко-мадьярско-католическое, лишающее ихъ народности, вѣры, языка, всякой самостоятельности и самобытности. Авт.

[2]) Надеждѣ, выраженной для побужденія министерства иностранныхъ дѣлъ стать твердо и настойчиво на эту почву и ничего болѣе не уступать въ отношеніи Черногоріи и Сербіи, не суждено было исполниться. Графъ Андраши не оцѣнилъ значительной уступки, сдѣланной ему въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ, а наши дипломаты не сумѣли выставить это въ надлежащемъ свѣтѣ и стали уступать болѣе или менѣе по всѣмъ пунктамъ. Авт.

[3]) Какъ указано будетъ впослѣдствіи, графъ Андраши, съ свойственнымъ ему нахальствомъ и самоувѣренностью, пользовался скромностью, деликатностью и обходительностью, нерѣшительностью и ненаходчивостью нашихъ дипломатовъ, чтобы отвергать и послѣдствія соглашенія, съ нимъ заключеннаго, когда оно клонилось въ выгодѣ славянъ и было неудобно для Венгріи, и даже отрицать самое существованіе карты, привезенной въ Вѣну Обручевымъ и переданной австро-венгерскому министру нашимъ посломъ, подписавшимъ съ нимъ секретную конвенцію. Авт.

[4]) Въ вопросѣ о Сербіи всего болѣе выказалась двойная игра Австро-Венгріи, успѣвшая, къ сожалѣнію, сбить съ прямого и естественнаго пути какъ русское правительство, такъ и Сербію. Австро-Венгрія настаивала на урѣзываніи тѣхъ выгодъ, ко-

Сербіи въ значительномъ приращеніи, преимущественно же въ уступкѣ укрѣпленныхъ городовъ, которыхъ сербы не успѣли занять. Впрочемъ, эту часть Старой Сербіи предполагалось, на основаніи обмѣна мыслей въ Вѣнѣ, присоединить къ Черногоріи въ случаѣ, если бы Австро-Венгрія потребовала занятія Босніи и Герцеговины [1]). Если бы это случилось, было бы естественно потребовать, въ вознагражденіе Черногоріи, присоединеніе къ ней всей этой мѣстности, съ проведеніемъ южной границы княжества по рѣкѣ Дрину [2]). Но до поры, до времени было бы опрометчиво требовать еще большаго распространенія владѣній княжества Дѣйствительно, не говоря уже о матеріальной невозможности миролюбиво выжить мусульманское, воинственное населеніе и турецкія войска изъ этой территоріи и подчинить власти князя Николая албанскія племена, оную населяющія, надо опасаться, что преждевременное присоединеніе къ Черногоріи большей части Старой Сербіи вызоветъ, съ одной стороны, занятіе Босніи и Герцеговины австрійскими

торыя мы желали предоставить обоимъ княжествамъ, не допуская въ особенности расширенія ихъ въ мѣстности, обитаемой сербскимъ племенемъ. Подстрекаемая изъ Вѣны и Пешта, Порта всего упорнѣе отказывалась отъ уступокъ въ пользу Сербіи. А на Берлинскомъ конгрессѣ графъ Андраши беззастѣнчиво притворился защитникомъ сербовъ противъ болгаръ и покровительницы послѣднихъ Россіи. Сербы легкомысленно повѣрили, что мы ихъ бросили, и громко жаловались на предпочтеніе, оказанное болгарамъ, не вникая въ коварный образъ дѣйствій графа Андраши и не распознавъ, что уменьшеніе территоріальнаго вознагражденія Сербіи произошло въ угоду Австро-Венгріи. Авт.

[1]) Этотъ случай могъ представиться, лишь если бы мы заняли Константинополь или Турція распалась. Авт.

[2]) Читатель долженъ обратить вниманіе на то, что не слѣдуетъ смѣшивать рѣку Дрину, притокъ Дуная, составляющую границу между Сербіею и Босніею, съ рѣкой Дриномъ, впадающей въ Адріатическое море. Послѣдняя рѣка, о которой здѣсь именно идетъ рѣчь, вытекаетъ изъ сѣверныхъ отроговъ такъ называемыхъ «Проклятыхъ Горъ», около Печа, орошаетъ подъ именемъ Бѣлаго Дрина плоскогорье, именуемое Метохіею, принимаетъ слѣва, около Брути такъ называемый Черный Дринъ, истекающій изъ Охридскаго озера, затѣмъ широкимъ полукругомъ окаймляя страну дукаджинъ и миридитовъ, около Скутари, сообщается боковымъ протокомъ съ озеромъ того же наименованія, наконецъ впадаетъ въ море къ юго-западу отъ Лѣша (Алессіо). Достиженіе береговъ Дрина, этой главной рѣки Сѣверной Албаніи, за которой стоялъ городъ Призренъ, всегда было завѣтною мечтою черногорцевъ. Это имъ удалось только въ 1913 году, по окончаніи послѣдней турецко-славянской войны. По Санъ-Стефанскому же договору (ст. 1), Черногоріи было предназначено одно только плоскогорье вокругъ Плавскаго Блата, гдѣ города Гусинье и Плава, а также высокая горная долина Ругова, по ту сторону хребта Мокрой Планины. Да и эти прирѣзки не достались фактически во владѣніе Черногоріи, вслѣдствіе сопротивленія албанской лиги и послѣдовавшихъ событій 1879 года, закончившихся демонстраціею англійскаго флота у Дульциньо. Въ теченіе послѣдовавшихъ затѣмъ тридцати лѣтъ край Гусинья и Плавы считался совершенно недоступнымъ для христіанъ, въ чемъ авторъ настоящихъ примѣчаній могъ убѣдиться по одичалости мѣстныхъ албанцевъ, когда онъ, въ 1908 году, посѣтилъ Гусинье и Плаву, подвергнись при этомъ значительному личному риску (Ср. книгу А. Башмакова: «Черезъ Черногорію въ страну дикихъ геговъ». С.-Петербургъ. 1913 г.). А. Б.

войсками [1]), а съ другой—возбудить ревность и вожделѣнія Сербскаго княжества, которое будетъ имѣть тогда основаніе настаивать на присоединеніи къ Сербіи Призрена, Приштины и всего Коссовскаго вилайета. Черногорцы должны быть довольны территоріальными пріобрѣтеніями, выговоренными въ ихъ пользу, потому что земельное пространство княжества будетъ по договору увеличено втрое.

«4) Доставивъ Черногоріи на юго-востокѣ границею р. Бояну, русскіе уполномоченные были счастливы, что могли такимъ образомъ достигнуть обезпеченія княжеству главнѣйшаго преимущества, котораго оно уже столько лѣтъ добивалось, а именно владѣнія отличною гаванью въ Антивари, а равно морскихъ бухтъ въ Спицѣ и Дульциньо [2]).

«5) Ввиду необходимости считаться съ прежними примѣрами, на которые могли бы державы сослаться, требуя участія европейскихъ комиссаровъ въ турецко-черногорскомъ разграниченіи, и съ тѣми затрудненіями, которыя вѣнскій кабинетъ не преминулъ бы вызвать при проведеніи граничной линіи на мѣстѣ, если бы оно состоялось внѣ его участія, пришлось установить, что окончательное проведеніе границы будетъ произведено европейскою комиссіею, которая, разумѣется, обязана сообразоваться съ текстомъ статьи нашего договора и съ картою, къ оному приложенною. Такимъ способомъ возраженія австро-венгерскаго правительства могутъ быть разрѣшены законно и справедливо комиссіею, которая будетъ имѣть право произвести на мѣстѣ въ намѣченномъ очертаніи границъ тѣ измѣненія, которыя она единогласно признаетъ дѣйствительно нужными и справедливыми съ точки зрѣнія взаимныхъ интересовъ и спокойствія смежныхъ государствъ. Имъ

---

[1]) Главнѣйшею заботою Игнатьева при переговорахъ о Черногоріи и Сербіи, стѣснявшею всѣ его дѣйствія, было не допустить завладѣнія Босніей и Герцеговиной Австро-Венгріею, соглашеніе съ которою, заключенное въ январѣ 1877 года, возбуждало его порицаніе и подозрѣніе. Въ переговорахъ съ Новиковымъ графъ Андраши давалъ неоднократно понять, что всякое излишнее—по его мнѣнію—увеличеніе того или другого княжества, или же распространеніе ихъ въ сторону Босніи и Герцеговины вынудитъ Австро-Венгрію заручиться матеріальнымъ обезпеченіемъ своихъ интересовъ. Авт.

[2]) Санъ-Стефанскій договоръ проводилъ границу между Черногоріею и Турціею отъ залива Лючени-Кастрати прямо къ пункту истеченія р. Бояны изъ Скутарійскаго озера и затѣмъ по этой рѣкѣ до ея устья, оставляя хребетъ Тарабоша на черногорской сторонѣ. Берлинскій же трактатъ, доводя границу съ сѣвера до озера около Плавницы, оттуда проводилъ ее на пересѣченіе черезъ Скутарійское озеро къ западу отъ деревни Шкіа и, оставляя большую часть правобережной р. Бояны за Турціею, выводилъ границу р. Боянъ лишь въ ея низовьяхъ, а затѣмъ вдоль этой рѣки до устья. Что касается приморскихъ городовъ, предназначавшихся Черногоріи, то изъ нихъ городъ Спица былъ отданъ Австріи по ст. 29-й Берлинскаго трактата. А. Б.

она обязана будетъ, во всякомъ случаѣ, доставить соотвѣтствующее территоріальное вознагражденіе [1]). Инструкціи, которыми будутъ снабжены комиссары, должны быть проникнуты этимъ духомъ для того, чтобы тѣ изъ членовъ комиссіи, которые будутъ пристрастны къ Турціи и желали бы лишить княжество присоединенія нѣкоторыхъ изъ предназначенныхъ ему мѣстностей, были бы вынуждены сообразоваться съ мнѣніями другихъ своихъ сочленовъ и удовлетворить, въ равной степени, интересамъ Черногоріи, какъ и Турціи, доставленіемъ князю Николаю соотвѣтствующаго территоріальнаго вознагражденія въ случаѣ, если бы первые считали необходимымъ оттянуть отъ него нѣкоторые участки, опредѣленные по договору въ пользу Черногоріи.

«Статья II. Исключительное положеніе, которымъ пользовалась Черногорія, провозгласившая свою независимость, и затрудненія, которыя она всегда встрѣчала въ сношеніяхъ своихъ съ оттоманскими властями, внушили уполномоченнымъ мысль ввести въ редакцію статьи о независимости княжества оттѣнокъ отличительный отъ того, что установлено касательно Сербіи и Румыніи, а именно: въ статьѣ выражено, что Порта признаетъ окончательно независимость Черногоріи. Порта, сверхъ того, обязалась заключить особую конвенцію съ Черногоріею, на равныхъ правахъ, отъ чего она упорно отказывалась до сихъ поръ. Всѣ вопросы, которые въ послѣдніе годы были спорные, какъ-то: учрежденіе черногорскихъ агентовъ, выдача преступниковъ, частныя права черногорцевъ, путешествующихъ или пребывающихъ въ Турціи,— упомянуты въ договорѣ, и ихъ окончательное разрѣшеніе предоставлено соглашенію между императорскимъ правительствомъ, Портою и княжествомъ. Если бы мы не приняли подобной предосторожности, новыя замѣшательства неминуемо возникли бы тотчасъ послѣ заключенія мира.

«Чтобы обезпечить Черногоріи мирное и продолжительное пользованіе преимуществами, выговоренными въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ, принявъ, однакоже, во вниманіе то вліяніе, котораго такъ горячо добивается вѣнскій кабинетъ, мы допустили нововведеніе постоянное посредничество въ видѣ третейскаго суда Россіи совмѣстно съ Австро-Венгріею въ тѣхъ случаяхъ, когда Порта и княжество не будутъ въ состояніи прійти непосредственно къ соглашенію въ вопросахъ, касающихся пограничныхъ жителей и укрѣпленій въ обѣихъ странахъ, а равно и вообще при спорахъ и столкновеніяхъ, за исключеніемъ совершенно новыхъ территоріальныхъ притязаній, оговоренныхъ турецкими упол-

---

[1]) Указанія эти должны были служить основаніемъ той инструкціи, которою министерство иностранныхъ дѣлъ снабдило бы нашего делегата въ комиссіи, а также собесѣдованіи нашихъ дипломатовъ съ другими кабинетами. Авт.

номоченными. Казалось бы, что съ введеніемъ, по нашей доброй волѣ, этого постановленія въ договоръ всякое основательное неудовольствіе Австро-Венгріи могло бы считаться устраненнымъ. Десятидневный срокъ со времени подписанія договора, данный черногорскимъ войскамъ для очищенія мѣстностей, не включенныхъ въ новую границу княжества, не создаетъ затрудненій для послѣдняго. Въ дѣйствительности, двухъ или трехъ дней совершенно достаточно для возвращенія черногорцевъ въ свои границы изъ тѣхъ немногихъ отдѣльныхъ пунктовъ, находящихся въ мѣстности, остающейся за Турціею, тогда какъ три четверти территоріи, отходящей въ пользу Черногоріи,—по новому очертанію границы, опредѣленному договоромъ,—вовсе не заняты были черногорцами, по собственному сознанію князя Николая. Такъ, напримѣръ, крѣпости: Подгорица, Спужъ и Жаблякъ не были взяты черногорцами и даже въ настоящее время находятся во власти турокъ [1]). Было невозможно вытребовать отъ турокъ, чтобы они сразу и одновременно очистили всю эту мѣстность. Чтобы ускорить и облегчить вступленіе черногорцевъ въ крѣпости и занятіе ими всей уступленной имъ мѣстности, русскимъ уполномоченнымъ пришлось прибѣгнуть къ слѣдующей уловкѣ: воспользовавшись медленностью, съ которою турки проводили демаркаціонную линію, опредѣленную перемиріемъ, и сославшись на настоянія и упреки князя Николая, Игнатьевъ предложилъ турецкимъ уполномоченнымъ признать за временную демаркаціонную линію граничную черту, опредѣленную договоромъ, не принимая въ расчетъ положенія воевавшихъ сторонъ при заключеніи перемирія. Если это предложеніе будетъ принято Портою, турецкія войска, находящіяся нынѣ внутри демаркаціонной линіи, со стороны Черногоріи, должны будутъ отступить одновременно съ тѣми черногорцами, которые случайно очутились бы въ турецкой мѣстности, такъ какъ князь Николай отзоветъ свои передовые посты и займетъ новую граничную линію, пріобрѣтенную княжествомъ по договору [2]).

---

[1]) Князь Николай чрезъ Іонина обратился къ Игнатьеву, по телеграфу, съ настоятельною просьбою о скорѣйшемъ выводѣ турецкихъ гарнизоновъ, въ особенности изъ Подгорицы, завладѣніемъ которой очень дорожили черногорцы, тогда какъ туркамъ не хотѣлось сдавать эти укрѣпленные пункты. Всѣ многолѣтнія усилія черногорцевъ разбивались объ эти укрѣпленія. Конечная цѣль ихъ борьбы съ турками была всегда обладать этими крѣпостцами, а равно Никшичемъ. Теперь удалось мирнымъ образомъ отнять у турокъ означенныя три крѣпостцы и передать ихъ нашимъ храбрымъ союзникамъ. Турецкимъ уполномоченнымъ было весьма трудно согласиться на это пожертвованіе. **Авт.**

[2]) Предложеніе это было сдѣлано русскими уполномоченными Савфету-пашѣ и принято имъ уже послѣ установленія договорныхъ статей о Черногоріи, когда было удостовѣрено сознаніемъ самихъ черногорцевъ, что они не въ состояніи, безъ новаго кровопролитія и большихъ усилій, овладѣть присоединяемою къ княжеству

«Сербія. Статья III. По проекту, предъявленному турецкимъ уполномоченнымъ въ Адріанополѣ, новая граница Сербіи достигала рѣки Лима, и оба славянскія княжества были бы пограничными, владѣя всѣми сухопутными сообщеніями между Босніею и Герцеговиною и остальными областями Европейской Турціи. Но непреодолимое сопротивленіе Порты принять предложенную русскими уполномоченными въ пользу Сербіи пограничную черту и категорическій отказъ турокъ уступить сербамъ укрѣпленные пункты Митровицу, Новый-Базаръ, Сенницу и Вышгородъ, стратегическое значеніе которыхъ они подмѣтили и которые были во время санъ-стефанскихъ переговоровъ еще сильно заняты турецкими войсками подъ начальствомъ Хафизъ-паши [1]), вынудили измѣнить первоначальный проектъ и изыскивать такую граничную черту для Сербіи, которая могла бы быть принята турецкими уполномоченными. Остановившись, наконецъ, на той, которая опредѣлена третьей статьею договора, уполномоченные имѣли въ виду слѣдующее:

«1) Дѣлая видъ, что уступаютъ настояніямъ турокъ, опиравшихся главнѣйше на необходимости сохранить сухопутное сообщеніе съ Босніею, Игнатьевъ озаботился доставленіемъ Сербіи стратегическихъ позицій, которыя бы дозволили ей господствовать вполнѣ надъ большою дорогою, проходящею чрезъ Новый-Базаръ въ Сараево, и надъ желѣзною дорогою изъ Митровицы, а вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечивали бы Сербскому княжеству такое положеніе въ Старой Сербіи, которымъ оно могло бы, при послѣдовательномъ и умѣломъ дѣйствіи, воспользоваться впослѣдствіи для распространенія своего вліянія и значенія [2]).

«2) Необходимо было обезпечить Сербіи достаточное территоріальное вознагражденіе за мѣстность, которая не могла быть къ ней присоединена къ сторонѣ отъ рѣки Лима, и соблюдать по возможности равновѣсіе между ею и Черногоріею, чтобы не доставить пищи для

турецкою территоріею. Въ запискѣ упоминалось объ этомъ обстоятельствѣ съ цѣлью побудить министерство иностранныхъ дѣлъ и главнокомандующаго нашей арміи настойчиво преслѣдовать исполненіе нашего требованія турками. Авт.

[1]) Проявлявшій воинственность Хафизъ-паша ручался Портѣ, что сербы никогда не выбьютъ его изъ занимаемыхъ имъ позицій, и возставалъ, вмѣстѣ съ Мехмедомъ-Али противъ всякой территоріальной уступки Сербіи. Авт.

[2]) По соображеніямъ, подробно изложеннымъ въ «Запискахъ» графа Н. П. Игнатьева, ему пришлось отказаться отъ намѣченной сначала цѣли — довести Сербію и Черногорію до общей между ними границы. При этомъ Турція получала, по Санъ-Стефанскому договору, какъ доступъ къ Босніи, узкую смычку ея разрозненныхъ владѣній, — нѣчто въ родѣ длиннаго коридора черезъ Ново-Базарскій санджакъ. Эту смычку значительно расширилъ затѣмъ Берлинскій трактатъ, такъ что Сербія и Черногорія остались широко разъединенными еще на цѣлыя тридцать пять лѣтъ. Смежности ихъ владѣній онѣ добились только въ 1913 году. А. Б.

взаимной зависти и раздраженія между двумя сербскими княжествами [1]).

«3) Князь Миланъ просилъ присоединенія къ Сербіи всей Нишской области (санджака) съ казами (уѣздами) Вранье и Тринъ, основываясь на томъ, что много сербовъ, перемѣшанныхъ съ албанцами, живутъ въ этой мѣстности. Надо было принять во вниманіе желаніе сербовъ, но въ то же время мы обязаны были, при созданіи Болгарскаго княжества, оградить его отъ чрезмѣрныхъ притязаній сосѣдей, отстраняя вмѣстѣ съ тѣмъ поводъ къ немедленной ссорѣ между сербами и болгарами. А потому, не допуская слишкомъ большого развитія сербскихъ вожделѣній, несомнѣнныя ихъ права были удовлетворены выдѣленіемъ въ пользу Сербіи изъ территоріи, опредѣленной для Болгаріи константинопольскою конференціею, слѣдующихъ уѣздовъ (казъ) Нишскаго санджака: Куршумли, Лѣсковацъ и Прокоплье, населенныхъ въ дѣйствительности большинствомъ сербовъ [2]). Въ виду жалобъ, могущихъ быть предъявленными болгарами касательно нынѣшняго разграниченія съ Сербіею, лишающаго ихъ мѣстности, признанной болгарскою на константинопольской конференціи, выговорено участіе болгарскаго делегата въ разграничительной комиссіи, которая будетъ проводить на мѣстѣ граничную черту между двумя княжествами и Турціею [3]).

---

[1]) Одною изъ главныхъ заботъ Игнатьева было не давать повода къ ссорамъ и территоріальнымъ распрямъ между черногорцами, сербами и болгарами, которыхъ онъ всегда стремился сблизить въ братскій союзъ, вопреки стараніямъ Австро-Венгріи ихъ перессорить другъ съ другомъ, съ цѣлью ослабить славянъ на Балканскомъ полуостровѣ и легче ихъ эксплоатировать. Этнографическіе сложные пограничные вопросы Игнатьевъ предполагалъ разрѣшить впослѣдствіи, какъ дѣло домашнее, при дружественномъ посредничествѣ благорасположенной Россіи. **Авт.**

[2]) При заключеніи Санъ-Стефанскаго договора можно было скорѣе предположить, что болгары будутъ протестовать противъ передачи сербамъ четырехъ казъ или довольно значительной территоріи изъ Болгаріи, предположенной константинопольскою конференціею, чѣмъ допустить мысль, что на Берлинскомъ конгрессѣ станутъ отнимать у болгаръ другія еще мѣстности для кажущейся пользы Сербіи, но въ сущности чтобы стравить сербовъ съ болгарами въ пользу австро-венгерской политики. **Авт.**

[3]) Вся территорія бывшаго Нишскаго санджака, состоявшаго изъ восьми казъ (Куршумлье, Прокоплье, Нишъ, Топольница, Пиротъ, Лѣсковацъ, Тринъ и Вранья), была причислена къ будущей Болгаріи по предположенію константинопольской конференціи 1876—77 гг. (См. приложеніе лит. А. къ протоколу конференціи подъ № 1). Санъ-Стефанскій же договоръ отчислилъ въ пользу Сербіи четыре казы: Куршумлье, Прокоплье, Нишъ и Лѣсковацъ. Вслѣдъ за тѣмъ Берлинскій трактатъ расширилъ права Сербіи, присудивъ ей, сверхъ указанныхъ казъ, еще Топольницу, Пиротъ и на югѣ Вранью. Такимъ образомъ, изъ всего бывшаго Нишскаго санджака Болгарія получила только одну казу—Тринъ. (Для уразумѣнія прежнихъ дѣленій бывшихъ вилайетовъ и санджаковъ турецкихъ см. прекрасную карту, озаглавленную: «Die neueste Eintheilung, die türkischen Gebiete und die Confessionen in der Türkei», приложенную къ статьѣ Stein «Die Vorgänge in der Türkei in ihrer ethnographischen und geschichtlichen Begründung» въ географическомъ журналѣ «Mittheilungen» von D-r A. Petermann. 1876 г., вып. VII; Gotha. Justus Perthes.

«4) Нынѣшнее увеличеніе Сербіи не должно вызвать возраженій со стороны вѣнскаго кабинета, такъ какъ расширеніе территоріи княжества произошло на счетъ Болгаріи, а не Босніи и Герцеговины, какъ нами предполагалось прежде. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнетъ предлогъ, выставляемый графомъ Андраши для занятія Босніи и Герцеговины, такъ какъ онъ основывался на утвержденіи, что, лишенныя сухопутнаго сообщенія съ Константинополемъ, эти двѣ области силою обстоятельствъ должны быть отторгнуты отъ Турціи, а допустить ихъ присоединеніе къ Сербіи Австро-Венгрія ни въ какомъ случаѣ не можетъ.

«5) Очищеніе отъ турецкаго гарнизона и срытіе укрѣпленій Ада-Кале опредѣлены договоромъ, и турки уже приводятъ условіе это въ исполненіе, не ожидая разрѣшенія вопроса о владѣніи этимъ островомъ [1]. Такое упущеніе сдѣлано нами умышленно, чтобы мы имѣли возможность уступить островъ Австро-Венгріи, если это будетъ признано необходимымъ [2].

Означенныя колебанія въ опредѣленіи политическихъ границъ между Сербіею и Болгаріею имѣли свое основаніе въ существовавшемъ тогда спорѣ относительно племенного состава населенія въ указанныхъ мѣстностяхъ. Сербы утверждали, что весь Нишскій санджакъ былъ заселенъ сербами, и продолжали въ послѣдующіе годы указывать на сербскій характеръ жителей Трнскаго округа въ Болгаріи. Нерѣдко споръ заходилъ дальше, и заходила, съ ихъ стороны, рѣчь о сербскомъ происхожденіи шоповъ (жителей Софійской равнины). Съ болгарской же стороны проводился тотъ взглядъ, что населеніе Пирота, Ниша, Лѣсковаца и Враньи принадлежитъ къ болгарскому племени. Этотъ взглядъ выраженъ даже въ новѣйшей этнографической картѣ славянскаго разселенія, изданной въ Софіи, подъ названіемъ: «Етнографска карта на славянството въ Европа» (Издава Славянска Бесѣда въ София: 1908 г.). Наиболѣе авторитетныя заключенія Т. Д. Флоринскаго не подтверждаютъ этихъ взаимныхъ сербско-болгарскихъ претензій и въ своей «Этнографической картѣ западнаго славянства и Западной Руси», изданной въ 1911 году въ Кіевѣ петроградскимъ славянскимъ благотворительнымъ обществомъ, профессоръ Т. Д. Флоринскій не отмѣчаетъ никакихъ болгарскихъ этническихъ островковъ въ Сербіи, ни сербскихъ островковъ въ Болгаріи; изъ чего слѣдуетъ заключить, что если такія чрезполосныя группы и могли нѣкоторое время просуществовать, то со временемъ онѣ растворились въ окружающемъ ихъ большинствѣ, въ условіяхъ новѣйшей государственной и національной жизни.

Въ настоящее время этотъ заглохшій споръ слѣдуетъ считать лишеннымъ всякаго политическаго значенія. А. Б.

[1] Въ переговорахъ съ нами и при заключеніи секретной конвенціи между графомъ Андраши и Новиковымъ, въ январѣ 1877 г., Австро-Венгрія выговорила себѣ присоединеніе Ада-Кале. Но при заключеніи Санъ-Стефанскаго договора мы обязаны были умалчивать объ этомъ, чтобы не обнаружить существованія предварительнаго дѣлежа турецкой территоріи, условленнаго между нами и Австро-Венгріею. А. Б.

[2] Игнатьевъ напоминалъ въ запискѣ канцлеру, что Ада-Кале уступленъ турками не кому другому, какъ Россіи, а потому, если Австро-Венгрія дорожитъ положеніемъ этого дунайскаго острова, мы можемъ его ей передать, но не иначе, какъ за вознагражденіе. Безпечность министерства иностранныхъ дѣлъ и постоянная уступчивость предъ графомъ Андраши имѣли результатомъ, что въ Вѣнѣ, [illegible] фактъ очищенія крѣпости турками совершился, не обращали никакого [illegible] Санъ-Стефано. [illegible]

«б) Давнишній споръ Турціи съ Сербіею о владѣніи Малымъ Зворникомъ и Сакаромъ [1]) окончательно рѣшенъ нашимъ договоромъ въ пользу Сербіи, равно какъ и принадлежность острововъ на рѣкѣ Длинѣ, такъ какъ отнынѣ русло (тальвегъ) будетъ служить границею между Босніею и Сербіею [2]).

«Статья IV. Предвидя тѣ затрудненія, которыя могутъ возникнуть между Сербіею и Турціею по вопросу недвижимой собственности мусульманъ въ предѣлахъ мѣстности, отходящей къ княжеству отъ Турціи, равно какъ и государственныхъ земель Турціи и вакуфныхъ, разрѣшеніе вопросовъ этихъ предоставлено специальной смѣшанной комиссіи. Опредѣлено, что непосредственная конвенція между Турціею и Сербіею установитъ форму и значеніе будущихъ сношеній между ними, а равно и размѣнъ военноплѣнныхъ, на правахъ совершеннаго равенства. Измѣненія въ положеніи сербскихъ подданныхъ въ Турціи, вытекающія изъ признанія независимости княжества, предусмотрѣны договоромъ и для временнаго огражденія частныхъ интересовъ сербовъ оговорено, что къ нимъ будутъ примѣнены общія начала международнаго права [3]).

«Румынія. Статья V. Невозможно было и не соотвѣтствовало бы нашимъ интересамъ удовлетворить вполнѣ всѣ притязанія румын-

---

нашу услугу и распорядились помимо насъ занятіемъ этого нашего пріобрѣтенія, присоединивъ островъ къ Венгріи, какъ нѣчто достодолжное. **Авт.**

[1]) Зворникъ находится на лѣвомъ берегу р. Дрины (въ Босніи), а Малый-Зворникъ и Сакаръ—на правомъ берегу р. Дрины (т. е. въ Сербіи). **А. Б.**

[2]) Приращенія территоріи и населенія Черногоріи и Сербіи, а также размѣръ Болгаріи, по Сань-Стефанскому договору, заключались въ слѣдующихъ цифрахъ:

Наименованіе страны.	Поверхность въ геогр. □ миляхъ.		Населеніе.	
	Прежде.	По Сань-Стеф. дог.	Прежде.	По Сань-Стеф. дог.
1) Черногорія	78	170	170.000 д.	143.000 д.
2) Сербія	783	154	1.366.923 д.	226.000 д.
3) Болгарія	—	3091	—	4.118.000 д.

(См. статью E. Behm: «Die Umgestaltung der politisch-geographischen Verhältnisse auf der Balkan-Halbinsel» въ журналѣ «Petermann's Mittheilungen» 1878 г., вып. V). **А. Б.**

[3]) Т. е. что сербы будутъ пользоваться тѣми же правами, какъ и подданные другихъ иностранныхъ державъ, у которыхъ нѣтъ особыхъ договоровъ (капитуляцій) съ Портою, и не подвергнутся болѣе послѣдствіямъ вассальныхъ отношеній между княжествомъ и султаномъ. **Авт.**

скаго правительства. Дѣйствительно, румыны заявили, съ одной стороны, требованіе непосредственно вести переговоры съ турками и съ трудомъ признавали обязательными для себя результаты нашихъ переговоровъ съ Портою, а съ другой стороны домогались значительнаго денежнаго вознагражденія, которое они хотѣли сполна получить чрезъ наше посредство прежде выхода румынскихъ войскъ изъ крѣпостей: Виддина, Рахова, Никополя и Ломъ-Паланки, гдѣ оныя были оставлены главнокомандующимъ при нашемъ наступленіи за Балканы. Предавъ забвенію недружелюбное положеніе, принятое Румыніею въ бессарабскомъ вопросѣ, и тѣ справедливые и многочисленные упреки, которые мы имѣли основаніе имъ предъявить, мы вытребовали отъ Порты признаніе независимости княжества, преимущества въ пользу румынскихъ подданныхъ въ Турціи, срытіе всѣхъ дунайскихъ крѣпостей и запрещеніе турецкимъ военнымъ судамъ появляться въ водахъ Румыніи [1]. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы обязали Порту непосредственно вести переговоры съ княжествомъ для заключенія договора и для разрѣшенія вопроса о военноплѣнныхъ. Наконецъ, мы выговорили Румыніи право требовать денежное вознагражденіе, размѣръ и условія котораго должны быть опредѣлены соглашеніемъ между двумя сторонами. Это преимущество какъ разъ соотвѣтствовало тому, что было требовано румынами въ вознагражденіе содѣйствія, оказаннаго ими намъ во время войны. Способъ уплаты и размѣръ контрибуціи не могли быть установлены нами, разъ что мы предоставили, согласно желанію Румыніи, разрѣшеніе этого вопроса непосредственному соглашенію между нею и Портою. Предвидѣть можно, что турки, покончивъ соглашеніе съ нами, отнесутся пренебрежительно къ домогательствамъ румынъ и что эти послѣдніе, для достиженія благопріятнаго результата, вынуждены будутъ прибѣгнуть къ нашему содѣйствію [2], тѣмъ болѣе, что, судя по заявленію турецкихъ уполномоченныхъ объ имуществахъ святыхъ мѣстъ, Порта намѣревается противопоставить требованіямъ княжества права греческаго духовенства на денежное вознагражденіе. Румыны должны сами на себя пенять за то неблагопріятное для нихъ направленіе, которое, вѣроятно, примутъ ихъ переговоры съ Портою, если не будетъ имъ оказана поддержка державъ.

«Въ послѣднюю минуту оттоманскіе уполномоченные предъявили, несомнѣнно, вслѣдствіе иностранныхъ внушеній, предложеніе пей-

[1]) Передъ войною эти именно требованія выставлялись румынами, какъ выраженіе желаній ихъ и какъ условія обезпеченія безопасности княжества на будущее время. Авт.

[2]) Министерству иностранныхъ дѣлъ подсказывались въ запискѣ Игнатьева доводы для будущихъ объясненій съ румынами и указывался путь для попытки привести Румынію къ лучшему настроенію проявленіемъ пользы не отворачиваться отъ Россіи. Авт.

трализовать Румынію. Русскіе уполномоченные отказались обсуждать это предложеніе, и имъ удалось измѣнить воззрѣнія турокъ объясненіемъ, что такъ какъ Румынія сравнена нынѣ въ положеніи съ Сербіею и Черногоріею, то, признавая за первою нейтралитетъ, придется примѣнить тотъ же принципъ ко всѣмъ тремъ княжествамъ одинаково, потому что нѣтъ достаточной причины дѣлать исключеніе для одной Румыніи. Объявленіе княжества нейтральнымъ не помѣшаетъ имъ—какъ воображала Порта—содержать войска и развивать свои военныя средства въ видахъ оборонительныхъ (въ подтвержденіе сего турецкимъ уполномоченнымъ былъ приведенъ примѣръ Бельгіи), но будетъ имѣть единственнымъ результатомъ доставить имъ безотвѣтственность какъ въ отношеніи къ Турціи, такъ и пограничныхъ государствъ и такимъ образомъ создастъ имъ чрезвычайно выгодное и даже болѣе сильное положеніе, нежели то, которое доставилъ имъ Парижскій договоръ. Порта была стѣснена въ сношеніяхъ своихъ съ княжествами положеніемъ, созданнымъ для нихъ въ 1856 году, и на это постоянно жаловалась. Вслѣдствіе сего она стремится покончить съ коллективною гарантіею державъ, которою пользовались княжества, разсчитывая, что, оставшись съ ними въ обычныхъ сосѣдскихъ отношеніяхъ, она будетъ въ состояніи воспользоваться ихъ взаимною завистью и даже свести съ ними старые счеты, не имѣя надобности добиваться, какъ прежде, предварительнаго соглашенія съ гарантирующими державами. Эта задняя мысль оттоманскаго правительства, теряющаго изъ вида, что мы всегда будемъ имѣть возможность, если сочтемъ это нужнымъ, выступить въ защиту православныхъ государствъ, созданныхъ нашимъ договоромъ, должна быть въ виду при окончательномъ установленіи политическаго положенія княжествъ.

Въ вопросѣ низовья Дуная (дельты) уполномоченные признали необходимымъ уклониться отъ министерскихъ инструкціи, выговоривъ, вмѣсто уступки этой мѣстности прямо Румыніи, присоединеніе оной къ Россіи, съ предоставленіемъ лишь намъ права передачи, вмѣстѣ съ нѣкоторыми частями Тульчинскаго санджака, Румыніи. Такую предосторожность уполномоченные считали совершенно необходимою въ виду неблагопріятнаго расположенія, проявленнаго къ Россіи румынскимъ правительствомъ, и чтобы лишить послѣднее возможности, по вступленіи во владѣніе островами и дельтою Дуная, отказать намъ въ возвратѣ части Бессарабіи, отдѣленной отъ Россіи въ 1856 году.

«Обмѣнъ территорій съ Румыніею требуетъ особенныхъ непосредственныхъ переговоровъ[1]). Окончательное соглашеніе по этому во-

---

[1]) По первоначальному проекту договора, служившему инструкціею уполномоченнымъ, дельта отдавалась Румыніи взамѣнъ Бессарабскаго участка. Игнатьевъ избѣгнулъ рѣшенія этого вопроса въ Санъ-Стефано, предоставивъ императорскому

просу съ Румыніею должно быть, во всякомъ случаѣ, отложено до завершенія засѣданій европейскаго конгресса для того, чтобы, въ случаѣ признанія державами вопреки нашей оппозиціи, нейтралитета Румыніи, не допустить распространенія онаго внѣ нынѣшнихъ предѣловъ княжества на дельту Дунайскую и Добруджу. Эта послѣдняя область должна остаться доступною для нашей арміи на случай, если бы послѣ прекращенія выговореннаго въ договорѣ занятія Болгаріи нашими войсками обстоятельства потребовали бы ихъ возвращенія въ Болгарію [1]). Въ конвенціи съ Румыніею необходимо ясно и опредѣленно, для предупрежденія будущихъ притязаній, оговорить, что румынское правительство, объявившее войну Турціи, не имѣетъ права предъявлять какія-либо денежныя требованія Россіи, а, согласуясь съ Санъ-Стефанскимъ договоромъ, должно вступить съ Портою въ непосредственные переговоры, стараясь получить отъ нея денежное вознагражденіе за потери, понесенныя въ продолженіе войны.

«Болгарія. Статья VI. Всего важнѣе въ настоящее время, чтобы проведеніе на мѣстѣ границъ княжества было произведено безотлагательно и какъ можно поспѣшнѣе. Нашъ коммиссаръ по разграниченію [2]) долженъ имѣть въ своемъ распоряженіи нѣ-

---

правительству право или оставить низовье Дуная за собою, какъ территоріальное вознагражденіе, замѣнившее часть обязательной денежной уплаты Турціи, или же договориться съ Румыніей о переуступкѣ ей отчужденной Портою мѣстности на опредѣленныхъ условіяхъ. Авт.

[1]) Не теряя изъ виду необходимости обезпечить русскимъ войскамъ доступъ въ Болгарію, Игнатьевъ былъ озабоченъ мыслью, что если нельзя будетъ избѣгнуть отдачи Добруджи Румыніи, то слѣдуетъ согласиться на передачу этой области не иначе, какъ на особыхъ условіяхъ, которыя Россія выговоритъ въ свою пользу прежде, нежели совершитъ уступку мѣстности, присоединенной къ Россіи взамѣнъ уплаты извѣстной суммы контрибуціи. Министерство иностранныхъ дѣлъ, равно какъ и уполномоченные наши на Берлинскомъ конгрессѣ пренебрегли предостереженіями Игнатьева. Задача и занятія министерства иностранныхъ дѣлъ были упрощены тѣмъ, что не было сдѣлано попытки заключить особый договоръ съ Румыніею, а предоставлено Берлинскому конгрессу распорядиться, сообразно желаніямъ Англіи и Австро-Венгріи, всѣми пріобрѣтеніями Россіи, достигнутыми въ Санъ-Стефано. Авт.

[2]) Начавшись въ мартѣ, оно должно было окончиться въ іюнѣ. Быстрота осуществленія разграниченія была единственнымъ залогомъ достиженія цѣли и предупредила бы плачевные результаты Берлинскаго конгресса. Игнатьевъ настаивалъ, чтобы къ разграниченію было приступлено тотчасъ послѣ ратификаціи султана (24-го февраля) и чтобы Скобелевъ, со ввѣреннымъ ему корпусомъ, безотлагательно занялъ ту часть болгарской территоріи (Македонію), которая находилась внѣ демаркаціонной линіи перемирія. Въ должность главнаго пограничнаго комиссара Игнатьевъ предложилъ князя Имеретинскаго, который затѣмъ предпочелъ выступить орудіемъ константинопольской интриги противъ Игнатьева, разсчитывая быть его замѣстителемъ въ Константинополѣ, въ качествѣ посла. Главнокомандующій далъ ему порученіе въ апрѣлѣ пріѣхать въ Петербургъ и заявить государю, что возвращеніе Игнатьева въ Константинополь невозможно, что и имѣло послѣдствіемъ назначеніе князя Лобанова послом въ Турцію. Авт.

сколько офицеровъ генеральнаго штаба и топографовъ, равно какъ и нѣсколько чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ, чтобы быть въ состояніи раздѣлить труды разграниченія между тремя подкомиссіями, которыя тотчасъ приступили бы къ работѣ: одна между Чернымъ моремъ и Родопскими горами, другая по направленію къ Салоникамъ и третья на западной границѣ княжества. Безъ этихъ мѣропріятій невозможно ожидать, чтобы окончательное разграниченіе могло быть произведено на такомъ большомъ протяженіи въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, какъ было бы желательно для успѣшнаго разрѣшенія вопроса. А между тѣмъ совершенно необходимо, чтобы разграниченіе не затянулось бы на долгое время, потому что всякая проволочка будетъ лишь способствовать успѣшному развитію иностранныхъ интригъ, которыя постараются воспользоваться предубѣжденіями грековъ, албанцевъ и куцо-влаховъ [1]) противъ болгаръ. Надо будетъ въ особенности оградить граничную черту Болгаріи отъ такихъ измѣненій, которыя удалили бы княжество отъ моря [2]), а именно отъ бухты Кавалы, залива Орфано, устьевъ рѣки Карасу и въ особенности рѣки Струмы,—куда, несомнѣнно, должна быть проведена впослѣдствіи желѣзная дорога, которая доставитъ болгарской Македоніи сообщеніе съ моремъ,— и наконецъ отъ устьевъ рѣки Вардара и части Салоникскаго за-

---

[1]) Куцо-влахами называется племя, родственное молдаванамъ и валахамъ Румынскаго королевства; это племя разсѣяно почти по всему Балканскому полуострову, не образуя нигдѣ компактнаго большинства и нигдѣ не имѣя возможности претендовать на территоріальное обладаніе. Большая часть куцо-влаховъ (или цинцаръ) занимается скотоводствомъ въ горахъ и стоитъ на низкой степени культуры. Есть и городской элементъ, большею частью мелкіе лавочники, содержатели постоялыхъ дворовъ и харчевенъ. Въ послѣднее время куцо-влахи стали стремиться къ національному самосознанію, пользуясь поддержкою изъ Румынскаго королевства. А. Б.

[2]) Береговая линія на Эгейскомъ морѣ, предназначавшаяся для Болгаріи, по Санъ-Стефанскому договору, была слѣдующая:

а) на сѣверномъ краю Солунскаго залива Болгарія получала берегъ около устьевъ рѣкъ Бистрицы и Вардара; Солунь оставался турецкимъ портомъ;

б) по ту сторону Халкидонскаго полуострова весь морской берегъ—къ сѣверу отъ заливовъ: Орфанскаго, Кавалы и Порто-Лагосъ.

По Берлинскому же трактату Болгарія была вовсе лишена всякаго доступа къ Эгейскому морю.

Наконецъ, по Бухарестскому договору 1913 года она получила небольшую береговую полосу, съ двумя портами: Порто-Лагосъ и Дедеагачъ.

Для оцѣнки того, какое значеніе имѣли предвидѣнія графа Н. П. Игнатьева относительно будущихъ желѣзнодорожныхъ линій, связывающихъ Болгарію съ эгейскими портами, слѣдуетъ въ точности имѣть въ виду картину тогдашней и нынѣшней желѣзнодорожной сѣти на Балканскомъ полуостровѣ. Нынѣ существуетъ береговая линія изъ Константинополя въ Солунь, а оттуда черезъ Водену на Битоль. Тогда же не было другихъ линій, кромѣ желѣзной дороги Солунь—Митровица и Константинополь—Филиппополь—Сарамбей (не доходившей до Софіи).

А. Б.

лива, уступаемаго по договору новому княжеству [1]). Болгарскіе порты на Черномъ морѣ: Варна, Бургасъ и Сизополь, равно какъ и эгейскіе порты княжества и гавани, уступленныя Черногоріи на Адріатическомъ морѣ, сверхъ своего коммерческаго значенія, какъ вывозные порты ближайшихъ областей, имѣютъ для насъ особенное значеніе, какъ будущія станціи русскаго флота, который для своего развитія нуждается въ складочныхъ пунктахъ по близости къ проливамъ и въ водахъ Средиземнаго моря.

«Такъ какъ значительное пространство территоріи, входящей въ составъ Болгарскаго княжества, не было занято нашими войсками и находится внѣ демаркаціонной линіи [2]), проведенной при заклю-

---

[1]) Граничная черта, выговоренная для Болгаріи, измѣнила весьма мало общее пространство, признанное Болгаріею и всею Европою на константинопольской конференціи. Но четыре казы изъ общей площади —Нишъ, Прокопье, Куршумлье и Лѣсковацъ были выдѣлены въ пользу Сербіи, а десять казъ (уѣздовъ) уступлены Россіи въ Добруджѣ, взамѣнъ денежной контрибуціи: Кимя, Бабадагъ, Махмудіе, Сулина, Исакча, Тульча, Мачинъ, Гирсова, Кюстендже и Меджидіе. Взамѣнъ этихъ десяти казъ вновь присоединены въ Болгаріи тринадцать казъ—Горча, Енидже-Вардаръ, Дойранъ, Кукушъ, Демиръ-Хиссаръ, Сересъ, Зихнэ, Кавала, Баба-Эски, Биларъ-Хиссаръ, Люле-Бургасъ и часть казъ Адріанопольской, Мидіи (близъ Чернаго моря), Старово и частичка казъ Водена и Эгри-Буджакъ, какъ заселенныя болгарскимъ большинствомъ.

Авт.

[2]) Относительно перечисленныхъ здѣсь «казъ», присоединенныхъ къ Болгаріи по Санъ-Стефанскому договору, но не имѣвшихся въ виду по предположеніямъ конференціи 1876 года, слѣдуетъ отмѣтить слѣдующія о нихъ свѣдѣнія топографическаго и этнографическаго характера:

а) «Горча» есть албанское названіе мѣстечка «Корицы», къ юго-западу отъ Преспанскаго озера, на этнографической границѣ между албанцами и болгарами. Она по новому разграниченію 1913 года причислена къ Албаніи.

б) «Енидже-Вардаръ», на дорогѣ между Воденой и Солунемъ, въ районѣ этнографической границы между болгарами и греками; нынѣ присоединенъ къ Греціи.

в) «Дойранъ» на лѣвомъ берегу рѣки Вардара, въ полосѣ смѣшаннаго турецко-болгарскаго населенія. Послѣдне установленная греко-сербская граница проходитъ какъ разъ черезъ середину Дойранскаго озера. Городъ Дойранъ принадлежитъ Сербіи.

г) «Кукушъ» (онъ же Калкичъ) къ югу отъ Дойрана, стало быть -нынѣ принадлежитъ Греціи.

д) «Демиръ-Хиссаръ» (—«желѣзная твердыня»)—находится на рѣкѣ Струмѣ, между Сересомъ и Мельникомъ; нынѣ—на желѣзной дорогѣ Константинополь—Солунь и принадлежитъ Греціи. Населеніе здѣсь смѣшанное — турецко-болгарское (по крайней мѣрѣ до войны 1913 г.).

е) «Сересъ» къ востоку отъ предыдущаго мѣстечка, на той же желѣзной дорогѣ; имѣетъ смѣшанное греко-болгарско-турецкое населеніе и принадлежитъ теперь Греціи.

ж) «Зихнэ» (между Сересомъ и Кавалой).

з) «Кавала» -торговый городъ, противъ острова Тасо. Жители въ его окрестностяхъ греки и турки.

и) «Баба-Эски»—во Ѳракіи, на Константинопольско-Адріанопольской желѣзной дорогѣ—у ея развѣтвленія на Киркъ-Килиссе (Лозенградъ): сейчасъ принадлежитъ Турціи.

і) «Биларъ-Хиссаръ», вѣроятно, тождественный съ «Бунаръ-Хиссаромъ», между Лозенградомъ и Визой, во Ѳракіи.

ченіи перемирія [1]), необходимо тотчасъ послѣ размѣна ратификацій договора отправить гражданскаго комиссара [2]) и войска, съ порученіемъ занять всю эту мѣстность, водворить порядокъ и безопасность и ввести новое управленіе. Распоряженія по этому предмету уже были сдѣланы въ главной квартирѣ [3]).

«Статья VII. Противно своему нерасположенію допустить выборъ иностранныхъ принцевъ въ своихъ вассальныхъ княжествахъ, Порта вынуждена была допустить это преимущество въ Болгаріи и удовольствовалась введеніемъ ограниченія, направленнаго къ тому, чтобы никто изъ членовъ царствующихъ домовъ великихъ европейскихъ державъ не могъ быть избранъ княземъ болгарскимъ. Болгары естественно надѣялись поставить себѣ во главу одного изъ членовъ императорской россійской фамиліи. Узнавъ о введенномъ въ договоръ ограниченіи, они стали допрашивать въ Санъ-Стефано

к) «Люле-Бургасъ» — нынѣ всемірно-извѣстный городокъ, вслѣдствіе побѣды, одержанной здѣсь Радко Дмитріевымъ надъ турками 16-го октября 1912 года.

л) «Старово» (или «Поградецъ») — селеніе на юго-западномъ берегу Охридскаго озера, въ мѣстности, нынѣ исключительно населенной албанцами.

м) «Водена» — городъ съ преимущественно болгарскимъ населеніемъ, расположенный къ востоку отъ озера «Острово», на станціи Солунь-Битольской желѣзной дороги. Въ Воденскомъ округѣ населеніе съ примѣсью грековъ и турокъ. Нынѣ этотъ округъ принадлежитъ Греціи.

н) «Эгри-Буджакъ» есть названіе горной мѣстности между «Кайларомъ» и «Кожанами», къ юго-востоку отъ Костурскаго озера, въ крайне-южной части славянской Македоніи. Здѣсь преобладаетъ турецкій элементъ, съ меньшинствомъ болгаръ. Мѣстность эта нынѣ принадлежитъ Греціи.

(Источники: 1) «Этнографія и статистика Македоніи» Василія Кынчева (по-болгарски) София, 1910 г.—2) Коллекція картъ, изданныхъ македонской организаціей въ 1903 г., со статистикой населенія въ таблицахъ. Изъ нихъ: а) вилайеты Коссовскій, Солунскій и Битольскій въ масштабѣ 1:250.000; б) Адріанопольскій — въ масштабѣ 1:450.000.—3) Сербская карта новыхъ границъ, составленная полковникомъ Бошковичемъ (изд. въ Бѣлградѣ въ 1913 г., въ масштабѣ 1:1.000.000). А. Б.

[1]) Это доказываетъ, что Игнатьеву удалось въ Санъ-Стефано истребовать отъ турокъ гораздо болѣе, нежели предполагалось въ главной квартирѣ при опредѣленіи демаркаціонной линіи. Авт.

[2]) Т. е. Хитрово. Редакція этой записки, поданной Игнатьевымъ канцлеру, доказываетъ, что онъ, при отъѣздѣ своемъ изъ Санъ-Стефано, считалъ это дѣло рѣшеннымъ безповоротно главнокомандующимъ и не допускалъ мысли, что сдѣланныя распоряженія будутъ отмѣнены произвольно. Уѣзжая съ Босфора съ Реуфомъ-пашою, Игнатьевъ былъ убѣжденъ, что распоряженія главнокомандующаго относительно отправленія Хитрово съ прокламаціями и Скобелева съ войсками, сдѣланныя въ бытность его въ Санъ-Стефано, будутъ выполнены. Авт.

[3]) 4-го марта состоялся размѣнъ ратификацій въ Петербургѣ. Игнатьевъ разсчитывалъ, что разграничительныя комиссіи могутъ быть на мѣстахъ и начать свою работу въ половинѣ марта, окончивъ проведеніе граничной черты на мѣстѣ до съѣзда Берлинскаго конгресса, который бы тогда утратилъ вредное для насъ значеніе. Вотъ почему иностранные дипломаты и агенты старались сбить съ толку главную квартиру, бездѣйствовавшую въ ожиданіи настояній министерства иностранныхъ дѣлъ, которое безмолвствовало, преклоняясь предъ «приговоромъ Европы». Авт.

уполномоченныхъ: могутъ ли, при избраніи, подать голоса за принца Александра Петровича Ольденбургскаго или за герцога Евгенія Лейхтенбергскаго? Казалось бы полезнымъ, чтобы императорское правительство заблаговременно остановилось на выборѣ кандидата, съ тѣмъ, чтобы нашъ комиссаръ въ Болгаріи могъ подготовить умы и, когда наступитъ время избранія, направить выборъ собранія на то лицо, которое будетъ указано государемъ императоромъ. Первоначально русскіе уполномоченные намѣревались оговорить въ договорѣ право наслѣдованія для избраннаго князя. Но, удостовѣрившись въ глубокомъ отвращеніи турокъ, они воздержались разрѣшить этотъ вопросъ, усматривая, что онъ, собственно, можетъ быть опредѣленъ въ органическомъ уставѣ [1]) княжества, какъ вопросъ внутренній. Но они, естественно, отвергли требованіе турокъ, чтобы при каждомъ новомъ избраніи князя населеніемъ онъ подвергался утвержденію Порты. Умышленно оговорено, для утвержденія общаго руководящаго правила указаніемъ на исключеніе, что только въ случаѣ вакансіи княжескаго достоинства въ Болгаріи будутъ происходить новые выборы князя. Такой случай не можетъ представиться, очевидно, когда у князя будетъ прямой и законный наслѣдникъ и когда основные законы края опредѣлятъ наслѣдованіе княжеской семьи.

«Созваніе собранія болгарскихъ выборныхъ можетъ состояться лишь послѣ введенія правильнаго управленія во всѣхъ уѣздахъ (казахъ), долженствующихъ войти въ составъ княжества, а именно послѣ образованія мѣстныхъ административныхъ совѣтовъ и, по возможности, послѣ возвращенія на родину политическихъ изгнанниковъ, упомянутыхъ въ 17 статьѣ договора и которые составляютъ самый образованный, дѣятельный и вліятельный элементъ въ болгарскомъ народѣ. Императорскій комиссаръ долженъ будетъ, по всей вѣроятности, начать съ того, чтобы созвать всѣхъ предсѣдателей административныхъ совѣтовъ [2]), чтобы сговориться съ ними

---

[1]) Знакомый съ дѣйствительными нуждами создаваемаго государства и съ умственными силами, которыми оно будетъ обладать, подготовляя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ народное возрожденіе Болгаріи, Игнатьевъ далекъ былъ отъ мысли, что народу, вышедшему только что изъ-подъ двойного ига турецкаго и греческаго, будетъ внезапно, сразу, дана конституція самаго либеральнаго и разнузданнаго свойства. Онъ признавалъ необходимымъ лишь дарованіе Россіею органическаго устава (статута) съ тѣмъ, чтобы окончательная форма правленія была выработана исподоволь самими болгарами къ концу русской оккупаціи. Если бы послѣдовали этому мнѣнію, Болгарія не была бы разорена и растерзана партіями, политиканами и иностранными интригами. Вліяніе Россіи на самостоятельное развитіе Болгаріи не было бы утрачено.

Авт.

[2]) Опасаясь, чтобы въ Болгаріи не завелось бюрократическое управленіе, т. е. дорого стоящіе, ложные и несвойственные болгарскому народу порядки, тогда какъ населеніе издавна привыкло къ мелкому самоуправленію и съ трудомъ можетъ дать на первое время людей для высшаго управленія страны, Игнатьевъ пытался дать нѣ-

относительно избранія именитыхъ представителей и подготовленія работъ учредительнаго собранія. Но не слѣдуетъ допускать слишкомъ продолжительнаго временнаго положенія въ Болгаріи продленіемъ подготовительныхъ работъ, чтобы не дать повода предположить, что мы желаемъ сохранить въ странѣ русское управленіе. Выставляя желаніе наше покончить скорѣе съ нашею задачею въ Болгаріи, мы должны торопить Порту даровать какъ можно скорѣе свободу и способствовать возвращенію на родину бывшаго экзарха Анѳима, членовъ болгарскаго духовенства и всѣхъ значительныхъ людей, содержащихся въ тюрьмахъ или находящихся въ ссылкѣ въ различныхъ частяхъ Азіатской Турціи.

«Турецкіе уполномоченные настаивали на томъ, чтобы совмѣстно съ русскими уполномоченными начертать основанія «Органическаго устава», который былъ бы рекомендованъ обѣими державами будущему учредительному болгарскому собранію или по крайней мѣрѣ, чтобы послѣднее было обязано представить тотъ уставъ, который будетъ имъ составленъ, на одобреніе Порты, съ предоставленіемъ ей права ввести, по ея усмотрѣнію, «тѣ измѣненія, которыя будутъ признаны необходимыми». Русскіе уполномоченные отвергли и то, и другое предложеніе, но, принявъ во вниманіе неоспоримыя права Порты, какъ представительницы верховной власти Турецкой имперіи, они допустили присутствіе оттоманскаго комиссара въ засѣданіяхъ собранія, которое будетъ работать подъ надзоромъ русскаго комиссара. Очевидно, что положеніе турецкаго представителя будетъ очень принижено въ сравненіи съ императорскимъ комиссаромъ, опирающимся на симпатіи освобожденнаго болгарскаго народа и на значительныя военныя силы. Малѣйшая попытка вмѣшательства турецкаго комиссара, несомнѣнно, встрѣчена будетъ враждебно. Съ тактомъ и нѣкоторою ловкостью императорскому комиссару будетъ легко низвести къ простой формальности присутствіе турецкаго комиссара, за которымъ, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ учредить наблюденіе, чтобы лишить его возможности произвести неблагопріятное давленіе на рѣшенія собранія въ случаѣ, если, паче чаянія, нашлись бы депутаты, поддающіеся турецкому вліянію. Впрочемъ, упоминаніе въ договорѣ примѣра, установленнаго въ 1830 году въ дунайскихъ княжествахъ, опредѣляетъ совершенно достаточно характеръ дѣятельности и политическое положеніе императорскаго комиссара. Одно изъ самыхъ главныхъ возраженій, возбужденныхъ оттоманскими уполномоченными противъ распространенія на югъ гра-

---

которыя указанія касательно лучшаго способа управленія Болгаріею, надѣясь, что министерство иностранныхъ дѣлъ ими воспользуется для составленія разумной инструкціи комиссару, не знавшему вовсе ни свойствъ населенія, ни характера людей, во главѣ которыхъ его случайно поставили. Авт.

ницъ новаго княжества, основывалось на присутствіи на берегахъ Эгейскаго моря и Салоникскаго залива, а также въ окрестностяхъ Битоліи (Монастыря) многочисленнаго смѣшаннаго населенія, состоящаго изъ мусульманъ и албанцевъ, куцо-влаховъ и въ особенности грековъ. Въ виду неопровержимости этого факта и чтобы уменьшить противодѣйствіе упомянутаго населенія, установлено въ его пользу руководящее начало, которое Россія никогда не отвергала на Востокѣ, какъ основанное на точной справедливости и безпристрастіи, а именно опредѣлено, что будутъ приняты въ должное вниманіе права и интересы меньшинства населенія въ выборахъ и при составленіи органическаго устава. Отъ умѣнья и ловкости императорскаго комиссара будетъ зависѣть распредѣленіе значенія и положенія между составными частями этого меньшинства такимъ образомъ, чтобы не слишкомъ ослабить славянскій строй новаго Болгарскаго княжества.

«С т а т ь я VIII. Такъ какъ всѣ крѣпости, находящіяся въ Болгаріи, должны быть срыты, то важно, чтобы къ работамъ было безотлагательно приступлено и чтобы существенное было закончено прежде выхода изъ Болгаріи русскихъ войскъ, оставивъ лишь тѣ укрѣпленія, которыя могли бы быть полезными впослѣдствіи для болгарскаго ополченія[1]). Наши военныя власти, равно какъ и новая гражданская администрація въ краѣ должны обратить на этотъ предметъ особенное вниманіе для возбужденія содѣйствія всего болгарскаго населенія къ скорѣйшему достиженію благодѣтельнаго для него разрушенія. Уже послѣ подписанія договора сераскиріатъ (военное министерство) хлопоталъ передъ главною квартирою о дарованіи облегчительныхъ сроковъ для вывоза артиллеріи, военнаго снаряженія, запасовъ военныхъ и продовольственныхъ, оставшихся въ крѣпостяхъ. Всякое снисхожденіе касательно вывоза военныхъ и продовольственныхъ запасовъ можетъ быть оказано Портѣ при непремѣнномъ условіи, однакоже, чтобы выходъ войскъ и властей оттоманскихъ изъ укрѣпленныхъ пунктовъ былъ ускоренъ [2]). Артиллерія и военные запасы, которые бы въ нихъ временно остались, даже подъ охраною

---

[1]) Ничего этого не было исполнено. Авт.

[2]) На основаніи международнаго права и всѣхъ авторитетовъ этой науки, всѣ условія подписаннаго уполномоченными договора становятся обязательными для обѣихъ сторонъ съ минуты ратификаціи правительствами, а еще больше со времени обмѣна ратификацій (Санъ-Стефанскій договоръ былъ ратификованъ султаномъ 27-го февраля а обмѣнъ ратификацій послѣдовалъ 4-го марта). Слѣдовательно, передача намъ не только дунайскихъ крѣпостей, но Шумлы Варны и Батума была обязательна для турокъ съ того срока, и командующіе нашими войсками должны были воспользоваться правомъ ввести въ эти крѣпости русскіе гарнизоны и настоять на точномъ исполненіи договора. А мы, напротивъ, безпечно дозволили туркамъ, подстрекаемымъ англичанами и австрійцами, не только не пустить наши войска въ Шумлу,

турецкихъ часовыхъ, служили бы намъ дополнительнымъ залогомъ покорности Порты [1]).

«Турецкіе уполномоченные, основываясь на примѣрахъ, установленныхъ въ прежнее время для Сербіи и Румыніи, пытались неоднократно ограничить численность болгарскаго ополченія. Русскіе уполномоченные отказались принять ихъ предложенія, сославшись на разстройство и замѣшательство, въ которыя приведена страна, не дозволяющія нынѣ еще опредѣлить численность вооруженной силы, потребной для обезпеченія порядка, безопасности и благоустройства, а также и соразмѣрить со средствами населенія военные расходы, которые окажется возможнымъ на него возложить. Положено, что численность ополченія должна быть опредѣлена впослѣдствіи по соглашенію между императорскимъ и турецкимъ правительствами. Допущеніемъ размноженія вопросовъ, въ которыхъ Порта должна будетъ искать нашего добраго расположенія [2]), исключительность положенія Россіи въ устройствѣ болгарскихъ дѣлъ вполнѣ выяснена, но оставлена, однакоже, возможность соглашенія съ кабинетами другихъ державъ.

«Оккупаціонныя русскія войска въ Болгаріи сохраняютъ свои сообщенія съ Россіею по Черному морю и имѣютъ право пользоваться для сего Варною и Бургасомъ, учреждая въ этихъ пунк-

---

Варну и Батумъ, но даже возводить подъ глазами нашей арміи новыя укрѣпленія. При составленіи статьи объ очищеніи крѣпостей Савфетъ-паша, ссылаясь на телеграфныя ходатайства сераскиріата и начальниковъ войскъ, указывавшихъ на физическую невозможность скоро очистить крѣпости, просилъ оговорить въ договорѣ, что сдача крѣпостей отсрочивается на двѣ недѣли. Но Игнатьевъ отказалъ туркамъ въ ихъ просьбѣ, указавъ, что крѣпостныя ворота должны быть немедленно открыты для русскаго войска въ крѣпостяхъ, до совершеннаго вывоза вооруженія, которое долженъ начаться безотлагательно. Неприлично было бы побѣдителямъ оставаться на бивуакахъ, когда ихъ легко и удобно можно размѣстить въ крѣпостяхъ. Савфетъ и Реуфъ-паши съ этимъ согласились. Такимъ образомъ, отсрочка сдачи не была допущена русскими уполномоченными и вступленіе нашихъ войскъ въ крѣпостныя ограды должно было совершиться 4-го или 5-го марта, по простому требованію нашихъ военныхъ начальниковъ. Непонятно, почему главная квартира объ этомъ не позаботилась. Авт.

[1]) Никакихъ мѣръ, не было принято нашими военными и дипломатическими властями, чтобы ускорить передачу крѣпостей, что было на руку противникамъ нашимъ, такъ какъ безпечность эта отразилась весьма на нашемъ военно-политическомъ положеніи на Балканскомъ полуостровѣ, передъ и во время Берлинскаго конгресса. Крѣпости были заняты нами лишь въ августѣ, т.-е. пятью мѣсяцами позже, нежели предполагалось въ минуту подписанія Санъ-Стефанскаго договора.

Авт.

[2]) Этимъ выгоднымъ положеніемъ наши дипломаты не умѣли или не желали воспользоваться и сѣтовали, что въ Санъ-Стефано были оставлены многіе вопросы открытыми, обнаруживши слабость и безпечность министерства иностранныхъ дѣлъ.

Авт.

тахъ нужные имъ склады. Это постановленіе не исключаетъ возможности для насъ оградить эти порты отъ нападенія и обратить ихъ въ опорные пункты войскъ, остающихся въ Болгаріи.

«Варненскія укрѣпленія, безспорно, могли бы намъ пригодиться въ продолженіе занятія русскими войсками Болгаріи.

«Статья IX. Отсутствіе какихъ-либо статистическихъ данныхъ относительно будущихъ доходовъ Болгаріи воспрепятствовало опредѣленію дани, которую Болгарія будетъ платить Турціи; такъ какъ вопросъ этотъ былъ связанъ съ обезпеченіемъ платежей по военной контрибуціи [1]), подробности которой не разрѣшены въ договорѣ, то уполномоченные почли долгомъ отложить опредѣленіе болгарской дани до дальнѣйшаго соглашенія между Россіею, Портою и европейскими кабинетами [2]).

«Было весьма важно не сохранить за оттоманскимъ правительствомъ право вмѣшательства въ финансовое управленіе Болгаріи чрезъ посредство компаніи румынскихъ желѣзныхъ дорогъ (барона Гирша), въ особенности потому, что она преобразилась почти совершенно въ австрійскую и что вообще необходимо разъединить въ этомъ вопросѣ интересы турецкіе съ австро-венгерскими. Эту цѣль преслѣдовали постановленія, содержащіяся въ статьѣ объ обязательствахъ княжества въ отношеніи къ компаніямъ желѣзныхъ дорогъ, проходящихъ черезъ Болгарію.

«Статья X. Уступая, по мѣрѣ возможности, турецкимъ уполномоченнымъ въ ихъ требованіи пропуска турецкихъ войскъ чрезъ Болгарію въ Боснію и обратно, русскіе уполномоченные старались выставить право прохожденія войскъ, какъ исключеніе изъ общаго правила, чтобы яснѣе выразить совершенное исключеніе турецкихъ войскъ изъ предѣловъ княжества. Такъ какъ военный путь сообщенія былъ предоставленъ Турціи для Босніи и Герцеговины, а Албанія и Призренская области должны также сохранить какое-либо сухопутное сообщеніе съ столицею имперіи, то нельзя было отказать туркамъ [3] въ возможности провозить чрезъ

---

[1]) По мысли Игнатьева предполагалось не уступать ни копейки съ 300 милліоновъ рублей, и Порта должна была дать намъ полное обезпеченіе платежа, включая, между прочимъ, въ гарантію передачу Россіи права получить болгарскую дань. Такимъ образомъ, Болгарія была бы, во всѣхъ отношеніяхъ, поставлена въ независимое положеніе отъ султана, находясь въ то же время въ полной отъ насъ зависимости въ теченіе времени, достаточнаго, чтобы славянская почва на Балканскомъ полуостровѣ окрѣпла и чтобы русское вліяніе не могло быть подорвано Австро-Венгріею. Авт.

[2]) Вслѣдствіе того, что почти всѣ главные источники доходовъ Турціи уже были отданы прежде въ обезпеченіе займовъ и долговъ банкирамъ, поддержаннымъ западными державами. Авт.

[3]) Предоставленіемъ туркамъ военной дороги черезъ Болгарію ослаблялись возраженія противъ присоединенія къ княжеству большей части Македоніи. Турки

Болгарію войска, военные и продовольственные запасы, предназначенные этимъ областямъ, и которые не могли бы туда попасть иначе, какъ по дорогамъ, ведущимъ чрезъ Салоники и Адріанополь, проходящимъ чрезъ княжество. Для предупрежденія, чтобы передвиженіе войскъ не породило какія-либо затрудненія, Болгарія должна, разумѣется, быть достаточно обезпечена. Для этой цѣли опредѣлено, что сообщеніе можетъ производиться лишь по дорогамъ заранѣе опредѣленнымъ и что особенное положеніе установитъ условія пользованія этимъ правомъ и будетъ заключено въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ ратификаціи договора между Портою и болгарскимъ управленіемъ. А такъ какъ въ теченіе этого срока управленіе Болгаріей будетъ въ вѣдѣніи императорскаго комиссара, то отъ послѣдняго будетъ зависѣть обставить вышеупомянутое право турокъ такими ограниченіями, которыя окажутся необходимыми на практикѣ. Наконецъ, безусловно запрещенъ доступъ и прохожденіе чрезъ Болгарію иррегулярнымъ войскамъ, башибузукамъ и черкесамъ. Надо замѣтить, что военное сообщеніе чрезъ Болгарію предоставлено лишь для связи съ областями по ту сторону княжества, а потому, въ случаѣ столкновенія Порты съ Сербіею, Румыніею или Черногоріею, Болгарія имѣетъ право воспретить проходъ турецкихъ войскъ, если бы оныя были предназначены не исключительно въ упомянутыя турецкія области. Это истолкованіе можетъ быть поддержано; было бы полезно при составленіи положенія о военныхъ путяхъ, проходящихъ чрезъ Болгарію, ввести еще болѣе обстоятельныя постановленія по сему предмету.

«Статья XI. Турецкіе уполномоченные выказали въ продолженіе всѣхъ переговоровъ, желаніе обезпечить мусульманскому населенію въ Болгаріи преимущества и право пользованія недвижимою собственностью въ предѣлахъ княжества. Въ статьяхъ, вошедшихъ въ договоръ, руководствуясь справедливостью и равномѣрностью въ отношеніи къ мусульманамъ, было, однакоже, приложено стараніе преимущественно оградить интересы болгаръ, облегчая, по возможности, переходъ недвижимой собственности въ руки христіанъ.

«Европейское общественное мнѣніе можетъ только рукоплескать

поддержанные англичанами, выставляли на видъ, что Стамбулъ будетъ совершенно отрѣзанъ отъ западныхъ областей Турціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ отстранялся и поводъ, выставляемый Австро-Венгріею для завладѣнія Босніею и Герцеговиною. Графъ Андраши утверждалъ, что созданіемъ «Великой Болгаріи» Боснія и Герцеговина, отдѣленныя отъ остальной части Турціи и лишенныя сухопутнаго сообщенія съ столицею, сдѣлаются неизбѣжно добычею Сербіи и Черногоріи, что противорѣчитъ интересамъ Австро-Венгріи. Чтобы лишить эту аргументацію всякаго основанія, приходилось допустить на нѣкоторое время существованіе неизбѣжнаго турецкаго военнаго пути. Авт.

постановленію, опредѣляющему, что недвижимыя мусульманскія имущества, на которыя въ теченіе двухъ лѣтъ не будетъ предъявлены несомнѣнныя права собственности, будутъ продаваемы съ публичныхъ торговъ въ пользу вдовъ и сиротъ потерпѣвшихъ во время послѣднихъ событій мусульманъ, какъ и христіанъ [1]).

«Успокоивъ Порту, выражавшую опасеніе, что болгары потребуютъ предоставленія имъ, внѣ предѣловъ княжества, сравненія въ правахъ, коими пользуются, на основаніи капитуляцій, иностранные подданные, русскіе уполномоченные провели мысль, что оттоманскіе законы не могутъ имѣть никакого примѣненія въ предѣлахъ Болгаріи, оговоривъ, что лишь въ другихъ частяхъ Турецкой имперіи болгары будутъ имъ слѣдовать. Это постановленіе, впрочемъ, имѣетъ цѣлью понудить болгаръ, обитающихъ внѣ предѣловъ княжества, переселяться и способствовать, такимъ образомъ, уменьшенію треній, раздоровъ и столкновеній между греками и болгарами въ мѣстностяхъ Ѳракіи и Македоніи, оставшихся внѣ новаго княжества.

«Вообще существенно важно, чтобы въ вопросахъ второстепенныхъ [2]), но въ особенности принципіальныхъ, императорскій комиссаръ никогда не терялъ бы изъ виду необходимости привести ихъ къ практическому разрѣшенію, клонящемуся къ огражденію княжества отъ всякаго вмѣшательства Порты [3]) въ его внутреннія дѣла и къ развитію самостоятельныхъ правъ Болгаріи во всѣхъ подробностяхъ учрежденій, съ цѣлью привести оную постепенно, безъ потрясенія, но систематическимъ и законнымъ ходомъ къ совершенной независимости.

«Статья XII. Постановленіе, что впредь не будетъ ни крѣпостей на Дунаѣ, ни военныхъ судовъ въ его водахъ, имѣетъ въ виду успокоить умы и дать удовлетвореніе общественному мнѣнію какъ въ Австро-Венгріи, такъ и въ Германіи Этою статьею уполномоченные надѣялись лишить вѣнскій кабинетъ всякаго предлога считать въ опасности свои интересы на Дунаѣ и подозрѣвать у насъ намѣреніе ввести въ эту рѣку военныя суда подъ флагомъ сербскимъ

---

[1]) Т.-е. не только въ теченіе войны, но и прежде, при неистовствахъ, произведенныхъ въ Болгаріи съ 1875 года.

[2]) Имѣющихъ на Востокѣ несравненно большее значеніе, нежели въ Европѣ но на которые министерство иностранныхъ дѣлъ и большинство русскихъ агентовъ привыкли не обращать должнаго вниманія, пренебрегая ими. Иностранцы, напротивъ, никогда не упускали изъ виду самыхъ мельчайшихъ вопросовъ для нанесенія намъ вреда и водворенія своего вліянія. Авт.

[3]) Тогда главнѣйшею заботою было оградить Болгарію отъ вмѣшательства Порты, которая могла служить слѣпымъ орудіемъ нашихъ европейскихъ противниковъ. Нельзя было предвидѣть, что мы допустимъ безцеремонное вмѣшательство и вліяніе Англіи и Австро-Венгріи, права которыхъ не могли идти въ сравненіе съ верховнымъ правомъ Порты. Авт.

или болгарскимъ. Православныя княжества не лишены, однакоже, возможности имѣть военныя суда на Дунаѣ, ибо имѣютъ право содержать на рѣкѣ, точно такъ же, какъ и Россія, стаціонеровъ и легкія суда для рѣчной полиціи и таможенной службы.

«Статья XIII. Одна изъ статей, которая встрѣтила наибольшія затрудненія, заключала обязательство Порты возстановить безпрепятственное судоходство въ Сулинскомъ устьѣ и вознаградить частныхъ людей, потерпѣвшихъ убытки во время войны. Невозможность исчислить, хотя приблизительно, размѣръ суммы, которую турецкое правительство должно выплатить, и опасеніе узаконить предъявленіе безчисленныхъ домогательствъ чрезвычайно затрудняли всякое соглашеніе по сему предмету. Порта первоначально надѣялась отдѣлаться уплатою намъ пятидесяти тысячъ франковъ. Лишь послѣ большихъ усилій русскіе уполномоченные успѣли вынудить признаніе общей отвѣтственности Порты за потери, съ спеціальнымъ ассигнованіемъ на означенные расходы пятисотъ тысячъ франковъ, взятыхъ изъ суммы, должной оттоманскому правительству дунайскою международною коммиссіею. Нужно поручить нынѣ же нашему консулу въ Галацѣ [1]) озаботиться взысканіемъ означенной суммы съ тѣмъ, чтобы оная не могла быть употреблена на другой предметъ, такъ какъ въ нынѣшнемъ финансовомъ положеніи Порты сомнительно, чтобы она нашла другой источникъ для уплаты слѣдуемаго.

Статья XIV. Въ вопросѣ Босніи и Герцеговины турецкіе уполномоченные желали установить всѣ подробности новаго управленія по соглашенію съ русскими уполномоченными, но эти послѣдніе формально отказались, въ виду заднихъ мыслей и ревнивой подозрительности Австро-Венгріи, а равно и затрудненій, которыя такого рода соглашеніе о подробностяхъ управленія могло вызвать на конференціи. А потому ограничились общими началами [2]): подробности оставлены до будущаго соглашенія между Россіею, Турціею и Австро-Венгріею.

«Статья XV. Казалось бы, что въ трактатѣ, оговоривъ точное примѣненіе и осуществленіе органическаго устава 1868 года [3])

---

[1]) Состоявшему русскимъ представителемъ въ этой комиссіи и ея членомъ. Авт.

[2]) Русскіе уполномоченные были связаны при этомъ постановленіемъ константинопольской конференціи, выработавшей управленіе для Босніи и Герцеговины. Уклоненіе отъ этого основанія доставило бы законный поводъ Австро-Венгріи требовать передѣлки русско-турецкаго соглашенія относительно этихъ областей.

Когда писалась записка, еще не было рѣчи, въ телеграммахъ князя Горчакова, о конгрессѣ. Предполагалась простая конференція для дополненія Санъ-Стефанскаго договора по вопросамъ обще-европейскаго значенія. Авт.

[3]) Составленный для острова Кандіи, при заступничествѣ Россіи за своихъ единовѣрцевъ, но не исполнявшійся добросовѣстно и въ полномъ объемѣ. Авт.

не только въ Кандіи, но въ Эпирѣ, Ѳессаліи, Македоніи и остальныхъ частяхъ Европейской Турціи. Россія охраняла во всей цѣлости положительно великодушно и безкорыстно интересы грековъ равно какъ и обитателей Старой Сербіи. Согласившись ввести упомянутый уставъ во всѣхъ этихъ областяхъ, Порта обязалась допустить выработку подробностей новаго управленія для каждой изъ этихъ областей въ спеціальныхъ комиссіяхъ, въ которыхъ туземное населеніе должно быть широко представлено. Такъ какъ сверхъ того Порта обязалась посовѣтоваться съ императорскимъ правительствомъ прежде, нежели ввести въ дѣйствіе выработанный уставъ, можно надѣяться, что реформа эта будетъ имѣть существенное значеніе. Очевидно, что въ этомъ вопросѣ, какъ, впрочемъ, во всѣхъ другихъ, вытекающихъ изъ заключеннаго нами договора, необходимо безпрерывное, бдительное и неослабное наблюденіе какъ императорскаго кабинета, такъ и въ особенности русскаго посла въ Константинополѣ и нашихъ консуловъ въ различныхъ областяхъ Турціи [1].

«Статья XVI. Полное удовлетвореніе доставлено этою статьею всеобщему желанію армянъ. Впервые имя Арменіи произнесено въ международномъ договорѣ и обязательства, принятыя Портою, могутъ послужить основаніемъ для попечительства нашего надъ большинствомъ христіанскаго населенія въ Малой Азіи. Статья эта докажетъ Европѣ, что Россія не исключительно объ одніихъ славянахъ, ни даже о своихъ единовѣрцахъ заботится, но что она, движимая человѣколюбіемъ, имѣла въ виду обезпечить благосостояніе всего христіанскаго населенія въ Турціи. Такъ какъ турецкіе уполномоченные упорно и горячо возставали противъ предложеннаго имъ упоминанія эчміадзинскаго католикоса и наименованія его верховнымъ главою всѣхъ армянъ, то русскіе уполномоченные сочли болѣе осторожнымъ не настаивать на этомъ. Дѣйствительно, приданіе слишкомъ большого международнаго значенія католикосу могло бы создать намъ самимъ нѣкоторыя административныя затрудненія на Кавказѣ и даже поддержать вожделѣнія и стремленія между армянами, не соотвѣтствующія нашимъ интересамъ.

«Статья XVII. Уполномоченные смотрѣли, какъ на вопросъ чести для Россіи, на включеніе въ договоръ всеобщей амнистіи для

---

[1] Никакой договоръ не будетъ добросовѣстно примѣненъ на Востокѣ безъ настойчиваго преслѣдованія исполненія его на мѣстѣ всѣми исполнительными органами туземнаго правительства. А чтобы его достигнуть, надо проявлять энергическую настойчивость и постоянную бдительность. Въ этомъ отношеніи намъ надо поучиться у англійскихъ и германскихъ агентовъ. Русская дипломатія, безпечностью и бездѣйствіемъ своимъ, въ критическое время послѣ войны дозволила противникамъ нашимъ оттѣснить себя на задній планъ и лишить Россію плодовъ побѣды и Санъ-Стефанскаго договора. Авт.

турецкихъ подданныхъ, замѣшанныхъ въ послѣднія событія и провинившихся предъ Портою.

«Необходимо намъ слѣдить за выполненіемъ обязательства прощенія.

«Статья XVIII. Статья эта доставила Персіи справедливое удовлетвореніе по вопросу о Хотурѣ [1].

«Статья XIX. Въ статьѣ о земельныхъ уступкахъ, сдѣланныхъ Турціею въ счетъ должнаго ею Россіи денежнаго вознагражденія, рѣчь идетъ не объ одной Добруджѣ, какъ значилось въ первоначальномъ проектѣ, но о всемъ Тульчинскомъ санджакѣ. Это постановлено вслѣдствіе того, чтобы мы имѣли возможность, пріобрѣтая часть Бессарабіи, оторванную въ 1856 году, и нѣкоторые рукава дунайскаго устья, удовлетворить отчасти Румынію территоріальнымъ вознагражденіемъ. Новая граничная черта отходитъ отъ морского берега у Мангаліи и упирается въ Дунай немного выше Рассова [2]. Въ текстѣ статьи ясно выражено, что Россія не желаетъ [3]) присоединить къ себѣ эту территорію и острова дельты дунайской и что она себѣ предоставляетъ право промѣнять часть оной на отошедшую часть Бессарабіи. Но если Румынія не согласится на этотъ обмѣнъ, мы имѣемъ полное право распорядиться иначе этою областію, такъ какъ она уступлена Россіи Турціею взамѣнъ значительной суммы, которую мы имѣемъ полное право требовать и которую Порта признала своимъ долгомъ.

Змѣиный островъ, о которомъ упомянуто въ статьѣ, не вошелъ въ составъ предположеннаго обмѣна съ цѣлью, чтобы предоставить императорскому правительству сохранить его за собою въ случаѣ надобности въ виду стратегической пользы, которую можно извлечь изъ этого острова созданіемъ затрудненій для навигаціи и, въ особенности, ночного входа въ Дунай въ военное время посредствомъ прекращенія освѣщенія находящагося на островѣ маяка [4]).

---

[1]) Англія совмѣстно съ Россіею въ качествѣ державъ-посредницъ рѣшила споръ о разграниченіи Хотура въ пользу Персіи, но въ теченіе многихъ лѣтъ [illegible] оставленія турками этого пригорода. Включеніе этой статьи въ [illegible] Персія и показало ей, что Россія ей покровительствуетъ болѣе, нежели Англія. Авт.

[2]) Граница между Болгаріею и отдѣляемой отъ нея Добруджей предполагалась, по Санъ-Стефанскому договору, провести по линіи: Мангалія—Расова; но Берлинскій договоръ провелъ ее съ большимъ ущербомъ для Болгаріи, именно отъ Мангаліи до Дуная около самой Силистріи. А. Б.

[3]) Замѣчаніе это для успокоенія европейскаго и румынскаго общественнаго мнѣнія, что Россія отбираетъ у Турціи Тульчинскій санджакъ не изъ желанія увеличенія своихъ владѣній. Россія же лишилась возможности повести такъ дѣло, чтобы за собою оставить этотъ участокъ, или передать Болгаріи, выговоривъ условія для нея выгодныя. Авт.

[4]) По ст. 46 Берлинскаго договора, Змѣиный островъ отданъ Румыніи. А. Б.

«Граница возвращаемой намъ части Бессарабіи обозначена къ югу русломъ Килійскаго рукава (тальвегъ) и Старо-Стамбульскимъ устьемъ [1], съ цѣлью обезпечить за нами обладаніе селеніями Вилково и Очаковъ, населенными исключительно русскими выходцами, двадцать уже лѣтъ желающими принять русское подданство и быть подвластными государю императору. Проведеніе этой граничной линіи обезпечивало намъ обладаніе Очаковскимъ проходомъ, находящимся сѣвернѣе Старо-Стамбульскаго устья и который естественнымъ образомъ годъ отъ году углубляется и можетъ впослѣдствіи служить гораздо лучшимъ, доступнымъ болѣе глубоко сидящимъ судамъ сообщеніемъ съ моремъ, нежели Сулинскій каналъ, на который европейская коммиссія потратила столько средствъ и техническихъ усилій. Весьма важно, чтобы не допустить на конгрессѣ измѣненія редакціи, касающейся этой граничной черты, и ввести оную цѣликомъ въ текстъ окончательнаго договора [2]).

«Въ Азіи новая закавказская граница проведена согласно проекту, одобренному въ Тифлисѣ, который и осуществленъ во всѣхъ

---

[1]) Мысль Н. П. Игнатьева уцѣлѣла и послѣ отмѣны Санъ-Стефанскаго договора, перейдя въ статью 45 Берлинскаго трактата.

Благодаря этому, мы сейчасъ владѣемъ всѣми развѣтвленіями Килійскаго гирла. Вотъ ихъ наименованія, идя съ юга къ сѣверу:

1) устье Килійское, 2) гирло Борисово, 3) гирло Восточное, 4) гирло Косаткино, 5) гирло Быстрое, 6) гирло Романово, 7) гирло Песчаное, 8) гирло Матвѣйкино, 9) гирло Отножное, 10) гирло Казекино, 11) гирло Анкудиново, 12) гирло Раково, 13) гирло Полуденное, 14) гирло Очаковское, 15) гирло Полу[illegible], 16) гирло Полуночное, 17) гирло Бѣлгородское.

Взаимоположеніе этихъ гирлъ, а равно размѣщеніе на всѣхъ островахъ между ними сохраненія русскихъ названій свидѣтельствуетъ, совершенно согласно съ «Записками» Н. П. Игнатьева, о древне-народномъ и казачьемъ характерѣ русскаго населенія этихъ гирлъ. Благодаря способности Н. П. Игнатьева пріобщать къ себѣ народные элементы и освѣдомляться у нихъ о такихъ отцовыхъ свѣдѣніяхъ, которыхъ ни обыденная наука не сообщала, ни тѣмъ болѣе «петербургскія» высокія канцеляріи не вѣдали,—намъ была дана возможность не упустить этого исконно русскаго и казацкаго края и возвратить его Россіи. Мы говоримъ «возвратить», потому что не слѣдуетъ забывать, что вся Дунайская дельта принадлежала Россіи съ 1829 года (Адріанопольскій миръ) до 1856 г. Парижскій трактатъ [illegible] владѣнія Россіи оканчивались на самомъ южномъ рукавѣ — на Георгіевскомъ.

Пріобрѣтя по Санъ-Стефанскому договору и Берлинскому трактату гирла Килійскаго устья, мы рѣшили, между прочимъ, и судьбу того поселка «Вилкова», о которомъ говорится здѣсь, въ «Запискахъ». Этотъ поселокъ, находящійся на сѣверномъ берегу главнаго Килійскаго протока, остался за Россіею. А. Б.

[2]) Польза и необходимость измѣненія южной граничной черты Бессарабіи [illegible] совершенно упущена изъ вида въ Петербургѣ, и Игнатьевъ, дорожившій своимъ нововведеніемъ, опасался, что редакціоннымъ измѣненіемъ текста на конгрессѣ сущность дѣла будетъ утрачена Россіею по канцелярскому недосмотру съ нашей стороны. Не получая никакихъ указаній, ни свѣдѣній по этому вопросу, Игнатьевъ рѣшился предъявить требованіе новой дунайской границы по собственной иниціативѣ, вслѣдствіе свѣдѣній, добытыхъ имъ отъ нашихъ выходцевъ-раскольниковъ объ углубленіи Очаковскаго устья. А. Б.

потребностяхъ. Россія пріобрѣтаетъ богатый край, считающійся житницей Сѣверной Анатоліи, съ прекрасною батумскою гаванью и важнѣйшими стратегическими позиціями, облегчающими доступъ къ Эрзеруму и затрудняющими до невозможности всякое наступленіе со стороны непріятеля на наши кавказскія владѣнія. Карсъ, Батумъ и Баязетъ [1]) остаются въ нашей власти. Сверхъ того мы будемъ господствовать надъ главнымъ путемъ въ Персію и получили возможность держать въ рукахъ всѣ кочевыя курдскія племена, владѣя пунктами, съ которыхъ легко распространить наше вліяніе на все населеніе Анатоліи и имѣть открытый доступъ въ долину Муша и Вана—главные очаги армянской народности.

«Въ первоначальномъ проектѣ, предложенномъ нами турецкимъ уполномоченнымъ, въ предвидѣніи разномыслія между пограничными комиссарами на азіатской границѣ и для устраненія разногласій, было указано на посредничество германскаго представителя. Турки, однакоже, не приняли этого предложенія, сославшись на то, что имъ противно предвидѣть при самомъ заключеніи договора разногласіе, вынуждающее прибѣгнуть къ постороннему посредничеству, и что они предпочитаютъ, въ случаѣ проявленія разномыслія въ трудахъ пограничной комиссіи, предоставить разрѣшеніе недоумѣній непосредственному соглашенію между двумя заинтересованными кабинетами. Русскіе уполномоченные не настаивали на своемъ предложеніи, сдѣланномъ лишь для отстраненія вмѣшательства англійскаго посредничества. Опредѣленность выраженнаго очертанія пограничной линіи дѣлаетъ маловѣроятными недоразумѣнія при проведеніи оной на мѣстѣ. Впрочемъ, ничего не предрѣшая, мы можемъ всегда прибѣгнуть, въ случаѣ надобности, къ посредничеству для разрѣшенія пограничныхъ разногласій безъ того, чтобы оно было оговорено въ статьѣ договора.

«Въ виду возраженій, которыя могутъ возникнуть въ Европѣ относительно земельнаго приращенія Россіи, уполномоченные настояли на включеніи въ текстъ договора:

1) Что Порта обязалась выплатить военную контрибуцію, цифра которой опредѣлена въ 1410 милліоновъ рублей.

2) Упоминанія, что лишь въ виду финансовыхъ затрудненій Турціи и согласуясь съ желаніемъ султана, его императорское величество благоизволилъ согласиться замѣнить уплату большей части означенной суммы земельными уступками.

3) Опредѣлить соотвѣтствіе денежныхъ суммъ съ уступаемыми территоріями съ тою цѣлью, чтобы въ случаѣ, если бы, паче чаянія, признано было необходимымъ отказаться, вслѣдствіе сопротивленія державъ, отъ части уступаемой Россіи Турціею территоріи, мы

---

[1]) По Берлинскому трактату Баязетъ отданъ обратно Турціи. А. Б.

могли бы съ полнымъ основаніемъ требовать для вознагражденія соотвѣтствующую денежную сумму [1].

Статья XX. Эта статья предоставляетъ императорскому посольству въ Константинополѣ твердое основаніе добиться ускоренія окончательнаго разрѣшенія всѣхъ тяжебныхъ дѣлъ, преслѣдуемыхъ въ Портѣ русскими подданными въ теченіе многихъ лѣтъ и которыя порождали нескончаемые и тягостные переговоры съ Портою [2]. Сверхъ того турецкое правительство приняло на себя обязательство выплатить десять милліоновъ рублей въ вознагражденіе подданныхъ и учрежденій русскихъ (госпиталь), понесшихъ потери во время войны. Предполагалось, что десять милліоновъ должны быть выплачены русскому правительству и затѣмъ Порта не будетъ имѣть ни права, ни надобности участвовать въ распредѣленіи этихъ денегъ. Разобрать степень основательности претензій и опредѣлить нужное вознагражденіе каждому пострадавшему лицу или учрежденію было дѣломъ императорскаго правительства. Возвращеніе капитала русскаго госпиталя Св. Николая [3] въ Перѣ было спеціально выговорено въ первоначальномъ проектѣ договора, но такъ какъ турки опасались, что это послужитъ примѣромъ для благотворительныхъ учрежденій католиковъ и протестантовъ и даже для иностранныхъ подданныхъ, потерпѣвшихъ вслѣдствіе банкротства Турціи, то редакція статьи была измѣнена и упоминаніе о госпиталѣ замаскировано общимъ именованіемъ русскихъ учрежденій. Турецкіе уполномоченные объявили, что Порта принимаетъ на себя обязательство возвратить двадцать тысячъ лиръ, принадлежавшихъ русскому госпиталю, но предпочитаетъ высказать это въ отдѣльномъ письмѣ. Эта предосторожность оказалась излишнею потому, что возвратъ больничнаго капитала включ[illegible]

---

[1]) Несмотря на предусмотрительную предосторожность Игнатьева, графъ Шуваловъ въ Лондонѣ, въ переговорахъ своихъ съ Салисбюри, потерялъ [illegible] отказался отъ Баязета, Алашкерта и значительнаго участка, безъ соотвѣтствующаго [illegible] возвращенія денежнаго вознагражденія, и затѣмъ на Берлинскомъ конгрессѣ [illegible] уполномоченные совсѣмъ не воспользовались своимъ правомъ въ пользу [illegible] Россіи. Мы постепенно сдѣлали уступки Англіи, Австро-Венгріи, Турціи [illegible] но соотвѣтствующихъ суммъ или уступокъ не потребовали, добившись [illegible] результатовъ войны изъ опасенія борьбы съ Европою. [illegible]

[2]) Предъ войною Игнатьевъ предупредилъ офиціально турецкое правительство, [illegible] ссылавшись на неоконченныя дѣла русскихъ подданныхъ, что рано или поздно [illegible] должны быть удовлетворены и что права ихъ, во всякомъ случаѣ, будутъ [illegible] При заключеніи договора Игнатьевъ воспользовался [illegible] чтобы достигнуть окончанія старыхъ тяжебъ русскихъ подданныхъ [illegible] и генеральное консульство въ Константинополѣ [illegible] съ Портою. [illegible]

[3]) Построеннаго и учрежденнаго Игнатьевымъ въ 1874 г. [illegible] въ турецкихъ процентныхъ бумагахъ, упавшихъ [illegible] 1876 году. [illegible]

сумму десяти миллионовъ рублей вознагражденія, которую Порта обязалась выплатить.

Статья XXI. Статья эта опредѣляетъ подробности, проистекающія изъ территоріальныхъ уступокъ въ Азіи.

Статья XXII. Право покровительства, нами требуемаго для лицъ духовныхъ, паломниковъ и русскихъ монаховъ, возбуждало самыя большія опасенія въ турецкихъ уполномоченныхъ, которые намъ дали замѣтить, что подобное притязаніе возбудило двадцать лѣтъ тому назадъ Восточную войну. Они наконецъ поняли, что нынѣ рѣчь шла не о грекахъ, подданныхъ султана, но исключительно о природныхъ русскихъ, и что касательно сихъ послѣднихъ мы должны быть поставлены въ то же положеніе, въ которомъ находится Франція и другія державы въ отношеніи къ духовенству и паломникамъ ихъ національностей. Благодаря содержанію этой статьи, учрежденія наши въ Палестинѣ и другихъ мѣстахъ на Востокѣ нынѣ существующія и имѣющія быть устроенными впослѣдствіи, будутъ выведены изъ того неблагопріятнаго положенія, которое было имъ создано какъ въ отношеніи турецкихъ властей, такъ и греческихъ патріарховъ. Императорское посольство въ Константинополѣ, а равно и консулы наши могутъ отнынѣ выступать въ ихъ защиту, не испытывая тѣхъ затрудненій, которыя проявлялись въ послѣдніе два года, т. е. послѣ броженія на Востокѣ и возбужденія грековъ и турокъ противъ славянъ.

«Статья XXIII. Всѣ преимущества, предоставленныя торговлѣ и положенію русскихъ подданныхъ въ Турціи, опредѣленныя старыми договорами и общими капитуляціями, возобновлены съ возстановленіемъ силы прежнихъ договоровъ. Нашъ послѣдній торговый трактатъ съ Турціею также возстановленъ, но такъ какъ ему истекаетъ срокъ, то необходимо безотлагательно озаботиться заключеніемъ новаго торговаго договора.

Статья XXIV. Открытіе проливовъ Босфора и Дарданеллъ во время войны, точно такъ же, какъ и въ мирное время, коммерческимъ судамъ нейтральныхъ державъ и устраненіе фиктивной блокады [1], приносившей столько вреда нашему морскому побережью и вообще торговлѣ, должны бы встрѣтить сочувствіе всѣхъ морскихъ государствъ.

«Статья XXV. Для очищенія Европейской Турціи назначено три мѣсяца срока, а для Азіатской Турціи шесть мѣсяцевъ послѣ заключенія окончательнаго мира [2]. Такимъ образомъ, если дер-

---

[1] Которую Турціи весьма удобно было практиковать, слѣдуя совѣтамъ англичанъ и считая проливы для насъ закрытыми по желанію Порты. Авт.

[2] Имѣлось въ виду, съ одной стороны, сохранить за нами право оставить въ Турціи армію нашу, пока всѣ требованія наши не будутъ выполнены, а съ другой стороны, не раздражать державы, опасавшіяся продолжительности пребыванія русскихъ войскъ въ Турціи, ускорить водвореніе окончательнаго замиренія въ Европѣ и въ Турціи. Авт.

жавы будутъ преслѣдовать, что договоръ нашъ съ Портою не можетъ считаться окончательнымъ, то занятіе Турціи нашими войсками должно продолжиться далѣе назначенныхъ сроковъ. Слѣдовательно, затяжки конгресса, которыя кабинеты могутъ возбудить противъ насъ, послужатъ лишь къ продленію пребыванія нашихъ войскъ въ окрестностяхъ Константинополя [1]) и въ Эрзерумѣ.

«Возможно, что подобный результатъ воздѣйствуетъ благотворнымъ образомъ на сужденіе кабинетовъ о Санъ-Стефанскомъ договорѣ [2]).

«Статья XXVI. Условія пребыванія нашихъ войскъ въ мѣстностяхъ, подлежащихъ возврату Турціи, и порядокъ постепеннаго очищенія оныхъ составляютъ предметъ особаго соглашенія.

«Статья XXVII. Порта обязуется ни подъ какимъ видомъ не преслѣдовать турецкихъ подданныхъ, компрометированныхъ своими сношеніями съ русскою арміею.

«Статья XXVIII. Необходимость уплатить всѣ расходы содержанія военноплѣнныхъ, находящихся нынѣ въ Россіи, пугала турокъ. Въ виду совершеннаго безденежья турецкой казны и невозможности, въ которой она нынѣ находится, заплатить наличными деньгами за произведенные нами расходы, постановлено, что платежи будутъ производиться въ теченіе шести лѣтъ, въ восемнадцать сроковъ, равными суммами.

«Статья XXIX. Русскіе уполномоченные намѣревались вслѣдъ за договоромъ заключить секретный протоколъ, опредѣляющій, что обѣ договорившіяся стороны торжественно обязуются другъ друга взаимно поддерживать для сохраненія неизмѣнными договорныхъ постановленій и не допускать никакого въ нихъ измѣненія безъ предварительнаго соглашенія между собою. Но, получивъ повелѣніе не умножать предосторожностей до окончательнаго разсмотрѣнія договора, они ограничились тѣмъ, что условились съ

---

[1]) Уѣзжая въ Россію, Игнатьевъ предполагалъ, что, такъ какъ миръ заключенъ и демаркаціонная линія сама собою уничтожается, то войска наши перейдутъ на болѣе здоровыя и выгодныя позиціи, распространяясь влѣво отъ Санъ-Стефано къ Босфору и Черному морю. Авт.

[2]) Игнатьевъ надѣялся, что желаніе удалить войска наши понудитъ державы какъ можно скорѣе признать заключенный нами договоръ окончательнымъ. Но, разумѣется, для достиженія такого результата необходимо было не выказывать непонятной слабости, сговорчивости и желанія угодить и Англіи, и Австро-Венгріи, и султану, а стоять твердо, неуклонно и рѣшительно на почвѣ договора, ратификованнаго и султаномъ, и государемъ. Слѣдовало ввести тотчасъ войска наши въ Шумлу и Варну и отнюдь не дозволять туркамъ строить укрѣпленія вокругъ Константинополя, передъ глазами нашихъ войскъ, а, напротивъ того, подъ предлогомъ здоровья войскъ, размѣстить ихъ на высотахъ Босфора и въ Бѣлградскомъ лѣсу. Министерству же иностранныхъ дѣлъ и представителямъ нашимъ за границею не слѣдовало идти навстрѣчу измѣненіямъ Санъ-Стефанскаго договора, а, напротивъ, упорно его отстаивать. Но въ это время у насъ, къ сожалѣнію, все какъ-то дѣлалось противно нашимъ собственнымъ интересамъ и въ угоду нашимъ противникамъ. Авт.

условія, что договорившіяся стороны будутъ считать себя формально связанными прелиминарнымъ договоромъ съ минуты его ратификаціи. Сверхъ того постановлено, что въ Петербургѣ будетъ опредѣлено время, когда договоренныя условія будутъ облечены въ торжественную форму окончательнаго мирнаго трактата. Отъ императорскаго кабинета, слѣдовательно, зависитъ обратить нашъ прелиминарный договоръ [1]), въ окончательный, ограничившись лишь измѣненіемъ формы трактата и не умаляя содержанія тѣхъ условій, которыя приняты окончательно Портою».

XVII

Когда графъ Игнатьевъ прибылъ въ Петербургъ 2-го марта, въ 3 часа дня пополудни, съ турецкимъ военнымъ министромъ, назначеннымъ чрезвычайнымъ посломъ и везшимъ ратификацію султана, государь императоръ принялъ своего посла чрезвычайно благосклонно, выразивъ лишь опасеніе, чтобы вмѣшательство Англіи не помѣшало благополучному осуществленію договора, его обрадовавшаго [2]). Но князь Горчаковъ заботился лишь объ одномъ: какъ бы умалить значеніе Санъ-Стефанскаго договора и заслуги его составителя, а также доставить себѣ возможность блеснуть передъ Европою на конгрессѣ. Канцлеръ встрѣтилъ Игнатьева одобреніемъ, что ему удалось «такъ неожиданно быстро достигнуть желаемаго результата», но о самомъ договорѣ онъ отозвался, что «по своей умѣренности, едва ли онъ удовлетворитъ русское общественное мнѣніе, ожидавшее несравненно большаго отъ своихъ уполномоченныхъ, и что, по его убѣжденію, договоръ этотъ не встрѣтитъ препятствій со стороны Европы, такъ какъ, опираясь на Бисмарка и Андраши, ему легко будетъ въ самый кратчайшій срокъ преодолѣть неудовольствіе Биконсфильда и достигнуть европейскаго подтвержденія нашимъ условіямъ съ Портою». Игнатьевъ изъявилъ нѣкоторое сомнѣніе на такомъ легкомъ успѣхѣ и ограничился сердечнымъ пожеланіемъ, чтобы надежда князя Горчакова осуществилась и чтобы требованія, имъ предъявленныя туркамъ, были найдены всѣми державами, вопреки ожиданіямъ, умѣренными. Глав-

---

[1]) Когда писалась записка, Санъ-Стефанскій договоръ былъ утвержденъ лишь султаномъ, послѣ же ратификованъ государемъ императоромъ. Авт.

[2]) Когда, по выходѣ изъ комитета министровъ, [illegible] графъ Игнатьевъ, поздравилъ государя съ Санъ-Стефанскимъ договоромъ письменно 19-го февраля ([illegible] не могъ выходить), то его величество отвѣтилъ ему: «Благодарю [illegible] Радуюсь, [illegible] честь подписать столь славный для Россіи миръ. Теперь [illegible], чтобы европейскіе наши друзья не помѣшали [illegible]. [illegible], чтобы скорѣе поправиться».

Авт.

нѣйшая забота канцлера и всего министерства иностранныхъ дѣлъ заключалась въ томъ, чтобы Австро-Венгрія осталась удовлетворенною Санъ-Стефанскимъ договоромъ и чтобы условія его показались въ Вѣнѣ не выходящими изъ рамокъ соглашенія нашего съ графомъ Андраши, а потому, представляя государю и канцлеру текстъ договора и приложенныя къ нему карты, а равно и донесенія о ходѣ переговоровъ, Игнатьевъ приложилъ вышеупомянутую объяснительную записку, имѣвшую главнѣйше въ виду направить дальнѣйшія дѣйствія нашей дипломатіи на путь, обезпечивающій надлежащее осуществленіе важнѣйшихъ условій договора.

Узнавъ, что канцлеръ собирается отправиться на конгрессъ, Игнатьевъ предложилъ ему, 3-го марта, вовсе не ратификовать Санъ-Стефанскій договоръ, выставляя на видъ, что турки отречься отъ сдѣланныхъ ими намъ уступокъ не могутъ послѣ доставленной и представленной государю императору ратификаціи султана и пока наша армія, могущая заставить турецкое правительство безпрекословно выполнить всѣ нужныя намъ условія договора, находится еще подъ стѣнами Стамбула; представленіе же текста нашего договора на разсмотрѣніе и одобреніе европейскихъ представителей до того оскорбительно для народнаго чувства, что достоинство наше было бы менѣе уязвлено, если бы на договорѣ не было подписи его величества, а оставалась бы одна подпись уполномоченнаго Россіи. Договоръ, нами заключенный, можетъ подвергнуться измѣненію по волѣ государя императора, но отдать на судъ, такъ сказать, на поруганіе договоръ, уже ратификованный его величествомъ и сдѣлавшійся, по международному праву, безповоротно окончательнымъ, будетъ, по крайней мѣрѣ въ глазахъ всей Россіи и славянства, унизительно и прискорбно. Канцлеръ снова заявилъ, что увѣренъ въ полномъ содѣйствіи князя Бисмарка и въ особенности графа Андраши и не сомнѣвается, что развѣ самыя незначительныя статьи, касающіяся общихъ европейскихъ интересовъ, а не исключительно русскихъ, турецкихъ или вассальныхъ княжествъ, подвергнутся редакціонному измѣненію, безъ вліянія на существо дѣла. Самоувѣренность князя Горчакова была такова, что увлекаясь мелочнымъ тщеславіемъ, онъ торопился замѣнить подпись Игнатьева и Нелидова ратификаціею государя и своимъ собственноручнымъ скрѣпленіемъ.

Договоръ былъ ратификованъ государемъ 4-го, а 5-го марта произошелъ въ кабинетѣ князя Горчакова формальный обмѣнъ ратификацій между нимъ и Реуфомъ-пашою.

Наканунѣ, 4-го марта, въ субботу, князь Горчаковъ вечеромъ имѣлъ совѣщаніе съ Реуфомъ-пашою, на которое онъ пригласилъ Игнатьева. Очевидно, что тщеславный канцлеръ хотѣлъ показать

[illegible] необходимыя [illegible] участія [illegible] [illegible] окончанія [illegible] [illegible] Реуфомъ-пашою [illegible] [illegible] которыя [illegible] быть въ состояніи. Поэтому Игнатьеву рекомендовалось явиться [illegible] Вечеромъ въ тотъ же [illegible] есть 5-го марта, по порученію государя и канцлера. Игнатьевъ имѣлъ продолжительное объясненіе съ Реуфомъ-пашою, какъ съ турецкимъ уполномоченнымъ, присланнымъ для ратификаціи и передачи его величеству просьбы султана смягчить, по возможности, при исполненіи, тяжкія условія договора, въ особенности касательно уплаты непосильной денежной контрибуціи. 7-го марта Игнатьевъ представилъ письменный краткій отчетъ канцлеру о заключеніяхъ, къ которымъ пришли во время этихъ переговоровъ:

1. Касательно русскихъ плѣнныхъ, находящихся нынѣ въ Константинополѣ, сераскиръ обѣщалъ, что всѣ они, безъ всякаго исключенія, будутъ отправлены на первыхъ турецкихъ пароходахъ, посланныхъ въ Одессу или Севастополь за турецкими плѣнными, нами возвращаемыми.

2. Выставивъ на видъ турецкому уполномоченному неудобство и непріятность оставлять наши войска на бивуакахъ на высотахъ, окружающихъ Батумъ, и въ окрестностяхъ Шумлы и Варны— въ ожиданіи вывода изъ этихъ крѣпостей, уступленныхъ уже Турціею по договору, войскъ и военнаго матеріала, тамъ накопленнаго, я настаивалъ, чтобы къ очищенію ихъ и къ вводу туда нашихъ войскъ было приступлено безотлагательно. Ничто не препятствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ Портѣ поступить точно также относительно укрѣпленныхъ пунктовъ, сданныхъ нашимъ войскамъ на основаніи перемирія, а именно оставить часть военнаго матеріала и продовольственныхъ запасовъ, которая, за недостаткомъ перевозочныхъ средствъ, не можетъ еще тотчасъ же быть вывезена, приставивъ къ этимъ складамъ турецкихъ часовыхъ. Разъ миръ заключенъ, ничто не препятствуетъ нашимъ войскамъ мирно размѣститься въ казармахъ вмѣстѣ съ оставшимися частями турецкой арміи.

3. Такъ какъ демаркаціонная линія, упоминаемая въ адріанопольскомъ перемиріи, не обозначена на мѣстѣ для Сербіи и Черногоріи, то для предупрежденія недоразумѣній и столкновеній условлено считать границы, проведенныя Санъ-Стефанскимъ договоромъ, за демаркаціонную линію между турецкою арміею и войсками двухъ сербскихъ княжествъ. Само собою разумѣется, что это рѣшеніе нисколько не должно вліять на трудъ пограничныхъ коммиссій, опредѣленныхъ договоромъ. Но сербскія и черногорскія войска должны войти нынѣ же въ демаркаціонную линію,

тогда какъ турецкія войска, находившіяся за этой линіей, должны также отступить въ назначенные имъ предѣлы [1].

4. Коснувшись, по повелѣнію султана, вопроса о срокѣ и способѣ возвращенія русскихъ войскъ въ отечество, Реуфъ-паша призналъ, что посадка войскъ на суда затруднительна въ Санъ-Стефано и Родосто, то есть въ тѣхъ пунктахъ, на которые указывали турки, по внушенію, вѣроятно, англичанъ. Мы пришли къ заключенію, что русскія войска, находящіяся въ окрестностяхъ Константинополя, будутъ садиться на суда для отплытія въ Одессу и Севастополь въ Буюкъ-дере, какъ лучшей якорной стоянкѣ по близости ихъ расположенія и внѣ турецкихъ укрѣпленій [2]. Я объяснилъ турецкому чрезвычайному послу, что предположеніе посадки войскъ въ Буюкъ-дере вызвано не только соображеніями практическаго свойства и въ видахъ удобства войскъ, но и желаніемъ не вводить ихъ въ столицу, а направить къ Босфору чрезъ Пиргосъ и по шоссе, ведущему въ Буюкъ-дере, прямо къ мѣсту якорной стоянки русскихъ судовъ, имѣющихъ быть присланными для перевозки войскъ на родину.

5. Наконецъ, сераскиру-пашѣ была мною развита мысль, что совершенно необходимо турецкому правительству предоставить намъ положительныя ручательства неизмѣнности здравой политики Порты, могущей поднять ее въ нашихъ глазахъ [3]) и внушить намъ довѣріе. Реуфъ-паша далъ наилучшія завѣренія въ этомъ отношеніи. Онъ выразилъ надежду, что султанъ, опираясь на свою армію, сумѣетъ воспротивиться всѣмъ интригамъ и заставить подчиниться своей власти. Я отвѣтилъ турецкому министру, что, пока британская эскадра находится въ Мраморномъ морѣ, Англія имѣетъ полную возможность навязать Портѣ свою волю, вліять на ея рѣшенія и мы должны опасаться захвата англичанами не только Дарданеллъ, но даже и Босфора, что доставило бы имъ полное господство въ

---

[1]) Черногорцы и отчасти сербы не овладѣли еще отведеннымъ имъ пространствомъ, и первые могли занять нѣкоторыя мѣстности лишь подъ горячимъ впечатлѣніемъ разгрома турецкихъ силъ и появленія русской арміи у Стамбула. Лишь на весьма ограниченномъ числѣ пунктовъ сербы и черногорцы зашли за демаркаціонную линію, тогда какъ мусульманамъ, по Санъ-Стефанскому договору, приходилось добровольно уступить немалое пространство. Обстоятельство это, извѣстное Игнатьеву, было скрыто въ переговорахъ отъ турокъ подъ видомъ равноправности взаимныхъ обязательствъ. Авт.

[2]) При отъѣздѣ Игнатьева изъ Санъ-Стефано и рѣчи не было о возведеніи укрѣпленій для преграждения русскимъ доступа къ верхнему Босфору. Авт.

[3]) Реуфу-пашѣ было при этомъ объяснено, что всѣ недоразумѣнія между Россіею и Турціею вызваны податливостью послѣдней на враждебныя намъ интриги и зависимость ея отъ Англіи. Партія «Юной Турціи» и многіе изъ выдающихся пашей были слѣпыми орудіями англичанъ и вели безсознательно Турцію къ столкновенію съ Россіею. Авт.

Константинополя. Не надо терять изъ виду, что въ такомъ случаѣ власть султана сдѣлалась бы совершенно ничтожною и мы не могли бы отнестись иначе къ этому событію, какъ считать Турецкую имперію болѣе не существующею. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія самой Порты и въ ея интересахъ, необходимо противопоставить англичанамъ въ проливахъ противовѣсъ предоставленіемъ нашимъ войскамъ занять босфорскія укрѣпленія самостоятельно или совмѣстно съ турецкими. Занятіе русскими войсками босфорскихъ фортовъ немедленно указало бы англичанамъ неблагопріятные результаты ихъ необдуманнаго образа дѣйствій. Турецкое правительство получило бы возможность тогда потребовать отъ Великобританіи удаленія ея эскадры, заявивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что оно условилось съ нами, что временное занятіе босфорскихъ укрѣпленій прекратится, какъ только исчезнутъ причины, вызвавшія подобную мѣру съ нашей стороны, то есть что русскія войска выйдутъ изъ фортовъ одновременно съ выходомъ англійской эскадры изъ Дарданельскаго пролива. Объявляя, что онъ понимаетъ необходимость для Россіи не только съ точки зрѣнія политическаго равновѣсія, но и съ чисто оборонительною цѣлью, для прикрытія нашего юга и сообщеній арміи, занятія прибрежныхъ фортовъ, въ случаѣ вступленія англійской эскадры въ Босфоръ, Реуфъ-паша обѣщалъ не терять изъ виду этого обстоятельства, приготовить султана къ неизбѣжному послѣдствію слабости, выказанной Портою въ отношеніи къ Англіи, и вступить по этому предмету въ соглашеніе съ его императорскимъ высочествомъ главнокомандующимъ, съ которымъ онъ будетъ поддерживать, согласно совѣту моему, довѣрительныя сношенія чрезъ посредство нашего перваго драгомана Ону, помимо Порты и другихъ министровъ. Убѣжденный въ необходимости серьезнаго, искренняго и безъ малѣйшихъ оговорокъ согласія между Россіею и Турціею, Реуфъ-паша предлагалъ себя въ посредники прямыхъ сношеній между государемъ императоромъ и главнокомандующимъ съ одной стороны и султаномъ съ другой и торжественно обѣщался передавать безотлагательно султану все, что будетъ ему сообщено чрезъ Ону.

Въ заключеніе Реуфъ-паша выразилъ надежду, что ему удастся удалить англійскую эскадру изъ Мраморнаго моря, и обѣщалъ начать дѣйствовать въ этомъ смыслѣ тотчасъ послѣ своего возвращенія въ Константинополь.

Записка эта прежде представленія канцлеру и государю была прочитана 6-го марта Реуфу-пашѣ и имъ вполнѣ одобрена. Онъ попросилъ у Игнатьева копію, чтобы перевести на турецкій языкъ и представить султану тотчасъ послѣ своего прибытія въ оттоманскую столицу.

Откланиваясь его величеству, турецкій уполномоченный повторилъ тѣ же завѣренія, но добавилъ, что могъ бы ручаться за успѣхъ,

за точное исполненіе договора и за устраненіе всѣхъ козней иностранцевъ, стремящихся разстроить установленіе прочной дружбы между Россіею и Турціею, лишь если государю императору благоугодно будетъ какъ можно скорѣе вернуть графа Игнатьева опять въ Константинополь, гдѣ онъ теперь болѣе необходимъ, чѣмъ когда-либо. Въ противномъ случаѣ онъ опасается, что интриги и, вѣроятно, Лайярда, англійскихъ и австрійскихъ агентовъ будутъ имѣть успѣхъ и увлекутъ Порту на прежній путь. Руфъ-паша умоляетъ государя приказать послу своему ѣхать одновременно съ нимъ обратно. Его величество отвѣтилъ, что графъ Игнатьевъ самъ пока здѣсь нуженъ».

Руфъ-паша былъ правъ и повторилъ высказанное въ Петербургѣ при свиданіи не столько съ графинею Игнатьевой, умоляя ее писать мужу, чтобы онъ возвратился безотлагательно на Босфоръ для укрѣпленія дружбы между государемъ и султаномъ и противодѣйствія интригамъ Англіи и Австріи.

Дѣйствительно, въ эту минуту, съ точки зрѣнія русскихъ и даже турецкихъ интересовъ, было совершенно необходимо присутствіе въ Константинополѣ самого автора Санъ-Стефанскаго договора, который въ теченіе 13 лѣтъ своего пребыванія пріучилъ турокъ и иностранцевъ къ мысли, что требованія его будутъ настойчиво и неуклонно преслѣдуемы и что, слѣдовательно, исполненіе ихъ Портѣ неизбѣжно. Имѣя, какъ никто другой изъ современныхъ представителей, установившіяся личныя сношенія съ лицами всѣхъ сословій и исповѣданій въ Турецкой имперіи, Игнатьевъ могъ бы прослѣдить за каждою зарождающеюся интригою агентовъ иностранныхъ державъ и скорѣе всякаго лица, пріобрѣтшаго вѣсъ именемъ, устранять своевременно недоразумѣнія, которыя могли возникнуть при исполненіи договора, а равно и тѣ щекотливыя отношенія между турецкими властями и нашими войсками, которыя вытекали изъ славныхъ побѣдъ нашихъ, приведшихъ насъ къ стѣнамъ Стамбула. Если когда-либо прежній посолъ могъ быть полезенъ въ Константинополѣ, такъ именно въ переходную эпоху отъ войны къ миру, для предупрежденія на мѣстѣ поводовъ къ европейскому вмѣшательству въ устанавливающіяся сношенія между Россіею и Турціею. Всѣ это чувствовали въ Европѣ, и сами турки, за исключеніемъ тѣхъ, которые хотѣли въ мутной водѣ рыбу ловить и знали, что стараго русскаго посла не проведешь. Тѣ, которые собирались лишить Россію плодовъ побѣды, породить недоразумѣнія и замѣшательства, не допустить до приведенія въ исполненіе Санъ-Стефанскаго договора, чтобы вырвать Турцію изъ рукъ побѣдителя и создать возможность заключенія новаго договора, менѣе благопріятнаго Россіи и болѣе выгоднаго Австріи и Англіи, тѣ, сознавая отлично личное значеніе прежняго представителя Россіи на Босфорѣ, употребляли всѣ усилія, тайныя и явныя, для его

хожденія [1]. Положительно ослаблены министерства иностранныхъ дѣлъ и главной квартиры великаго князя Николая Николаевича. Интрига велась ловко, искусно и обдуманно. Успѣху ея содѣйствовали личные и мелкіе расчеты различныхъ личностей. Честолюбіе многихъ, близорукость и завистливое тщеславіе князя Горчакова, слабость характера, неопытность и политическая незрѣлость главнокомандующаго, мечтавшаго лишь объ одномъ: вступить въ наилучшія отношенія съ султаномъ, избѣгнуть всякихъ непріятностей съ ухаживающимъ за нимъ германскимъ посломъ и другими дипломатами, не рискуя возобновленіемъ какихъ-либо военныхъ дѣйствій и столкновеній, и убраться, наконецъ, какъ можно скорѣе въ Россію, чтобы пожинать пріобрѣтенные въ Турціи лавры. Главными дѣйствующими лицами интриги были, собственно, англійскій посолъ Лайярдъ и германскій князь Рейсъ. Обоимъ не было никакого расчета допустить приведеніе въ исполненіе турками Санъ-Стефанскаго договора и упроченіе вліянія Россіи на султана и Порту возвращеніемъ Игнатьева на покинутое имъ мѣсто. Побужденія враждебно расположеннаго къ Россіи англійскаго посла, очевидно, и не могли преслѣдовать иной цѣли. Германскій посолъ, игравшій во время войны первую роль, избалованный уже и прежнимъ положеніемъ своимъ въ Петербургѣ и пріобрѣвшій, къ сожалѣнію, привычку господствовать въ русскихъ дѣлахъ, сознавалъ, что Игнатьевъ не га-

---

[1]) Устраненіе графа Н. П. Игнатьева отъ всякаго значительнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ въ то время, когда онъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ и таланта, мнѣ всегда казалось явленіемъ весьма загадочнымъ, въ особенности въ такой средѣ, какъ сановный Петроградъ, гдѣ было всегда въ обычаѣ, до самаго недавняго времени, держать даже совершенно дряхлыхъ людей на весьма активныхъ и отвѣтственныхъ постахъ. Графъ Николай Павловичъ родился въ 1828 году; стало быть, ему было ровно 50 лѣтъ, когда онъ подписалъ Санъ-Стефанскій договоръ, послѣ котораго можно считать, что его дипломатическая карьера была кончена. Ему было только 54 года, когда онъ, пробывъ около года на посту министра внутреннихъ дѣлъ, былъ уволенъ отъ должности (1882 г.). И затѣмъ, въ теченіе полныхъ 26 лѣтъ, до самой его смерти, эта исполинская сила прозорливаго и стойкаго русскаго государственнаго человѣка была совершенно не использована. При полномъ здоровьѣ и ясной головѣ Игнатьевъ оказался *ненужнымъ* человѣкомъ.

Почему?

Вотъ на этотъ вопросъ очень трудно отвѣтить; но едва ли такое явленіе можетъ быть удовлетворительно объяснено, какъ это дѣлаетъ ниже авторъ «Записокъ», и тѣмъ, что «у насъ издавна заведено все сводить на личную почву и завидовать всякому успѣху». Причина тутъ была гораздо глубже.

Заинтересовавшись уже много лѣтъ назадъ этимъ поразительнымъ обстоятельствомъ, какъ можно было, при общемъ плачѣ: «людей нѣтъ, людей нѣтъ!» — совершенно игнорировать такую силу, я многихъ разспрашивалъ: какая могла быть къ тому причина? Люди изъ того круга, къ которому принадлежалъ Игнатьевъ, мнѣ давали тѣ или другіе отвѣты; интересны въ данномъ случаѣ отвѣты недоброжелательные. Его обвиняли въ тѣхъ или другихъ чертахъ характера, въ тѣхъ или другихъ ошибкахъ въ его дѣятельности. Не говоря о томъ, что эти мнѣнія отчасти отражали ходячія кле-

кой человѣкъ, по независимому характеру и укоренившимся на Босфорѣ дипломатическимъ привычкамъ, чтобы дать себя сбить съ занятой давно позиціи въ Константинополѣ и подчиниться вліянію германскаго посольства. Впрочемъ, князь Рейсъ, переведенный вскорѣ въ Вѣну, встрѣтившись тамъ съ Игнатьевымъ въ 1879 г., послѣ Берлинскаго конгресса, довольно добродушно отвѣтилъ на слѣдующій вопросъ, сдѣланный ему въ теченіе разговора бывшимъ русскимъ посломъ: «Личныя отношенія наши были всегда отличныя; скажите мнѣ, пожалуйста, князь, почему вы такъ усердно хлопотали о моемъ удаленіи изъ Константинополя и не желали свидѣться со мною на Босфорѣ послѣ отъѣзда моего изъ Санъ-Стефано съ Реуфомъ-пашою?» Отвѣтъ былъ: «Я исполнилъ свою обязанность германскаго представителя. Если бы вы были на моемъ мѣстѣ, вы бы такъ же поступили. Я былъ убѣжденъ, что вы такъ заберете въ руки Порту и наведете страхъ на султана, что турки приведутъ въ исполненіе всѣ ваши неумѣренныя требованія. Договоръ будетъ исполненъ; Австро-Венгрія будетъ обойдена, и Европѣ нечего будетъ дѣлать, а мы имѣли въ виду конгрессъ и передѣлку вашего договора. Гораздо непонятнѣе, почему въ главной квартирѣ вашей не желали вашего возвращенія и почему многіе изъ вліятельныхъ русскихъ намъ помогали.

сети, злословіе или невѣрную оцѣнку событій, но въ нихъ поразительно было, главнымъ образомъ, то, что если бы даже всѣ эти упреки были правильны, то именно тѣ черты, которыя ставились ему въ вину, другимъ вовсе не портили карьеры; именно такія ошибки, которыя ему приписывались, отлично укладывались для другихъ съ дальнѣйшимъ расцвѣтомъ карьеры и власти. Стало быть, *не въ томъ была сила*. Графа Игнатьева устранило такое вліяніе, которое, очевидно, было настолько значительно, что *все* должно было ему подчиняться: это было могущество такого рода, что ему *никто* не смѣлъ въ ту эпоху смотрѣть прямо въ глаза, а тѣмъ болѣе подъ него подкапываться и объявлять ему внутреннюю войну; даже писать свободно о немъ было фактически запрещено; а открытыхъ рѣчей въ то время не говорили. Многіе думаютъ, что «православіе» и «самодержавіе» стояли во главѣ угла, охватывая всю нашу государственность. Но теперь все болѣе дѣлается яснымъ, въ глазахъ историка, что упомянутая невѣдомая сила нерѣдко проникала своимъ вліяніемъ такія сферы бытія, куда не досягали и первоосновы русской монархической государственности.

Что же это была за сила? Явно враждебная всему русскому, она подслуживалась русской славѣ и какъ будто стояла за нее, незамѣтно подмѣнивая самыя сокровенныя фибры власти и сортируя по какимъ-то ей одной извѣстнымъ законамъ подбора, кого провести, кого исключить изъ всемогущихъ сферъ.

Нѣкоторое цѣнное указаніе къ познаванію этой совершенно необоримой (въ то время) силы гр. Игнатьевъ даетъ ниже (см. разговоръ его съ княземъ Рейсомъ, раскрывающій карты той германской интриги, которая удалила Игнатьева изъ Константинополя при дружномъ содѣйствіи придворныхъ «шептуновъ» изъ числа «русскихъ» сановниковъ). Эту таинственную силу наше поколѣніе знаетъ, обличаетъ и, при измѣнившихся условіяхъ русской политической дѣятельности, съ нею борьба нынѣ уже возможна, хотя и посейчасъ трудна. Ея имя: *нѣмецкое засиліе въ русской государственной жизни!* А. Б.

хлопоча, чтобы насъ не пускали обратно изъ Петербурга. Принцъ Рейсъ былъ совершенно правъ съ германской точки зрѣнія, но какъ характеризовать дѣйствія нѣкоторыхъ русскихъ сановниковъ? Къ сожалѣнію, у насъ завелось издавна сводить все на личную почву [1]), завидовать всякому успѣху и преслѣдовать цѣли, ничего общаго съ чувствомъ долга и патріотизма не имѣющія. Въ глазахъ многихъ Игнатьевъ былъ неудобенъ: чинамъ глав-

---

[1]) Мы уже говорили выше, что ссылка Игнатьева на заведенный у насъ издавна [illegible] все сводить на личную почву и завидовать всякому успѣху» представляется [illegible]ленно недостаточнымъ объясненіемъ тѣхъ интригъ, которыя стерли со сцены [illegible]ій «творца Сант-Стефанскаго договора». Теперь, когда нашъ политическій кругозоръ значительно расширился, мы стали ясно понимать такія язвы русской дѣятельности, значеніе которыхъ невозможно было выяснить въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Поэтому самая колоритная и необходимая задача нашего времени теперь — защита Россіи отъ германскаго засилія именно на верхахъ и въ центрѣ Русской имперіи.

Графъ Игнатьевъ, несомнѣнно, многое прочувствовалъ, можно сказать, «нюхомъ», что въ его время было еще далеко не ясно. Характерно, что именно иниціативѣ Н. П. Игнатьева Россія была обязана тѣмъ, что съ перваго же года царствованія императора Александра III выдвинутъ былъ роковой балтійскій вопросъ. Сначала, несмотря на ходившіе анекдоты о наслѣдникѣ русскаго престола, неоднократно вызывавшемъ неудовольствіе Александра II своими антинѣмецкими выходками, нѣмецкая партія по сю и по ту сторону государственной границы, усердно лелѣяла надежды на новаго царя. Помнится, черезъ нѣсколько недѣль послѣ его вступленія на престолъ намъ попалась нѣмецкая статья, описывавшая его богатырскую наружность въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Der neue Herscher hat ein edles Gesicht von entschieden deutschen tipus» (новый монархъ имѣетъ благородное лицо съ несомнѣнно германскимъ типомъ лица). Вотъ съ этимъ-то новымъ историческимъ лицомъ вскорѣ пришлось крѣпко считаться «остзейской партіи». По этому поводу вотъ что намъ пришлось услышать изъ устъ незабвеннаго Николая Павловича Игнатьева о томъ, какъ возникла въ Петроградѣ первоначальная идея о посылкѣ въ Прибалтійскій край сенаторской ревизіи. Приводимъ на память слова графа Игнатьева: «Въ первые мѣсяцы послѣ преступленія 1-го марта, въ бытность мою министромъ внутреннихъ дѣлъ, забота властей была, конечно, направлена къ искорененію той крамолы, которая привела къ столь ужасному дѣянію. Вотъ тогда «остзейское» дворянство рѣшило подладиться къ существовавшему тогда на верхахъ понятному настроенію, съ цѣлью использовать это теченіе для своихъ выгодъ. Въ Петроградъ командирована была знатная депутація мѣстнаго баронства, которая представилась мнѣ съ цѣлью испросить высочайшую аудіенцію у государя Александра III. Съ первыхъ же словъ эта депутація заявила, что та крамола, которая убила царя, свила себѣ опасное гнѣздо въ латышскомъ населеніи, а потому необходимо, въ интересахъ государственнаго порядка, дать прибалтійскому дворянству болѣе сильную власть надъ народомъ. Я обѣщалъ доложить государю. Когда у меня состоялся ближайшій докладъ его величеству, я полностью передалъ ходатайство прибалтійскаго дворянства.

«— Какое ваше мнѣніе?—спросилъ меня государь.

«— Ваше величество, —отвѣтилъ я: —поставленныя въ этомъ ходатайствѣ обвиненія настолько серьезны, что къ нимъ слѣдуетъ отнестись съ величайшимъ вниманіемъ. Для провѣрки всего сказаннаго необходимо назначить сенаторскую ревизію въ прибалтійскихъ губерніяхъ.

«— Да, но вѣдь это дѣло трудное и сложное. Имѣете ли вы на примѣтѣ способное для такой задачи лицо?

ной квартиры колола глаза его самостоятельность и неподатливость на мелкіе личные расчеты. Опасались, что онъ затянетъ пребываніе войскъ своимъ упорствомъ и настойчивостью предъ Портою и европейскими дипломатами. «Чего добраго — говорили окружающіе великаго князя главнокомандующаго, — онъ втравитъ насъ въ новыя затрудненія и даже въ войну съ Англіею, и тогда намъ долго не вернуться въ Петербургъ». Расчетъ былъ ошибочный, и нѣтъ сомнѣнія, что, возвратись Игнатьевъ въ Константинополь, войска такъ долго не бездѣйствовали бы безполезно подъ стѣнами Стамбула и не оставались бы такъ продолжительно въ Турціи. Дипломаты, аккредитованные при султанѣ и Портѣ, желали тоже разыграть какую-нибудь видную роль, воспользовавшись разгромомъ Турціи, и хотя многіе изъ нихъ находились въ личныхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ Игнатьевымъ, какъ графы Корти и Зичи, но всѣ почти предпочитали имѣть дѣло съ новымъ коллегою, нежели быть поставленными въ необходимость подчиниться признанному авторитету прежняго старшины дипломатическаго корпуса, подкрѣпленному еще присутствіемъ побѣдоносной арміи, расположенной въ нѣсколькихъ верстахъ отъ его резиденціи. Многіе старые турки желали искренно возвращенія Игнатьева и ему это выражали; но нѣтъ сомнѣнія, что для Порты всякій новый посолъ былъ удобнѣе, нежели прежній, а верховный визирь Ахметъ-Вефикъ, турецкіе уполномоченные, подписавшіе въ Санъ-Стефано тягостный договоръ, и вся враждебная намъ англійская партія

«— Да, ваше величество! Я предлагаю послать на ревизію сенатора Николая Авксентьевича Манасеина. Желѣзная воля этого человѣка мнѣ была извѣстна по знаменитому процессу игуменьи Митрофаніи».

«Получивъ высочайшее соизволеніе, я на другой день принялъ депутацію балтійскихъ бароновъ.

«— Господа, — сказалъ я имъ съ первыхъ же словъ, — позвольте васъ поздравить съ блестящимъ успѣхомъ вашего ходатайства. Его величество отнесся въ высшей степени внимательно къ серьезной опасности, вами указанной, а потому всемилостивѣйше мнѣ повелѣть соизволилъ безотлагательно отправить въ вашъ край ревизующаго сенатора Манасеина!»

«Если припомнить то огромное значеніе, которое имѣла эта ревизія и возникшая изъ ея указаній судебная реформа въ прибалтійскихъ губерніяхъ; если сообразить, что эта ревизія въ ея тайныхъ и не опубликованныхъ вполнѣ матеріалахъ прямо поставила вопросъ объ аграрной реформѣ въ краѣ, каковую удалось «остзейской» партіи парализовать; если, наконецъ, сообразить, что ростъ сознательности русскаго общества въ восьмидесятыхъ годахъ въ отношеніи «нѣмецкаго засилья» былъ непосредственнымъ слѣдствіемъ того глубокаго оскорбленія, которое Россія понесла въ Берлинѣ, когда на конгрессѣ былъ уничтоженъ Санъ-Стефанскій договоръ, то многое уже дѣлается яснымъ. Удаленіе «творца Санъ-Стефанскаго договора» сначала отъ дипломатическаго поприща, а затѣмъ и вовсе отъ всякой живой дѣятельности на пользу русской государственности, было прямымъ слѣдствіемъ того, что все было тогда въ Ингерманландіи къ услугамъ эпигоновъ Бирона.

А. Б.

нашей и «Юной Турціи» пламенно желала удаленія виновника договора, сознавая, что онъ отъ него не отступитъ, а заставитъ непремѣнно исполнить въ точности и нести отвѣтственность за осуществленіе условій; при новомъ же послѣ, недостаточно знакомомъ со всѣми мѣстными подробностями и положеніемъ дѣлъ, легче будетъ попытаться отдѣлаться отъ наиболѣе тяжкихъ послѣдствій договора и оспаривать смыслъ онаго и значеніе существенныхъ обязательствъ. Сверхъ того, многіе паши, вызвавшіе своими дѣйствіями, при сверженіи Абдулъ-Азиса съ престола, во время и послѣ константинопольской конференціи, разрывъ между Россіею и Турціею (какъ Мидхадъ и Эдхемъ-паши), опасались разоблаченія передъ султаномъ своихъ поступковъ и преслѣдованія русскаго представителя, который, поддерживая людей, полезныхъ Россіи, никогда не спускалъ турецкимъ министрамъ ихъ коварныхъ дѣйствій и пріучилъ ихъ къ мысли, что рано или поздно, но надо будетъ имъ за нихъ расплатиться.

Къ этимъ иностранцамъ присоединились, къ сожалѣнію, нѣкоторые высшіе военные чины и дипломатическіе чиновники, бывшіе въ то время въ Константинополѣ. Встрѣтивъ въ Одессѣ ѣхавшихъ въ главную квартиру дѣйствующей арміи командовавшаго корпусомъ въ Рущукскомъ отрядѣ князя Дондукова-Корсакова и князя Имеретинскаго, бывшаго начальникомъ штаба генералъ-адъютанта Тотлебена, Игнатьевъ, предполагая доставить имъ удовольствіе, поспѣшилъ предварить ихъ, что ихъ ожидаютъ новыя обязанности, касающіяся приведенія въ исполненіе только что подписаннаго договора. Князь Дондуковъ-Корсаковъ вызывался для полученія должности императорскаго коммиссара въ созданной по Санъ-Стефанскому договору Болгаріи и командующимъ русскими войсками, которыя временно останутся въ краѣ. Князю Имеретинскому, просившему Игнатьева при проѣздѣ его въ январѣ въ Бухарестъ доставить ему какую-либо дѣятельность при предстоявшихъ мирныхъ переговорахъ, посолъ сообщилъ, что, согласно его представленію, главнокомандующій предполагаетъ назначить его коммиссаромъ при проведеніи окончательныхъ границъ Болгаріи, согласно Санъ-Стефанскому договору, причемъ было указано на важность согласительнаго щекотливаго рѣшенія пограничныхъ вопросовъ въ Македоніи и Старой Сербіи, между греками, сербами и болгарами. Разложивъ договорную карту предъ обоими, Игнатьевъ указалъ границы Болгарскаго княжества и разъяснилъ подробности, относящіяся до осуществленія Санъ-Стефанскаго договора.

Назначивъ въ главныхъ чертахъ опредѣленіе границы съ турками, договоръ предоставлялъ полную возможность, при проведеніи границы на мѣстѣ, доставить надлежащее удовлетвореніе соперничествующимъ съ болгарами національностямъ греческой и

сербской, принявъ во вниманіе смѣшанное распредѣленіе селеній той и другой народностей на той же пограничной территоріи. Князь Дондуковъ, при крайнемъ честолюбіи и самолюбіи, всегда и прежде питалъ завистливое, хотя и скрытое недоброжелательство къ Игнатьеву. Прибывъ въ Константинополь, онъ нашелъ благопріятную для себя почву въ главной квартирѣ и, руководствуясь личными соображеніями, употребилъ все отъ него зависящее, чтобы заставить болгаръ отвернуться отъ того, кого они считали своимъ основнымъ избавителемъ и руководителемъ, предупредить замышленное болгарами избраніе Игнатьева княземъ Болгаріи [1]) и даже помѣшать возвращенію посла въ Константинополь. Весьма понятно, что комиссару, дѣйствія котораго должны были быть постоянно въ связи и, такъ сказать, подъ контролемъ представителя государя императора въ Константинополѣ, легко было и свободнѣе при новомъ послѣ, въ особенности, если бы онъ не обладалъ личнымъ значеніемъ въ Россіи, или же былъ выбранъ изъ числа военныхъ лицъ, младшихъ по службѣ и неопытныхъ въ мѣстныхъ и дипломатическихъ дѣлахъ, нежели съ создателемъ Санъ-Стефанскаго договора, авторитетнымъ на Босфорѣ и въ Петербургѣ. Князь Имеретинскій, сблизившись еще прежде съ нѣкоторыми изъ дипломатическихъ чиновниковъ, состоявшихъ при главнокомандующемъ, пришелъ къ заключенію, по всей вѣроятности, что положеніе русскаго посла въ Константинополѣ можетъ быть имъ занято безъ затрудненія и съ нѣкоторою пріятностью, тогда какъ работа пограничнаго комиссара -кропотливый трудъ, щекотливый и неблагодарный. А. И. Нелидовъ, побуждаемый мелкимъ честолюбіемъ и не довольствуясь въ продолженіе военныхъ дѣйствій исполненіемъ обязанностей управляющаго дипломатическою канцеляріею, всячески старался опереться въ высшія сферы и доказать, что онъ можетъ вести турецкія дѣла точно такъ же хорошо, какъ и бывшій начальникъ его, съ тою лишь разницею, что въ основаніе своихъ дѣйствій онъ приметъ излюбленное соглашеніе съ Вѣною и угожденіе видамъ графа Андраши на Боснію и Герцеговину. Съ цѣлью это доказать онъ составилъ нѣсколько записокъ и, воспользовавшись отъѣздомъ Игнатьева по болѣзни во время блокады Плевны, успѣлъ, къ сожалѣнію, убѣдить отправить въ ноябрѣ одну изъ нихъ въ Вѣну, что потомъ дало поводъ графу Андраши претендовать на насъ, ссылаясь на принятыя якобы нами обязательства касательно условій замире-

---

[1]) Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что избраніе это Игнатьевъ не принялъ бы, что и было объявлено имъ болгарамъ, но князю Дондукову казалось обиднымъ, что, несмотря на то, что вся власть въ Болгаріи была сосредоточена въ его рукахъ и что всѣ подчиненные его добивались отъ болгаръ его избранія княземъ, населеніе предпочитало давно имъ извѣстнаго защитника ихъ предъ турками и Европою полномочному императорскому комиссару. Авт.

съ Турціею. Хотя Игнатьевъ добродушно простилъ ему его старное въ отношеніи къ бывшему его начальнику поведеніе и, не желая огорчать его, испросилъ у государя разрѣшеніе взять его для подписанія Санъ-Стефанскаго договора, въ качествѣ второго уполномоченнаго, но Нелидовъ внутренно сознавалъ свою виновность предъ бывшимъ своимъ начальникомъ и старался, по отъѣздѣ его въ Петербургъ, отъ него отдѣлаться, предполагая, что онъ самъ можетъ проложить себѣ дорогу въ начальники русскаго посольства на Босфорѣ. Мечтою его было съ самаго паденія Плевны вести мирные переговоры съ турками самостоятельно, и онъ въ этихъ видахъ сильно способствовалъ переговорамъ, начавшимся въ Казанлыкѣ и кончившимся такъ несвоевременно въ Адріанополѣ заключеніемъ перемирія, остановкою нашихъ побѣдоносныхъ войскъ предъ булаирскими линіями, съ одной стороны, и въ двухъ переходахъ отъ Босфора съ другой; проведеніемъ демаркаціонной линіи, дозволившей туркамъ оправиться, а англійской эскадрѣ опередить насъ у Стамбула, и подписаніемъ наконецъ 19-го января мирныхъ основаній, стѣснившихъ дальнѣйшіе переговоры и не дозволившихъ намъ развить наши требованія надлежащимъ образомъ, въ особенности относительно Сербіи, и приблизиться къ конечной цѣли разрѣшенія восточнаго вопроса. При этомъ Нелидову не удалось, однакоже, достигнуть преслѣдуемой имъ лично цѣли: подписи его не значилось ни подъ однимъ изъ актовъ, совершенныхъ такъ поспѣшно, за шесть дней до прибытія спеціально назначеннаго государемъ уполномоченнаго, несообразно съ истинными интересами Россіи и несоотвѣтственно съ развитіемъ обстоятельствъ, для пониманія которыхъ онъ и состоялъ въ дѣйствующей арміи. Сознавая, что при продолженіи военнаго занятія нами Болгаріи и въ переходное время организаціи княжества ему нельзя будетъ получить мѣсто посла, предположено было, какъ кажется, остановиться на слѣдующей комбинаціи: помѣшать возвращенію Игнатьева, назначить князя Имеретинскаго временно посломъ въ Константинополь, съ оставленіемъ при немъ Нелидова въ качествѣ совѣтника-руководителя, а затѣмъ, при возстановленіи нормальныхъ отношеній, предоставить ему быть сначала посланникомъ, а потомъ и посломъ въ Турціи, для продолженія традиціи, якобы ему столько же знакомыхъ, какъ и бывшему его начальнику предъ войною. Первая половина интриги удалась вполнѣ, а во второй и князя Имеретинскаго, и Нелидова постигла неудача [1]). Нѣкоторые второстепенные дипломатическіе чинов-

[1]) Александръ Ивановичъ Нелидовъ, послѣ заключенія мира съ Турціею, вернулся сначала въ Константинополь 26-го марта 1878 года въ качествѣ только исполняющаго должность повѣреннаго въ дѣлахъ, но въ скоромъ времени, 22-го апрѣля 1878 г., былъ назначенъ посломъ въ Константинополь князь Алексѣй Борисовичъ

ники прельстились этимъ планомъ; зная по опыту неутомимую дѣятельность Игнатьева и его настойчивость въ требованіяхъ, обращенныхъ къ туркамъ, они разсчитывали найти болѣе покойную и менѣе трудовую службу подъ новымъ начальникомъ, который, по незнанію, будетъ снисходительнѣе относиться къ упущеніямъ и послабленіямъ своихъ подчиненныхъ. Первый драгоманъ разсчитывалъ къ тому же играть болѣе важную роль, поставить новаго посла въ большую отъ себя зависимость, нежели прежняго, часто не обращавшаго вниманія на представленія въ пользу Порты и, по расположенію своему къ туркамъ, получить, наконецъ, возможность не быть болѣе такъ требовательнымъ, докучливымъ и настойчивымъ, какъ принуждалъ его бывшій посолъ.

Главнокомандующему, съ разныхъ сторонъ, выставлено было на видъ, что безъ Игнатьева турки будутъ гораздо любезнѣе, султанъ сговорчивѣе и европейцы предупредительнѣе. Въ отсутствіе посла главнокомандующій одинъ будетъ хозяиномъ дѣла, и посольство обязано безпрекословно исполнять всѣ приказанія его высочества, тогда какъ съ Игнатьевымъ сговориться трудно: онъ сопротивлялся и приказаніямъ канцлера, внушеннымъ вѣяніямъ тройственнаго союза, преслѣдуя какую-то русскую національную политику и т. д. Подъ впечатлѣніемъ различныхъ инсинуацій, сплетней, пересудовъ, великій князь поддался интригѣ и просилъ князя Имеретинскаго, отправленнаго имъ въ Петербургъ, передать государю эти слухи и впечатлѣнія, заявляя, что ни онъ, ни дипломатическій корпусъ, ни Порта, никто не желаетъ возвращенія Игнатьева, которому перестали якобы вѣрить [1]), вслѣдствіе его разнорѣчивыхъ заявленій [2]), и который своимъ появленіемъ на Босфорѣ можетъ разстроить прекрасныя личныя отношенія между султаномъ и великимъ княземъ главнокомандующимъ. Любопытно, что никому не пришло на умъ въ Петербургѣ потребовать фактическаго подтвержденія клеветы, взведенной на русскаго посла, вынесшаго на своихъ плечахъ тринадцатилѣтнюю борьбу на Босфорѣ и заключившаго славный договоръ, ни доставить случай и возможность секретно обвиняемому уполномоченному оправдаться предъ царемъ и выяснить интригу, вредную для

Лобановъ-Ростовскій (ум. въ 1896 г. на посту министра иностранныхъ дѣлъ). Его преемникомъ въ Константинополѣ былъ Евгеній Петровичъ Новиковъ (1879—82 г.), и наконецъ лишь въ 1883 году Александръ Ивановичъ Нелидовъ достигъ того посольскаго поста въ Константинополѣ, котораго онъ добивался сейчасъ послѣ Санъ-Стефано. **А. Б.**

[1]) Дѣйствительно, какъ ему вѣрить, когда онъ, вопреки всѣмъ, ничего не хотѣлъ сбавить въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ изъ привезеннаго изъ Петербурга проекта, одобреннаго государемъ, и заключилъ договоръ, обманувшій ожиданія Австріи и Англіи. Турки же вступили съ нимъ въ переговоры и подписали договоръ, не осмѣлившись даже потребовать предъявленія высочайшаго полномочія. А. Б.

[2]) **Совершенно голословное обвиненіе. Авт.**

русской политики [1]). Никому не пришло въ голову задать себѣ вопросъ: какую же извлечетъ выгоду Россія изъ какихъ-то личныхъ (и несообразныхъ съ достоинствомъ побѣдоносной русской арміи) временныхъ отношеній между великимъ княземъ и султаномъ, безъ которыхъ главнокомандующій могъ бы совершенно обойтись и которыя, въ политическомъ отношеніи, никому, кромѣ самихъ турокъ и ихъ пособниковъ, не были нужны? Послѣдствія показали, что, напротивъ (и согласно съ мнѣніемъ Игнатьева), послабленія, оказанныя нами туркамъ вслѣдствіе желанія преждевременно установить и поддержать пріятныя личныя отношенія съ султаномъ, послужили во вредъ храбрымъ войскамъ нашимъ и Россіи. Усыпляя насъ и избавившись отъ докучливаго, бдительнаго надзора стараго посла, турки, слѣдуя безпрепятственно совѣтамъ противниковъ нашихъ, дерзко и нахально, въ виду побѣдоносной и разгромившей ихъ арміи, оправились, подкрѣпились, воздвигнули рядъ сильныхъ укрѣпленій и сдѣлали свои позиціи, съ которыхъ ихъ такъ легко было смести въ февралѣ и мартѣ, труднодоступными, крѣпкими, а потомъ и неприступными. Надъ нами явно издѣвались, а мы какъ будто ничего не замѣчали, доставляя полную возможность врагамъ нашимъ измѣнить военное и политическое положеніе въ свою пользу, во вредъ и посрамленіе Россіи. Турки и европейскіе дипломаты выказали свою предусмотрительность, употребивъ всѣ усилія, чтобы совѣтъ, данный Реуфомъ-пашою государю, не былъ исполненъ и чтобы на берега Босфора былъ посланъ другой посолъ вмѣсто прежняго.

Реуфъ-паша по возвращеніи въ Константинополь очутился безъ поддержки и въ полномъ безсиліи исполнить свое обѣщаніе. Его вскорѣ лишили довѣрія султана и удалили отъ него.

Хотя долговременное пребываніе въ Константинополѣ крайне утомило Игнатьева, а семейныя обстоятельства и здоровье требовали отдохновенія на родинѣ или за границею, но Игнатьевъ сознавалъ вполнѣ необходимость дальнѣйшаго своего пребыванія, въ теченіе хотя бы нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ Турціи, при неослабной съ нашей стороны энергіи для проведенія въ жизнь условій заключеннаго договора, однимъ фактомъ подписанія котораго, естественно, не могли исчерпываться всѣ вопросы, возбужденные нашими военными дѣйствіями.

Уѣзжая изъ Санъ-Стефано, Игнатьевъ письменно указалъ Савфету-пашѣ и главной квартирѣ на слѣдующіе шесть пунктовъ, требующихъ исполненія со стороны турокъ и бдительнаго надзора со стороны нашихъ военныхъ и дипломатическихъ представителей

---

[1]) Такова была награда за Санъ-Стефанскій договоръ и за тяжелую, долговременную, самоотверженную службу и безустанную борьбу съ врагами отечества. Авт.

и энергическихъ ихъ настояній, въ случаѣ обычной медленности Порты:

1) Очищеніе отъ турецкихъ войскъ мѣстностей, входящихъ въ составъ Болгарскаго княжества (въ Македоніи), и передача ихъ властямъ, имѣющимъ быть поставленными на основаніи восьмой статьи договора [1].

2) Немедленная передача намъ Батума и назначеніе окончательнаго срока, въ который фактически крѣпость эта будетъ очищена турками.

3) Возобновленіе пароходами нашего общества пароходства и торговли срочныхъ рейсовъ на одесско-константинопольской и другихъ линій, существовавшихъ до войны.

4) Назначеніе турецкихъ комиссаровъ для проведенія границъ Сербіи и княжества Болгарскаго.

5) Опредѣленіе способа и времени фактической, окончательной передачи крѣпостей Шумлы и Варны [2].

6) Возвращеніе на родину изъ ссылки въ Азіи экзарха болгарскаго и всѣхъ политическихъ изгнанниковъ-болгаръ.

Письменно заявилъ Игнатьевъ еще разъ объ этихъ пунктахъ въ Петербургѣ, въ формѣ памятной записки, Реуфу-пашѣ и канцлеру, напирая на то, чтобы по всѣмъ этимъ предметамъ было сдѣлано безотлагательно распоряженіе. Съ нашей стороны никто пальцемъ не двинулъ, и всѣ предпочли покоиться на лаврахъ.

Въ Петербургѣ многіе находили, что Санъ-Стефанскій договоръ не удовлетворилъ ожиданіямъ русской публики и недостаточно радикально разрѣшилъ восточный вопросъ.

Незнакомые съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла и съ отношеніями между европейскими государствами порицатели договора оцѣнили отчасти значеніе выговоренныхъ отъ турокъ уступокъ въ пользу Россіи и ея союзниковъ только тогда, когда прочитали яростныя нападки на автора договора со стороны европейской журналистики, въ особенности англійской, ноту министра иностранныхъ дѣлъ Сольсбери и протоколы Берлинскаго конгресса. Но были, однакоже, люди и въ Петербургѣ, которые, не ожидая европейскаго критическаго приговора, выражали сочувствіе свое

---

[1] Между уполномоченными въ Санъ-Стефано былъ опредѣленъ письменно порядокъ постепенной передачи намъ казъ (уѣздовъ), входящихъ по договору въ составъ Болгаріи, но не занятыхъ нашими войсками до 19-го февраля, и введенія въ нихъ новаго управленія. Авт.

[2] Сдача крѣпостей сдѣлалась обязательною для турокъ, по международному праву, съ минуты ратификаціи султаномъ договора, но для фактическаго очищенія крѣпостей не только отъ войскъ, но и отъ нагроможденнаго въ нихъ военнаго матеріала требовалось, очевидно, опредѣленіе такихъ подробностей, которыя не могли быть извѣстны ни русскимъ, ни турецкимъ уполномоченнымъ въ минуту подписанія договора. Авт.

Игнатьеву и справедливую оцѣнку его дипломатической дѣятельности въ Турціи. Между прочими членъ Государственнаго Совѣта Головнинъ[1]) заѣхалъ къ нему 9-го марта и, не заставъ дома, оставилъ записку слѣдующаго содержанія: «А. Головнинъ, прочитавъ сегодня въ Правительственномъ Вѣстникѣ мирный договоръ, пріѣзжалъ искренно поздравить дорогого коллегу, графа Николая Павловича, съ дѣятельнымъ участіемъ, которое онъ принялъ въ событіи, съ котораго начинается новая эра въ исторіи христіанъ Балканскаго полуострова и славянъ вообще».

Тѣмъ порицателямъ, которые высказывали Игнатьеву сожалѣніе, что онъ не былъ еще болѣе требовательнымъ въ отношеніи къ туркамъ и не взялъ у нихъ блиндированныхъ судовъ [2]), въ которыхъ мы нуждались въ Черномъ морѣ, Игнатьевъ отвѣчалъ: 1) что въ отвѣтъ на болѣе самостоятельное требованіе передачи намъ турецкой блиндированной эскадры послѣдовалъ бы, вѣроятно, отводъ ея турецкимъ адмираломъ Гоббардомъ (англичаниномъ) подъ защиту англійской эскадры, стоявшей у Принцевыхъ острововъ, или захватъ англичанами всего турецкаго флота подъ предлогомъ гарантіи отъ русскаго посягательства.

2) Если бы итти далѣе въ нашихъ требованіяхъ, выходя совершенно изъ рамокъ бывшей константинопольской конференціи и предварительныхъ условій, подписанныхъ въ Адріанополѣ, при заключеніи перемирія, то мы рисковали способствовать бѣгству султана въ Бруссу или остаться предъ Константинополемъ безъ какого-либо турецкаго правительства, съ которымъ можно бы заключить мирный договоръ, что противорѣчило бы волѣ государя, поставило бы насъ въ большое затрудненіе и вызвало бы европейскія осложненія, къ которымъ русское правительство не было подготовлено. Мы тогда не доросли ни психически, ни матеріально до разрѣшенія восточнаго вопроса завладѣніемъ Константинополя или, по крайней мѣрѣ, Босфора и выхода въ Черное море изъ проливовъ. По мнѣнію Игнатьева, вступать въ Константинополь безъ водруженія святаго креста на храмѣ Святой Софіи и безъ укрѣпленія за Россіею босфорскаго выхода въ Черное море было бы не только безполезно, но вредно, въ особенности послѣ заключенія январской конвенціи съ Австро-Венгріею, оговорившею себѣ въ такомъ случаѣ право на присоединеніе сербскихъ земель — Босніи и Герцеговины и, слѣдовательно, подчиненіе своему вліянію Сербіи и Черногоріи. «Нѣсть посланный болѣе пославшаго его, — говорилъ Игнатьевъ своимъ порицателямъ: въ высшихъ правительственныхъ сферахъ не желаютъ ни разрушенія турецкаго вла-

---

[1]) Головнинъ, Александръ Васильевичъ, родился въ 1821 г., умеръ въ 1886 г. Министръ народнаго просвѣщенія, членъ Государственнаго Совѣта. К. Г.

[2]) «Блиндированныя суда» — старое названіе броненосцевъ. А. Г.

ничества на Балканскомъ полуостровѣ, ни обладанія Константинополемъ, ни даже Босфоромъ, противъ неизбѣжнаго столкновенія съ Англіею, къ которому не приготовлены. При такихъ обстоятельствахъ основанія, положенныя въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ, вполнѣ достаточны для упроченія вліянія Россіи въ Константинополѣ и на всемъ Балканскомъ полуостровѣ. Отъ главнокомандующаго, а не отъ меня, зависѣло болѣе осмысленное распредѣленіе нашихъ силъ подъ Константинополемъ и перемѣщеніе ихъ, много желаемое, на босфорскія высоты, а равно вступленіе нашихъ войскъ въ Шумлу и Варну, уступленныя намъ по договору, уже ратификованному султаномъ. Очевидно, что теперь необходимо пристально слѣдить за всѣмъ происходящимъ въ Константинополѣ, настойчиво развивать пріобрѣтенныя нами выгоды и энергично требовать исполненія всѣхъ договорныхъ условій, какъ, напримѣръ, передачи болгарскихъ крѣпостей и Батума, обязательной для турокъ по международному праву съ минуты ратификаціи договора султаномъ. Если же мы махнемъ рукою на договоръ и увлечемся снисходительностью или беспечностью, то очевидно, что наши противники симъ воспользуются и постараются уменьшить, по возможности, всѣ выгоды, пріобрѣтенныя Россіею въ Санъ-Стефано».

Докладывая государю въ этомъ же смыслѣ, Игнатьевъ вмѣстѣ съ тѣмъ исполнилъ порученіе, данное ему при отъѣздѣ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ, и представилъ данную его высочествомъ записку о предполагавшемся имъ распредѣленіи войскъ, остающихся въ оккупаціонной арміи:

13-й корпусъ—штабъ Тырново,
одна дивизія—Шумла,
другая дивизія—Рущукъ.
9-й корпусъ—штабъ Филиппополь,
одна дивизія—Сливно,
другая дивизія—Софія.
4-й корпусъ, предназначенный для занятія Македоніи:
штабъ—Ускюбъ,
одна дивизія—Битолія,
другая дивизія—Сересъ.

4-я саперная бригада, 1-я, 9-я и 13-я кавалерійскія дивизіи, смотря по обстоятельствамъ, на усмотрѣніе командующаго войсками.

Войска, свободныя для немедленной, по мнѣнію великаго князя, отправки въ Россію:

Гвардейскій корпусъ, 11-й и 12-й корпуса, 2-я пѣхотная дивизія.

Войска, временно остающіяся на занимаемыхъ теперь мѣстахъ, впредь до очищенія турками Шумлы и Варны и окончательнаго успокоенія этой части Болгаріи:

14-й корпусъ—Хаджи-Оглу, Базарджикъ и окрестности.

Сводный корпусъ изъ 24-ой и 26-ой пѣхотныхъ дивизій Сливно и Ямболи.

Великій князь далъ Игнатьеву записку, написанную карандашомъ, которую онъ также поручилъ доложить государю, въ которой означено было предположеніе его къ возвращенію въ Россію слѣдующихъ частей:

4-й драгунскій полкъ начинаетъ двигаться 24-го іюня въ Рущукъ.

4-й уланскій—28-го іюня туда же.

4-й гусарскій—4-го іюля » · »

4-й казачій—7-го іюля »

Изъ Рущука первые два 9-го іюля, а вторые два 16-го іюля должны были слѣдовать далѣе.

9-го корпуса 5-я пѣхотная дивизія должна была сѣсть на суда въ Бургасѣ 18 іюля.

9-й кавалерійской дивизіи 1-я бригада должна была выйти изъ Рущука 23-го іюля, а 2-я бригада—2-го іюля.

12-го корпуса 33-ю пѣхотную дивизію предполагалось отправить изъ Варны 23-го іюля.

1-й уральскій казачій полкъ изъ Рущука—23-го іюля.

По мнѣнію великаго князя:

1) Занятіе высотъ Босфора, о которомъ не переставалъ твердить Игнатьевъ, могло бы состояться только съ согласія Порты; для этого надо заключить съ нею условіе и дѣйствовать въ союзѣ, въ случаѣ столкновенія съ Англіею изъ-за проливовъ.

2) Всякое промедленіе вывоза войскъ обратно въ Россію будетъ безполезно увеличивать расходы арміи и усилитъ убыль войскъ отъ болѣзней, происходящихъ отъ крутой перемѣны образа жизни, бездѣйствія и скученности расположенія. Раздвинуть же войска нельзя въ виду неустойчивости политическаго положенія.

3) Обоза у забалканской арміи нѣтъ. Дивизіонные лазареты матеріально, въ дѣйствительности, не существуютъ. Слѣдовательно, въ нынѣшнемъ положеніи армія не могла бы предпринять сухопутныхъ операцій, въ особенности въ случаѣ войны съ Австріею. Нужно все вновь устроить.

4) Здоровье великаго князя требуетъ непремѣнно отдыха. Прежнія боли возобновились.

5) Великій князь въ отчаяніи, что у государя сложилось убѣжденіе, что онъ не отвѣчалъ на высочайшія телеграммы и на дѣлаемые ему изъ Петербурга вопросы. Главная квартира получала телеграммы неисправно и въ искаженномъ видѣ.

Телеграммы, шедшія чрезъ Одессу и Константинополь по кабелю, были задерживаемы англичанами и Портою. Одна изъ важныхъ телеграммъ, о которыхъ упоминаетъ государь въ своей пе-

[illegible] или [illegible] въ Петербургъ. Другая [illegible] не получена.

Когда Игнатьевъ исполнилъ порученіе великаго князя, доложивъ государю вышеизложенное, по памятной запискѣ, составленной въ Санъ-Стефано, во время разговора съ его высочествомъ, его величество спросилъ у Игнатьева откровенное мнѣніе его относительно желанія главнокомандующаго скорѣе вернуться въ Петербургъ. «Чистосердечно доложу вашему величеству,—сказалъ Игнатьевъ,—что великаго князя Николая Николаевича не слѣдуетъ удерживать долѣе въ Константинополѣ въ настоящей обстановкѣ. Его высочество слишкомъ довѣрчивъ для политическихъ сношеній и соскучился. Его тянетъ скорѣе въ Россію; онъ запутается въ [illegible] турецкихъ и европейскихъ, будетъ дѣлать уступки, вредныя Россіи, и блистательная война кончится дурно. Лучше великому князю уѣхать и оставить отвѣтственнаго главнокомандующаго до разъясненія политическаго положенія».

Государь, поблагодаривъ Игнатьева за откровенность, отпустилъ его, не сказавъ ничего о своемъ рѣшеніи, но далъ понять, что ему придется скоро вернуться въ Константинополь, гдѣ обстоятельства и наше положеніе круто измѣнились послѣ того, какъ турки убѣдились, что энергическій посолъ нескоро вернется, что главная квартира стала снисходительно относиться и не настойчива въ своихъ требованіяхъ, тогда какъ европейскія державы высказываются противъ Россіи. Ону писалъ Игнатьеву отъ 29-го марта: «Наше положеніе здѣсь не совсѣмъ благопріятно: славный Руфъ-паша уѣхалъ съ преувеличенными надеждами, давъ обѣщанія, которыя онъ сдержать не былъ въ состояніи. Положеніе измѣнилось здѣсь до неузнаваемости: турки начинаютъ приходить въ себя, паническій страхъ и растерянность исчезли; остатки сулеймановской арміи и войска, вышедшія изъ очищенныхъ крѣпостей, собрались подъ Константинополемъ и составили армію численностью приблизительно въ семьдесятъ тысячъ человѣкъ, которые усердно обучаются съ цѣлью защищать нейтралитетъ Турціи. Выраженіе нейтралитетъ повторяется нынѣ каждымъ туркомъ. Произошелъ и ежедневно ощущается переворотъ въ умахъ въ благопріятномъ для Англіи смыслѣ. Вообразили себѣ, что Руфъ привезетъ изъ Петербурга безконечныя уступки [1], а потому разочарованіе было тѣмъ болѣе чувствительно. Близость болгарскихъ границъ къ столицѣ пугаетъ турокъ, и они готовы броситься въ воду, чтобы избѣгнуть ожидаемыхъ опасностей. Ненависть къ болгарамъ разжигается [illegible] зрѣлищемъ бѣдствій, претерпѣваемыхъ турками-эмигрантами, бѣжавшими и

[1] Пріятели турокъ желали, чтобы Россія отказалась отъ [illegible], но Руфъ-паша былъ достаточно уменъ, чтобы изъ разговоровъ съ Игнатьевымъ убѣдиться въ невозможности ожидать подобнаго результата. Авт.

Болгаріи. Дѣятельныя англо-австрійскія интриги здѣсь ощущаются; турки надѣются, что европейскія усложненія принесутъ имъ пользу; они чего-то ожидаютъ, внимательно прислушиваясь къ каждому слуху или движенію. Отсюда вытекаетъ ихъ упорное сопротивленіе всѣмъ настояніямъ нашимъ къ исполненію хотя части обязательствъ Санъ-Стефанскаго договора; полагаю, что только развѣ наступленіе болѣе мирнаго настроенія въ Англіи доставитъ намъ возможность, безъ новой войны съ турками, заставить ихъ исполнить ихъ обязательства. Они предприняли возведеніе новыхъ укрѣпленій на высотахъ Босфора, и мы должны были побраниться съ ними, чтобы убѣдить ихъ прекратить оборонительныя земляныя работы около Макри-кея [1].

Сношенія великаго князя съ султаномъ установились на приличной ногѣ. Вамъ, вѣроятно, дали прочесть отчетъ о тѣхъ разговорахъ, которые я имѣлъ съ министрами [2] по порученію его высочества. Министры стараются сохранить равновѣсіе между нами и англичанами. Но имъ это не удается. Всѣ въ ожиданіи чего-то, что должно случиться, и предполагаютъ, что еще все не кончено. Въ послѣдній выходъ султана на селямликъ находилось около пятисотъ русскихъ офицеровъ. Абдулъ-Гамидъ страшно испугался, и Савфетъ-паша поручилъ мнѣ упросить великаго князя запретить такое скопленіе военныхъ на пути султанскаго шествія. Къ счастью, у насъ не было никакого несчастнаго случая, и надо удивляться, что все происходитъ мирно, несмотря на близость двухъ армій, смотрящихъ другъ на друга въ полной готовности къ бою. Такое положеніе кажется просто невѣроятнымъ. Великій князь сегодня совершилъ знаменитую прогулку изъ Санъ-Стефано въ Кіатъ-Хане [3], которую онъ такъ желалъ. Многочисленныя турецкія войска принимали его вездѣ съ большими почестями. Османъ-паша [4] соблюдаетъ большую сдержанность; онъ на меня производитъ впечатлѣніе неумнаго человѣка: способъ его выражаться и манеры не обличаютъ образованности. Реуфъ-паша относится къ намъ хорошо. Ахметъ-Вефикъ поколебленъ. Султанъ оперился, и въ сосредоточеніи войска подъ Константинополемъ кроется отчасти желаніе возстановленія его власти въ глазахъ населенія и европейцевъ. Нелидовъ возобновитъ

---

[1] Т. е. между Санъ-Стефаномъ и Стамбуломъ. Въ сущности, эти укрѣпленія представляли для насъ менѣе важности, нежели тѣ, которыя возводились на высотахъ Босфора. Игнатьевъ отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, предпочтительно предоставить туркамъ укрѣпленія около Макри-кея, чѣмъ дозволить возводить укрѣпленія къ сторонѣ Царроса и Буюкъ-дере, которыя надо занять нашими войсками. Авт.

[2] Министерство иностранныхъ дѣлъ прятало отъ меня большую часть переписки, получаемой изъ главной квартиры съ первыхъ чиселъ апрѣля. Авт.

[3] Европейскія сладкія воды, прогулка близъ Константинополя. К. Г.

[4] Бывшій у насъ въ плѣну и отпущенный государемъ съ Реуфомъ-пашою въ Турцію, по просьбѣ послѣдняго, до обмѣна плѣнныхъ. Авт.

правильныя сношенія съ Портою. Я отсылаю къ верховному визирю письмо великаго князя относительно возстановленія сношеній посольства къ Портѣ»...

Къ сожалѣнію, въ главной квартирѣ забыли ту постановку вопроса о сношеніяхъ главнокомандующаго съ султаномъ, которая была сдѣлана Игнатьевымъ, когда впервые вопросъ о томъ былъ поднятъ въ февралѣ въ Санъ-Стефано. На предложенія верховнаго визиря, переданныя чрезъ Ону, Игнатьевъ ему отвѣчалъ 22-го февраля: «Свиданіе между султаномъ и великимъ княземъ должно произойти такимъ образомъ, чтобы не подать повода къ ложнымъ толкованіямъ и не служить подтвержденіемъ слуха, который будутъ распространять, что главнокомандующій русскою побѣдоносною арміею отправился на поклонъ къ султану, въ его дворецъ, тогда какъ падишахъ не отдалъ ему визита съ подобающею обстановкою. То, что вы мнѣ пишете, и письмо, адресованное мнѣ Ахметъ-Вефикомъ по этому же предмету, заставляютъ меня опасаться, что свиданіе вызоветъ только новыя затрудненія и недоразумѣнія и, въ концѣ концовъ, удалитъ насъ отъ существенной цѣли, которую мы преслѣдуемъ — прочное возстановленіе добрыхъ сношеній съ Портою... Такъ какъ султанъ слишкомъ слабъ здоровьемъ, чтобы придерживаться порядка обмѣна визитовъ, бывшаго между великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ и султаномъ Абдулъ-Азисомъ [1], лучше отложить свиданіе до другого времени»...

Передъ тѣмъ Игнатьевъ отправилъ (21-го февраля, № 55) слѣдующую телеграмму Ону: «Такъ какъ совершенно необходимо, чтобы султанъ отдалъ визитъ великому князю не въ турецкомъ дворцѣ, но въ главной квартирѣ, или же въ русскомъ посольствѣ въ Перѣ, предпочитаемъ отложить предположенное свиданіе. Втолкуйте это верховному визирю и Савфету, заявивъ, что великій князь, узнавъ о нездоровьѣ султана, предпочитаетъ выждать его выздоровленія и не торопиться до того времени принятіемъ его приглашенія на свиданіе».

Ону отвѣчалъ 23-го февраля, что онъ исполнилъ данныя ему инструкціи и говорилъ съ министрами въ указанномъ смыслѣ, но Ахметъ-Вефикъ еще разъ убѣдительно умолялъ его отправиться лично въ Санъ-Стефано, чтобы объявить, что физическое состояніе султана не дозволяетъ ему ни принимать за разъ много людей, ни удаляться изъ дворца... Дѣло въ томъ, что, по всѣмъ доходившимъ до меня свѣдѣніямъ, султанъ, одержимый мономаніею, боится страшно

---

[1] Абдулъ-Азисъ отдалъ визитъ великому князю Николаю Николаевичу въ русскомъ посольскомъ домѣ, точно такъ же, какъ великому князю Алексѣю Александровичу въ лѣтнемъ посольскомъ домѣ, въ Буюкъ-дере, а въ первый пріѣздъ его высочества — въ каютѣ частнаго русскаго парохода, на которомъ прибылъ великій князь изъ Россіи. Авт.

голины, готовъ упасть въ обморокъ, если увидитъ десять человѣкъ вмѣстѣ. Я боюсь, чтобы не вышелъ скандалъ, когда его высочество будетъ у него. Онъ, пожалуй, упадетъ въ обморокъ... Всѣ приближенные султана въ большомъ безпокойствѣ. Въ особенности онъ боится, чтобы его не убили на улицѣ; видъ румелійскихъ переселенцевъ его также ужасно смущаетъ».

Зная турокъ и заботясь прежде всего объ охраненіи достоинства Россіи въ глазахъ константинопольскаго населенія и Порты, Игнатьевъ не поддавался на эти хитрости и заискиванія пашей и совѣтовалъ главнокомандующему твердо стоять на томъ, что султанъ обязанъ, послѣ посѣщенія великаго князя въ Ильдызъ-Кіоскѣ, отдать ему визитъ въ торжественной обстановкѣ, въ домѣ русскаго посольства въ Перѣ или же, всего лучше, въ Санъ-Стефано, какъ было предложено турецкому уполномоченному и верховному визирю Игнатьевымъ съ самаго возникновенія вопроса о свиданіи съ султаномъ. Пользуясь слабостью посредниковъ и желаніемъ самого великаго князя какъ можно скорѣе завязать личныя дружественныя сношенія съ султаномъ, турки достигли своей цѣли вскорѣ послѣ отъѣзда Игнатьева, и отвѣтный визитъ былъ принятъ главнокомандующимъ во дворцѣ султана, т. е. произошло то, на что ни разу при посѣщеніяхъ Константинополя членами царской фамиліи до войны не согласился русскій посолъ, зная, что на Востокѣ такіе оттѣнки сношеній имѣютъ громадное значеніе и вліяніе на теченіе государственныхъ дѣлъ.

7 (19-го) марта Нелидовъ телеграфировалъ канцлеру, что «послѣ продолжительныхъ переговоровъ Порта категорически отказываетъ въ дозволеніи посадки на суда нашихъ возвращающихся въ Россію войскъ въ Буюкъ-дере. Ахметъ-Вефикъ-паша (верховный визирь) сознался, что Порта къ сему вынуждена [1]). Савфетъ-паша извѣщаетъ нотою, что вступленіе нашихъ войскъ въ Буюкъ-дере, почитаемое Англіею за занятіе нами Константинополя, вызоветъ, очевидно, вступленіе англійскаго флота въ Босфоръ [2]). Наше требованіе было бы, впрочемъ, противно договору, и Порта вынуждена была бы протестовать противъ всякаго движенія русскихъ войскъ къ Бѣлграду и Буюкъ-дере [3]). Я узналъ, что дѣйствительно Лаярдъ

---

[1]) Такъ какъ тотъ же верховный визирь, еще предъ выѣздомъ графа Игнатьева, изъявлялъ на то свое согласіе, то нечего было вести съ нимъ новые переговоры, а оставалось лишь еще болѣе категорически требовать исполненія и тотчасъ же пригрозить движеніемъ войскъ нашихъ къ Босфору и занять Бѣлградскій лѣсъ. Авт.

[2]) Не слѣдовало допускать такого произвольнаго толкованія, а отвѣтить, что деревня Буюкъ-дере не городъ Константинополь и что мы не можемъ допустить подобной растяжимости англійскаго толкованія и вообще посторонняго вмѣшательства. Авт.

[3]) Непонятно, какъ могъ допустить Нелидовъ и передавать канцлеру заявленія, клонившіяся къ тому, что всякая подробность при возвращеніи войскъ, не упомянутая въ мирномъ договорѣ, можетъ считаться ему противною. Десять дней послѣ подписанія

выставилъ наше предположеніе сажать войска въ Буюкъ-дере, какъ попытку занять Босфоръ, и угрожалъ входомъ англійскихъ броненосцевъ. Графъ Зичи [1]) и Фурнье [2]) раздѣляли опасенія Англіи. Лайярдъ дѣятельно старался вызвать разрывъ между Великобританіею и нами и придирался къ каждому случаю, чтобы его достигнуть.

Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы главной квартирѣ и мѣстному представителю нашей дипломатіи противодѣйствовать энергично англійскимъ проискамъ и давленію дипломатовъ на Порту, пользуясь громадными средствами, къ тому же бывшими въ ту минуту у насъ подъ рукою, они содѣйствовали лишь усиліямъ европейскихъ кабинетовъ устранить, поколебать и сбить съ пути императорское правительство.

Одновременно почти съ этою телеграммою Нелидова была получена въ Петербургѣ экспедиція нашего посла въ Вѣнѣ, отъ 5-го (17-го) марта, въ которой Новиковъ, сознаваясь, что онъ не могъ объясниться лично съ Андраши (№ 40), уклоняющимся отъ принятія нашего посла подъ предлогомъ поглощенія занятіями делегацій [3]), передавалъ мнѣніе одного изъ совѣтниковъ министерства барона Швегеля, который былъ прежде генеральнымъ австрійскимъ консуломъ въ Константинополѣ, считался спеціалистомъ по турецкимъ дѣламъ и выражалъ мнѣніе своего начальника. Возставая противъ Великой Болгаріи, Швегель утверждалъ, что она противорѣчитъ соглашенію между Россіею и Австро-Венгріею, по смыслу котораго Болгарія не должна была образовать большого сплошного государства», а заключать лишь болгарское населеніе, живущее къ сѣверу отъ Балканъ и въ Софійскомъ пашалыкѣ. Созданіе же предположенной [4]) фантастической» Болгаріи, распространяю-

---

договора положеніе наше на Босфорѣ радикально измѣнилось, а личныя пріятельскія отношенія главнокомандующаго побѣдоносной арміи съ султаномъ остаются, между тѣмъ, неизмѣнными. Авт.

[1]) Представитель союзника, на котораго министерство иностранныхъ дѣлъ наиболѣе полагалось и для удовлетворенія котораго мы готовы были жертвовать собственными интересами и славянами. Авт.

[2]) Французскій посолъ, лично излюбленный княземъ Горчаковымъ и барономъ Жомини и избалованный петербургскимъ высшимъ обществомъ въ бытность свою совѣтникомъ и повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Петербургѣ. Поведеніе его въ критическую для насъ минуту доказываетъ бездѣятельность нашего министерства иностранныхъ дѣлъ и отсутствіе вліянія пословъ нашихъ въ европейскихъ столицахъ. Авт.

[3]) Послѣ всѣхъ жертвъ, принесенныхъ соглашенію съ Австро-Венгріею и постоянному ухаживанію за графомъ Андраши, мы достигли такого положенія въ Вѣнѣ, что въ важную не только для Россіи, но и для Габсбургской имперіи минуту, когда рѣшались быть рѣшиться будущность Балканскаго полуострова и вопросъ о мирѣ и войнѣ между нами и Австро-Венгріею, въ вѣнскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ не считали нужнымъ принимать нашего посла и имѣть съ нимъ личныя объясненія. Авт.

[4]) Чиновникъ австрійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ осмѣливался толковать съ русскимъ посломъ о русскомъ договорѣ не какъ о совершившемся фактѣ, съ

легая до Эгейскаго моря и основанной лишь на этнографическомъ принципѣ, несовмѣстно съ сохраненіемъ владычества султана въ Константинополѣ. Болгарія, по Санъ-Стефанскому договору, соединяетъ въ одномъ государствѣ всѣ самыя богатыя и производительныя мѣстности Европейской Турціи, оставляя внѣ новаго княжества лишь гористую и безплодную сторону, мало способную къ матеріальному развитію, и составляетъ лишь искусственное созданіе, потому что не приняли въ расчетъ ни орографическія, ни политическія соображенія [1]. Швегель сомнѣвался, чтобы предѣлы Болгаріи были этнографически правильны: онъ опровергалъ предположеніе, что болгарское населеніе доходило отъ пяти до шести милліоновъ жителей, считая, что въ дѣйствительности не болѣе половины, т. е. трехъ милліоновъ; если и можно признать долину рѣки Карасу (древній Стримонъ) еще принадлежащею болгарамъ, то долина рѣки Вардара принадлежитъ уже къ албанской системѣ [2].

Указывая на значительное разномысліе между нами и австрійцами, Новиковъ обращалъ вниманіе канцлера на то, что если Новая Болгарія переходитъ за рѣку Вардаръ къ Охридскому озеру, то заявленіе Швегеля о непринадлежности этой мѣстности къ «болгарской системѣ» находится въ связи съ предыдущимъ заявленіемъ графа Андраши, что мѣстность подъ желѣзною дорогою изъ Митровицы въ Салоники не можетъ быть включена въ Болгарію, безъ нарушенія торговыхъ интересовъ Австро-Венгріи. Такимъ образомъ, по мнѣнію нашего посла, Габсбургская монархія считаетъ себя обиженною нашимъ созданіемъ Болгаріи съ двойной точки зрѣнія: политической и коммерческой. Интересъ Австро-Венгріи,—заявилъ графъ Андраши въ делегаціяхъ,—состоитъ въ томъ, чтобы облегчить въ турецкихъ областяхъ пути для торговли Австро-Вен-

---

которымъ мнимый союзникъ нашъ долженъ былъ считаться, а лишь какъ о фантастическомъ предположеніи, подлежащемъ разсмотрѣнію и измѣненію. При такомъ положеніи и отношеніяхъ нашей дипломатіи ничего нѣтъ мудренаго, что иностранныя правительства считали себѣ все дозволеннымъ съ нами и не принимали въ расчетъ совершенныхъ нами историческихъ фактовъ. Авт.

[1] Швегель ясно выдалъ затаенную мысль Австро-Венгріи, предоставлявшей намъ громить турокъ, лишь бы созданное нами на развалинахъ Оттоманской имперіи не представляло никакихъ данныхъ для вполнѣ самостоятельнаго существованія и было пригодно для вѣнскихъ вожделѣній. Авт.

[2] Трудно себѣ объяснить причисленіе рѣки Вардара къ албанской системѣ инымъ, чѣмъ заднею мыслію Австро-Венгріи воспользоваться Албаніею, которую они почему-то считали болѣе доступною западному вліянію, нежели болгаръ и даже сербовъ. Въ бытность Игнатьева въ Вѣнѣ, въ мартѣ 1878 года, у графа Андраши проскочило выраженіе, что изъ Албаніи слѣдуетъ образовать отдѣльное княжество, съ австрійскимъ принцемъ во главѣ. Игнатьевъ замѣтилъ министру, что, видно, свѣдѣнія австро-венгерскаго правительства объ Албаніи не точны, ибо князя непремѣнно подстрѣлятъ при первомъ неудовольствіи и отдѣлаются отъ него быстрѣе, нежели мексиканцы отъ эрцгерцога Максимиліана. Авт.

гріи и воспрепятствовать введенію въ оныхъ запретительной таможенной системы.

Для нашего министерства иностранныхъ дѣлъ проявленіе горячей оппозиціи и обнаруженіе неумѣренныхъ притязаній графа Андраши были неожиданностью, потому что ему чрезъ мѣру довѣрились, поступали непредусмотрительно и крайне легкомысленно. Разъ что признано было возможнымъ, вопреки нашимъ прежнимъ выгодамъ, пожертвовать нашимъ самостоятельнымъ положеніемъ въ Турціи и договориться съ Австро-Венгріею, заключивъ даже съ нею конвенцію на случай нашей войны съ Турціею, то надо было извлечь всю возможную пользу для Россіи изъ такого договора и не дозволять вѣнскому правительству уклониться ни на іоту отъ его обязательствъ, а самимъ дѣйствовать самостоятельно до послѣднихъ предѣловъ возможности, въ рамкахъ договорныхъ, стараясь расширять, а не суживать наши выгоды. Канцлеръ и наше посольство въ Вѣнѣ, напротивъ того, допускали самыя произвольныя толкованія графомъ Андраши своихъ обязательствъ въ пользу Австро-Венгріи и считали Россію вполнѣ связанною такимъ договоромъ, на который опасались ссылаться для своей пользы, скрывая содержаніе его отъ всѣхъ и даже въ угоду вѣнскому правительству, для облегченія парламентскаго положенія графа Андраши и въ ущербъ своему собственному политическому положенію. Роли были совершенно извращены, въ ущербъ Россіи и въ выгоду Австро-Венгріи, въ особенности же лично графа Андраши. Дѣло въ томъ, что наше соглашеніе съ нимъ основывалось съ самаго начала на недоразумѣніи, недомолвкахъ и фальшивой игрѣ.

Проявившіяся, не только со времени заключенія Санъ-Стефанскаго договора, но и съ самаго начала войны притязанія графа Андраши были беззастѣнчивымъ и дерзкимъ нарушеніемъ принятыхъ австро-венгерскимъ правительствомъ въ Рейхштадтѣ и потомъ конвенціею 3-го января обязательствъ[1]. Онъ дѣйствовалъ и выражался не какъ союзникъ, связанный договоромъ, а какъ противникъ, ищущій случая насъ уязвить, нанести намъ пораженіе и лишить насъ всѣхъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ цѣною уступокъ, крови и жертвъ. Къ единовѣрцамъ и союзникамъ нашимъ онъ высказывалъ постоянно самое непріязненное и враждебное расположеніе. Такъ, напримѣръ, во время Константинопольской конференціи Австро-Венгрія менѣе всѣхъ другихъ державъ соглашалась съ нашими видами на дарованіе Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи самоуправленія, а въ особенности на увеличеніе Черногоріи. Когда, впослѣдствіи, Порта предложила Черногоріи уступить Зубцанскій округъ и Суторину для водворенія мира, графъ

---

[1] О конвенціяхъ, заключенныхъ въ Рейхштадтѣ и въ [illegible], см. [illegible] „Историческій Вѣстникъ" 1914 г., февраль, стр. 566, и 1915 г., [illegible], стр. [illegible] ... Санъ-Стефано.

Андраши энергично возсталъ и тогда же проявилъ свою завѣтную мечту удовлетворить Черногорію на счетъ Албаніи, а Сербію на счетъ Болгаріи.

Даже англійская программа умиротворенія Балканскаго полуострова въ 1876 году шла гораздо далѣе и совпадала съ нашими предположеніями болѣе, нежели виды Австро-Венгріи. Сравнительно благонамѣренные султанскіе ирадэ и фирманъ 20-го сентября и 30-го ноября 1875 года, предупреждавшіе, такъ сказать, требованія наши въ пользу христіанъ Босніи, Герцеговины и Болгаріи, также обезпокоили графа Андраши и вызвали горячее его противодѣйствіе, какъ содержавшіе слишкомъ благопріятныя задатки для развитія самостоятельности нашихъ единовѣрцевъ. Едва только Сербія приняла участіе въ войнѣ съ Турціею, такъ Австро-Венгрія уже стала приготовляться для занятія Босніи и Герцеговины.

Неудачи подъ Плевною и неосновательное удостовѣреніе австро-венгерскаго агента Бергольсхейма, сопутствовавшаго государю императору за Дунаемъ, что русскія войска не перейдутъ за Балканы ранѣе весны, успокоили венгровъ и ввели графа Андраши въ заблужденіе. Онъ не ожидалъ близкой, блистательной для насъ развязки, а, напротивъ того, надѣялся, что война затянется, готовился вмѣшаться и быть хозяиномъ созданнаго положенія, заставивъ насъ разрушить, вопреки желанію государя императора, Турцію, чтобы нашими руками жаръ загрести и извлечь наибольшую пользу для Австро-Венгріи. Графъ Андраши прозѣвалъ Санъ-Стефанскій договоръ и опоздалъ. Тотчасъ послѣ паденія Плевны (30-го ноября) Порта обращалась къ Австро-Венгріи съ просьбою о посредничествѣ, но Вѣна отказала, приберегая свой голосъ для болѣе выгодной и рѣшительной минуты. Поведеніе венгерцевъ во время войны, въ особенности въ концѣ лѣта и осенью 1877 года, во время нашихъ неудачъ, было крайне неприличное, враждебное и вызывающее относительно Россіи.

На все это наше министерство иностранныхъ дѣлъ не обращало никакого вниманія, и канцлеръ, вопреки всѣмъ признакамъ, продолжалъ считать графа Андраши за своего вѣрнаго и искренняго союзника.

Къ сожалѣнію, мы сами дали поводъ графу Андраши выйти изъ роли, опредѣленной ему конвенціею 3-го января, и вмѣшаться въ дѣла, которыя не должны были подлежать его контролю: прежде, нежели мы взяли Плевну и перешли Балканы, по предложенію директора дипломатической канцеляріи Нелидова была послана графу Андраши записка, содержащая предположенія наши касательно условій замиренія съ Турціею. Предоставленнымъ ему поводомъ сказать свое мнѣніе графъ Андраши воспользовался впослѣдствіи, заявляя притязаніе, чтобы безъ предвари-

тельнаго согласія и одобренія его мы не имѣли права договариваться съ турками. Депешею, адресованною барону Лангенау 18-го (30-го) января 1878 года, вѣроятно, по полученіи извѣстія отъ посольства объ отправленіи Игнатьева въ главную квартиру, въ Адріанополь, графъ Андраши заявилъ князю Горчакову, что всѣ постановленія, измѣняющія существующіе договоры, будутъ считаться имъ недѣйствительными, пока не подвергнутся пересмотру всѣхъ державъ, подписавшихъ Парижскій миръ.

Вслѣдствіе этого заявленія, какъ видно, непредвидѣннаго, канцлеръ исходатайствовалъ высочайшее повелѣніе мнѣ назвать Санъ-Стефанскій договоръ «прелиминарнымъ», тогда какъ турецкіе уполномоченные не только согласились, но сами предлагали подписать окончательный мирный договоръ. Тотчасъ же, 20-го января, по полученіи телеграфическихъ извѣстій изъ Вѣны и Лондона (черезъ три дня послѣ выѣзда Игнатьева за границу[1]), канцлеръ писалъ уже ему, что

Политическое положеніе измѣнилось, такъ что оно, по необходимости, должно повліять на ходъ мирныхъ переговоровъ. Англія первая высказалась противъ отдѣльныхъ и предварительныхъ переговоровъ между нами и Турціею. Австрія присоединилась къ Великобританіи, сначала въ общихъ выраженіяхъ[2], въ отвѣтѣ своемъ на просьбу Турціи о посредничествѣ[3], а теперь въ болѣе формальныхъ, опредѣленныхъ въ сообщеніяхъ, къ намъ адресованныхъ. Заключеніе, которое можно вывести изъ оговорки вѣнскаго кабинета, то, что онъ признаетъ лишь такой мирный договоръ, условія котораго не будутъ противорѣчить его интересамъ и получатъ одобреніе и санкцію Европы въ пунктахъ, затрагивающихъ общеевропейскіе интересы[4]. Вѣнскій кабинетъ выговариваетъ себѣ это право въ качествѣ смежнаго государства и гарантирующей

[1] Инструкція [illegible] Санъ-Стефано и передъ самымъ [illegible] Авт.

[2] [illegible] Авт.

[3] [illegible] Авт.

[4] [illegible] Авт.

[illegible] трактатъ 1856 года державы [1]. Лондонскій кабинетъ [illegible] исключительно на точку зрѣнія великобри-танскихъ интересовъ и существующихъ [illegible]. Такимъ обра-зомъ обѣ державы [illegible] на общей почвѣ, и важность [illegible] факта не ускользнетъ отъ вашего вниманія. Сближеніе это под-бодрило Англію, которая надѣется выйти изъ своего одиночества [2]. [illegible] положеніе, ею принятое, вліяетъ, въ свою очередь, на положеніе Австро-Венгріи; Порта же черпаетъ изъ всего этого, естественно, надежду найти на дипломатической европейской почвѣ опору для уменьшенія тяжести мирныхъ условій, исторгнутыхъ у нея нашими побѣдами [3].

Кромѣ того, въ принципіальномъ вопросѣ вѣнскій кабинетъ [illegible] противъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ основаній мира [4]. Онъ [illegible] Великую Болгарію и наше продолжительное военное [illegible]. Что касается исправленія нашей бессарабской гра-ницы, онъ не будетъ противиться, если только мы пріобрѣтемъ со-гласіе Порты [5] и Румыніи. А между тѣмъ онъ знаетъ, что послѣд-няя уже заблаговременно протестуетъ предъ кабинетами [6].

---

[1]) [illegible] графа Андраши [illegible]. Авт.

[2]) [illegible] князь Горчаковъ [illegible] Берлинскимъ трактатомъ 1878 года для Россіи [illegible] Англія [illegible] съ Австро-Венгріею [illegible]. Авт.

[3]) [illegible] Санъ-Стефанскаго договора [illegible]. Авт.

[4]) Вѣра въ графа Андраши увлекла канцлера. Преждевременное сообщеніе на-[illegible] сообщить текстъ нашего договора послѣ его подписанія и слѣдовало, ссылаясь на него, [illegible] опредѣленныхъ имъ рамкахъ. Авт.

[5]) [illegible] въ 1870 году, будучи министромъ иностранныхъ дѣлъ [illegible] Порта [illegible] согласіе Порты, выраженное въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ. Авт.

[6]) Графъ Андраши не только зналъ, но самымъ безсовѣстнымъ образомъ, чрезъ [illegible]. Авт.

«При такомъ положеніи дѣлъ, кажется, будетъ трудно сохранить безъ измѣненія программу (проектъ), начертанную вами для прелиминарнаго мира [1]).

«Что касается самаго мира этого и договора, который долженъ быть заключенъ, мы формально повторили кабинетамъ завѣреніе, что вопросы, касающіеся европейскихъ интересовъ, будутъ предоставлены разсмотрѣнію ихъ и общему рѣшенію. Такъ какъ слово «конференція» произнесено было вѣнскимъ кабинетомъ, то мы объявили, что если онъ желаетъ предложить таковую или посовѣтоваться съ другими государствами по этому предмету, мы не возбудимъ никакихъ затрудненій [2]). Но тутъ, съ самаго приступа, возникаетъ затрудненіе опредѣлить, какіе вопросы, проистекающіе изъ войны, должны подлежать непосредственному соглашенію воюющихъ сторонъ и какіе зависятъ отъ европейскаго соглашенія. Въ этомъ отношеніи мы считаемъ, что вопросы о перемиріи и демаркаціонной линіи исключительно зависятъ отъ воюющихъ сторонъ, и мы тутъ не можемъ допустить никакого вмѣшательства [3]). Впрочемъ, вопросъ о военномъ разграниченіи зависитъ исключительно отъ его императорскаго высочества главнокомандующаго, и вы не должны имъ заниматься» [4])

Затѣмъ въ остальной части депеши канцлеръ заявлялъ, что вопросъ объ установленіи военнаго вознагражденія принадлежитъ исключительно вѣдѣнію воюющихъ сторонъ, но что касательно политическихъ вопросовъ турки, по всей вѣроятности, будутъ по-

---

[1]) Когда встрѣтились впослѣдствіи затрудненія со стороны кабинетовъ, то наши дипломаты открещивались отъ Санъ-Стефанскаго договора, отвергая, что Игнатьевъ дѣйствовалъ на основаніи высочайше утвержденныхъ инструкцій, и объясняя, что онъ самопроизвольно предъявилъ «невозможныя» требованія Портѣ, которыя министерство иностранныхъ дѣлъ какъ бы не одобряло. Въ этой бумагѣ впервые нашъ миръ съ турками называется прелиминарнымъ. Авт.

[2]) Любитель конференцій, канцлеръ тотчасъ же попался на удочку, протянутую ему лукавымъ графомъ Андраши, не размысливъ о томъ, какое дипломатическое пораженіе онъ наноситъ Россіи въ ту самую минуту, когда русскій уполномоченный отправляется въ главную квартиру, по повелѣнію государя, для заключенія съ турками мирнаго договора. Мы сами придавали храбрость графу Андраши, обезпечивая ему безнаказанность его интриги и сближенія съ Англіею. Какъ удивляться послѣ того, что Санъ-Стефанскій договоръ не уцѣлѣлъ и что мы дошли до берлинскаго осужденія. Авт.

[3]) «Еще бы!» — невольно воскликнулъ и написалъ Игнатьевъ, по прочтеніи этихъ инструкцій, полученныхъ въ главной квартирѣ, когда уже все было сговорено съ турками, и наканунѣ подписанія уже установленнаго текста договора. Авт.

[4]) Если лишь вопросы о перемиріи и о демаркаціонной линіи должны были зависѣть отъ воюющихъ, то зачѣмъ было отправлять особаго уполномоченнаго въ главную квартиру съ инструкціею заключить мирный договоръ, тѣмъ болѣе, что эти вопросы были (хотя и преждевременно) разрѣшены уже 19-го января перемиріемъ, заключеннымъ главнокомандующимъ, т. е. за день до выѣзда Игнатьева изъ Бухареста. Авт.

ставлять о нихъ въ извѣстность кабинеты [1]) съ тѣмъ, что, если требованія наши не будутъ ими одобрены, турки, разсчитывая на ихъ поддержку, отвергнутъ наши предложенія, или же «примутъ ихъ лишь подъ условіемъ одобренія Европою, что отниметъ у нихъ всякое значеніе» [2]). Канцлеръ приходилъ къ заключенію, что «необходимо поступать съ крайнею осторожностью и потому отнюдь не придавать мирному условію, заключаемому съ Турціею, характера формальнаго и окончательнаго договора и не входить въ слишкомъ большія подробности, обезпечивая лишь согласіе Порты какъ относительно устройства Болгаріи, такъ и будущихъ границъ балканскихъ государствъ». Сопротивленіе двухлѣтнему пребыванію русскихъ войскъ въ Болгаріи канцлеръ надѣялся преодолѣть. Что касается проливовъ, «такъ какъ мы признали это вопросомъ европейскимъ и такъ какъ совершенно невѣроятно, чтобы мы добились въ конференціи признанія права прохода даже отдѣльныхъ судовъ для однихъ прибрежныхъ государствъ Чернаго моря [3]), то мы будемъ держаться наиболѣе благопріятнаго для насъ принципа закрытія проливовъ всѣмъ военнымъ судамъ безъ различія». А потому соглашеніе по этому вопросу между государемъ императоромъ и султаномъ, упомянутое въ основаніяхъ мира [4]), «могло бы ограничиться укрѣпленіемъ особымъ обязательствомъ общихъ гарантій, о которыхъ будетъ условлено впослѣдствіи, на конференціи, безусловнаго закрытія морскаго пути иностранному военному флагу».

«Одинъ изъ самыхъ щекотливыхъ вопросовъ касается исправленія нашей бессарабской границы. Въ виду противодѣйствія, ко-

---

[1]) Скорость и способъ веденія переговоровъ въ Адріанополѣ и Санъ-Стефано, навязанные Игнатьевымъ турецкимъ уполномоченнымъ, воспрепятствовали Портѣ дѣйствовать по соглашенію съ кабинетами. Но послѣ подписанія договора турки не замедлили осуществить мысли, высказанныя канцлеромъ, дѣйствія котораго должны бы были быть направлены на предупрежденіе европейскаго вмѣшательства, тѣмъ болѣе, что онъ его предвидѣлъ. Авт.

[2]) Пессимистическій взглядъ канцлера не оправдался, ибо Игнатьевъ такъ повелъ дѣло, что объ «одобреніи Европою» и рѣчи не было въ Санъ-Стефано и турецкіе уполномоченные, равно какъ и присланный въ Петербургъ Реуфъ-паша предлагали намъ облечь мирныя условія въ окончательную форму, чтобы предупредить европейское вмѣшательство и новыя требованія. Слабодушіе и постоянное преклоненіе предъ европейскимъ концертомъ помѣшали министерству иностранныхъ дѣлъ симъ воспользоваться и поставить дѣло твердо, сообразно достоинству и чести Россіи и даже выгоднѣе для Турціи, нежели то, что произошло впослѣдствіи. Авт.

[3]) Мысль достигнуть сего была заявлена русскимъ посломъ. Осуществленіе ея обезпечивало свободный выходъ русскимъ военнымъ судамъ, не дозволяя морскимъ западнымъ державамъ пользоваться имъ въ мирное время для вступленія въ Черное море. Игнатьевъ намѣренъ былъ на этомъ настоять предъ Портою, но, въ виду заявленія канцлера, долженъ былъ отъ сего отказаться. Авт.

[4]) Подписанныхъ 19-го января въ Адріанополѣ. Канцлеръ готовъ былъ отъ нихъ отказаться, въ виду неудовольствія Австро-Венгріи и Англіи, но долженъ былъ признать, что для приличія необходимо хотя сдѣлать видъ, что мы чего-нибудь уже достигнули. Авт.

торое оно, какъ кажется, встрѣтитъ, я находилъ бы лучшимъ совсѣмъ не упоминать о немъ въ прелиминарномъ протоколѣ, подписанномъ съ Турціею. Но такъ какъ предложеніе это дѣлается въ предположеніи обмѣна съ Румыніею на Дельту и Добруджу [1], вы могли бы въ общихъ выраженіяхъ выговорить намъ право располагать этими территоріями, въ виду предстоящихъ Румыніи вознагражденіи, обязавшись (en stipulant), что ни въ какомъ случаѣ Россія ихъ себѣ не оставитъ (т. е. Дельту и Добруджу).

«При неопредѣленности [2]) настоящей минуты, я ограничиваюсь этимъ указаніемъ. До того времени, когда вы вступите въ переговоры, военное и политическое положеніе можетъ разъясниться» [3]).

XVII.

Въ то время, когда мирные переговоры уже завязались въ Адріанополѣ и требованія наши, въ развитіе мирныхъ оснований, подписанныхъ 19-го января (les bases de la paix), были предъявлены, канцлеръ разослалъ посламъ, аккредитованнымъ при европейскихъ дворахъ, конфиденціальную записку, помѣченную 31-го января и долженствовавшую, по мнѣнію его, разъяснить положеніе, принятое Россіею и ея намѣренія.

«Общіе виды и случайныя предположенія императорскаго кабинета относительно войны и ея возможныхъ или желаемыхъ послѣдствій были выяснены на рейхштадтскомъ свиданіи и въ письменныхъ условіяхъ, заключенныхъ съ Австро-Венгріею.

«Ходъ событій произвелъ обстоятельства, которыя не вполнѣ входили въ рамки предвидѣннаго, а потому примѣненіе условленныхъ принциповъ было выяснено въ довѣрительной запискѣ,

---

[1]) Слѣдовательно, не Игнатьевъ отвѣтственъ, какъ высказывались печатно люди, не знающіе дѣйствительности и поддавшіеся коварнымъ, оправдательнымъ инсинуаціямъ нѣкоторыхъ лицъ министерства иностранныхъ дѣлъ, за уступку Румыніи Добруджи. Канцлеръ съ самаго начала положилъ уступить княжествамъ не только Добруджу, но и всю дельту Дунайскую, такъ что Болгарія была бы вполнѣ отрѣзана отъ Россіи, а Россія лишь прикасалась бы къ лѣвому Дунаю. Санъ-Стефанскій договоръ предоставлялъ Россіи свободу удержать Добруджу въ счетъ слѣдуемаго ей денежнаго вознагражденія (по смыслу договора) или же отдать Румыніи. Игнатьевъ намѣренъ былъ лишь сдѣлать видъ, что предназначаетъ Добруджу Румыніи, но въ дѣйствительности присоединить ее къ Болгаріи, взамѣнъ условленной платы послѣдней Румыніи, подъ нашею гарантіею, что ставило въ нашу зависимость оба государства. Авт.

[2]) Канцлеръ, даже въ секретныхъ депешахъ къ своему уполномоченному, опасался прямо заявить о намѣреніи Россіи возвратить себѣ отобранную у нея Парижскимъ трактатомъ землю, а упоминалъ лишь объ исправленіи нашей бессарабской границы въ такихъ же выраженіяхъ, какъ и объ измѣненіи сербской территоріи. Наше постоянное смиреніе, умѣренность и боязнь Европы не доставили намъ блестящихъ результатовъ, какъ и слѣдовало ожидать. Авт.

сообщенной Берлинскому и Вѣнскому кабинетамъ въ ноябрѣ 1877 года.[1]

Эта записка заключала въ себѣ предварительныя условія, которыя императорскій кабинетъ намѣревался получить отъ Порты, если бы ей вздумалось испрашивать мира раньше начала второй кампаніи.

Предварительныя условія, которыя только что подписаны въ Адріанополѣ, составляютъ самый очеркъ этихъ предварительныхъ условій; переговоры, которые открываются теперь между политическими представителями обоюдныхъ сторонъ, будутъ имѣть лишь цѣлью развитіе ихъ въ практическомъ смыслѣ.

Намѣренія императорскаго кабинета, стало быть, совершенно извѣстны обоимъ союзнымъ дворамъ. Но такъ какъ нѣкоторыя статьи этихъ основныхъ условій вызвали возраженія, то полезно опредѣлить точные взгляды императорскаго кабинета на эти оспариваемые пункты.

I. Первый пунктъ опредѣляетъ степень автономіи Болгаріи. Такъ какъ война была затѣяна большею частью для того, чтобы положить предѣлъ отчаянному положенію этой страны, императорскій кабинетъ не можетъ согласиться уменьшить условія самоуправленія, которыя должны быть утверждены за нею. Всѣ кабинеты въ принципѣ признали необходимость народной администраціи и дѣйствительнаго ея обезпеченія. Константинопольская конференція это констатировала. Но теперь ясно, что послѣ того, что произошло, полумѣры конференціи непримѣнимы. Мысль о введеніи бельгійскихъ жандармовъ была бы смѣшна. Ни Россія, которая несла всю тяжесть этой войны, ни населеніе, среди котораго проливалась кровь и разнузданныя страсти образовали пропасть между христіанами и мусульманами, не могутъ допустить этихъ недостаточныхъ измѣненій существовавшаго. Сами державы не могли бы ихъ серьезно поддержать; имъ столько же невыгодно, какъ и намъ, создать такой порядокъ вещей, который заключалъ бы въ себѣ зародышъ новыхъ кризисовъ. Это необходимость неотвратимая. Она могла быть избѣгнута передъ войною, если бы кабинеты, принимая наши предложенія, согласились присоединиться къ намъ, чтобы заставить Порту принять рѣшеніе Европы. Тогда, за недостаткомъ яснаго и практическаго рѣшенія, одинъ фактъ соединенія всѣхъ великихъ державъ для обезпеченія, при помощи энергическихъ мѣръ, приведенія въ исполненіе приговора Европы, признавалъ бы, по крайней мѣрѣ, дѣйствительную

[1] Вотъ эта-то записка, составленная первоначально Нелидовымъ, и запутала впослѣдствіи наши отношенія съ Австро-Венгріею, опредѣленныя вѣнскою конвенціею 3-го января. Обычай, принятый канцлеромъ, постоянно объяснять свои дѣйствія и даже предположенія Берлину и Вѣнѣ и заранѣе извиняться предъ иностранными кабинетами поставили русское дѣло на Востокѣ на ложный путь и привелъ насъ къ невыгодному для насъ положенію, закрѣпленному Берлинскимъ трактатомъ. Авт.

санкцію неудовлетворительному исправленію положенія населенія. Теперь такой исходъ былъ бы настоящей неудачей для Европы и преміей безнаказанности, данной Турціи.

«Говорили о принятіи принциповъ константинопольской конференціи за основанія окончательнаго мира.

Единственный принципъ этого собранія было положить конецъ злоупотребленіямъ оттоманской администраціи посредствомъ автономическихъ учрежденій, дѣйствительно гарантированныхъ.

«Въ теперешнее время единственно возможное приложеніе этого принципа — это полнѣйшая автономія, съ удаленіемъ турецкихъ войскъ и сохраненіемъ лишь связи, заключающейся въ вассальной дани. Это наименьшее, на что Россія можетъ согласиться, послѣ всѣхъ своихъ жертвъ во время войны.

«Этотъ минимумъ былъ опредѣленъ еще тогда, когда наши войска были задержаны на сѣверѣ Балканъ. Послѣ побѣдоноснаго шествія нашихъ войскъ къ стѣнамъ Константинополя и уничтоженія оборонительныхъ силъ Турціи Россія свидѣтельствуетъ свою скромность, удерживая ту же программу, и дѣлаетъ это только ради всеобщей боязни относительно опасныхъ явленій, которыя повлечетъ за собою полное разложеніе Оттоманской имперіи. Главное возраженіе противъ образованія вассальной Болгаріи состоитъ въ неудобствѣ существованія автономнаго государства у воротъ Константинополя. Утверждаютъ, что это было бы уничтоженіе турецкаго владычества въ Европѣ.

«Но программа конференціи заключала въ себѣ такое же точно послѣдствіе.

«Предложенныя реформы должны были или дѣйствительно осуществиться, и въ такомъ случаѣ онѣ дали бы болгарскому населенію такой толчокъ, который привелъ бы со временемъ къ нравственному и матеріальному преобладанію этого населенія надъ мусульманскимъ и, слѣдовательно, къ его господству во внутренней администраціи страны, или же реформы были бы призрачными, и въ этомъ случаѣ Европа санкціонировала бы злоупотребленія, о которыхъ не можетъ быть и рѣчи послѣ теперешней войны. Последнее не согласно ни съ честью, ни съ интересами Европы; что же касается Россіи, то ея честь и ея интересы рѣшительно воспрещаютъ ей допустить подобный результатъ.

II. То же самое возраженіе было сдѣлано касательно самаго существованія автономной Болгаріи. Ее считали несовмѣстной съ существованіемъ Оттоманской имперіи въ Европѣ. Англійское министерство дало замѣтить, что константинопольская конференція имѣла въ виду это неудобство, когда она раздѣлила Болгарію на двѣ провинціи. Но забываютъ, что это раздѣленіе было предложено съ сѣвера на югъ, а не такъ, какъ замышляютъ теперь, по естественному препятствію Балканъ. Соглашаясь на раздѣленіе Болгаріи

съ сѣвера на югъ, вслѣдствіе предложенія лорда Салисбюри, конференція сама убѣдилась въ невозможности раздвоить болгарскій народъ отдѣленіемъ южной части, самой населенной и плодоносной, самой богатой и самой развитой. Еще менѣе предполагала конференція оставить внѣ примѣненія своей неполной программы Южную Болгарію, которая именно и была театромъ тѣхъ избіеній, которыя обнаружили въ глазахъ Европы невозможность терпѣть долѣе турецкое владычество; то же самое явленіе могло бы повториться и теперь, если бы границу автономной Болгаріи провели на сѣверномъ склонѣ Балканъ, предоставляя югъ непосредственному владычеству турокъ. Раздѣленіе Болгаріи въ длину было задумано въ виду сохраненія этой странѣ ея природнаго характера, съ уменьшеніемъ въ то же время опасности, которую предвидѣли въ ея слишкомъ большой сплоченности. Эта комбинація могла бы имѣть мѣсто при умѣренной и чисто административной автономіи, которую конференція предназначала Болгаріи; но въ виду нынѣ неизбѣжной необходимости ввести полную вассальную автономію искуственное раздѣленіе Болгаріи не имѣло бы никакого практическаго смысла. Державы нѣсколько разъ санкціонировали въ торжественныхъ случаяхъ раздѣленіе между Молдавіей и Валахіей. Слѣдствіемъ сего было, что эти двѣ провинціи не оставили въ покоѣ Европу, стремясь къ осуществленію своего объединенія, и что каждая изъ попытокъ, которыя онѣ дѣлали съ этой цѣлью, вызывала усложненія для европейской дипломатіи. То же самое было бы относительно двухъ обрѣзковъ болгарской націи. Они бы непреодолимо стремились соединиться, несмотря на усилія дипломатіи, и вмѣсто того, чтобы завершить прочное дѣло удовлетвореніемъ стремленій этихъ населеній, призванныхъ къ правильному существованію, созданъ былъ бы только элементъ разныхъ смутъ и усложненій.

Возраженіе, возбужденное вѣнскимъ кабинетомъ противъ устройства новаго сплоченнаго славянскаго государства, не можетъ согласоваться съ теперешнимъ положеніемъ вещей. Вопросъ поставленъ силою обстоятельствъ на такую почву, которая не терпитъ искуственныхъ сдѣлокъ; надо, чтобы Европа произнесла смертный приговоръ болгарской народности, безвозвратно обрекая ее погибнуть подъ тяжестью турецкаго гнета, усиленнаго всѣми тѣми новыми элементами несовмѣстности этихъ двухъ народовъ, которые возбуждены взаимнымъ фанатизмомъ, ненавистью и ожесточеніемъ, или же надо, чтобы державы признали наконецъ за болгарскою національностью неотъемлемое право существованія и чтобы тогда, въ виду невозможности доставить полный разводъ сожительствующимъ двумъ племенамъ, придумали бы возможныя условія для ихъ дальнѣйшаго совмѣстнаго существованія.

«Мы сомнѣваемся, чтобы вѣнскій кабинетъ признавалъ за собою право настаивать на первомъ исходѣ во имя своихъ собственныхъ

интересовъ. Мы еще болѣе сомнѣваемся, чтобы Европа могла ратификовать приговоръ относительно цѣлаго христіанскаго народа; что касается насъ, то мы должны настаивать на нашихъ рѣшеніяхъ относительно этого существеннаго пункта программы, для осуществленія которой Россія вела войну, т.-е. созданіе Болгаріи цѣлокупной, автономной и остающейся лишь въ данническихъ отношеніяхъ къ Портѣ. Считаемъ долгомъ выразить убѣжденіе, что устройство этого автономнаго государства не только совмѣстимо съ существованіемъ Оттоманской имперіи, но оно есть, напротивъ, послѣднее имѣющееся средство продолжить существованіе этой имперіи въ Европѣ, при обезпеченіи въ то же время зависящимъ отъ нея христіанскимъ населеніямъ болѣе или менѣе сносной судьбы.

«Впрочемъ, мы увѣдомили вѣнскій кабинетъ, что если онъ нашелъ необходимымъ для своей безопасности временно занять Боснію и Герцеговину (даже въ случаѣ такого неудовлетворительнаго для насъ заключенія рейхштадтскихъ соглашеній), мы бы сему не противились. Мы поддерживаемъ это заявленіе, и наше согласіе не измѣнится и на конференціи.

«Что касается географическихъ границъ Болгаріи, то время еще не наступило ихъ опредѣлить окончательно. Этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ на мѣстѣ спеціальными комиссарами.

«Единственно, что можно сдѣлать теперь, это опредѣлить неизмѣнное основаніе, которымъ должны руководствоваться при разсмотрѣніи многосложныхъ техническихъ вопросовъ.

Основной принципъ, согласный съ современнымъ правомъ, такъ же, какъ и съ естественнымъ правосудіемъ, состоитъ въ принятіи въ руководство соображенія большинства населенія. Если въ примѣненіи этого принципа встрѣтятся вопросы политическаго характера, относящіеся не къ вымышленнымъ, а къ существеннымъ интересамъ всеобщаго мира, какъ, напримѣръ, вопросъ объ Адріанополѣ и Салоникахъ, то эти вопросы могутъ служить предметомъ переговоровъ между кабинетами.

Мы требуемъ лишь только, чтобы они были рѣшены съ широкой и возвышенной точки зрѣнія, а не съ той, которая опредѣляется мелочными соперничествами.

«III. Временная оккупація Болгаріи нашими войсками встрѣчаетъ также сопротивленіе со стороны вѣнскаго кабинета. Мы рѣшительно не можемъ себѣ представить, какимъ образомъ бросить Болгарію на произволъ судьбы сейчасъ же послѣ подписанія мира. Гдѣ же будетъ попечительство, необходимое этому населенію, придавленному въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ, разоренному войной и у котораго всѣ зачатки общественной жизни были почти уничтожены. Возможно ли опять вернуться къ смѣхотворнымъ иностраннымъ жандармамъ? Завербуютъ ли наемниковъ и отдадутъ ли страну искателямъ приключеній для составленія кадровъ

... ея ли мнѣнія? Обратиться ли къ смѣшаннымъ войскамъ, которыя, при помощи успокоенія политической власти, разожгутъ ее въ странѣ междоусобными столкновеніями? Для насъ ясно, что лучшая опека могла быть доставлена болгарскому населенію тѣми лишь войсками, которыя пріобрѣли право на его благодарность, которыя одни могутъ быть ему понятны и выслушиваемы, и присутствіе которыхъ было бы залогомъ того, что дѣло, созданное ихъ кровью, не пропадетъ. Что касается этого послѣдняго результата, Россія имѣетъ право требовать и не можетъ отъ него отказаться. Если другіе съ этимъ признаютъ необходимость найти такія комбинаціи, которыя могли бы, въ виду общихъ интересовъ, предоставить Европѣ участіе въ заканчиваніи этого великаго дѣла, мы не откажемся разсматривать сообща эти комбинаціи, съ тѣмъ, однакоже, условіемъ, чтобы онѣ были вдохновляемы желаніемъ укрѣпить практически и быстрѣе воспитаніе болгарскаго государства, а не желаніемъ и разорвать въ зародышѣ то національное существованіе, къ которому мы его только что привели.

IV. Глава о вознагражденіяхъ и удовлетвореніяхъ, на которыя Россія имѣетъ право за жертвы войны, принадлежитъ исключительно иниціативѣ воевавшихъ. Мы не высказываемъ въ этомъ отношеніи никакой необыкновенной алчности, никакого желанія ненужныхъ пріобрѣтеній. Россія должна по крайней мѣрѣ вынести изъ этой войны залогъ будущей безопасности.

Она можетъ достигнуть этого, не угрожая безопасности другихъ. Единственный пунктъ, касающійся международныхъ интересовъ и правъ, относится къ обратной уступкѣ бессарабскихъ уѣздовъ. Полезно выяснить нашу точку зрѣнія. Эти уѣзды никогда не принадлежали Румыніи, существующей лишь со вчерашняго дня.

Россія отвоевала ихъ у татаръ, которые сами только временно кочевали тамъ. Россія населила ихъ русскими подданными и болгарскими переселенцами. Она неоднократно обагряла эту мѣстность своею кровью, и побѣды, которыя утвердили за ней владѣніе оными, записаны въ лѣтописяхъ.

Это національное наслѣдство, которое Россія не можетъ уступить, съ воспоминаніемъ о той борьбѣ, которую Россія выдержала, чтобы освободить эту страну отъ оттоманскаго владычества. Если Румынія забываетъ, мы сохраняемъ память о немъ. Въ 1856 году эти уѣзды были отторгнуты отъ Россіи не завоеваніемъ, а статьею мира, вызваннаго въ послѣднюю минуту такими причинами, которыя больше не существуютъ.

Статья эта была внесена совсѣмъ не для достиженія какой-нибудь выгоды Румыніи, которая тогда не существовала, ни даже Молдавіи, не имѣвшей на это никакого права и о которой Парижскій конгрессъ мало заботился. Цѣль, вызванная требованіями минуты, была удалить насъ отъ Дуная, въ затрудненіи плаванія

въ которомъ насъ обвиняли, и отрѣзать намъ навсегда дорогу въ Болгарію. Въ настоящее время эти причины не имѣютъ никакого значенія. Свобода плаванія по Дунаю—установленный принципъ, гарантированный съ одной стороны европейскими договорами [1], съ другой, въ дѣйствительности пребывающею тамъ международною комиссіею. Что касается дороги въ Болгарію, то настоящая война доказала, что нельзя удержать искусственными преградами великую націю, рѣшившуюся защищать свою честь и интересы.

«Юридическіе акты, санкціонировавшіе эту уступку, сами подверглись судьбѣ, предназначенной всѣмъ памятникамъ человѣческихъ страстей. Молдавія сама уничтожила трактаты, утвердившіе за нею это случайное владѣніе. Она присоединилась къ Валахіи въ противность трактатамъ, и теперь это государство, одно существованіе котораго составляетъ нарушеніе всѣхъ дипломатическихъ протоколовъ, собирается пріобрѣсти полную независимость подъ сѣнью русскихъ побѣдъ. Было бы рѣшительно странно, что единственный уцѣлѣвшій лоскутокъ этихъ трактатовъ былъ бы именно тотъ, въ которомъ записана эта уступка, тогда какъ всѣ причины, послужившія ей основаніемъ, болѣе не существуютъ [2].

«Аргументъ, который Румынія старается заимствовать отъ статьи конвенціи, гарантирующей ей территоріальную цѣлость, не можетъ быть приложенъ въ данныхъ условіяхъ. Смыслъ этой статьи былъ тотъ, что если бы вслѣдствіе какого-нибудь нападенія турокъ или внѣшняго вмѣшательства война стала бы угрожать судьбѣ Румыніи, Россія должна защищать ея цѣлость, дабы ей не пришлось пострадать отъ того содѣйствія, которое она обязывалась

---

[1] Международная свобода дунайскихъ устьевъ предусмотрѣна была статьями 15—19 Парижскаго трактата. Тому же вопросу посвящены статьи 52—57 Берлинскаго договора 1878 года. Впослѣдствіи условія навигаціи по Дунаю подверглись еще болѣе подробной международной регламентаціи вслѣдствіе заключенія въ Лондонѣ особаго трактата 10-го марта 1883 года о судоходствѣ по Дунаю и приложенныхъ къ нему спеціальныхъ «правилъ о навигаціи, рѣчной полиціи и надзорѣ за рѣчнымъ судоходствомъ въ предѣлахъ между Желѣзными Воротами и Брайловомъ». (108 статей).
А. Б.

[2] Аргументація, относящаяся къ защитѣ точки зрѣнія Россіи на ея право обладать придунайской частью Бессарабіи, изложена здѣсь съ такою логическою твердостью и полнотою, что невольно наводитъ на мысль о несоотвѣтствіи этой части Горчаковскаго циркуляра обыкновенному образу мыслей престарѣлаго канцлера. Эта часть, очевидно, составлена была въ министерствѣ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Игнатьева и изъ представленныхъ имъ въ свое время матеріаловъ. Нельзя также не отмѣтить, что эта аргументація изложена здѣсь весьма блестящимъ образомъ и что ее слѣдуетъ принять къ свѣдѣнію и руководству всѣмъ нашимъ государственнымъ людямъ, историкамъ и публицистамъ, кому только придется ее использовать, для огражденія нашей родины отъ часто повторяющихся, даже въ наше время, нападокъ, идущихъ изъ Западной Европы, гдѣ извѣстна до сихъ поръ и поддерживается лишь тенденціозная спеціально-румынская точка зрѣнія на бессарабскій вопросъ, а изложенная здѣсь аргументація совершенно неизвѣстна.
А. Б.

намъ оказывать. Но мы никогда не имѣли въ виду утвердить за ней владѣніе тѣмъ клочкомъ земли, на уступку котораго Россія смотрѣла, какъ на временную случайность, долженствующую исчезнуть вмѣстѣ съ вызвавшими ее причинами. Румыны не были въ невѣдѣніи относительно нашей рѣшимости потребовать этотъ клочокъ земли обратно.

«Если мы не высказали нашу рѣшимость опредѣленно во время заключенія конвенціи съ Румыніей, то это потому, что имѣли намѣреніе прибѣгнуть къ территоріальному обмѣну и что намъ казалось несвоевременнымъ обсуждать заранѣе вопросы, которые должны были зависѣть отъ послѣдствій войны. Завѣренія румынъ, что безъ этой территоріальной гарантіи они не подписали бы конвенціи, не имѣютъ никакого значенія.

«Они отлично знали, что въ подобномъ случаѣ Россія отнеслась бы къ Румыніи, какъ къ вассальной, подчиненной Турціи провинціи, слѣдовательно, какъ и остальная часть оттоманской территоріи подверженной случайностямъ войны, и что при этомъ мы не обратили бы вниманія на ихъ сопротивленіе.

«Министры, подписавшіе эту конвенцію, сами употребили въ дѣло этотъ аргументъ, чтобы оправдать ее передъ палатой.

«Мы не можемъ, слѣдовательно, позволить остановить себя этими аргументами передъ исполненіемъ требованія, которое составляетъ для Россіи ея право и ея долгъ и которое не оскорбляетъ никакого законнаго интереса.

Если Румынія пріобрѣтетъ отъ Европы признаніе ея независимости, мы отнесемся къ ней, какъ къ независимому государству; въ противномъ случаѣ обсужденіе этого вопроса будетъ составлять часть общаго пересмотра, необходимо вызваннаго теперешнею войною, и Россія заявитъ и защититъ свое право.

«V. Что касается проливовъ, этотъ вопросъ предоставленъ европейскому соглашенію.

«Императорскій кабинетъ имѣетъ только одно желаніе, чтобы этотъ вопросъ былъ обсужденъ въ смыслѣ строгой справедливости и общей, взаимной обязанности, а не подъ вліяніемъ тѣхъ узкихъ предубѣжденій, которыя обратили законодательство по этой части въ законъ о подозрительныхъ.

«VI. Условія мира, которыя мы предъявили, составляютъ минимумъ при теперешнихъ обстоятельствахъ, который мы не можемъ позволить еще уменьшить.

Но непредвидѣнный ходъ событій, вступленіе иностранныхъ эскадръ въ Босфоръ, которое вызвало бы по необходимости вступленіе нашихъ войскъ въ Константинополь, запоздалое выступленіе греческаго элемента на арену, на которой обсуждается этотъ великій историческій вопросъ, все это можетъ невольно вызвать необходимость болѣе радикальныхъ рѣшеній.

«Въ предвидѣніи этой возможности мы въ подобномъ случаѣ будемъ придерживаться рейхштадтскаго соглашенія [1].

«Есть только одинъ пунктъ, относительно котораго мы предложили бы нѣкоторое отступленіе,—это судьба Константинополя [2]. Мы думаемъ, что мысль о свободномъ городѣ представляетъ серьезную опасность для спокойствія Востока и всеобщаго мира.

Константинополь свободный городъ—былъ бы притономъ всѣхъ авантюристовъ Европы, постояннымъ театромъ племенной борьбы и, вѣроятно, политическаго соревнованія между великими покровительствующими державами; между тѣмъ какъ близость турокъ на азіатскомъ берегу, на разстояніи пушечнаго выстрѣла, сдѣлала бы невозможнымъ поддержаніе порядка и спокойствія.

Мы думаемъ, что даже въ этомъ случаѣ слѣдовало бы оставить турокъ, какъ уполномоченныхъ отъ Европы, оберегать проливы.

«Если три императорскіе двора согласны относительно остального, этотъ спеціальный вопросъ не можетъ разъединить ихъ, и ихъ соглашеніе будетъ рѣшающимъ въ европейскихъ переговорахъ».

Въ желаніи своемъ удовлетворить Австро-Венгрію мы пошли на самую большую предупредительность, плохо оцѣненную Вѣной и въ особенности венграми. Государь императоръ при письмѣ къ императору Францу-Іосифу сообщилъ проектъ нашихъ мирныхъ основаній. Но изъ Вѣны въ теченіе трехъ недѣль, несмотря на быстроту военныхъ дѣйствій въ эту эпоху, не получено было въ Петербургѣ отвѣта. Неужели графъ Андраши могъ предположить, что за неполученіемъ его отзыва Россія не рѣшится ни заключить перемирія съ турками, обусловленнаго, какъ мы всегда предупреждали Берлинъ и Вѣну, предварительнымъ принятіемъ нашихъ мирныхъ основаній, ни подписать мирнаго договора, безъ котораго пріостановка военныхъ дѣйствій подъ стѣнами Константинополя не имѣла никакого смысла и клонилась лишь намъ во вредъ? Вотъ до какого приниженнаго политическаго положенія министерство иностранныхъ дѣлъ довело побѣдоносную Россію въ минуту наибольшаго торжества славной ея арміи!

---

[1] Т.-е. канцлеръ слышалъ уже тогда отъ графа Андраши заявленіе, что если бы [illegible] Россіи, Австро-Венгрія [illegible] и можетъ [illegible] Россію и Германію [illegible] противъ созданія Босніи и Сербіи и Черногоріи [illegible]. А. Ж.

[2] Въ Рейхштадтѣ было рѣшено, что въ случаѣ распаденія Турціи Константинополь будетъ обращенъ въ вольный городъ. [illegible] Когда канцлеръ [illegible] Петербургъ, то [illegible] Государю [illegible] съ русскими интересами [illegible] императорскаго правительства. А. Ж.

Несмотря на заключеніе вѣнской конвенціи 3-го января [1]), [illegible] Австро-Венгріи совершенно напрасно, по мнѣ-[illegible] Игнатьева, несоразмѣрныя, вредныя Россіи и всему славян-[illegible]у и не заслуженныя вѣнскимъ правительствомъ выгоды. Графъ Андраши нашелъ возможнымъ и приличнымъ возстать противъ [illegible]льства, вынужденнаго нами у турокъ, въ Адріанополѣ, при заключеніи перемирія, что Болгарское княжество будетъ учреждено въ размѣрахъ не меньше тѣхъ, которыя признали за двумя Болгаріями (Западною и Восточною) константинополь-[illegible] конференція и протоколы, подписанные двумя представи-[illegible]телями Австро-Венгріи графомъ Зичи и барономъ Каличе. Графъ Андраши, не довольствуясь обезпеченіемъ, предоставленнымъ Австро-Венгріи государемъ императоромъ, выказывалъ явное не-[illegible]ріе и непріязнь Россіи, домогаясь участія въ совѣщаніяхъ о мирѣ. Весьма естественно, что неожиданный для него успѣхъ санъ-стефанскихъ переговоровъ еще болѣе раздражилъ и встревожилъ его. Между тѣмъ въ Петербургѣ никакъ не ожидали такого отрицательнаго результата нашего соглашенія съ Вѣною, въ пользу котораго мы пожертвовали самостоятельностью нашей политики на Востокѣ и умалили наши средства борьбы съ турками. Притязанія австро-венгерскаго правительства, предъявленныя по заключеніи нами Санъ-Стефанскаго договора, были прямымъ нарушеніемъ принятыхъ имъ предъ нами обязательствъ. Признать это и сознаться въ своей ошибкѣ ни канцлеръ, ни Новиковъ не желали. Сознавая неясность положенія, предчувствуя, что неопредѣленность требованій Австро-Венгріи можетъ еще болѣе усложнить его и поставить насъ неожиданно въ самое затруднительное положеніе, [illegible] игру на Балканскомъ полуостровѣ въ критическое и желая потому какъ можно скорѣе разъяснить происшедшія между Петербургомъ и Вѣною недоразумѣнія, государь императоръ приказалъ Игнатьеву явиться къ нему 11-го марта и выразилъ ему свою Высочайшую волю слѣдующимъ образомъ:

Поѣзжай завтра въ Вѣну, если только тебѣ это возможно и ты не слишкомъ утомленъ, и постарайся выяснить: чего отъ насъ собственно требуютъ въ Австро-Венгріи? Объясни имъ, что мы заключеніемъ твоего договора нисколько не отступили отъ договореннаго въ Рейхштадтѣ, и посмотри, можно ли сговориться миролюбиво, согласно желанію моему, съ графомъ Андраши. Я рѣшительно ничего не понимаю изъ послѣднихъ донесеній Новикова: мнѣ кажется, онъ что-то не договариваетъ и у насъ потому-то и вы-

---

[1]) [illegible]ремя константинопольской конференціи, на которой Игнатьевъ старался, [illegible] остававшаяся [illegible] переговоровъ о будущей судьбѣ Балканскаго полуострова. А. Г.

хотятъ взаимнаго недоразумѣнія. Отправляясь тогда въ дѣйствую-щую армію, я былъ вполнѣ убѣжденъ, что [illegible] въ полномъ со-гласіи съ императоромъ Францомъ-Іосифомъ. [illegible] теперь [illegible] что въ Вѣнѣ смотрятъ [illegible] иначе, [illegible] я былъ въ прежнемъ [illegible]. [illegible] какъ можно скорѣе, чтобы мы могли принять [illegible] мѣры и не [illegible] вопросъ.

Объяснилъ Игнатьевъ самымъ умѣстнымъ образомъ, [illegible] отпустилъ его, приказавъ получить отъ [illegible] всѣ [illegible] происходившихъ въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ [illegible] между Австро-Венгріею и нами, которые Игнатьеву были большею частью совсѣмъ неизвѣстны. Князь Горчаковъ [illegible] и самымъ поверхностнымъ образомъ исполнилъ [illegible] повелѣніе. Онъ хотѣлъ скрыть отъ Игнатьева всѣ секретные [illegible] и показалъ лишь донесенія нашего посла въ Вѣнѣ, а равно и [illegible] тѣхъ поръ [illegible] нашего [illegible] (3-го [illegible]).

Одно изъ послѣднихъ донесеній нашего посольства въ Вѣнѣ отъ 22-го февраля (6-го марта), № 31, переданное Игнатьеву для свѣдѣнія, заключало разсказъ о свиданіи нашего посла съ графомъ Андраши и графомъ [illegible], [illegible] въ домѣ вѣнскаго министра иностранныхъ дѣлъ:

«Телеграмма вашего сіятельства отъ 15-го (27-го),—писалъ Е. П. Новиковъ,—гласила, что конфиденціальная записка отъ 31-го [illegible] ничего неопредѣленнаго не заключала, а, напротивъ, содержала точныя предложенія, въ особенности относительно болгарской автономіи, которая была бы въ дѣйствительности обезпечена, и [illegible] министерство иностранныхъ дѣлъ Австро-Венгріи имѣло бы [illegible] замѣнить наше временное занятіе равносильною гарантіею, [illegible] сдѣлать предложенія, которыя мы [illegible] обсудили въ примирительномъ духѣ.

Уже и прежде говорилъ я въ этомъ смыслѣ графу Андраши (тщетно прося его выйти изъ простого отрицанія)[1]; и ему повторилъ это на основаніи настоящихъ инструкцій.

Онъ мнѣ отвѣчалъ точно такъ же, какъ и прежде, что наша январская записка воспроизводила лишь предложенія [illegible] сообщенія и что онъ уже сдѣлалъ на нихъ возраженія, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта. По его мнѣнію, на [illegible]

---

[1] Чтобы выйти изъ простого [illegible] соглашенія съ Турціею, графъ Андраши [illegible] своихъ дѣйствій относительно обѣихъ [illegible] державъ [illegible] болѣе благоразумнымъ и [illegible] тельную и критическую роль, направленную на Россію [illegible] на конгрессѣ, чтобы [illegible] другими. Авт.

прійти къ соглашенію. Можетъ ли онъ опредѣлительно высказать свои взгляды, когда наши прелиминарныя мирныя условія ему еще неизвѣстны? Не лучше ли было бы обождать или ихъ сообщенія вѣнскому правительству, или же, чтобы я былъ уполномоченъ [1]) сдѣлать ему новыя, измѣненныя предложенія[2])?

На вопросъ германскаго посла: неужели нельзя прійти къ немедленному соглашенію, по крайней мѣрѣ въ принципѣ? графъ Андраши отвѣтилъ отрицательно, на что я замѣтилъ, что если опредѣленіе размѣровъ Болгаріи не допускаетъ предварительнаго соглашенія, то, напротивъ, весьма легко къ нему прійти по вопросу о временномъ занятіи будущаго княжества войсками.

Мы тогда вступили въ новое обстоятельное обсужденіе подробностей этихъ двухъ вопросовъ. Съ конвенціею (3-го января) въ рукахъ графъ Андраши снова настаивалъ на исключеніи образованія большого сплошного государства славянскаго или иного на Балканскомъ полуостровѣ. Онъ готовъ, —сказалъ мнѣ министръ,— прибѣгнуть къ третейскому суду или же подчиниться высшему суду самого государя императора по вопросу: не противорѣчитъ ли нашему договору такая Болгарія, которую мы предполагаемъ? По его мнѣнію, Россія сдѣлала слишкомъ много или слишкомъ мало [3]). Надо было одно изъ двухъ: или полная независимость населеній Европейской Турціи [4]), и въ такомъ случаѣ не только Болгаріи, но и Албаніи и греческихъ областей [5]), съ присоединеніемъ Эпира и Ѳессаліи къ королевству Греческому и превращеніемъ Константинополя въ вольный городъ, или же Россія остана-

---

[1]) Вмѣсто того, чтобы отстаивать наши требованія, мы сами какъ бы вызывали опроверженія и критику Австро-Венгріи. Какъ графу Андраши, такъ даже Е. П. Новикову желательно было достигнуть измѣненія нашихъ мирныхъ условій, для согласованія ихъ съ видами вѣнскаго правительства. Авт.

[2]) Роли совершенно были извращены: побѣдительница Россія отдавала себя, такъ сказать, на судъ венгерца, который требовалъ, чтобы мы постепенно измѣняли свои мирныя условія, не считая себя нисколько связаннымъ договоромъ съ Россіей и входя въ соглашеніе противъ насъ со всѣми другими державами, не исключая Англіи, Румыніи и даже Турціи. Авт.

[3]) Яснѣе нельзя было дипломату высказать, что главное, чего ему хотѣлось добиться, это разрушенія Турціи нашими руками, для приращенія Австро-Венгріи и предупрежденія развитія славянскихъ государствъ на Балканскомъ полуостровѣ. Санъ-Стефанскій договоръ шелъ вразрѣзъ съ австро-венгерскими вожделѣніями, оставляя за Россіею положеніе хозяина на Балканскомъ полуостровѣ (разумѣется, при умѣломъ веденіи дѣла). Авт.

[4]) Подразумѣвая, очевидно, удаленіе русскаго вліянія и уничтоженіе вѣковыхъ связей съ Россіею съ заднею мыслью подчинить эти области экономическому гнету Австро-Венгріи, съ пріобщеніемъ ихъ къ западно-европейской культурѣ и ослабленіемъ православія. Авт.

[5]) Графъ Андраши считалъ албанцевъ и грековъ противовѣсомъ славянамъ. О правахъ сербскаго племени и о расширеніи Сербскаго княжества тщательно имъ умалчивалось. Авт.

влшвается передъ этимъ конечнымъ рѣшеніемъ, сохраняя султану его столицу на Босфорѣ, и тогда ему, графу Андраши, кажется необходимымъ, при такой ограниченной программѣ [1], опредѣлить и для Болгаріи соразмѣрно ограниченные размѣры. Балканы должны бы образовать естественныя границы болгарской автономіи, довольствующейся уничтоженіемъ турецкихъ крѣпостей. Но какъ только мы перейдемъ за эти предѣлы, мы вызываемъ грековъ и албанцевъ на равносильныя требованія. Понятно, что нельзя взорвать лишь половину порохового боченка и желать сохранить другую половину».

Нашъ посолъ замѣтилъ графу Андраши, что если греки и албанцы будутъ завидовать болгарамъ, то южные болгары будутъ имѣть къ тому еще большее основаніе. Если одни сѣверные освободятся, то южные лишены будутъ преимуществъ, дарованныхъ ихъ братьямъ. Что касается нашего военнаго занятія Болгаріи, то, возставая противъ двухлѣтняго пребыванія нашихъ войскъ, графъ Андраши принужденъ былъ согласиться, что для избѣжанія обращенія сосѣдней съ Австро-Венгріею области въ очагъ анархіи и революціи необходимо временное пребываніе военной силы, до созданія прочной туземной милиціи. Но онъ предпочитаетъ, чтобы оккупаціонный корпусъ состоялъ изъ войскъ не исключительно русскихъ, а разныхъ государствъ. Сдавшись на замѣчаніе Новикова, что это самое вѣрное средство для вызова недоразумѣній и ссоры между державами, графъ Андраши допустилъ оставленіе въ Болгаріи лишь на короткое время (онъ предлагалъ три мѣсяца) небольшого числа русскихъ войскъ, для сформированія не туземнаго войска, а мѣстной военной полиціи (жандармеріи). Но и при этомъ онъ требовалъ нѣкоторыхъ гарантій и вмѣшательства европейской коммиссіи, предназначенной ввести новое устройство (конституцію) въ краѣ, съ тѣмъ, чтобы потомъ Болгарія была предоставлена себѣ самой.

Коснувшись Сербіи и Черногоріи, графъ Андраши замѣтилъ, что было прежде условлено между Россіею и Австро-Венгріею, что новыя границы этихъ двухъ княжествъ [2] будутъ проведены съ общаго согласія. А между тѣмъ, сказалъ онъ, русскіе уполномоченные уже сговариваются касательно этихъ границъ съ турками, и онъ, графъ Андраши, стѣсняется говорить объ этомъ предметѣ съ черногорскимъ посланникомъ Божо-Петровичемъ, опасаясь,

---

[1] Такъ выражался и такъ мыслилъ мнимый ярый защитникъ султана и Турціи противъ завоевательныхъ видовъ Россіи. Авт.

[2] Графъ Андраши всегда старался вести дѣло такъ, что онъ одинъ рѣшаетъ участь Черногоріи и Сербіи, давая имъ видъ, что онъ о нихъ печется не менѣе, если не болѣе, Россіи. А потому, зная, что Игнатьевъ не очень будетъ заботиться о сохраненіи за нимъ этой коварной роли, графъ Андраши опасался обнаружить предъ черногорцами преждевременно свою двойную игру. Авт.

[illegible] могутъ быть въ противорѣчіи съ нашимъ прежнимъ [illegible] договоромъ [1]).

Что касается возвращенія Россіи Бессарабіи, то графъ Андраши [illegible] въ случаѣ [illegible] нами Австро-Венгріи. [illegible] — [illegible] Е. П. Новиковъ [illegible] меморіалъ, что если Россія и Австрія [illegible] предоставить другъ другу иниціативу согласительныхъ предложеній, наше мѣстное соглашеніе втроемъ [2]) [illegible] и наши пререканія, исчерпавъ всѣ [illegible] изъ заколдованнаго круга». [illegible] я позволилъ себѣ нѣсколько дней тому [illegible] поставить вашему сіятельству, по телеграфу, [illegible] вопросовъ касательно подробностей измѣненій, которыя императорское правительство согласилось бы ввести въ свою первоначальную программу [3]) относительно Болгаріи».

[1]) [illegible] Обручевъ былъ посланъ въ Вѣну въ маѣ 1877 года [illegible] съ [illegible] картою въ помощь Е. П. Новикову при заключеніи конвенціи, онъ подалъ записку слѣдующаго содержанія: «Въ виду установленія [illegible] съ австро-венгерскимъ правительствомъ и во избѣжаніе [illegible], которыя могли бы нарушить единство союзнаго дѣйствія, если бы [illegible], необходимо, въ дополненіе политической конвенціи, представить [illegible] карту, на которой обозначить въ общихъ чертахъ [illegible] въ Западной Турціи». На этой картѣ, сообщенной [illegible] графу Андраши, были опредѣлены точнымъ образомъ границы Черногоріи, Сербіи, Болгаріи и Албаніи, такимъ образомъ, что западная граница санъ-стефанской [illegible] этому проекту. Черногорская граница проходила отъ сліянія рѣкъ Тары и Пивы, по хребтамъ горъ, въ близкомъ разстояніи отъ рѣки Дрины [illegible] Стрѣбрника [illegible] Лимъ, и затѣмъ по рѣкѣ Дринѣ до сербской границы, [illegible] Вышеградъ [illegible] Босніи, т. е. къ Сербіи. Граница между Сербіею и Черногоріею шла по рѣкѣ Лиму отъ с. [illegible] до окрестностей Пріеполя, а затѣмъ по хребтамъ горъ черезъ гор. Рошай на югъ, до одного изъ притоковъ Албанскаго Дрина». Имѣлось въ виду предоставить, какъ сказано въ запискѣ, Черногоріи, кромѣ голыхъ скалъ, нѣкоторые центры торговой дѣятельности, какъ-то: [illegible] или Плевле, Бѣлополье, Ипекъ или Печь, и Дьяковицу [illegible] къ Черногоріи такую страну, которая могла бы сдѣлать [illegible] неизмѣнное княжество и вознаградить за невозможность [illegible] оппозиціи Австро-Венгріи) увеличенія на счетъ Герцеговины, что было [illegible] конечно, естественно». Граница между будущими Сербіею и Болгаріею была проведена по хребту Шаръ-Дагъ, горами, лежащими между Приштиной и Враньею, до рѣки Медвѣдя, затѣмъ по р.р. Пуштѣ и Моравѣ до прежней сербской границы.

Авт.

[2]) Установленное, къ сожалѣнію, съ 1875 года для того, чтобы обратить Вѣну [illegible] всѣхъ переговоровъ по Восточному вопросу, дать возможность графу Андраши держать въ своихъ рукахъ всѣ нити его, контролировать пословъ трехъ держав[illegible] въ Константинополѣ и наблюдать за русскимъ посломъ, лишивъ его дѣйствія [illegible] самостоятельности.

Авт.

[3]) Спрашивается, какое же значеніе въ глазахъ вѣнскихъ дипломатовъ имѣло [illegible] свиданіе, всѣ происходившіе въ пресловутомъ вѣнскомъ [illegible] переговоры и, наконецъ, формальная конвенція, заключенная нами 3-го января, если даже основанія les jalons соглашенія считались еще не установленными и если

Нашъ посолъ въ Вѣнѣ настаивалъ на скорѣйшемъ отъѣздѣ, предупреждая, что съ имѣющимъ послѣдовать открытіемъ делегацій онъ еще менѣе будетъ имѣть возможности видѣться съ графомъ Андраши, пользуясь его свободнымъ временемъ, и что такимъ образомъ созывъ конгресса можетъ послѣдовать прежде, нежели основанія желаемаго соглашенія съ Вѣною будутъ установлены переговорами между представителями тройственнаго союза [1].

По всей вѣроятности, это донесеніе нашего посла въ Вѣнѣ, свѣдѣнія получаемыя изъ другихъ источниковъ объ интересахъ Австро-Венгріи и сближеніи ея съ Англіею противъ насъ, находившіяся въ прямомъ противорѣчіи съ «медовыми рѣчами» и завѣреніями объ единодушіи съ нами, привезенными передъ тѣмъ изъ Вѣны принцемъ Александромъ Гессенскимъ [2], а также настоянія Е. П. Новикова, чтобы его уполномочили сдѣлать неожиданныя для Петербурга уступки, при которыхъ намъ самимъ приходилось брать иниціативу урѣзыванія добытыхъ результатовъ войны, но безъ которыхъ нашъ посолъ признавалъ невозможнымъ подвинуть Австро-Венгрію къ согласію и достигнуть желаемаго результата, привели государя императора къ мысли отправить графа Игнатьева въ Вѣну для выясненія нашего положенія, притязаній графа Андраши и отношеній къ намъ австро-венгерскаго правительства.

XVIII.

Переговоры графа Игнатьева въ Вѣнѣ описаны въ особой запискѣ. Въ день возвращенія его въ Петербургъ, 21-го марта, появился въ лондонской печати циркуляръ англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, направленный противъ Санъ-Стефанскаго договора и сообщенный вслѣдъ засимъ всѣмъ дворамъ. Какъ замѣтилъ Игнатьевъ канцлеру, вся очевидная цѣль циркуляра Салисбюри состояла въ томъ, чтобы произвести впечатлѣніе на общественное мнѣніе Англіи и во всей Европѣ, доказавъ, что договоръ, нами заключенный, слишкомъ выгоденъ для Россіи, чтобы другія государства могли его принять безъ соотвѣтствующаго вознагражденія. Въ запискѣ, поданной канцлеру, Игнатьевъ указалъ на сле-

---

мы рисковали попасть на конгрессъ безъ [illegible] соглашенія съ нашими союзниками, участниками тройственнаго союза. Авт.

[1] Наши представители за границею [illegible] программу рѣшенія государя, которая выразилась въ формѣ требованій [illegible] въ Адріанопольскихъ мирныхъ условіяхъ и наконецъ въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ. Чего же мы могли ожидать отъ иностранныхъ дипломатовъ? Авт.

[2] Отецъ принца Александра Баттенбергскаго, который не разъ имѣлъ [illegible] вредное для насъ и полезное для австро-венгерскихъ интересовъ вліяніе на [illegible] Маріи Александровны и на передачѣ [illegible] изъ Вѣны. Авт.

со стороны англійскаго документа, на удобство и необходимость ихъ опровергнуть, хотя съ соблюденіемъ самой предупредительной учтивости. Если нѣкоторыя статьи договора не были точно опредѣлены, то это произошло исключительно отъ необходимости предоставить возможность дальнѣйшаго соглашенія съ европейскими государствами. Въ отношеніи къ кабинетамъ многіе вопросы не разрѣшены окончательно, какъ желалъ Игнатьевъ, и удовлетворительно въ смыслѣ русскихъ и христіанскихъ интересовъ. Ссылка англійскаго министра на Парижскій договоръ, по мнѣнію Игнатьева, не имѣетъ смысла, послѣ всѣхъ недавнихъ его нарушеній: напримѣръ, вступленіе англійскаго флота въ Мраморное море и Константинопольская конференція, созванная по предложенію лорда Дерби, въ противность Парижскому и Лондонскому договорамъ, препятствующимъ всякому вмѣшательству во внутреннія дѣла Турціи, въ каковой конференціи авторъ циркуляра, Салисбери, принималъ лично дѣятельное и вліятельное участіе.

Такъ какъ изъ донесеній графа Шувалова было видно, что Салисбери намекнулъ нашему послу, что Великобританія, по всей вѣроятности, предъявитъ къ намъ новое требованіе, не противорѣчащее нашимъ интересамъ, то было бы весьма полезно, замѣтилъ онъ канцлеру, вызвать министра иностранныхъ дѣлъ на болѣе ясное и опредѣленное выраженіе его мысли. Если Англія захочетъ занять одинъ изъ острововъ Архипелага (какъ, напримѣръ, Хіосъ), мы не должны бы этому противорѣчить, такъ какъ она можетъ его захватить, при открытіи войны, рано или поздно, и мы не будемъ въ состояніи сему воспротивиться. Мы были бы, во всякомъ случаѣ, въ выигрышѣ, сговорившись съ Англіею на этой почвѣ, если взамѣнъ мы могли бы заручиться ея полнымъ согласіемъ на условія Санъ-Стефанскаго договора, не затрогивающія прямыхъ интересовъ Великобританіи».

Канцлеръ отвѣтилъ 28-го марта на циркуляръ Салисбери своимъ циркуляромъ, адресованнымъ посламъ нашимъ въ Берлинѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ и Римѣ. Указывая, что англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ лишь критиковалъ съ англійской точки зрѣнія постановленія Санъ-Стефанскаго договора, распространяясь о томъ, чего не желаетъ и умалчивая о томъ, чего именно желаетъ Великобританія, вслѣдствіе чего князь Горчаковъ выразилъ надежду имѣть наконецъ въ виду положительныя англійскія предложенія, для практическаго разрѣшенія настоящаго восточнаго кризиса [1], канцлеръ торжественно заявлялъ, что императорское

---

[1]) Дѣло въ томъ, что иностранные кабинеты силились доказать, что заключенный нами [illegible], по ихъ мнѣнію, для Россіи договоръ съ турками не разрѣшаетъ современнаго Восточнаго вопроса. Имъ необходимо было подорвать значеніе этого акта, чтобы: 1) намъ повредить на Востокѣ и унизить Россію, 2) чтобы

правительство офиціально сообщило великимъ державамъ текстъ Санъ-Стефанскаго договора съ объяснительною картою и что на конгрессѣ каждая изъ державъ, представитель которой будетъ на немъ засѣдать, будетъ имѣть полную свободу обсужденія и дѣйствія, что сохраняется и за Россіею.

Въ приложенной къ циркуляру запискѣ (pro memoria) опровергаются положенія, высказанныя въ англійскомъ циркулярѣ: «Санъ-Стефанскій договоръ отнюдь не создалъ ни новой Болгаріи, ни сильнаго славянскаго государства. Болгарія существовала, хотя подъ чужеземнымъ игомъ. Европа это признала и хотѣла облегчить положеніе населенія, указавъ на константинопольской конференціи средства для достиженія этой цѣли».

Предоставляя Болгаріи право на народное существованіе и самоуправленіемъ, Европа возстановляла Болгарію, хотя и раздѣленную временно на двѣ области, которыя, развиваясь подъ покровительствомъ державъ, пришли бы совершенно къ тому же конечному результату, опредѣленному Санъ-Стефанскимъ договоромъ. Отказъ Порты и послѣдовавшая война дѣлаютъ немыслимымъ, по сознанію самого маркиза Салисбюри, простое возвращеніе къ программѣ константинопольской конференціи.

Санъ-Стефанскій договоръ сдѣлалъ лишь обязательнымъ для Порты согласіе на болѣе полную, болѣе обстоятельную, болѣе практическую форму преобразованія для Болгаріи.

Въ запискѣ, поданной канцлеру, Игнатьевъ указывалъ, что преобразованія, вводимыя нами въ Болгаріи, по духу, а отчасти по буквѣ соотвѣтствуютъ тому, что было выработано на Константинопольской конференціи представителями европейскихъ державъ. Они клонятся къ развитію народнаго самосознанія и къ подготовленію дѣятельности перваго болгарскаго народнаго собранія, которое должно установить учрежденія княжества съ избраніемъ князя. Насъ обвиняютъ англичане въ забвеніи интересовъ греческаго, албанскаго, куцо-влахскаго и другихъ населеній. Они насъ обвиняютъ въ одинаковой степени, какъ всѣ христіане на Балканскомъ полуостровѣ, но мы не можемъ потерять изъ виду существованія болгарскаго большинства въ предѣлахъ, намѣченныхъ въ Санъ-Стефано для Болгарскаго княжества.

пріобрѣсти себѣ непосредственныя выгоды въ видѣ уступокъ Австро-Венгріи и Англіи и ослабленія славянства и 3) чтобы поселить раздоръ между христіанскимъ населеніемъ Балканскаго полуострова и вызвать недоразумѣнія между ними и Россіею, ихъ вѣковою благодѣтельницею. Но, спрашивается, на какомъ основаніи мы не только допускали дипломатическую аргументацію, клонящуюся къ достиженію сего результата, но сами какъ будто сомнѣвались въ крѣпости документа, ратификованнаго государемъ императоромъ, подчеркивали нѣкоторыя праздныя слова и называли, такъ сказать, возраженія и непріязненныя предложенія? Авт.

Не успѣли [illegible] фактъ, что договоръ прелиминарный [1], [illegible] что, по мысли императорскаго кабинета, рѣчь шла лишь о [illegible], чтобы установить принципы, не превращая окончательно при[illegible], требовавшаго техническаго изученія, точнаго соображенія [illegible] [2] и [illegible] многочисленныхъ интересовъ.

Князь Горчаковъ [illegible] доказать (во 2 параграфѣ циркуляра), что Санъ-Стефанскій договоръ вовсе не поставилъ Болгарію [illegible] Россіи, и указаніемъ на примѣръ Молдо-Валахіи [illegible] Европу убѣжденіемъ, что равновѣсіе ея не пострадаетъ [illegible] преобладанія Россіи не воспослѣдуетъ.

Если Молдо-Валахія, обязанная своимъ существованіемъ Россіи и съ нею пограничная, сумѣла отстоять отъ нея совершенную [illegible], тѣмъ болѣе надо разсчитывать на подобный же результатъ для Болгаріи [3], территорія которой была бы отдѣлена отъ Россіи предполагаемою уступкою Добруджи Румыніи.

---

[1] [illegible] для чего [illegible] понадобилось [illegible] воспрепятствовать окончательному [illegible], чтобы онъ назывался лишь «прелиминарнымъ».

Авт.

[2] [illegible], что иностранные дипломаты и разнородные противники [illegible] справятся съ Санъ-Стефанскимъ договоромъ, [illegible] и разрушить наше созданіе при содѣйствіи нашихъ же дипломатовъ, если за два мѣсяца до конгресса князь Горчаковъ заявилъ всѣмъ дворамъ [illegible] признаніе, что подробности договора, ратификованнаго Государемъ, [illegible] подлежатъ измѣненію, такъ какъ они еще не были технически [illegible], ни согласованы съ требованіями географіи и разнородными интересами. Что же могло остаться отъ нашего договора при такихъ защитникахъ?

Авт.

[3] Болгары могутъ въ свое оправданіе указать намъ, что они послѣдовали лишь [illegible] князя Горчакова, находившаго, что они естественно должны отстаивать свою независимость отъ Россіи, наподобіе Румыніи. Авт.

[4] [illegible] документы освѣщаютъ новымъ свѣтомъ вопросъ, [illegible] недостаточно разъясненный ни въ публицистикѣ, ни въ исторіи; мы говоримъ о томъ общемъ явленіи, которое получило въ жизни [illegible] Болгаріи названіе «[illegible]». Исторія этого явленія и [illegible] еще не написаны. Но сопоставленіе отмѣченныхъ здѣсь мѣстъ [illegible] Игнатьева съ нѣкоторыми страницами любопытнаго изслѣдованія г. Симеона Радева [illegible] Россіи, вышедшаго въ 2-хъ томахъ въ Софіи, подъ [illegible] «[illegible] на съврѣменна България», 1911 г., показываетъ, что никто больше не расшатывалъ нашего престижа, какъ наши сановники, съ горчаковской дипломатіей во главѣ, и притомъ,—съ первыхъ же шаговъ самостоятельной [illegible] жизни Болгаріи. Они же [illegible] въ населеніи сначала неувѣренность [illegible] Санъ-Стефанскаго договора, а затѣмъ постепенно обрисовывали [illegible] освобожденнаго нами народа именно ту картину [illegible] отъ враговъ Россіи и [illegible], которая теперь [illegible] посмертныхъ записокъ.

[illegible] —явленіе [illegible] не умѣстить фразу въ [illegible]. Но, принимая во соображеніе, что суть ея заключается въ скрещеніи [illegible], съ [illegible]

Давъ успокоительныя объясненія касательно срока занятія русскими войсками Болгаріи, канцлеръ указываетъ, что границы Болгарскаго княжества опредѣлены лишь въ общихъ чертахъ. Одно лишь установлено положительно, это что при окончательномъ разграниченіи пограничная линія опредѣлится большинствомъ населенія, что нельзя не признать самымъ справедливымъ и основательнымъ началомъ, отвѣчающимъ на всѣ возраженія, почерпнутыя изъ племенного различія. Во всякомъ случаѣ права меньшинства ограждены особымъ постановленіемъ. Осуществленіе всего этого предоставлено исключительно смѣшанной коммиссіи, которая, по изслѣдованіи мѣстныхъ условій, можетъ одна разрѣшить сомнѣнія и неопредѣленность, существующія въ спорныхъ вопросахъ. Упрекаютъ, что Болгаріи даны порты на Черномъ морѣ. Но сама Константинопольская конференція признала, что безъ морской гавани страна благоденствовать не можетъ. Что касается предоставленія гаваней Эгейскаго моря, то тутъ имѣлось въ виду лишь торговое развитіе Болгаріи, воспользоваться которымъ суждено, очевидно, не Россіи, а скорѣе Англіи и другимъ державамъ, торговля которыхъ въ Средиземномъ морѣ гораздо болѣе значительна, нежели русская, и всегда служила могущественнымъ рычагомъ для поддержанія ихъ политическаго вліянія.

Канцлеръ подробно объяснялъ, что вводимое въ Болгаріи управленіе не клонится вовсе къ укорененію русскаго вліянія въ странѣ, а заключается лишь во временныхъ мѣрахъ, способствующихъ развитію народнаго самосознанія и подготовленію перваго собранія болгарскихъ представителей, которые и установятъ образъ правленія княжества.

Обвиненіе Салисбери, что Санъ-Стефанскій договоръ распространяетъ вліяніе Россіи за предѣлы Болгаріи, и намѣреніе ея выговорить преимущества для Эпира и Ѳессаліи канцлеръ нашелъ неосновательными. Если бы въ договорѣ не было ничего постановлено для этихъ областей, уполномоченныхъ русскихъ могли бы обвинить въ томъ, что они жертвуютъ греками въ пользу славянъ. А если бы они выговорили для первыхъ вассальную автономію (какъ для Болгаріи), то ихъ обвинили бы въ Европѣ въ уничтоженіи Турецкой имперіи и въ установленіи вездѣ русскаго вліянія.

Заявляя, что императорское правительство всегда принимало покровительственное призваніе свое на Востокѣ, предопредѣлен-

---

[illegible] ...щины». А. В.

ее исторiею, въ христiанскомъ смыслѣ, безъ различiя племени и вѣроисповѣданiя, князь Горчаковъ замѣтилъ, что если оно нынѣ говорило болѣе полныя и опредѣленныя условiя въ пользу Болгарiи, то это лишь потому, что страна эта была главною причиною и театромъ войны и что Россiя прiобрѣла въ ней положительныя права воюющей державы. Ограничиваясь дарованiемъ для греческихъ областей нѣкоторыхъ правъ и улучшеннаго управленiя, Россiя предоставляла великимъ державамъ возможность требовать для нихъ болѣе обширныхъ преимуществъ».

Давъ отвѣтъ на всѣ пункты обвиненiя Салисбюри, князь Горчаковъ напоминалъ Англiи, что, не принявъ дважды сдѣланнаго ей предложенiя Россiею участвовать въ морской военной демонстрацiи противъ Турцiи, которая, по всей вѣроятности, вынуждена была бы принять европейскiя требованiя и избѣгнуть войны, Великобританiя должна винить себя въ непрiятномъ для нея оборотѣ дѣлъ. Подчеркивая признанiе англiйскаго министра иностранныхъ дѣлъ, что «Великобританiя постоянно желаетъ обезпечить миръ, свободу и хорошее управленiе тому населенiю, которое было постоянно этого лишено, и что стремленiе это не было успѣшно лишь вслѣдствiе несчастнаго сопротивленiя оттоманскаго правительства, канцлеръ заявилъ, что при нынѣшнихъ измѣнившихся обстоятельствахъ та же цѣль не можетъ быть достигнута въ той же степени одними и тѣми же средствами (т.-е. программою конференцiи) и что большiя перемѣны, вѣроятно, окажется нынѣ необходимымъ ввести въ тѣ договоры, на основанiи которыхъ управлялся до сихъ поръ юго-востокъ Европы». Князь Горчаковъ напоминалъ, что «лишь неоднократный отказъ Англiи присоединиться къ матерiальному общему воздѣйствiю на Порту воспрепятствовалъ Европѣ достигнуть мирнымъ путемъ желаемыхъ самимъ англiйскимъ правительствомъ результатовъ. При такихъ обстоятельствахъ необходимо признать, что война и Санъ-Стефанскiй миръ вызваны требованiями положенiя, указаннаго самимъ маркизомъ Салисбюри. Положенiе это выражается слѣдующимъ образомъ: существующiе договоры были послѣдовательно въ теченiе двадцати двухъ лѣтъ нарушаемы прежде всего самою Портою, которая не исполнила своихъ обязательствъ въ отношенiи христiанскаго населенiя, затѣмъ Придунайскими княжествами, французскимъ занятiемъ Сирiи, самою константинопольскою конференцiею, составлявшею прямое вмѣшательство во внутреннiя дѣла Оттоманской имперiи, и въ послѣднее время вступленiемъ англiйскаго флота въ проливы. Съ другой стороны, самъ маркизъ Салисбюри признаетъ, что большiя перемѣны могутъ и должны быть сдѣланы при настоящихъ обстоятельствахъ».

Отвѣтъ канцлера заканчивается запросомъ: какимъ образомъ полагаетъ англiйскiй министръ иностранныхъ дѣлъ согласить

трактаты и признанныя права Великобританіи и другихъ державъ съ человѣколюбивою цѣлью, которую Европа всегда преслѣдовала, т.-е. съ хорошимъ управленіемъ, миромъ и свободою, обезпеченными тѣмъ населеніямъ, которыя всегда были лишены этихъ благъ?

Желательно было бы узнать, какимъ образомъ, внѣ предварительныхъ основаній [1], положенныхъ Санъ-Стефанскимъ договоромъ, желаютъ достигнуть общей цѣли, принимая въ то же время въ должной степени въ расчетъ права, пріобрѣтенныя Россіею тѣми жертвами, которыя она принесла одна, стремясь сдѣлать возможнымъ ея достиженіе?»

Такъ какъ циркуляръ маркиза Салисбюри не заключалъ отвѣта на всѣ эти вопросы, то князь Горчаковъ находилъ, что соображенія, въ немъ изложенныя, могли бы несравненно лучше быть высказаны на конгрессѣ, куда каждый представитель явился бы съ полною свободою обсужденія и дѣйствія, для изысканія практическихъ способовъ разрѣшенія нынѣшнихъ затрудненій, въ видахъ общаго интереса водворенія прочнаго мира на Востокѣ.

Вслѣдъ за симъ была получена первая экспедиція Нелидова [2], посланная изъ Константинополя 3-го (15-го) апрѣля. Князь Горчаковъ далъ Игнатьеву прочесть депеши и спросилъ его мнѣніе о сообщаемыхъ посольствомъ свѣдѣніяхъ. Вслѣдствіе сего Игнатьевъ почелъ долгомъ представить записку канцлеру съ слѣдующими замѣчаніями касательно страннаго для представителя нашей дипломатіи освѣщенія нашего современнаго положенія въ Константинополѣ:

«Отдавая полную справедливость полному безпристрастію [3],

---

[1] Чтобы умиротворить Европу и въ особенности Англію, князь Горчаковъ [illegible] Санъ-Стефанскій договоръ [illegible] интересовъ и достоинства Россіи [illegible] Европы [illegible] былъ Берлинскій договоръ. Авт.

[2] Нелидовъ [illegible] управляя дипломатическою канцеляріею главнокомандующаго и вступивъ въ управленіе посольствомъ въ Перѣ [illegible] Оттоманской. Авт.

[3] Дипломатъ [illegible] какъ посторонній зритель-философъ. Наши дипломаты тщеславятся обыкновенно [illegible] статокъ. Авт.

перемирія! Но если старается выставить турецкіе (не русскіе) войска преградою исполненія главнѣйшихъ условій Санъ-Стефанскаго договора, мнѣ кажется труднымъ принять эту точку зрѣнія.

Императорскій кабинетъ, торопя заключеніемъ мирнаго договора съ Турціею, имѣлъ въ виду поставить конгрессъ въ необходимость считаться не только съ существующимъ, подписаннымъ международнымъ актомъ, но уже отчасти и съ осуществленіемъ его въ дѣйствительности. Если бы мы могли указать Европѣ на совершившійся фактъ: на Болгарію, занятую нашими войсками въ предѣлахъ, означенныхъ трактатомъ, и управляемую поставленными нами властями, очищенныя турками крѣпости и сформированное уже повсемѣстно болгарское войско,—наше положеніе, въ отношеніи къ неприязненнымъ намъ державамъ, было бы несравненно выгоднѣйшимъ, нежели теперешнее.

Туркамъ, какъ справедливо замѣтилъ Нелидовъ, прямая выгода воспротивиться осуществленію этихъ фактовъ. Но имъ еще несравненно болѣе было выгодно вовсе не подписывать и не ратификовать тяжелыхъ обязательствъ. Уже и тогда, при подписаніи договора, рѣчь шла о затрудненіяхъ, которыя возбудять противодѣйствующія намъ державы: англійская эскадра уже стояла на якорѣ у Принцевыхъ острововъ, и тѣмъ не менѣе Порта приняла наши требованія и начала даже приводить ихъ въ исполненіе. Дѣйствительно, Силистрія, Виддинъ, Ада-Кале, Рущукъ, Арчеръ и многіе другіе очищены турками. Переговоры, предшествовавшіе перемирію, когда турки принимали положительно всѣ наши требованія [1]), лишь бы движеніе впередъ нашихъ войскъ было остановлено, спокойный и примирительный тонъ турецкой прессы, возбужденіе общественнаго мнѣнія въ Константинополѣ противъ Англіи, отличныя отношенія, которыя тотчасъ установились между военными властями обѣихъ враждовавшихъ сторонъ, все это выражаетъ дѣйствительное положеніе наше въ минуту подписанія договора. А это положеніе проистекало единственно изъ того факта, что Россія была побѣдоносна, а Турція раздавлена. Этотъ несомнѣнный фактъ столько же, сколько обязательство договора, долженъ былъ обезпечивать исполненіе условій, нами вытребованныхъ отъ Турціи.

Очевидный интересъ англичанъ помѣшать вступленію нашихъ войскъ въ Батумъ и въ Варну долженъ былъ побудить насъ тѣмъ болѣе настаивать на немедленной сдачѣ этихъ крѣпостей.

---

1) Вотъ психологическая минута, упущенная главною квартирою, въ которую можно было потребовать отъ турокъ рѣшительно все, что намъ нужно было, положимъ, напримѣръ, фактическую сдачу Варны, Шумлы и Батума въ обезпеченіе заключенія мира и т. п., или же вовсе не заключать перемирія и продолжать движеніе безостановочно до высотъ Босфора, какъ я предлагалъ государю и съ надеждою на исполненіе чего я отправился въ дѣйствующую армію. — Авт.

Гнетущее давленіе, производимое на Порту [illegible] блеска нашихъ недавнихъ побѣдъ и стояніемъ нашей арміи подъ стѣнами столицы, не могло измѣниться внезапно, съ одного дня на другой [1]. Дѣйствительно, донесенія Нелидова и Ону свидѣтельствуютъ, что противники наши лишь понемногу, мало-по-малу стали поднимать голову. Очевидно, что турки [illegible] -ніемъ дипломатическаго похода, предпринятаго противъ насъ Англіею, и внушеній австро-венгерскихъ. Но надо также [illegible] равномѣрно въ расчетъ то неблагопріятное для насъ впечатлѣніе, которое производитъ въ Турціи и въ Европѣ наше [illegible] бездѣйствіе, въ виду неисполненія договора, [illegible] высочайшею ратификаціею. Хладнокровіе и терпѣніе, которое мы обнаруживаемъ предъ колебаніемъ и [illegible] турокъ, истолковываются нашими противниками не иначе, какъ сознаніемъ нашей слабости, какъ съ точки зрѣнія международнаго права, такъ и съ военной и какъ отреченіе отъ [illegible] ствующаго вліянія.

Разсматривая вопросъ объ очищеніи крѣпостей [2], нельзя [illegible] допустить, чтобы выходъ турецкихъ гарнизоновъ былъ въ какой-либо связи съ очищеніемъ Румеліи нашими войсками [3]. Порта, по сознанію самого Нелидова, положительно не [illegible] нашимъ требованіямъ, и Сафветъ-паша въ разговорѣ, о которомъ [illegible] отчетъ Ону, упоминаетъ объ удаленіи нашихъ войскъ, лишь какъ объ уступкѣ, которую желательно было бы получить. Турецкому правительству извѣстно, что [illegible] нашихъ войскъ [illegible] зано и обусловлено присутствіемъ англійскаго флота.

Нелидову должно было извѣстно [4], что если мы поставили [illegible] договорѣ срокъ для очищенія Румеліи, то это лишь потому, что

---

[1] Нелидовъ и Ону старались объяснить [illegible] Санъ-Стефано [illegible]

[2] Варна, Шумла и Батумъ. [illegible]

[3] Что Нелидовъ [illegible]

[4] Удивительно, что Нелидовъ [illegible]

мы намѣрены были отстранить всякое подозрѣніе въ нашихъ мнимыхъ намѣреніяхъ [1]) не выходить изъ Турціи. Что касается очищенія крѣпостей, то оно должно было послѣдовать немедленно и тѣмъ менѣе подвергалось какому-либо сомнѣнію, что, по сознанію самихъ турокъ, они остались въ Шумлѣ лишь благодаря преждевременному заключенію перемирія.

«Впрочемъ, статья восьмая договора гласитъ формально, что оттоманскія войска не будутъ болѣе находиться въ Болгаріи и всѣ прежнія крѣпости будутъ срыты, а особая нота, подписанная обоими уполномоченными тотчасъ послѣ подписанія договора, требовала ускоренія фактической передачи крѣпостей. Какъ кажется, Порта даже и не отвѣтила еще на это сообщеніе. Неужели нельзя было побороть обычную медлительность турокъ принятіемъ мѣръ, которыя повели бы, несомнѣнно, ко вступленію нашихъ войскъ въ крѣпости, безъ требованія формальной передачи и съ разрѣшеніемъ Портѣ продолжать вывозъ военныхъ припасовъ, тамъ находившихся [2])? Вступленіе англійской эскадры въ Дарданеллы и нашего авангарда въ Санъ-Стефано [3]) явили поучительные примѣры образа дѣйствій, котораго слѣдуетъ держаться съ турками» [4]).

Прискорбно, что мы до сихъ поръ не могли добиться освобожденія всѣхъ сосланныхъ турецкимъ правительствомъ болгаръ, такъ что самые выдающіеся изъ нихъ, между прочимъ прежній экзархъ [5]).

[illegible]нія, и готовъ былъ тотчасъ же отступиться отъ пріобрѣтеннаго нами права предъ софизмами и адвокатскими пріемами тѣхъ, которые заинтересованы были воспрепятствовать исполненію договора. Авт.

[1] Англичане и австро-венгры вмѣстѣ съ поляками, служившими въ турецкихъ рядахъ, распускали слухъ въ Константинополѣ, что мы только для отвода глазъ ведемъ мирные переговоры, а собираемся въ дѣйствительности захватить Царьградъ и не уйдемъ съ Босфора, чѣмъ якобы и вызывается присутствіе англійской броненосной эскадры. Авт.

[2] Графъ Игнатьевъ требовалъ потомъ, до его отъѣзда изъ Санъ-Стефано и до ратификаціи султана, ускоренія турками обязательнаго для нихъ, по договору, очищенія крѣпостей. Съ момента ратификаціи немедленно (безъ всякаго льготнаго срока) очищеніе дѣлалось совершенно обязательнымъ для турокъ. У насъ этимъ не воспользовались. Въ запискѣ Игнатьевъ наводилъ канцлера на мысль приказать [illegible] воспользоваться хотя прежнею нотою нашею и настойчиво повторить требованіе, давъ на исполненіе кратчайшій срокъ, что, несомнѣнно, вывело бы насъ изъ страннаго положенія, въ которое мягкость, безпечность и бездѣятельность главной квартиры насъ поставили. Авт.

[3] Передовыя войска наши прошли чрезъ линію укрѣпленій, занятыхъ турецкими войсками, которыя, такимъ образомъ, раздѣляли нѣкоторое время части нашей арміи. Авт.

[4] Т.-е., другими словами, намъ надо было безъ дальнѣйшихъ околичностей двинуть свои войска въ крѣпости, уступленныя по договору, но еще не очищенныя турками, и непремѣнно занять всю болгарскую границу, введя войска наши въ Македонію. Авт.

[5] Воспитанникъ московской духовной академіи, рукоположенный митрополитомъ Филаретомъ московскимъ, преосвященный Анѳимъ. Авт.

не могли еще вернуться въ Болгарію. Но что еще гораздо хуже, это что еще болгарская милиція до сего времени не сформирована. Если нельзя было приступить къ организаціи ея во всей странѣ, то непонятно, почему не могли образовать войско въ восьми санджакахъ (губерніяхъ), нами давно занятыхъ, гдѣ гражданская администрація нами введена. Дружины, о которыхъ упоминаетъ [1]) Нелидовъ, сформированы еще прежде начала военныхъ дѣйствій и перехода Дуная. Если организація милиціи [2]) дѣло, требующее продолжительнаго времени, такъ тѣмъ болѣе необходимо приступить къ ней безотлагательно».

Такъ какъ главная квартира въ теченіе всего марта и не приступала къ занятію Македоніи и юго-западныхъ границъ Болгаріи,—хотя дѣло это рѣшено было (самимъ главнокомандующимъ, по докладу графа Игнатьева) на другой день послѣ подписанія Санъ-Стефанскаго договора,—то Нелидовъ старался доказать невозможность сего, ссылаясь на сопротивленіе Порты и на опасность возобновленія военныхъ дѣйствій. Вѣроятно, въ этомъ же смыслѣ сдѣланы были прежде представленія Нелидовымъ и начальникомъ штаба генераломъ Непокойчицкимъ, что и привело къ отмѣнѣ главнокомандующимъ объявленныхъ имъ распоряженій. Отвѣчая на эти отговорки, въ запискѣ, поданной канцлеру, Игнатьевъ замѣтилъ, что «при заключеніи мира Порта не только не относилась враждебно къ занятію нами Македоніи, но даже выразила намъ (въ Санъ-Стефано) желаніе, чтобы общественная безопасность была тамъ возстановлена нами. Верховный визирь Ахметъ-Вефикъ оффиціально обратился къ нашимъ уполномоченнымъ [3]) съ жалобою на насилія, чинимыя болгарами надъ мусульманами въ Драмѣ, по Верхнему Вардару и въ другихъ мѣстахъ Македоніи. Весьма прискорбно, что не воспользовались этимъ благопріятнымъ расположеніемъ. Невольно напрашивается вопросъ: неужели нынѣшнее дурное расположеніе оттоманскаго правительства, на которое указываютъ теперь, могло въ дѣйствительности помѣшать намъ занять край, гдѣ не только христіанское населеніе, но и мусульманское ожидало насъ, какъ избавителей отъ неурядицы и безпорядковъ. Приходится скорбѣть, что дождливая погода и поглощающія заботы préoccupations cuisantes въ окрестностяхъ Босфора помѣшали осуществленію командировки г. Хитрово[4]) и породили впечатлѣніе, что для насъ Западная Бол-

---

[1]) Въ оправданіе бездѣятельности главной квартиры. Авт.

[2]) О которой Игнатьевъ не переставалъ хлопотать, къ крайнему неудовольствію лицъ, желавшихъ почивать на лаврахъ въ Константинополѣ и Санъ-Стефано. Авт.

[3]) 15-го февраля. Авт.

[4]) Назначеннаго, передъ отъѣздомъ Игнатьева въ Санъ-Стефано, гражданскимъ комиссаромъ въ западную часть края, гдѣ онъ прежде долго былъ консуломъ, и

ція потеряна. Борьба и схватки между болгарами и мусульманами въ Македоніи, о которыхъ упоминается, должны были побудить насъ положить какъ можно скорѣе конецъ этому тяжостному положенію населенія вступленіемъ нашихъ войскъ. Непонятно, почему, какъ утверждаетъ Нелидовъ, вступая въ Македонію, мы создали бы тамъ анархію и почему мы теперь встрѣтили бы болѣе затрудненій установить тамъ миролюбиво гражданское туземное управленіе, чѣмъ въ разгарѣ войны, когда не нашли это затруднительнымъ наши генералы въ Софіи, Филиппополѣ и Адріанополѣ. Вообще не намъ подобаетъ и не въ нашихъ интересахъ смотрѣть въ Константинополѣ, подобно Нелидову, на Санъ-Стефанскій договоръ, какъ на документъ, остатки котораго надо спасать. Даже если обстоятельства могутъ заставить насъ когда-либо допустить, для соблюденія европейскихъ интересовъ, нѣкоторыя въ немъ перемѣны, то это вовсе не измѣняетъ того обстоятельства, что договоръ этотъ нынѣ совершенно обязателенъ, во всѣхъ своихъ подробностяхъ, для обѣихъ договаривающихся сторонъ и составляетъ единственную основу нашихъ сношеній съ Турціею» [1].

Вотъ какого рода истины приходилось Игнатьеву защищать предъ императорскимъ правительствомъ и главною квартирою дѣйствующей арміи уже чрезъ мѣсяцъ послѣ заключенія Санъ-Стефанскаго договора. Что удивительнаго, что противникамъ нашимъ и завистникамъ такъ легко удалось отъ него отдѣлаться и лишить насъ выгодъ и пользы, договоромъ предоставленныхъ Россіи, заставить нашихъ дипломатовъ смотрѣть на Берлинскій трактатъ, какъ на нѣчто для насъ удовлетворительное. Очевидно, что Игнатьеву трудно было оставаться на дипломатической службѣ, когда даже бывшіе его ближайшіе пособники, какъ Нелидовъ и Ону, сбились до того съ толку, что, увлекаясь мелкими личными соображеніями, желали лишь покоя и готовы были угождать иностранцамъ, отдѣлываясь отъ тяжелой и непріятной обязанности постоянно бороться исключительно за русскіе интересы (а не европейскіе), за сохраненіе первенствующаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ и связи нашей съ нашими братьями на Востокѣ. При желаніи отречься отъ славянъ, уступать постоянно Европѣ, избѣгать всего, что можетъ быть ей непріятно, Игнатьеву уже не могло быть мѣста въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ: въ Константинополѣ онъ служилъ бы лишь жи[...]укоромъ и постоянною помѣхою для лицъ, окружавшихъ главноко[ман]дующаго и вліявшихъ

который долженъ былъ сопровождать вой[ска] генерала Скобелева, при занятіи имъ края. Авт.

[1]) Переводъ съ записки, написан[ной] на французскомъ языкѣ. Авт.

на его воззрѣнія. Этимъ объясняется порученіе, данное его высочествомъ князю Имеретинскому, отправленному въ Петербургъ: ему приказано было добиться того, чтобы Игнатьевъ не возвращался болѣе въ Константинополь для приведенія въ исполненіе Санъ-Стефанскаго договора, и доложить государю, что присутствіе его усложнило бы положеніе и испортило бы отношенія [1]) его высочества съ султаномъ и дипломатическимъ европейскимъ корпусомъ. При этомъ главнокомандующій, судя по переданному Игнатьеву самимъ княземъ Имеретинскимъ, не постыдился принять на вѣру всѣ клеветы, которыя противники русскаго вліянія на Босфорѣ и личные завистники графа Игнатьева въ безсильной злобѣ давно и тщетно распускали противъ него, не достигая желаемаго результата, въ самомъ Константинополѣ и между славянами и которыя онъ считалъ ниже своего достоинства брать въ расчетъ и опровергать, продолжая дѣйствовать неукоснительно, настойчиво и твердо, опираясь лишь на свою спокойную предъ государемъ и Россіею совѣсть. Онъ сознавалъ, что исполняетъ свой долгъ и что враги, не имѣя возможности подорвать пріобрѣтенное имъ нравственное положеніе, силились лишь набросить тѣнь на правдивость его дѣйствій и словъ, безъ всякихъ доказательствъ, разсчитывая на легкомысліе или слабоуміе тѣхъ, которые вѣрятъ голословнымъ и коварнымъ внушеніямъ, безъ добросовѣстной провѣрки фактовъ.

Вскорѣ послѣ того послѣдовало назначеніе товарища министра внутреннихъ дѣлъ князя Лобанова-Ростовскаго посломъ въ Константинополь, и, при объявленіи Игнатьеву о томъ государемъ, его величество изволилъ выразить желаніе, чтобы Игнатьевъ сообщилъ своему преемнику всѣ полезныя для исполненія его обязанностей свѣдѣнія и указанія. Игнатьевъ свято исполнилъ этотъ долгъ, стараясь облегчить князю Лобанову предстоящую ему дѣятельность и при томъ, не довольствуясь словесными объясненіями, составилъ записку на французскомъ языкѣ для него и для министерства иностранныхъ дѣлъ, подъ заглавіемъ: «Матеріалы для инструкцій». Содержаніе записки слѣдующее:

«Договоры, связывавшіе насъ съ Турціею, упразднены войною. Прелиминарныя договорныя условія, заключенныя въ Санъ-Стефано, образуютъ единственное основаніе нашихъ сношеній съ оттоманскимъ правительствомъ. Возможность введенія нѣкоторыхъ измѣненій въ постановленіяхъ этого договора, для приданія ему характера окончательнаго европейскаго соглашенія, нисколько не уменьшаетъ его значенія и сп[illegible]ъ настоящую минуту онъ, несомнѣнно, и вполнѣ обязат[illegible]лъ, во [illegible]мъ своемъ объемѣ, для договорившихся сторонъ.

---

[1]) Хороши были отношенія, давшія ль[illegible] отрицательные результаты и дозв[illegible]тія туркамъ и европейскимъ дипломатамъ провести насъ за носъ. Авт.

На другой день послѣ подписанія договора [1]) русскіе уполномоченные требовали отъ турецкихъ уполномоченныхъ, офиціальною нотою, скорѣйшаго исполненія очищенія крѣпостей и передачи ихъ русскимъ войскамъ. Савфетъ-паша, не оспаривая принципа, отвѣтилъ, что для опредѣленія подробностей послѣдняго срока передачи крѣпостей Порта ждетъ лишь отвѣтныхъ донесеній комендантовъ о времени, потребномъ для вывоза всего военнаго матеріала. Въ тотъ же день была вручена мною Савфету-пашѣ и Садулла-бею памятная записка, при семъ прилагаемая [2]), о тѣхъ вопросахъ, вытекающихъ изъ нашего договора, по которымъ слѣдуетъ еще пріити къ соглашенію касательно способа и подробностей исполненія. Турки начали принимать мѣры для очищенія крѣпостей, и нѣкоторыя части войскъ были уже выведены изъ Шумлы и Варны.

Комиссія русскихъ офицеровъ была даже послана въ Шумлу для принятія крѣпостныхъ верковъ, когда новыя инструкціи Порты [3]) измѣнили расположеніе комендантовъ и пріостановили исполненіе.

Касательно Батума было условлено между Реуфомъ-пашою и Игнатьевымъ, что разграниченіе наше въ Азіи начнется съ этого пункта, и весьма прискорбно, что къ этому дѣлу не было тотчасъ приступлено [4]), что положило бы тотчасъ конецъ всякому колебанію и отвиливанію турокъ. При отъѣздѣ Реуфа-паши изъ Петербурга въ Константинополь ему была вручена графомъ Игнатьевымъ прилагаемая памятная записка [5]), и сераскиръ, уполномоченный султаномъ договориться съ нами объ исполненіи Санъ-Стефанскаго договора, снявъ съ нея копію, обязался представить оную султану и добиться отъ Порты приказанія мѣстнымъ властямъ въ смыслѣ нашихъ требованій и толкованія.

«Изъ вышеупомянутаго явствуетъ, что оттоманское правительство пріостановилось въ приведеніи въ исполненіе договора и начало создавать намъ затрудненія лишь подъ гнетомъ иностранныхъ вліяній, съ одной стороны, и замѣтивъ, съ другой, наши колебанія и нашу неувѣренность въ собственномъ правѣ. Дѣйствительно, съ той минуты, какъ мы перестали настаивать на постановленіяхъ, клонившихся къ нашей выгодѣ, Порта ничего лучшаго, конечно,

---

[1]) До ратификаціи султана, послѣ которой очищеніе крѣпостей безъ срока, а немедленно, сдѣлалось для турокъ обязательнымъ. Авт.

[2]) Она упоминается выше. Авт.

[3]) Составленныя, очевидно, по наущенію европейскихъ враговъ нашихъ, въ особенности Англіи и Австріи. Авт.

[4]) Какъ я предполагалъ, просилъ и уговаривалъ министра иностранныхъ дѣлъ, желая, чтобы разграничительныя работы между Россіею и Турціею начались безотлагательно, чрезъ двѣ недѣли послѣ подписанія договора, т. е. задолго до конгресса. Авт.

[5]) Эта записка, въ переводѣ, помѣщена при изложеніи пребыванія Реуфа-паши въ Петербургѣ. Авт.

не шапла, какъ, воспользовавшись симъ, возбуждать безконечныя проволочки и отговорки. Одновременно всѣ усилія англійскихъ интригъ, а, можетъ быть, и австро-венгерскихъ, были направлены на пріостановленіе исполненія именно тѣхъ статей договора, которыя, завися единственно отъ согласія обѣихъ договаривающихся сторонъ, создали бы совершившіеся факты, невыгодные или опасные для нашихъ противниковъ. Наконецъ, европейскія дипломатическія усложненія и въ особенности циркуляръ Салисбюри возбудили въ туркахъ надежду получить возможность воспользоваться общимъ столкновеніемъ, чтобы отмѣнить то, что было имъ неблагопріятно, и воспрянуть послѣ подавившаго ихъ пораженія.

«Попытка Порты поставить нынѣ передачу намъ крѣпостей въ зависимость отъ очищенія нашими войсками Румеліи не заслуживаетъ серьезнаго опроверженія. Всякому извѣстно, что близость нашихъ войскъ къ Константинополю вызвана присутствіемъ англійской эскадры. Впрочемъ, постановленія договора, касающіяся сего предмета, весьма ясны. Статья VIII выражается опредѣлительно, что «оттоманскія войска не будутъ болѣе находиться въ Болгаріи». Очищеніе же Румеліи находится въ зависимости отъ заключенія окончательнаго мира, и ясно для каждаго, что никакой связи между этими двумя вопросами, совершенно одинъ отъ другого не зависящими, быть не можетъ.

«По международному праву постановленія Санъ-Стефанскаго договора подлежали безусловному исполненію съ минуты ратификаціи, за исключеніемъ лишь статей, спеціально оговоренныхъ и предоставленныхъ общему европейскому соглашенію при заключеніи окончательнаго договора.

«Настаивая на немедленномъ очищеніи турками крѣпостей, мы могли бы возстановить необходимость для нашихъ войскъ получить приличныя, болѣе удобныя помѣщенія и не продолжать бивуачной жизни въ мирное время, а также своевременность для турецкаго правительства покинуть, безъ дальнѣйшаго отлагательства, тѣ мѣстности, которыя, во всякомъ случаѣ, не будутъ уже находиться подъ непосредственнымъ владычествомъ Порты. Мы могли бы согласиться на очищеніе Эрзерума лишь въ обмѣнъ на передачу намъ Шумлы и Варны. Турецкое правительство, которое дѣлало всегда все отъ него зависящее, чтобы не осуществить или отдалить вынужденное исполненіе не только торжественнаго хатти-хумаюна 1856 года, но даже обыкновенныхъ приговоровъ, выдаваемыхъ въ пользу иностранныхъ подданныхъ, не упуститъ, несомнѣнно, случая возбудить вопросы о введеніи измѣненій въ нашъ договоръ. Русскіе уполномоченные, на всѣ замѣчанія въ этомъ смыслѣ турецкихъ сановниковъ, отвѣчали, что успѣхъ подобныхъ ходатайствъ будетъ зависѣть отъ великодушнаго расположенія государя императора.

«Рауфъ-паша попытался испросить въ Петербургѣ сокращенія размѣровъ денежной контрибуціи, наложенной на Турцію, и измѣненія границъ болгарской и азіатской. Всякое измѣненіе граничныхъ очертаній, опредѣленныхъ договоромъ въ Европѣ, было наотрѣзъ отвергнуто. Что касается Азіи, то ему дано было понять въ Петербургѣ, что въ Алашкертской долинѣ могутъ быть сдѣланы измѣненія лишь въ томъ случаѣ, если Хотуръ [1]) будетъ безотлагательно переданъ персіянамъ и вообще если Порта докажетъ намъ свою искренность, свою вѣрность и полную готовность немедленно исполнить всѣ безъ исключенія постановленія договора, а также будетъ безукоризненно вести себя въ отношеніи къ намъ на конгрессѣ [2]). При такомъ поведеніи Порты мы могли быть не только снисходительны къ ней, но и оказать ей дѣйствительную поддержку противъ иностранныхъ притязаній, если бы Турція стала открыто на нашу сторону, какъ она это сдѣлала послѣ войны 1828—1829 г.г. Но, пока Порта вооружается, принимаетъ враждебное намъ положеніе и не исполняетъ самыхъ существенныхъ постановленій договора; когда она, не осуществивъ обѣщаній, данныхъ намъ здѣсь Рауфомъ-пашою, напротивъ, смѣнила его по возвращеніи изъ Петербурга, не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо облегченіяхъ или уступкахъ съ нашей стороны. Нынѣ необходимо добиться, во что бы то ни стало, слѣдующаго:

«1) Немедленнаго очищенія крѣпостей и всей территоріи, предназначенной Болгаріи.

«2) Освобожденія или возвращенія всѣхъ болгаръ, заключенныхъ и сосланныхъ.

«Во всѣхъ затрудненіяхъ Порта не предъявляла существенныхъ возраженій, но прибѣгала къ своему обычному пріему—оттягивать безконечно исполненіе. Освобожденіе и возвращеніе заключенныхъ и сосланныхъ болгаръ должно быть совершено подъ наблюденіемъ представителей ихъ соотечественниковъ съ тѣмъ, чтобы лучшіе изъ нихъ не были задержаны подъ какимъ-либо предлогомъ и не пропали.

Разграниченіе Болгаріи оживитъ притязанія грековъ, и намъ необходимо попытаться перетянуть ихъ на свою сторону, доказавъ имъ, что ихъ интересы намъ также близки къ сердцу и ими мы вовсе не желаемъ жертвовать.

---

[1]) Это дѣлалось съ цѣлью привязать Персію къ Россіи и обезсилить англійскія интриги, противъ насъ направленныя. Авт.

[2]) Всякая уступка наша должна была, по моему мнѣнію, быть куплена у Россіи соотвѣтствующею цѣною, и даромъ мы не имѣли права ничего отдавать ни Турціи, ни Англіи, ни Австро-Венгріи. Князь Горчаковъ, напуганный донесеніями графа Шувалова и возможностью столкновенія съ Англіею изъ-за новой азіатской границы нашей, тотчасъ же хотѣлъ отступиться отъ Баязета и Алашкерта, что онъ и заявилъ графу Игнатьеву при второмъ свиданіи его, по прибытіи изъ Санъ-Стефано. Авт.

«Статья XV договора выговариваетъ въ пользу областей съ греческимъ населеніемъ особое устройство, съ введеніемъ органическаго устава, подобнаго провозглашенному въ 1868 году на островѣ Критѣ, соображеннаго съ желаніями мѣстнаго населенія и примѣненнаго къ мѣстнымъ потребностямъ. Эти выраженія предоставляютъ достаточно широкое толкованіе, чтобы достигнуть довольно полной автономіи. Отъ добраго расположенія державъ будетъ теперь зависѣть предоставить грекамъ такое мѣстное устройство, которое обезпечивало бы имъ благосостояніе. Съ своей стороны, мы съ удовольствіемъ присоединимся ко всѣмъ предложеніямъ, клонящимся къ достиженію этой цѣли.

«Уклоненіе грековъ отъ участія въ борьбѣ противъ Турціи и ихъ слишкомъ позднее выступленіе лишили насъ возможности сдѣлать для нихъ больше, ибо при веденіи переговоровъ въ Санъ-Стефано мы могли считаться лишь съ совершившимися фактами.

«Какъ кажется, греки начинаютъ удостовѣряться, что они были обмануты англичанами.

«Сабуровъ указываетъ на то, что общественное мнѣніе склоняется въ нашу пользу. Желательно, чтобы мы сумѣли воспользоваться впечатлительною измѣнчивостью характера эллиновъ. Если греки не будутъ враждебны намъ и своимъ славянскимъ единовѣрцамъ на Балканскомъ полуостровѣ, они всегда будутъ имѣть возможность воспользоваться благопріятною минутою для достиженія своихъ завѣтныхъ желаній. Мы, слѣдовательно, должны стараться въ Константинополѣ ихъ успокоить и уменьшить существующую. къ сожалѣнію, вражду между ними и болгарами. Наше вліяніе должно быть чувствительно въ особенности въ религіозномъ вопросѣ.

«Дѣйствительно, греки употребили провозглашеніе схизмы помѣстнымъ соборомъ ихъ іерарховъ, какъ оружіе противъ территоріальнаго распространенія болгаръ. Болгарская схизма теряетъ политическую причину своего существованія съ минуты созданія Болгаріи въ извѣстныхъ предѣлахъ. Для грековъ несравненно выгоднѣе уничтожить эту причину постоянной вражды и борьбы въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ, вошедшихъ въ составъ Болгаріи: она отразится неблагопріятно на греческомъ меньшинствѣ. Съ чисто духовной точки зрѣнія «орасъ», т. е. рѣшеніе собора, направленъ былъ противъ церковнаго «филетизма», т. е. противъ допущенія особаго церковнаго управленія, основаннаго лишь на народномъ началѣ, безъ опредѣленія границъ епархіальнаго управленія; но разъ Болгарія создана въ точно опредѣленныхъ границахъ, константинопольскій патріархатъ можетъ признать существованіе болгарской церкви на томъ же основаніи, какъ призналъ русскую, румынскую и эллинскую. Вселенскій патріархатъ долженъ былъ стать выше мѣстныхъ, національныхъ вопросовъ и взять на себя почипъ соглашенія, вынужденнаго обстоятельствами.

Онъ вышелъ бы такимъ образомъ изъ затруднительнаго положенія и могъ бы разсчитывать не только на нашу нравственную и матеріальную поддержку, но и на болгарскую.

Вознагражденія, выговоренныя въ пользу русскихъ подданныхъ статьями XIX и XX договора, предназначаются для покрытія потерь, причиненныхъ не только въ спорныхъ дѣлахъ съ Портою, но и военными дѣйствіями. Частныя требованія должны быть разсмотрѣны въ специальной комиссіи, составленной изъ двухъ негоціантовъ и одного чиновника посольства. Предоставляя право апеллировать (жаловаться) министру иностранныхъ дѣлъ, комиссія эта разсмотритъ и обсудитъ основательность принесенныхъ жалобъ и прошеній.

Для сокращенія требованій, на обязанности прокурора при комиссіи будетъ возложено вести словопренія съ адвокатами заинтересованныхъ лицъ, съ тѣмъ, чтобы измѣненія, которымъ подвергнутся ихъ домогательства, могли бы быть обставлены основательными доводами. Что касается учрежденій, о которыхъ упоминается въ статьѣ XIX, то при составленіи этой статьи имѣлся въ виду константинопольскій русскій госпиталь св. Николая, капиталъ котораго, бывшій въ турецкихъ фондахъ, былъ почти уничтоженъ финансовымъ распоряженіемъ Порты. Первоначально шла рѣчь о возвращеніи Турціею полностью этого капитала. Но турецкіе уполномоченные, согласившіеся на сіе въ принципѣ, побоялись создать основаніе для подобныхъ же требованій со стороны богоугодныхъ и человѣколюбивыхъ учрежденій другихъ національностей, потерпѣвшихъ отъ паденія цѣнности фондовъ; во вниманіе къ сему обстоятельству было рѣшено, что Порта возвратитъ потери нашего госпиталя изъ ассигнованной общей суммы въ 10 милліоновъ. Точный размѣръ понесенной потери можетъ быть опредѣленъ при разсмотрѣніи отчетности госпитальныхъ суммъ. Съ возстановленіемъ сихъ послѣднихъ въ прежнемъ размѣрѣ слѣдуетъ помѣстить ихъ въ государственныхъ русскихъ бумагахъ.

Статья XXII доставляетъ намъ отнынѣ право офиціально покровительствовать нашему духовенству и нашимъ духовнымъ учрежденіямъ на Востокѣ. Право это до сихъ поръ могло оспариваться, ибо не имѣло договорнаго основанія. Пользу того могутъ ощутить въ особенности наша духовная миссія въ Палестинѣ, русскіе монастыри и вообще русскіе монахи, проживающіе на Аѳонѣ.

Посольство должно наблюсти, чтобы турецкія власти не затрудняли турецкихъ подданныхъ, въ пользу которыхъ выговорена статья XXVII. Пока Порта не приведетъ въ исполненіе реформъ въ Азіи, упомянутыхъ въ статьѣ XVI, выходъ изъ Турціи христіанскихъ [1])

---

[1]) Преимущественно армянъ. Авт.

семействъ въ Россію можетъ быть гораздо значительнѣе, нежели предполагали первоначально».

Записка эта была вручена графомъ Игнатьевымъ канцлеру передъ составленіемъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ инструкціи новому послу и прочтена Игнатьевымъ князю Лобанову передъ отъѣздомъ его изъ Петербурга. Судя по дѣятельности нашего посольства съ апрѣля 1878 года, сомнительно, чтобы преемники Игнатьева усвоили воззрѣнія его не только на характеръ сношеній съ Портою и турецкими властями, но и на отношенія къ христіанскимъ народностямъ Востока, а равно и на защиту русскихъ духовно-нравственныхъ и матеріальныхъ интересовъ.

